Т35
К-5 754

ТЕРЕНТЬЕВ

ДУХОВНОЕ и НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

АКАДЕМИКА М.Р. ФЕДОТОВА

Книга 2

Национальная библиотека ЧР
k-058752

Обязательно. К72.96:81
Т35

В.М. ТЕРЕНТЬЕВ

ДУХОВНОЕ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА М.Р. ФЕДОТОВА

Книга 2

Чебоксары
«Новое Время»
2011

УДК 001
ББК 72 г Федотов М.Р.
Т 35

Рецензенты:

М.И. Скворцов, *заслуженный деятель науки ЧР доктор филологических наук, профессор Чувашского республиканского института образования.*

И.В. Мукина, *кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р.Федотова ЧГУ им. И.Н.Ульянова.*

Под редакцией ***А.П. Хузангая***

Редакционная коллегия: ***В.И. Сергеев, М.И. Скворцов, Н.И. Егоров, И.В. Мукина***

Книга издана на средства учредителя Благотворительного фонда им. академика М.Р. Федотова Чувашской Республики – **М.И. Федотова.**

Т 35 **Терентьев В.М.**
Духовное и научное наследие академика М.Р. Федотова. – Чебоксары: «Новое Время», 2011. – 576 с.

В книгу из серии «Духовное наследие академика М.Р. Федотова» включены материалы, опубликованные в периодической печати статьи, дневниковые записи и рецензии знаменитого чувашского языковеда, ученого-тюрколога, которого по праву называли «Корифеем современной тюркологии».

Основную часть книги занимают научные статьи и рецензии академика М.Р. Федотова, увидевшие свет в научных академических журналах «Известия АН СССР», «Советская тюркология» и «Советское финно-угроведение».

Книга рассчитана на аспирантов, студентов вузов и на широкий круг читателей, интересующихся вопросами этногенеза, истории, социологии, политологии, культуры и языкознания.

К-58752

© Терентьев В.М., 2011

Проверено 25 МАЙ 2017

«...История чувашского языка с древнейших времен – это в какой-то мере и есть история многострадального чувашского народа».

Академик М.Р. Федотов

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Работая над книгой «Духовное наследие академика М.Р. Федотова», я продолжал собирать материалы. Тогда и не мог подумать, даже помечтать, что его духовное наследие займет три тома. Материалов для первой книги было предостаточно. Объем первой книги был так велик, что мне пришлось исключить целые главы.

Когда сдал в печать первую книгу, уже много материалов накопилось и для следующей книги. Останавливаться на одной книге, мне казалось, делом незавершенным. Я хотел, чтобы многие ученые, а также простые люди поняли и с достоинством оценили его труды. Поэтому останавливаться в начале пути было бы неуважительно по отношению к Ученому и самой Личности Михаила Романовича Федотова.

По словам профессора В.Г. Родионова, ведь Михаил Романович был не только знаменитым филологом, тюркологом. В издательстве ЧГУ мы выпустили книгу под рубрикой «Памятники словесности», куда вошли литературно-публицистические труды М.Р. Федотова. Именно тогда воочию представили, каким он был великим ученым, и не только филологом. Он был Ученым большого масштаба, был разносторонне одаренным человеком: и социологом, и политологом, и культурологом, и историком чувашского языка и переводчиком художественной литературы.

Мне хочется добавить к его словам, что академик М.Р. Федотов был и исследователем религий разных народов, он много писал об истории христианской церкви. И как ученый, и как философ-богослов очень много размышлял о доктринах Библии.

Профессор Н.И. Егоров поддержал меня, чтобы я не останавливался на одной книге, а продолжал исследовать наследие академика. Он рассказал, что у Михаила Романовича очень много научных статей и рецензий, опубликованных в научных академических журналах: «Известия АН СССР», «Советское финно-угроведение» и «Советская тюркология». Тогда Николай Иванович и посоветовал: «Книга пусть так и называется – «Духовное наследие академика М.Р. Федотова», а в скобках дополнительно отмечайте (научное наследие)». Я, прислушиваясь совету про-

фессора, так и поступил. Жил и работал единственной мыслью: «Вот бы все это научное наследие из разных журналов собрать в одну книгу и опубликовать! Как было бы хорошо».

Данная книга, по счету уже вторая, состоит из двух частей. Первая часть книги «Научное наследие академика М.Р. Федотова» содержит три главы.

В первой главе «О родном языке» собраны статьи академика М.Р. Федотова, опубликованные в периодической печати, освещающие вопросы родного языка, литературы и культуры родного края, охватывающие историю взаимоотношений разных народов Поволжья и Урала с древнейших времен и до наших дней.

Во вторую главу «Ойконимы и топонимы» включены статьи М.Р. Федотова, поясняющие происхождение названий городов, сел, деревень, местностей, рек и озер.

В третьей главе – «Чувашский язык в кругу тюркских и финно-угорских языков» (научные статьи и рецензии, опубликованные в журналах «Известия АН СССР», «Советская тюркология» и «Советское финно-угроведение») – представлены статьи и рецензии академика М.Р. Федотова, освещающие вопросы языкознания, происхождения народов, взаимоотношений чувашского и других народов Поволжского региона. Эта глава составляет значительную часть книги, хотя и не все статьи и рецензии академика, опубликованные в академических научных журналах, были в нее включены. Это было связано с трудностью передачи и отображения древнебулгарских букв и знаков. С сыном Даниилом нам приходилось много потрудиться на компьютере, чтобы находить древнебулгарские буквы и символы, и если не могли их найти, то самим приходилось изобретать и писать нужные знаки.

Вторая часть книги называется «О духовном». Она также состоит из трех глав.

В четвертой главе «Просветитель И.Я. Яковлев и проблемы современной системы образования» рассматривается система просвещения Учителя и Патриарха чувашского народа И.Я. Яковлева в сравнении с современной образовательной системой США. А также поднимаются вопросы и проблемы современной системы образования в России.

В этой главе также даются сведения об открытии «Благотворительного фонда имени академика М.Р. Федотова Чувашской Республики».

В пятую главу включены воспоминания об академике М.Р. Федотове очевидцев, которые были лично знакомы и общались с ним: ученые, деятели культуры и литературы. Сюда же включены воспоминания родных и близких, коллег и его учеников.

В шестой главе представлены по крупицам собранные материалы о родословии Федотовых, начиная от прадедушки Федот Федотовича и до племянников Михаила Романовича Федотова. Она называется «Генеалогическое древо – древо жизни родословий».

В приложении к книге также включены древо жизни родословий Утривановых-Терентьевых.

Выражаю искреннюю благодарность профессорам Н.И. Егорову, В.И. Сергееву, М.И. Скворцову и кандидату филологических наук, доценту И.В. Мукиной за своевременные присланные рецензии и за добрые советы при подготовке книги.

Также благодарен А.П. Хузангаю и Г.В. Мурзиной за редактирование и за полезные советы, за их добрые сердца, что всегда откликаются на помощь.

Особо благодарен учредителю «Благотворительного фонда имени академика М.Р. Федотова Чувашской Республики» – Михаилу Ивановичу Федотову за спонсорскую помощь.

Владимир Терентьев,
кандидат философских наук,
директор «Благотворительного фонда
им. академика М.Р. Федотова
Чувашской Республики»

ОТ РЕДАКТОРА

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

1. ФЕДОТОВ – KŰL, BILGÄ KAGAN

Научное творчество М.Р. Федотова представляет собой словно расходящиеся круги, которые охватывают собой все более широкие пространства в соответствии с расширением окоема мысли самого исследователя. Мысль эта о родном Языке, его истории и булгаро-тюркском корне, о месте родного языка в кругу других близкородственных, соседних и дальних языков... Труды Федотова подтвердили весомо и зримо, что заниматься темой «Булгаро-чувашский язык в Евразийском геополитическом пространстве в последние два тысячелетия» (Н.И. Егоров) надо с привлечением огромного по объему лингвистического материала, во всеоружии метода, подтверждая и доказывая для нашей чувашской ситуации простую и одновременно сложную истину: «История чуваш – это, прежде всего, свидетельство языка, а происхождение слов есть ключ к происхождению народа и показ долгого исторического пути, им пройденного...».

У нас очень мало других древних свидетельств о нашем прошлом – камней, археологических памятников, письменных источников, сочинений древних авторов и т.д. И потому чувашский язык приоритетен во всех наших размышлениях по поводу нас самих. Важное место он занимает в отечественных и зарубежных публикациях, касающихся истории тюркских и, шире, алтайских языков. Так, одна из самых кардинальных работ Густава Йохана Рамстедта (1873–1950), основоположника наряду с Н.Н. Поппе классической алтайской теории, обосновывающей родство тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, а также японского и корейского, называется «Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen» (1922) – «К вопросу о месте чувашского языка», где он обосновывает роль чувашского языка как связующего звена между тюркскими и монгольскими языками. Всего 34 странички, но по своему значению для тюркологии и

алтаистики она стала своего рода «теорией относительности». В 20-е же годы, исходя из чувашских данных, свои первые алтаистические работы публиковал Н.Н. Поппе.

На их работы, а также исследования других классиков тюркологии, уралистики и алтаистики – В.В. Радлова, В. Томсена, М. Рясенена, У. Вихманна, Х. Паасонена, З. Гомбоца, С.Е. Малова, Б.А. Серебренникова, Н.А. Баскакова – опирался профессор М.Р. Федотов, и они стали доступны чувашскому читателю, вошли в научный оборот чувашской филологии, в его переложении, в том, как он развивал их идеи, подкреплял новым материалом родного чувашского языка.

Про М.Р. Федотова часто говорили, что он был необычайно целеустремлен и последователен. Что ж, это действительно так. Окидывая ретроспективно сумму его трудов, видишь определенную логику. Начав собственно с чувашского языка (систематизация средств выражения модальности), он обращается к изучению этнокультурных связей чувашского языка с языками наших ближайших соседей – марийцев, других угро-финнов Поволжья и Перми. Надо было прояснить эти отношения и определить хронологию перекрестных заимствований и взаимовлияний, которые имели со времени обоснования государства Волжской Булгарии (VIII–IX вв.) с тем, чтобы иметь представление о языковой ситуации того периода. Далее, ученый обращается к чисто тюркской проблематике в поисках наших далеких тюркских корней. Первоначально это было вызвано насущной необходимостью введения тюркологических дисциплин в университетский учебный процесс. Он с жаром принимается за новое дело. Читает курсы древнетюркского языка, введения в тюркологию, сравнительной грамматики тюркских языков, истории чувашского языка, а также создает по ним учебные пособия – полный комплект тюркологического цикла на чувашском языке. Также как знание латыни и древнегреческого для филолога западной (европейской) школы или старославянского для русистов было нормой, то и настоящий чувашевед (потенциальный тюрколог) не может войти в большой тюркский мир (büyük türk dunyasi), не познакомившись хотя бы с азами фонетики и грамматического строя древнетюркского языка, с основами рунического письма. Это было нелегко для студентов, мало что видевших далее око-

лицы родного *яла*, но все равно с уважением и почтением они называли Михаила Романовича каганом...

Можно сказать, что именно он открыл для студентов, да и вообще в чувашской филологии, неоранное поле сравнительно-сопоставительных чувашско-тюркских и чувашско-финно-угорских штудий. Хотя, конечно, были и Н.И. Золотницкий, Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров. Но в урало-алтаистическом направлении выстроил их именно М.Р. Федотов. Его фундаментальные труды в своей совокупности представляют собой обширное введение в булгаро-чувашско-тюркскую филологию, своего рода Porta Linguae Tschuvaschicae, врата чувашского языка. Внимательный читатель всегда найдет в них пищу для ума, ту точку, от которой хочется продолжить самостоятельный поиск.

Для М.Р. Федотова каждое слово чувашского языка – будь то апеллятив или оним – словно маленький драгоценный камень, в котором сокрыта некая тайна истории языка и родного народа. И он как Мастер, как лингвист-профессионал, огранивает этот камень, чтобы он сверкнул своими гранями при свете солнца. Отсюда его пристрастие к историко-этимологическим этюдам, которые щедро разбросаны по его трудам, не говоря уж о двухтомном «Этимологическом словаре чувашского языка», выдержавшего два издания (1996, 2002).

Во Введении к своей другой обобщающей работе «Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика» (1996) есть одна чрезвычайно любопытная мысль, на которой нам хотелось бы остановиться: «Булгарская эпиграфика VII–XIV вв. для науки о языке является как бы «первотекстом» со своим составом фонем и граммем. При всех хронологических и прочих различиях булгарский язык памятников и современный чувашский язык в целом сохраняют свое тождество» (с.16). Она была важна для ученого, и он много отдал сил и энергии полемике с оппонентами.

Вероятно, таким же «первотекстом» для М.Р. Федотова были тюркские рунические памятники VII–IX вв., изданные в свое время В.В. Радловым и С.Е. Маловым, а настольной книгой «Древнетюркский словарь» (1969), аккумулировавший лексику этих и других древнетюркских памятников.

Относительно эпитафий волжских булгар скажем, что даже если это Текст (фиксация фонем, отдельные лексемы, редкие грамматические формы и синтагмы все же, действительно, позволяют составить представление о среднебулгарском языке), то он был освящен мусульманским обычаем и каждая эпитафия как реальный канонический текст была обращена от имени усопшего к Аллаху. Что означает лишь некий фрагмент языковой и, шире, духовной картины мира чуваш (мусульманский элемент в ней несомненно присутствовал, о чем мы можем судить по теонимии, иной чувашской сакральной лексике), формировавшейся на протяжении не менее двух тысячелетий.

Текст безусловно важен. В постмодернистской художественной и научной традиции считается, что «Текст в истории не «вторичен», текст не фиксирует, а обеспечивает положение вещей. Он не просто порождает отношение к «реальности» или какие-то фрагменты «реальности», а саму мировую гармонию – равновесие греха и воздаяния и точку зрения Бога. Не точка зрения Бога («Логос») обеспечивает существование текста. Бог и текст соотносятся как два любых текста» (В. Курицын. Русский литературный постмодернизм. – М.: ОГИ, 2000. – С.161).

В идеале цельный чувашский прото-Текст может быть реконструирован из собственно языковых, культурно-антропологических, фольклорных, археологических и иных источников и по своей временной глубине он будет относится где-то к середине 1-го тысячелетия до н.э. Именно такую цель, как нам представляется, ставит перед собой и ясно видит ее верный ученик М.Р. Федотова Н.И. Егоров (см. в настоящем сборнике нашу статью «Hura Suhal, vaskamasăr Es – vaska»).

Как kül bilgä Kağan Михаил Романович рачительно распоряжался чувашским языковым «хозяйством» и ничего не оставлял без внимания. Помимо своих академических исследований и университетского преподавания он был чуток на веяния времени и живо откликался на актуальные культурологические проблемы, часто публиковался на страницах республиканских газет и журналов, высказываясь о наболевшем.

В своей жизни и научном творчестве, как мы видим сейчас, М.Р. Федотов придерживался принципа, который был хоро-

шо сформулирован в тюркской дидактической поэме «Qutadgu Bilig» (XI в.)

Без знаний бесплодны и разум и речь,
А знанья – что влага живительных вод.
(...)
Разумный сомненьями скован всегда,
Глупца напролом своеволье ведет!

(Перевод С.Н. Иванова)

О себе и исполненных деяниях на поприще истории чувашского языка, тюркологии и алтаистики, пусть в ее классическом измерении, Михаил Романович вполне по праву мог бы сказать словами Могилян хана (683–735) – Бильге-Кагана: «Тенгри благоволил ко мне...». И немного перефразируя эту строку памятника скажем так: «Tăŋri japlikaduk ŭčŭn măn kazğantik ŭčŭn čuvaš budun kazğanmiš ărinč» (Так как Тенгри благоволил ко мне и я столько приобрел, то и народ чувашский стал тоже приобретать).

Работа М.Р. Федотова должна быть продолжена на достойном уровне.

2. HURA SUHAL, VASKAMASĂR ES – VASKA!

Примерно в середине 80-х годов прошлого века, то есть во время «перестройки» в чувашский социокультурный и политический дискурс вошел оборот *Чăваш тĕнчи* (чувашский мир). Семантика его может быть истолкована примерно так:

1) географическое пространство, в котором проживают чуваши (население Чувашской Республики + диаспора), практически во всех субъектах Российской Федерации есть группы чувашского населения, но «ядро» чувашской нации все же находится в Урало-Поволжье; 2) некое духовное единство, скрепляемое общностью языка, историческими и культурными традициями.

Николай Иванович Егоров (professional niknave Hura Suhal), чувашский филолог по преимуществу, еще со студенческих лет побывал в разных точках этого чувашского мира, ведя полевой сбор диалектного и фольклорного материала в ходе экспедиций и постепенно открывал для себя основные координаты *Чă-*

ваш тĕнчи как особой духовной сферы, в которой сходились традиционное мировоззрение чувашей в сакральном и мирском измерениях, такие вторичные семиотические моделирующие системы как народная словесность, обряд, мифология, а также антропонимия, топонимия, теонимия, и главным нервом этой сферы был, конечно же, Язык, уходящий корнями в глубокую диахронию. Думается, уже тогда к нему пришло широкое понимание чувашского гуманитарного знания (resp. филологии) как синтеза собственно лингвистических, этнографических, археологических и исторических фактов, данных других самых разнообразных источников, и только на этой основе могут возникать гипотезы, теории чувашского этноглоттогенеза. В этом он следовал Н.И.Ашмарину и классической традиции понимания тюркологии как комплексной науки, когда «тюркологи, как почти все востоковеды в прошлом, в силу сложности и слабой изученности исходного исследовательского материала были (а иногда остаются и поныне) учеными-универсалами, сочетающими в себе языковеда, литературоведа, этнографа, историка» (А.А. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. 2-е. – Л., 1982. – С.5).

Он собрал и аккумулировал огромный по своему объему этнолингвокультороги́ческий материал, но он лежит втуне, потому как не оформляется в виде книг, авторских монографий, статей и прочая. При всем при этом Н.И. Егоров не является скупым рыцарем, он щедро делится со студентами, аспирантами, соискателями ученых степеней и т.д. И поэтому, я говорю, васкамасăр, Эс васка! Всевышний нам отпустил некое количество часов, дней и годов нашей жизни, и надо их использовать максимально – нет, или почти нет надежды, что кто-то продолжит наше дело. Все приходится делать самому. Вăй патăр, сана, Хура Сухал! Вспомним слова Кюль-Тегина:

«Ŭzä kökTäŋri asra jağiz jir kilikuntukda, äkin ara kici oğli kilinmis. Kici oğlinta ŭzä äčŭm apam Bumin kağan istämi kağan olurmiš. Oluripan tŭrk budunin ilin tŏrin birmis iti birmis (...) . Ŭzä tŭrkTäŋrisi tŭrk iduk jiri subi anča timis:tŭrk budun jok bolmazun, tijin, budun bolčun, tijin…». (Когда было сотворено вверху небо и внизу бурая земля, между ними были сотворены сыны человече-

ские. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев они поддерживали союз и установления тюркского народа (...).

(Но) вверху Небо тюрков и священная земля и Вода тюрков так сказали: «да не погибнет народ тюркский, народом пусть будет».

Чăваш тĕнчи для Н.И. Егорова открывался как национально-идентифицирующий Текст, в котором разные типы знаков – словесных, аудиовизуальных (*çĕр пин сăмах, çĕр пин тĕрĕ, çĕр пин юрă*) – взаимодополнительны и только цельный охват и прочтение этого Текста дает нам возможность реконструировать истинно чувашскую картину мира (*тĕнче курăмĕ*).

Но в то же время, в период обучения на чувашском отделении историко-филологического факультета ЧГУ, где его прямым наставником и Учителем был Михаил Романович Федотов, пройдя полный цикл тюркологических дисциплин («древнетюркский язык», «сравнительная грамматика тюркских языков», «введение в тюркологию», «история чувашского языка») Н.И. Егоров постепенно осознавал, что *чăваш тĕнчи* это лишь часть большого тюркского мира, алтайской ойкумены и Универсума в целом.

Учитель и ученик это особые взаимоотношения в науке. Н.И. Егоров не только жадно впитывал лекции М.Р. Федотова, но и сотрудничал с ним, практически все пособия по вышеназванным дисциплинам прошли через его руки, он готовил их для ротапринта и чуть ли не на каждой странице мы найдем, вписанные его рукой, четким почерком тюркские руны, буквы арабского письма, транскрипции тюркских лексем и т.д. То есть, уже тогда ученичество стало перерастать в стадию сотворчества.

Чувашским филологом широкого профиля, гуманитарием-универсалом Н.И. Егоров, разумеется, стал не сразу. Была многолетняя работа над составлением «Историко-этимологического словаря чувашского языка» (она продолжается и сейчас), преподавание в университете, были написаны принципиально важные статьи по исторической фонетике, методам и целям этимологии, историческому развитию чувашской лексики, ономастике. Он апробировал свои взгляды на многих научных конференциях. В теоретическом плане Н.И. Егоров отошел от позиций и постула-

тов классической алтайской теории (Г.И. Рамстедт, Н.Н. Поппе, Н.А. Баскаков и др.), которая получила особенно сильный импульс после проведения в соответствии с решением Бюро отделения литературы и языка АН СССР первой алтаистической конференции в 1969 г. (Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР) и серии публикаций по сравнительной лексикологии, морфологии и этимологии алтайских языков (1972, 1978, 1979, 1984). К алтаистической проблематике тогда обратились многие видные тюркологи, монголисты, специалисты по тунгусо-маньчжурским языкам, был введен и рассмотрен в алтаистических позициях новый лингвистический материал.

Сам Учитель Михаил Романович также проводил свои исследования в рамках классической алтаистики. Н.И. Егоров же в ходе своего анализа древнейших контактов языков булгаро-чувашского типа с индоевропейскими (resp. восточноиранскими), булгаро-чувашско-монгольских языковых параллелей, тщательной генетической и хронотопологической стратификации лексики чувашского языка на протяжении 2-2,5 тысячелетий переходит на позиции неоалтаистов (Дж. Клоусон, Г. Дерфёр, А. Рона-Таш и др.) и разрабатывает стройную и имеющую большой эвристический потенциал теорию огуро-оногуро-булгаро-чувашской этноязыковой преемственности. Многие факты истории чувашского языка, его статус как «обособленного» тюркского языка, отличного от стандартных тюркских языков, в его представлении теории получают адекватное истолкование и объяснение. Тем самым, по сравнению со своим Учителем, ему удалось углубить диахронию чувашского прото-Текста, по крайней мере, на одно тысячелетие.

Чăваш тĕнчи своими корнями восходит к этому прото-Тексту и Николай Иванович, как никто другой, как знаток народного нерафинированного языка, чувашской мифологии, реалий материальной и духовной культуры, чувашской онимии, подготовлен к тому, чтобы прочитать этот Текст, дать свое понимание феноменологии чувашского бытия, феномена чувашского мира.

Атнер П. Хузангай,
заведующий отделом языкознания
Чувашского государственного института гуманитарных наук

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА М.Р. ФЕДОТОВА

Глава 1

О РОДНОМ ЯЗЫКЕ

Язык является основой духовного наследия народов

1.1. ПАМЯТНИКИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

К 140-и 70-летию выхода в свет главных трудов В.Шотта и З.Гомбоца, посвященных чувашскому языку.

ИСТОРИОГРАФИЯ чувашского языкознания насчитывает по меньшей мере 250 лет, если принять ее истоком дату выхода в свет книги Ф.И. Страленберга «Северная и Восточная части Европы и Азии», то есть 1730 год.

В последующие годы исследованием чувашского языка занимаются все больше ученых Европы, основным объектом изучения которых являются так называемые алтайские языки. В этой связи, прежде всего, следует упомянуть труды Вильгельма Шотта (1807–1899), посвященные чувашскому языку. В.Шотт – крупный ориенталист (востоковед) и синолог (китаевед), вошел в историю языкознания своими многочисленными и выдающимися работами. С 1838 года он – профессор Берлинского университета, а с 1841 года – член Берлинской академии наук. У В.Шотта в свое время получили университетское образование такие студенты, как, например, будущий знаменитый русский тюрколог В.В. Радлов.

Главным трудом В.Шотта по чувашскому языку является «Де лингва чувашорум» (о языке чувашей) (Берлин), который был написан им после знакомства с «Начертанием правил чувашского языка» (Казань, 1836), приписываемым В.П.Вишневскому, и по чувашскому переводу «Четвероевангелия» (1820).

Знание других тюркских языков, в первую очередь наиболее распространенного османского (турецкого), дало возможность В. Шотту представить ученому миру краткий очерк **первой научной грамматики** чувашского языка, написанный на латинском

языке. В XIX веке Европа все еще являла миру свою ученость на латыни. Что там В.Шотт? Н.И. Ашмарин уже в XX веке, кстати, свой **Словарь чувашского языка** решил поддержать в умах мировой интеллигенции латинским языком. Эта цель частично удалась, первые два тома вышли в свет на чувашском, латинском и русском языках.

В миниатюрной грамматике В.Шотта на 32 страницах имеются интереснейшие сведения. В разделе «Общие черты чувашского языка» В.Шотт пишет, что чуваши многие мысли выражают по-иному, чем остальные тюрки. Например, о «полночи» говорят авдан авдат. Они не пользуются иноязычными словами, как отоманские турки, а пользуются своим собственным запасом слов: **аггаойх** «май», **сьорлаойх** «август» и т.д. Сохранились выражения, являющиеся пережитками язычества. Так, солнечное и лунное затмения они называют **вубур сьийат** (дословно «дьявол ест»). Чуваши употребляют выражения, убеждающие нас в том, что они издревле живут на Волге: **Адыл-кось** «прорубь» (дословно «глаз Волги») и др.

В разделе «Изменение звуков» автор дает целый ряд правильных сведений о звуковой системе чувашского и других тюркских, главным образом османского, языков, которые легли в основу будущих трудов по исторической фонетике чувашского языка. Однако самым крупным достижением этой небольшой грамматики является открытие чувашского **ротацизма** и **ламбдаизма**, противостоящих **зетацизму** и **сигматизму** других тюркских языков.

В этой грамматике имеются и другие открытия первостепенной важности. В.Шотт установил наличие в чувашском языке аффиксов принадлежности, что слова типа ***ывăл-ăм*** «сынок» являются не формой звательного падежа, здесь речь идет об аффиксе принадлежности первого лица. Он открыл существование двух новых падежей в чувашском языке: местного (локатив) и исходного (аблатив).

Для исследования глагола автору явно недоставало фактического добротного материала, и поэтому он не смог делать всегда правильные выводы о грамматических категориях глагола (главным образом временных форм), но, несмотря на это, он и здесь делает значительные открытия, например, о чувашском реликто-

К-58752

вом аффиксе прошедшего времени – ***чĕ*** от общетюркского вспомогательного глагола ***эр*** – «быть».

Позже грамматика В. Шотта была переведена на французский язык (Париж, 1876). У него есть также специальная статья о чувашском языке, в которой в той или иной форме повторяются фонетические законы, установленные им в грамматике. Здесь резкую критику выносит В.Шотт в адрес А.А. Фукс, которая утверждала, что язык чувашский очень беден, в его словаре лишь 1646, а корневых еще меньше – всего 1000 слов. На это В.Шотт ответил очень оригинально: «Да, чувашский язык, с одной стороны, очень беден, но, с другой стороны, удивительно богат, ибо число корневых слов в самых развитых языках мира едва ли превышает 2000, пусть в них число производных форм достигает 50000. Мы, со своей стороны, не отважимся назвать точное число ни корневых, ни производных слов, пока не появится полный словарь чувашского языка. Что касается словаря, имеющегося в «Начертании правил чувашского языка...», то он вряд ли претендует на право называться словарем».

То, что В.Шотт живо интересовался чувашским языком, показывает его страстное выступление против антинаучных утверждений некоторых «любителей» чувашского языка. Дело в том, что некий В.И. Лебедев в «Журнале министерства внутренних дел» (1852, № 10) опубликовал статью «О чувашском языке». В. Шотт в форме рецензии на нее резко выступил против заблуждений и ошибок В.И. Лебедева.

В истории чувашского языкознания особое место занимает еще один лингвист широкого диапазона – это Золтан Гомбоц (1877–1935), венгр, профессор, главные научно-исследовательские интересы которого были сосредоточены на урало-алтайских языках. Он стал известен мировой науке главным образом благодаря трудам, посвященным исследованию древнейших языковых отношений венгров с приволжскими булгарами.

В его статьях, сообщениях и заметках просматриваются следы финно-угорских, тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Многие его научные положения явились основополагающими выводами для последующего осмысления и развития тюркологии.

Кроме капитальных работ алтаистического характера у него есть статьи, посвященные специально чувашскому языку. К их числу следует отнести «Чувашский презенс-футурум», в которой он показатели настоящего-будущего времени – **ат** возводит к древнебулгарской форме – **а-тур**.

Весьма значительным трудом является его чувашско-венгерский словарь (Будапешт, 1906), содержащий до 800 слов, снабженный тюркскими и монгольскими соответствиями. Материалы этого словаря автор широко использовал в своем главном труде под названием «Булгарско-тюркские заимствования в венгерском языке» (Будапешт, 1908. Первое издание; Хельсинки, 1912. Второе издание).

Венгерские языковеды второй половины XIX века много творческих усилий приложили для получения ответа на вопрос, какие тюркские языки оказали наибольшее влияние на венгерский и какие научные критерии для этого существуют, чтобы по ним тюркизмы венгерского языка можно было делить на хронологические пласты. По этому поводу З.Гомбоц писал, что за тысячелетие из различных тюркских языков в венгерский язык вошло порядка 700–800 слов, самые новые из которых имеют османо-тюркское происхождение, вошедшие в венгерский язык непосредственно из турецкого или при посредстве южнославянских языков. Он подчеркивает, что кумано-печенежские заимствования в некотором отношении остаются темными и лишь в отдельных случаях на основании фонетических и культурно-исторических признаков можно говорить о вероятности их куманского (кыпчакского) происхождения. И, наконец, к древнейшему пласту лексики принадлежат те общевенгерские слова, которые доисторические венгры заимствовали из языка волжских булгар, являющиеся наиболее важными как в языковом, так и культурно-историческом отношениях (с. V-VI).

В ходе оценки трудов З.Гомбоца о булгарско-чувашских заимствованиях в венгерском языке возникают те же острые вопросы, которые волновали исследователей и бросали их в жаркие споры сто и более лет тому назад. Речь идет, таким образом, не столько о его, Золтана Гомбоца, правоте или неправоте, сколько о целой школе представителей сравнительно-исторического

языкознания, втянутых в исследование родословной множества венгерских слов не финно-угорского происхождения.

В своих выводах о древне-чувашских заимствованиях, вошедших в венгерский язык до 830 года нашей эры, т.е. за два столетия до первого венгерского языкового памятника (58 венгерских выражений в латинской графике), З.Гомбоц отмечал, что источником тюркских заимствований венгерского языка был язык чувашской формы с существенными признаками пратюркского языка. В то же время надо подчеркнуть, – писал он, – что та языковая форма непосредственно не сохранилась, и что заимствования в венгерском языке являются единственно сохранившимися ее памятниками (с.187). Иными словами, между доисторическим (мертвым) и живым чувашским языком должна была существовать какая-то промежуточная форма, от которой один пучок в виде так называемых булгарско-тюркских заимствований идет в венгерский язык, а другой, генетический пучок, ведет в современный чувашский язык.

Рассмотрение доказательств наиболее важных фонетических особенностей доисторических булгарско-тюркских заимствований в венгерском языке входит в задачу специальной научной работы, и мы, поэтому интересующихся читателей отсылаем непосредственно к подобным источникам.

70 лет отделяют нас от того момента, когда вторым изданием вышла в свет монография «Булгарско-тюркские заимствования в венгерском языке». Главная цель автора – чтобы «результаты этих исследований реализовать в венгерской и тюркской исторической фонетике» – успешно осуществляется. Ни одно серьезное исследование на уровне алтаистики или отдельных тюркских и финно-угорских языков европейского ареала не обходится без капитальной работы З.Гомбоца, которая выдержала испытание временем, а время, как говорится, лучший судья. Книга З.Гомбоца без преувеличения имеет непреходящее значение.

«СЧ» № 141, 18 июня 1982 г.

1.2. О НЕКОТОРЫХ ДОСАДНЫХ ИСКАЖЕНИЯХ

О прошлом чувашского народа говорят и пишут немало. Это же можно сказать и о высказываниях, затрагивающих культурный уровень чувашского народа до великой Октябрьской социалистической революции, в том числе и степень грамотности дореволюционного чувашского народа (подразумевая под грамотностью умение читать и писать). К сожалению, при этом нередко допускаются «разночтения». Иные авторы слишком вольно обращаются с цифрами и фактами.

В статье «Социально-культурное строительство за 30 лет» К.Е.Евлампьев приходит к заключению, что «грамотность, чуваш до Великой Октябрьской социалистической революции составляла примерно 18 процентов, а среди женщин не превышала 3-4 процентов». (Ученые записки, вып. V, Чебоксары). Эти данные легли в основу многих последующих авторитетных публикаций, появившихся главным образом в Научно-исследовательском институте при Совете Министров Чувашской АССР. Они, например, подтверждаются в книге «40 лет Чувашской АССР» и ряде других работ. Однако в некоторых источниках дается другой процент неграмотности. Например, порой говорится о «почти сплошной неграмотности».

С данными о грамотности дореволюционных чувашей иной раз дело доходит до курьезов. На ВДНХ на разных стендах Чувашской АССР (1977 г.) они были разные. На первом стенде говорилось: «В дореволюционное время народное образование среди чувашей находилось в крайне отсталом состоянии. 82 процента мужчин и 96 процентов женщин были неграмотные». На стенде «Народное образование ЧАССР» (на втором этаже ВДНХ) был дан совсем другой показатель: «До революции чуваши были одним из отсталых, забитых, бесправных народов царской России... Грамотность населения составляла лишь 10-11 процентов».

Составители стенда к вопросу о народном образовании в чувашском крае до революции в данном случае подошли не совсем научно. Такой же подход допустили авторы ряда статей. В чем это выражается? Одни данные, возможно, относятся к 1900,

другие – к 1913, а третьи – к кануну Великой Октябрьской социалистической революции.

В конце XIX века капитализм в России вступил в свою последнюю стадию – империализм, усиливший социальное и национальное угнетение народов. Недаром В.И.Ленин многострадальную и многонациональную царскую Россию называл «тюрьмой народов». Хотя царское правительство всеми мерами стремилось держать массы в темноте и невежестве, но оно уже было не в силах полностью игнорировать и подавлять стремление «инородцев» к свету. Например, в 1913 году на территории современной Чувашской АССР было 425 начальных школ разных типов, 27 двухклассных высших начальных училищ, 10 средних школ (гимназий и реальных училищ)... Число грамотных среди чувашей не превышало – 18 процентов (среди женщин – 4 процентов). «Культурное строительство в Чувашской АССР». Книга 1-я (1917–1937), Чебоксары, 1965. Эти данные получены на основе изучения архивных материалов и вполне надежны. Они приводятся также в «Очерках истории Чувашской областной организации КПСС» (Чебоксары, 1974).

Но вот многотиражная газета «Ульяновец» в номере за 19 октября 1979 года, по праву гордясь Чувашским университетом, недобрым словом вспомнила «сплошь неграмотную дореволюционную Чувашию». В другом издании читаем, что «до революции из ста чувашей грамоту знали одиннадцать» («Моя Чувашия». Чебоксары, 1979). В одной из центральных газет, которая опубликовала статью, посвященною 60-летию Чувашской АССР, говорилось, что «до революции лишь один чуваш из десяти умел читать и писать».

По этим примерам можно заключить, что некоторые авторы не затрудняют себя проверкой и перепроверкой фактов о дореволюционной культуре и просвещении чувашского народа, иногда принижают их.

Чувашская дореволюционная интеллигенция в своей упорной, но, к сожалению, неравной борьбе всячески отстаивала дело просвещения родного народа. В этом ей активно помогали демократически настроенные ученые и публицисты России. И, тем не менее, им приходилось очень трудно, потому что встре-

чали препятствия на каждом шагу. Так, чиновник переводческой комиссии при управлении Казанского Временного комитета по делам печати М.Н. Пинегин характеризовал стремление передовой чувашской интеллигенции к возрождению всей культуры как измену государству. Он писал, что «чувашская интеллигенция, даже состоящая по Министерству народного просвещения, усиленно стремится к развитию в чувствах национального самосознания, к созданию литературы, к выработке литературного языка. Эта деятельность, несомненно, задержит обрусение чуваш и поэтому с государственной точки зрения такое направление просвещения чуваш нельзя считать безразличным».

Хотелось бы остановиться и еще на одном вопросе. До сих пор было известно, что современная чувашская письменность восходит к XVIII веку, но, тем не менее, началом национальной письменности считается создание в 1871 году чувашского алфавита в основном на основе русской графики. По заявлениям даже матерых противников всего передового и демократического в жизни «инородцев» новая письменность была воспринята чувашами с большой радостью и воодушевлением. Потому что она была глубоко народной. За какие-нибудь 20-25 лет после принятия нового алфавита И.Я. Яковлева были созданы крупные общенациональные художественные произведения («Нарспи» К. Иванова), с 1906 года стала издаваться общечувашская газета «Хыпар», а в 1910 году вышел в свет первый том словаря чувашского языка Н.И. Ашмарина.

Все это известно. И тем не менее в трудах некоторых наших современников встречаешь нечто странное. Например, К.И. Козлова в книге «Этнография народов Поволжья» (М., 1964) пишет, что «только после Октябрьской революции народы Поволжья получили свою грамотность, на основе русской графики и создали свои литературные языки – удмуртский, марийские – горный и луговой, мордовские – эрзянский и мокшанский, чувашский и башкирский». Если бы автор ознакомился, скажем, с книгой Н.И.Ильминского «Переписка о чувашских изданиях переводческой комиссии» (Казань, 1890), не было бы процитированного ляпсуса. Ю.Д. Дешериев и И.Ф. Протченко в книге «Развитие языков народов СССР в советскую эпоху» (М., 1963) утвержда-

ют, что «для чуваш была создана общенародная письменность после революции».

Грустно читать эти неверные слова, ведь как раз в тот год трудящиеся Чувашии и других братских республик отмечали столетие Симбирской чувашской школы и 120-летие ее создателя И.Я.Яковлева, по словам В.И.Ленина «пятьдесят лет проработавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма». Как можно было работать И.Я.Яковлеву «над национальным подъемом чуваш», не имея письменности и школ?

Можно в какой-то мере понять К.И.Козлову и Ю.Д.Дешериева, непосредственно не занимавшихся скрупулезным исследованием истории развития просвещения чувашей и его первым плодом – письменностью. Что винить их, когда и «свои» допускают неточности, особенно в публикациях, появляющихся по торжественным датам.

Думается, это не мелочь. Наука требует точности, правдивого изложения фактов. И нарушать это требование нельзя никому.

«СЧ» №237, 15 октября 1982 г.

1.3. БОГАТОЕ НАСЛЕДИЕ

К 100-летию Ф.Т. Тимофеева

В СТАНОВЛЕНИИ и развитии чувашского языкознания видное место занимает деятельность Федора Тимофеевича Тимофеева, столетие со дня рождения которого отмечает общественность республики.

Он родился 14 февраля 1887 года в деревне Ягаткино Моргаушского района. В 1909 году окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу, после чего работал в школах Ядринского уезда. В 1913 году И.Я. Яковлев пригласил его в Симбирск, где он основную свою деятельность совмещал с работой в переводческой комиссии. В нее входили также автор бессмертной поэмы «Нарспи» К.В. Иванов, Н.В. Васильев (Шубоссинни), И.Д. Дормидонтов. Последний, по словам финского тюрколога Мартти Рясянена, представил чувашские этнографические материалы Хейкки Паасонену во время

его научной командировки в 1900 году, которые ныне хранятся в архивах Финно-угорского общества в Финляндии.

Ф.Т. Тимофеев плодотворно работал по составлению учебников, учебных и методических пособий. Еще в 1919 году он выпустил брошюру «Правила чувашской орфографии», явившуюся первоначальной работой по упорядочению чувашской орфографии. В 1924 году появляется его «Грамматика чувашского языка». Через четыре года она в дополненном и переработанном виде выходит вторым изданием.

В 1922-25 годах Ф.Т. Тимофеев работал учителем чувашского языка в педагогическом и сельскохозяйственном техникумах в Ульяновске (бывшая чувашская учительская школа после ряда реформ была разделена на два техникума, которые в этом качестве существовали до сороковых годов). Здесь он познакомился с академиком Н.Я. Марром, прибывшим в Ульяновский чувашский педагогический техникум для практического ознакомления с чувашским языком. Ф.Т. Тимофеев, приняв приглашение знаменитого ученого, с 1925 года становится аспирантом Яфетического института АН СССР в Ленинграде, где вместе с ним обучались Т.М. Матвеев и Н.Я. Золотов. Кроме слушания лекций Н.Я. Марра, как вспоминает Золотов, Федор Тимофеев и Тимофей Матвеев взялись за изучение древнего грузинского языка. А Тимофеев еще посещал и занятия монгольского языка.

В начале тридцатых годов во вновь организованном Чувашском научно-исследовательском институте Ф.Т. Тимофеев работал заведующим сектором чувашского языка и литературы, одновременно преподавал родной язык и методику в сельскохозяйственном и педагогическом институтах.

Огромна заслуга Ф.Т. Тимофеева и Т.М. Матвеева в том, что они всю свою энергию, все свои знания вкладывали в дело создания первых стабильных учебников чувашского языка для I-IV и V-VII классов, которые в той или иной модификации и под другими именами существуют по сей день. Они же являются основателями учения о предложениеподобных членах в чувашском языке.

Ф.Т. Тимофееву принадлежит рукопись под названием «Пособие по грамматике чувашского языка» (морфология) на 437 страницах и помеченная 1937 годом. Эта книга задумана автором

как «Пособие по грамматике чувашского языка, назначенное для преподавателей чувашского языка в средних учебных заведениях и для студентов педагогических и других вузов, в которых преподается чувашский язык». Поставив перед собой задачу «проверить и критически принять то, что опубликовано Марром в области чувашского языка», Тимофеев приходит к выводу, что его «собственные исследования подтверждают основные мысли академика Марра об общих моментах чувашского, русского и многих других языков». Упомянутая объемистая рукопись для истории чувашского и других тюркских языков, несмотря на очевидное влияние яфетидологии, представляет значительный интерес.

Трудно писать отдельно о Т.М. Матвееве и отдельно о Ф.Т. Тимофееве. По словам Н.Я. Золотова, оба они при совместном обсуждении отдельных проблем языка большей частью приходили к одинаковым выводам, оба стремились быть точными, объективными... Оба преклоняли свои головы перед величием Ивана Яковлевича Яковлева, высоко оценивали его как деятеля народного просвещения и как человека... Оба были самобытные беспредельно преданные своему делу...

Наследие Ф.Т. Тимофеева хорошо служит настоящему и будущему чувашского языкознания.

«Советская Чувашия» №37, 14 февраля 1987 г.

На полях газеты М.Р. Федотов приписал своей рукой: «Много шумят, немало пишут о «полной правде», но она едва ли придет на страницы чувашских газет. Вычеркнули ту часть концовки, без которой нельзя понять горькую судьбу Тимухха Хветёрё».

1.4. РОДНОЙ ЯЗЫК

К вопросу о чувашской письменности и литературном языке

ИЗВЕСТНО, что старая чувашская письменность на русской графике восходит ко второй половине XVIII века. Точкой отсчета ее существования принят 1769 год, в котором было опубликовано первое оригинальное стихотворение на чувашском языке, а Российская АН в С.-Петербурге выпустила первую грамматику

под несколько странным теперь названием «Сочинения принадлежащие к грамматике чувашского языка» вместе с чувашско-русским словарем.

В «Предисловии», между прочим, сказано, что «сочинитель книги сея похвалу заслуживает тем больше, что он первый подает пример. Нет сомнения, что и другие ему станут в сем деле последовать. Желающим труд сей на себя принять, предложит пространное поле, так сказать, никем от века еще неоранное (...). Желать остается, чтоб достигли мы в сем и через сие до того совершенства, которое требуется от людей благоразумных при начинании всякого труда».

Эта грамматика в кратком изложении была издана на французском языке. Исполнилось предвидение автора предисловия первой грамматики чувашского языка: она явилась образцом создания подобных грамматик по черемисскому (марийскому) и вотяцкому (удмуртскому) языкам (1775 г.). Однако чувашская письменность на русской графике имела существенный недостаток. Нужно было русскую графику приспособить к звуковой системе чувашского языка, иными словами, предстояла задача создания новой чувашской письменности. Но такая реформа, по тем временам, была далеко не простым делом, потому что царизм и его местные власти к подобного рода нововведениям относились подозрительно и враждебно, стремясь в зачатке подавить какое бы то ни было национально-прогрессивное движение угнетенных народов. «Политика царизма, политика помещиков и буржузии по отношению к этим народам состояла в том, – констатировал X съезд РКП(б) (1921 г.), чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать». Но тем на менее царское правительство под напором общественного движения 26 марта 1870 г. распорядилось об использовании живых наречий «инородцев» при первоначальном обучении грамоте.

В 70-х годах XIX в. стали появляться школьные учебники (буквари) и другие светские книги на новом национальном алфавите, созданном ученым, педагогом, писателем и просветителем И.Я. Яковлевым и его соратниками. Новая письменность с большим удовлетворением была воспринята широкими слоями чува-

шей. Она быстро стала общенародной. За какие-нибудь 30-35 лет после введения нового алфавита были изданы крупные художественные произведения, научно-популярные книги по сельскому хозяйству, медицине, ветеринарии и другие. В 1903 году заведующий Симбирским санитарным бюро Е.Касторский писал, что «благодаря объединенным усилиям Симбирской губернской управы, Пироговского общества врачей и И.Я. Яковлева на чувашском языке существует теперь целая научно-популярная литература, без сомнения составляющая эпоху в жизни чуваш».

В годы первой русской революции стала издаваться общечувашская газета «Хыпар» (Известие), а в 1910 году вышел 1-й том Словаря чувашского языка типа тезауруса Н.И. Ашмарина, являющегося энциклопедией дореволюционной жизни чувашского народа.

На новочувашском алфавите с 1871 (по 1917 год было издано 675 названий книг разного содержания. В этом огромная заслуга дореволюционной чувашской интеллигенции и, прежде всего, И.Я. Яковлева, деятельность которого высоко оценил В.И. Ленин. Он 20 апреля 1918 года председателю Симбирского (ныне Ульяновск) Совдепа писал: «Сообщите по телеграфу обстоятельства и условия избрания председателей чувашской женской и мужской учительских семинарий. Меня интересует судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет проработавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма. Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни».

Исследователь истории современного литературного языка Н.П. Петров пишет, что «в 70-е годы прошлого века чувашский язык вводится в школьную практику, с 80-х годов становится языком церковной службы, различного вида церковно-религиозной литературы, учебной, научно-популярной (агрономической, ветеринарной, санитарно-гигиенической), художественной литературы. В годы первой русской революции он становится и языком периодической печати».

Созданию общечувашского литературного языка содействовало в решающей степени то обстоятельство, что И.Я. Яковлев, во-первых, был главой чувашской центральной учительской школы в Симбирске и инспектором чувашских школ Казанского

учебного округа и, во-вторых, в его руках было сосредоточено все литературно-издательское дело. «Так, в одно поколение был создан тот литературный народный чувашский язык, – писал член-корр. АН СССР проф. А.И. Яковлев, – которым восхищался покойный К.Я. Марр и который другим народам приходилось вырабатывать в течение столетий».

Итак, новая чувашская письменность была создана не путем отрицания предшествовавшей ей письменной традиции, а на ее основе путем внесения новых элементов графики, отражающих общечувашские языковые особенности, чтобы язык с такой письменностью мог уберечь себя и интенсивно развиваться на базе собственных устоев и законов. Такой литературный язык был создан в ту конкретно, историческую обстановку, когда на авансцену вышел человек из гущи народа, чьи индивидуальные научные интересы совпали с интересами народной интеллигентной прослойки – задачей обновления общечувашского литературного языка. Об этом красноречиво говорит признание чиновника Казанского комитета по делам печати М.Н.Пинегина, яростного противника просвещения чувашей: «Чувашская интеллигенция, даже состоящая по Министерству просвещения, усиленно стремится к развитию в чувствах национального самосознания, к созданию литературы, к выработке литературного языка. Эта деятельность несомненно задержит обрусение чуваш и поэтому с государственной точки зрения такое направление просвещения чуваш нельзя считать безразличным». В этом же духе звучит другой официальный документ более чем столетней давности: «Инородческое (чувашское. – *М.Ф.*) наречие все время остается главным и почти единственным языком преподавания и возводится некоторым образом на степень языка науки, языка школы и даже языка церкви».

Но вот читаешь нечто другое в трудах наших современников. К.И. Козлова, например, пишет, что «только после Октябрьской революции народы Поволжья получили свою письменность на основе русской графики и создали свои литературные языки – удмуртский, марийский – горный и луговой, мордовские – эрзянский и мокшанский, чувашский и башкирский». На эту ошибку К.И. Козловой в Чувашии сразу же обратили внимание, но рассудили тогда так: с кем не бывает промашек? Ошибка легко ис-

правима. Но, увы, мы не дождались исправления ошибки. В вузовском учебнике К.И. Козлова остается верной себе: «До революции народы Волго-Камья, кроме татар, не имели своей письменности, если не считать отдельных попыток создания грамматик на языках коренного населения и печатания религиозной литературы».

Д.Ю. Дешериев и И.Ф. Протченко идут еще дальше, утверждая, что для чувашей создана общенародная письменность после революции, хотя и оговариваются, что для чувашского, якутского, осетинского, коми и др. «делались попытки создания общенародной письменности еще до революции».

Н.А. Кондрашов в учебном пособии для педагогических институтов пишет, что «после Октябрьской социалистической революции особое внимание было обращено на те народы и народности, которые не знали письменности и не имели литературных языков». К ним он относит также чувашский язык, который, дескать, свою письменность, получил лишь после Октября.

Грустно читать эти ошибочные сообщения. Неверный тезис о «создании письменности для чуваш после революции» преподносится ученому миру и студентам вузов. Между тем еще царским чиновникам, коим надлежало строго следить за социально-культурной жизнью «инородцев», было хорошо известно, что чувашская письменность создана и на ней печатаются книги.

Могло бы все это сложиться иначе, если авторы процитированных книг знали, по крайней мере, документальное исследование Н.И. Ильминского, из которого явствует, в какой борьбе прокладывала себе путь новая чувашская письменность, но нашим авторам, как видно, было не до того, чтобы более внимательно проследить весь сложный процесс зарождения чувашской национальной письменности и литературного языка.

Несколько слов о печатании религиозной литературы до Октябрьской революции. По данным Н.П. Петрова, начиная с «Краткого катехизиса», изданного в 1800 году, за последующие 117 лет на чувашском языке было выпущено 700 названий, в том числе 470 – религиозного содержания.

Мы как-то с порога отвергаем религиозную литературу, считая, что она, кроме одурманивания умов, ничего полезного, дескать, не дала. Верно, содержание этих книг мы не приемлем, не

приемлем религиозных сюжетов, но почему-то упускаем из виду, что до 1917 года православие было государственной религией. Она для чувашей была единственной официальной идеологией, которая выражалась на их родном языке. В процессе перевода основных трудов христианского вероучения чувашский язык оттачивал свою структуру, приобретая мало-помалу общечувашские литературные нормы. Иного пути, чтобы чуваши сразу переходили к светской литературе, тогда не было. Не только у чувашского языка. Общеизвестно, например, что современный немецкий язык своим рождением обязан переводу Библии Мартином Лютером, как и то, что глубокие корни русской иконописи предрешили появление русской живописи. Разве чувашская музыкальная, культура появлением многоголосного исполнения не обязана церковным хоровым песнопениям? Все это так.

Можно привести примеры, когда, на основе – чувашского религиозного текста делались замечательные лингвистические открытия. Так, например, профессор Берлинского университета В.Шотт на основе перевода «Четвероевангелия» (1820) опубликовал первую, можно сказать, научную грамматику чувашского языка (1840), которая была переведена на один из мировых языков того времени – французский (1876).

Мы давно вышли из такого возраста, чтобы предаваться религиозным чувствам и не замечать, что в силу исторических обстоятельств, главным из которых явилось включение Чувашского края в государственно-правовые рамки Российского государства, религиозные книги должны были переводиться с целью приобщения чувашей к единой христианской вере, но этот процесс для чувашского языка даром не прошел: он постепенно, но верно приобретал и шлифовал свои нормы на всех уровнях.

Но тем не менее можно спросить, на какие источники опирались авторы, утверждающие прямо или косвенно, что у чувашского народа до Октябрьской революции не было письменности. На этот вопрос дан, на наш взгляд правильный ответ в исследовании Н.П. Петрова, опирающегося на неопровержимые источники: «В конце 20-х и начале 30-х годов XX в. вопросу о возникновении и формировании литературного языка были навязаны вульгарно-социологические толкования. Вследствие аб-

солютизации отдельных отрицательных моментов в идейном наследстве И.Я.Яковлева его роль в национальном подъеме чувашского народа была зачеркнута, а созданный им литературный язык квалифицирован как язык поповщины, не имеющий ничего общего с живым народным языком».

Вопрос о формировании и возникновении чувашской письменности и литературного языка решен окончательно и нет никаких объективных причин его ревизовать. Компетентные и авторитетные источники, как, например, «История Чувашской АССР», «Очерки истории Чувашской областной организации КПСС», возникновение новой чувашской национальной письменности и литературного языка связывают с деятельностью И.Я. Яковлева и его сподвижников и относят к 70-м годам XIX века. В.И. Ленин, как мы отметили выше, высоко оценил заслуги И.Я. Яковлева, охарактеризовав его как деятеля «50 лет проработавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма».

Мы не облечены правом диктовать авторам, как и что, писать о возникновении чувашского письменного литературного языка, но, прочитав приведенные выше фактически неоспоримые доказательства, кто-то, возможно, сочтет нужным пересмотреть свой ошибочный взгляд, который отрицательно сказывается при решении вопросов истории национально-языкового и социально-культурного строительства в Чувашской АССР.

«Молодой коммунист» /книга в газете/,
выпуск первый, 30 июля 1987 г.

1.5. ПЛАНЫ – В ЖИЗНЬ

«МК» 15 декабря 1989 года опубликовал план мероприятий Чувашского обкома КПСС по реализации решений XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной партийной конференции о развитии межнациональных отношений в усилению интернационального воспитания трудящихся на 1988–1995 и последующие годы.

Нас интересует прежде всего 5-й раздел упомянутого Плана об улучшении научно-исследовательской работы в области межнациональных отношений и интернационального воспитания. Надо признать, что он по форме и содержанию производит хорошее впечатление: указаны темы и фамилии исполнителей, даны сроки реализации научных тем. И раньше об этом мы говорили часто и пространно, брали соцобязательства, принимали серьезные планы, намечали развернутые мероприятия и т.д. и т.п., а толку? Очень многие из них оставались на бумаге, но что на бумаге и что в жизни – вещи, конечно, очень разные.

Нас в этом запросе интересует один вопрос: как обстоят дела у ученых, взявших на себя конкретные обязательства по выполнению упомянутого Плана обкома КПСС. Хотелось бы в порядке общественного контроля услышать от В.П.Иванова, И.И.Демидовой, В.Д.Димитриева, М.Р.Федотова, В.Ф.Каховского, Б.В.Каховского, Н.Г.Краснова о проделанной ими работе, тем более, что со дня принятия Плана обкома КПСС прошло много времени.

Н.И.Егоров, П.П.Фокин, К.Д.Кириллов, Ю.В.Яковлев, Г.Н. Желтухин, А.И.Волков.

Корреспондент «МК» обратился прежде всего к профессору Федотову М.Р. поскольку в «Плане» обкома КПСС издание его книги было намечено осуществить в 1988 году, но, к сожалению, ее нет до сих пор, а год 1989 уже кончается. В чем дело, почему задерживается издание Вашего труда? – был первый вопрос корреспондента.

– Если общественность интересуется – это очень отрадно – судьбой моей книги «Чувашско-марийские языковые взаимосвязи», то могу сказать следующее. 20 апреля 1987 года, когда уже были позади длительные обсуждения, рецензирования рукописи, я обратился в ректорат Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова с просьбой оказать мне содействие в издании упомянутой рукописи – итога моей четвертьвековой работы в области тюрко-финно-угорских языковых связей. 8 мая 1987 года от имени университета в адрес председателя госкомиздата Чув.АССР по делам издательств, полиграфия, и книжной торговли Василькова Б.П. было отправлено письмо с просьбой о включении упомянутой рукописи в план издания на 1989 год.

Главный редактор Чувашского книжного издательства Игнатьев В.Г. ответил отказом «в связи с перегруженностью темплана». Тогда 22 мая 1987 года Чувашский госуниверситет с аналогичной просьбой обратился в издательство Саратовского университета им. Н.Г. Чернышевского, причем обещано было, что «с целью ускорения издания Чувашский госуниверситет соглашается осуществить набор в типографии нашего университета». Просьба была удовлетворена, а рукопись передана на редактирование в Саранский филиал издательства Саратовского госуниверситета.

22 сентября 1988 года издательство Саратовского университета обратилось к директору Чувашской республиканской типографии тов. Александрову М.М.: «Просим отпечатать монографию М.Р. Федотова «Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Тираж 1000 экземпляров. Оплату гарантируем». Обращение в Чебоксары было вызвано отсутствием чувашских и других национальных литер в Саратовской университетской типографии.

– Как отнесся к изданию Вашего труда Госкомиздат Чувашской АССР?

– При мне т. Васильков Б.П. вызвал какого-то сотрудника (оказалось, это был директор Чувашгиза) и заявил, что для издания моей книги требуется минимум три года. Мое возражение, что рукопись уже в государственном плане, она отредактирована и готова к набору, тов. Васильков Б.П. принял как наивный довод.

– Где находится рукопись книги в настоящее время?

– Половина рукописи набрана в типографии Чувашского госуниверситета, но с мая производство приостановлено. Ректор Сидоров П.А. заверил, что набор остальной части книги начнется, дескать, в октябре. Хорошо бы, но на меня наваливаются с требованием: «Найдите бумагу!». Но где найду я бумагу, если ее нет в свободной продаже?

Если уж университет называется Чувашским, то для него должны быть приоритетные темы, тем более, что мы живем в дни перестройки национальных и языковых отношений. Неужели и дальше будем жить принципами тройной морали: говорим одно («мы за расцвет национальной культуры!»), думаем другое («сам не гам и другим не дам!»), и делаем третье («у нас своих дел невпроворот!»).

«МК», 14 сентября 1989 г.

1.6. АЛЬТЕРНАТИВЫ НЕТ

Важность опубликования проекта закона «О языках чувашской АССР» трудно переоценить. Хотя он очень опоздал с появлением в свет, тем не менее, является отзвуком на чаяния, прежде всего, чувашского народа о восстановлении принятого еще в 1926 году закона о чувашском языке. Теперь наступил тот исторический момент, когда нужен новый и действительный закон о языках в Чувашской АССР, поскольку другой альтернативы просто нет.

Читая проект Закона, невольно думаешь с беспокойством и грустью, как нам трудно самим признаться, что в городах и рабочих поселках Чувашской АССР благополучно, без конвульсий, но под бдительным оком надзирателей Системы погибает родной язык, слабый, тихий и добрый, как и сам народ. Все это очевидно и происходит перед глазами национальной интеллигенции, особенно творческой. Поразительно, но многие писатели, особенно поэты, чьи дети и внуки ни бельмеса по-чувашски, восторженно воспевают подвиги и победы обнищавшего языка и его носителя. Разве не это является «жить по лжи»! Скажет ли будущий закон «нет!» или, на худой конец, остановит разор языка коренного народа?

В этом отношении, судя по проекту, должен произойти перелом, ибо он предусматривает не только защиту функциональных возможностей развития чувашского языка на республиканском и межреспубликанском уровнях, но и применением санкций к тем лицам или административным органам, кто прямо или косвенно, открыто или завуалированно саботирует реализацию Закона.

У народов Чувашии, прежде всего опять-таки чувашского, возникает тревожный вопрос, выполним ли этот Закон, тем более, что мы сыты самыми разными законами, которые в жизни, в реальной практической жизни редко когда выполнялись. Причина была всегда одна: народам обещали заведомо невыполнимые законы в красной словесной упаковке. Поэтому хотелось бы выразить пожелание, чтобы, не погружаясь в омут политизации, ответственность за реализацию Закона легла на законодательную

власть в лице молодых, эрудированных и авторитетных депутатов нашего парламента.

В обсуждении проекта Закона о языках в Чувашской АССР основное внимание будет уделено, видимо, статусу чувашского языка и его суверенным правам в гражданской и политической жизни республики. Но при всех обстоятельствах протекания дискуссий и споров хотелось бы надеяться, что этот жизненно важный для существования чувашского языка вопрос в Чувашии будет обсуждаться, хотя бы в отличие от соседней Татарии, без излишне эмоционального накала и кипения самых нежелательных и нездоровых страстей. Мы ими, как известно, также сыты.

Существование и развитие чувашского языка все или почти все не мыслят в себе в отрыве от языка русского и его носителя – русского народа. Этому есть ряд объективных исторических причин. Вся духовная культура чувашского народа несколько веков развивалась под попечительством Русской православной церкви. Все выдающиеся деятели науки и культуры из чувашей прошли русскую школу, и они никогда не мыслили себе иначе, как служение России. Вспомним слова И.Я. Яковлева из его Духовного завещания чувашскому народу: «Чтите и любите великий, добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума, сердца и воли. Народ этот принял вас в свою семью, как братьев, не обидел и не унизил вас. Ведомый Провидением к великим, нам незримым, целям, народ этот да будет руководителем и вашего развития: идите за ним и верьте в него. Трудна была жизнь этого народа, много горестей и несчастий встретил он на своем долгом и скорбном пути, но он не угасил в себе светочей духа и не утратил понимания своего высокого призвания. Да будут его радости вашими радостями, его горести вашими горестями и вы приобщитесь к его светлому и грядущему величию. Народ этот не обидел вас в прошлом, он не обидит вас и в будущем. Любите и сближайтесь с ним».

Как велико значение этих слов в наши тревожные и даже смутные дни, когда некоторые дьявольские силы с большим тщанием хотят оттолкнуть нас от России. Мне лично трудно понять, почему бы наряду с многословными отчетами делегатов учредительного съезда Компартии РСФСР, заведенно поругивающих

Б.Н. Ельцина, в «Советской Чувашии» и «Коммунизм ялавĕ» не напечатать слово в слово исторический документ чрезвычайной важности – «Духовное завещание чувашскому народу» И.Я.Яковлева, чтобы стар и млад знали, о чем думал старец, покидая свой народ.

Хочется надеяться, что сила Закона окажет благотворное влияние не только на сохранение и умножение силы родного языка, но и его носителя – чувашского этноса. У нас тут очевидное неблагополучие. По данным Госкомстата РСФСР (данные из «АиФ» № 33, 1990) темп прироста коренных национальностей Волго-Камского региона в период с 1979 год составил: у башкир и удмуртов 4,2 процента, чувашей – 5, марийцев – 7,3, татар – 10 процентов. Выходит, чуваши по темпам роста населения отстают от среднего по РСФСР показателя (7) на два процента. Главная причина этого – этническая ассимиляция с другими национальностями и как следствие – потеря национального самосознания и языка.

Несколько слов о тексте Закона. Мне кажется, преамбулу можно подсократить с тем, чтобы существующий третий абзац стал первым, а второй абзац оставить на месте, однако, после слов «В Чувашской АССР» написать «согласно ее Конституции». Существующие первый и четвертый абзацы вычеркнуть.

«СЧ» № 199, 29 августа 1990 г.

1.7. ЕЩЕ ОДНО ПИСЬМО О ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Начну с выражения признательности Ж.Ялдра, поместившей в «МК» (20.12.90 г.) небольшое, но очень значительное, на мой взгляд, письмо, дающее повод продолжить начатую автором тему.

Как глубоко можно унизить человека, отняв у него родной язык! Совсем не нужно прибегать к цитатам великих мира сего, чтобы понять значительность того, что значит родной язык. Ж.Ялдра в письме «Поговорим о любви» передает сцену надругательства над матерью-чувашкой перед публикой. Ее вывели

к ней, чтобы она рассказала о смерти сына в Афганистане, поделилась своими интимными и потаенными мыслями на чужом ей языке, т.е. «бедной матери рассказывать о погибшем сыне – горло перехватывает, да еще на языке, которого не знаешь. Я не выдержала этой пытки, выключила радио. По-моему, – совершенно искренне заключает Ж.Ялдра, – еще больше унизить этих несчастных людей уже, наверное, было нельзя!».

Письмо мое о том, как в реальной жизни действуют законы о суверенитете и о языках в так называемой республике Чăвашъен. В то же время это есть продолжение той нашумевшей патриотической и сверхидеологизированной песни прошлых времен Отечественной войны, когда «провожала мать сыночка, горьких слез не пролила». Какая это мать, когда, провожая сына на смерть или получив похоронку о его гибели в Афганистане, горько не плакала. Дайте же матери-чувашке вволю выплакаться, выплакаться с причитаниями на родном языке перед памятью о сыне, ушедшем в небытие из-за наших геополитических амбиций.

Вот наш полный и окончательный вариант закона о чувашском языке в государстве Чăвашъен. Вот весь небольшой итог о плачевном бытовании «государственного» чувашского языка. И от смеха, и от греха некуда нам деться.

«МК» №2, (8605) 17 января 1991 г.

1.8. ПИКЕ, ИЛИ ВОПЛОЩЕНИЕ КРОТОСТИ, НЕВИННОСТИ И КРАСОТЫ

Взяться за эту заметку заставили меня не крайние обстоятельства. Их нет. Но вот иногда читаешь, скажем, газету или журнал и поражаешься если не наивности, то, во всяком случае, странности информации.

В заметке А.Филиппова («СЧ» №42, 28.02. 91 г.) сообщается, что «при журнале «Пике» (читай: пиге) открывается женский колледж «Азам».

Нисколько не сомневаюсь в благородной цели открытия такого колледжа, чтобы повысить, разумеется, культурный кру-

гозор читательниц чувашского журнала. Но меня никак не отпускает вопрос: почему именно колледж, а не школа или еще чего-то попроще? Или изобретатели звучного английского слова забыли, как совсем недавно чем и как кончилась мода открытия всевозможных университетов? Но у нас продолжается неистребимая застарелая база: главное, чтобы слово было звучное, а потом хоть трава не расти.

Чувашский женский журнал, о котором уже немало сказано и писано, крайне нужен, хотя бы в порядке возмещения давно утраченного «Ĕç хĕрарăмĕ» (по-русски «Работница»), а пока что с журналом «Пике» никто не знаком. Но читателю уже сообщено, что в нем есть или будет колледж, и не каким-нибудь простым, а с арабским названием, не очень-то местным по своему значению.

Поясню. **Асам** (читай: **азам**) означает «волшебство», которое очень ясно проявляется в своих производных формах: ***асам-ăç*** (***асам-ĕç***), ***асайм-ăç*** (***асам-çă***). Чуваши под этими словами-вариантами подразумевают волшебника или волшебницу. Еще некоторые: ***асамăç карчăк*** – баба яга, ***асамçах*** – маг, волшебник: ***асамçă-ла*** – колдовать, волшебствовать, насылать различные бедствия; ***асамлă-ла*** – ворожить. Это, так сказать, прямые, не метафорические значения.

Н.И. Ашмарин чувашский ***асамăç***(***асамçă***) сближал с татарским термином **азанча**; так называемый человек, который с вышки мечети призывает прихожан-мусульман на молитву. Такая этимологизация, на мой взгляд, с фонетической стороны возражений не вызывает. (Интересующегося читателя отсылаю к словарю Н.И. Ашмарина и этимологическому словарю чувашского языка В.Г. Егорова).

В упомянутой анонс-рекламе, мне как и, думается, другим читателям, не совсем ясно одно: по каким учебным или культурным программам будут проходить в колледже занятия? По магии, волшебству или речь будет идти о жрецах, звездочетах, волшебниках или чародеях? Ведь не секрет: сейчас очень модны эти специальности.

Если же колледж при журнале «Пике» или на его страницах ограничивается вопросами художественной литературы, то использование архаизмов в поэзии и прозе весьма желательно, ибо

они помогают лепке художественных образов. Скажем, лучший чувашский лирик Ваçлей Митта часто пользовался ими. Вот читаем в стихе, посвященном Е. Орловой: Ача чухне эс пулнă йăлăнтармăш, Ўссе çитсен – ***асамлă*** ăш çунтармăш (журналистка Е.Орлова в тридцатые годы была репрессирована, вернулась в Чебоксары и, недолго прожив, скончалась). Поэт даже написал статью, в которой спрашивал: к месту ли суеверно болтать про *асамçăсем* и *тухатмăшсем*? Не к месту, ответил сам же, но пользоваться ими в метафорическом смысле нужно, о чем говорит слово ***асамлă*** в приведенном стихе. Он так и отпечатал свой ответ хулителю: «***Асамсăр, тухатусăр поэзи вăл – халтура, макулатура***» (Митта Ваçлейĕ. Ш., 1990. с. 166-168).

Если журналист глубокий архаизм **азам** толкует на уровне хотя бы такого понимания, то он, конечно, прав, но в упомянутой мной заметке этого не видно.

Время идет, человек меняется, меняется, следовательно, и его язык. Но глубокая архаика, патриархальщина, феодализм – какого бы то ни было происхождения и окраски они ни были – остаются самими собой. Их возрождение в былом качестве уже невозможно, кроме как их метафорического применения и подчеркивания исторического колорита какого-то общественного явления.

Думается, что к месту будет выразить мнение о возрождающемся журнале. Пусть он чувашской женщине несет милосердие, пусть журнал будет отрадой в ее трудной доле во имя спасения своих детей, быстро приспосабливающихся к развратному укладу чердачно-подвальной аморально-сексуальной жизни. Вырвать из этого грязного омута ее детей – значит оздоровить жизнь семьи, оберегать материнство и женственность. Пусть журнал по выходе в свет станет притягательной силой и, следовательно, читабельным, оправдывая свое название пике, которое сближается с древне-средне, и новотюркскими формами **бии-ке /бий-ке** «дама, барыня, госпожа». (Вопрос о происхожении **пике**, равно как и его тюркских соответствий, представляет отдельную тему).

Чуваши же со словом **пике** связывают образ девушки (женщины), которая воплощает собой кротость, невинность, чистое сердце, а по внешнему признаку – красавицу.

Что касается предложенного редакцией журнала русского эквивалентного названия **сударушка**, то оно образовано от **сударь**, сокращенно от **государь**. **Сударушка** – приветливая, ласкательная форма обращения (сравни: **голубь – голубушка**): баба, бабушка, золотая **сударушка**: Бога молишь, хлебцем кормишь, дом бережешь, добро стережешь (из словаря Владимира Даля).

«СЧ» №49, 12 марта 1991 года.

1.9. ТАКОЙ СЛОВАРЬ НУЖЕН

Увидев эту книжку небольшого формата на торговом прилавке, не очень-то задержишься на ней взглядом. Потому что выглядит она невзрачной и – да пусть простят меня издатели за резкость – примитивной по оформлению. На белой, как мел, мягкой обложке тиснуты набранные газетным шрифтом слова заголовка, фамилия и инициалы автора, и другие обязательные выходные данные. Раскроешь книгу – и новое разочарование: хотя бумага хорошего качества; текст смотрится бледно, чтение его требует от человека дополнительного напряжения. В общем-то издание это мало чем отличается от всякого рода справочных брошюр или ведомственных инструкций.

И все же... Сегодня приходится мириться и с таким качеством полиграфической продукции. Выпуск книги требует ныне огромных денег. И отдел оперативной полиграфии Чувашского республиканского управления статистики, который помог научно-исследовательскому институту языка, литературы, истории и экономики в относительно короткий срок издать работу М.Р.Федотова «Материалы к историко-этимологическому словарю чувашского языка» заслуживает, очевидно, не критики (дарованному коню зубы не смотрят), а похвалу: он сделал то, что мог.

К тому же, о значении труда ученого нельзя судить по качеству полиграфического его исполнения. В книге содержится

весьма нужный, ценный материал не только для специалистов-языковедов, но и для всех тех, в ком не погас интерес к родному языку. По существу «Материалы...» свидетельствуют о начале становления нового этимологического словаря чувашского языка. Автор книги, известный в нашей стране и за рубежом тюрколог М.Р. Федотов, считает, что подготовку к нему «следует начинать с публикаций хотя бы в виде серии отдельных предварительных исследований для более широкого обсуждения научными кругами с привлечением заинтересованных читателей».

Книга, которая перед нами, как раз и относится к такого рода исследованиям. Чтобы полнее, глубже понять ее значение для науки о чувашском языке, я обратился к автору с просьбой ответить на несколько вопросов.

– Чем отличается этимологический словарь от других словарей и кому он нужен?

– Создание этимологического словаря любого языка, в том числе чувашского, – дело долгое и трудоемкое. Он ставит целью найти этимон (истину, основное значение) того или иного слова в общем составе лексического фонда, а затем разобраться, каким путем оно разрослось, приобретая дополнительные значения и заняло, наконец, определенное место в ряду собственно своих или заимствованных слов. На уровне такого понимания этимологический словарь – это альфа и омега языкознания. В нем нуждаются не только специалисты-языковеды, но также все культурные слои общества, заинтересованные в сохранении и развитии своего культурно-исторического наследства.

– Какую трудность представляет составление и издание историко-этимологического словаря чувашского языка?

– Я сказал выше, что процесс издания любого словаря – дело трудное и сложное, не говоря об историко-этимологическом словаре. Его изданию должен сопутствовать многолетний и кропотливый труд автора, не раздумывающего над вопросом, какое он принесет ему материальное вознаграждение. В общем, и целом дело эта не только чисто академическое (просмотр и выборка множества фактов из лингвистических и исторических трудов, знание лингвистических основ многих родственных и неродственных языков, с которыми контактировал чувашский язык),

но также культурно-историческое в самом широком понимании. Сложный сам по себе, этимологический словарь приобретает другую сложность – издательскую. Задача эта была и осталась архитрудной из-за отсутствия необходимой полиграфической базы и специфического шрифтового хозяйства. Это – во-первых. Во-вторых, не надо забывать о вконец расстроенной экономике России, следовательно, и Чувашии. Тем не менее, словарь, выбрав наиболее дешевый, малорастратный, что ли, вариант, появился в ротапринтном исполнении.

Я понимаю, что изнуренная экономическими неурядицами обстановка в Чувашии дает особо знать именно в настоящий момент, когда спадает напряжение сил ученых и появляется у них пассивность, безучастность и отрешенность души. Но мы должны выстоять и выдюжить ради общенационального дела по сохранению нашего культурного наследства. В ответ на ваш вопрос, какую трудность представляет составление этимологического словаря, припомню старейшее назидание: «Не ссылай виноватого на рудники медные, а в наказание посади его лексикон составлять».

– Существует ли в Чувашском языкознании традиция составления этимологического словаря?

– Да, существует. К числу первого такого типа словаря я отнес бы «Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен» Н.И. Золотницкого (Казань. 1875). Он до сих пор сохраняет свою высокую научную ценность.

Должно было пройти без малого столетие, чтобы появился «Этимологический словарь чувашского языка» профессора В.Г. Егорова (Чебоксары, 1964). С тех пор прошло также почти три десятилетия. За это время в языкознании накоплено очень много фактов, имеющих прямое и непосредственное отношение к чувашскому языку, в больших и малых трудах российских, зарубежных и, разумеется, чувашских языковедов.

В выпущенных в свет «Материалах к историко-этимологическому словарю чувашского языка» критически оценены, доступные автору источники в виде дополнений, поправок и комментариев.

Залогом создания полного историко-этимологического словаря чувашского языка является, как нам кажется, публикация предварительных и своего рода пробных выпусков материалов по мере их накопления. Меня не покидает мысль, что будущий автор этимологического словаря не стесняя и не ограничивая себя моими предложенными фактами и соображениями, составит более полный и надежный словарь.

– Что вы можете сказать о полиграфическом исполнении ваших «Материалов...»? Почему так мал тираж?

– Словарь вышел в свет в посредственном полиграфическом исполнении. Тираж, действительно, крайне мал, всего 300 экземпляров. Во всем этом сказалось время, когда глубокий экономический кризис поразил также науку и издательское дело. Будем надеяться на светлое утро суверенной Чувашии. Но, тем не менее, хотелось бы сказать доброе слово в адрес Чувашского НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской Республики, нашедшему немалые средства на издание предложенного мною труда. Об этом тоже нельзя не сказать.

Взял интервью М.Иванов. «СЧ» №59, 21 марта 1992 года.

1.10. ИЗ БУЛГАРСКОЙ СТАРИНЫ

Истоки

Эту книжку в мягкой выцветшей обложке принес в редакцию писатель Владимир Долгов, обнаружив ее при разборе архива отца – известного чувашского критика Василия Долгова. «Она так взволновала меня, – делился он своим открытием, – что я тут же поспешил в редакцию. О ее содержании, по-моему, надо бы узнать и читателям «Советской Чувашии». А называлась книга «Чуваши и их соседи». Ее выпустило в свет в Чебоксарах 77 лет назад «Общество изучения местного края». Рассказывалось в ней о роли древних чувашей и их языка в жизни соседних народов. Рассчитанная на массового читателя, она и в самом деле вызывала большой интерес, но

после прочтения оставалось впечатление, что в ней отсутствует начало разговора.

Так в действительности и оказалось. В краеведческом отделе Республиканской библиотеки быстро нашли нам брошюру того же автора, изданную тоже в Чебоксарах, но двумя годами раньше, – «О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарского языков». Она также была написана довольно популярно, доходчиво. Смущало лишь одно: почему-то автор этих (как и некоторых других) работ о чувашском языке, преподаватель Института восточных языков в Ленинграде Н.Н. Поппе, в послевоенные годы даже не упоминался в трудах или научной литературе по чувашскому языкознанию. За ответом пришлось обратиться к широко известному в России и за рубежом чувашскому ученому-лингвисту М.Р. Федотову.

– Верно, имя весьма авторитетного в мире ученого Николая Николаевича Поппе более полувека не встречалось в нашей печати. А в 20-30-ые годы его работы были хорошо известны в Чувашии. В годы сталинских репрессий его теория по чувашскому языку квалифицировалась как буржуазно-националистическая. Накануне Отечественной войны он работал в Академии наук. Когда гитлеровские войска вторглись на наши земли, российский немец Н.Н.Поппе очутился, находясь в пригороде Ленинграда, в оккупации, а после войны уехал в США и занимался там наукой. Умер он якобы в прошлом году. Нашему читателю его книги, сохранившиеся в единичных экземплярах, стали доступны совсем недавно, они много лет были под запретом.

Профессор-языковед тоже советовал редакции рассказать на страницах газеты о книгах Н.Н. Поппе, ибо свою научную ценность они сохраняют и сегодня. «Хотя в последние годы в печати довольно много пишут о чувашском языке, но население, в том числе и чувашское, о его происхождении и развитии знает чрезвычайно мало, – отметил Михаил Романович. – И потому пора уже не только учащимся, но и их родителям пройти хотя бы маленький курс ликбеза. Если ваша газета положит ему начало, то сделает очень большое полезное дело».

М. ИВАНОВ.

1. Какого рода-племени?

Отношение чувашского языка к другим языкам было долгое время неясно, и относительно его происхождения существовало несколько теорий.

Одною из самых распространенных теорий о происхождении чувашского языка является теория знаменитого тюрколога В.В. Радлова, считавшего чувашский язык по происхождению своему финно-угорским и лишь в течение веков отуреченным... Финское происхождение чувашского языка можно было бы доказать таким образом, если бы можно было обнаружить в нем финские элементы. Однако таковых, за исключением сравнительно небольшого количества специально черемисских слов, в чувашском языке не имеется.

Поэтому гораздо более правы те исследователи, которые считали чувашский язык тюрко-татарским. Относительно этой теории, главными представителями которой являются датский ученый К.Грёнбек и финский ученый Г.Рамстедт, следует заметить, что она, хотя и является более правильной, чем теория В.В.Радлова все же не совсем верна, ибо чувашский не настолько близок к тюрко-татарским языкам, чтобы его можно было ставить рядом с османским, казанско-татарским, киргизским и прочими тюрко-татарскими языками. Дело в том, что чувашский имеет много общих черт и с монгольским языком (ученый подробно разбирает соответствие чувашских звуков монгольским и тюрко-татарским звукам и приходит к выводу, что чувашский язык сохранил гораздо более древние черты, чем другие тюрко-татарские языки. – *М.И.*).

Возникает вопрос о прошлом чувашского народа. Кто же они, чуваши? С каким народом древности можем мы их отождествить?

Местности, населяемые ныне чувашами, как известно, некогда входили в состав Волго-Булгарского царства. Царство это, столицей которого был Булгар на Волге, принадлежало к наиболее цветущим государствам своего времени, и городское население его стояло на высокой ступени культуры. Основание царства относится к VII столетию нашей эры, когда булгарский народ колонизовал среднее Поволжье, двинувшись туда с юга, веро-

ятно, из местностей, лежащих между нижним течением Дона и Волгой, под влиянием событий, происходивших в ту эпоху в южнорусских степях, служивших ареной войн различных кочевых народностей. В XIII ст. город Булгар на Волге подвергся опустошению со стороны монголов (в 1236-37 гг.). В 1399 году город был разграблен русскими, после чего он продолжал еще некоторое время существовать. В XV ст. царство волжских булгар уже перестает существовать, так как к этому времени относится расцвет Казани... В последний раз название Булгар упоминается в монетных легендах 1427-28 годов.

Исторические подробности нас здесь мало интересуют, ибо самое главное – это то, что чуваши ныне обитают в местностях, некогда составлявших центр Булгарского царства, из чего мы можем заключить, что чуваши являются, вероятно, потомками волжских булгар. Это догадка блестяще подтверждается тем, что чувашский язык чрезвычайно близок булгарскому, от которого сохранилось несколько памятников в виде надгробных надписей XIV столетии. Близость чувашского языка к булгарскому настолько велика, что мы можем считать нынешний чувашский язык потомком булгарского языка, а чувашей – потомками деревенского населения Булгарского царства, имевшего, вероятно, слабую связь с городом, вследствие чего оно не успело приобщиться к мусульманской культуре. Для примера привожу здесь несколько булгарских и чувашских слов: булгарск. **айых** «месяц» - чув. ***уйăх*** «месяц» - тюрко-тат. **ай** «месяц»; булгарск. **хир** «дочь» - чув. ***хĕр*** «дочь» - тюрко-тат. **кыз** «дочь»; булг. **зьол** «год» - чув. ***çул*** «год» - тюрко-тат. **йаш** «год»; булг. **тохар** «девять» - чув. ***тăхăр*** «девять» - тюрко-тат. **токуз** и т. д.

Поразительное сходство булгарских слов с чувашскими нас заставляет признать, что чувашский язык является потомком булгарского языка. Это чрезвычайно важно в историческом отношении, ибо на основании всего сказанного мы можем историю волжских булгар до некоторой степени считать историей чувашского народа.

Булгары, предки чувашей, были культурным, цивилизованным народом, имевшим торговые сношения с мусульманским миром и народностями северо-восточной России. Столица цар-

ства – Булгар – являлась самым северным пунктом, куда заходили мусульманские купцы, скупавшие там пушнину, главным образом меха черных лисиц, шедшие из страны буртасов, т.е. мордвы, живших по соседству с булгарами, и некоторые другие предметы. Неудивительно поэтому, что булгары оказали сильное культурное влияние на своих соседей, что доказывается множеством булгарских слов заимствованных в мордовский, черемисский, зырянский и вотяцкий языки. Это культурное влияние булгар-чувашей на соседей относится приблизительно к IX–XIII столетиям нашей эры, но и задолго до этого булгары стояли на высокой ступени культуры.

Установив, таким образом, родство чувашей и булгар и отношение их к тюрко-татарским народностям и монголам, Н.Н.Поппе переходит к подробному рассмотрению фонетических соответствий чувашского и тюрко-татарских языков с привлечением монгольского материала. И этот научный анализ занимает в книге основное по объему место. Сначала ученый рассматривает, приведя множество примеров, гласные звуки – первого слога, второго слога – затем согласные. При этом, подтверждая данные своего анализа, он часто ссылается на труды зарубежных и российских языковедов – Н.И.Ашмарина, Б.Я.Владимирцова, А.А.Шахматова. И приходит к заключению, что чувашский язык является ближайшим родственником монгольского и тюрко-татарских языков.

Мы видели, что правила чувашской фонетики очень легко объясняются из фонетических законов монголо-тюркских языков. Мы видели, что чувашский язык никаких черт, кроме алтайских (т.е. монголо-тюркских) не носит... Но не только фонетика, но и морфология чувашского языка чрезвычайно близка к тюрко-татарской морфологии...

Чувашский язык, следовательно, является ближайшим родственником монгольского и тюрко-татарских языков. Мы видели уже, что в отношении некоторых явлений чувашский язык стоит ближе к монгольскому языку, в некоторых же других отношениях (напр., морфология, многие фонетические развития) он прошел те же стадии развития, что и общетюркский язык. Будучи тюркидным алтайским языком, чувашский, как мы уже неодно-

кратно имели случай убедиться, стоит на гораздо более древней ступени развития, чем все тюркские наречия, из чего можно заключить, что чувашский язык отделился от общего языка-предка до распада общетюркского языка, т.е. в дотюркскую эпоху. Когда общетюркский язык представлял собою еще более или менее единый язык, чувашский (древнечувашский) уже шел своими путями развития.

2. Сокровище и для соседей

В первой четверти нынешнего века венгерский исследователь Гомбоц и другие ученые, обследовав состав венгерского языка, обнаружили в нем значительное количество древне-чувашских слов. Выявив, что их фонетические особенности являются общими и для языка волжских булгар, дошедшего до нас в нескольких надгробных надписях XIV столетия, удалось установить, что чувашские слова в венгерский заимствованы из языка предков чувашей волжских булгар. Естественно, исследователи должны были задать вопрос, каким образом и где это происходило.

Венгры, относящиеся к финно-угорской группе народов, в известную историческую эпоху жили гораздо восточнее своих нынешних владений, а именно между Доном и Кубанью. А где были тогда предки чувашей – булгары? По целому ряду исторических свидетельств, в VI столетии нашей эры они в значительной своей части жили еще на северном Кавказе, близ Кубани, т.е. по соседству с венграми. Тут и происходило культурное общение двух народов, имевшее особенное значение для венгров. То есть последние тут общались с южной ветвью того народа, который предположительно в начале VII столетия основал Волжско-Булгарское царство. Занимали венгры обширную область, которая своей северной оконечностью упиралась во владения волжских булгар. Таким образом, они оказались охваченными и с юга, и с севера булгарами и подверглись сильному перекрестному их влиянию, которое продолжалось, вероятно, вплоть до начала IX столетия, пока венгры не двинулись стремительно на запад.

В противоположность венграм, бывшим к началу булгарско-венгерских сношений бродячими охотниками и рыболова-

ми, не знавшими ни скотоводства, ни земледелия, булгары уже тогда были оседлым народом с высокоразвитой скотоводческой и земледельческой культурой. Неудивительно поэтому, что знакомством с целым рядом домашних животных венгры обязаны именно булгарам. Еще сильнее было их влияние в области земледелия.

В ежедневном общении с булгарами, с которыми венгры имели, прежде всего, торговые дела, они приняли также целый ряд булгарских терминов, относящихся к торговле. Торговые сношения между двумя народами возможны лишь тогда, когда один из них в достаточной мере владеет языком другого. Приспосабливаться приходилось венграм, как менее культурному народу, вследствие чего они за длительное время стали до известной степени двуязычными. Венгры все чаще и чаще стали употреблять в речи булгарские слова, которые постепенно вытесняли старые венгерские слова финно-угорского корня. Булгаро-венгерские отношения носили, вероятно, мирный характер, ибо о каких-либо столкновениях между ними ничего не известно.

Как бы ни были отрывочны сведения о древних булгарах, мы все же располагаем всеми данными о том, что они представляли собой народ, стоявший на высокой ступени культуры. И это справедливо относительно всех трех ветвей булгар: донско-кубанской (VI–IX столетия), волжской, основавшей свое цветущее царство, и дунайской, начавшей играть выдающуюся роль на Балканах в том же VII столетии.

Стоит подчеркнуть, что венгро-булгарские культурные сношения относятся к временам почти легендарным. А влияние тех же булгар или их потомков-чувашей на другие народности относится уже к исторической эпохе. И происходило оно в среднем Поволжье.

Подробное описание царству волжских булгар впервые дал Ахмед ибн-Фадлан, прибывший в 921 году к булгарскому царю Алмушу в составе посольства от халифа Муктадира. Кроме него, о булгарах X столетия сообщают и другие мусульманские авторы. По их описаниям, булгарская земля размещалась у большой реки Этиль (сравни чувашск. ***Атăл***, тат. **Идел**) и граничит с зем-

лей буртасов (мордвы), страна болотистая и покрытая дремучими лесами. Булгары возделывали здесь пшеницу, ячмень, просо. К оседлому образу жизни перешли они очень давно и в X столетии жили уже в деревянных домах и лишь на лето переселялись в юрты.

В эту эпоху в Булгарии было уже несколько крупных городов, самым блестящим из них считался Булгар на Волге. Из других городов на первом месте стоит Сивар (Сувар). Страна вела широкую торговлю со своими соседями, у нее имелись свои денежные знаки (монеты). Словом, она была весьма богатой, игравшей первую роль в Поволжье, где никто не мог конкурировать с булгарами. Внешняя политика Булгарии носила, по-видимому, миролюбивый характер. Но если булгарам иногда приходилось воевать с соседями, то войны эти обычно оканчивались удачно для булгар, как, например, взятие ими города Мурома в 1088 году в отмщение за убийство разбойниками булгарских купцов, вторжение булгар в муромские и рязанские земли в 1184 году, взятие ими в 1218 году Устюга и т.д.

Отец царя Алмуша был еще язычником, но сам он к прибытию Ахмеда ибн-Фадлана, как и значительная часть булгар, стал уже мусульманином. Среди булгар, возможно, были распространены и другие религии. Ислам дал булгарам просвещение, которое стояло на высокой ступени. В Булгарии были распространены все науки, известные мусульманам. До нас дошли и имена булгарских ученых сей поры.

Будучи народом миролюбивым, волжские булгары путем мирных сношений оказывали сильное влияние не только на венгров, но и других соседей. Прежде всего, это относится к мари (черемисы). Большинство чувашских заимствований в марийском языке происходило не в начале эпохи Булгарского царства, а скорее – в конце. Чувашское влияние на мари не прекращалось до самого нового времени. Совершенно очевидно, что, марийцы, включая и уфимских, вплоть до минувшего столетия находились в оживленных сношениях с чувашами. Не имея возможности в кратком очерке перечислить все чувашские слова, заимствованные в марийский язык, ограничимся лишь перечислением тех понятий, которые ими выражаются: 1) слова, относящиеся к ско-

товодству, 2) к земледелию, 3) к постройкам, 4) к ремеслам, 5) к домашней утвари, 6) к пище, 7) к одежде и 8) к общественному быту.

Испытав такое сильное влияние со стороны чувашей во всех областях культуры, марийцы заимствовали у своих соседей также многие религиозные обряды и церемонии. Например, мы находим у них во всей широте культ киреметя, заимствований от чувашей, вместе с самим названием духа. Чуваши оказали влияние и на брачные обряды мари.

В результате такого сильного воздействия чувашей на марийцев их язык далеко отошел от прочих финно-угорских языков, ибо впитал в себя неимоверное множество чувашских элементов, сильно изменивших его первоначальный вид, причем это влияние коснулось не только словаря марийского языка, но и его морфологии. (Из чувашских ученых серьезные исследования этого положения выполнил профессор М.Р. Федотов).

К народам, на которых чуваши оказывали могучее культурное влияние, принадлежат и пермские финны, т.е. воты (удмурты) и коми. Сношения чувашей с ними происходили не только в эпоху Булгарского царства, но и позже. Из этого явствует, что и после его падения чуваши в культурном отношении стояли выше своих ближайших соседей. Картина здесь та же, что и в чувашско-марийских отношениях. Не было такой области культуры, на которую не простиралось бы чувашское влияние. (Все эти положения Н.Поппе подкрепляет в книге конкретными доказательствами и примерами. – *М.И.*).

Итак, с древнейших времен руководящая роль в распространении земледельческой и скотоводческой культуры в Поволжье, также в южно-русских степях принадлежала чувашам и их славным предкам – булгарам. Трагически сложившиеся для чувашского народа обстоятельства – татарское нашествие и затем русское завоевание – не дали ему развиваться дальше. И теперь мы только на основании различных косвенных доказательств (в частности, средствами языкознания) можем представить себе то, чем были чуваши в прошлом.

Публикацию подготовил М. ИВАНОВ.

«СЧ» №165, 17 августа 1993 г.

(Окончание. Начало в № 165).

3. Необходимое дополнение современника

В последние два-три года в периодической печати, на радио и телевидении появился огромный информационный материал о чувашах и их языке. Многие из них вызваны к жизни подлинной заботой о сохранении чувашского народа и его национального богатства – языка. Вместе с тем в средствах массовой информации пошла гулять крайняя в своем проявлении «несусветная печатная чепуха о якобы особых, никакому другому языку не свойственных особенностях чувашского языка, его особой древности, восходящей своими корнями к шумерской или еще какой-то доисторической эпохе».

Призывы и увещевания, что прежде надо знать основные законы тюркологии и алтаистики и лишь потом трубить на весь мир о шумерской или этрусской основе чувашского языка, не находят положительного отзвука и понимания. Под видом защиты функциональных и конституционных прав родного языка от каких-то его «притеснителей и угнетателей» в газетах появляются все новые и новые выступления самых несведущих в языкознании авторов. Очень жаль, что мы оказались плохими учениками классиков тюркологии и алтаистики или даже не желающими знать подлинно научную историю чувашского этноса и его языка.

Внимательно прочитав статьи-конспекты журналиста М.Иванова о научном наследии русского ученого-языковеда Н.Н.Поппе о месте чувашского языка в алтайской семье языков, по просьбе редакции я несколько расширил эту тему, добавив к ней дополнительные материалы.

Прежде всего необходимо остановиться на теориях В.В.Радлова и Н.И. Ашмарина о происхождении чувашского языка.

Современный чувашский язык по своему словарному и звуковому составу, морфологическому строю, а также способу сочетания слов в предложении, иначе говоря, синтаксису, является языком тюркским. Поэтому отнесение его к тюркской семье языков принципиальных возражений не вызывает. Между тем, как известно из предыдущих статей, еще сравнительно недавно у историков и языковедов не было единой точки зрения на происхождение чувашского языка. Одни утверждали, что чувашский

язык исконно тюркский, сформировавшийся в процессе многовекового развития. Другие полагали, что он образовался не на тюркской основе. Самым видным представителем последнего направления был В.В. Радлов.

Наблюдая характерный для чувашского языка переход тюркских узких гласных в широкие, отсутствующий во всех других тюркских языках, Радлов пришел к заключению, что такой переход гласных звуков мог возникнуть только на нетюркской почве. Следовательно, чуваши в древности говорили на каком-то своем нетюркском языке. Поэтому тюркские слова усваивались ими как иноязычные, например: вместо тюрк. **этик** чув. ***атă***, вместо тюрк. **элэк** чув. **ала** и др.

Тюркизация чувашского языка, по В.В. Радлову, проходила в три этапа (периода). В первый тюркские слова усваивались чувашским языком в искаженном виде, например, тюркский звук **а** переходил в чувашский **ы**: тюрк. **карын** чув. ***хырăм***, тюрк. **тамыр** чув. ***тымар***, тюрк. **алтын** чув. ***ылтăн*** и др. Во второй период чуваши постепенно осваивали правильное произношение тюркских слов, что можно подтвердить на примере заимствованных татарских слов, подвергавшихся уже меньшим искажениям: тюрк. **а** чув. **у**: **карындаш** чув. ***хурăнташ***, **баш** чув. ***пуç/поç***, **казан** чув. **хуран, арба** чув. ***урапа*** и др. В третий период тюркские звуки стали для чувашей привычными и произносились точно так же, как самими татарами, т.е. тюрк. **а** = чув. **а**: ***кашăк***, ***кашкăр***, ***капкăн***, ***пасар*** и др.

Теорию В.В. Радлова относительно нетюркской основы чувашского языка первоначально разделял и Н.И. Ашмарин, полагая, что «язык чуваш имеет какое-то отношение к финским наречиям». Но уже в предисловии к первой части труда, посвященного чувашскому синтаксису, он высказывает совсем иные суждения: «Мы знаем также, что в чувашском языке... есть несомненные финские элементы, которые тоже должны были сыграть известную роль в деле пересоздания языка в ту давнюю пору, когда тюркские чуваши, поселившись на берегах Волги, стали смешиваться с жившими здесь финскими племенами. Некоторые из финских элементов чувашского языка заимствованы чувашами от их соседей черемисов; последнее в особенности

имело место у верховых (козьмодемьянских) чувашей. Относительно причин, обусловивших инородные примеси в чувашском языке, я держусь несколько иного мнения, нежели академик В.В.Радлов. Последний объясняет своеобразный характер этого тюркского наречия тою причиною, что чуваши, не тюрки по происхождению, мало-помалу, в несколько периодов, усвоили себе тюркский язык, видоизменив его на почве собственного, ныне ими совершенно забытого языка; я же держусь в настоящее время другого мнения и думаю, что дело здесь обстояло иначе. Не чужеродцы исказили перенятое ими тюркское наречие, а тюрки (чуваши) утратили чистоту своего родного говора, приняв в свою среду чуждый элемент в лице финнов Поволжья. Мне кажется, что здесь произошел в более грандиозных размерах такой же процесс изменения языка, какой мне уже пришлось констатировать раньше у чувашей Козьмодемьянского уезда, живущих на границе черемисских селений и изменивших свое наречие в силу брачных связей с горными черемисами. Впрочем, чувашские слова, перешедшие в древности в мадьярский язык, доказывают ясно, что своеобразный характер чувашского наречия уже был ему присущ и в древности, раньше IX столетия нашей эры, а кроме того, существуют некоторые положительные факты, позволяющие думать, что первоначальная родина чувашей была не на среднем течении р. Волги, в области финнов, а гораздо южнее».

Спустя тридцать лет, вновь обращаясь к чувашскому языку, В.В.Радлов всячески подтверждает свое прежнее мнение: «На основе сходства булгарских слов, встречающихся на могильных камнях, с современными чувашскими словами мы с уверенностью можем сказать, что язык булгар следует считать предыдущей ступенью современного чувашского языка и что тюркизация булгар в XIV веке шагнула уже далеко вперед. Тюркизация коренного населения Волго-Камья, как показывает чувашский язык, протекала по другому, нежели тюркизация якутов. В то время, как монголы и лесные урянхайцы в бассейне Лены разом были наводнены большими массами ворвавшихся тюркских племен и благодаря чему за короткое время образовался смешанный язык, в котором тюркский элемент сразу выступил в доминирующей роли, в праязык чувашей, первоначально несомненно угро-

финский, тюркские элементы вошли постепенно, благодаря беспрерывному соседскому общению в течение более чем тысячи лет, и со временем вытеснили собственный языковой материал».

В литературе, посвященной Волжской Булгарии и, в частности, языку надмогильных камней, можно натолкнуться на кажущееся противоречие: как же, дескать, получается, что чувашизмы встречаются на мусульманских надгробиях, тогда как чуваши были язычниками, а татары испокон веков – мусульманами, и поэтому-де логичнее было бы памятники булгарских мусульман считать древнетатарскими со всеми вытекающими из такого признания последствиями: единственными наследниками волжских булгар являются современные татары, язык булгарских памятников перерос в современный татарский язык. Однако носители такого взгляда не всегда считаются со средневековой этнической общностью поволжских тюрок и их исламизацией.

Первоначально ислам приняла лишь часть булгарского населения. Согласно исследованию А.П. Ковалевского записей арабского писателя Ахмеда ибн-Фадлана о его поездке и пребывании в стране булгар на Волге в 922 году в качестве секретаря халифа Ал-Муктадира, среди сувас и булгарских племен против принятия ислама действовала целая партия. В связи с этим царь Алмуш пригрозил сувасам, что он расправится с ними, если они не примут ислама. После таких угроз за царем последовала лишь часть племени сувас, вероятно, главным образом знать. Основная же масса отказалась от ислама и постепенно стала переходить на правый берег Волги, в районы, в той или иной мере заселенные древнемарийскими, буртасскими племенами.

Концепция прошлого Волжской Булгарии представляется нам в следующей схеме. Кыпчаки (у русских летописцев половцы, европейских авторов – команы или куманы) еще с XI века создали огромную степную империю, вошедшую в историю под названием Дешт-и-Кыпчак, что в переводе с персидского означает «степной кыпчак». Она охватила территориально Хазарию, Приуралье, Крым, нижнюю и среднюю Волгу до границ Булгарии. Кыпчаки говорили примерно на языке крымских, астраханских, ногайских и казанских татар с некоторыми чертами, присущими огузским языкам. Кыпчаки еще с XI века стали проникать и оседать в Волжской

Булгарии, но после завоевания ее Батыем (1236) началось массовое переселение кыпчаков в опустошенную страну еще по одной причине: они составляли ядро военной мощи Золотой Орды.

На рубеже XII–XIV вв. кыпчаки, стоявшие по тому времени на довольно высоком уровне развития, стали занимать господствующее положение на территории Золотой Орды и бывшей Булгарии. Государственным языком стал кыпчакский, официальной религией – ислам. Широкие массы булгар с переходом в ислам приняли язык татар. С этого времени исчезают надгробные памятники с признаками чувашского языка.

Н.Ф. Катанов заметил, что так как до сих пор не найдено памятников XV века, в которых бы встречались чувашские слова, надо думать, что в XV веке чуваши, принявшие ислам, стали уже – настоящими татарами, забыв свое происхождение. Всего вероятнее, была подвержена татарскому влиянию и ассимилировалась с монголо-татарами та часть булгарских чувашей, которая жила в городах и издавна проповедовала ислам: поэтому памятники XV века с чувашскими элементами не встречаются, памятники с того времени составляются уже только на татарском (и арабском) языке. Часть же чувашей, жившая вдали от центров, в лесах, осталась вдали от татаризации и ислама, т.е. осталась язычниками, принявшими затем, частью, христианство.

Никифор Охотников (1860–1892) в статье «Приволжские чуваши» (1891) предвосхитил мысль многих специалистов, утверждая, что «городские жители из чуваш окончательно сделались мусульманами и слились в одно с татарами, а чернь, как не успевшая принять магометанской религии, так как вела полукочевой образ жизни, не переставала исполнять свои языческие обряды, и тем совершенно отделилась от городского чувашского населения, которое уже по имени победителей, видимо, стало – называться «татарами»... Если же чуваши живут в настоящее время по правую сторону Волги, т.е. на месте буртас, то это обстоятельство объясняется тем, что татары своим нашествием вытеснили их на это место. Что чуваши ранее положительно жили по левую сторону Волги и Камы, доказывается и этнографией самих чувашей и, главным образом, «названиями рек, озер, гор, городов и замечательных местностей начиная от Урала и до Суры,

которые, т.е. названия, происходят от корней чувашских слов. На основании этого мы можем безошибочнее в лице нынешних чуваш видеть прежних булгар».

Вернувшись к Н.Н.Поппе, хотелось бы добавить еще несколько слов о том, что он, живя в США, не выпускал из поля научного зрения своих алтаистических исследований вопросы становления чувашского языка. Чтобы устранить белые пятна в этой области, мы в свое время решили читателей и любителей чувашского языка познакомить с главным его научным кредо, которое в наиболее законченном виде изложено в статье «К вопросу о месте чувашского языка». Написав под впечатлением прочитанного статью «Н.Н.Поппе и его вклад в разработку истории чувашского языка», мы предложили ее Чувашскому НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (его директором тогда был В.Д.Димитриев). Но в издании статьи было отказано. Не знаю, была ли это перестраховка или боязнь, что подобные статьи могут потрясти раз и навсегда установленные идеологические устои. Лишь после семилетних мытарств статья моя в 1991 году увидела свет в издании того же института, но уже при новом директоре. Кстати, никакого вознаграждения (гонорара) я за нее не получал, но довольно было мне той радости, что о Н.Н.Поппе узнали-таки нынешние чувашские языковеды.

«СЧ» №166, 18 августа 1993 года.

1.11. ЧУВАШИ ПРОИЗОШЛИ ОТ ГАГАУЗОВ?

Моя юность прошла в Молдавии. После окончания медучилища работала в гагаузском селе. Затем переехала в Чувашию. Здесь я с удивлением обнаружила схожесть чувашского и гагаузского языков.

Сегодня много пишут о происхождении этноса. Мне кажется, что я утаиваю очень важные сведения о том, что чуваши произошли от гагаузов. Если бы кто-либо из ЧГУ съездил туда, смог бы сделать очень важное открытие.

А. АЛЕКСЕЕВА.

– Чтобы ответить на поставленный вопрос, вовсе не обязательно выезжать в командировку в Молдавию, – считает доктор филологических наук, профессор ЧГУ М.Р. Федотов.

Гагаузы – тюркоязычный народ, их около четверти миллиона человек. Они в большинстве своем (около 100 тысяч) населяют южные районы Молдавии, часть (около 20 тысяч) живет в Одесской области. Другая часть гагаузов живет в Казахстане, а также в Болгарии.

Гагаузский язык относится к юго-западной (огузской) группе тюркских языков. Ближайшими родственниками гагаузского языка являются турецкий, азербайджанский и туркменский языки.

Гагаузский язык длительное время развивался в разноязычной среде. Он представляет собой интересный объект изучения тюркского языка с существенными признаками влияния славянских (украинского и русского) и романских языков.

В заключение скажу, что Ваше мнение о гагаузском происхождении чувашей является бездоказательным. Чувашский и многие другие тюркские языки, в том числе и гагаузский, родственны, что подтверждается многочисленными научными изысканиями. Советую познакомиться с книгой Л.А.Покровской «Грамматика гагаузского языка» (Москва, 1964).

«СЧ» №№ 37-38, 19 февраля 1994 г.

1.12. И НИКУДА ОТ ЭТОГО НЕ ДЕТЬСЯ

Прошло уже много столетий, как Чувашский край, вольно и невольно, но прочными узами связал себя с единой и неделимой Россией.

В настоящее время, когда открыты широкие шлюзы демократии, что предопределяет в первую очередь свободу слова, нередко в средствах массовой информации под углом негативной критики стал рассматриваться пройденный нерусскими народами исторический путь и его последствия под властью государства Российского.

В последующем изложении мы основное место уделим одному из важнейших вопросов – влиянию русского языка на чувашский, начало которому положили исторические события первой половины XVI века, и как они воспринимаются и оцениваются разными общественными слоями в наши дни.

В превратностях исторических судеб развитие чувашского языка, под которым понимается прежде всего его социальный статус, не было иного пути, чем тот, который был выбран нашими пращурами в силу тех трагических исторических обстоятельств, которые казались им единственным средством спасения от полной национальной деградации.

По прошествии веков исторический выбор чувашами доминирующего языка можно было оценить по-разному, но он, на наш взгляд, является общенародным делом, содействовавшим объединению чувашей в составе единой России, со всеми малыми и большими своими соседями.

Одним взмахом руки, даже при неблагоприятнейших условиях, невозможно и нет необходимости устранить фактор доминирующего русского языка, тем более он издревле был единым языком централизованного государства.

В мировом пространстве, кроме русского, есть и другие языки-доминанты. Будь судьба для чувашей уготовила иную языковую сверхсреду, мы, рано или поздно, попали бы в объятия ее культурно-языковой и политико-экономической среды.

Чувашская интеллигенция русский язык принимает близко к сердцу, потому что она свои творческие потребности реализует, как правило, через него. Чтобы такое утверждение не звучало всуе, достаточно чувашские тексты столетней древности сравнить с современными. Между ними большая разница в лексическом материале, который накапливался как отдельными русскими заимствованиями, так и кальками, возникающими благодаря нетюркским образцам, прежде всего – русскому языку, а через него международная общественно-политическая и научно-техническая терминология. Обратите внимание на некоторые статьи в чувашских газетах, которые слепо подражают русскому синтаксису. Они зачастую трудны для понимания по простой причине: думаем по-русски, пишем по-чувашски.

В то же время в газетах часто мельтешат призывы – сохранить чистоту и выразительность родного языка, поднимать его авторитет в глазах читающей публики. Но они, к сожалению, остаются лишь словами.

Некоторые наши общественные деятели хотели бы всех вернуть в лоно образования и воспитания на чувашском языке с возрождением некоторых средневековых чувашских слов в виде названий чувашских месяцев, но и они никак не прививаются даже в сельских крестьянских условиях. Газета «Хыпар» вот уже сколько лет тратит силы на эту сверхзадачу, но, увы, – безрезультатно. Нетрудно объяснить нежелание народа к оживлению забытых терминов. Весь западный мир, в том числе Россия, уже давно пользуются общепринятыми календарными терминами, что облегчает быстроту взаимопонимания. Журналисты же из «Хыпар», на мой взгляд, проявляют ненужную прыть, чтобы добиться успеха в рекламе злополучных чувашско-татарско-русских названий месяцев, но нет успеха по простой причине, которую народ определил очень метко и лаконично: мертвому припарки не помогут.

На эту тему можно было бы привести много примеров. Вот и на радио, после чтения официального текста последних известий, диктор по-чувашски сообщает сводку о погоде: «***Çанталăка сăнакансем пĕлтернĕ тăрăх, паян…***». Тут нет смыслового нарушения, но важно учесть, является ли словосочетание «***çанталăка сăнакансем***» термином в подлинном смысле?

Почему на радио боятся грецизма **синоптик**, равного другому грецизму **метеоролог**? Ведь они вошли во многие европейские языки, в том числе и русский!

Совершенно не ко двору чувашского языка ***сăмах каçмăшĕ***, «Хыпар» его подставляет под значение англицизма кроссворд (в переводе на чувашский ***хĕрес-сăмах***). Но если придерживаться такого же принципа выдумывания чувашских описательных терминов, то как быть со словами, которые уже в большом ходу в нашей речи? Вот несколько примеров наугад: бройлер, аутсайдер, стресс, эскалация, нувориш, дизайн и т.д. и т.п. Что, ради славы и суверенитета чувашского языка начнем изымать глубоко укоренившиеся термины трактор, комбайн, культиватор, элеватор и массу других иноязычных терминов? К чему тогда придем? На эти

вопросы один ответ: к смешным нелепым описательным переводам, но они никогда не станут терминами.

Как бы мы ни любили свое прошлое и настоящее, но интернационализмы, вошедшие в русский язык, прочно укрепились как в чувашском, так и в других языках нерусских народов России. При всем героизме желание слово календарь заменить «настоящим» чувашским словом ***кунтăрăм*** обречено на неуспех.

Несколько слов о так называемом ***чăвашлăх***. Слово это очень часто повторяется в некоторых газетах, претендующих на первое место в движении по возврату к истокам всего чувашского. Слово это передать по-русски трудно, но не будет ошибкой, если обозначим его русскими **чувашество** или **чувашскость.**

В средствах массовой информации, особенно на радио, очень часто звучат ***хурал пӳрчĕ, тĕпел***. Слова вполне понятные, весь вопрос, однако, в том, можно ли вдохнуть в них содержание, имея в виду тот кардинальный факт, что их старое содержание «караулка, сторожка» (из русского караул, что в свою очередь восходит к древнетюркскому) и «угол перед печкой, передняя часть избы с правой стороны, правый угол избы» отражает прошлый бытовой уклад крестьянина. Главное же, пожалуй, то, что вся эта атрибутика осталась в истории, в прошлом, которое не повернуть вспять.

Никто не покушается на подобную терминологию, никто не имеет морального права сказать, что все это представляет никому ненужный хлам, который следует выбросить за борт новой жизни. Так не поступает ни один культурный и цивилизованный народ. История культуры, как материальной, так и духовной, зиждется на глубоком понимании всего хода развития психологии народа и ее многообразных и противоречивых проявлений меняющихся под грузом прожитых времен и потрясений народа как этноса.

Основной костяк чувашской интеллигенции развитие чувашского языка в изоляции от общепризнанных и общепринятых терминов не мыслит, хотя среди нас есть и такие, которые силятся уверить читателей, что чувашский язык один из наидревнейших мировых языков, что он существовал с шумерских и библейских времен, что имя самого Господа Иисуса Христа объясняется-де через чувашский язык.

Мало того, энергичные «первооткрыватели» добрались до Солнечной системы, т.е. вошли в космос с чувашским языком, объявляя во всеуслышание, что название планеты Солнечной системы Юпитер объясняется-де чувашским словосочетанием Юпатар.

Перед чувашским просвещением стоит задача, в выборе иных путей подъема авторитета суверенного чувашского языка, если мы его конституционно объявили государственным. Тут, однако, надо избегать эмоционально-революционных скачков, которые абсолютно противопоказаны языку. Постепенно, мало-помалу, но настойчиво, через школы, вузы собирать и копить богатство, не отказываясь ни от каких бы то ни было приобретений, если они будут отражать реалии всей многонациональной России и всего мира. Мы непременно должны выходить навстречу богатству европейских, языков в непосредственном контакте с ними.

Первые тропы такого пути уже протаптываются. Это, прежде всего открытие чувашско-немецкой, чувашско-турецкой школ, гимназии при Чувашском госуниверситете, в учебной программе которой предусматривается преподавание двух иностранных языков, но не в ущерб родному языку, как это часто, к сожалению, получается у нас в разных школах.

В подъеме значительности родного языка очень большое значение имеет командировка чувашской учащейся молодежи в зарубежные учебные заведения (в этом деле И.Я. Яковлев стоял почти у цели, но помешала начавшаяся первая мировая война).

Вот так, кажется, начинаем понимать и принимать смысл гуманитарного образования, которого, собственно говоря, до недавнего времени у нас не было. «Мы настроили театров, различных клубов, но культуру народа мы не подняли, – пишет академик Д.С. Лихачев. – Гуманитарного образования у нас вообще нет такового! А потом удивляемся нашей темноте, взрыву национализма».

«Ульяновец» №21, 6 июня 1995 г.

1.13. ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БУЛГАРСКО-ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

В предыдущем нашем материале о Й.Бенцинге речь шла о его исследованиях в области чувашской литературы ("СЧ", 3 августа 1995). Однако в его научно-исследовательском творчестве лингвистические штудии превалируют над всеми другими его публикациями.

На этот раз хотелось бы обратиться к юбилейному сборнику, вышедшему под названием "Булгаро-чувашские исследования" в издательстве (Harrasowitz) (г. Висбаден) в 1993 году, который мы получили недавно.

Редактор упомянутого издания в своем добром напутствии пишет, что 13 января 1993 года отмечалось 80-летие со дня рождения Й.Бенцинга. Это послужило поводом к переизданию в виде отдельного сборника значительной части его работ в области тюркологии и алтаистики, его исследований языка и фольклора булгар и чувашей.

С полным основанием следует сказать, что Йоганес Бенцинг является одним из пионеров в области исследования современного чувашского языка. Его чувашские исследования (вып.I-V) явились не только первым обобщающим трудом, но также послужили путеводным началом анализа к пониманию выдающегося феномена последнего живого представителя булгарской языковой семьи – чувашского языка. Это исследование принесло юбиляру славу выдающегося знатока того языка, который как в тюркологическом, так и алтаистическом контексте занимает центральное место. Его же перу принадлежат соответствующие статьи о языке и литературе чувашей, а также о языковых остатках гуннов, хазар, дунайских и волжских булгар. (В списке трудов Йоганеса Бенцинга они значатся под номерами 19-20, 25).

Центральное место в булгаро-чувашской проблеме занимает явление ротацизма, которое все еще продолжает раскалять умы. Вполне естественно, что эта тема, наряду с другими, в "чувашских исследованиях" занимает определенное место, но Й.Бенцинг наиболее полно исследует ее в языках дунайских и волжских булгар. Даже из чисто языковедческих работ Й.Бенцинга видно,

каким знатоком чувашского фольклора он является. Это бросается в глаза особенно в тех работах, которые отмечены последними номерами в списке его научных трудов.

Пусть некоторые анализы и выводы первых его публикаций уже не находят одобрения, но его труды в области булгаро-чувашской проблемы и на сегодня во многом достоверны и вносят в очаровывающую область тюркологии основополагающий вклад.

К сказанному выше сообщаю, что ксерокопии научных работ юбилейного сборника Йоганеса Бенцинга имеются на кафедре тюркологии Чувашского государственного университета и в библиотеке Чувашского института гуманитарных наук.

«СЧ» № 158, 9 августа 1995 г.

1.14. ОТГОЛОСКИ ОСНОВ МУСУЛЬМАНСТВА В ЧУВАШАХ

Начнем с повторения известного многим факта, что наши прапрадеды, волжские булгары, были истинными мусульманами. Это выясняется при рассмотрении ислама в его историческом развитии, когда мусульманство и язык средневековых волжских булгар выступали в тесной взаимосвязи. Чтобы это обстоятельство не оставалось на уровне простой констатации, нам следует дать ответ на возникающий вопрос, на основании каких исторических фактов и документов можно было бы утвердить о взаимосвязи тюрко-булгарского языка с основами мусульманства.

Ответ простой: ими являются дошедшие до наших дней тексты некрологов, выбитых на могильных камнях. В связи с этим хотелось бы остановиться хотя бы очень кратко на композиционной структуре булгарских эпитафий XIII–XIV веков.

Тексты эпитафий, если они имеют удовлетворительную сохранность, начинаются, как правило, с цитирования арабоязычных формул-изречений (Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

Верховный суд принадлежит Богу. Он (Аллах) живой, который не умирает, все живущее умирает и т.д.). Затем идут гражданские сведения о покойном (покойнице): его (ее) родовая принадлежность (Сын Мухамеда, дочь Османа и т.д.), также их общественное положение (Сын сборщика податей, содержавший ученых и любивший их, воздвигавший мечети и т.д.). Далее следует обращение к Аллаху о милосердии (Да будет милость Бога над ним (нею). В заключение приводится дата (тарих) смерти покойника (покойницы) с указанием года по Хиджре (исходный момент – бегство Мухаммеда из Мекки в Медину – мусульманского летосчисления), месяца и дня на булгарском языке, который в своих главных чертах созвучен с современным чувашским языком.

Вот этих носителей булгарского языка имеем мы в виду, когда о них говорим как о прапрадедах современных чувашей. Однако эта городская прослойка булгар уже в XV веке в силу ряда исторических обстоятельств превратилась в поволжских татар-мусульман.

Переходя к нашей непосредственной теме, особо следует подчеркнуть, что принятие булгарами ислама (религия, основанная пророком Мухаммедом (или Магомедом) в VII веке и изложенная в Коране) в качестве государственной религии явилось основной предпосылкой широкого распространения в Волго-Камье арабско-мусульманской культуры.

Преобладающая народная масса наших предков не приняла ислама, но тем не менее в чувашском языке заметны следы проникновения религиозных представлений и терминологии ислама "в главнейших и притом наиболее элементарных ее чертах" (Н.И. Ашмарин. Болгары и чуваши. – Казань, 1902. – С.111).

Нет никакого сомнения, что явный отпечаток религиозных воззрений мусульман носят также арабские заимствования в чувашском, как, например, *тӗн, алла, амин, асам, этем, ахар, саман, пӗсмелле, киремет, масар, хӑямат, хӑрпан, харам, апас, мучавӑр, шуйттан, асан, ахрат* и многие другие.

На почве, языческих представлений чувашей некоторые из этих слов утратили свое строго определенное значение религиозных терминов. Это хорошо видно на примере семантических сдвигов в значении слов ***киремет, хӑямат, ахӑр, саман,***

тухатмăш и других. Поясню этот семантический сдвиг на слове ***тухатмăш***. В чувашском языке есть слова **туха/тука**, но оно обычно выступает в производной форме: **туха ту-/тука ту-**, что соответствует значению глагола **тухатла-/тукат-ла-** "колдовать, ворожить". От **туха/тука** образовалось также ***тухатмăш/тукатмăш*** "колдун, колдунья; ворожей, ворожея" (Ашм. Сл.XIV, 106-107, 200-201). Чувашская исходная форма **туха/тука** восходит к арабскому **дуа** (между **у** и **а** слышится своеобразный звук, напоминающий украинское **-г-** в слове ограда) со значениями "молитва, моление; привет, приветствие, призвание Божьего благословения, обращение к Богу с просьбой наказать (кого-либо), призывание проклятия на кого-либо, зложелательство» (ПРС I, 340). Отсюда становится ясно, что чув. ***тухатмăш*** восходит к древнетюркскому **ду' а+эт-миш** "мольба, просьба, зов; молитва", но на чувашской почве приняло негативное значение, выражаемое русскими "колдун, колдунья; ворожей, ворожея".

До принятия христианства чуваши носили как языческие, так и мусульманские имена. Среди некрещеных чувашей они бытуют по сей день: Али, Керим, Эмир, Тухтар, Сайте, Хамит, Халит, Велюш, Ильяс и другие. Степень их ассимиляции является одним из свидетельств заимствования подобных мусульманских имен в весьма отдаленном прошлом.

До завоевания Казани русскими в чувашском крае действовала тюрко-мусульманская администрация, свидетельством тому является чув. ***тӳре-шара***, в котором ***шара*** означает мусульманское законодательство ***шариат***, разработанное на основе Корана и Сунны (предания о пророке Мухаммеде и дополнения к Корану). ***Тӳре*** – слово древнетюркское, что соответствует русским "судья" или "чиновник".

Процесс усвоения чувашами новых мусульманских терминов продолжался вплоть до начала XX века. Этому содействовало прежде всего то обстоятельство, что чуваши, живя рядом или в окружении сплошной массы мусульманского населения, а также в силу политического и экономического давления на чувашей и активной пропаганды ислама проповедниками усвоили ряд новых терминов мусульманской духовной культуры, хотя чуваши к тому времени формально числились христианами. Вот,

скажем, общечувашское слово **ураса** (из тат. **ураза**). На его основе образовались: ***ураса уç***- "разговляться", ***ураса тыт***- "говеть", а у ядринских чувашей ***ураса тыт***- "говеть", а ***типĕ тыт***- "поститься". Очень интересный пример: ***вара тип тытса ураса тăваççĕ*** "говеют" (Ашм. Сл.Ш, 273).

Чувашское молитвенное начинательное возглашение ***пĕсмелле (песмилле) пĕсмĕл*** восходит к арабскому ***бисмилла***. Вот пример старочувашского моления: "Пĕсмĕлле, теççĕ ĕç пуçланă чухне. Пĕсмĕлле, çырлах, сана пĕтĕм халăхпа пуç çапатпăр, сана асăнатпăр, чӳк, çырлах". Из моления киремети. (Ашм. Сл. X, 240).

Чуваши еще в середине XIX века толком не усвоили знамение креста, а пользовались символом мусульманства, т.е. "руками терли лица", как об этом пишет Александра Фукс в "Записках о чувашах": "Я вчера приехала на моление в 10 часов утра и застала начало всех суеверных обрядов: верст за 8 от Исенева при дубраве, в овраге, было устроено место для моленья, куда деревень с десяти съехались чуваши, одни, без женщин (мусульманские женщины в молениях в мечети также не участвуют. – *М.Ф.*). Чуваши начали приготовляться к моленью, засуетились и встали все в порядке: четыре старика вперед, а прочие, человек по тридцати, рядами, один ряд за другим. У каждого шапка или шляпа была под левою рукою. Старики начали читать молитву: чуваши за ними вполголоса и все движения, какие делали старики, повторяли, и прочие иногда руками терли лицо, поднимали руки к небу, становились на колена, кланялись в землю и долго не поднимали головы" ("Лик Чувашии", № 2, 1994. – С. 167-168).

О бритье головы, обычае явно мусульманском, А.А. Фукс еще 150 лет назад писала следующее: "Я была по крайней мере в десяти избах из некрещеных чуваш, и ни в чем не нашла ни малейшей разницы с крещеными; только увидела одного чувашина с бритою головою, и на вопрос мой о причине этого он мне отвечал, что по их закону надлежало всем брить головы, но что это вышло уже из обыкновения" ("Лик Чувашии", № 2, 1994. – С. 168).

Средневековые булгары, как и некрещеные чуваши в недавнем прошлом, на могилы усопших ставили каменные столбы, по-чувашски **юпа/йопа** "столб", изображающий умершего. Об этом

читаем в Словаре Н.И. Ашмарина: "Авалхи чăвашсем чултан, тăваткал касса, тунă. Халĕ те хăшĕ чултан тăваççĕ. Юпине çын евĕрлĕ тăваççĕ, сăмсине тăваççĕ, çăварне" (Ашм. Сл.IV. – С. 342-343).

Роза Ахтимирова в очерках о добрых традициях чувашей подтверждает, что чуваши в старое время на могилах усопших ставили не дубовые, а белокаменные столбы (Чăвашсен ырăйăла йĕркисем. Шупашкар, 1995. 43 с).

Чуваши в недавнем прошлом, как и их соседи татары-мусульмане, в пищу не употребляли свинины. Снова обратимся к А.А. Фукс: "Некрещеные чуваши употребляют в пищу мясо хищных зверей и птиц; крещеные же в выборе пищи несколько с ними различествуют, однако же не брезгают лисицами. Первые терпеть не могут свинины, а последние мало-помалу ныне к этому кушанью привыкли" ("Лик Чувашии", № 4, 1994. – С.148).

Упомянутая Роза Ахтимирова также подтверждает, что на поминках по усопшей на стол не ставят ни свинины, ни рыбы. Это, разумеется, связано с давним запретом есть свинину (упомянутый источник. – С. 41-42).

Большой интерес представляет сохранение следов полигамии в чувашских семьях. По этому поводу историк В.Д. Димитриев приводит также реальные факты: «Хотя в XVIII в. у чувашей господствовала моногамная семья, но встречалась и полигамия... Так, в 1717 г. в девяти деревнях Сюрбеевской волости Цивильского уезда, в которых насчитывалось 208 дворов, домохозяева шести дворов имели по две жены, домохозяин одного двора – три жены. В 1763 г. в тех же деревнях у трех домохозяев было по две жены" (История Чувашии XVIII века. – Чебоксары, 1959. – С. 451). Исходя из этих фактов, нам остается сказать, что чувашская полигамия вполне соответствовала мусульманскому шариату, разрешающему многоженство.

В заключение о чувашском термине **кепе** (-б-). У Н.И.Ашмарина насчет этого слова сказано следующее: "Первоначально – **кааба**, теперь – название божества (араб.). У луговых мари **кава юмы**, у удмуртов – **каба инмар**. **Кепе** ("кааба") хĕвелтухăçĕнче, çавăнпа хирте чӳк тунă чухне хĕвелтухăçнелле пăхса кĕл тăваççĕ. Кепе (-б-) на востоке, поэтому во время полевого моления повора-

чиваются лицом к востоку. Кепе кепе-тĕр, кепе ама-тăр. Кебе есть кебе, кебе – это мать (в смысле, что мать дорога, как кебе дорога, в религии (Ашм. С.VI, 189).

Насчет этимологии этого слова сошлюсь на Евфимия Малова: "Это слово, как мне представляется, происходит из еврейского **ко-кабь** "звезда". Здесь первый слог **ко**, как произносимый в глубине гортани, мало слышится, а потому ясно выступает в произношении слог последний... По словам пророка Амоса (5,26), слово **кокабь** служит названием божества (О влиянии еврейства на чуваш. Опыт объяснения некоторых чувашских слов протоиерея Евфимия Малова. – Казань, 1882. – С.25).

К сказанному позволю себе прибавить, что **Кебе** – богиня, управляющая судьбой человеческого рода, принята теократией древних финно-угров, в том числе чувашей, еще во времена господства хазар.

Приведенные выше примеры, хотя они, быть может, не совсем полные, подтверждают ту истину, что чуваши долгое время находились под сильным влиянием мусульманской религии, которая начала постепенно выходить из бытовой жизни чувашей с принятием не менее сильного христианства.

«СЧ» №35, 22 февраля 1996 г.

1.15. СЛОВО РАЗБРОСАННОЕ И СОБРАННОЕ

Вышло из печати фундаментальное исследование доктора филологии М.Р. Федотова "Чувашский язык". Для кого предназначена книга?

В первую очередь для "специалистов-алтаистов, студентов гуманитарных факультетов университетов и педагогических институтов", а также интересующихся вопросами чувашского языка в семье тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и финно-угорских языков. Но читать книгу без знания германских, арабского, китайского, не говоря уже о турецком, будет очень и очень непросто. Потому что рядом со словами, написанными

латиницей, арабским шрифтом или иероглифами, рунами, не видно транскрипции родноязычными звуко-буквенными трансформациями. Понятно, многие звуки иностранных языков не укладываются в рамки кириллицы, и речь может идти лишь об относительном приближении к истине. Наше желание связано с мечтой услышать о трудах ученого: "Не узок круг этих читателей". Извлекать информацию для своей духовной деятельности из книги М.Р. Федотова обязан каждый читатель: она открывает ему огромные возможности для популяризации лингвистических знаний среди населения и представляет собой хранилище истории развития чувашского языка.

Хотя книга издана в главном чувашском городе, но написана не на чувашском языке. Да, о нашем языке пишут повсюду – от Москвы до самых до окраин, на разных языках. Но когда при живом языке о нем дома свои говорят на другом языке – это неестественно. Речь идет о той пагубной языковой политике, которая вытеснила родной язык из научной сферы на своей родине, превратив народный язык в теорию, которая мертва без практики. Если бы книга была на родном языке, она имела бы не только теоретическое, но и практическое значение. Исправить наше абсурдное языковое поведение одному ученому не под силу, нужны усилия властных органов не на бумаге, а на деле.

Обоснованность вопроса в отношении названия книги можно объяснить и следующим фактом: в ней преобладает количество нечувашских примеров. Но этому можно радоваться, если признать иллюстративные тюркские слова прочувашскими. Далее: для активизации чувашской лексики в научном обороте можно было бы снабдить специальные слова чувашскими терминологическими параллелями, т.е. интернациональные термины типа номинатив, вокатив, генитив, датив и т.д. и давать в переводе на родной язык. Потому что, кроме М.Р. Федотова, никто эти категории не сможет адекватно передать, другого такого уникального языковеда-ученого на нашем горизонте пока не заметно.

Когда читаешь книгу, возникает много вопросов. Почему, в частности, семантика, этимология, структура темпоральных наречий ***паян, ёнер*** рассмотрена всесторонне, в то время как не заслужило постоянного внимания не менее интересное ***ыран***? На-

прашивается закономерный вопрос и в отношении ***виçмине*** и ***виçĕм-кун***, потому что промежуток времени в два дня вперед и назад отражен во многих языках. Исследователь остановил свой выбор в первую очередь на простых наречиях времени и определил их формы в процессе развития языка, блестяще решив поставленную перед собой задачу. Но чем больше вчитываешься в строки специальной главы о наречиях, тем больше становится интерес к ним, и любознательный читатель начинает уже поисковое чтение.

Далее думаешь, нельзя ли было автору, глубокому знатоку германских языков, шире привлекать для сравнительно-сопоставительного анализа примеры из немецкого языка? Известно, что большинство ученых включает наш язык в тюркскую семью, однако были и иные взгляды. К тому же взаимовлияние тюркских, индогерманских, древнегреческого, латинского языков очевидно. И эти следы не мог не сохранить наш чувашский язык. Поэтому, скажем, когда автор вслед за Севортяном и Рясяненом мое кровное ***укçа*** возводит к межтюркскому **акча** (**ак** - белый) - беловатый, беленький, "что соответствует цвету серебра", то возникают и другие ассоциации, например, если выпустить чувашский язык на мгновение на волю из тюркского мира: очень уж привлекательно в данном случае немецкое **ochse** (бык), ибо в ряду его -древне-, средне-, северо-, общегерманских и готских этимологических форм присутствует древнеиндоевропейское **uksa**. Даются и греческий, и латинский эквиваленты. Попутно можно вспомнить, что в древности бык служил меновой стоимостью и успешно выполнял функцию денег. Как бы налицо факт сохранения этой действительности в чувашском языке, законсервировавшем общечеловеческую ценность. Но тюрколог М.Р.Федотов принципиален и ставит точки всегда своевременно: он посвятил свою новую книгу исследованию места чувашского языка в семье тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и уделил совершенно справедливое внимание его взаимоотношениям с финно-угорскими языками.

Неужели в самом деле "соответствие тюрк. **ek** - чув. **ак** "сеять", ср. удм. **акаяшка** < чув. **акаяшки** "праздник сева" является всего лишь тюрко-чувашским и "свидетельствует об усиленном процессе расширения тюркских узких"? В этом нет сомнения, но

при условии признания расширения тюркского звука не только в чувашском, но и в готском **akrs**, французском и английском **acre**, в древневерхненемецком **ackar**, древнеиндийском **ajra**, армянском **acem**, индогерманском **aq**, греческом **agros** и т.д., в которых сохранена семантическая связь **пасти - пашня**, ибо в древности скот вдавливал зерна в землю, гуляя по пашне (нем. **Acker**) и удобряя поле (индогерманское **aq**). По всему свету гуляют и теперь интернациональные слова **аг(роном)**, **аг(рарная)**, **аг(рометр)** и т.п., которые возводят к латинскому **aqer** (поле). Вспоминают при этом и **акр** – меру земельной площади в Англии и Северной Америке, равную 4047 кв.м. Эти истины автор книги знает лучше всех нас, потому-то и хочется ценителям родного языка устами авторитета сказать о его глобальных взаимосвязях с древнейшими языками. Но он упорно не выходит за рамки своих научных интересов и оставляет свободные поля для остальных.

От какого количественного числительного русского языка произошло порядковое числительное **первый**? Этимологи отмечают наличие его соответствий в других индоевропейских языках, но сегодняшнее русское **один** ничего общего внешне не имеет с **первый**. И наши взоры невольно обращаются к знакомому ***пĕр*** в родном языке, ибо его связь с **пер(вый)** кажется вполне прозрачной. Поэтому приведенное в книге утверждение "рус. - **первый** > чув. **пирвай**" не удовлетворяет нас направлением знака заимствования, и логично было бы его повернуть наоборот. Хорошо смотрится чувашское ***пĕр*** и рядом с латинским **primus** (первый), **prima** (первая), **primas** (глава), **primatus** (первенство), **prior** (первый)... Очень, часто знаки перехода исследователи ставят не в пользу чувашского языка, видимо, полагая, что наш язык сформировался не тысячелетиями, а лишь за последние столетия.

Торопимся мы ставить знак рус. > чув. применительно и к словам **артист, арест, крест**. Естественно, имелось в виду, что в новочувашском письменном языке многие интернационализмы появились через русский язык. Но не все. Как свидетельствует сама же книга М.Р. Федотова, чувашский язык развивался в дорусский период в контакте с другими языками.

Итак, читатель, занимающийся лингвистикой без достаточной подготовки, может поставить перед автором десятки подоб-

ных частных вопросов, на которые, он непременно найдет обстоятельный ответ. Книга не рядовая. Читать ее надо обстоятельно и многократно. В ней нет ни строчки пустословия, каждая лексема подчинена науке, каждое слово бережно разобрано и собрано, закреплено за определенным правилом.

Рассматриваемый научно-исследовательский труд – прочный фундамент для создания методических разработок и пособий для учителей, аспирантов, студентов и учащихся отдельно по каждой главе и по каждому параграфу. В этом его неоспоримое практическое значение для массового филологического просвещения народа.

На пороге своего 80-летия любимый народом профессор М.Р. Федотов подарил науке дело своей жизни. Но ученый мир ждет от него еще не менее солидную книгу по этимологии.

«СЧ» №209, 23 сентября 1996 г. В. ИВАНОВ, профессор.

1.16. ЗАОКЕАНСКИЙ ДЕБЮТ ЧУВАШСКОГО МАСТЕРА

В 1994 году в США вышла в свет книга под названием "Скрытые сокровища русского и советского импрессионизма (реализма) 1930–1970 годов". В ней воспроизводятся цветные репродукции произведений русских и советских художников с жизнеописанием каждого автора.

В аннотации к указанной книге сказано, что в течение 50 лет (1930–1980) культурная жизнь, в частности изобразительное искусство, в бывшем Советском Союзе была закрыта от западных глаз. Только М.Горбачев почувствовал, что советская система сдерживает людей от общения с сокровищами искусства, которые создавались за советский период.

В конце 1980 г. коллекционер Р.Е. Джонсон, услышав молву о внушительном впечатлении от работ русских и советских художников-импрессионистов (реалистов), послал своих представителей в Москву для приобретения произведений, прежде всего жи-

вописи. Специалисты и знатоки европейского искусства, побывав в мастерских художников и у частных коллекционеров в России, ознакомились с достойными и интересными произведениями изобразительного искусства, созданными в течение 50 лет. Джонсоном были предприняты интенсивные действия для закупки и перевозки в США лучших произведений советских художников... Произведения изобразительного искусства, репродуцированные и опубликованные в названной книге-альбоме, предоставлены из частных коллекций. Всего 77 художников представлены в альбоме – с жизнеописанием каждого в отдельности. В свое искусство, в свои картины художники вложили всю душу, профессиональное мастерство, и это вполне свидетельствует о том, что они достойны своего великого народа, ищущего человеческое достоинство.

Среди имен художников и их произведений, представленных в упомянутом альбоме, нашло достойное место всем нам хорошо известное имя чувашского художника Николая Васильевича Овчинникова с цветной репродукцией его полотна "Осенние улыбки" ("На току").

Но не одно это произведение Н.В. Овчинникова уплыло за океан, в США. Коллекционер Р.Е. Джонсон приобрел у нашего живописца много полотен, среди которых знаменитая "Чувашская мадонна", "Пора" (портрет-картина с Героем соцтруда В.В.Зайцевым), портреты чувашских женщин и девушек, а также пейзажи просторы Чувашии. Всего 40 произведений Н.В. Овчинникова украшают теперь Спрингвиллский музей искусств (г. Спрингвилл, штат Юта).

«СЧ» № , май 1997 г.

1.17. О РОДСТВЕ ЧУВАШСКОГО СЛОВА ЙЁРЁХ

Ученые установили, что в настоящее время на земном шаре существует примерно 3500 языков. Необычайно велик генеалогический разброс между ними, но тем не менее некоторые языки объединяет ряд родственных признаков на уровне фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики.

Исходя из этого понимания, такие языковые семьи называют родственными. Описанием, систематизацией и классификацией подобных языков занимается сравнительно-историческое языкознание. Среди любителей мира языков широко распространен наиболее легкий «метод-определитель» путем сопоставления созвучных слов, взятых из разных по происхождению языков. Дело доходит до того, что приходится читать заявления о родственности, скажем, между индоевропейскими и чувашским языками. Это побудило нас остановиться на родстве чувашского слова ***йĕрĕх***. В словаре чувашского языка Н.И. Ашмарина читаем подробнейшее объяснение слова ***йĕрĕх***: (первоначально – посвящение (предмет, посвященный духу), потом – название духа, впоследствии – злого. Среди предметов, находящихся в Русском Государственном музее, имеется несколько ***йĕрĕх***-ов, «покровителей рода», напр., женское изображение – **кукла**, сделанная из тряпок, с красной головой в чувашском костюме (№ 146-8); лубяной короб («***ват акай йĕрĕх/ĕ***»); это название дано ***йĕрĕх-у*** потому, что он «первоначально произошел от старой девы» (№ 1239-180); мужское изображение – кукла из тряпочек, с длинными седыми волосами на голове и подбородке («ёмпичче»), № 1416-3); два грубых изображения ребенка, в виде тряпочки, свернутой в трубку и перевязанный – в одном случае синей ниткой, в другом – ниткой и тесемкой (№ 1416-5,6), несколько безграмотно описанных ***йĕрĕх-ов*** («идолов»), под номерами 967-1,2,3,4,5... (Н.И.Ашмарин. Словарь V, 141-145).

В монографии А.А.Трофимова «Чувашская народная культовая скульптура» (Чебоксары, 1993) встречается слово ***йĕрĕх/йĕрĕк***. Касаясь его этимологии, автор задается вопросом: «Существуют ли слова, близкие к ***йĕрĕх*** и содержащие в себе противоположное понятие, у других народов?». Не обращая внимание на установленную тюркскую этимологию этого слова (В.Г. Егоров. С. 80; М.Р. Федотов, С.199-200) искусствовед целиком доверился «полиглоту» А.Е. Краснову, рекомендовавшему автору монографии «обратить внимание на немецкие слова arg, Arg, Arge, rächen, Räche, Racher, которые, по звучанию близки к ***йĕрĕх***. Вместе с тем исследователь отметил: и в семантике немецких слов живет что-то похожее с чувашским, т.е. существуют

понятия со смысловым понятием добра и зла. Данный факт свидетельствует о древнем происхождении этого слова, и принадлежало оно, видимо, языкам народов Индии, Ирана, племенам Передней Азии» (с. 205), т.е. языкам индоевропейского строя!

Приведенные выше немецкие слова общегерманского происхождения и относятся вне всякого сомнения к индоевропейской ветви и к чувашскому ***йĕрĕх*** никакого отношения не имеют. Что касается Rache, rächen, то они в этимологическом отношении имеют генеалогическую связь не с чувашским ***йĕрĕх***, а с русским **враг**. Обратимся к авторитетным источникам: Rache, см. rächen, др. верхненемецк. rëhhan, средне-верхненемецк. rëchan общегерманское слово (готск. wrikan, англ. wreak) имеет родство с латинским urgëre «на -пирать, теснить», русским враг (Hermann Paul, Deutsches Wörterbuch, – Halle (Saale), 1960. – С. 465; Чемоданов И.С. Хрестоматия по истории немецкого языка. – Москва, 1978. – С. 218).

Другое утверждение А.А.Трофимова, что «чувашское слово ***йĕрĕх*** не только по произношению, но и по значению тождественно армянскому **ереха** «малютка, младенец, малыш» (с. 59) также не следует принять на веру. В историко-этимологическом анализе «доказательства» по созвучию зачастую равны нулю, если речь не идет о заимствованиях из других языков. Кстати, армянский относится к генеалогическому дереву индоевропейских языков.

В связи с отсылкой А.А. Трофимова на авторитет «полиглота А.Е. Краснова» хотелось бы отметить, что мы часто расходимся друг с другом из-за недопонимания одной важной вещи – знания языков. Прежде всего ответим на вопрос: кто это полиглот? В русском языке, впрочем, как и во всех европейских языках, имеется огромное количество иноязычных слов-терминов греко-латинского происхождения. К их числу относится также греческое слово **«полиглот»**, состоящее из двух слагаемых: **поли-**, употребляющийся в большом числе сложных слов со значением «множество» и «частота» плюс **глотта** «язык», т.е. человек, владеющий многими языками. Человек, как известно, знания языков достигает практическим и теоретическим путями. Практический путь тот, когда он в общении в иноязычной обстановке механи-

чески подражает устной речи окружающих его собеседников или учителя в школе на уроке. Теоретический (лингвистический) путь предполагает анализ и синтез законов языка, что непременно предполагает, как мы отметили выше, сравнительно-исторический путь (метод) анализа уровней изучаемых языков. Хотя часто практическое и лингвистическое знание языков вещи разные, но их взаимодействие совершенно очевидно. Хороший лингвист знает практически много языков, но вовсе не обязательно, чтобы полиглот является выдающимся лингвистом-языковедом.

«Чăваш ен» № 47(422), 27 ноября - 4 декабря 1999 г.

1.18. НЕ СТОИТ УВЛЕКАТЬСЯ АРХАИЗМАМИ

В среде активистов Чувашского национального конгресса (ЧНК) стало как бы модой называть некоторых чувашских руководителей эльтеберами. С чем связана такая вопиющая архаизация и нужна ли она современной чувашской политической жизни.

В. ЕВЛАМПЬЕВА, г. Чебоксары.

За ответом на этот вопрос мы обратились к профессору М.Р.Федотову:

– На мой взгляд, не следует из древнетюркских исторических событий начала VIII века оживлять и актуализировать титулы, не имевшие и не имеющие никакого реального отношения к историческим судьбам чувашей. Для подтверждения своего взгляда обращу внимание читателей к памятнику рунического письма в честь Кюль-Тегина, где сказано: "**Аз эльтебэрлиг** (слово в винительном падеже с показателем **-иг**. – *М.Ф.*) **тутды; аз будун анта йок болты**" (С.Е.Малов. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л., 1951. – С.3243). С.Е. Малов это выражение переводит так: "Схватил Эльтебера азов; народ азов тогда погиб" (– С. 42).

Что касается значения слова аз, оно дано в древнетюркском словаре (ДТС): "**аз** III этн. **азы, азский народ**" (– С. 72).

К сказанному о народе **аз** приплюсуем еще один факт из статьи В.В. Бартольда "Древнетюркские надписи и арабские источники": "После победы над карлуками остался еще один враг восточных тюрков – народ **аз**, над которым была одержана победа в 715 г. у озера Кара-Куль..." Об этом говорит в особенности отрывок: "**аз älmibäplir mymды, аз будун анда jok болды**" [**аз эльтибэрлиг тутды, аз будун йок болты**] (академик В.В. Бартольд. Сочинения. V. – С. 301).

«Республика» №10, 14 февраля 2001 г.

1.19. НОВЫЙ ТРУД ЮДИТ

Имя Юдит Дмитриевой, переводчицы монографии выдающегося венгерского тюрколога, фольклориста и этнографа Дюла Месароша, должно быть, известно хотя бы из публикации "Памятники старой чувашской веры" в газете "Республика" №1 от 6 января 2001 года.

Но в этот раз ее имя станет, пожалуй, более известным благодаря оригинальному научному исследованию, изданному в Венгрии на русском языке. Этот труд под названием "Чувашские народные названия дикорастущих растений (сравнительно-исторический аспект)» вышел в свет благодаря объединенным усилиям гуманитарного факультета Дебреценского университета (Венгрия) и Чувашского института гуманитарных наук (Чебоксары) и является первым томом новой серии исследований по языкам народов волжско-камского региона России.

Научным редактором первого тома упомянутых исследований является Клара Адягаши, которая в свою молодость училась (стажировалась) в Чувашском государственном педагогическом институте им. И.Я. Яковлева. В силу своих способностей и отличного знания русского языка она добилась высшего ученого звания в Венгрии и в области исследования гуманитарных наук активно сотрудничает с Чувашским институтом гуманитарных наук в Чувашии.

Особый вес книге Юдит Дмитриевой придает предисловие на английском языке члена Венгерской АН, выдающегося финно-угроведа, монголиста, тюрколога и булгароведа Андраш Рона-Таша, умом и сердцем служащего чувашскому языкознанию, в особенности его истории.

Для любого грамотного чувашского читателя особый интерес представляют названия деревьев и кустарников с точки зрения их происхождения. Этой главной и самой интересной теме посвящены следующие разделы монографии: исконно тюркские слова (с.18-23), булгаризмы-чувашизмы (с. 23-32), тюркские заимствования-кыпчакизмы (с. 32-37), финно-угорские заимствования (с. 38-40), русские заимствования (с. 41), иранские заимствования (с. 41-42), названия с неясным происхождением (с. 42-48).

«Республика» № 53-54, 18 июля 2001 г.

1.20. ЧТО ЗНАЧИТ *«ХЎРТСУРТ»*?

Антон Салмин в газете "Республика (№№ 85-86, 24 октября 2001 г.) опубликовал статью "Хўртсурт – хозяин очага". Я с интересом начал читать ее, надеясь найти в ней мнение автора относительно происхождения слова ***хўртсурт***, но никакой этимологии в ней нет, хотя научная этимология данного слова ждет своего разрешения.

Антон Салмин увлекся описанием нрава ***хўртсурт*** и его деяний в пользу человека, быта "охранником и хозяином дома". Что касается домашних божков, то автор пытается расширить круг знаний читателя следующим умозаключением: "Однофункциональные божества есть у многих народов: у восточных славян – Мокошь, у русских – Домовой или Кикимора, у народностей Гиндукуша – Кханги, у таджиков – Деви лафед, у осетин – Бынаты хицау". Премного обязаны мы за его лингвистическую дальнозоркость, достигшей Гиндукуша, т.е. горной системы в Афганистане, примыкающей к Памиру, Гималаям и Каракоруму. Вот, оказывается, где надо искать аналогии чувашскому ***хўртсурт***? Нет, надо просто оглядеться, какие племена и народы

жили и живут вокруг чувашей. Мы языковые и культурно-исторические судьбы чувашей должны делить прежде всего с финно-угорскими и тюркскими народами. Во всяком случае нашим этнографам гораздо больше научной пользы принесет обращение к марийскому ***сурт, водыж*** "домовой" или **surt ŏrt** "домовой" (Месарош. С. 31), чем витать в ледниках и ущельях Гиндукуша и искать там какие-то родственные связи с чувашами.

Не могу не отметить мнение Антона Салмина о том, что в переводе ***хĕртсурт*** на русский язык "Н.И. Ашмарин и М.Р. Федотов ошибочно применяют к нему термин "дух". Получается, что дух – телесное существо, обитатель существенного, вещественного мира. Очередной абсурд. Рекомендую автору статьи внимательно прочесть, что из себя представляет понятие "дух" в словаре Даля (том I. – С. 503). Слово "домовой" в языках мира трактуется как мифический дух. Обратите внимание на слова Н.И. Ашмарина: "У язычников – чувашей между другими божествами было божество, наблюдавшее за домом, которое называлось ***хĕрт-сорт***, что соответствует русскому домовой. ***Хĕрт-сорт***, по верованиям чувашей, жил в избе на печи. В честь ***хĕрт-сурт*** раз в году делали праздник (в ноябре или позже, смотря по удобству)» (Ашм. Сл.XVII. – С. 56-60). Антон Салмин приходит к странному выводу, противоречащего как содержанию своей статьи, так и выводу Н.И. Ашмарина: "Таким образом, – заключает он, – ***Хĕрт-сурта*** можно назвать покровительницей земледелия. Аналогичное гиндукушское божество также активно помогает домочадцам: толочь рис, колоть абрикосовые косточки».

Получается нонсенс: в заглавии ***хĕртсурт*** назван хозяином очага, а в конечном выводе покровительницей земледелия. Это произошло из-за незнания этимологии слова "очаг" и его чувашского соответствия.

Редакция газеты "Республика" сделала Антону Салмину медвежью услугу, поместив его статью под рубрикой "Компетентно", хотя она не соответствует понятию латинского слова "competens".

И еще вот что. В статье нет ни одной отсылки на источники, которыми он пользовался: все мое – ничего чужого. Если бы так.

«Ульяновец» №№ 46-47, 9 ноября 2001 года.

Глава 2

ОЙКОНИМЫ И ТОПОНИМЫ

(О происхождении названий городов, сел, деревень, местностей, рек и озер)

2.1. О НАЗВАНИИ ГОРОДА АЛАТЫРЯ

Возвращаясь к напечатанному

«Советская Чувашия» в рубрике «Отчий край» в ноябре 1984 и январе 1985 годов опубликовала сообщения, объясняющие название города Алатыря. Решив принять участие в дискуссии по этой теме, я тогда для «СЧ» написал небольшую статью, но она, к сожалению, не увидела света. Я, как и тогда, считаю совершенно ошибочными наивные объяснения названия г. Алатыря.

Журналистка Ольга Аундовская его отождествляет с «камень-Алатырь», который «либо воскресит, либо сожжет». Отсюда пылкий вывод: «Видите, какое чудесное имя дано городу на Суре?! И сразу становится понятным, почему Алатырь может и воскресить, и сжечь» («СЧ». 14.11.84). Кого? Врагов – недругов своих. По случаю такого этимологического вдохновения журналистка «от всего сердца» алатырцам дарит стихотворение «Алатырь-камень».

По оценке кандидата педагогических наук П.Матвеева («СЧ», 11.1. 85), Ольга Аундовская «в целом правильно характеризует легендарный камень», но малости, дескать, не хватает – материальной основы этой метафоры. Он предполагает, что «русских людей, основавших город Алатырь, могли поразить... местность... дремучие хвойные леса». Чем же? Янтарем. Доказательство? Вспомним, дескать, чуварлейский пионерлагерь «Янтарный». Если бы русские в этот край пришли из аравийских пустынь, то они могли бы поразиться местностью, поросшей лесами, но восточные славяне испокон веков были людьми лесными.

Итак, оба автора публикаций название города связывают с названием былинного камня.

Обратимся к признанным знатокам русского языка, прежде всего – к В.И. Далю. Читаем: Алабырь, алатырь – загадочный камень, поминаемый в сказках и заговорах: бел-горюч камень, лежащий на дне морском либо на море на киане, на острове на буяне; вероятно, янтарь, греч. электрон, переделанное на татарский лад. (Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. – С.9).

«Судя по былинам, – пишет Т.Н. Кондратьева, – образ белого камня на море и на суше встречается во всей славянской поэзии. И, конечно, сам образ камня объясняется не христианскими представлениями, а далекими откликами язычества». Автор приводит слова выдающегося исследователя мифического элемента, в русской народной словесности Ф.Будде, что «камень есть одно из названий бога, т.е. солнца, бел-горюч камень, самоцвет... Сам Зевс представлялся камнем, следовательно, ясно, откуда появились все эти камни-самоцветы, бел-горюч камень, карбункулы». (Собственные имена в русском эпосе. Изд-во Казанского университета, 1967. – С. 204).

Упомянутые выше авторы оперируют одним названием камня – Алатырь. Но ведь кроме него встречаются и другие: Латырь-камень и многие другие. Можно спросить, какое из приведенных слов первично? Достаточно открыть словарь русского языка и убедиться, что начальное **а** – для природного русского слова не характерно.

А.Г. Преображенский насчет алатырь, латырь-камень писал: «Чижевский сближает с собственным именем Алатырь, город на Суре, и считает слово восточнотюркским, которое могло по ассонансу и аллитерации одождествляться в народной этимологии с алтарь: алатырь-алтарь. (Этимологический словарь русского языка. Т. I. – С. 4-5).

Известный тюрколог В.В. Радлов, за ним и автор этимологического словаря русского языка Макс Фасмер считали, что **Алатырь** – тюркского происхождения: **ала** - пестрый, **тура** - дом, строение, жилище, город. Аналогичные названия существуют как у нас в стране, так и за рубежом: **Том тура** - г. Томск, **Аба тура** - г. Кузнецк (собств. отцовский город), **Би тура** - г. Бийск, **Ала шэхэр** - название города, **Ала-чам** название округа. (Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. – С. 351; Т. III. – С.1446).

Мнению о тюркском происхождении названия города Алатырь не противоречат исторические факты. Место современного города еще в середине XV века было фактической границей между ордынскими и русскими землями. Здесь, видимо, стоял опорный пункт Казанского ханства, ибо без него ханским войскам трудно было бы совершать набеги на русские города Муром, Владимир, Кострому, Галич, Вятку – вплоть до Москвы. Это продолжалось до середины XVI века.

Предположению о тюркском происхождении обсуждаемого названия не противоречат другие аналогичные факты: названия городков-крепостей Курмыш (1372), Свияжск (1551), Чебоксары (1555), строенные русскими – отнюдь не русского происхождения. В то же время названия опорных колонизационных пунктов, возникших уже после походов Ивана Грозного, весьма прозрачны. Так, например, в результате заселения русского люда по реке (Суре) возник Порецк.

Существует, вполне естественно, другая точка зрения, что в обсуждаемом имени первично не имя города, а реки. Возникает другой вопрос: чьей реки? Потомков древней мордвы? Но в мордовском языке река Алатырь называется Ратврлев, имя одного генетического порядка с гидро-топонимами Чуварлей, Явлей, Ишлей и т.д., которых так много особенно в бассейне Суры. Можно лишь строить догадки, что многочисленные имена с характеристиками на **-ра** (Сура, Ижора, Печора и др.), **-га** (Юнга, Унга, Пинега и др.), **-ма** (Сорма, Кинешма, Кострома и др.), и некоторые другие в каком-то или в каких-то вымерших языках, финно-угорского или иного происхождения, обозначали воду, реку. Следовательно, название Алатырь, принадлежавшее какому-то не славянскому языку, сохранилось лишь в гидрониме, который обычно очень консервативен.

Историк В.Д. Димитриев в своем обширном исследовании «Из истории городов Чувашии второй половины XVI – начала XVII веков» пишет, что «татарский историк Хюсам-Эддин сын Шереф-Эддина в «Болгарских повествованиях», составленных в 1551 г., упоминает город Алатур, входивший в состав Казанского ханства. Предположительно, что он стоял на месте современного Алатыря. Однако веских доказательств существования татарско-

го города Алатуры не имеется» (Вопросы истории в Чувашии. Ученые записки. Выпуск XXIX. – Чебоксары, 1965. – С.137}. В.Д. Димитриев здесь пишет главным образом о противоречивых сведениях об основании г. Алатыря, и приходит к выводу, что «до тех пор, пока не будут выявлены доказательные документы; мы не можем говорить о существовании русского города Алатыря до «казанского взятья», тем более, что имеются некоторые основания для утверждения об основании его через несколько лет после 1552 г.». (Там же. – С.141).

Утверждение историка, что, «веских доказательств существования татарского города Алатура не имеется», тоже спорно в силу прежде всего тюркского происхождение самого названия города. Мы в этом сообщении перед собой не ставили цели доказать когда и кем был заложен город, что само по себе тоже важно, однако же лингвистический анализ названия современного русского города показывает его тюркоязычный характер. Итак: **ала** (ср. тат. **олы**-почтенный; большой, чему соответствует чув. **вала** - дух героя, восходящий к древнетюркскому **улуг** - великий) плюс **тора** (тура - город). Конечное -**а** последнего выпало из-за несоблюдения тюркского ударения в конце слова. Смягчение конечного -**р** (**Алаты-рь**) произошло также на русской почве, ср., например, слово богатырь, которое в древнетюркском имело форму багатур. В обоих случаях смягчение чужого конечного -**р** произошло под влиянием русских слов на -**рь**.

«СЧ» №214, 16 сентября 1990 г.

2.2. ЧЬЕ ЭТО СЛОВО?

НА ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЯ ОТВЕЧАЕТ УЧЕНЫЙ

«Я чуваш по национальности, а живу в городе Самаре. И вот довелось мне услышать по местному радио, что «Самара – слово арабское. Но ведь арабы на здешней земле никогда не проживали. А название это, по-моему, произошло от чувашского «самана». На русском же выговаривается «самара».

Есть еще и предположение, что Самара происходит от татарского имени Ара. Но в древности и у чувашей было такое имя. В «Чувашских исторических преданиях» В.Д. Димитриева, например, говорится (стр. 52), что восемь участников крестьянской войны, опасаясь царской кары, скрывались в сурских лесах и одну из полян назвали Аруй в честь своего старшего товарища Ара».

На вопрос, который содержит это письмо Л.П. Петрова, редакция попросила ответить доктора филологических наук, профессора М.Р. Федотова.

С ДЕТСКИХ ЛЕТ мы слышим непривычные для наших ушей названия сел, деревень, районов, городов и даже государств. Поскольку всего этого нет в языке матери, мы, как правило, проходим мимо них даже в зрелом возрасте, как проходили, быть может, и наши предки.

Географические названия изучает наука, называемая топонимией. Она исследует условия их возникновения, развития, становления и, если так можно выразиться, их смерть. Ведь бесчисленные топонимы постоянно возникают и исчезают с лица земли.

Возникновение географических названий обусловлено многими причинами, но так или иначе связано с определенными социально-экономическими порождениями жизни, а также в известной мере продиктовано климатическими и географическими условиями. Исследование топонимического названия связано прежде всего с этимологизацией слова или сочетания слов. Однако в этом процессе не всегда можно добиться единодушного научного признания; о чем говорит и предлагаемое обсуждение топообъекта под названием Самара.

Здесь надо иметь в виду два объекта под одним названием: реку Самару, левый приток Волги, и город Самару (бывший, с 1935 года, город Куйбышев), расположенный в устье реки Самары (при ее впадании в Волгу).

Город впервые упоминается под именем Самары в конце XVI века. Это обстоятельство очень важно, но оно не говорит, что в устье реки Самары до XVI века не существовало никакого населенного пункта, имеющего свое название. Но какое, на языке какого народа – все это требует глубокого и беспристрастного

исследования специалистов-краеведов, историков и языковедов.

Сошлюсь на мнения некоторых ученых.

Согласно Г.И. Рамстедту, название г. Самары – татарского происхождения (Калмыцкий словарь, на немецком языке. Хельсинки, 1976 г. – С.311).

М.Фасмер полагает, что **Самара**, вероятно, из тюркского языка; сравни чагатайское **самар** «мешок», киргизское **самар** «таз» (Этимологический словарь русского языка. Том IV. – С.552-553).

Трудно сказать, связано ли название города **Самары** с первой частью названия города **Самарканд**, хотя, как утверждает М.Фасмер, первая часть (**Самар**) объясняется иранским **асмара** «каменный». Вторая его часть - **канд** - бесспорно, индоиранского происхождения и означает «город» (сравни: **Таш-кент**, дословно «**камень-город**» и чувашское **Чулхула** «**Нижний Новгород**», дословно «**камень-город**»).

М.Рясянен обсуждаемое название связывал с тюркским **самар** «таз», «кувшин» (М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Том IV. – С. 552-553).

В.А. Никонов отвергает фактические этимологические сведения, приведенные упомянутыми выше авторами. Он сомневается, также, родственны ли названия реки Самары и города Самары или их тождество только совпадение (Краткий топонимический словарь. – М., 1966. – С. 365).

Происхождение названий как реки, так и города пока что не получило единодушного одобрения, но, исходя из мирового опыта создания названий городов, предположительно можно высказать, что название г. Самары обязано названию р. Самары, а не наоборот. Но при этом следует учесть одно немаловажное обстоятельство: согласно словарю В.В. Радлова, река **Самара** по-татарски называется **Сакмар** (Сакмар сувы), т.е. **река Сакмар** (Опыт словаря тюркских наречий. Том IV. – С. 259). Вполне допустимо, что **-к-** могло выпасть, оставив **Самар**. В этом качестве оно зафиксировано русском и нерусском языках, в том числе чувашское **Самар**.

В заключение скажу, что огромное большинство названий городов на нашей планете обязано названиям рек, на которых они возникали. В том числе наша столица Москва.

«СЧ» №85 (19768), 27 апреля 1991 г.

2.3. НЕБЫЛИЦЫ О ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

В еженедельнике «Чăвашъен» (№12, 20-27.3.93) опубликована статья Николая Куприянова «Баер думал, что Скифы, Чудь есть одно». Автор путем угодного ему толкования некоторых гидронимов (названия водных объектов: рек, ручьев, озер и т.п.) сделал вывод «об огромном вкладе древних чуваш в создание и развитие мировой цивилизации».

Первый его постулат таков: «Историки однозначно относят чудь к предкам эстонцев и других финских племен, на самом же деле имя «чудь» – это древнее название народа «чуваш» (чоат/чудь)». Доказательство? Вот оно: «Древнее название Чудского озера – Пейпус... Разделяя название озёр на две части «Пей-пус», определим значение второй части, «пус», которая имеется во множестве чувашских сложных слов. Например, «пускил» - сосед».

Имей автор желание познакомиться с этимологией слов **(пускил)/поскил**, он воочию убедился бы, что это сложное тюркское слово: **паска/пашка, баска/башка** – другой, иной + **кел/кил** – дом, т.е. другой (иной) дом. Из чувашского языка это слово вошло в марийский и удмуртский языки.

Читаем дальше: «В чувашском языке имеется специфическое слово пайккал – озерцо, заливаемое в половодье водой, т.е. посредством множества ручейков. Оно полностью отражает обстоятельство образования озера Байкал». Исследователь, если он хочет быть объективным, не должен прятать от читателя и от себя подлинный словарный материал. В Словаре же Н.И. Ашмарина читаем следующее: «Пайккал, ямина на лугах, заливаемое в половодье водою (по реке Суре, около Ядрина, у русских известен под названием «бакал, «бакалы». Тут же чувашское объяснение: «Пайккал – çаран çинчи лопашкари шу. Сăр тăрăх çарансем çинче пайккал нумай полать» (т. IX, 69). В других русских говорах такие озерца называют еще «бакалда». В «Этимологическом словаре русского языка» М.Фасмера находим: «Бакалда озеро, оставшееся от разлива Волги; глухой заливец; поемная яма, колдобина» (Т. I,100,186). Что касается чувашского пайкал, то оно у присурских чувашей возникло под непосредственным влиянием местного (ядринского) русского го-

вора и обладает мизерной сферой употребления, никак не претендующей быть первоисточником названия озера Байкал.

Антинаучные домыслы не только о географических названиях, но и в целом о чувашском языке распространяются самым безответственным образом. При этом, однако, следует сказать, что не страшны фактические ошибки при построении рабочих гипотез, ибо науки, в том числе языкознание, развиваются путем проб и ошибок. Но в данном случае, самое поразительное в том, что авторов подобных «открытий» преследуют какие-то геополитические страсти. И наш автор убаюкивает читателей небылицами о том, что «древнечувашские племена в доисторические времена занимали огромную территорию, включая Сибирь, Среднюю Азию, Прикаспийские и Приазовские степи, Поволжье, побережье Средиземного моря – Малую Азию и Западную Европу». Вот ведь какая мания величия, попросту говоря – безумие.

Николай Куприянов уверяет нас, что «пройдет немного времени и при участии зарубежных ученых будет выяснена другая истина – об огромном вкладе древних чуваш в создание и развитие мировой цивилизации». А вот приведенные мною выше доказательства в бесполезности и сплошной путанице в этимологизации двух гидронимов – озер Пайпус и Байкал – сделаны в полном согласии с зарубежными учеными.

«СЧ» № 76, 14.04.1993 г.

2.4. ЗА СЛОВОМ ТАИТСЯ ИСТОРИЯ

1

После прочтения одной из статей профессора М.Федотова, где говорилось о происхождении слов, я вслух начал размышлять, что может означать слово "Раскильдино" (название села в Аликовском районе, я сам оттуда). Нашелся шустряк из сокурсников, который объяснил так: мол, название села происходит от слова "разгильдяй", т.к. здесь раньше сплошь да рядом жили небрежные люди. Это, конечно, вызвало гомерический смех у присутствующих. Хотелось бы узнать мнение ученого о корнях этого слова.

Л.Кузнецов, студент Чувашского сельхозинститута.

Есть ли что-либо общего между русским словом **разгильдяй** и русским названием чувашского села **Раскильдино**?

В Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера насчет слова **разгильдяй** сказано: "Образовано аналогично **разгуляй** "увеселительное место", **растрепай** "растрепа, оборванец". Возм., связано с **гиль** "путаница", первонач., возм., "расшевелика"? Очень туманно, неясно. О.Н.Трубачев, автор перевода словаря с немецкого и дополнений к нему, пишет: "Иначе, от тат. собст. **Уразгильды, Уразгильдей**, а также **Разгильдей, Разгильдяй**, объясняет это слово Попов" (Из истории лексики языков Вост. Европы. – Л., 1957. – С.35).

Теперь внимательно рассмотрим структуру приведенных тюркских имен. Даже по первому внешнему виду бросается в глаза, что они состоят из двух частей: первая **-ураз/раз** вторая **-гильди**, образованная в свою очередь от тюркского глагола **гел-/гил-** "приходить" и плюс аффикс прошедшего времени **-ды**.

Если принять во внимание, что в древнетюркском языке, в том числе казанско-татарском, **ураз/урас** имеет значение "счастие, счастливое предзнаменование" (Словарь Радлова, I. – С.1655), то получается как бы счастьеносное имя, но это, так сказать, между прочим.

Из истории Российского государства хорошо известно, что среди аристократических фамилий имеется множество нерусских фамилий, носители которых были выходцами из Золотой Орды, поступившими на службу к русским царям. Их фамилии в новой языковой среде в какой-то мере "обкатывались" и адаптировались. В результате такого процесса обсуждаемое нами имя собственное **Уразгельды** или **Уразгильды** утратило начальное **у-** и приняло русское окончание **-ов/-ев**, превратившись наконец в фамилии **Разгильдеев** или **Разгильдяев**.

По этому поводу обратимся к историческому документу (цитирую из книги Н.А. Баскакова "Русские фамилии тюркского происхождения"): "Мурза Баюш Разгильдяев владел поместьями в Алатырском уезде Симбирской губернии и грамотой, данной 24 января 7121/1613 года за подписями бояр и воевод Московского государства – Трубецкого и князя Пожарского, и пожалован с потомством княжеским достоинством за службы его, оказание

при нашествии ногайских татар..." (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, XV. – С.39).

Вслед за этим документом нам остается перейти к названию села **Раскильдино**, чье исконно чувашское название звучит **Ураскилт**.

В книге историка-краеведа Л.А. Ефимова читаем следующее: "Старики-чуваши в 1837 году рассказывали, что семь братьев из чувашей пришли от берегов Волги к Сурскому лесу. Одного из них звали Четай, другого – Хрошеваш, третьего – Атай, четвертого – Штанаш, пятого – Роскильд, шестого – Ходар, седьмого – Торай... Так как всем семерым вместе жить было неудобно, они начали рассуждать, как бы им разделиться и каждому иметь свою землю... Наконец решили: ты, Четай, имеешь кобылу. Погоняй ее, иди за ней с семейством, а земля, которую пройдет твоя кобыла, будет твоей землей. Таким образом, поселились все и образовали селения. На месте поселения **Роскильда** появилось село **Раскильдино** (Аликово вчера и сегодня. К 300-летию. – Аликово, 1995. – С.8).

Такие или подобные предания в народе могли существовать, но мне в этом случае лучше всего воспользоваться словами Чацкого из "Горе от ума" А.С. Грибоедова: "Свежо предание, а верится с трудом".

Теперь о чувашском **Ураскилт**. Это название состоит также из двух слагаемых: первая часть - **урас**, совпадающая с приведенными выше древнетюркским **урас/ураз**, а во второй части - глагол **кил-** (при древнетюркском **гел-/гил-**) и плюс аффикс времени **-т** (отголосок древне-тюркского **-ды**).

При оценке возможности образования первичного (исконного) названия села от имени пятого брата Роскильд надо учесть закон исторической фонетики чувашского языка, что последний, как и другие тюркские языки, в начале природных слов не имел звука **р**.

Встречающиеся в современном чувашском языке слова с начальным **р** представляют собой заимствования из языков другого генетического порядка.

На карте Чувашской Республики название **Ураскилт** не представляет какое-то исключение. Вот они: **Пайкилт**, по-русски **Байгильдино** (Канашский р-н); **Шайкилт**, по-русски

Шайгиль-дино (Чебоксарский р-н); **Ешкилт**, по-русски **Яшкильдино** (Красноармейский и Канашский р-ны); **Вăрманкас Пайкилт**, по-русски **Первые Вурманкасы** (Цивильский р-н); **Пухтан-касси**, по-русски **Кошкильдино; Енкелт**, по-русски **Янгильдино** (Красночетайский р-н).

Человеку, мало-мальски знающему татарский язык, нетрудно убедиться, что все эти старые названия населенных пунктов своим возникновением обязаны именам (фамилиям) татарских владетельных феодалов, которые правили чувашским краем вплоть до завоевания его царем Иваном Грозным.

«СЧ» № 218, 31октября 1995 г.

2

Чувашский языковед Наум Андреев, исследуя значение названия деревни Пукартан (Богурданы), в свое время отмечал, что слово заимствовано из персидского и означает "сосуд с благовониями". Никаких толкований, к сожалению, он не оставил. Даже непосвященному ясно, что исследователь малость "перегнул", т.е. учел только созвучие слов. Хотелось бы узнать более квалифицированное мнение ученого о корнях этого географического названия.

Р. Иванов. Канашский район.

Чтобы выяснить или приблизиться к выяснению названия этой деревни, мы прежде всего должны установить, нет ли подобных или сходных с ним названий на карте Чувашской Республики. Такие названия есть: **Пукăртан** – дер. Богурданы Канашского р-на, **Кив Шуртан** – дер. Старые Шорданы Вурнарского р-на, **Çĕнĕ Шуртан** – дер. Новые Шорданы Канашского р-на, **Мăн Шемертен** – село Большие Шемердяны Ядринского района. На наш взгляд, в этот список следует включить также село Тобурданово (по-чувашски **Сиккасси**) Канашского р-на и село ***Шăнкăртам*** Батыревского района.

Таким образом, мы устанавливаем целую цепочку географических названий, имеющих в исходе слова показатель **-тан/-тен/ -дан/ -дам**. Знающий читатель скажет, что в селе ***Шăнкăртам*** (по-русски Шигирданы) живут не чуваши, а татары (мишеры). На

это замечание отвечу перечислением ряда аналогичных названий из Татарстана, которые образованы по той же форме, что и чувашские топонимы, т.е. географические названия: **Илтен** – Илтень село Альметьевского р-на, **Тӳбэн Шэмэрдэн** – Починок Шемердан Кукморского р-на, **Югары Шэмэрдэн** – дер. Верхний Шемердан, **Югары Каракитэн** – село Верхний Каракитэн, **Тӳбэн Каракитэн** – село Нижний Карекитен Буинского р-на, **Сикертэн** – село Сикертан Арского р-на, **Кече Шырдан** – село Малые Шырданы, **Олы Шырданы** – село Большие Шырданы Зеленодольского р-на. Таким образом, общность происхождений многих населенных пунктов на географических картах Чувашской Республики и Республики Татарстан не подлежат сомнению.

Приходится с сожалением констатировать, что у нас нет специальных исследований географических названий Чувашской Республики. Но и без них одно бесспорно: в списке населенных пунктов в глаза бросается большое количество названий тюрко-татарского происхождения, что вполне соответствует исторической правде вхождения чувашского края в политико-административный состав Казанского ханства.

Трудно говорить о первичности и вторичности названий населенных пунктов исходя из показаний современного состояния чувашского и татарского языков, но при этом следует учесть то обстоятельство, что, во-первых, издревле существует практика присвоения наименований, особенно населенных пунктов, по названиям рек, озер и других географических признаков и, во-вторых, также давно идет практика присвоения тому или иному населенному пункту имен правителей края или известных в свое время народных героев. Этими причинами объясняется тот факт, что немалое число сел и деревень на территории нашей республики имеет по нескольку названий чувашского, татарского или какого-то другого языкового происхождения.

Не надо забывать также тот факт, что привычные и укоренившиеся названия населенных пунктов, как например, **Кушлавăш, Кипеч, Шăхаль, Патирек, Чукал, Чураш, Путай, Карач, Камай, Кавал, Ямаш** и многие другие имеют своих двойников в Республике Татарстан: **Чураш** – село Чурашево Сармановского р-на, **Кибеч** – село Кибечи Пестречинского р-на. **Чутай** – село

Чутай Балтасинского р-на, **Карач** – поселок Карачево Актанышского р-на, **Камай** – село Камаево Елабужского р-на, **Ямаш** – дер. Ямашево Рыбно-Слободского р-на и другие. Даже название **Чуваш иле** – село Чувашли Высоковского р-на не гарантирует, что в том селе в настоящее время живут чуваши. (В связи с этим названием сравни: **Татар иле** – татарское государство, **Марий Эль** – марийское государство).

Считаю нужным отметить еще одно обстоятельство, что многие названия на современной государственной карте чувашской Республики восходят к титулам и собственным именам огланов, беков, мурз и шейхов, а также других государственных деятелей Казанского ханства: Карамышево (по-чувашски ***Елчĕк***) из Козловского р-на восходит к имени оглана Карамыш; ***Камай-касси*** из Цивильского р-на восходит к титулу мурзы Камай; ***Пăрмас*** (по-русски Аттиково) из Козловского р-на восходит к имени бека Борнаш; ***Шăхаль*** (по-русски Шигали) в Шемуршинском, Батыревском, Канашском, Вурнарском, Цивильском районах восходит к имени Шейх-Али, три раза занимавшего престол Казанского ханства.

В заключение остается высказать предположение, что ойкономический материал, взятый из надежных документов Чувашии и Татарстана, восходит не к древнечувашскому или древнемарийскому источникам, а скорее всего к относительно новым тюрко-татарским именам собственным эпохи Казанского или постказанского ханства.

«СЧ» № 56, 23 марта 1996 г.

2.5. ЧУВАШСКОМУ СЕЛУ МУРКАШ – 624 ГОДА?

Муркаш – это литературный вариант произношения, тогда как в местном говоре звучит несколько иначе. В Словаре Н.И.Ашмарина читаем: "**Моркаш**" (Моргаш) или **Моркош** (Моргаш), назв. сел. Моргауш" (Т.VIII. – С.279).

Откуда эти 624 года? Обратимся к летописному сказанию: "В 1374 г. идоша на низ Вятского ушкумницы разбойница 90 ушкуевъ

и пограбиша Вятку и шедше, взята Болгары, хотеша и град зажещи, и даша им окупа 300 рублевъ. И оттуда разделишася надвое, 50 ушкуев поидаша на низ по Волге к Сараю, а 40 ушкуевъ поидоша въ верхъ по Волге, и дошедше Обухова пограбиша все Засурье и Маръкваш, и перешед за Волгу суды все исъсекоша, а сами поидоша к Вятке на конихъ и много селъ по Ветлузе идуще пограбиша" (Из статьи В.Д. Димитриева "Опустошение болгарской земли в конце XIV – начале XV веков"/ Известия НАНИ ЧР, № 2. – С. 59).

Н.И. Золотницкий, имея в виду это летописное сказание, 112 лет назад расшифровал его современным ему русским языком: "Сущность летописного сказания о походе новгородских ушкуйников в 1374 г. состоит в следующем: взявши **Булгар** (Бряхимовъ), половина ушкуйников поднялась **вверх по Волге**, дошла до **Обухова**, пограбила все **Засурье и Марквашъ**, потом **перешла Волгу** и, истребив суда, пошла на конях к Вятке, пограбя много сел **по Ветлуге**" (Заметка о названиях Булгаръ, Биляръ и Морковашы. – Казань, 1884. – С.51).

Теперь можно ответить на вопрос, откуда эти 624 года. Если год первого упоминания Маръкваш (1374) вычесть из 1996, то получим 622. Но дата первого упоминания не есть дата возникновения летописного Моръкваш. Она во всяком случае должна быть гораздо старше.

История чувашского поселения **Моркаш/Моркош** этими соображениями не исчерпывается. Есть еще одно аналогичное название – свияжские **Морквашы**.

Послушаем снова Н.И. Золотницкого: "Но что же за местность **Маръкваш** или **Морквашы**, упоминаемые в выше приведенном сказании? Возможности точнее определить эту местность я обязан, можно сказать, случаю. Узнав, что чуваши, говоря про свияжские **Морквашы**, обыкновенно называют их **Моргауши**, и сообразив, что, по законам татарско-чувашской фонетики, и нельзя иначе произносить слово **Морквашa**... Я обратился к списку населенных мест Казанской губернии (1866), где и нашел чувашскую деревню 1-ю Васькину **Моргоушы** (Ени-кассы)" (– С. 52).

Н.И. Золотницкий заключает, что "Козьмодемьянские **Моргоушы** (конечное **"ы"** в перечисленных выше названиях является позднейшим русским окончанием множественного числа. – *М.Ф.*) получили это название, разумеется, не позже, как за пять с

лишком столетий до нашего времени (работа Н.И. Золотницкого опубликована в 1884 г., т.е. 112 лет назад.– *М.Ф.*), если не за полную тысячу лет" (– С.55).

В заключение о слове **ушкуй**. Оно обозначает "вид речного судна". Производное от него **ушкуйник** – "речной разбойник".

Источником **ушкуй** считается др.-вепс. **ушкой** – "небольшая лодка", слово, родственное старофинскому **виско** с тем же значением, эстонскому **хумзу** – "перевоз" (Фасмер ЭСРЯ IV. – С.180-181).

«СЧ» №196, 4 октября 1996 г.

2.6. НЕУМЕСТНЫЕ СПОРЫ О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ

В одном из выпусков "Досье" было сообщено о "сенсационной" трактовке названия Чебоксары, согласно которой русские якобы поиздевались над ним. А вот другая ситуация. Я родилась и выросла в деревне Старое Ахпердино (по-чувашски *Кивӗ Ахпӳрт*) Батыревского района. Жители деревни недовольны тем, что русское название Ахпердино дано, дескать, умышленно, в насмешку над чувашами. Один учитель местной средней школы даже организовал конкурс на лучший (или приличный) перевод слова *Ахпӳрт* на русский язык.

И. Мукина.

Помочь разобраться в этой ситуации мы попросили известного тюрколога, профессора Михаила Федотова.

Споры по переименованию названия населенного пункта Ахпӳрт (их два: Кив Ахпӳрт и Çĕн Ахпӳрт) возникли не из-за чувашского, а русского названия Ахпердино, которое, дескать, режет ухо из-за своего неприличного произношения.

Возникает вопрос: есть ли необходимость сменить русское название на благозвучное и приличное? Разберемся. Название **Ахпердино** распадается на три части: **Ах-перди-но**. Весь сыр-бор по переименованию **Ахпердино** возник из-за срединной части слова – **перди**. Горячие головы отождествляют ее с русским

глаголом **пердеть**, представляющим собою древнейшее слово индоевропейского происхождения.

В пору возникновения названия чувашской деревни в нашем крае еще не было русской администрации (она пришла после завоевания Казанского ханства в середине 16-го века), которая чувашские названия подвластных населенных пунктов стала переписывать на русский лад.

Первый слог чувашского ойконима **ах** восходит к древнетюркскому слову **ак**, которое, в свою очередь, является арабским **хак** со значением "истина, Бог". Вторая часть – ***пӳрт*** представляет собою продукт народной этимологии, возникший благодаря переосмыслению древнетюркского глагола **бэрди** (от корня **бэр** = "давать") в прошедшем времени. Таким образом, чувашский ойконим ***Ахпӳрт*** соответствует древнетюркскому **Ахбэрди**, что в семантическом отношении соответствует древнерусскому имени **Богдан** (Богом дан), представляющему перевод греческого имени **Theo-dot** (русскоцерковное Феодот) "Богом дан".

Из сказанного выходит, что для выяснения этимологии ойконима ***Ахпӳрт*** решающее значение имеет его русский вариант ***Ахпердино***, который, по всей логике, восходит к собственному имени какого-то татарского феодала эпохи Казанского ханства.

В таком же плане следует этимологизировать название чувашского населенного пункта ***Терпит*** (***Терпăт***) ***Терпӳрт***, русское название **Тябердино** (Ашмарин. Словарь: VII, 321; XIII, 308). И в этом случае русское название открывает путь к этимологизации: **Тя-берди-но**.

Откинув знакомое русское окончание = **но**, получили **Тяберди**, где **тя** = соответствует чувашскому форманту **тер** =, восходящему к старотатарскому **тэр**., "крест; икона", что, в свою очередь, восходит к древнетюркскому, общему с монгольским **тэнгри** "Бог, божество; небо; повелитель, господин".

Тяберди в семантическом отношении повторяет, на наш взгляд, разобранный выше ойконим **Ахбэрди**, т.е. ***Тэрё*** и ***Ах*** (***ç(х)*** **ак**) следует переводить русским словом "Бог, Всевышний".

Что касается чувашского варианта **Терпӳрт,** то мы здесь имеем дело также с народной этимологией, т.е. переосмыслением древнетюркского **бэрди** на чувашский лад.

«СЧ» №224, 14 ноября 1996 г.

2.7. У СПИКЕРА ФАМИЛИЯ РЕДКАЯ

В своем выступлении перед митингующими у Дома правительства председатель Госсовета ЧР В.С.Шурчанов сказал, что у него истинно чувашская фамилия: Шур чан – белый колокол. С научной точки зрения это слово действительно так трактуется или это всего лишь народная этимология?

А. Никифорова, пос. Кугеси.

Возможно, это была шутка спикера. Но поскольку слово вылетело из уст главы представительной власти ЧР, на него быстро обратили внимание не только журналисты, но и студенты вузов, деятели науки и культуры. И пошли разговоры на уровне этимологии.

Весь вопрос в том, восходит ли фамилия **Шурчанов** к словам **шур** и **чан**? В чувашском языке ***шур/ шор, шурӑ/шорӑ*** имеют следующие значения: «белый, светлый, седой» ; ***шур /шор***- «бледнеть, поблекнуть, завянуть, рассветать»; ***шур/шор, шурӑ*** «болото, болотистая земля, болотистый луг».

Достаточно открыть 17-й том Словаря Н.И. Ашмарина, и вы в нем найдете массу производных форм с компонентом ***шур/ шор,*** в том числе **Шорча** (в Словаре Н.И. Ашмарина) и **Шорча** (в справочнике административно-территориального деления Чувашской АССР), что на русском языке село **Акрамово** Моргаушского района. Попутно замечу, что русское название восходит к татарскому собственному имени **Акрам/Акрэм**.

Теперь о слове **чан**, имеющем тюркское, происхождение.

Чан I означает колокол; церковный, а также ямщицкий колокол; **чан сасси** "колокольный звон". Варианты чувашского **чан** представлены во многих тюркских языках в виде **чанг/чан/шанг** "колокол". Обсуждаемое тюркское слово проникло также в соседние финно-угорские языки: мар. лугов., **чанг**, мар. горн., **цанг**, удм. **чан** "колокол"; звонок". **Чан II** – "чан; большая деревянная кадка" – восходит к русскому **чан**, проникшее в татарский в виде **чан/шан** "большая кадка; чан". Финно-угорские формы (мар., удм., морд, **чан**) восходят также к русскому **чан**, что, в свою очередь, образовалось от др.-русского **дъщанъ** "дощатый".

Наличие приведенных исходных данных опровергает мысль,

что фамилия **Шурчанов** состоит из двух формантов: **шур+чан**. Вначале было скорее всего название топонима (гидронима) **Шурча**, от которого, видимо, берет начало имя собственное. При образовании русской фамилии между **Шурча** и окончанием **-ов** появился закономерный вставочный звук **-н -**: **Шурчанов.**

«СЧ» № 4, 10 января 1997 г.

2.8. "ТОРАЙ" , "ЧАПРАС" – СЛОВА ЗАИМСТВОВАННЫЕ

Я интересуюсь происхождением названий населенных пунктов. Приходилось читать, что слово "Торай" (деревня в Моргаушском районе) связано с глубоким символом, означающим место под Богом" (турă + ай)**. Так ли это? Кроме этого, хотелось бы также узнать, как расшифровать фамилию турецкого политического деятеля Кемала Чапраза?**

П. Миронов, Цивильский район.

Русское название чувашского села Тораево, что в Моргаушском районе, образовано от первородного чувашского слова **Торай** и никоим образом не связано с чувашским **Турă** "Бог". Этимологически оно восходит к личному древнетюркскому мужскому имени **Торай**, которое в свою очередь восходит к нарицательному слову со значением "молодой кабан" (вепрь).

Татарское мужское имя **Турай** также зоологического происхождения. Вообще-то во всех языках мира мы находим множество личных имен, восходящих к дикому животному миру. Что касается марийского мужского имени **Торай**, оно, бесспорно, тюркского происхождения. Мнение марийского ученого С.Я.Черных, что **торай** является древним финно-угорским словом со значением "ответвление рода, отросток древа родословия", явно ошибочно.

Далее хотел бы отметить, что чувашское слово **чапрас** "косой, кривой" тождественно с фамилией турецкого политического деятеля Кемала Чапраза.

Что касается чувашского **чапрас**, то оно состоит из двух персидских слов: **чэп** "левый, левая сторона; неверный, неправильный, косой" + **раст** "правый; прямой; правильный: истинный, верный". Получается: "правый и левый; налево и направо", т.е. "покоробиться, покоситься". Сравните татарское **чэп** (перс.) "левая сторона", **раст** (<перс.) "верный, правильный".

«СЧ» №35, 20 февраля 1998 г.

2.9. ИСТОКИ БУЛЫ – В ГЛУБИНЕ ВЕКОВ?

Недавно с интересом узнал, что город Балаково Саратовской области первоначально имел название Булаково. Из этого исходит, что этимологию города никак нельзя увязывать с широко распространенным понятием "балакать", т.е. разговаривать, болтать. Населенные пункты с аналогичными названиями есть в Батыревском районе Чувашии и Татарии. Возможно, они исходят к гидрониму Пӑла (Була). Так ли это?

Р. Полякова.

Прежде всего следует сказать, что русский глагол **балакать** "болтать, молоть чепуху" не является смысловой основой названия города **Балаково**. Это название, на наш взгляд, родственно названию города в Крыму **Балаклава**, восходящего, по мнению М.Фасмера, к турецкому **балыклава** "бассейн для рыбы" (ЭСРЯ IV, 112). Приведу еще мнение В.А.Никонова насчет названия упомянутого города: "**Балаклава** – городской район г. Севастополя в Крыму. В античности г. Симболон, упоминаемый у Страбона, Птоломея и др., в XIV в. генуэзская колония **Чембало** (из того же названия). Название **Балаклава** объясняют из турецкого **балык** "рыба" + **юва** "гнездо", т.е. "**рыбье гнездо**": действительно, **бухта Балаклава** – один из богатейших пунктов рыболовства на Черном море. Другое объяснение: якобы из названия **г. Палакион**, находившегося на этом месте во II-I в. до н.э., названного в честь **Палака**, сына скифского царя Скимура; в этом случае Балаклава –

турецкое переосмысление названия, ставшего непонятным; однако нет данных, подтверждающих существование такого названия перед турецким захватом в 1475 году (Краткий топонимический словарь. – М., Изд-во: "Мысль". 1996. – С. 41). Нельзя признать за правду утверждение автора вопроса, что "город Балаково Саратовской области первоначально имел название "**Булаково**", которое, "возможно, восходит к гидрониму ***Пӑла* (Була)**. Исходной формой "**Булаково**" является не ***Пӑла*** (**Була**), а тюркское **булак**, зафиксированное в турецком (османском), киргизском (казахском), казанском (татарском) в следующих значениях: 1) источник, родник мутной воды; 2) ручеек, канал в Казани.

Посмотрим в современный татарско-русский словарь: **балак** уст. речка, ручек, ручей; **Болак** (речка в Казани); **Болак арты** – Забулачье (– С. 77).

«СЧ» № 142, 27 июля 1999 года.

2.10. В НАЗВАНИЯХ СЕЛ СОХРАНИЛИСЬ "ОСКОЛКИ" ПРОШЛОГО

В связи с появившимися публикациями о китаеведе Н.Бичурине (Иакинфе) прошу разъяснить этимологию населенных пунктов, связанных с его именем: Бичурино, Акулево (Шемшер), Успенское Ахкулево (Типнер).

г. Мариинский Посад. М.САМАРЦЕВ.

Нет сомнения в том, считает профессор М.Федотов, что название села **Бичурино** восходит к старотатарскому мужскому имени **Бичура** + русское окончание **-ино,** которое могло появиться в результате административной переписи населенных пунктов на территории бывшего Казанского ханства. Что касается материального значения слова, то оно, возможно, восходит к аппелятиву **бичура** – "домовой".

Акулево восходит также к тюркскому источнику: **ак -"белый" + кул** – "раб, невольник". К этому сложному слову русская

администрация прибавила русское окончание **-ево**. Относительно его дубликата **Шемшер**, существующего с древних времен, то он, на мой взгляд, древнемарийского происхождения: марийское **шем-**"черный, грязный" + **шер**, по всей вероятности, словообразовательный формант, потерявший в течение веков свое материальное значение.

Ойконим (название населенного пункта) **Успенское Ахкулево** отличается от рассмотренного названия **Акулево** тем, что тюркское **К** между гласными в чувашском произношении перешло в фрикативное **Х**, как это в самом деле происходит со множеством тюркских слов при переходе в чувашский язык. Слово Успенское, пожалуй, не требует разъяснения.

Что же из себя представляет чувашское название **Типнер**? Здесь обратим внимание на формант **-нер**, который вообще не свойствен чувашскому языку. Из истории чувашского языка известно, что ареал географических названий на **-анар/-енер, -нар/-нер** в основном охватывает Волго-Вятское междуречье и двенадцать северных районов Чувашской Республики: Чебоксарский, Цивильский, Ядринский, Мариинско-Посадский, Козловский, Вурнарский, Урмарский, Аликовский, Канашский, Красноармейский, Красночетайский, Шумерлинский (см. Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Издательство Саратовского университета, Саранский филиал. 1990. – С.10-120).

«СЧ» №180, 16.09.1999 г.

Глава 3

ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК В КРУГУ ТЮРКСКИХ И ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

(НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЖУРНАЛАХ «ИЗВЕСТИЯ АН СССР», «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» И «СОВЕТСКОЕ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ»)

3.1. РЕЦЕНЗИИ

Г.В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л. Изд-во: АН СССР, Казанский филиал, 1960, 322 стр.

Перед нами книга, куда наряду с неизвестными до сего времени татарскими памятниками вошли также ранее изданные и исследованные разными авторами булгарские эпитафии. Труд Г.В. Юсупова имеет определенную ценность как наиболее полная публикация булгарских и татарских эпитафий. Книга состоит из трех неравных по объему глав, приложения в виде 77 таблиц, а также 11 текстов.

В первой главе содержится краткая история вопроса. Вторая глава посвящена местонахождениям булгаро-татарских эпиграфических памятников. В третьей главе, названной «Булгаро-татарские эпиграфические памятники XIII–XVII вв.», разбираются булгарские надгробия первого (XIII–XIV вв.) и второго (XVI–XVII вв.) стилей.

Г.В. Юсупов поставил главной целью доказать ненаучность так называемой «теории булгарского происхождения чуваш» и их языка и «показать преемственную связь памятников эпохи Казанского ханства с булгарскими памятниками как в языковом, так и типологическом отношениях». Чтобы показать существование «центров двух генетически связанных и исторически сменивших друг друга культур», т.е. булгарской и казанско-татарской, автор сконцентрировал свое внимание на материалах эпитафий XIII–XIV вв., с одной стороны, и XV–XVI вв. – с другой.

Нет никакого сомнения, что книга Г.В. Юсупова вызовет большой интерес у историков-эпиграфистов. Здесь же мы остановимся главным образом на вопросе о языковом материале памятников второго стиля с так называемыми «чувашизмами», вокруг которого уже не одно десятилетие идет научная полемика. Решение его Г.В. Юсуповым вызывает ряд серьезных возражений.

Г.В. Юсупов отвергает существующие точки зрения относительно булгаро-чувашских языковых связей; по его словам, Н.И. Ильминский «для обоснования теории булгарского происхождения чуваш» использует открытие Х. Фейзханова. Н.И. Ашмарин допускает «в интересах теории булгарского происхождения чуваш» «искусственную лингвистическую натяжку», «искажение фонетической транскрипции», Н.Ф. Катанов «также отождествляет язык этих памятников с чувашским», у С.Е. Малова проявляется «все та же тенденция отождествления чуваш с булгарами», Али Рахим неправомерно заявляет, что «памятники 2-го стиля, возможно, принадлежали чувашам-мусульманам», Н.Ф. Калинин не сумел в своей классификации эпитафий показать «преемственную связь булгарской и татарской эпиграфики», утверждения Б.А. Серебренникова, а также В.Д. Димитриева и Н.А. Андреева «кажутся тенденциозными и неверными» и т.д. Автор книги поставил перед собою задачу исправить ошибку «нескольких поколений ученых», которые «без учета исторических корней» булгарского и чувашского языков «ставили знак равенства между чувашами и булгарами».

Совершенно справедливо, что автор особое внимание уделил имеющимся на эпитафиях второго стиля числительным от 1 до 700. В приведенных им числительных Г.В. Юсупов видит следующие особенности. «Во-первых,– пишет он,– отмечается аналитическая форма в образовании сложных числительных:

سكر وان , (татарское *сиксан* <80')

طدر وان , (татарское *туксан* <90')

наподобие чувашского *тухрванн* или ойротского *тугузон* и др.» (стр. 72-73).

Говорить «наподобие чувашского» явно недостаточно: это – числительные современных чуваш диалекта виръял: *с(а)крвоан, т(ă)хрвоан* (в письме *сакăр вуннă, тăхăр вуннă*); от всех

остальных тюркских языков, в том числе и татарского, они отличаются тем, что в конце названий единиц вместо общетюркск. *з* имеют ***р***, а на месте лабиализованного общетюркск. ***о*** (*он* «десять») в чувашском появляется протетическое ***в***. Что касается последнего звука, он в чувашском стоит всегда на месте общетюркск. ***о, ӧ, у, ӱ***: татарск. *ул*, чув. *вăл* «он», татарск. *озын*, чув. *вăрăм* «долгий, длинный», туркм. *олта*, чув. *вăлта* «удочка», киргизск., турецк. *отуз*, татарск. *утыз*, чув. *вăтăр* «тридцать»; татарск. *өч*, чув. *виç(çĕ)* «три», татарск. *ун*, чув. *вун(нă)* и т.д.[1]

Последнее фонетическое явление из всех тюркских языков свойственно только чувашскому и частично некоторым финно-угорским языкам. Исследователь венгерского языка М.К.Палло в статье «К вопросу о чувашском протетическом ***«в»*** говорит, что это явление следует отнести ко времени венгерско-чувашских и марийско-чувашских языковых связей, когда венгерские и марийские языки в течение определенного времени подвергались влиянию древнечувашского. Подтверждением тому служат одни и те же слова с протетическим ***в***, имеющиеся в венгерском и марийском языках. Приведем примеры, которые М.К.Палло считает наиболее достоверными заимствованиями: венг. *valyú* ~ западномарийск. *βal* < древнечув. **váluy* < древнетюркск. *ölug* «желоб, лоток»; восточновенг. *vék* ~ западномарийск. *βäk* < древнечув. **vägü* < древнетюркск. *ögü* «прорубь»; венг. *(kötél) verö* ~ западномарийск. *βäränˈ* «веревка» <древнечув. **vär* < древнетюркск. *ör* «вить веревку».[2]

Современные татарские формы отличаются от современных чувашских тем же отсутствием протетического ***в*** в начале слов.

---

[1]Исследователь татарских говоров нагорной стороны Татарской АССР Н.Б. Бурганова пишет, что в нурлато-кайбицком подговоре звук *у* литературного языка в слове *ул* «он» заменяется восходящим губным дифтонгом ***wo***, например: ***җаңа wол*** вместо *яңа ул* «он новый», ***китə wол*** вместо *китə ул* «он уходит», ***мында wол*** вместо *монда ул* «он здесь» и т.д. «Дифтонг ***wo*** подговора, – пишет автор, – может рассматриваться как влияние чувашского языка» («Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР». Сб «Материалы по диалектологии». – Казань, 1955. – С. 42).

[2]*M.K. Pallo.* Zur Frage der tschuwaschischen v-Prothese. «Acta orient. hung» т. XII, ч. 1-3, – 1961. –S. 42.

Ср. чув. *валак,* татарск. *улак* «желоб, лоток», чув. *вĕрен* «веревка», татарск. *уру* «вить (веревку)», чув. *вак*, татарск. *бэке* «прорубь». Тот факт, что ни современному татарскому языку, ни его предку не было свойственно протетическое ***в***, подтверждается также рядом старых заимствований из русского языка, начальное ***в*** которых в татарском заменяется, как правило, губно-губным ***б***: *вагон* – татарск. *багун*, *весь* – татарск. *бич, ведро* – татарск. *бидрэ*[3] и т.д.

Наличие в венгерском языке слов с древнетюркским лабиализованным гласным ***о***, но по остальным признакам совершенно совпадающих с современным чувашским (венг. *ökör*, чув. *вăкăр*, общетюркск. *őкőз* и др.), говорит о том, что фонетический закон с протетическим ***в*** вступил в силу гораздо позднее. Все это согласуется также с мнением Б.А.Серебренникова, что «протетическое ***в*** возникло только в языке камских булгар на территории их расселения в Камской Булгарии».[4]

Далее Г.В. Юсупов пишет, что «в дате часто встречаются числительные в количественной форме вместо порядковой: جال چيرات جور چرم سكر »(стр.73). В целом эта фраза весьма близка к современному чувашскому языку: *çич çĕр çирм сакр çол* «семьсот двадцать восемь год», т.е. семьсот двадцать восьмой год. По мнению автора, «нередко мы имеем и порядковые числительные, образованные при помощи суффикса ***м***: وجم ,«третий», توتم «четвертый», سكرم «восьмой» и т.д. Явление это также свойственно только современному чувашскому языку. Доказательство тому – наличие и по сей день порядковых числительных *виçĕм* «третий», *тăватăм* «четвертый», *çичĕм* «седьмой» и др., образованных с суффиксом ***м***: *те виçĕм кунччĕ, те тăватăмччĕ* («это было то позавчера, не то четвертого дня») и др.

Такого суффикса нет ни в одном из существующих других тюркских языков.

Говоря об образовании порядковых числительных с суффиксами شـ , ذشـ и приводя ряд примеров из эпитафий, Г.В. Юсупов замечает, что «аффикс ذشـ близко напоминает аффикс ***нч***

---

[3] «Диалектологический словарь». Казань, 1958.

[4] *Б.А. Серебренников.* К истории звуков чувашского языка. «Уч. зап. Научно.-исслед. ин-та языка, лит-ры, истории и экономики Чуваш. АССР». Вып. XIV. – Чебоксары, 1956. – С. 82.

татарских числительных» (стр. 74). Если аффикс نش «напоминает ***нч*** татарских числительных», следовательно, первый свойствен чувашскому. «Можно предполагать,– справедливо пишет Ф.Г.Исхаков,– что чувашский аффикс ***-мёш*** есть фонетическая разновидность аффикса ***-нч***, употребляемого, например, в языке орхонских памятников».[5]

Несколько слов об усеченном форманте. Ни в одном из живых тюркских языков, кроме чувашского, ***ш*** не сохранился. Правда, современные числительные формы *икёш, виçёш, тăватăш* и т.д. обозначают, скорее всего, совокупное количество, например: *тăватăш лараççё, виççёш выртаççё* («четверо сидят, трое лежат»), но этот факт не отрицает использование форманта ***ш*** для образования чувашских числительных имен. Аналогичное явление, весьма близкое к чувашскому, существует в якутском языке[6], в котором на месте чув. ***ш*** стоит ***с***: *уон* «десять», *онус* «десятый» (ср. чув. *вунăш*), *сиэтте* «семь», *сэттис* «седьмой» (ср. чув. *çичёш*).

Ф.Г. Исхаков, ссылаясь на автора «Грамматики якутского языка» (М., 1938). С.В. Ястремского, пишет, что ***-ис, -ыс, -ус, -с*** якутского языка исторически более поздние, чем ***-нчы, -нчи*** других тюркских языков.[7] После этого вряд ли можно сомневаться, что формы числительных в эпитафиях اكش , اكنش , أكش не свойственны современному чувашскому языку, тем более, что переход ***н*** в ***м*** в чувашском языке является общепризнанным фактом, а образование порядковых числительных при помощи ***нш, ш,*** по словам самого же автора, пока не известно татарскому языку (стр. 75). Что же касается топонимики *Орымширма, Икширма, Карашир*ма, *Яушир*ма, *Ямашир*ма, *Шушир*ма, *Баллышир*ма, то во втором компоненте приведенных слов, т.е. в слове *ширма*, автор хочет видеть татарское слово *чишмä*, тогда как оно в действительности восходит к пер. چشمه (*чäшме* «источник» от چشم «глаз» и суффикса ***о – е***) и к чув. ***çирма*** «река, ручей»,

---

[5] *Ф.Г. Исхаков.* Числительное. Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. – М., 1956. – С. 193.

[6] *См. Л.Н. Харитонов.* Современный якутский язык, ч. 1. – Якутск, 1947. – С. 148.

[7] *Ф.Г. Исхаков*, указ. соч. – С. 193.

образованному от ***сир*** «чертить, оставить след, писать» и аффикса ***-ма,*** никакого отношения не имеет. Автору это нужно для того, чтобы показать, что в татарском-де, подобно булгарскому, существует чередование *ч//ш//р*, и, таким образом, доказать прежде всего возможность образования в татарском языке порядковых числительных с помощью аффиксов ***нш*** и ***ш***, соответствующих ***нч*** и ***ч*** булгарских числительных. Чередование же звуков ***ш// с//ç*** в чувашском языке вплоть до нынешних дней распространено в ядринско-красночетайско-моргаушском говоре. Кроме того, татары называют «воду» не в чувашской форме *шу* (см. *Шуширма*), а *су*, точно так же слово «длинный» называют не *орым* (см. *Орымширма*), а *озын* (ср. булг. *Орымширма* и чув. *Вăрăмçирма* «длинная река»). Приведенная булгарская топонимика почти полностью соответствует современным чувашским названиям во многих районах расселения чувашей.

Автор книги безапелляционно заявляет, что «глубоко ошибочен применяемый до сего времени в отношении булгарского языка на надгробиях термин „чувашизмы"» (стр. 98). Но, противореча своему выводу, он в результате разбора порядковых числительных, образованных, в частности, при помощи аффикса ***.м:*** توا تم , جبالم , وجم » (стр. 73) (ср. чув. *виçĕм* «третий», *пилĕм* «пятый», *тватăм* «четвертый» и т.д.), признает, что употребление в булгарском языке аффикса ***м*** следует объяснить диалектальным явлением в булгарском языке (стр. 75). Этим диалектом булгарского языка, что ни делай, оказывается чувашский язык.

Наконец, о так называемом «чередовании звуков ز , ر (р, з) в языке казанских татар» (стр. 74). Автор книги пытается доказать, что язык современных татар представляет собой продолжение языка камских булгар. По его мнению, редкие диалектные слова на ***р//з*** *(қандыр//қандыз, кўр//кўз, шар-басу,* а также корреспонденция звуков ***р//з*** в таких словах, как *белгезў – белдерў* и др., позволяет предположить в прошлом бытование в татарском языке и числительных, оканчивающихся на ر . Например, «подставив в طدر, وطر , جور , корреспондирующий звук ز ,– пишет Г.В. Юсупов,– получим طدز (*тохоз//токоз*), وطز (*отоз*), جوز (*җőз*)» (стр.74-75).

Все это, разумеется, неубедительно. Оттого, что заменили конечное ***р*** буквой ***з*** оказывается, исчезает начальное протетиче-

ское *в*, свойственное, как мы уже сказали, чувашскому языку, и приближается к произношению современного татарского языка. Выходит, не чув. *т(ă)х(ă)р* «девять», *в(ă)т(ă)р* «тридцать, *ç(ĕ)р* «сто», а татарск. *тохоз// токоз, отоз, җоз.*

Если предположить, что в языке казанских татар существовали числительные на *-р*, то следует допустить, что и другим частям речи и языку в целом был свойствен ротацизм, чего быть не может.

Автор говорит, что на эпитафиях второго стиля встречаются формы جور и جوز , правда, не указывая, на скольких именно памятниках зарегистрировано слово *сто* с конечным *з*. Если допустить, что в памятниках второго стиля встречается слово *сто* с конечным з (جواز), то как же быть тогда с вопиющим нарушением фонетического закона для одного и того же случая написания? Например, на табл.3 рядом с جوز стоит طدز . Или: на табл.11 рядом со словом *сто* числительное *тридцать* транскрибировано с конечным *р*: جوز وطر . Выходит, что для написания числительных в одном и том же случае существовало два фонетических закона. Признать это невозможно. Можно только полагать, что заготовщик могильных камней писал на смешанном чувашско-татарском языке, если современные эпиграфисты не впадают в ошибку.

Что касается тех татарских слов на *р*, которые автор приводит как чередующиеся варианты на *з*, то их следует считать не иначе как осколками булгарской лексики, впоследствии вошедшими в татарский язык совершенно так же, как и в чувашский: татарск. *ҡандыр*, чув. *хăнтăр* «бобр», татарск. *шар,* чув. *шур* «болото» и т.д.

Чтобы доказать, что «в истории татарского языка чередование *р//з* было довольно распространенным», автор, кроме перечисленных примеров, приводит еще *кӯр//кӯз* и *ҡыз-ҡыркын.*

Татарскому *кӯр* соответствует чув. *кур* «смотреть», татарск. *кӯз* – чув. *куç* «глаз». Значит, и татарская, и чувашская формы друг от друга ничем не отличаются, и это чередование возникло не в эпоху волго-камских булгар, а на много столетий раньше, быть может, еще в алтайскую эпоху развития тюркских языков. По этому поводу Н.А. Баскаков пишет следующее: «...соответствие *р ~з* и *л~ш/с* характерно не только для чувашского языка по отношению его к другим тюркским, но следы этого соответствия

сохранились и в лексике других тюркских языков либо в виде исторических синонимов, либо в виде различных слов, получивших новую семантику, по которой уже трудно установить связь, например, между словами с чередующимся согласным ***р~з,*** с одной стороны, и словами, с чередующимися согласными ***л ~ ш/с***, с другой. Например, чувашск. *çул* = общетюркск. **йаш*: 1) «год», «возраст»; 2) «слеза», с одной строны, и соответствие внутри общетюркск. **йаш* «год», «возраст» и **йыл* «год», с другой; чувашск. *пилĕк* = общетюркск. **беш* «пять», с одной стороны, и соответствие внутри общетюркск. **беш* «пять» и *билек* «часть руки между локтем и кистью», с другой, а также древние соответствия *кӧр* = «видеть» и *кӧз* «глаз»; *йерт* = «идти по следу», «следовать» и *из* «след» и пр.».[8]

Существование татарского словосочетания қыз-қырқын, как кажется автору, «самый выразительный пример пережитка бытования ротацизма в татарском языке, наследования его булгарскому языку». Автор сопоставляет его с чув. *хăрхăм*, чтобы обосновать свой безоговорочный вывод. *Хăрхăм* состоит из *хăр* и *хăмĕ*. В первом легко узнается современное чув. *хĕр* «девушка», а во втором проф. В.Г. Егоров не без оснований видит орхоно-енисейскую форму *кӱн*.[9] Тогда нетрудно заметить, что и татарск. *қырқын* и чув. *хăрхăм* являются словами родственными и обозначали когда-то «невольницу-женщину» вообще. *Қыз-қырқын* относится к категории таких же татарских слов, как *кыз-бала, кыз-хатын,* когда в результате прибавления слова *кыз* к этим словам, имеющим значения сами по себе (*бала*, «дитя», *хатын* «жена»), возникли новые значения: *кыз-бала* «девочка», *кыз-хатын* или *хатын-кыз* «женщина». Разве можно вообще считать веским утверждение автора, что «татарскому ***қ*** соответствуют булгарские ***х*** и ***h***, а чередование ***h – х*** является характерным для татарского языка и ныне», если на булгарских эпитафиях ясно зафиксирована чувашская форма هير حوم (таб, 5, 7, 13), т.е. *хир хум* > *хăр хăм* «девушка-рабыня»?

---

[8] *Н.А.Баскаков.* Тюркские языки. – М., 1960. – С. 31-32.

[9] *См. В.Г.Егоров.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. – Чебоксары, 1954. – С. 43.

Добавим, что слово هبر, зафиксировано также в притяжательной форме هبری (табл. 37); оба они, буквально, совпадают с современным чув. *хĕр* «дочь», *хĕрĕ* «дочь его» в противоположность общетюркск. и казанско-татарск. *кыз* и *кызы*. Так же обстоит дело с булгарским названием пятницы آرنی گوان (табл.14). Данное слово следует, читать *арня*, т.е. так, как его произносят современные чуваши (виръялский диалект), мари, удмурты.

Однако татары опять-таки этот праздничный мусульманский день сохранили в форме *атна*, которая восходит к перс. آدینه *адинэ* «пятница».

Все таки непонятно, как это в татарском языке, который, по словам автора, является прямым продолжением булгарского, вдруг исчез звук ***р*** и возник древнетюркский звук *з*? Объяснение, будто булгары в результате культурно-экономических связей с *з*-язычными тюрко-мусульманскими народами Юга в XII–XIII вв. потеряли древние черты языка, и в первую очередь – ротацизм, противоречит конечному выводу автора, что современный казанско-татарский язык является прямым продолжением булгарского языка на его же этнической основе.

О чередовании *л//ш*. Нам думается, что в действительности вряд ли на каком-либо могильном камне раннего периода было выгравировано слово بش «пять». Количественные и порядковые числительные *пять, пятый* даны в таком виде: بلج , بلج, ببلم, ببالم. Пример же *камыл – камыш*, приводимый в качестве современного чередования *л/ш*, не типичен. Точно такую же пару слов имеет чувашский язык: *хăмăл* «жнивье», жниво», *хăмăш* «тростник, камыш», которые вряд ли могут быть этимологизированы к одному корню.

Говоря о разнописании одних и тех же числительных, не надо забывать и факт, что арабская графика была хороша для арабского языка, но не булгарского. Поэтому вполне естественно, что встречающиеся расхождения объясняются неприспособленностью арабского письма для языка тюркского строя. Надо иметь в виду и тот факт, что каменщик мог говорить не на булгарском языке, он мог быть кипчаком, в те времена в Булгарии уже немало было кипчаков-татар.

После разбора языковых особенностей эпитафий автор за-

являет, что «из консолидации древнебулгарского языка в течение длительного времени с огузо-кипчакскими языками получился современный казанско-татарский, близкий к языку 1-го стиля надгробий, со многими элементами древнетюркского языка». Возникает вопрос: какой же язык, чей грамматический строй победил в этом процессе? Разумеется, кипчакско-половецкий с характерным зетацизмом, свойственным современному татарскому, иначе нельзя было бы понять слов автора, «что кипчакский и огузский языки, наслоившись на древне-булгарский, резко изменили направление его развития (разрядка наша. – *М.Ф.*).

Для доказательства «генетической связи казанских татар с булгарами» утверждения, подобные следующему: «числительные ... будучи наиболее употребительными первостепенно важными в межплеменном обмене и торговле... подвержены изменениям (нивелированию) гораздо сильнее, чем другие слова», – неубедительны. Булг. *с(а)кр*, *т(ă)хр*, *вон*, *в(ă)тр* и др. не могли превратиться в татарск. *сикез, тукыз, ун, утыз,* так как в действительности последние, как и рассмотренные выше, имена восходят к архетипам языка – основы с согласным *з*. Здесь уместно вспомнить справедливое замечание Б.А.Серебренникова о том, что «подобные скачки могли происходить только в представлении некоторых товарищей, пожелавших, чтобы язык казанских татар происходил от языка булгар. В реальной действительности никогда не наблюдалось таких чудес, чтобы слова одного языка через тысячу лет снова возвращались в исходное состояние».[10]

Даже при самом беглом знакомстве с рассмотренными фонетическими особенностями, отраженными в эпитафиях второго стиля, нельзя отрицать трех решающих фактов: во-первых, наличия протетического ***в*** в булгарском и чувашском языках, которого нет ни в татарском, ни в любом другом тюркском языке; во-вторых, ротацизма древнего ***р***, который пронизывает как булгарский, так и чувашский язык; в-третьих, ламбдаизма древнего ***л*** булгарских памятников и современного чувашского языка.

Если объективно подходить к фактам, нет никакого основа-

---

[10] *Б.А. Серебренников,* указ. соч. – С. 73.

ния отрицать «чувашизмы», имеющихся в эпитафиях XIII–XIV вв. Наличие осколочных форм лексики с ротацизмом и ламбдаизмом в татарском языке отражает лишь сохранение булгарских слов в их первородном состоянии. И поэтому утверждение, что «к X–XI вв., т.е. ко времени образования Булгарского феодального государства, булгарский разговорный язык исчез и образовался новобулгарский», т.е. татарский язык, а «бытование древнебулгарского языка (до 1359 г.) на камнях-святынях булгар было уже только пережиточным существованием его как языка надгробий», – не может быть принято.

Никто из ученых не отрицает близости языка волжских булгар к современному чувашскому, точно так же, как никто не утверждает, что язык казанских татар не имеет отношения к булгарскому. Обзор книги хотелось бы завершить словами тюрколога А.Н. Самойловича, что «казанско-татарский литературный язык вместе с казанско-татарским разговорным диалектом поныне с полной ясностью сохраняют преемственную свою связь с кыпчацким языком XI–XIV веков...».[11]

---

[11] *А. Самойлович.* К истории крымско-татарского литературного языка. «Вестн. научн. об-ва татароведения». – [Казань], 1927, № 7. – С. 27.

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР
СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
Т. XXII. Вып. 5. Москва, 1963.

3.2. О ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СООТНОСИМОСТИ ПЕРМСКОГО *эн* И ЧУВАШСКОГО *ан* В ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ФОРМЕ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

В тюркских и финно-угорских языках Поволжья и Перми отрицательная форма повелительного наклонения 2-го лица представлена следующим образом:

Таблица 1

	ед.число	мн.число
чув.	*ан кай* 'не уходи'	*ан кайăр* 'не уходите'
татар.	*кит -мэ* "	*кит-мәгез* "
башк.	*кит - мэ* "	*кит-мәгез* "
удм.	*эн мын* 'не иди'	*эн мынэ* 'не идите'
коми	*эн мун* "	*эн мунӧй* "
эрз.	*иля яка* 'не ходи' (ср. фин. *älä lue* 'не читай')	*илядо яка* 'не ходите' (ср. фин. *älkää lukeko* 'не читайте')
мокш.	*тят яка* 'не ходи'	*тяда яка* 'не ходите'
мар.	*ит луд* 'не читай'	*ида луд* 'не читайте'

Из приведенных (примеров шесть составляют типологическую общность, тогда как татарские и башкирские отрицательные формы повелительного наклонения образованы по единому типу отрицательного спряжения изъявительного наклонения, т.е. присоединением того же отрицательного аффикса ***-ма, -мə*** по неизменной во всех временах схеме: основа (корень) + аффикс отрицания + аффикс времени + аффикс лица + аффикс числа; например, татар., башк. *син язмадын* 'ты не писал', *син китмəден* 'ты не ушел' и т.д. В чувашском языке отрицательная форма спряжения в изъявительном наклонении образуется в общетюркском плане, а именно с помощью того же тюркского аффикса ***-ма, -ме*** и по той же схеме, например: *эсĕ çыр + ма + рăн* 'ты не писал', *эсĕ кай+ ма+ рăн* 'ты не ушел'. Что касается отрицательной формы повелительного наклонения, то она резко отличается от других тюркских образцов (табл.1).

Прежде всего бросается в глаза звуковое и смысловое сходство чувашской и пермских отрицательных конструкций, причем звуковую общность вряд ли можно объяснить случайным фонетическим совпадением. Если это так, то мы вправе допустить одно из двух решений: либо предки удмуртов и коми еще в пору пермской общности языков (до VIII века н.э.) заимствовали древнечувашское ****эн*** (>чув. ***ан***), либо, наоборот, пермское ***эн*** в качестве отрицательного форманта было повсеместно усвоено чувашами.

В.Г. Егоров высказывается в пользу второго предположения: «Употребление отрицательной частицы ***ан*** в формах повелитель-

ного наклонения можно объяснить только на основе наличия этой частицы ***(эн)*** в удмуртском и коми языках».[1] Он же пишет: «По-видимому, еще в глубокой древности частица эта заимствована была чувашами от удмуртов».[2] Главным аргументом для такого утверждения В.Г. Егоров выдвигает тот факт, что «соответствий ему (препозитивной отрицательной частице ***ан***. – *М.Ф.*) в других тюркских языках не имеется».[3]

До разбора других точек зрения мы должны попытаться ответить на вопрос, не родственны ли финно-угорские отрицательные глаголы изъявительного наклонения в настоящем-будущем времени с отрицательными глаголами повелительного наклонения, например: удм. *уд* (*удмынйськы* 'ты не идешь') с удм. *эн* (*эн мын* 'не иди'), коми *он* (*он мун* 'ты не идешь') с коми *эн* (*эн мун* 'не иди'), мар. *от* (*от луд* 'ты не читаешь') с мар. *ит* (*ит луд* 'не читай'), эрз. *а (а якат* 'ты не ходишь')? с эрз. *иля* (*иля яка* 'не ходи'). Приведем таблицу спряжения отрицательного глагола в финском, коми, удмуртском, эрзянском, мокшанском и мари языках.

Таблица 2

Языки	1 л. ед. ч.	2 л. ед. ч.	3л. ед. ч.	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.	3 л. мн. ч.
фин.	*е-п*	*е-t*	*ei*	*е-mme*	*е-tte*	*ei-vat*
коми	*о-г*	*о-н*	*о-з*	*о-г*	*о-н*	*о-з*
удм.	*у-г*	*у-д*	*у-г*	*у-м*	*у-д*	*у-г*
эрз.	*а*	*а*	*а*	*а*	*а*	*а*
мокш.	*а-ф*	*а-ф*	*а-ф*	*а-ф*	*а-ф*	*а-ф*
мар. луг.	*о-м*	*о-т*	*о-геш,*	*о-гына,*	*о-гыда,*	*о-гыт*
			о-к	*о-на*	*о-да*	
мар. горн.	*а-м*	*а-т*	*а-геш, а-к*	*а-на*	*а-да*	*а-гыт*

Из таблицы видно, что кажущийся разнобой начальных гласных подчиняется межъязыковым соответствиям: удм. ***у*** ~ коми ***о***, мар. луг. ***о*** ~ мар. горн. ***а***, мар. луг. ***о*** ~ морд. ***а***, мар. горн. ***а*** ~

[1] *В.Г. Егоров.* Современный чувашский литературный язык. – Чебоксары, 1954. – С. 45.

[2] *В.Г. Егоров.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары 1964. – С. 26-27.

[3] *Там же.*

морд. ***а***. Таким образом, можно предположить, что еще в период прибалтийско-финско-пермской общности существовал какой-то этимологический отрицательный глагол. Дюла Дечи полагает, что основой для этих отрицательных глаголов (он приводит примеры из финского, марийского и коми языков) могли быть восстанавливаемые формы ****ерä ~*ора***.[4]

На основании этого предположения мы не можем сказать, что чувашская отрицательная форма повелительного наклонения ***ан*** пермского происхождения.

Однако это финно-угорское этимологическое ****е-***, или ****о-***, в семантическом плане соотносимо с алтайскими формами отрицания: тунг. ***е-***; встречающееся в тюркских языках и выражающее невозможность слово ***ämä***, которое, по М. Расянену, образовано от отрицания ***е-***.[5] Рамстедт пишет, что «тюркский язык с древних времен знает и другую форму повелительного наклонения, которая характеризуется окончанием ***-η***: др.-тюрк. *tašyqyη* «выйди! выйдите вон!», *ičikiη* «войди!», *boluη* «будь!», *tutaη* «держи (хватай!)». Этот – *η* является, вероятно, тем же элементом, который в монгорском языке проявляется более самостоятельно в форме ***-ōn***: s*ūrGa= sūrGōn* «посади его (ср. р.), попроси его сесть». К этой же категории относится также чув. ***ап*** (запретительная частица) от ****еп*** негативного глагола ****е***».[6]

О судьбе спорного препозитивного отрицательного форманта повелительного наклонения в чувашском языке категоричнее всех высказался Г.Д. Санжеев: «Чувашский язык по наличию в нем препозиционной отрицательной частицы ***ан<*е-н*** ‘не’ выпадает из тюркской семьи и вместе с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и финно-угорскими языками включается в другую группу языков. Здесь сравнительно-исторический метод может лишь дать генетическое толкование данной чувашской частице, возводя ее вместе с монгольской ***е-се*** ‘не’ к эвенкийской ***еми*** и

---

[4] *Gy. D e c s y.* Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. – Wiesbaden, 1965. – S. 182.

[5] *M. Räsänen.* Über die ural-altaische Sprachwissenschaft. – Helsinki, 1965. – S. 162.

[6] *Г.И. Рамстедт.* Введение в алтайское языкознание. – Москва, 1957. – С.82.

есин ‘не’ к праформе *< ***е-***. Однако, вероятно, сопоставление этой чувашской частицы с соответствующими формами соседних финно-угорских языков сможет объяснить, почему в данном отношении чувашский язык отличается от всех прочих тюркских языков: по-видимому, контакт этого языка с финно-угорскими способствовал сохранению в нем обозреваемой частицы (возможность заимствования чувашами этой частицы из какого-то соседнего неалтайского языка исключается)».[7]

В заключение статьи напомним, что предки современных удмуртов и коми еще в период их общепермской языковой общности, в течение примерно двух столетий, вплоть до VIII века находились под сильным влиянием тюркоязычных булгарских племен, одно из которых с языком чувашского строя оказало на пермяков огромное по тому времени влияние, что доказывается наличием в коми языке нескольких десятков слов чувашского происхождения, не говоря уже о сотнях чувашских заимствований в удмуртском языке, носители которых оставались дольше в сфере влияния булгар.

Поэтому вполне вероятен факт заимствования чувашской частицы ***ан*** пермскими языками, тем более, что имевшийся в их языке отрицательный финно-угорский глагол ***е-*** типологически составлял единство с древнечувашской ***ен*** > чув. ***ан***. Чувашское начальное ***а*** объяснить нетрудно, ибо в ту эпоху шел усиленный процесс расширения тюркских узких гласных, о чем свидетельствуют многочисленные тюрко-чувашские соответствия: тюрк. ***ек-*** ~ чув. ***ак*** ‘сеять’, ср. удм. *акаяшка* (<чув. *акаяшки*) ‘праздник сева’; тюрк. ***ел*** ~ чув. ***ал, алă*** ‘рука’ и т.д.

В немалой степени усвоению пермскими языками древнечувашской отрицательной частицы ***эн*** (>чув. ***ан***) содействовало и то, что повелительное наклонение в пермских языках, а также в марийском в отличие от других финно-угорских языков, где имеется специальный показатель повелительного наклонения ***-k***, образуется по одному типу с тюркскими, т.е. форма повелительно-

---

[7] *Г.Д.Санжеев.* Сравнительно-исторические и типологические исследования в алтаистике. – Лингвистическая типология и восточные языки. – Москва, 1965. – С. 80.

го наклонения 2-го лица ед. числа является основой глагола: чув. **кай**, татар., башк. **кит** ‘ уходи’, ср.удм. **мын**, коми **мун** ‘иди’ и др.

Таким образом, чувашский язык при образовании отрицательной формы повелительного наклонения сохранил одну из древнейших черт алтайской общности языков, которая была усвоена финно-уграми пермской языковой общности.

«Советское финно-угроведение» №4, Таллин, 1966.

* * *

Академик Федотов на титульном листе журнала добавляет: «Постановка отрицательной частицы перед глаголом повелительного наклонения свойственна лишь чувашскому языку, в остальных тюркских языках этого нет. Чувашский язык в этом отношении имеет общую линию грамматического развития с монгольскими и финно-угорскими языками Поволжья и Перми:

Монг. – ***п***. *ide* ‘ешь’ – *bitegei ide* ‘не ешь’; *idegdŭn* ‘ешьте’ – *bŭ idegdŭn* ‘не ешьте’ (Щербак ОСМТЯ, 11);

халха ав ‘взять, брать’ – *битегий ав* ‘не бери’; *суу* ‘сидеть’ – *битегий суу* ‘не сиди’;

монг. классич. буу ору – ‘не входи’ (Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамм. монг. языков. Глагол. М., 1963, стр.118).

Явное заимствование из чув.: каз. *anšarla*< чув. *an šarla* ‘muck dich nicht’ (Räsänen EWb, 20a) – schweige! ‘молчать, замолчать, умолкнуть’ (Das grosse deutsch-russische Wörterbuch. Zweiter Band (L-Z).Moskau.Verlag russische Sprache.1980. – S.331».

3.3. БУЛГАРСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К НЕКОТОРЫМ ФИННО-УГОРСКИМ ЯЗЫКАМ

(Заметки в области согласных звуков)

Материалом для данной статьи служат главным образом надписи на реально существующих эпитафиях.

Г.В. Юсупов во «Введении в булгаро-татарскую эпиграфику» (ЮсБТЭ), наиболее полной и новейшей публикации бул-

гарских эпиграфических памятников XIII–XIV вв., поставил цель доказать ненаучность «теории булгарского происхождения чуваш» и их языка и «показать преемственную связь памятников эпохи Казанского ханства с булгарскими памятниками как в языковом, так и типологическом отношениях». Автор решил исправить «ошибку» нескольких поколений ученых, которые «без учета исторических корней» булгарского и чувашского языков «ставили знак равенства между чувашами и булгарами».

Чтобы ответить, есть ли основание заявлять, «что ошибка исследователей теории булгарского происхождения чуваш заключалась в том, что они только на почве механического сопоставления булгарского и чувашского языков отождествляли их и строили «китайскую стену» между татарским и булгарским языками», так ли уж «глубоко ошибочен» применяемый до сего времени в отношении булгарского языка на надгробиях термин «чувашизмы», противоречат ли последние также и исторической стороне этнонима 'чуваш' (ЮсБТЭ, 98), мы остановимся на характерных особенностях чувашского, татарского и булгарского языков и покажем, как они отразились на финно-угорских языках.

1. Наличие в булгарском и чувашском языках протезы ***в*** на месте тюркских ***у, ӱ, о, ӧ,*** например: булг. و ج = чув. ***виç***[1] (краткая форма), ср. татар., башк. ***өч*** 'три'; булг. و ن – чув. *вун ~ вон*, ср. татар., башк. ***ун*** 'десять'; булг. و ط ر = чув. ***вăтăр,*** ср. татар., башк. *утыз* 'тридцать'; числительное «десять» встречается в сложных числительных: булг. سكز و ان = чув. *сакăр вун ~ сакăр вон*, ср. татар., башк. *сиксән* 'восемьдесят'; булг. طحرون , طحر و ان = чув. *тăхăр вун ~ тăхăр вон*: ср. татар., башк. *туксан* 'девяносто'. Далее не воспроизводим написание

[1] В чувашском литературном языке буквой *ç* обозначают как мягкий, так и твердый вариант аффрикаты: ср. диал. *инче* ~ лит. *инçе* 'далеко', диал. *минче* – лит. *миçе* 'сколько', диал. *хăнчан* ~ лит. *хăçан* 'когда' и др. Она соответствует тюркским *й, дь, жь, ч*. Для передачи чув. *ç* в арабском алфавите нет такой буквы, поэтому в памятниках XIII–XIV вв. булг.-чув. *ç* передается арабской буквой ج (дж, джь).

Чувашский звук, передаваемый русской буквой ч, представляет собою также аффрикату, либо смягченную свистящую глухую *ц* ' (=т '+ с'), например, *чăваш* 'чуваш', либо смягченную свистящую звонкую *ζ* ' (– *д'* + *з'*) в приведенных словах *инче, минче, хăнчан* и т. д.

булгарских порядковых числительных, начинающихся с протезы *в* (ϑ) , например: «третий», «десятый», «двенадцатый», «четырнадцатый», «пятнадцатый», «шестнадцатый», «девятнадцатый», «тридцать третий», «тридцать седьмой», «девяностый» (см. таблицу булгарских числительных, ЮсБТЭ, 71-73).

Не вызывает сомнений, что тюркизмы с протезой *в* в марийском, удмуртском и коми языках чувашского происхождения, например: чув. *вакă* 'прорубь' > мар. ваке, марГ. *вăкы*; ср. чаг. *öгü*, каракалп. *уки*, татар. *бәке*, башк. *мәке* то же; чув. *вара* 'стожар' > мар. *вара*, марГ. *вăра* 'шест'; ср. татар. *үзәк*, саг., койб. *өзäк* то же; чув. *виме* (а также *миме*) 'мозг' > мар. *вем* (а также *мем*), удм. *вим*, коми *вем*; ср. уйг. *мин*, узб. *мия*, алт. *ме, мее*, татар. *ми*, башк. *мейе,* тур. *beyin*, туркм. *бейни* то же; чув. *виме* (а также *мӳне, ниме, миме*) 'помочь (коллективная работа)' > мар. *вӳма* (а также *мӳма*), марГ. *вима*, удм. *веме*; ср. татар., башк. *әмә*, древнетюрк., туркм., казах. *ӳме* то же и др.

Протезу *в* мы видим также в древнечувашских заимствованиях в венгерском языке, хотя здесь она не всегда выдержана, например: чув. *валак* 'желоб, водостаточная труба' > венг. *valyú* (< древнечув. *валюх* ~ **валюк*); чув. *вакă* 'прорубь' > венг. (вост. диал.) *vék*; чув. *вĕрен* 'веревка' > венг. *(kötél) verö*, но *вăкăр* 'бык, вол' > венг. *ökör*; ср. тур. *öküz;* чув. *вăрă* 'вор' венг. *or, orv, wrv, wru,wrw* (GombMSFOu XXX, 109) и др.

Наличие в современном венгерском языке древнечувашских с протетическим *в* (GombMSFOu XXX; M.K. Pallo, Acta Orient. Hung. XII 1961, 42), а также в «Хронологии дунайских булгар» в форме *вѣчемь ~ вечемь* 'третий' (ср. волго-булг. م ج و = чув. *виçĕм (vizəm)* Pritsak, Fürstenliste, 45, 59) лишний раз говорит не только о самобытности древнечувашского языка, но и влиянии его на языки соседей еще до X века.

Этот тезис может быть подтвержден другими примерами из области исторической лексики булгарского языка гуннской эпохи. Мы имеем в виду современные чувашские слова: *вар* 'овраг, лог, дол, сухое русло ручья; живот, желудок, внутренности (человека)'; *варак (вар+ак)* 'промоина, овражек, продольное углубление'; * *Варан (вар+ан* – аффикс тюркского причастия) < *Баран* (правый приток р. Майны, на берегах которого сохранились сле-

ды старинных городков. Весьма вероятно, что нынешнее название реки Баран – древнебулгарское слово, АшмБЧ, 54). Основа *вар* соответствует гуннскому *Var* 'Днепр' (по другим спискам – его притока). На других тюркских наречиях Днепр носит название *Ӧзӳ, Ӳзӳ* (АшмБЧ, 51-52).

2. Наличие в булгарском и чувашском языках аффикса порядковых числительных ***ăм (ĕм)***. Правда, этот древнечувашский аффикс, теперь совершенно непродуктивный, сохранился в ограниченном числе примеров, но это его значения не умаляет: *виҫĕм кун* 'третьего дни', *виҫĕм ҫул* 'в третьем годе', *тăватăм кун* 'четвертого дня', а в числительных – *виҫмине* (виҫм + ине – аффикс дат.-вин. падежа) 'после завтра', *тăватмине* 'через три дня (т.е. на четвертый день)', *пилĕкмине* 'на пятый день вперед', *ултмине* 'на шестой день от сего дня' и т.д.

Чувашский аффикс ***ăм (ĕм)*** находит свое звуковое и семантическое соответствие в памятниках как волжских, так и дунайских булгар: волго-бул. و ج م (و ج +م) = дунайск.-булг. *вĥчемь ~ вечемь* (веч + емь) чув. *виҫĕм*, ср. татар., башк. *ӧченче* (ӧч 'три' + *енче*) 'третий'; волго-булг. ت و ت م , ن ڎ ا ڎ م = дунайск.-булг. *тоутом* = чув. *тватăм*; ср. татар., башк. *дӳртенче* 'четвертый'; волго-булг. چ ب ا ڎ م – дунайск.- булг. *читемь* = чув. *ҫичĕм + ĕш;* ср. татар., башк. *жиденче* 'седьмой'; волго-булг. س ک ر م = дунайск.- булг. *шехметь* = чув. *сакăрм + ĕш;* ср. татар., башк. *сигезенче* 'восьмой'; волго-булг. ط ح ر م = дунайск.-булг. *твирим, твирем* = чув. *тăхăрм +ĕш;* ср. татар., башк. *тугызынчы* 'девятый'; волго-булг. و ا ن م (Pritsak, Fürstenliste, 5,стр.45) = чув. *вунăм + ĕш ~ вонм + ĕш*; ср.тат., башк. *унынчы* 'десятый'. Написание последнего булгарского слова с кясрой перед *м* лишний раз свидетельствует, что чув. *вунăм ~ вонм + ĕш* и булг. و ا ن م читаются одинаково.

В современном чувашском языке порядковые числительные образуются с помощью аффикса ***мăш (мĕш)***, присоединяемого как к краткой, так и полной форме первых: *пĕр + мĕш, пĕрре + мĕш* 'первый', *вун + мĕш, вуннă + мĕш* 'десятый' и т.д. Аффикс ***мăш (мĕш)*** представляет собой не что иное, как чув. ***ăм (ĕм)*** = булг. م плюс аффикс ***ăш (ĕш)*** = булг. ش . На данном этапе развития чувашского языка формы порядковых числительных ***мăш (мĕш)*** и ***мăшĕ (мĕшĕ)*** уже не различаются.

Г.В. Юсупов в своей монографии отмечает два аффикса порядковых числительных ***нш*** (ن ش) и ***ш*** (ش); они имеют самое близкое отношение к чувашским аффиксам: булг. اكنش, اكش, اكيش (ЮсБТЭ) – чув. *ик(кĕ) + мĕш*; ср. татар., башк. *икенче* 'второй'; булг. جيرام منش = чув. *çирĕм + мĕш*; ср. татар., башк. *егерменче* 'двадцатый' и др. (ЮсБТЭ, 71-73).

Булгарский аффикс ***нч*** находит себе соответствие в виръялских диалектах чувашского языка. Еще Н.И. Ашмарин, отметив это явление, писал: «Так как вместо аффикса ***м*** в порядковых числительных у чуваш встречаются также и ***н*** (напр, *тăватăм кун – тăвадăм гун* – и *туадын гон* 'четвертого дня'), то вместо обычных форм ... *иккĕмĕш, виççĕмĕш, тăваттăмĕш* ... мы могли бы ожидать у чуваш также и форм: **иккĕнĕш*, **виççĕнĕш*, **тăваттăнĕш*» (АшмБЧ, 91).

Булгарскому аффиксу ***ш*** в том значении, в котором он употреблен в булгарских памятниках (اكيش 'второй', الطيش шестой', جيدش 'седьмой', ЮсБТЭ, 71), в чувашском соответствует отдельно существующий аффикс ***(ĕ)ш*** или же он выступает в составе ***мăш (мĕш)***, который состоит, как уже отметили, из двух аффиксов: ***ăм (ĕм) + ăш (ĕш).***

Говоря об идентичности современного чувашского аффикса порядковых числительных ***мĕш (м+ш)*** и булгарского م + ش , следует остановиться на образовании порядковых числительных в некоторых финно-угорских языках, в частности марийском и удмуртском.

В марийском языке порядковые числительные образуются с помощью суффикса ***ымше (-о, -ö)***, который присоединяется к краткой форме количественных числительных: *ик* 'один' – *икымше* 'первый', *kok* 'два' – *кокымшо* 'второй', *ныл* 'четыре' – *ныльымше* 'четвертый', *вич* 'пять' – *визымше* 'пятый'; *куд* 'шесть' – *кудымшо* 'шестой', *кандаш* 'восемь' – *кандашымше* 'восьмой', *индеш* 'девять' – *индешымше* 'девятый', *лу* 'десять' – *лумшо* 'десятый' (ГалИГМЯ, 106).

В других финно-угорских языках указанному марийскому суффиксу соответствий нет, но суффикс ***мос*** в удмуртском, образующий дробные числительные от количественных, как отмечает И.С. Галкин, по всей вероятности, одного происхож-

дения с марийскими порядковыми числительными.[2]

Надо заметить, что марийские и удмуртские дробные числительные образуются по одной и той же схеме с чувашскими: числителем является количественное, а знаменателем – порядковое числительное, например: удм. *куинь витьмос,* мар. *кум визымше*, ср. чув. *виçĕ пиллĕкмĕш* 'три пятых'; удм. *сизьым тямысмос*, мар. *шым кандашымше*, ср. чув. *çичĕ саккăрмĕш* 'семь восьмых' и т.д. При этом нужно особо подчеркнуть, что в чувашском и марийском языках число, выражающее количество взятых долей (числитель), стоит в краткой форме, так оно обозначает определенное, конкретное количество (чув. *çичĕ кун*, ср. мар. *шым кече* 'семь дней', но *çиччĕ* ср. мар. *шымыт* 'семь' отвлеченное (абстрактное) число без указания количества предмета).

Исходя из неверного предположения, что в других тюркских языках нет соответствий чувашскому аффиксу ***мĕш***, который на самом же деле генетически соотносим с тюркским ***нч*** и якутским ***с***, И.С. Галкин считает, что в чувашском языке аффикс порядковых числительных возник под влиянием марийского языка. Но его точка зрения об образовании марийского аффикса порядковых числительных путем слияния двух самостоятельных суффиксов ****м + се > мше*** совпадает с рассмотренными нами булгарскими аффиксами порядковых числительных.

Кроме того, влиянием булгарского аффикса ***ш*** можно объяснить, пожалуй, ту особенность горномарийских порядковых числительных, когда они образуются без аффикса ***м***, подобно булгарским *икĕш* 'второй', *олтăш* 'шестой', *çичĕш* 'седьмой' и др. (см. выше): марГ. *ик + шы* 'первый', *кок + шы* 'второй', *кым + шы* 'третий', *шым + шы* 'седьмой', *лу + шы* 'десятый'.

Таким образом, мы считаем, что марийские регулярные суффиксы порядковых числительных ***ымшо (-о, -ö), шы***, а также удмуртский ***мос*** нужно рассматривать как языковые приобретения булгаро-чувашского происхождения, относящиеся к самому раннему периоду интенсивного культурно-экономического влияния булгар на своих соседей – предков мари и удмуртов.

---

[2] *И.С. Галкин.* Историческая грамматика марийского языка 1. – Йошкар-Ола; 1964. – С. 107.

3. До сих пор, транскрибируя булгарское числительное «пять», исследователи считали, что ему соответствуют тюркские формы *биш, баш* то же. Здесь усматривали чередование конечного булг. *л* и тюрк. ***ш***, что, казалось, не вызывало никакого возражения.

В связи с этим считаем нужным обратить внимание на точку зрения О.Прицака считающего, что встречающуюся в булгарских памятниках форму числительного جيرم بش كوان ('25-го дня') нельзя считать идентичной с тюркским ***биш, баш*** 'пять', так как ***ш*** – такой же суффикс порядковых числительных, какой мы встречаем в اكش 'второй', الطش 'шестой', جيدش 'седьмой'. В форме *баш* автор усматривает выпавший *л* в позиции перед ***ш (< нш < нч)***, подобно *бех-* (из **бêхти)*, где перед ***х (< к)*** был звук *л*: **белх (< бел'ик)*, ср. булг. جلخ, *белх ~ белик ~* чув. пил(л)ĕк 'пять' (Pritsak, Fürstenliste, § 22, стр. 59-60).

Такое предположение подтверждается фактами спорадического выпадения *л* в чувашских словах, например: чув. илт 'слушать' (~ обще-тюрк. ишет), но чув. итле (ит + ле) 'слушать, прислушаться'; чув. *кин* 'сноха', ср. тюрк. *келин, гелин* (от *кел-, гел-*), чув. *кил* 'приходить' (досл.: приходящая в дом мужа); чув. *хĕç* 'бердо; сабля', ср. тюрк. *кылыч* 'меч'; чув. *çĕçĕ* 'нож' < **jўлчў*: ср. тур. *jўlў* 'брить, удалять волосы' (Радл. III, 609); тур. *jўlўjän* 'бритва', *jўlўжў* 'цирюльник' (Радл. III, 610); чув. *утмăл ~ отмăл* < **алтмыл*, ср. тюрк. алтмыш '60'; чув. *исе* (деепричастие от глагола *ил* 'брать, взять'), но *илсе* 'взяв'; чув. *хăнă*, ср. татар. *колын* 'жеребенок'; сунд. *сохăм* (литер. *сулхăн*) 'тень', ср. татар. *салкын* 'холодный'; сунд. *отала* (литер. *ултала*), ср. татар. *алдалау* 'обманывать'; сунд. *потран* (литер. *пултăран*), ср. татар. *балтырган* 'борщевик' и др.

Эта особенность чувашского языка[3], т.е. выпадение или сохранение *л*, отразилась и на чувашских заимствованиях в финно-угорских языках, например: чув. *хĕç* 'сабля; бердо' > мар. *ис*;

---

[3] Неустойчивое положение ***л, р, н*** наблюдается в ряде других тюркских языков. См. *Н.К. Дмитриев*. Неустойчивое положение сонорных ***р, л, н*** в тюркских языках. – ИСГТЯ I. – С. 279-280; *Э.В. Севортян*. Выпадение согласных в южных тюркских языках. – ИСГТЯ I. – С. 289-292; *Б. Юнусалиев*. Заметки о выпадении некоторых согласных в основах слов тюркских языков. – ВДТЯ IV. – С. 23-34.

удм., коми *кись*, ср. древнетюрк. *кылыч* 'меч' (Мал., 416); алт., тел., каз., уйг., тур., азерб., ВТ., крым. *кылыч* 'меч, сабля' (Радл. II, 776), чув. *кин* > удм. *кен* 'сноха', ср. тюрк. *келин, гелин* то же; чув. *çимĕç* (тюрк. *жимеш, jämиш*> венг. *gyümölcs* 'плод, фрукт'; чув. *хут* ~ *хот* > мар. *олташ* 'топить, затапливать', ср. алт., тел., кирг., чаг. *кала* 'гореть, воспламеняться' (Радл. II, 225); чув. *ытала* > марГ. *элталаш* 'обнять', ср. монг. *alda* 'сажень', первоначально 'ловля' (RäsMSFOu XLVIII, 163) и др.

4. Как в булгарских памятниках, так и в современном чувашском языке вместо общетюркского заднеязычного взрывного звука ***к*** систематически встречается спирант ***х***: булг. حرخ , خرح (ЮсБТЭ,72) = чув. *хĕрĕх*, ср. татар., башк. *кырык* 'сорок', чему соответствует написание ق رق на кыпчакско-татарских памятниках (ЮсБТЭ, табл. 63, 64 и др.); булг. طحر, طحدور (ЮсБТЭ, 71) = чув. *тăххăр* ~ *тухxăр*, ср. татар., башк. *тугыз* 'девять'; булг. طحر حرخ (ЮсБТЭ, 72) = чув. *хĕрĕх тăххăр*, ср. татар., башк. *кырык тугыз* 'сорок девять'; булг. هبر (ЮсБТЭ, табл.5, 7, 13, 14, 18 и др.) = чув. *хĕр*, ср. татар., башк. *кыз* 'девушка; дочь'; булг. هبر دوم, هبر دوم , هبر دوم (ЮсБТЭ, `табл. 5, 7, 13) = чув. *хăрхăм* (<*хĕр* 'девушка' + *хăм*) 'рабыня' (Ашм.Сл. XVI, 365), ср. татар. *кыркын* в выражении *кыз-кыркын* с собирательным значением слова *кыз* 'девушка', *кыркын* отдельно 'пленница'.

В чув. *хăрхăм* легко узнаются два слова: *хĕр* 'девушка; дочь' и *хăм* < ком., тоб., кирг., древнетюрк., чаг. *кӯη* 'рабыня, служанка' (Радл. II, 1428).

Особенность чувашского языка передавать тюркский взрывной звук ***к*** спирантом ***х***, очевидно, – явление древнее. Помимо памятников XIII–XIV вв. древнечув. ***х*** мы видим в ряде венгерских слов: чув. *хăнтăла* 'клоп' > венг. *hangyál* 'муравей', ср. татар., башк. *кандала* 'клоп'; чув. *хумă ~хом* 'волна' > венг. *homok* 'песок', ср. тюрк. *кум* 'песок; волнение, прибой на море' (Радл. II, 1043), *хуран~хоран* 'котел' > венг. *harang* 'колокол' и др. Правда, другая часть древнетюркских слов в венгерском имеет начальное ***k***, но тем не менее и первая и вторая группы слов обладают древнечувашскими чертами, например: чув. *хăмла* > венг. *komlo*, ср. татар. *колмак* 'хмель'; чув. *хĕн* > венг. *hin*, ср. тюрк. *кыjын* 'му́ка' (Радл. II, 718) и др. Эти две особенности начальных согласных

h и ***k*** можно объяснить тем, что, во-первых, венгерский язык черпал тюркизмы не только из одного диалекта тюркского языка чувашского строя, во-вторых, в чувашском языке по сей день наблюдается чередование ***к~х***: *хăçан~кăçан* 'когда'; *эрек ~ эрех* (араб.) 'водка'; *ăшăк ~ăшăх* 'мель; мелко, неглубоко'; *уксак ~ ухсах* 'хромой'; *такăшĕ ~ тахăшĕ* 'неизвестно который'; *никăшĕ ~ нихăшĕ* 'некоторый'; *шукăш ~шухăш* 'мысль, дума' и др.

Если древнечувашский спирант ***х*** для венгерского языка не был «трудным» звуком (надо думать, что в венгерском еще до момента его контактов с тюрками существовал звук ***h***), то для марийского, удмуртского, коми, мордовского языков он оказался «трудным» для произношения. Поэтому здесь чув. ***х*** заменяется закономерно звуком ***к*** или, как это иногда в марийском, совсем не произносится, например: чув. *хăна* > мар. *уна*, удм. *куно*, ср. тюрк. *кунак, конак* 'гость'; чув. *хĕç* 'сабля; бердо' > мар. *ис* 'бердо', удм., коми *кись* 'бердо', ср. тюрк. *кылыч* 'сабля'; чув. *хăмла* > мар. *умла*, мокш. *комля*, эрз. *комола*, венг. *komlo*, ср. татар. *комлак* 'хмель' и др.

Но надо сказать, что горномарийский диалект из этого правила делает исключение. Он поддался постепенному влиянию чувашского языка и в процессе длительного заимствования усвоил чувашский спирант ***х***: чув. *хăна* > марГ. *хына*, ср. тюрк. *кунак, конак* 'гость', чув. *хула – хола* > марГ. *хала* 'город', ср. тюрк. *кала* 'крепость, город'; чув. *хир* > марГ. *хир*, ср. тюрк. *кыр* 'поле, дикий': чув. *хăях* > марГ. *хыяк* 'осока', ср. тюрк. *kijak* 'длинная, очень острая трава' (Радл. II, 857) и др.

5. В чувашском языке последовательно и регулярно наблюдается глухое начало согласных там, где им в других тюркских языках соответствуют звонкие варианты.

В этом отношении чувашский язык можно сравнить с языками и диалектами Алтая, древнетюркским и уйгурским языками, которым также свойственно подобное фонетическое явление, например: чув. *пуç ~ поç*: койб., саг. *пас* (Радл. IV, 1185); уйг., алт., тел., шор., качин., чулым. *паш*, но якут. *бас* (Радл. IV, 1198), древнетюрк., тур., азерб., крым., туркм., хив., узб., чаг., ВТ., тар., ком., каз., ккирг., тоб., кур. *баш* 'голова' (Радл. IV, 1546); чув. *те, ти*; уйг., древнетюрк., алт., тел., лебед., шор., саг., койб., качин.,

чулым., ком., чаг. *тä* (Радл. III, 1008), бараб. *ті* (Радл. III, 1345), но тур., крым., чаг., тар., карЛТ., ккирг. *дä* (Радл. III, 1654), кирг. де, каз. *ді* 'говорить, сказать; называть' (Радл. III, 1751); чув. *пыр*; уйг., алт., тел., лебед., шор., саг., койб., качин., чулым. *пар* (Радл. IV, 1145), но якут. *бар*, древнетюрк., чаг., ВТ., туркм., хив., узб., тар., кирг., ккирг., карТЛ., ком., каз. *бар* 'идти, уйти, ехать' (Радл. IV, 1474) и др.

Судя по графике памятников булгарского языка II стиля мы видим аналогичное чувашскому языку явление глухого начала согласных: булг. ت ا و د = чув. *тăват*, сунд. *туат*, ср. татар., башк. *дурт* 'четыре'; булг. طدر , طدور = чув. *тăхăр*, ср. татар. *тугыз* 'девять' и др.

Трудно сказать определенно, действовал ли в какое-то время в древнечувашском языке фонетический закон перехода глухих согласных в звонкие. Если об этом судить, например, по глаголу *пыр*, древнетюрк. *бар* 'идти, уйти', имени существительному *пуç ~ поç*, древнетюрк. *баш* 'голова' (см. выше), то можно сказать, что процесс озвончения и ***п > б*** начался до эпохи рунических памятников. Но если обратить внимание на чувашский глагол ***те ~ ти***, то он в одном и том же памятнике, например, в честь Кюль-Тегина, умершего в 732 г., представлен глухим древнетюркским ***t: ti***- 'говорить' (Мал. 429).

В то же время невероятен факт, что чувашский язык, пройдя эпоху перехода ***п > б***, снова вернулся к исходной форме, т.е. ***б > п***. Однако если мы обратим внимание на древнечувашские заимствования в венгерском языке, то здесь в некоторых случаях мы имеем звонкие смычные согласные, например: чув. *пăру* > венг. *borju*, мар. *презе* (< чув. *пăрушĕ*, *прушĕ* 'теленок'), тюркские формы: *бузагу, бызагу, бозагу, бузагы, бузау, пыза, пуза, бозау* то же; чув. *пăрça* > венг. *borsó*, мар. *пурса*, марГ. *пырса* 'горох', тюркские формы: *борчак, пырчак, пурцак-пурчак* то же; чув. *кăмпа* > венг. *gomba*, уды. *губи*, коми *гоб* 'гриб'; татар., башк. *гөмбә* то же; чув. *кӳрен* > венг. *görény* 'хорек'; татар. *көзән* то же; *палăк* (= булг. بلك) > венг. *bélyeg*, мар. *пале*, марГ. *пӓлы* («чув. *паллă*, *паллă ту* 'сделай заметку, метку, знак, примета, клеймо'); тюркские формы: *бäлгü, белгä, билге, пäлгü, пäлäк* то же; чув. *пăрăç*> венг. *bors*, мар. *пурыс*, эрз. *порцка* 'перец', тюрк-

ские формы: *борыч, пуруц, пурц* то же; чув. *пелче* > венг. *bölcsö* ‘колыбель’, татар., башк. *бишек* то же; чув. *пурăш, пурш* > венг. borz ‘барсук’; татар. *бурсык* то же и др.

Что касается марийского языка, то в нем как на основании рассмотренных примеров, так и в большом числе других чувашских заимствований глухие смычные начала всегда соответствуют глухим смычным марийского языка. Сам по себе этот факт не может служить доказательством существования в древнечувашском языке звонких начальных смычных, так как данная категория звуков как в исконных марийских словах, так и в ранних русских заимствованиях не встречается. Вот некоторые примеры из последней группы заимствований: чув. *тиек*, марГ. *тиак* < рус. *дьяк, писарь, писец*; чув. *тикĕт*, марГ. *тигыт*, мар. *тегыт* < рус. *деготь*; чув. *трук*, мар. *трук* < рус. *вдруг*; чув. *тренче*, мар. *тренча* < рус. *дранки*; чув. *кăрăç*, мар. *курез* < рус. *грузди*; чув. *крепле*, мар. *крапля* < рус. *грабли* и др.

Особый интерес представляют пермские языки. Во многих случаях чувашские глухие начальные ***п, т, к*** в удмуртском и коми передаются одними и теми же согласными, но немало и примеров передачи первых звонкими вариантами, например: чув. *кăмпа* > удм. *губи*, коми *гоб* ‘гриб’, татар., башк. *гөмбə* то же; чув. *пултăр* > удм. *булдыр* ‘брат жены или сестра жены’; татар. *балдыз* то же; *пăсара* > удм. *бызара* ‘хорек’; *пуçана ~поçана* > удм. *бусёно* ‘свояк’, татар. *бажа, бажай* то же; *пускиль~поскиль* >удм. *бускель* ‘сосед’, тюрк. *башка (~ баска)* + *гель* ‘другой дом’; чув. *пăчкă* – татар. *пычкы* > удм. *бычкы* ‘пила’; древетюрк. *быч* ‘резать’, отсюда *бычак, быцак* ‘нож’; чув. *пĕкĕ* > удм. *буко* ‘дуга’; тюркские формы: *бӱк, бӧк, бок* ‘гнуть’; *пукра ~ покра* > удм. *бокро* ‘куколь’; татар. *бакра* то же и др.

Наличие в венгерском и удмуртском языках двоякого рода чувашских заимствований с начальными смычными согласными, преимущественно на ***п*** и ***к***, вполне естественно могло бы навести на мысль о наличии в древнечувашских диалектах вариантов со звонким и глухим началом согласных звуков. Однако это – просто гипотеза, доказать которую на материале чувашского языка нельзя, ибо мы не имеем и не наблюдаем следов чередований ***п–б, к –г, т–д, с–з*** в анлауте.

Исходя из фактов чередования в чувашских диалектах ***кк – к (г), тт – т (д), пп – п (б),*** например: верх. *аки (= аги)* ~ низ. акка 'старшая сестра', верх. *ати (-ади)* ~ низ. атте 'отец', верх. *шăппăр* ~ низ. *шăпăр* 'метла' (см. примеры у АшмМат., 357, 360), а также соответствия чувашских ***п, к, т*** пермским ***б, г, д*** и ***п, к, т,*** Вихман писал, что, по его мнению, такого рода двоякое соответствие в какой-то степени связано с чередованием согласных, которое на более раннем этапе развития чувашского языка носило, возможно, всеобщий характер[4]: ****к ~ *г, *т~*д*** и т.д. Добавим, что высказанная Вихманом мысль относительно чувашских глухих и звонких согласных касается лишь условий комбинаторного (позиционного) чередования в чувашском языке, а не начальной позиции звуков.

Несколько остановимся на глухом палатальном чувашском звуке ***ç (с')***, который на булгарских памятниках передан джимом – җ . В некоторых финно-угорских языках, например, пермских, мордовских и отдельных диалектах марийского, в силу наличия палатального ***с'***, чувашские слова с начальным ***ç*** стали передаваться без какого-либо искажения. Что касается хронологии заимствований в удмуртском и коми, то не приходится сомневаться в их древности, они относятся еще ко времени создания булгарских эпитафий II стиля.

В свою очередь наличие чувашских заимствований с начальным ***ç*** в пермских, марийском и мордовском языках служит верным критерием отделения чувашизмов от остальных тюркизмов. Вот некоторые примеры: коми *сёркни*, удм. *сяртчы* (удм. ***ч'*** и коми ***н'*** – уменьшительный суффикс, ЛытИВПЯ, 06) < чув. *çарăк* 'репа'; коми *сјор-*, удм. *сюр-*; коми *сјорай*, удм. *сюратай* 'отчим' и др. (ЛытИВПЯ, 95) < чув. *çур ~ çор, çурă ~ çорă*, ср. тюрк. *јар, јарты, јару, јарум, јарым* 'половина'; коми *чарла* (чередование ***ч' – с'*** в коми языке обычное явление), удм. *сюрло* < чув. *çурла ~çорла* 'серп'; эрз. *сюкоро* 'лепешка' < чув. *çăкăр* 'хлеб (печеный)', ср. башк., казах. *джүгёрү* 'кукуруза', узб. *заҳара* 'мука кукурузная и просяная и печеный из нее хлеб' (Радл. IV, 181); удм. *сьölык* < чув. *çылăх* 'грех', ср. тюрк. *јазык* то же и др. Что касается марийского звука ***с'***, то он варьирует по диалектам: мар.

---

[4] *Y. Wichmann.* Die tschuwaschischen Lehnwörter in den permischen Sprachen (= MSFOu XXI). – Helsingfors, 1903. – S.1112.

сем~с'ем < чув. *çем, çемĕ* 'мотив'; мар. *серыш ~ с'ерыш* 'письмо' < чув. *çыр* 'писать'; мар. *санга~с'анга* < чув. *çанка* 'лоб'; мар. *солаш ~ с'олаш* < чув. *çулас ~ çолас* 'косить'; *сорта~ с'орта* < чув. *çурта ~ çорта* 'свеча'; мар. *сукыр – с'укур* < чув. *çăкăр* 'хлеб' и др. Л.П. Грузов отмечает, что согласному *с'* в основных диалектах соответствует твердый *с* (автору известно всего 63 случая, из которых 8 слов с финно-угорским корнем).[5]

6. Одной из главнейших особенностей системы консонантизма в булгарском и чувашском языках является наличие звука *р* там, где все остальные тюркские языки без исключения имеют *з, д (<δ)*, например: булг. سکر = чув. *сакăр*, ср. татар., башк. *сигез* 'восемь'; булг. طحر = чув. *тăхăр*, ср. татар., башк. *тугыз* 'девять'; булг. جور , جر = чув. *çĕр*, ср. татар., башк. *йөз* 'сто'; булг. آرذی = чув. *арня ~ эрне,* ср. татар., башк. *атна* 'неделя'; булг. هیر = чув. *хĕр*, ср. татар., башк. *кыз* 'девушка; дочь' (все булгарские формы из ЮсБТЭ,71-72; табл. 5, 7, 13, 14, 18 и др.).

Чувашский ротацизм отразился в языке древних венгров, что вносит определенную ясность в хронологию заимствований, начавших просачиваться до IX в. н.э., в протобулгарскую эпоху, из того самого языка, для которого был характерен ротацизм. Вот некоторые примеры венгерских заимствований из древнечувашского языка: чув. *вăкăр* > венг. *ökör*, ср. татар. *үгез* 'бык, вол'; чув. *йĕкĕр* > венг. *iker*, ср. татар. *игез* 'двойня'; чув. *пăру* > венг. *borju*, ср. татар. *бозау* 'теленок', чув. *çĕрĕ* > венг. *gyűrű*, ср. татар. *йөзек* 'кольцо, перстень', чув. *çыр* > венг. *ír*, ср. татар. *яз* 'писать', чув. *сĕр* > венг. *szűr*, ср. татар. *соз* 'цедить'; чув. *кар, кара* 'инструмент для долбления' > венг. *karo* 'кол. шест', ср. тюрк. *казы* 'копать, выкопать, скоблить, вычистить' (Радл. II, 373); тюрк. *казык (каз + к)* 'кол, столбик' (Радл. II, 374); чув. *çăра* > венг. *zár*, ср. татар. *йозак* 'замок'; чув. *кансĕр* 'трудный, тяжелый, неудобный, неловкий' > венг. *kényszer*'невольный, принужденный', ср. татар. *кинсез.*

Ротацизм виден во многих чувашских заимствованиях в марийском, удмуртском и редко мордовском языках. Ограничимся некоторыми примерами: чув. *йăран* > мар. *йыран*, марГ. *йыран*,

---

[5] *Л.П. Грузов.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. – Йошкар-Ола, 1965. – С. 153.

удм. йыранг, ср. татар. *ызан* 'межа, борозда'; чув. *çăра* > марГ. *сыра*, марВ. *сура*, ср. татар. *йозак* 'замок'; чув. *ур* ~ *ор* > мар. *ораш*, марГ. *араш* 'беситься', удм. *ур* 'шуметь, галдеть', ср. татар. *аз* (> чув. анатри *ас*) то же; чув. *урă* ~*орă*, > марГ. *ары*, ср. татар. *аек* (> мар. *айык*) 'трезвый'; чув. *пăр* > удм. *быр*, ср. татар. *боз* 'лед'; чув. *пултăр* ~*полтăр* > удм. *бултыр*, ср. татар. *балдыз* 'младший брат моей жены'.

Меньше всего заимствований с чувашским ротацизмом в мордовском языке: чув. *уяр* ~ *ойар* 'вёдро' > мокш. *аера* 'резкий, сильный, пронизывающий (ветер)', ср. татар. *аяз* 'вёдро'; *ура* ~ *ора* 'моток ниток', *çип ури* ~*çип ори* 'моток ниток' > эрз., мокш. *урадомс* 'размотать (нитки, мотушки)' = татар. *урау* 'наматывать, навивать'.

В связи со сказанным о ротацизме в языке дунайских и волжских булгар и о самой ранней датировке этого фонетического явления нельзя обойти молчанием принципиальное разногласие между О.Прицаком и Й.Бенцингом, имеющее непосредственное отношение к исследуемому предмету.

Й.Бенцинг[6] говорит в основном о том, что в булгарском языке в XI в. действовал фонетический закон ***δ > z***, во-вторых, ни одна группа булгар не знала ***δ > r***, в-третьих, в кипчакском языке было два основных диалекта, причем в языке основной массы кипчаков, как и у огузов, действовал ***δ > j***, например, вместо *аδуγ* говорили *ajуγ* 'медведь', а у небольшой группы, как и у булгар ***δ > z*** например, вместо *аδak* произносили *azak* 'нога'. Исходя из этого, Й.Бенцинг заключает, что ротацизм в булгарском языке появился не раньше XIII в. (для Бенцинга при этом основной датой является 1230 год русских летописей, когда упоминается *трунове*).[7] Что касается булгарского языка XI в., как пишет Бенцинг, то он не свидетельствует ни за, ни против возможного ротацизма дунайских булгар VIII в.[8]

---

[6] *J. Benzing*. Рец. на O. Pritsak, Die bulgarischen Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. – Wiesbaden, 1955. – Zeitschrift der morgenländischen Gesellschaft, Bd. 108, 1958. – S. 427-430.

[7] *J. Benzing*. Die angeblieben bulgartürkischen Lehnwörter im Ungarischen. – Zeitschrift der morgenländischen Gesellschaft. Bd.

[8] *J. Benzing*. Рец. на O. Pritsak, Die bulgarischen Fürstenliste… – S. 429-430.

Все эти утверждения сделаны с ссылкой на Махмуда Кашгарского, согласно которому волжские булгары в XI в. н.э. вместо *δ* произносили все еще *з*, а не *р*.

Мы не имеем возможности подробно останавливаться на доказательствах О.Прицака в его ответе на рецензию Й.Бенцинга, но что касается ссылки последнего на авторитет М.Кашгарского, то по этому поводу О.Прицак установил, что 1) М.Кашгарский изъездил не кипчакские степи Восточной Европы, а лишь область смешанных кипчакско-огузских диалектов вблизи Отрара-Фараба; данные М.Кашгарского о языке этих кипчаков многочисленны и достоверны; 2) однако их следует отделить от тех, которые касаются языка кипчаков Восточной Европы, волжской Булгарии, а также кипчаков на византийско-русской границе; последние немногочисленны, большей частью случайны и исходят не от самого М.Кашгарского, а от случайных информаторов; 3) М.Кашгарский сам в Волжской Булгарии не был.

Таким образом, встречающиеся у Махмуда Кашгарского надписи «булгар» относятся не ко всему, неизвестному ему булгарскому народу, а лишь к некоторым жителям (купцам) многоязычного торгового центра Булгар на Волге. То же самое относится к надписи «Сувар...». Данные Махмуда Кашгарского относительно языка жителей городов Булгар и Сувар слишком скудны, слишком не точны, а местами противоречивы. Они не могут дать нам представления о фонетике, морфологии и лексике булгарского языка.

Таким образом, ротацизм в булгаро-чувашском языке, отразившийся на финно-угорских языках Поволжья и Перми, а также дунайско-булгарском, чему служат неопровержимые свидетельства в венгерском языке, явление очень древнее, и хронологической его границей является не XIII, а во всяком случае VII–VIII вв. н.э.

Все другие положения, отрицающие генеалогическую связь волжско-булгарского и дунайско-булгарского ротацизма, строятся без должного знания булгарских языковых фактов. Весьма уместны слова О.Прицака, что «познание истинного положения вещей вероятно покажет наконец тюркологам, как бесполезно

возражать против таких фактов, как первоначальный гунно-булгарский ротацизм и ламбдацизм».[9]

7. Такой же отличительной особенностью чувашского языка является наличие *л* там, где в общетюркском выступает ***ш***. В этом отношении чувашский и булгарский языки имеют опять-таки отличную от других тюркских языков особенность консонантизма, например: чув. *пилĕк* (*пилĕк çын* 'пять человек') = булг. بل , بيال 'пять', ср. татар., башк. *биш* то же; *çул* ~ *çол* 'год (календарный), возраст (год жизни)' – булг. جال , ср. татар. *ел* 'год (календарный)', *яшь* 'возраст (год жизни)'; чув. *хĕл* 'зима' = булг. خرجة 'зимовка, зимовье', ср. татар., башк. *кыш* 'зима'.

Время появления фонетического явления ламбдацизма относится, пожалуй, еще к прото-булгарской эпохе. Об этом говорят по крайней мере древнечувашские заимствования в венгерском языке: *bölcső* < чув. *пелче* (ЕгСЧЯ, 41; ЕгЭСл., 154), ср. татар., башк. *бишек* 'колыбель, люлька'; венг. *kölyök* 'детеныш' < чув.**кӧлек*, **келек*, ср. тур. *köšäk* 'молодой верблюд, молодое животное вообще' (Радл. II, 1305). Следы ламбдацизма видны и в марийском языке: чув. *çăмăл* > мар. *сомыл* 'надобность; дело', ср. каз. *jөмөш* = *jумуш* то же (Радл. III, 464); *тĕллен (тĕлĕк сон + лен)* 'видеть во сне, говорить чушь, нести вздор' > мар. *телänäш* то же, ср. татар. *төшләш* (*төш* 'сон') 'видеть сон, сниться'; чув. *чул~ чол* 'камень' (<**чал*) > мар. *чал, шинчал* 'соль', ср. тюрк. *таш* 'камень'.

8. Булгарские памятники свидетельствуют о наличии в них древнетюркского аффикса, который в чувашском существует в форме ***ăх*** и ***ăк***, например, *уйăх ~ойăх* = булг. ايوح (ЮсБТЭ, табл. 9, 13, 23,25), ايوح (ЮсБТЭ, табл. 16) и другие, в то время как татарские памятники, датируемые почти тем же временем, имеют написание ايى (ЮсБТЭ, табл. 12,22). ايى, اى (ЮсБТЭ, табл. 42, 51), ср. современные татар., башк. *ай* 'месяц'. Сюда же относится рассмотренное выше чув. *палăк* -, булг. بدوك (АшмБЧ, 73, 75, 78, 90), ср. татар., башк. *билге*.

Аффикс ***ăх*** (***ăк***) отразился в древнечувашских заимствованиях в марийском и удмуртском языках. Надо думать, что это относится ко времени существования пермской общности языков,

---

[9] *O. Pritsak.* Die bulgarischen Fürstenliste. – S.9.

например: чув. *хĕлĕх* 'конский волос, струна' > марГ. *ӹльык*, но мар. *кыл* < общетюрк. *кыл* 'конский волос' (Радл. II, 764); чув. *тăлăх* 'сирота', *тăлăх арăм* 'вдовая' > мар. *тулык* 'сирота', удм. *тулуп нылпи* 'сирота' (WichmMSFOu XXI, 109); в чувашском языке редко, но встречается чередование ***к (х) - п***; общетюрк. *тул (дул)* 'вдова' (Радл. III, 1464); *çулăк* ~ *çолăк*, 'жениховый платок' > мар. *солык* 'полотенце, платок', удм. *сюлык* 'головной убор в виде платка с бахромой', коми *сулӧк* 'полотенце'. Это древнетюркское слово встречается в русских говорах вологодской области в виде *сулок* или *сулог* 'маленькое полотенце, небольшая ширина, тряпичка' (Даль IV, 359); татар., башк. *яулык* 'платок' и др. (см. ФедИСЧЯ, 26).

Г.В. Юсупов в своей монографии приводит сопоставительную таблицу булгарских и татарских числительных, из которой явствует, что они по составу согласных звуков резко отличаются друг от друга. Но это не беспокоит автора: «Было бы большой ошибкой, если бы только по этому признаку, т.е. по несоответствию булгарских звуков звукам современного татарского языка, мы рассматривали эти языки изолированно друг от друга, как сделали сторонники теории булгарского происхождения чуваш».[10]

Чтобы не уходить в нежелательную сторону полемики, мы решили дополнить приведенную Г.В. Юсуповым таблицу чувашскими формами, предоставив читателю возможность судить, какой же язык является хранителем булгарских родимых пятен в области согласных звуков.

Заметим, что татарским формам, зафиксированным на памятниках, мы дали современную форму написания в русской графике.

(Просим читателя великодушного снисхождения к нам за предоставленные неудобства при чтении статьи из-за нечеткого и неточного изображения древнебулгарских букв и знаков. По этой же причине мы не смогли включить в эту главу рецензии академика М.Р. Федотова на монографию A.Rona-Tas, S.Fodor «Epigraphica Bulgarika», 1974, №5. – С.105-108 и другие статьи.

---

[10] *Г.В. Юсупов.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. – Москва-Ленинград, 1960, – С.76.

Таблица 1

	Чувашский	Булгарский		Татарский		
р	*çĕр* 'сто'	ر	جور	ز	جوز	*йоз*
л	*пил(л) ĕк* 'пять'	ل	بيال , بال	ش	بش	*биш*
х	*хĕрĕх* 'сорок'	ح	حرح	ق	قرق	*кырык*
т	*тăват(тă)*, сунд. *туат(тă)* 'четыре'	ت	توات	ت	تورت	*дүрт*
в	*виç(çĕ)* 'три'	و	وچ	او	اوچ	*өч*
ву~во	*вун-вон(нă)* 'десять'	وا	وان , ون	او	اون	*ун*

В связи трудностью передачи древнебулгарских букв -ᚱ,ᚴ- что обозначают букву – *р* (эр) в русском алфавите, мы использовали – ر из арабской графики. Для исследователей, которые хотели бы ознакомиться с некоторыми различиями др. булгарских букв и арабской графикой, мы решили привести дополнительную таблицу 2. – *В.Т.*).

Таблица 2

	Чувашский	Булгарский		Татарский		
р	*çĕр* 'сто'	ر	جور	ر	جور	*йөз*
л	*пил(л)ек* 'пять'	ل	بيال , بل	ش	بش	*биш*
х	*хĕрĕх* 'сорок'	ح	حرح	ق	قرق	*кырык*
т	*тăват(тă)*, сунд. *туат(тă)* 'четыре'	ت	توات	ت	تورت	*дүрт*
в	*виç(çĕ)* 'три'	و	وچ	او	اوچ	*өч*
ву~во	*вун~вон(нă)* 'десять'	وا	وان , ون	او	اون	*ун*

Сокращения

АшмБЧ – *Н.И.Ашмарин.* Болгары и чуваши, Казань. 1902; **АшмМат**. – его же. Материалы для исследования чувашского языка I-2, Казань. 1903; **АшмСл.** – его же. Словарь чувашского языка I-XVII, Казань-Чебоксары. 1928-1950; **ВДТЯ** – Вопросы диалектологии тюркских языков, Баку. 1966; **ГалИГМЯ** – *И.С.Галкин.* Историческая грамматика марийского языка I, Йошкар-Ола. 1964; **ГрузФДМЯ** – *Л.П.Грузов.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола. 1965; **Даль** – *В.И.Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка I-IV, С.-Петербург-Москва. 1882; **ЕгСЧЯ** – *В.Г. Егоров.* Современный чувашский литературный язык, Чебоксары. 1954; **ЕгЭСл**. –его же, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары 1964; **ИСГТЯ** – исследования по сравнительной грамматике тюркских языков I-IV, Москва. 1951-1962; **ЛытИВПЯ** – *В.И.Лыткин.* Исторический вокализм пермских языков, Москва. 1964; **Мал**. – *С.Е.Малов.* Памятники древнетюркской письменности, Москва-Ленинград. 1951; **Радл.** – *В.В.Радлов.* Опыт словаря тюркских наречий в 4-х томах, С.-Петербург. 1888-1911; **ФедИСЧЯ** – *М.Р.Федотов.* Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми I, Чебоксары. 1965: **ЮсБТЭ** – *Г.В.Юсупов.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику, Москва-Ленинград. 1960.

GombMSFOu XXX – *Zoltan Gombocz.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache (– MSFOu XXX), Helsinki. 1912; **Pritsak, Fürstenliste** – *Omeljan Pritsak.* Die bulgarischen Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren, Wiesbaden. 1955; **RäsMSFOu XLVIII** – *Martti Räsänen.* Die tschuwaschischen Lehnwörter im tscheremissischen (– MSFOu XLVIII), Helsinki. 1920; **WichmMSFOu XXI** – *Yrjö Wichmann.* Die tschuwaschischen Lehnwörter in den permischen Sprachen (= MSFOu XXI), Helsingfors. 1903.

M.R.FEDOTOV (Ceboksary)

UBER DIE KONSONANTEN DER WOLGABULGARISCHEN GRABINSCHRIFTEN UND IHRE WIDERSPIEGELUNG IN DEN FINNISCH-UGRISCHEN SPRACHEN

Die vorliegenden Notizen über die Besonderheiten der Konsonanten der sogenannten Fürstenliste der Protobulgaren und der bulgarischen Grabinschriften des XIII-XIV. ,Jh., die in keinem Falle auf eine vollständige Klärung der Frage Anspruch erheben, legen uns beweiskräftiges Zeugnis ab, daß sich der Konsonantenbestand des heutigen Tschuwaschischen in seinen Hauptzügen mit dem des Altbulgarischen deckt. Wir belrachten hier einige Züge der Beziehungen zwischen der tschuwaschischen Sprache und den finnisch-ugrischen Sprachen:

1. Das Vorhandensein im Anlaut der Prothese **v** im Bulgarischen und Tschuwaschischen und dleren Widerspiegelung in einigen linnisch-ugrischen Sprachen: tschuw. *вакă* 'Wuhne' > mar. *ваке*, marB *вäкы*, karatai-mordw. *вäке*; vgl. tschag. *öгü*, karakalp. *уки* id.; tschuw. *виме* (auch *миме*) 'Hilfsarbeit' > mar. *вüма* (auch *мüма*), udm. *веме*; vgl. tat., baschk. *өмə*, turkm., kasach. *уме* id. usw.

2. Das tschuwaschische Ordinalsuffix *мăш, мĕш*, das auh die bulgarischen Suffixen **m** und **š** zurückgeht, liegt auch in den marischen Ordinalia vor; tschuw, *тăватăм* oder *тăватăмĕш* 'der vierte' > mar. *нылымше*, vgl. tat., baschk. *дүртенче* id. usw.

3. In der bulgarischen Form *bêš* 'fünf' liegt Schwund ***l*** vor ***š*** < ***nš*** < ***nč*** vor, ähnlich wie in bêχ (aus **beχ-ti*) vor χ (<k), wo wir mit der ursprüglichen Form**belχ* (<* *belik*) zu rechnen haben, vgl. tschuw. *пилĕк – пиллĕк* 'fünf'. Der Schwund von ***l*** widerspiegelt sich auch in einigen finnisch-ugrischen Wörtern tschuwaschischer Herkunft: tschuw. *кин* 'Schwiegertochter' > udm. *кен*; vgl. altürk. *кälин* id.; tschuw. *хĕç* 'Weberkamm; Schwert, Säbel' > mar. *ис*, udm.. komi *кись*>; vgl. alttürk. *кылыч* 'Schwcrt, Sabel' usw.

4. Die Entlehnung der tschuwaschischen Wörter mit palatalem ***ś*** ins Permische (vor dem VIII. Jh.) beweist, daß man das alttschuwaschische ***ś*** (orthogr. ***ç***) in den Grabinschriften nur durch das arabische ج wiedergeben konnte: tschuw. *çурла – çорла* 'Sichel' > udm. *сюрло*, komi *чарла* id. usw.

5. Der bulgarische und tschuwaschische Rhotazismus und dessen Widerspiegelung in den tschuwaschischen Entlehnungen der finnisch-ugrischen Sprachen: tschuw. *вăкăр* 'Ochse' > ung. *ökör*; vgl. tat., baschk. *угез* id.; tschuw. *йăран* 'Furche' > mar. *йыран*; vgl. tat., baschk. *ызан* id.; tschuw. *пăр* 'Eis' > udm. *быр*; vgl. tat., baschk. *боз* id. usw.

6. Der bulgarische und tschuwaschische Lambdazismus und dessen Widerspiegelung in den tschuwaschischen Entlehnungen der finnisch-ugrischen Sprachen: tschuw. *пелече* 'Wiege' > ung. *bölcső*; vgl. tat., baschk. *бишек* id.; tschuw. *çăмăл* 'Bedürfnis' > mar. *сомыл*; vgl. tat., baschk. *йомыш* id. usw.

7. Das bulgarische und tschuwaschische Suffix ***ăх*** (***ăк***) widerspiegeln sich in den finnisch-ugrischen Wörtern tschuwaschischer Herkunft: tschuw. *хĕлĕх* 'Pferdehaar, Saite' > marB. *ӹльык*, aber mar. *кыл* < emeintürk. *кыл* id.; tschuw. *тăлăх* 'Waise' > mar. *тулык*, udm. *тулуп*, vgl. gemeintürk. *тул (дул)* 'Witwe' usw.

«Советское финно-угроведение» №1, Таллин, 1968. С.53-66.

3.4. К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ МАРИЙСКОГО АФФИКСА - la

Указанный аффикс в чувашском и марийском языках образует наречные формы от различных частей речи и придает им ряд значений.[1] Основная его функция – образование наречий образа действия с оттенком сравнительного значения, например, чув. *ачалла (:ача)*, мар. *йочала (: йоча)* 'по-детски'; чув. *упалла (:упа)*, мар. *маскала (:маска)* 'по-медвежьи' и т.д.

Марийские языковеды утверждают, что чувашский аффикс ***-ла*** имеет марийское происхождение. И.С. Галкин, например, пишет, что «в других тюркских языках подобного аффикса нет. Поэтому вполне убедительно мнение Ю.Вихмана о том, что чу-

[1] *В.Г.Егоров.* Наречие. – Материалы по грамматике современного чувашского языка. – Чебоксары, 1957. – С. 282-284; *Г.Тужаров.* Имеется ли сравнительный падеж в марийском языке? – СФУ III. 1967. – С.183-188.

вашский язык заимствовал этот суффикс из марийского языка, а еще вернее считать его древне-марийским субстратом в чувашском языке».[2] Подобной точки зрения придерживается Д.Е.Казанцев, утверждая, что марийский суффикс ***-la*** восходит к уральскому ***l***-овому суффиксу.[3]

Мы ничего не можем сказать по поводу того, как из направительного значения может развиться сравнительное, о чем И.С.Галкин, например, говорит: «В древности марийские слова *марла ойлаш* 'говорить по-марийски', *чувашла ойлаш* 'говорить по-чувашски' значили 'говорить в марийца, в чуваша', затем это значение стало пониматься как 'говорить наподобие марийца, чуваша' и др.».[4]

Тем не менее, для вывода о том, что «рассматриваемый суффикс восходит к древнему финно-угорскому общевнешне-направительному падежу с ***л-*** овым элементом» нет убедительных примеров в других финно-угорских языках.

Что касается генезиса чувашского сравнительного - ***ла***, то он находит свои родственные связи. Ниже мы предлагаем доказательство тюркского происхождения марийского суффикса - ***ла***.

Сравнивая чувашские наречия образа действия с другими тюркскими примерами, легко заметить, что чувашскому ***-ла(ле)*** соответствует тюркский компаративный аффикс ***-лай (-лей)***. Суффикс лай(лей) иногда принимает формы – ***тай (тей), -дай (дей)***, что вполне объяснимо и закономерно, ср., например, аффикс множественного числа в тувинском языке: ***-лар (-лер), -дар (-дер), - тар (-тер), -нар (-нер).***

В казахском языке ***-taị, -taị, -daị*** – формант особого сравнительного падежа ('словно, как'); в киргизском ***-taị, -daị*** образует прилагательные со значением сравнения ('похожий на'); в якутском ***-tï*** придает слову чаще всего наречное значение ('словно, подобно тому, как').[5]

---

[2] *И.С.Галкин.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология I. – Йошкар-Ола, 1964. – С. 29.

[3] *Д.Е. Казанцев.* рец. на М.Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми I. – СФУ II. 1966. – С. 138.

[4] *И.С. Галкин*, указ. раб. – С. 30.

[5] *В. Котвич.* Исследование по алтайским языкам. – Москва., 1962. – С.112.

Подобную картину имеем в татарском языке, где ***-лай (-лəй)*** имеет фонетические варианты ***-тай (-тəй), -дай (-дəй): корылай*** (< ***коры*** 'сухой') 'всухую, насухо'; ***терелəй*** (<***тере*** 'живой') 'живьем, заживо', ***бүрəдəй*** (<***бүрə*** 'волк') 'по-волчьи'; ***тимердəй*** (< ***тимер*** 'железо') 'как железо, подобно железу' и т.д.

Тувинский аффикс ***-ла(-ле)*** имеет фонетические варианты ***-та (-те), -да (-де), - на (- не): тывала-*** 'говорить (читать, писать) по-тувински' (***тыва*** 'тувинец, тувинский'); ***оруста-*** 'говорить (читать, писать) по-русски' (***орус*** 'русский'); ***моолда*** 'говорить (читать, писать) по-монгольски' (***моол*** 'монгол, монгольский') и др.[6]

Аффикс ***-лаjу~-läjÿ*** с наращенным формантом ***-ïn, -in*** отмечается в староузбекском (чагатайском) языке, например: ***сізläjін*** 'подобно тебе', ***Вämïклаїн*** 'как Вамык, подобно Вамык'.[7] В.Котвич, подробно анализируя генеалогию суффикса – ***łayïn ~läyin***, приходит к мысли, что формант сравнительного падежа ***-łai*** мог соединиться с суффиксом творительного падежа ***-in***, образуя таким образом сложный суффикс - ***łayïn***.[8]

Относительно генетической связи аффикса ***-ла*** с аффиксом ***-лай*** еще О.Бётлингк и В.Радлов предполагали, «что ***-łaị*** развился из общетюркского и даже общеалтайского суффикса ***-ła*** путем присоединения к нему суффикса деепричастия настоящего времени ***-a, -i: ła + a*** или ***ła + i> łaị***». Не отвергая этой этимологии,– пишет Котвич,– мы должны, однако, помнить, что в алтайских языках, особенно в монгольских, окончания очень часто получают ***-ị***, лишенное теперь всякого морфологического значения, и таким образом выступают в двух не различающихся по значению формах, например, монг. ***-ba*** и ***-baị, - ła*** и ***-łaị***».[9]

Ф.Г. Исхаков тоже рассматривал аффикс ***-лай*** как производную форму. Например, местоименное наречие ***к,алай*** 'как, каким образом' в башкирском, казахском, ногайском он разлагал

---

[6] *Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах.* Грамматика тувинского языка. – Москва, 1961. – С. 260.

[7] *А.М. Щербак.* Грамматика староузбекского языка. – Москва-Ленинград., 1962. – С.237.

[8] *В. Котвич*, указ. раб. – С.114-115.

[9] *В. Котвич*, указ. раб. – С. 113.

на ***к,а+лай*** (***к,а*** < ***к,ан, лай***<***ла-+~й,*** где ***-й*** – один из аффиксов, образующих так наз. слитное деепричастие).[10]

К этой категории местоименных наречий примыкают татарские и башкирские формы, например: татар. ***алай, болай*** 'так, этак', татар., башк. ***шулай*** 'так, таков', ср.чув. ***апла, капла, çапла*** 'так, этак' и др.

Некоторые марийские слова образованные с помощью аффикса ***-ла***, представляют собой прямые заимствования из чувашского языка, остальные образованы под влиянием чувашской структурной модели ***-чăвашла*** (***чăваш***) > мар. ***чуашла*** 'по-чувашски', ср. также горно-мар. ***суасла мары, сасла мар*** 'чуваш', т.е. человек на татарский лад; ***çынла*** > мар.***-jingla: pojan jingla ila***[11] (***пойан çынла порăнать***) 'живет, как богатый человек'; ***çамрăкла*** (***çамрăк***) > мар. ***самырыкла*** 'по-молодому'; ***кайăкла*** (***кайăк***) 'мар. ***кайыкла*** 'по-птичьему'.

В марийском и чувашском языках немало слов, образованных по одному образцу: мар. ***рушла (:руш)*** 'по-русски' (ср. чув. ***вырăсла*** (***-вырăс***), мар. ***марла (: марий)*** 'по-марийски' (ср. чув. сунд. ***марла мар*** – так называют чуваши своих пограничных соседей – горномарийцев), т.е. 'человек на марийский лад; мар. ***ушанла*** (***:ушан***, где ***уш*** < чув. ***ăс*** 'ум') 'по-умному'; мар. ***палышыла*** (***: палыше***, где ***пал-*** < чув. ***пĕл*** 'знать') 'как знающий' и многие другие.

Таким образом, для подтверждения чувашского происхождения марийского ***-ла*** мы нашли вполне убедительные примеры из различных тюркских языков. Утверждение о финно-угорском характере чувашского ***-ла (-ле)*** нуждается, пожалуй, в пересмотре.

M. R. FEDOTOV (Ceboksary)

ZUR FRAGE NACH DER GENESIS DES MARISCHEN AFFIXES *-la*

In der finnisch-ugrischen Literatur sind einige Autoren der Meinung, daß das marische Suffix der modalen Adverbien mit komparativer Schattierung ***-la*** auf das alte finnisch-ugrische bzw. uralische Suffix ***-l*** zurückgehe.

---

[10] Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков II. – Москва, 1956. – С. 240.

[11] *Г. Тужаров*, указ. раб. – С.187.

Unsere Mitteilung versucht zu beweisen, daβ das erwähnte Suffix auf das türkische *-laị (-taị ~ dai)* zurückgeht und letzten Endes die tschuwaschische Form - *la* ins Marische entlehnt worden ist.

«Советское финно-угроведение» №4, Таллин, 1968. С.253-255.

* * *

Михаил Романович после опубликовании данной статьи добавляет на полях журнала несколько абзацев на русском и на немецком языках. По-моему, для ученых филологов эти утверждения академика имеют большую ценность, поэтому я должен привести их (хотя бы на русском языке! – *В.Т.*) полностью, без сокращений.

В марийском языке: «Суффикс - *ла* образует наречия образа действия с оттенком сравнительного значения и употребления» (СМЯ-М, 280). Между чув. - *ла* и мар. - *ла* полное совпадение.

В эрзянском языке: (В мордовском: дописано другим цветом. – *В.Т.*). «Уменьшение качества выражается при помощи суффиксов: ***жа, и-жа, ла, лк, сьть, чть, шть,*** которые соответствуют русским окончаниям: ***оватый, еватый, овот, евот … Ашо-ла*** – беловат, беловатый. ***Ашолк мери*** или ***ашо-лк моли*** – беловатый, белый оттенок имеет. ***Ожо-ла*** – желтоватый, ***ожолк мери (моли)*** – желтоватый, желтый оттенок имеет. ***Пиж-ола, пижо-лк мери (моли)*** – зеленоватый, зеленый оттенок имеет (Евс ОМГ,128).

В современных мордовских грамматиках пишут, что при помощи этого суффикса образуются так называемые ограничительные прилагательные, образующие полноту качества, что по сути дела совпадают с определением М.Е. Евсеева.

Относительно генезиса эрз. – *ла* Б.А. Серебренников полагает, что он по-видимому, связан с финским суфф. ***-la*** , ***-lä***, ср.финск. ***vete-lä*** «водянистый» от ***vesi, vete*** «вода», ***kata-la*** «страшный» от ***katto*** «ужас», «страх». Параллели имеются также и в двух уральских языках, ср. коми-зыр. ***юмы-л, юмы-в*** «сладковатый», ***гырд-ыл, гырд-ыв*** «красноватый», мар. ***оша-лге*** «беловатый», ***шема-лге*** «черноватый», ***тавг-сам.*** 1) ***amta-la*** «рогатый» и т.д.) (Серебр ИММЯ, 75).

Б.А. Серебренников, как видно из примеров, в качестве генетического соответствия к морд. ***-ла*** приводит не мар. ***-ла***,

а *-лге*. И это вполне оправдано, так как аффикс ***-алге (-алгы, -ӑлгы)*** придает именам прилагательным значение неполноты качества, подобно русскому суффиксу ***-оват (-еват)***. Й.Дьерке, Т.Лехтисало, И.С. Галкин считают, что суффикс ***-алге*** соединился из двух финно-угорских суффиксов – ***l*** и ***ka (kä)***.

Первоначально элемент – ***l*** суффикса ***-алге***, – пишет И.С.Галкин, – имел уменьшительное значение... Гласный ***а***, по-видимому, первоначально не был суффиксальным, он относился к основе непроизводного слова. Конечный гласный – ***е (-ы)*** из первоначального – ***а (-ӑ)*** появился позднее вследствия губной гармонии (Гал ИГМЯ II,66-67).

Таким образом, финно-угроведы мар. ***-ла*** и морд. - ***ла*** не рассматривают в основе родственных форм, так как и их значения совершенно разные. Поэтому нужно согласиться с тем, что мар. суффикс – ***ла***, во всех отношениях равнозначный с чув. - ***ла***, восходит к последнему, так как он представлен в других тюркских языках с тем же компаративным значением, что и мар. - ***ла***.

Что касается вывода Виктора Данилова, что М.Р. Федотов, рассматривая суффикс – ***ла***, считает его происхождение в финно-угорских языках чувашским» (СФУ IV, 1986, стр. 244), то это мягко говоря, натяжка, что я продолжаю настаивать, что только мар. – ***ла***, а не морд. – ***ла*** или - ***лк***, чувашского, т.е., тюркского происхождения.

3.5. ЗАМЕТКИ О ФИННО-УГОРСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В НЕКОТОРЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ ЧУВАШИИ

Большинство географических названий в Чувашской АССР имеет общетюркское или собственно чувашское происхождение. Здесь мы будем говорить лишь о тех, что не поддаются расшифровке на основе чувашского или какого-либо другого тюркского языка. Установление языковой принадлежности подобных названий поможет подкрепить предположение о том, что на правом берегу Волги до прихода *сувас – чӑваш* ‘чуваш’ жили племена, язык которых на занимаемых ими когда-то территориях исчез,

но сохранилось множество топонимов, давным-давно утративших свое дотопонимическое значение. Названия типа *Асламас, Кошар, Чиканар* и т.д. для чувашей этих населенных пунктов ровным счетом ничего не означают, существуя лишь как наименование определенного географического объекта.

Названия населенных пунктов приводятся в двух вариантах – чувашском и русском. Нередко в работах по топонимике авторы ограничиваются приведением русских названий, не учитывая того немаловажного факта, что русские варианты по отношению к чувашским вторичны, деформированы и к тому же обросли некоторыми русскими формантами. Кроме того, многие чувашские названия в течение веков заменялись другими, например, чув. *Куснар*, рус. *Байгулово* (замена произошла уже в эпоху Казанского ханства) или чув. *Ватнер*, рус. *Решетниково* и т.д. В связи с этим можно лишь отметить, что чувашское название может иметь и татарский, и русский варианты, существующие в официальной административной практике.

Рассмотрим названия населенных пунктов, снабженные определенными формантами-детерминативами.

-анар (-енер), -нар (-нер)

На территории Чувашской АССР географическим названиям с массово-повторяющимся показателем ***-анар (-енер), -нар (-нер)*** соответствуют названия с подобным показателем на территории Ярославской, Владимирской, Костромской, Горьковской, Кировской областей и Марийской АССР.

Нет сомнения, что 18 названий сел, деревень, рек, оврагов на ***-энер, -энгер, -инер, -ингир*** на территории бывших Ярославской, Костромской, Нижегородской, Вятской губерний, собранные марийским учителем Т.С.Семеновым (1887 г.)[1], созвучны с названиями на территории Марийской АССР с показателем ***-эŋер***[2] или ***-äнгыр*** 'река, речка', ср. *Пижинер – Пижеŋер, Кинерь – Кӱнеŋер, Пинженерь – Пӱнчеŋер, Шолнер – Шолеŋер, Кукшенеры*

---

[1] *Т.С. Семенов.* К вопросу о родстве и связи мери с черемисами. – Труды VII археологического съезда в Ярославле II. – Москва. 1891. – С. 234, 237, 238, 241, 245, 247.

[2] По техническим причинам в примерах на марийском литературном языке введен знак ŋ.

– *Кукшеҥер, Веряшенгер – Вäрäшäнгыр, Шоркинер – Шоркеҥер*[3] и т.д.

В Чувашской АССР сохранилось, по нашему подсчету, 54 названия населенных пунктов с показателями ***-анар (-енер), -нар (-нер)***. Жителей этих населенных пунктов на территории 12 районов в этнографическом плане принято называть вирьял-чувашами, в этническую основу которых, как полагают, вошли мари, проживавшие по всему правобережью Средней Волги и ассимилированные *сувас-чувашами*, переселившимися под натиском кыпчаков и татаро-монгольских завоевателей в районы Поволжья, в леса к северу от Камы. Названия на ***-анар (-енер), -нар (-нер)*** на территории северных районов Чувашии находят свои генетические соответствия в многочисленных названиях населенных пунктов на территории Горномарийского района Марийской АССР: *Важынäнгыр,* рус. Артюшкина; *Изиäнгыр*, рус. Колумбаева; *Йäкäнгыр*, рус. Якнуры; *Когоäнгыр,* рус. Мидяшкина; *Кожлан-äнгыр*, рус. Кожлан-ангер; *Копонäнгыр*, рус. Копонангер; *Кукшäнгыр*, рус. Кукшары; *Сöрман-äнгыр*, рус. Сермянангеры; *Шунäнгыр*, рус. Шунангер (*В.С. Шорни.* Маро-русский словарь горного наречия (черемис). Казань.1920).

Таким образом, ареал названий с показателями ***-анар (-енер), -нар (-нер)*** в основном охватывает Волго-Вятское междуречье и 12 северных районов Чувашской АССР, в которой порайонное количество топонимов с указанными формантами выглядит следующим образом:

Чебоксарский – девять: *Анат-Кĕнер*, рус. Анат-Киняры; *Коснар*, рус. Коснары; *Миснер*, рус. Миснеры; *Типнер*, рус. Типнеры; *Шанар*, рус. Шанары; *Шĕнерпуç*, рус. Шинерпоси; *Шинер Тăрăн*, рус. Шинер-Туруново; *Чаканар*, рус. Чиганары; *Шешкенер*, рус. Шишкенеры;

Цивильский – шесть: *Куснарпуç (Коснарпоç)*, рус: Коснарбоси; *Кăнар*, рус. Конар; Т*упнер (Топнер)*, рус. Топнеры; *Шĕнер*, рус. Шинеры; *Упнер (Опнер*), рус. Опнеры; *Тапанар*, рус. Тобанары;

---

[3] *И.С. Галкин*. Топонимика марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа. – Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола, 1967. – С.209.

Ядринский – шесть: *Наснар*, рус. Наснары; *Пачанар*, рус. Печенеры; *Пушнар (Пошнар)*, рус. Пошанары; *Тури Сăнар*, рус. Верхние Сунары; *Анат Сăнар*, рус. Нижние Сунары; *Чаканар*, рус. Чиганары (население русское);

Мариинско-Посадский – три: *Çĕнĕ Куснар*, рус. Новое Байгулово; *Шанарпуç*, рус.Шанары; *Шĕнерпуç*, рус. Бичурино;

Козловский – пять: *Ватнер*, рус. Решетниково; *Кĕнер*, рус. Кинеры; *Кунер*, рус. Еметкино; *Куснарпуç*, рус. Верхнее Байгулово; *Куснар*, рус. Байгулово;

Вурнарский – четыре: *Вăрнар*, рус. Вурнары; *Пĕнер Айкăш*, рус. Пинер Айгиши; *Упнер (Опнер)*, рус. Апнеры; *Шĕнер Ишек*, рус. Шинеры;

Урмарский – шесть: *Кивĕ Вĕренер*, рус. Старое Муратово; *Кĕтеснер*, рус. Кудеснеры; *Пинер*, рус. Шихабылово; *Урнар*, рус. Орнары; *Çĕнĕ Вĕренер*, рус. Новое Муратово; *Шутнер*, рус. Шотнерпоси.

Аликовский – семь: *Йăранар*, рус. Эренары; *Пĕчĕк Кăканар*, рус. Нижние Куганары; *Мăн Кăканар*, рус. Верхние Куганары; *Синер*, рус. Синерь; *Пиçенер*, рус. Пизенеры; *Пиçенер Туктамăш*, рус. Пизенеры; *Чаканар*, рус. Чиганары;

Канашский – четыре: *Кăшнаруй*, рус. Кошноруй; *Çĕнĕ Пинер*, рус. Новые Пинеры; *Пĕршенер*, рус. Новые Бюрженеры; *Ушанар*, рус. Оженары;

Красноармейский – два: *Васнар*, рус. Васнары; *Чаканар*, рус. Чиганары;

Шумерлинский – одно: *Пĕнер разъезчĕ*, рус. Пинеры;

Красночетайский – одно: *Вишенер*, рус. Вишенеры.

Среди перечисленных названий бросается в глаза много однозвучных, осложненных чисто чувашскими словами ***çĕнĕ*** ‘новый’, ***кивĕ*** ‘старый’, ***анатри*** ‘нижний’, ***тури*** ‘верхний’, ***мăн*** ‘большой’, что говорит о миграционных процессах, происходивших на территории перечисленных районов.

-мара (-мере), -мар (-мер)

Мы не можем пока предложить какую-либо иную версию, чем давно существующую, о том, что элемент ***-мар (-мер), -мара (-мере)*** восходит к ославяненной форме этнонима ***меря>мари***.

Указанный элемент имеет огромный ареал распространения.

В списке Т.С.Семенова названия на ***-мар, -мер, -мор, -мара*** входят в бывшие Ярославскую, Владимирскую, Нижегородскую, Костромскую, Московскую губернии: *Бечмерево, Лумар, Лушмар, Кутмары, Меморы, Ошмары, Тимерево, Томарово, Чамерово, Чемерино, Шешмара, Шимарово, Шишиморово, Шумар, Шумарово* (*Т.С.Семенов*. К вопросу о родстве и связи мери с черемисами. – С. 235-248).

Топонимы с показателем ***-мар (-мер)*** встречаются, что вполне естественно, на территории Марийской АССР (*Шурмар*, рус. Шурмары; *Шӱдемар*, рус. Пертюкова; *Какшанмар*, рус. Кокшамары и т.д.) и Мордовской АССР (*Каймар, Самарка, Шимаревка*).[4] Наличие такой топонимической номенклатуры на территории РСФСР, где теперь проживает исключительно русское население, например в Рязанской (*Ушмар, Кочемары*), Ярославской (*Шамарово, Ошмара*), Пензенской *(Большая Ижмора, Каймар, Кульмар*), Тамбовской (*Измир, Атемар*)[5] областях, подтверждает тот факт, что мы имеем дело с общностью создателей-этносов. Это не противоречит тому, что однообразие топонимов могло возникнуть как на почве миграционных процессов (перенос старого названия на новое место), так и путем самостоятельного возникновения на почве языковой общности.

Элемент ***-мара (-мере), -мар (-мер)*** встречается в названиях девяти чувашских населенных пунктов, причем эти деревни расположены преимущественно в той же с нетюркскими словообразовательными элементами.

Названия этих деревень: *Тури Кушмара (Тори Кошмара)*, рус. Кужмары (Мариинско-Посадский р-н); *Анатри Кушмара (Анатри Кошмара)*, рус. Сатыщево (Мариинско-Посадский р-н); *Кутемер,* рус. Кудемеры (Козловский р-н); *Вăрмар*, рус. Урмары (Урмарский р-н); Кив. Вăрмар, рус. Старые Урмары (Урмарский р-н); *Тӗмер*, рус. Новое Тинчурино (Яльчикский р-н); *Тӗмер*, рус. Тюмерево (Янтиковский р-н); *Çеçмер*, рус. Сесмеры (Моргаушский р-н); *Çеçмер*, рус. Сесмеры (Красноармейский р-н).

---

[4]*В.Г.Егоров*. Современный чувашский литературный язык I. – Чебоксары, 1954. – С.16.

[5]*Б.А.Серебренников*. Происхождение марийского народа по данным языка. – Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола, 1967. – С.178.

Нетрудно заметить некоторые топонимические параллели, не вызывающие сомнения в их этимологической общности: чув. *Кушмара* (Чув. АССР) и мар. *Кужмара* (Мар. АССР); чув. *Çеçмер* (Чув. АССР) и мар. *Шешмар* (Мар. АССР), рус. *Шишмара* (*Б.А.Серебренников*. Происхождение марийского народа по данным языка. – С. 178); чув. *Кутемер* (Чув. АССР) и рус. *Кутмары*.

Элемент ***-мар*** рельефно выделяется в таких этнонимах, как ***сасламар < суасламары*** 'чуваш (букв.: человек на суаский лад)', ***марламар*** (в устах чуваш, живущих рядом с горными мари) 'горномариец'.

-кар

Формант ***-кар*** входит в состав шести топонимов, в том числе названия столицы Чувашской АССР *Шупашкар – Шопашкар*. Он часто встречается в топонимах Коми АССР (*Сыктывкар, Мурышкар* и т.д.) и Удмуртской АССР *(Ошак-Кар, Жутэм-Кар, Зуй-Кар, Садей-Кар, Пор-Кар* и т.д.).[6]

Общность топонимов с формантом ***-кар*** показывает на общность их создателей, которыми были финно-угры, быть может, времен пермской общности финно-угорских племен.

Финно-угорское происхождение чув. ***кар*** вне сомнения, так как он имеет надежные соответствия: коми ***кар***, удм. ***кар***, хант. ***χăr***, манс. ***χar*** со значением 'гнездо, город'.[7]

Как мы уже отметили, список чувашских топонимов с показателем ***-кар*** невелик: *Шупашкар–Шопашкар*, рус. *Чебоксары; Шупашкаркасси–Шопашкаркасси*, рус. *Шобашкаркасы* (Чебоксарский р-н); *Шупашкар Ĕсмĕлĕ*, рус. *Вторые Чекуры* (Мариинско-Посадский р-н); *Мăн Шашкар*, рус. *Чуракассы* (Моргаушский р-н); *Шашкарвăрри*, рус. *Шешкарская пристань* (Моргаушский р-н); *Муркар – Моркар*, рус. *Уразметово* (Козловский р-н).

Здесь интересно отметить, что наиболее древние названия финно-угорского происхождения, как *Шашкар, Муркар,* впоследствии были соответственно заменены тюркскими: *Чуракассы* (чув. *чура* 'раб' - чув. *касси* 'выселок, околоток (его)'), *Уразметово* (видимо, имя татарского владетеля).

---

[6]*М.Р.Федотов*. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. – Ч., 1968. – С.199.

[7]*В.И.Лыткин*. Исторический вокализм пермских языков. – М., 1964. – С.164.

-мас (-мес)

Названия населенных пунктов Чувашской АССР с показателем ***-мас (-мес)*** относятся, по всей вероятности, к дотюркской эпохе, так как аналогичные географические названия встречаются на территории соседних автономных республик, населенных мордвой, марийцами и удмуртами: *Широмас, Коломас, Кочемас* и др. (Морд. АССР), *Валамаз*, племенное название *калмез* (Удм. АССР), дер. *Камсамас* (Усть-Вымский р-н Коми АССР), *Карамас* (Мар. АССР) и др.[8] Из слов с формантом ***-мас*** обращает на себя внимание название города *Арзамас* (Горьковская обл.). Среди мордовских языческих имен есть аналогичное название Арзамас. Надо полагать, что корни ***Арза-, Арзе-*** имеют непосредственное отношение к современной форме этнонима ***эрзя***. Известно, что в XVI веке почти совершенно исчезло мордовское население на Оке, то же самое произошло вокруг города Арзамаса – древнейшего центра расселения эрзи-мордвы и в других северо- западных районах, некогда заселенных мордвой.[9]

Весьма загадочно этимологическое значение показателя ***-мас (-мес)***. Мы полагаем, что нет возможности на базе тюркских языков определить дотопонимическое значение разбираемого показателя, часто встречающегося не только в географических названиях, но и в языческих именах чувашей. Мы склонны отнести его к финно-угорскому субстратному наследству.

Обратимся к 11 чувашским географическим названиям на ***-мас (-мес)***. В Ядринском районе есть три таких названия: *Вăрманкас Асламас*, рус. *Вурманкас-Асламасы*; *Лешкас Асламас*, рус. *Лешкас-Асламасы; Уйкас Асламас*, рус. *Ойкас-Асламасы*; в Мариинско-Посадском районе одно: *Ителмес*; в Козловском районе – три: *Пăрмас*, рус. *Аттиково*; *Çĕнĕ Тĕрлемес*, рус. *Новая Тюрлема*; *Кивĕ Тĕрлемес*, рус. *Старая Тюрлема*: в Красночетайском районе три: *Çĕн Ирчемес*, рус. *Мочковаши*; *Кивĕ Ирчемес*; рус.*Урумово*; *Çатмас* (микрогидроним); в Ибресинском – одно: *Кăшмас*, рус. *Кошмаш Тойси*.

---

[8] *В.Г. Егоров*, указ. раб. – С. 16.

[9] *Л.Г. Филатов*. О некоторых вопросах формирования мордовской народности. – Этногенез мордовского народа. – Саранск. 1965. – С. 91.

Показатель ***-мас (-мес)***, входящий в состав многочисленных географических названий на территории Чувашской, Марийской и Мордовской АССР, участвует также в образовании чувашских языческих имен: *Арзамас, Амас, Иремес, Сармас*; в мордовском *Атемас, Арземас, Колдомас* и др. (*В.Г. Егоров.* Современный чувашский литературный язык.– С.16).

Исходя из того, что в тюркских языках чередование ***s ~ š*** вполне закономерно, следует, пожалуй, отнести к этой же группе еще шесть географических названий на ***-маш (-меш)***: *Кашмаш*, рус. *Кашмаши* (Цивильский р-н); *Ямаш*, рус. *Первое Степанова* (Цивильский р-н); *Ямаш*, рус. *Ямашево* (Канашский р-н); *Кăмаш*, рус.*Кумаши* (Вурнарский р-н); *Чумаш*, рус. *Чумаши* (Красноармейский р-н); *Анат Кăмаша*, рус. *Нижняя Кумашка* (Шумерлинскнй р-н).

О существовании показателя ***-маш*** на территории Марийской АССР свидетельствуют топонимы *Атламаш, Ашламаш* и, возможно, другие.

-ваш(-вăш)

На территории Чувашской АССР, в пределах тех же районов, где получил распространение топонимический формант ***-анар (-енер), -нар (-нер),*** возводимый, как мы уже говорили, к мар. ***еӈер, ӑнгыр*** 'река', имеется также ряд названий населенных пунктов с показателем ***-ваш, -вăш***. На территории Горномарийского района мы обнаружили два названия с показателем ***-важ***: *Кожваж*, рус. *Кожважы; Шимваж* название речки в районе Тарашнурской лесной дачи *(В.С. Шорин.* Маро-русский словарь горного наречия (черемис). – С.47). Не беря на себя смелость этимологизации сложных образований с формантом ***-важ***, укажем лишь на реальность совпадения значения ***-важ*** со значением марГ ***важ***, марЛ ***вож*** 'корень, основание', удм. ***выжи***, коми ***вуж*** 'корень'. В названном словаре Шорина, например, ***кудваж*** переводится '**дух куды** (лачуги); закоренелый в некотором смысле человек' (– С.51).

Географические названия, содержащие формант ***-важ, -вож***, есть и в Горьковской области, например: *Перчваж, Рейчваж, Синчуваш*. По мнению Л.Л. Трубе, «топонимы с подобными

формантами указывают на места, где живут или некогда жили марийцы».[10]

Среди обширной субстратной топонимики русского Севера А.К.Матвеев приводит ряд «севернофинских» названий на ***-важ***, которые, как он полагает, могли возникнуть «в процессе неоднократных переселений этнических групп из районов Волго-Окского междуречья на Север»: *Киваж, Керваж, Соваж*. Если автор раньше формант ***-важ (-баш, -маж, -веж, -беж, -меж, -маж)*** связывал с коми-зыр. ***вож исток*** 'рассоха', то в данной статье он имеет в виду и мар. ***важ*** 'корень; основание'.[11]

В Чувашской АССР в зоне распространения топонимических формантов ***-ваш, -вăш*** нет ни одного марийского населенного пункта, но тем не менее в том, что подобная географическая номенклатура имеет не тюркское происхождение, сомневаться не приходится. Некоторые топонимы, содержащие формант ***-ваш, -вăш***, имеют признаки, указывающие на марийский источник. Например, название дер. ***Кушлавăш***, рус. ***Кошлауши***. По нашему предположению, чув. ***куш ~кош*** восходит к мар. ***кож***, эрз., мокш. ***куз***, удм. ***кыз***, коми ***коз***.[12] От мар. ***кож*** 'ель, елка' образуются ***кожер*** 'ельник', ***кожиме*** 'хвоя', ***кожла*** 'лесной, лес'> чув. ***кушла ~ кошла + вăш.***

Мы насчитали всего пять населенных пунктов, названия которых содержат элемент ***-ваш***: *Нăрваш сали*, рус. *Русские Норваши* (Янтиковский р-н); *Енĕш Нăрваш*, рус. *Яншихово* (Янтиковский р-н); *Нăрваш Шăхаль*, рус. *Норваш-Шигали* (Батыревский р-н); *Славаш*, рус. *Словаши* (Цивильский р-н); *Тăрваш*, рус. *Торваши* (Цивильский р-н).

Топонимов с элементом ***-вăш*** всего 18.

Вурнарский район: *Услантăр Явăш*, рус. *Усландыр Яуши*; *Уравăш – Оравăш*, рус. *Орауши*: *Уйкас Явăш*, рус. *Ойкас-Яуши; Çăкаллă Явăш*, рус. *Синьял-Яуши*; *Мăшавăш*, рус. *Можа-*

---

[10] *Л.Л. Трубе.* Марийские элементы в топонимии Горьковской области и языковое взаимодействие. – Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы докладов и сообщения. Май-июнь 1969 г. – Йошкар-Ола. 1969. – С. 81.

[11] *А.К. Матвеев.* Происхождение основных пластов субстратной топонимики русского Севера. – ВЯ 1969, № 5. – С. 48-50, 52.

[12] *В.И. Л ы т к и н.* Краткий этимологический словарь восточнофинских языков. – Москва, 1964. – С. 12.

уши; *Мăн Явăш*, рус. *Большие Яуши*; *Кушлавăш – Кошлавăш*, рус. *Кошлауши*.

Чебоксарский район: *Мăштавăш*, рус. *Моштауши*; *Кăшавăш*, рус. *Кшауши*; *Явăш*, рус. *Яуши*.

Аликовский район: *Пĕчĕк Шĕвăш*, рус. *Нижние Шиуши*; *Тăвăш Юнтапа*, рус. *Тушкасы*.

Остальные названия встречаются в следующих районах: *Кушлавăш ~ Кăшлавăш*, рус. *Кошлауши* (Красночетайский р-н); *Курнавăш*, рус. *Новые Шимкусы* (Яльчикский р-н); *Явăш*, рус. *Полевые Яуши* (Комсомольский р-и); *Шуртавăш ~ Шортавăш*, рус. *Шордауши* (Цивильский р-н); *Мăн Явăш*, рус. *Николаевское* (Ядринский р-н); *Малти Ăнтавăш*, рус. *Передние Яндоуши* (Канашский р-н).

-куш-, кош-

Просматривая географическую номенклатуру с элементом ***-ваш, -вăш***, мы привели предположительную этимологию ***куш-, кош-*** в составе наименования населенного пункта ***Кушлавăш – Кошлавăш***. Полагаем, что и в составе приводимых ниже четырех топонимов дотопонимическое значение ***куш-, кош-*** восходит к 'ель, елка; лес, лесной': *Кушар Юнтапа*, рус. Кожар Яндоба (Вурнарский р-н); *Тури Куша – Тори Кошар*, рус. *Верхние Кожары* (Красноармейский р-н); *Анат Кушар – Анат Кошар*, рус. *Нижние Кожары* (Красноармейский р-н); *Кушар – Кошар*, рус. *Кожары* (Красноармейский р-н). Следует добавить, что ***Кушар (-ж-)***, согласно словарю Н.И. Ашмарина[13], название народного празднества. ***Кушар*** – гулянье, которое происходит, например, на лугах около дер. Кугеевой (Козловский р-н): ***Кушар пуху*** *троицă* ***кунĕ пулать*** 'Кужар падает на троицын день'. Мы остаемся в полном неведении относительно последнего значения *Кушар*.

Кроме того, около дер. Ходар (Шумерлинский р-н) есть болотистое место под названием *Ил-Кушар*. Н.И.Ашмарин в своем словаре относительно этого слова указал следующее: «Илкушар имя одного киреметя, которому *чӳклеççĕ* («*Илкушара чӳклеççĕ*») в «*Тайăн сăра*», после того, как помолятся «*Валĕм хуçа*».[14]

---

[13] *Н.И. Ашмарин*. Словарь чувашского языка VII. – Казань-Чебоксары, 1928-1950. – С. 61.

[14] *Н.И. Ашмарин*. Словарь чувашского языка III. – С.108.

-шем-, шăм- (шĕм-)

Категории топонимов, образующихся с корневым формантом ***шем-, шăм- (шĕм-)***, не обнаруживает своей этимологии ни на материале чувашского, ни других тюркских языков.

Можно допустить, что мы и здесь имеем дело с финно-угорским субстратным явлением. При этом предполагаем, что топонимический элемент ***шем-, шăм- (шĕм-)*** имел когда-то вполне реальное значение, которое сохраняется по сей день в словах финно-угорского происхождения: мар. ***šeme*** 'черный, грязный'; мокш. ***šämən*** 'ржавчина, накипь'; эрз. ***čem'en*** 'ржавчина'; удм. ***sin-*** 'ржаветь'; коми ***simnө-*** 'ржаветь'; манс. ***šemel*** 'черный', ***simil*** 'ржавчина'; хант. ***samy*** то же; венг. ***szenny*** 'грязь'; фин. ***hämy*** 'сумерки' (*В.И. Лыткин*. Исторический вокализм пермских языков. – С.181).

Указанный формант отчетливо выступает в следующих названиях теперь чисто чувашских 11 населенных пунктов:

Шемшер, рус. *Малое Акулево* (Чебоксарский р-н); *Шемшер,* рус. *Акулево* (Чебоксарский р-н); ***Шăмăш***, рус. *Чемурша* (Чебоксарский р-н); *Кĕçĕн Шемертен*, рус. *Малые Шемердяны* (Ядринский р-н); *Улăх Шăмат*, рус. *Олух-Шуматово* (Ядринский р-н); *Кивъял Шăмат*, рус. *Старое Шуматово* (Ядринский р-н); *Туçи Шĕмшеш*, рус. *Нагорная* (Аликовский р-н); *Шĕмшеш*, рус. *Шумшеваши* (Красноармейский р-н); *Шăмăршă*, рус. *Шемурша* (центр Шемуршинского р-на); *Кивĕ Шăмăршă*, рус. *Старая Шемурша* (Шемуршинский р-н); *Çĕнĕ Шăмăршă*, рус. *Новая Шемурша* (Шемуршинский р-н).

Обращают на себя внимание последние три названия самого южного района Чувашии, где мы до сих пор не обнаружили ни одного названия с предполагаемыми финно-угорскими элементами. По всей вероятности, эти старые наименования появились на новых местах в связи с переселением в пределы «дикого поля» марийцев, живших до этого на правом берегу Волги «в польских деревнях Чемуршинской волости Кокшайского уезда».[15]

Определенный интерес представляют этнонимы финно-угорского происхождения, существующие в качестве названий населенных пунктов на территории Чувашской АССР. При этом

---

[15] *М.Р. Федотов*, указ. раб. – С. 181.

надо иметь в виду, что этнонимные основы, извлекаемые из топонимов, могут оказаться мнимыми.[16]

Но что касается приводимых ниже названий, то они при учете многих достоверных исторических фактов, свидетельствующих о многовековых контактах предков чувашей с предшественниками многих финно-угорских народов, вряд ли могут вызвать сколько-нибудь серьезное возражение.

çармăс 'черемис'

Çармăскасси, рус. Сярмыськаси (Моргаушский р-н); *Туçи Çармăс*, рус. Тузи Сярмус (Вурнарский р-н); *Хурăнсур Çармăс*, рус. Хорнзор (Вурнарский р-н); *Чăваш Çармăс*, рус. Кубня (Ибресинский р-н); *Ирçе Çармăс*, рус. Малые Кармалы (Ибресинский р-н). Интересны последние два названия. Там, где живут чуваши, населенный пункт именуется *Чăваш Çармăс* (досл.: чуваш черемис), а где эрзя – *Ирçе Çармăс* (досл., эрзя черемис).

ирçе 'эрзя'

Ирçе, рус. Чебаково (Ядринский р-н); *Тури Ирçе*, рус. Верхние Ирзеи (Ядринский р-н); *Анат Ирçе*, рус. Нижние Ирзеи (Ядринский р-н); *Вăтам Ирçе*, рус. Средние Ирзеи (Ядринский р-н); *Ирçе Тĕкки*, рус. Мордовские Тюки (Шемуршинский р-н); это единственное название, определяющее этническую принадлежность жителей-эрзян: *ирçе* 'эрзя' + *тĕкки* «чув. *чикĕ*, татар. *чик* 'граница, межа, предел') 'эрзя его граница'.

мăкшă 'мокша'

Мокшин, рус. Мокшино (Чебоксарский р-н); чувашская форма представляет собою инновацию с русским суффиксом ***-ин***.

ар 'удмурт'

В чувашском языке ***ар*** известен еще в значении 'муж, мужчина', чему соответствуют тюркские ***er, ir***. Приведем этимологию двух топонимов: *Ар-касси*, рус. Аркасы (Чебоксарский р-н); *Ар-Сĕнтĕр*, рус. Малый Сундырь (Н.И. Ашмарин, Словарь чувашского языка I, С.317), а *Кĕçĕн Сĕнтĕр* (Чувашская АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1968 года,

---

[16] *В.А. Никонов.* Введение в топонимику. – М., 1965. – С. 37; его же, Этногенез мордовского народа и топонимика. – Этногенез мордовского народа. – Саранск,1965. – С. 281.

– Чебоксары. 1968. – С.76). Не исключена возможность, что *ар* является соответствием тюрк. *az* 'маленький', хотя теперь слова *ар* в значении 'маленький' в чувашском языке нет.

мучар ~ мочар ~ мушар ~ машар 'мадьяр'

Наличие в венгерском языке большого количества чувашских слов объясняется только былыми контактами между носителями этих языков еще в ту эпоху, когда предки венгров находились на пути к своей новой родине (до IX в н.э.). Мы считаем возможным, что в представленных ниже названиях населенных пунктов отразился этноним мадьяр в чувашской форме: Мучар, рус. Большая Ерыкла (Яльчикский р-н); Мучар, рус. Межарки (Янтиковскнй р-н); Мушар, рус. Можары (Козловский р-н); Анат Мочар, рус. Мочары (Ядринский р-н); Тури Мочар, рус. Верхние Мочары (Ядринский р-н); Тушмашар, рус. Тожможары (Ядринский р-н).

NOTIZEN OBER E1NIGE GE0GRAPH1SCHE NAMEN FINNISCH-UGR1SCHER HERKUNFT IN DER TSCHUWASCHISCHEN ASSR

Die finnisch-ugrischen Sprachen der Wolgaer Gruppe hinterließen in der Tschuwaschischen ASSR eine Menge von geographischen Namen, Unsere Mitteilung behandelt Ortsnamen, dcren Wurzeldeterminative auf den finnisch-ugrischen Ursprung weisen. Es handelt sich vor allem um folgende Bestimmungswörtchen: ***-anar (-ānär), -nar (-när), -mara (-märä), -mar (-mär, -kar, -mas (-mas), -(mäs, -βaš,- βäš, kuš-, koš-. šem-, šəm- [šəm-).***

Anschließend betrachtet der Autor eine Raihe tschuwaschischer Ortsnamen, die aller Wahrscheinlichkeit nach auf finnisch-ugrische Ethnonyme zurückgehen.

«Советское финно-угроведение» №2, Таллин, 1970. С. 127-135.

3.6. ZUM 100. GEBURTSTAG VON N.I. AŠMARIN

Es gibt kaum einen Turkologen oder Finnougristen, der als Fachmann den Namen N.I.Ašmarin nicht kennt. N.I.Ašmarin war vor allen Dingen ein groβer Sprachwissenschaftler auf dem Gebiete der Turkologie, doch trug er auch viel zur Entwicklung der finnisch-ugrischen Sprach-wissenschaft bei, besonders zur Erforschung der

sprachlichen Beziehungen zwischen Wolgatürken und Finnougriern. Sein berühmtes «Thesaurus linguae tschuwaschorum» in 17 Bänden war, ist und wird als unerschöpfliche Quelle allen denjenigen dienen, die ihre Geisteskraft dem Studium des Tschuwaschischen und der Erforschung der türkischen und finnisch-ugrischen sprachlichen Kontakte widmen. Sein Leben hindurch war N.I.Ašmarin ein einfacher, unermüdlich und rastlos arbeitender Forscher und Pädagoge. Er war kein Mann in Amt und Würden.

N.I.Ašmarin wurde am 10. September 1870 in der Stadt Jadrin (in der jetzigen Tschuwaschischen ASSR) als Sohn eines Kaufmanns geboren. In Kurmyš, wohin seine Eltern übersiedelten, besuchte Nikolaj die städtische Schule. In Nižnij Novgorod (jetzt Gorki) bezog er das klassische Gymnasium. Schon als Gymnasiast machte sich Nikolaj Ašmarin mit den damals noch wenigen Arbeiten über die tschuwaschische Sprache vertraut, selbständig erlernte er den mišärischen Dialekt. Besonders eifrig war er im Latein, er kannte auch die wichtigsten europäischen Sprachen.

Seine Hochschulbildung beschloβ er in Moskau im Lazarevschen Institut für Ostsprachen. Wie es dort üblich war, studierte hier N.I.Ašmarin die osmanisch-türkische, persische und arabische Sprache. Er bereitete sich für die diplomatische Arbeit im Osten vor, fuhr jedoch 1894 nach der Absolvierung des Instituts mit dem Diplom der I. Klasse nach Kazan. Hier fand er das, was er brauchte: Tataren, Tschuwaschen, Mari, Udmurten, Mordwinen und andere Völker.

Noch als Student des zweiten Studienjahres veröffentlichte er seine erste Untersuchung «Очерк поэзии у чуваш» (1892). Eine auβerordentlich groβe Rolle spielte seine Grammatik «Материалы для исследования чувашского языка» (1898). Später erschienen nacheinander: «Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской» (1900), «Очерк литературной деятельности татар-мусульман за 1880–1895 годы» (1901), «Болгары и чуваши» (1902), «Об одном мусульманском памятнике на архиерейской даче в Казани» (1905), «Несколько слов о современной литературе казанских татар» (1905) und andere.

Ein bedeutendes Ereignis war das Erscheinen der tschuwaschischen Syntax in zwei Bänden: «Опыт исследования чувашского синтаксиса» I (1903). II (1923). 1910 erscheint der erste

Band seines tschuwaschischen Wörterbuches. Im Jahre 1941 nach seinem Tode, erblickte der letzte Band des Wörterbuches «Thesaurus linguae tschuwaschorum» das Licht der Welt.

1920 siedelte N.I.Ašmarin nach Simbirsk (jetzt Uljanovsk) zum Nestor der tschuwaschischen Aufklärung I.J.Jakovlev über, der sein ganzes Leben lang dem unermüdlichen Sprachforscher beistand. Als Professor des tschuwaschischen Instituts hielt er Vorlesungen über die tschuwaschische Grammatik. 1923–1926 arbeitet er an der Aserbaidshanischen Universität, wo ihm die Doktorwürde zuerkannt wurde. Während der Bakuer Zeit erschienen seine Arbeiten «Общий обзор народных говоров г. Нухи» 1926), «Подражание в языках Среднего Поволжья» (1925).

Einer Einladung der tschuwaschischen Regierung folgend, kommt er 1926 nach Kazan zurück, wo er den Lehrstuhl der vergleichenden Forschung der Turksprachen am pädagogischen Institut leitete. 1929 wurde er korrespondierendes Mitglied der Akademie der Wissenschaften der UdSSR. Bis zu seinem Tode arbeitete er an seinem Wörterbuch. Er schied von uns am 26. August 1933.

N.I.Ašmarins Nachlaβ ist groβ. Seine unveröffentlichten Arbeiten finden sich hier und da. Darunter ist auch die Arbeit «Образцы чувашской народной словесности» zu nennen.

In seiner Monographie «Материалы для исследования чувашского языка», die bis jetzt als Standardwerk zu bezeichnen ist, wendet er seine Aufmerksamkeit den finnisch-ugrischen Sprachen zu. Mit vollem Recht kann man sagen: N.I.Ašmarin war es, der auf echtem wissenschaftlichem Niveau etwa 275 tschuwaschische Entlehnungen im Marischen und 35 im Udmurtischen veranschaulichte. Martti Räsänen und Yrjö Wichmann schätzten die erste Pionierleistung von N.I.Ašmarin hoch.

N.I.Ašmarin war es, der noch als jungr Forscher dem berühmten Akademiker W.Radloff seine Ansicht zur Frage nach der Stellung des Tschuwaschischen entgegenzustellen wagte: «Wegen der Ursachen, die die Anwesenheit der fremden Beimischung in der tschuwaschischen Sprache bedingten, bin ich etwas anderer Meinung als der Akademiker W.W. Radloff. Letzterer erklärt die Eigentümlichkeit dieses türkischen Dialekts (unter diesem Wort meint der Autor die Sprache. – *M.F.*) dadurch, daβ die Tschuwaschen

der Herkunft nach gar keine Türken seien, daß sie sich der turkischen Sprache allmählich, in einigen Perioden aneigneten, indem sie sie auf dem eigenen untürkischen Boden, die jetzt vollständig vergessene Sprache veränderten; gegenwärtig bin ich anderer Ansicht und denke, daß die Sache anders beschaffen war. Nicht Fremdlinge verstümmelten die von ihnen angenommene türkische Sprache, sondern die Türken (Tschuwaschen) verloren die Reinheit ihrer Sprache, indem sie sich das fremde Element in ihrer Eigenschaft als Wolgafinnen aneigneten. Hier geschah die Sprachveränderung, wie mir es scheint, in kolossalerem Ausmaß, genau so, wie ich es früher bei den Tschuwaschen aus dem Bezirk Kozmodemjansk konstatieren konnte, die an der Grenze der tscheremissischen Ortschaften ansässig sind und durch eheliche Verbindungen mit den Bergtscheremissen ihre Sprache veränderten».[1]

Die heutige tschuwaschische Sprache ist eine Türksprache. Das bestreitet heute fast niemand. Alle anderen Türksprachen, darunter auch das Jakutische, unterscheiden sich voneinander in ihren phonetischen und morphologischen Eigenschaften nur in unwesentlichen Zügen. Warum soll das Tschuwaschische, wenn es sich in seinen Hauptelementen des Baus als echt türkische Struktur darstellt, sich so scharf von den anderen Turksprachen unterscheiden? Auf diese Frage hat W. Radloff mit seiner Phonetik der nördlichen Turksprachen geantwortet.[2] Der Verdienst Ašmarins liegt auch darin, daß er zur Präzisierung und Erklärung der Theorien von Radloff vieles beigetragen hat.

---

[1] *Н.И. Ашмарин.* Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. I. – Казань, 1903. – С. VI.

[2] *W. Radloff.* Phonetik der nördlichen Turksprachen. – Leipzig, 1882. – S. 88-91.

«Советское финно-угроведение» №4, Таллин, 1970. С. 202-203.

3.7. О ЧУВАШСКОМ КАРИТИВНОМ АФФИКСЕ *-CĂP* (*-SĂR*), *-CĔP* (*-SĔR*) И ЕГО РЕФЛЕКСЕ В НЕКОТОРЫХ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Чувашская морфоформа ***-săr*** (***-sĕr***), именуемая в современных чувашских грамматиках аффиксом лишительного падежа, встречается также в составе чувашских заимствований в некоторых финно-угорских языках. Уже сам по себе факт сохранения названной морфоформы в марийском, удмуртском и венгерском языках говорит о многом: он прежде всего уточняет хронологию древнечувашских заимствований в финно-угорских языках. В связи с этим считаем необходимым остановиться на генеалогии этого аффикса.

В последнее время в лингвистической литературе появилась точка зрения, согласно которой чувашский лишительный аффикс ***-săr*** (***-sĕr***) генетически соотносится с древнетюркским ***-syra (-sirä).*** Это утверждение связывается с разделением тюркских языков на так называемые **z** – и **r** – языки, сущность которого заключается в том, что чув. **r** внутри и в конце слова соответствуют тюркские звуки **d (δ), z, j,** например: adaq || aδaq || ajaq ~ чув. ura || ora «нога»; qadyn || qaδyn || qajyn ~ чув. xurăn || xorăn «береза», qaz ~ чув. xur «гусь» и мн. другие.[1]

Относительно происхождения этой фонетической закономерности существует очень много мнений, однако все они сводятся в основном к двум точкам зрения. Первую из них, о приоритете **r** перед **z**, выразил Г.Й. Рамстедт. Он считал, что «в алтайском прая-

---

[1]Надо заметить, что сфера ***з*** и сфера ***р*** абсолютно не разграничены, первая может вторгаться во вторую, т.е. фонема ***р*** в известных случаях допускает наличие фонемы ***з***. Н.К.Дмитриев в статье «Соответствие ***р*** // ***з***» пишет, что «вторжение чувашских форм на ***р*** в тюркские формы на ***з*** можно наблюдать не только в отдельных словах, но и целых грамматических категориях. В этом отношении характерно образование отрицательной формы туркменского будущего времени:

1-е л. ал-ма-р-ын, гел-ме-р-ин

2-е л. ал-ма-р-сынь, гел-ме-р-син

мн. число

1-е л. ал-ма-р-ыс, гел-ме-р-ис

2-е л. ал-ма-р-сын$_1$ыз, гел-ме-р-син$_1$с». (Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М., 1955. – С. 322-325).

зыке, кроме обычных **r** и **l**, внутри и в конце слова встречались и отличные от них, иногда смягченные **r'** и **l'**, которые преобразовавшись в большинстве тюркских языков в **z** и **š**, в остальных сохранились как **r** и **l**».[2] Представители другой точки зрения (В.В.Радлов, З.Гомбоц, Ю.Немет, Й.Бенцинг, Б.А.Серебренников и др.) говорят об обратной возможности, т.е. чув. **r** развился из тюркского **z**. Пока этот вопрос остается спорным.

Словообразовательный аффикс чувашского языка ***-săr (-sĕr)***, значение которого покрывает значение англ. **-less** и нем. **-los**, соответствует: узб., уйг. **-siz;** каракалп., ног. **-syz, -siz;** казах. **-syz, -süz;** тат. **-syz, -sez;** азерб., кирг., тур., туркм. **-syz, -siz, -suz, -süz;** кумык. **-syz, -siz, -suz, -süz;** башк. **-hyθ, -heθ, -hoθ , - höθ**. В алтайском, тувинском, хакасском, шорском и якутском языках данного аффикса нет, поэтому в них отрицательная форма передается аналитически, при помощи конкретного существительного и слова, означающего «нет». Примеры: якут. biliete suox (ср. чув. pileččĕ s'uk «безбилетный»; алт. tübi d'ok (ср. чув. tĕbĕ s'uk) «бездонный»; хак. saγyzy čok (ср. чув. šuxăšĕ s'uk) «безумный».

Ф.Г. Исхаков отмечает, что «в хакасском языке встречаются отдельные отрицательные прилагательные с аффиксом **-sis<siz**, как, например, kipsis «некрасивый», «неуклюжий», «бесформенный»..., но при помощи **sis** в хакасском языке новые прилагательные не образуются».[3]

С.Е. Малов приводит ряд слов из древнетюркских памятников с аффиксом **-сыра (-сирä)**. В «Большой надписи» памятника в честь Кюль-Тегина (VIII век н.э.) мы читаем: illirur ilcipämmic каг, анлыг, ыг, каг, ансыратмыс «он лишил племенного устройства имеющих эти племенные устройства и лишил ханов (народы), имевшие этих ханов».[4] В Указателе грамматических форм (страницы даны в скобках. – *М.Ф.*) «Золотого блеска» читаем, что **-sirä, -syra** соответствует **-siz-ä, -syz-a**, т.е. С.Е. Малов ви-

---

[2] *G.J.Ramstedt.* Zur Frage nach der Stellung des Tschuwaschischen, JSFOu XXXVIII, 25.

[3] Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. II. – М., 1956. – С. 152-153.

[4] *С.Е.Малов.* Памятники древнетюркской письменности. – М., 1951. – С. 49.

дит в этом чередование **r~z**: **-sirä || siz-ä, -syra || -syz-a** (195). Вот еще некоторые слова: tynsyra (436) «беспокоиться»; ögsir – tynsyra (436) «выходить из себя, волноваться»; ögsirä-tynsyra (406) «лишаться чувств»; ögsirä (195) «лишиться чувств, сознания»; küčsirä-mis (195) «обессиленный». Однако подобного чередования, на которое указывает С.Е. Малов, в памятниках нет. Не находим мы аффикса **-syza *(-sizä)** и в современных тюркских языках. В отрывках «Золотого блеска», откуда мы почерпнули вышеприведенные слова на **-syra (-sirä)**, в качестве отрицания встречаются исключительно **-siz, -syz, -suz, -süz,** т.е. те же самые формы, которые представлены в родственных чувашскому тюркских языках. Достаточно сравнить приведенные уже ögsirä «лишиться чувств, сознания» с другим словом, стоящим рядом с ним, Ögsiz (406) кличка коня «Безумец». Последнее снабжено аффиксом **-siz**, а не **-sirä**. Ясно, что уже в эпоху написания этого памятника аффикс **-siz** нес чисто каритивную функцию, т.е. такую же, как, скажем, чув. ***-săr (-sĕr)*** и его генетическое соответствие **-syz (-sez)** в остальных тюркских языках.

В.М. Насилов относительно аффикса **-syra (-sirä)** пишет, что он «образует глаголы, выражающие отсутствие чего-либо, лишение в чем-либо» и «представляет явление ротации **(r~z)** и эквивалентен аффиксу **-syz-a (-siz-e)**, который в тюркских языках встречается в основах глаголов с отрицательным значением, образованным при помощи аффикса **-1a, -1e,** например: **atsyzla** «лишиться коня», **järsizlä** «лишиться земли» и т.д.».[5] В другом своем труде В.М. Насилов также указывает, что «основы, образующие глагольные понятия, оформляются аффиксом **-syra, -sirä: tynsyra** «лишиться покоя» от tyn (автор здесь дает значение «дыхание», тогда как нужно было бы дать значение «успокаиваться, отдохнуть». См. Словарь Радлова, III, 1313. – *М.Ф.*); **күчсирэ** «лишиться силы» – от күч «сила»; **өгсирэ** «лишиться сознания» – от өг «мысль», «сознание»; **тытыгсыра** «потерять вкус» – от татыг – «вкус», «смакование».[6] Этого вопроса касается и А.М. Щербак: «Очень возможно, что аффикс ***-сїра*** появился в ре-

[5] *В.М.Насилов.* Язык орхоно-енисейских памятников. – М., 1960. – С. 21.
[6] *В.М.Насилов.* Древнеуйгурский язык. – М., 1963. – С. 28.

зультате слияния двух односложных морфем ***-сїр*** (***~сїз***, ср. у так называемых приватives форм имени) и ***-а***». Укажем на приведенные автором три слова: ***инчсірät*** «лишиться покоя», ***кўчсірä*** «лишиться силы», ***матїг, сїрajур*** «лишиться вкуса», в которых аффикс ***-сїра, -сірä*** обозначает «утрату или лишение предметов и состояний, которые выражены именной основой».[7]

Таким образом, на основании сопоставления нескольких слов (**ögsirä-, tynsyra-, küčsirä-, tatyγsyra-, inčsirät-, -ilsirät-, kaγansyrat-**) был сделан вывод о наличии чередования **r-z** в языке древнетюркских памятников и равнозначности аффиксов **-syra (-sirä) и -syz-a, -siz-ä,** хотя конечному **-a, -ä** объяснения дано не было.

Сопоставляя современную енисейскую группу тюркских языков, (тувинского, киргизского, хакасского, шорского и алтайского) с языком енисейских памятников древнетюркской письменности, ученые отмечают, что среди живых языков енисейской группы тувинский «является прямым потомком языка чиков, которым принадлежит значительная часть памятников».[8]

В тувинском языке глаголы с аффиксом **-сыра (сире), -сура (-сүре), -зыра (-зире), -зура (-зүре),** образованные от имен существительных, обозначают уменьшенное, ослабленное действие, а также различные психические состояния (желания, настроения), связанные с содержанием их именной основы. Примеры: **ханзыра** «сочиться», «кровоточить» (хан «кровь»); **уйгузура** «быть сонным», «хотеть спать» (уйгу «сон»); **эътсире** «хотеть есть мясо» (эът «мясо»); **чүрексире** «томиться», «тосковать» (чүрек «сердце»); **хүлүмзүрү** || **хүлүмзүре** «посмеиваться», «улыбаться» (хүлүм «смех») [9] и другие.

При помощи аффикса **-сыра** и его шипящей разновидности от имен прилагательных образуются глаголы со значением «приобретать данное качество». Примеры: **баксыра** «ухудшаться»,

---

[7] *А.М. Щербак*. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. – М.-Л., 1961. – С.173-174.

[8] *И.А. Батманов, З.Б. Арагачи, Г.Ф. Бабушкин*. Современная и древняя Енисеика. – Фрунзе, 1962. – С. 3.

[9] *Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах*. Грамматика тувинского языка. – М., 1961. – С. 267.

«портиться» (бак «дурной», «плохой»); **сайзыра** (ср. монг. сайжира «улучшаться» < монг. сай[н], «хороший»); **эргижире** (ср. эргижи «стареть», «устареть» <эрги «старый», «старинный»), **экижире** (ср. экижи «улучшаться» < эки «хороший») .[10]

Аффикс **-сыра, -сире** представлен в каракалпакском языке: джетим «сирота», **джетим-сире** «чувствовать себя сиротливо, чувствовать или считать себя сиротой», **джетимсиреген** «сиротливый»; или в алтайском: уйку «сон», **уйку-зыра** «дремать, быть в полусонном состоянии», **уйку-зырак** «соня, сонливый», **уйку-зырат** «нагонять сон», **уйкузыраш** «дремать вместе», **аньзыра** «озвереть», **кан-зыра** «обескровиться, истечь кровью».[11]

Н.А. Баскаков дает ряд примеров с аффиксом **-ым-сы-ра (-им-си-ра, -и-сы-ра); -м-си-ре:** кюл «смеяться», **кюл-им-си-ре** «улыбаться», «делать вид, что смеешься»; джыла «плакать», **джыла-м-сы-ра** «всхлипывать, делать вид, что плачешь»; ел «умирать», **ел-им-си-ре** «проявлять слабость воли, быть еле-еле живым, делать вид, что умираешь»; джагь «годиться, нравиться», **джагь-ым-сы-ра** «угодничать, подлизываться», **джагым-сырагьан** «слащавый, угодливый, подхалимствующий».[12]

Этот весьма непродуктивный аффикс встречается в единичных примерах и в якутском языке. Правда, он, имеющий здесь форму **-сыар, -сиэр, -суор, -сүөр,** присоединяется к основам прилагательных и придает им уменьшительное значение (выражает неполноту признака): **барбах-сыар** «плоховатый, неважный», **мөлтөхсүөр** «слабоватый», **мэниксиэр** «глуповатый».[13]

Среди западных тюркских языков аффикс **-сыра (-сира)** встречается в татарском языке. В.Н. Хангилдин приводит несколько глаголов с ослабленным действием (по-татарски ‘азайту төрчәсе’), образующихся путем прибавления к основе глагола аффикса **-ымсыра, -емсерә, -мсыра, -мсерә,** который уменьшает, умаляет значение глагола, выражаемое его основой, например:

---

[10] *Там же.* – С. 268.

[11] *Н.А.Баскаков.* К вопросу о происхождении условной формы на -са(-се) в тюркских языках. – В сб.: «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому». – М., 1953. – С. 42.

[12] *Там же.*

[13] *Л.Н.Харитонов.* Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр.136-137.

көл «смеяться» – **көлемсерэ** «улыбаться, улыбнуться»; **йоклаган – йоклам-сыраган** или **йокымсыраган** «вздремнул, задремал».[14]

Что касается элемента *-м-* в приведенных выше аффиксах, то он возник в результате переразложения глагольной основы: **йокым+сыра >йокы+мсыра**. Согласно Ф.Г.Исхакову и А.А.Пальмбаху в «глагольных формах типа ***удумзура*** этимологически выделяется производная именная основа ***удум*** «спанье» и аффикс словообразования «уменьшительных» глаголов ***зура*** (ср. тат. йокым-сыра. – *М.Ф.*). Однако в современном тувинском языке основа **удум** не употребляется как самостоятельное слово. Этим вызвано морфологическое переразложение глаголов типа **удум-зура** – морфологически в них выделяется лишь первоначальная глагольная основа **уду** «спать» (ср. тат. йокы «сон». – *М.Ф.*) и «уменьшительный» глагольный аффикс **-мзура (-м-** перешло из основы в аффикс).[15]

Встречающиеся в древнетюркских текстах примеры с аффиксом **-syra (-sirä)**, а также слова, взятые нами из тувинского, алтайского, каракалпакского, якутского, татарского языков, одного и того же порядка и происхождения. Аффикс **-syra (-sirä)**, в противоположность чув. ***-săr (-sĕr)*** ~ тюрк. **-syz (-sez)** «без», обозначает уменьшенность, ослабленность, неполноту совершения действия, качества или признака. Следовательно, это не лишительный, не отрицательный аффикс «без-», а совершенно иной по своей природе. Поэтому нельзя говорить о едином происхождении сопоставляемых аффиксов. Нет оснований утверждать наличие чередования **r~z** в пределах одного и того же слова, в данном случае наличие форм **-syra (-sirä)** и **-syza (-sizä)** в памятниках древне-уйгурского языка и письма, так как это бездоказательно.

Что же касается происхождения аффикса **-syra (-sirä)**, то по этому вопросу совершенно ясно высказался Н.А. Баскаков. Приведя вариант аффикса с узким гласным **-сы (-си)**, он пишет, что «к системе форм с аффиксом **-сы (-си)** относятся также формы глагола ослабленного действия, совершающегося не в полной мере, а только в начальной его степени, или в виде подражания

---

[14] *В.Н.Хангилдин*. Татар теле грамматикасы. Казан, 1959, стр.168.

[15] *Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах*, указ. раб. – С. 267-268.

данному действию или состоянию... Формально этот вид глагола выражается сложным аффиксом **-ым-сы-ра (-им-си-ре), -м-сы-ра (-м-си-ре),** который представляет собой сложное сочетание аффикса **-ым (-им),** образующего имя от глагола, и аффикса **-сы-ра (-си-ре),** образующего новую основу глагола, выражающего только подобие совершения данного действия».[16]

Такого рода сравнения, как, например, древнетюркское **ögsirä - tynsyra** «выходить из себя, волноваться», сопоставляемое чув. тăнсăр «бессознательный» (тăн «сознание» + -сăр «без») основаны на недоразумении: во-первых, повторяется ошибка С.Е. Малова и чув. тăн толкуется в значении «сознание, сообразительность», тогда как речь идет о чув. слове *тăнăç*, уйг., алт., тел., шор., саг., койб., качин., каз., кирг., тоб., ком. карЛТ *тын* «успокаиваться, отдохнуть» (Радлов, Словарь, III, 1313) и, во-вторых, в 625-ом абзаце «Золотого блеска» в 12 и 13 предложениях нет слов ögˈ-сез, тын-сыз[17], а есть ögсірäп и тансырап, т.е. опять-таки слова с диминутивным аффиксом **-сірä || -сыра**.

Что касается чувашского лишительного аффикса ***-săr (-sĕr)***, то он, скорее всего, тождествен монгольскому **-sar, -ser** «без..., без». «Чувашская форма, как более древняя, – пишет Г.И.Рамстедт, – дает нам право предположить тождество тюркск. **-syz** и монг. **-sar**. В древнемонгольском имелись, например, такие формы, как монгНТ **ölüsümüser** «не умерший с голоду» (<ölüsü-m «голод», **kejisümüser** «не развеянный (-унесенный) ветром» (<kejisü – «унести прочь, развеять»), **uqamsar** «неожиданный» (<uqa – «уметь, понимать»), **sanamsar** «нечаянный, ненамеренный» (<sana – «думать») и т.д.».[18]

Что касается генетической соотносимости чув. ***-săr (-sĕr)*** и древне-тюркск. **-syra (-sirä)**, то последняя форма (за исключением одного слова), не получила никакого отражения и в финно-угорских языках, с которыми чувашский имеет по крайней мере тысячелетнюю взаимосвязь. В финно-угорских языках встречается

---

[16] *Н.А. Баскаков*, указ. работа.

[17] *А.С.Канюкова.* Чувашская диалектология. – Чебоксары, 1965. – С. 34.

[18] *Г.И.Рамстедт.* Введение в алтайское языкознание. – М., 1957. – С. 214-215.

лишь чувашский каритив ***-сăр*** (***-сĕр***), представленный в небольшом числе удмуртских заимствований. Укажем на некоторые из них: чув. ***ансăр***>удм. ***ангсыр*** «узкий»; тюркские формы: **ин$_1$сиз, äнсиз, енсиз «тж»;** чув. верх. ***сусăр***>удм. **сöсыр** «калека, инвалид, изувеченный»; **сöсыртон** «увечье, ранение», **сöсырмыны** «искалечиться, изувечиться, пораниться»; **сöсырмон** «увечье»; **сöсыртыны** «искалечить, изуродовать» тюркские формы: **сау, суу, саγ, сав** «здоровый» + **-сыз, -сез;** чув. ***кансĕр*** «беспокойный, трудный, тяжелый, неудобный» > удм. **каньсыраны** «разомлеть, обессилеть»; тюркские формы: Радл., II, 106 **кан** «утолять жажду, сделаться вдоволь, утолиться чем, пресыщаться чем, успокоиться, убедиться», чув. ***ирĕксĕр*** > удм. **эриксыр** (а также **эриктэм**) «насильно»; тюркские формы: **ериксиз, ирексез «тж»**.

О сфере влияния аффикса ***-săr (-sĕr)*** говорят чувашские заимствования в марийском языке, которые выступают в нем в форме **-сыр**, редко **-шыр**: чув. ***ансăр*** (ан «ширина») >мар. **аӆышыр**. марГ. **äнгысыр** «узкий»; верх. ***сусăр*** (сывă «здоровый») > мар. **сусыр** «рана»; чув. ***тӳрсĕр*** (тӳрĕ «прямой, справедливый») > марГ. **тöрсыр** «несправедливый»; ***намăссăр*** (<араб. خ ه ون)> марГ. **намыссыр** «бесстыдный»; ***йыхсăр*** (йых «род»>марГ. **йыхсыр** «без остатка, беспощадно» (напр., «весь род уничтожили»); *чăтăмсăр* > мар. **чытымсыр** «торопливый, суетливый» и мн. другие.[19]

В словаре современных горномарийского и луговомарийского диалектов нет следов отражения древнетюркского **-сыра (-сирä)**, если не считать, как полагаем, единственной реликтовой формы в горномарийском: **вуйсäрä** (вуй «голова»), которая, быть может, отражает остаток очень раннего тюркского языкового влияния.

Нам думается, что и венгерское слово **kényszer** «невольный, принужденный» является древнечувашским заимствованием ****кенсер>кансĕр***, сунд. ***каньсăр*** > мар. ***каньысыр*** || удм. ***каньсырыны*** (см. выше).

Сказанное подтверждает, что переход **z (δ)** в **r** имел место до IX века н.э. Следовательно, **r** – звучный тюркский язык, пре-

---

[19] *М.Р.Федотов.* Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. – Чебоксары, 1965. – С. 37.

емником которого является чувашский, еще до IX века, т.е. до переселения предков венгров на их современную родину, начал оказывать влияние на соседние финно-угорские языки. Подобный процесс протекал, разумеется, путем живого общения с теми слоями населения, которые шире были охвачены этно-культурно-экономическими взаимосвязями. Об этом свидетельствует по крайней мере тот факт, что одно и то же слово может быть снабжено тремя каритивными аффиксами: природным финно-угорским (мар. **-дымо-дымо**; удм. **-тэм**; коми **-том**; морд. **-томо, -втомо, -тэме, -втеме, -теме**), чувашским и татарским, например: чув. ***тӳрсӗр*** >марГ. **тӧрсыр**, но марВ. **тӧрсыз** (<тат.) и марЛ. **тӧрдым** «несправедливый, несправедливо»; чув. ***ирӗксӗр*** > удм. **эриксыр**, также **эриктэм**; мар. **элыксыр**, но марВ. **эрыксыз** (<тат.) и т.д.

Что касается татарской морфоформы **-syz, -sez**, то она сама иногда, а в данном случае в силу литературных традиций тюркского языка, оказалась неспособной стойко противостоять персидскому префиксу بی **би-: бихэбэр** (با ی خ ب ر) (=**хәбэрсез**), ср. чув. ***хыпарсӑр*** «без вести», **бихисап** (= **хисапсыз**), ср. чув. ***хисепсӗр*** «бессчетно», **бивакыт** (= **вакытсыз**), ср. чув. ***вӑхӑтсӑр*** «безвременно» и многие другие. В конечном счете борьба между природным тюркским **-сыз, -сез** и иностранным суффиксом **би-** закончилась в пользу первого, хотя **би-**, как дань подражания персидскому, часто встречался у татарских поэтов и писателей, в том числе у Г.Тукая.

В связи с рассмотрением чувашского ***-sӑr (-sӗr)*** надо отметить и тот объективный факт, что в последние годы во все языки народов Поволжья и Перми стал проникать русский суффикс **без-**. Влияние русской письменности на указанные языки огромно, но в этом случае проникновение русского **без-** и вытеснение им эквивалентных каритивных аффиксов происходит на почве непосредственных контактов с носителями русского языка. Употребление в разговорной речи таких слов, как безобразно, бестолково, бездельник, бессовестный, обеспечение, обезличка и им подобных становится вполне естественной языковой практикой, а некоторые из них даже включены в русско-национальные словари.

«Советская тюркология» №3, Баку, 1970. С. 60-66.

3.8. В.В. РАДЛОВ И Н.И. АШМАРИН О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Чувашский язык по своему словарному и звуковому составу, морфологическому строю, а также по способу сочетания слов в предложении, несомненно, является языком тюркским. Отнесение его к семье тюркских языков в настоящее время ни у кого принципиальных возражений не вызывает. Между тем, как известно, еще сравнительно совсем недавно у историков, этнографов и языковедов не было единой точки зрения на происхождение чувашского языка. Одни утверждали, что чувашский язык исконно тюркский язык, сформировавшийся в процессе многовекового развития. Другие, хотя и не опровергали того факта, что чувашский язык принадлежит к тюркским языкам, однако полагали, что он образовался не на тюркской основе. Самым видным представителем последнего направления был В.В. Радлов. Наблюдая характерный для чувашского языка переход тюркских палатальных гласных в гуттуральные, то есть узких в широкие, отсутствующий во всех других тюркских языках, он утверждал, что такой переход мог возникнуть только на нетюркской почве. Следовательно, чуваши в древности говорили на каком-то своем нетюркском языке, и тюркские слова поэтому усваивались ими как иноязычные, например: вместо тюрк. **ätik**>чув. **adă**, вместо тюрк. **äläk**>чув. **ala**.[1]

Тюркизацию чувашского языка В.В.Радлов раскрывает на чрезвычайно простой и наглядной схеме видоизменения тюркских гласных, и прежде всего звука **a**.

Тюркизация чувашского языка, по В.В. Радлову, проходила в три этапа (периода).

В первый период тюркские слова усваивались чувашским языком в искаженном виде, например: тюрк. **a**>чув. **ï: qaryn**>чув. **xirăm, tamyr**>чув. **tĭmar, ajt**>чув. **ĭjt, altyn**>чув. **ĭltăn.**

Во второй период чуваши постепенно осваивали правильное произношение тюркских слов, что можно проследить на примере заимствованных татарских слов, подвергавшихся уже меньшим искажениям: тюрк. **a** > чув. **u: qaryndaš** >чув. **xurăndaš, baš**

---

[1]См.: *W. Radloff*. Phonetik der nördlichen Türksprachen. – Leipzig, 1882. – S.89.

> чув. **pus', pos', qazan** > чув. **xuran, arba** > чув. **uraba.**[2]

В третий период тюркские звуки стали для чувашей привычными и произносились точно так же, как и самими татарами, то есть тюрк. **a** = чув. **a***: cažăq, qaškăr, qapqăn, pazar.*

Теорию В.В. Радлова относительно нетюркской основы чувашского языка первоначально разделял и Н.И. Ашмарин, полагая, что «язык чуваш имеет какое-то отношение к финским наречиям». В подтверждение своей мысли он указывает на аффикс множественного числа **sam, säm** (мар. лугов, **šamič**) и отрицательную частицу повелительного наклонения **an: an qala** 'не говори', удм. **än vera** 'не говори' от **veranï** 'говорить'.[3]

Но уже в предисловии к первой части своего труда, посвященного исследованию чувашского синтаксиса, Н.И. Ашмарин высказывает совсем иные суждения:

«Мы знаем также,– пишет он, – что в чувашском языке, который в основе представляет собою одно из тюркских наречий, есть несомненные финские элементы, которые тоже должны были сыграть известную роль в деле пересоздания языка в ту давнюю пору, когда тюркские чуваши, поселившись на берегах Волги, стали смешиваться с жившими здесь финскими племенами. Некоторые из финских элементов чувашского языка заимствованы чувашами от их соседей черемис; последнее в особенности имело место у верховых (Козьмодемьянских) чуваш. Относительно причин, обусловивших присутствие инородной примеси в чувашском языке, я держусь несколько иного мнения, нежели академик В.В. Радлов. Последний объясняет своеобразный характер этого тюркского наречия тою причиною, что чуваши, не тюрки по происхождению, мало-помалу, в несколько периодов, усвоили себе тюркский язык, видоизменив его на почве собственного,

---

[2] В своей неопубликованной работе В.В. Радлов признает, что первые два периода по времени совпадают (Alttürkische Studien, VII). Вторая его поправка касается оканья и уканья в чувашском языке. По его мнению, которое теперь почти всеми разделяется, в «северо-западном тюркском языке» имелся лабиализованный звук (**a**^{0}), который все чуваши усвоили как **о**, произносимое и до сих пор в вирьял-диалекте, впоследствии этот звук у анатри-чувашей перешел в **у** (Alttürkische Studien, VII. – S. 34-35).

[3] См.: *Н.И.Ашмарин.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, стр. XIX-XXIV.

ныне ими совершенно забытого языка: я же держусь в настоящее время другого мнения и думаю, что дело здесь обстояло иначе. Не чужеродцы исказили перенятое ими тюркское наречие, а тюрки (чуваши) утратили чистоту своего родного говора, приняв в свою среду чуждый элемент в лице финнов Поволжья. Мне кажется, что здесь произошел в более грандиозных размерах такой же процесс изменения языка, какой мне уже пришлось констатировать раньше у чуваш Козьмодемьянского уезда, живущих на границе черемисских селений и изменивших свое наречие в силу брачных связей с горными черемисами. Впрочем, чувашские слова, перешедшие в древности в мадьярский язык, доказывают ясно, что своеобразный характер чувашского наречия уже был ему присущ и в древности, раньше IX столетия нашей эры, а, кроме того, существуют некоторые положительные факты, позволяющие думать, что первоначальная родина чуваш была не на среднем течении р. Волги, в области финнов, а гораздо южнее».[4]

Собственно, этим высказыванием, пожалуй, исчерпывается кредо Н.И. Ашмарина относительно эволюции чувашского языка. В последующих своих трудах специально на этом вопросе он почти нигде не останавливается.

Нет сомнения, что точка зрения Н.И.Ашмарина хорошо была известна В.В.Радлову, который очень ценил научные работы Н.И.Ашмарина (чувашский материал в последнем неизданном сочинении В.В.Радлова, например, полностью почерпнут из «Материалов по исследованию чувашского языка» Н.И.Ашмарина). По инициативе В.В.Радлова в 1917 г. Императорской Академией наук было принято постановление об издании «Образцов чувашской народной словесности» Н.И.Ашмарина, а также решение о ходатайстве перед Министерством народного просвещения о назначении Н.И.Ашмарина преподавателем чувашского и татарского языков в Казанском университете (к сожалению, ни то, ни другое не было осуществлено).

Спустя тридцать лет, вновь обращаясь к чувашскому языку, В.В.Радлов в своем уже упоминавшемся неизданном труде писал: «Впечатление, которое у меня сложилось в результате своих

---

[4] *Н.И.Ашмарин.* Опыт исследования чувашского синтаксиса ч. I. – Казань, 1903. – С. V-VII.

исследований об отношении чувашского к тюркским языкам, я пытался в кратких чертах изложить в своей Фонетике, и сейчас я всячески подтверждаю свое прежнее мнение».[5]

Далее В.В.Радлов подробно излагает свою точку зрения: «На основе сходства булгарских слов, встречающихся на могильных камнях, с современными чувашскими словами мы с уверенностью можем сказать, что язык булгар следует считать предыдущей ступенью современного чувашского языка и что тюркизация булгар в XIV веке шагнула уже далеко вперед. Тюркизация коренного населения Волго-Камья, как показывает нам чувашский язык, протекала по-другому, нежели тюркизация якутов. В то время как монголы и лесные урянхайцы в бассейне Лены разом были наводнены большими массами ворвавшихся тюркских племен и благодаря чему за короткое время образовался смешанным язык, в котором тюркский элемент сразу выступил в доминирующей роли, в праязык чуваш, первоначально несомненно угро-финский, тюркские элементы вошли постепенно, благодаря беспрерывному соседскому общению в течение более чем тысячи лет, и со временем вытеснили собственный языковой материал».[6]

В.В.Радлов в словаре якутского языка О.Н.Бётлингка к тюркским отнес лишь одну треть слов. В чувашском словаре Паасонена слова нетюркского или сомнительного происхождения, по его мнению, составляют едва ли 25%, в то время как остальные 75%, безусловно, заимствованы из тюркских языков.

Зато якутскую морфологию В.В.Радлов считает тюркской, так как, по его мнению, она насквозь пронизана агглютинацией, прозрачна и последовательна.

Чувашские словообразовательные и словоизменительные аффиксы В.В.Радлов также считает тюркскими, хотя они и не представляют стройной картины, ибо были заимствованы в разное время из различных тюркских диалектов и зачастую при этом искажены до неузнаваемости. Одним словом, В.В.Радлов здесь фактически повторяет сказанное Н.И.Ашмариным относительно нетюркских элементов в чувашском языке: по сравнению

---

[5] Турецкие этюды (Alttürkische Stuien. VII). Старотурецкие языки и чувашский язык (2-ая редакция). Работа 1916 года (лето). – Л О Архива АН СССР. ф. 177, оп. 1. № 30. – С. 0-7.

[6] *Там же.*

с другими тюркскими языками в чувашском наблюдаются различные фонетические и морфологические изменения, многочисленные сокращения и усечения, не всегда строго соблюдается закон гармонии гласных; эти изменения может претерпевать даже корень слова; встречаются также формообразующие элементы, нетюркские по происхождению. По мнению В.В. Радлова, всё это, как уже отмечалось, свидетельствует о том, что первооснова чувашского языка нетюркская, в противном случае этот язык не отличался бы так существенно от остальных тюркских языков.[7]

Здесь нет возможности пересказать все содержание рукописи В.В. Радлова, представляющей собой целую монографию. Остановимся лишь на двух кардинально важных вопросах из области консонантизма, которым В.В. Радлов уделяет большое внимание – это **ламбдаизм и ротацизм**. Говоря о **ламбдаизме**, В.В.Радлов приводит ряд чувашских примеров, в которых конечное ***-l*** соответствует конечному ***-š*** уйгурских слов. Столь характерное для чувашского языка явление **ламбдаизма** он объясняет перенесением гипотетического северо-западного тюркского языка (Nord-West-Türkisch) на нетюркскую чувашскую почву (полагая, очевидно, что этот северо-западный тюркский диалект был родствен уйгурскому). В подтверждение своей гипотезы он ссылается на уйгурское слово ***tül*** 'сон, сновидение' (в остальных тюркских языках, в том числе и в «Кутадгу билиг», постоянно пишется ***tüš***). Но так как в уйгурском рядом с ***tül*** встречается также ***tüšä*** например, ***tül tüšä*** 'видеть сон', В.Радлов слово ***tül*** считал заимствованием, из какого-то неизвестного языка. Сопоставляя уйгурское ***tül*** с чувашским ***tĕlĕk*** (по В.В.Радлову, ***tĕlĕk*** усвоено чувашами в форме уйгурского аккузатива; в самом деле как уйгурский аккузатив, так и аккузатив орхоно-енисейских памятников имеет аффикс **-ïγ, -ig, -uγ, -üg**. – *М.Ф.*), он делает заключение, что в некоторых корневых словах конечный ***-š*** стал переходить в ***-l*** еще в эпоху сверо-западных тюркских диалектов, и в этой форме вошел в чувашский язык.[8] Между тем **tül tüšä** 'видеть сон' (ДТС. 596) не является единственным примером. В Древнетюркском словаре приводится

[7] Турецкие этюды (Alttürkische Stuien. VII). Старотурецкие языки и чувашский язык (2-ая редакция). Работа 1916 года (лето). – ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, № 30. – С. 7-9.

[8] Турецкие этюды. – С. 8.

еще одно парное словосочетание: **tol-toš** 'наполняться' (ДТС, 572), где **tol-** 'наполняться', **toš-** 'наполнять' (ДТС, 578). Естественно, возникает вопрос: имеет ли здесь место явление ламбдаизма? Этот вопрос остается открытым.

Явление **ротации** В.В.Радлов объясняет несколько иначе. Известно, что в середине и конце слова тюркские **d(δ), z, j** в чувашском языке соответствуют **r**. В.В.Радлов замечает, что эти слова перешли в чувашский язык в период, когда северо-западный тюркский диалект был **z**-языком, а переход **z** > чув. **r** совершился уже на почве чувашского языка, что подтверждает, по его мнению, например, факт превращения перс. آرینه в чув. **ärnä**, что могло произойти лишь после X столетия и только на чувашской почве.

Таким образом, по В.В.Радлову, трансформация персидских слов «на чувашской почве» («первоначально несомненно финно-угорской») совершилась после X века.

Это противоречит общепринятому в финно-угроведении мнению о том, что иранские заимствования начали проникать в финно-угорские языки очень давно, то есть, как полагают специалисты, в эпоху фннно-угорской общности. В этот период финно-угорские этнические образования были расселены где-то в Восточной Европе и являлись северными соседями иранских племен. Об этом свидетельствуют несомненные иранские заимствования в марийском, мордовском, удмуртском, коми языках, появившиеся во всяком случае намного раньше прихода булгар на Волгу, то есть до VII века.

Что касается آرینه, то это слово усвоено чувашами не через финно-угорское посредство, а наоборот, в финно-угорские языки оно пришло из чувашского: мар. **arn'a**, марГ. **ärn'ä**, удм. **arn'a**. Кроме того, это персидское слово в других тюркских языках имеет три варианта: др.-тюрк. **adïna**, башк. **aδna**, кыпч.-половецк. **ajna (kün)**, то есть они составляют звено в цепи подобных тюркских слов с чередованием **d~ δ ~ j~r**, например: др.-тюрк, **adaq ~ aδaq~ ajaq** 'нога'~ чув. **ura, ora;** др.-тюрк. **tudun~tuδun** 'титул, распорядитель' – чув. **tărän** и многие другие.

Доказательства того, что чувашская **ротация** произошла после X века, нет. Нет также серьезных возражений и против предположения о том, что **ротацизм** представляет собою наследие

алтайского языкового состояния, совпадающего по времени с финно-угорской языковой общностью.

Последующие исследования тюркских и финно-угорских языков показали необоснованность теории происхождения чувашского языка, предложенной в свое время В.В.Радловым. Разумеется, в чувашском языке имеется большое количество финно-угорских, преимущественно марийских слов (более 150). Специально занимаясь этой темой, мы не смогли обнаружить бесспорных грамматических форм, которые органически проникли бы в чувашский язык. Что же касается заимствованной лексики, то по этому поводу можно сказать следующее.

Исторически марийский и чувашский языки очень сблизились благодаря их территориальной общности и существованию многовековой традиции смешанных браков. Это сближение повлекло за собой ряд конвергентных явлений, которые в свою очередь породили дивергентные процессы (например, в горномарийском языке или сундырско-моргаушской группе говоров чувашского языка). С достаточным основанием можно утверждать, что значительная часть носителей северо-западных диалектов чувашского языка когда-то представляла собою финно-угорскую субстратную этническую основу, которая впоследствии была полностью или частично тюркизирована, но, как справедливо полагал Н.И. Ашмарин, «тюрки (чуваши) утратили чистоту своего родного говора, приняв в свою среду чуждый элемент в лице финнов Поволжья». Возможно, что при этом происходили как фонетические, так и морфологические изменения во взаимодействовавших языках. Массовый поток взаимопроникающей лексики мог, безусловно, повлиять и на структуру предложения. Возникнув в определенном месте, новый языковой фактор постепенно приобрел массовый характер и распространился в определенных географических границах.

Как же нам представляется происхождение и становление чувашского языка?

Известно, что слово *тюрк* (кит. *тукюе*, греч. τοῦρχοι) получило распространение как название народа в VI в. н.э., вместе с возникновением могущественной кочевой империи, известной под названием Великого тюркского каганата и простиравшейся

от Монголии и северных границ Китая до Черного моря. Это государство, просуществовавшее до 744 г.[9], оставило истории так называемые рунические надписи на каменных стелах (надгробиях), монетах, металлических зеркалах, бляшках, пряслицах, золотых и серебряных сосудах.[10]

Окончательная расшифровка орхоно-енисейских памятников датским ученым В.Томсеном в конце XIX века (1893) показала, что язык обелисков с некрологами можно считать пратюркским, однако следует особо отметить, что от чувашского языка он отличается такими же фонетическими и морфологическими особенностями, как и остальные современные тюркские языки. Свойственное общетюркскому и чувашскому языкам фонетическое соответствие **z ~ r, š ~ l** ни в одном из тюркских памятников, начиная с орхоно-енисейских (VII–VIII вв.) и до «Дивану луғат-ит-турк» Махмуда Кашгари (XI в.), не наблюдается. Нет этого соответствия и в других средневековых памятниках. В ту эпоху носителей тюркского языка со следами ротацизма и ламбдаизма, характерных также для монгольских языков, в Азии уже не было. По справедливому предположению ряда лингвистов и историков, в эпоху расцвета Великого тюркского каганата (VI–VIII вв.) в Европе существовало какое-то этническое объединение, говорившее на языке, близком современному чувашскому. Очевидно, под этим этническим союзом подразумевают хазар и булгар.

К указанной эпохе следует отнести первые контакты тюркоязычных пришельцев из Азии с финно-угорскими племенами. Надо думать, что к последним принадлежали предки современных венгров (угров), мари, эрзя, мокши, удмуртов, коми, так как среди имеющихся в их языке многочисленных тюркских заимствований есть такие, которые по своему фоно-морфологическому облику весьма близки к современным чувашским словам. Приведем примеры из венгерского языка.

чув. ***văgăr*** (~ монг. **üker**) >венг. **ökör**, ср. др.-тюрк. **ögüz** 'бык, вол';

---

[9] *В.В. Бартольд*. Тюрки (историко-этнографический обзор). – Сочинения, т. V. – С. 576.

[10] *А.М. Щербак*. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. – «Тюркологический сборник 1970». – М., 1970. – С.111.

чув. ***jĕgĕr*** (~ монг. **ekeri** ~ **ikeri** ~ **ikere**) >венг. **iker**, ср. др.-тюрк. **ekiz** 'близнецы, двойня';

чув. ***păru*** (~ монг. **biraγu**) >венг. **borjú**, ср. др.-тюрк. **buzaγ, buzaγu** 'теленок';

чув. ***t'ĕr kus's'i*** (~халха-монг. **тγрий** 'голенище') >венг. **ter(d)**, ср. др.-тюрк. **tiz** 'колено';

чув. ***xuran*** (~монг. **xarangγa** 'медный чан') >венг. **harang** 'колокольчик, бубен', ср. тат. **qazan** 'котел';

чув. ***s'ïr*** (монг. **jiru**) > венг. **ir**, др.-тюрк. **jaz** 'писать';

чув. **šur, šor** (~ монг. **šaruk** «marc, lie, residu»,[11] **šiger** «Sumpf»[12] > венг. **sár** 'грязь, слякоть', ср. тат. **saz**.

Таким образом, язык булгар и хазар, а также тюркские элементы в венгерском языке до времени переселения венгров за Дунай (IX в.) принадлежат более древнему, по сравнению с орхоно-енисейскими памятниками, тюркскому пласту, в котором, повторяем, подобно монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам, отразился ламбдаизм и ротацизм.

Явление **ротацизма и ламбдаизма** зафиксировано в языке булгарских эпитафий на камне, датируемых XIII–XIV столетиями. Факты эти общепризнаны, и на основании подтверждающего их пусть даже немногочисленного количества слов делается верный вывод о том, что чувашский язык представляет собой прямое продолжение булгарского языка или же тот и другой являются близкими диалектами одного, более древнего, прабулгарского языка. Приведем примеры:

булг. سكر skr>чув. sak(k) ăr ~ др.-тюрк. sekiz (ДТС, 494)[13];
булг. طدور 'طحر tχr>чув. täχ(χ)ăr~ др.-тюрк. toquz (ДТС, 578);
булг. وطر vtr>чув. vătăr~др.-тюрк. otuz (ДТС, 374);

булг. جور 'جر v зr>чув. s'ĕr ~ др.-тюрк. jüz (ДТС, 288);
булг. هير χir>чув. χĕr ~ др.-тюрк. qïz (ДТС, 449);
булг. ارنى ärni>чув. ärnä ~ др.-тюрк. adïna (ДТС,11);
булг. بل bl>чув. pilĕk ~ др.-тюрк. beš (ДТС, 96);

---

[11] Keleti Szemle XIII. – Budapest, 1912/13. – S.10.
[12] Keleti Szemle XIV. – Budapest, 1914. – S.242.
[13] Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

булг. جال зоl>чув. s'ol, s'ul ~ др.-тюрк. jaš (ДТС, 245).

По мнению некоторых исследователей, «чувашский язык восходит не к пратурецкому языку, ибо ближайший предок нынешних турецких (т.е. тюркских. – *М.Ф.*) наречий – пратурецкий язык – был **з-** и **ш-** язык, в котором уже завершился переход ***ř>-*z, *l>*š,** но к одному предку с пратурецким языком. Этот чувашско-турецкий или булгарско-турецкий праязык является гораздо более древним, чем пратурецкий язык».[14] Учитывая отличительные признаки чувашского языка, Л.Н. Гумилёв пишет, что чуваши сложились раньше, чем сами древние тюрки.[15]

Современное состояние чувашского языка свидетельствует о чрезвычайно древнем его происхождении. Очевидно, основные черты консонантизма, главным образом ротацизм и ламбдаизм, определялись в нем вне связи с древнетюркскими языками VI–XIII столетии. Приведенные нами факты дают основание рассматривать чувашский язык как особый язык алтайской семьи. Сохранившиеся в нем тунгусо-маньчжурские и монгольские черты проникли в него, быть может, еще в I–II вв. н.э.

«Советская тюркология» №5, Баку, 1971.

3.9. ПРОШЕДШЕЕ НЕОЧЕВИДНОЕ ВРЕМЯ В ЧУВАШСКОМ И МАРИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

1. В чувашском языке неочевидное время представляет собой причастие прошедшего времени с аффиксом ***-нă (-нĕ)*** в положительной форме (*кай-нă, кил-нĕ, çу-нă, сӳ-нĕ*) и аффиксом ***-н*** в отрицательной (*кай-ма-н, кил-ме-н, çу-ма-н, сӳ-ме-н*). Указанная форма во всех лицах и числах остается неизменной.

2. В марийском языке прошедшее неочевидное время образуется прибавлением к основе глагола аффиксов ***-ын [ən]*** в I спряжении и ***-ен [-ɛn]*** во II спряжении. От этой формы образу-

---

[14] *Н.Н. Поппе.* Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам. – ИРАН, 1925, №№ 9-11. – С. 426.

[15] *Л.Н. Гумилев.* Древние тюрки. – М., 1967. – С. 6.

ются формы лица и числа с помощью вспомогательного глагола *ул-аш* 'быть, являться', который при этом теряет корень-основу.

I спряжение, 'читать'

1 л. *мый луд-ын-ам (< \ улам)*	*ме луд-ын-на (< \ улына)*
2 л. *тый луд-ын-ат (< \ улат)*	*те луд-ын-да (<_\ улыда)*
3 л. *тудо луд-ын*	*нуно луд-ын-ыт (<\ улыт)*

II спряжение, 'писать'

1 л. *мый воз-ен-ам (<\ улам)*	*ме воз-ен-на (<\ улына)*
2 л. *тый воз-ен-ат (- \ улат)*	*те воз-ен-ат (< \ улыда)*
3 л. *тудо воз-ен*	*нуно воз-ен-ыт (<\ улыт)*

3. Существует ли генетическая связь между чув. ***-нӑ*** (***-нӗ***) и мар. ***-ын (-ен)***? Чтобы ответить на этот вопрос, следует остановиться на этих формах подробнее.

3.1. Марийские слова типа *луд-ын, воз-ен* представляют собой в современном языке деепричастия. Финно-угроведы, в частности марийские лингвисты, считают, что ***н***-овые деепричастия возникли из ***н*** -овых причастий, от последних развились формы неочевидного (второго прошедшего) времени. Соответствия мар. ***-ын (-ен)*** имеются во всех родственных финно-угорских языках.[1]

3.2. Между тем некоторые тюркологи своеобразие чувашского прошедшего причастия, являющегося формой неочевидного времени, склонны связывать с финно-угорской субстратной формой и, прежде всего, с марийским показателем ***-ын (-ен)***.

В.В. Радлов, будучи убежден в нетюркской основе чувашского языка, причастие прошедшего времени на ***-нӑ (-нӗ)*** считал реликтом чувашского языка дотюркской эпохи.[2] Такого же мнения придерживается М. Рясянен, который причастие претерита на ***-нӑ*** считает заимствованием из марийского языка.[3]

Б.А. Серебренников, говоря о роли взаимодействия чувашского и марийского языков в процессе формирования системы гла-

---

[1] *И.С.Галкин.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология I. – Йошкар-Ола, 1964. – С. 168-169.

[2] *W. R a d l o f f.* Alttürkische Studien VII. Die alten Türksprachen und die Sprache der Tschuwaschen, 1916 г. Хранится в Ленинградском отделении Архива АН СССР, ф. 177. оп. 1, № 30.

[3] *М. Рясянен.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. – Москва, 1955. – С.136.

гольных времен, указывает на «абсолютное тождество» второго прошедшего (неочевидного) времени, образованного в марийском языке с помощью аффикса ***-ын (-ен)***, в чувашском ***-нă (-нĕ)***.[4]

И.А. Андреев сравнивает чувашское причастие прошедшего времени на ***-нă*** (***-нĕ***) с марийским пассивным причастием на ***-мо (-мӧ, -мё, -ме, -мы)***[5], которое в зависимости от контекста может соответствовать настоящему или прошедшему времени *лудмо книга* 'читаемая или прочитанная книга'. Мы считаем, что данная марийская форма по своему внешнему облику, а также выражаемым значениям не подтверждает гипотезу о марийском происхождении чув. ***-нă*** (***-нĕ***), в чем сомневается и ее автор.

4. Мы не ответили на вопрос, почему исследователи чувашско-марийских языковых взаимовлияний ограничиваются приведением почти созвучных форм чув. ***-нă (-нĕ)*** и мар. ***-ын (-ен)***. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что они учитывают лишь официальную грамматику литературного языка, где отсутствует как раз та форма деепричастия, пренебрежение которой приводит к неверным последствиям.

4.1. Слова типа *луд-ын, воз-ен* в современном марийском языке, как уже отмечено, представляют собой деепричастия, равные по функции и значению чувашским деепричастиям на ***-са (-се)***, которые выступают в предложении в роли сказуемого самостоятельно или в сочетании с различными вспомогательными глаголами: мар. *каен тол* = чув. *кайса кил* 'сходить', мар. *налын кай* – чув. *илсе кай* 'унести, захватить с собой', мар. *ойыран нал* = чув. *уйăрса ил* 'выбрать', мар. *шотлен пытар* = чув. *шутласа пĕтер* 'сосчитать, счесть'. В приведенных аналитических конструкциях марийские деепричастия на ***-ын (-ен)*** ни при каких условиях нельзя заменить чувашскими причастиями на ***-нă (-нĕ)***, ибо это было бы абсурдом.

Такое же семантическое соответствие выдерживается между чув. ***-са (-се)*** и мар. ***-ын (-ен)***, когда в роли verbum finitum выступает самостоятельное деепричастие. Примеры: мар. *Москваште ме Москва – Волга киналым уж-ын-на* = чув. *Мускавра эпир*

---

[4] *Б.А. Серебренников.* Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. – М., 1960. – С. 263-265.

[5] *И.А. Андреев.* Причастие в чувашском языке. – Чебоксары, 1961. – С. 81.

Мускав–Атăл каналне курса 'в Москве мы видели канал Москва – Волга'; мар. *кастене ме оперный театршке кай-ен-на* (орф. *каенна*) - чув. *каçхине эпир опера театрне кайса* 'вечером мы ходили в оперный театр'; мар. *Москва мыланна пеш келш-ен*[6] = чув. *Мускав пире пит килĕшсе* 'Москва нам очень понравилась'.

Все приведенные чувашские предложения с самостоятельными сказуемыми на ***-са (-се)*** в печати не употребляются, их заменяют скорее всего причастной формой на ***-нă (-нĕ)***. Ученый же будет сравнивать чув ***-нă (-нĕ)*** с созвучным мар. ***-ын (-ен)*** с точки зрения единства их происхождения.

5. Возведение чув. ***-нă (-нĕ)*** к мар. ***-ын (-ен)*** неправомерно с точки зрения их происхождения. Мы уже отметили, что исследователи марийского языка для ***-ын (-ен)*** нашли родственные формы в других финно-угорских языках. Чув. ***-нă (-нĕ)*** в других тюркских языках точных соответствий не имеет. Это обстоятельство ведет к возникновению разного рода предположений.[7] Мы вслед за Г.И. Рамстедтом считаем, что чувашское причастие непосредственно связано с древнейшей именной формой на ***-н*** (после согласного соединительный гласный + ***н***), представляющей собой отглагольное прилагательное с более или менее выраженным префектным значением, но оно уже в древнетюркском языке было вытеснено образованием на ***-ган***, представляющим собой имя на ***-н*** от вторичной глагольной основы на ***-га***. Старое же причастие на ***-н*** ныне живет только в чувашском языке, хотя оно осложнилось кратким конечным гласным: ***пулнă*** 'бывший, ставший' (<*болун*), ***илнĕ*** 'взявший' (<*алын*), ***янă*** 'пославший' (<*ыдын*), *парнă* '***давший***' (< *бэрин*) и т.д.[8]

6. Сказанное приводит к выводу, что чувашская форма неочевидного времени может реализоваться не только причастием на ***-нă (-нĕ)***, но и деепричастием на ***-са (-се)***, которые нельзя рассматривать как заимствования из марийского языка.

Что касается деепричастия на ***-са (-се)***, то оно требует специ-

---

[6] *Я.Г.Григорьев.* Марийский язык. – Йошкар-Ола,1953. – С. 4.

[7] *И.А.Андреев,* указ. раб. – С. 80-84.

[8] *Г.И. Рамстедт.* Введение в алтайское языкознание. – Москва, 1957. – С. 91-134.

ального исследования: однако его происхождение тюркское, поскольку «это образование, еще сохранившееся в чувашском языке как продуктивное, засвидетельствовано также в др.-тюркском» в форме ***-ча: болча*** вместо ***болса, болчун*** вместо ***болсун***.[9]

---

[9] *Там же.* – С.121.

DIE ZUSTANDSVERGANGENHEIT IM TSCHUWASCHISCHEN UND MARISCHEN

Der Autor kommt zur Schlußfolgerung, daß die tschuwaschische Zustandsvergangenheit (eigentlich Hörensagenvergangenheit) nicht nur durch das Partizip auf -nə (-пə), sondern auch durch das Gerundiv auf -sa (-se) ausgedrückt wird, die keineswegs als Lehngut aus dem Marischen zu betrachten sind.

«Советское финно-угроведение» VIII, №4, Таллин, 1972.

3.10. К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЧУВАШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Проблема древнечувашской письменности находится в неразрывной связи с вопросом возникновения и развития тюркской письменности вообще.

Письменность тюрок зародилась, по всей вероятности, в середине первого тысячелетия нашей эры, так как VII век уже представлен письменными памятниками с весьма развитой лексикой, грамматикой и орфографией.

Тюркоязычные народы последние 13-14 столетий пользовались следующими важнейшими графическими системами:1) орхоно-енисейской (VI–VIII вв.), 2) уйгурской (с IX в.), 3) манихейской (с IX в.), 4) арабской (с XI в.), 5) латинской (с XIII в.), 6) русской (с XIX в.).

В нашу задачу не входит лексико-грамматический анализ письменных памятников, созданных на основе перечисленных графических систем. Однако следует отметить, что сравнение языка самых ранних орхоно-енисейских памятников Центральной

Азии с чувашским языком свидетельствует о наличии резких расхождений в важнейших особенностях систем их консонантизма. Это относится и к языку памятников уйгурской письменности.

Данный факт позволяет сделать вывод, что в VII–VIII веках, в эпоху расцвета орхоно-енисейского письма, ***r*** - и ***l*** - язычных тюрок, потомками которых являются нынешние чуваши, в Центральной Азии уже не было.

Поэтому чувашские письменные памятники следует искать не в Азии, а в Европе, на территории которой в свое время возникло несколько тюркоязычных государственных объединений: империя гуннов, хазарское и булгарское царства.

Немногочисленные реликты гуннского и хазарского языков, сохранившиеся в форме редких топонимов и собственных имен, в прочтении и толковании которых к тому же нет единого мнения, не дают отчетливого представления о древнем состоянии чувашского языка. Правда, в хронологии дунайских болгар встречаются числительные večem, tuatom, сходство и однозначность которых с современными чувашскими viz'ĕm 'третий', tăvadăm 'четвертый' являются несомненными[1]. Названию хазарской крепости š-r-kil в еврейском начертании (византийское Σαρχελ, в русских летописях *Белая Вежа*) соответствует чувашское Šorkil ~ šurkil 'белый дом'. Известно также, что крепость š-r-kil была построена по просьбе хазарского хагана при императоре Феофане (829-842).[2] Это прежде всего указывает на то, что чередование чув. ***š*** и тюрк. ***s***, представляющее собой обычное явление в современных языках, восходит к IX веку.

О чувашской письменности, первых ее памятниках можно говорить лишь в связи с распространением арабской письменности среди подавляющего большинства тюркоязычных народов, принявших ислам. В VIII веке арабский халифат включил в свой состав почти всю Среднюю Азию. Обращение тюрок в мусульманство, как известно, повлекло за собою принятие арабской графики. Надо полагать, что арабское письмо пришло к волж-

---

[1] См.: *O. Pritsak.* Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. – Wiesbaden, 1955. – S. 45, § 5.

[2] См.:*П.К.Коковцев.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л., 1932. – С.102.

ским тюркам все же из Средней Азии, хотя булгарские цари уже в X веке имели непосредственные контакты с Багдадом. Так, например, в 922 году к булгарскому царю Алмушу прибыло посольство багдадского халифа Ал-Муктадира, что засвидетельствовано секретарем посольства Ахмедом ибн-Фадланом.[3] Тот немаловажный факт, что с прибытием арабского посольства царь Алмуш, прежде язычник, меняет веру и принимает мусульманское имя Джафар, говорит о распространении ислама в X веке среди части племени суваз, главным образом знати. «Основная же масса, – пишет А.П. Ковалевский, – отказалась принять ислам и постепенно стала переходить в более отдаленные места на Запад, на правый берег Волги (территория современной Чувашии. – *М.Ф.*). Эта часть и сохранила прежнее название суваз-чуваш».[4]

Приступая к рассмотрению булгарских письменных памятников-эпитафий, не следует забывать, что речь в данном случае идет о языке привилегированной части тюрок, на что указывают прежде всего титулы и названия профессий (сборщик податей, золотых дел мастер и т.д.) покойных. Что все они были мусульманами, подтверждается их мусульманскими именами и теми кораническими формулировками на арабском языке, с которых обычно начинаются тексты мусульманских эпитафий.

Все булгаро-чувашские слова (см. табл. на стр.110) взяты нами из текстов булгарских надгробий XIII–XIV вв., приводимых в приложении к книге Г.В. Юсупова.[5] Для сравнения приводятся древнетюркские соответствия, зафиксированные в Древнетюркском словаре (далее ДТС).

---

[3] См.: *А.П. Ковалевский*. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. – Харьков, 1956.

[4] *Там же*. – С.34-35.

[5] См.: *Г.В. Юсупов*. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. – М.-Л., 1960. (далее ЮсБТЭ).

Таблица

Начертания на -булгарских эпитафиях	Соответствия	
	современные чувашские	древнетюркские
1	2	3
جال، جل (почти на всех памятниках) بالوى ك (ЮсБТЭ, табл.: 18, 19, 21, 23, 24, 25, 26, 32, 35)	s'ol, s'ul 'год (о возрасте). год (отрезок времени)'; palāk 'памятник', palgā 'знак, примета, признак';	jaš 'год (о возрасте)' (ДТС, 245), jil 'год (отрезок времени)' (ДТС, 266); belgü 'признак, примета' (ДТС, 93);
جير , هير (ЮсБТЭ, табл.: «5, 7, 13, 18, 19, 21, 23, 24, 26, 27, 32, 34, 35, 40) هير جوم (ЮсБТЭ, табл.: 5, 7, 13)	xĕr 'девушка', 'дочь'; xärxäm 'рабыня';	qiz 'девочка; девушка, незамужняя женщина' (ДТС, 449); qirqin 'невольница, наложница' (ДТС, 446);
ارنى گوان (ЮсБТЭ, табл. 14) كوان (ЮсБТЭ, табл.: 14, 16, 48) ران (ЮсБТЭ, табл.: 3, 5, 6, 30, 39, 48)	ärnä kon, ärnä kun 'пятница'; kon, kun 'день'; -ran/-rän (аффикс аблатива);	adīna (перс. آدینه) 'пятница' (ДТС, И), adīna (kün) 'в пятницу'; kün 'день', 'солнце' (ДТС, 326); dünja (араб. دنيا) 'мир, свет' (ДТС, 161) +-dan/-dän (аффикс исходного падежа; ДТС, 651) 'из мира сего';
ايج (ЮсБТЭ, табл.: 9, 13, 16, 17, 23, 25, 29, 30, 33, 47, 48) اول (ЮсБТЭ, табл.: 1, 7, 11, 13, 16, 20, 28, 29, 30,	ojx, ujäx 'месяц, луна (светило)'; ul, ïvăl 'мальчик', 'сын';	aj 'месяц, луна (светило)' (ДТС, 24-25); oγul 'ребенок, мальчик, сын' (ДТС, 364);
وچ بيال، بل جيات، جيت، جتى سكر طدور، طدر وان، ون	vis', vis's'e 'три'; pilĕk, pillĕk 'пять'; s'it'š, s'it'št'še, s'id'že 'семь'; sagär, sakkär 'восемь'; täxär, täxxäp 'девять'; von, vun; vonnä, vunnä 'десять';	üš (ДТС, 621); beš (ДТС, 96); jeti (ДТС, 259); sekiz, sekkiz (ДТС, 494); toquz (ДТС, 578); on (ДТС, 367);
جيرم، جرم، ججرم وطر خرخ خرج ال و، ال سكر وان	s'irĕm 'двадцать'; vädär 'тридцать'; xĕrĕx 'сорок'; allä 'пятьдесят'; sagär von, sager vun 'восемьдесят';	jegirmi (ДТС, 253); otuz (ДТС, 374); qirq (ДТС, 446); elig (ДТС, 170); sekiz on (ДТС, 494, 367);
طدر وان، طدر ون جور، جر ال ط جور جيات جور، جيت جور جيج جور (ЮсБТЭ, 71—72) وجم (< وج) توائم (< توائت)	täxär von, täxär vun 'девяносто'; s'ĕr 'сто'; olt s'ĕr, ult s'ĕr 'шестьсот'; s'it'š s'ĕr 'семьсот';	toquz on (ДТС, 578); jüz (ДТС, 288); altï jüz (ДТС, 39, 288); jeti jüz (ДТС, 259, 288);
بيالم (< بيال) جياتم (< جياتت) سكرم (< سكر) طدرم (< طدر) وانم (< وان) (ЮсБТЭ, 73)	viz'ĕm (<vis') 'третий'; t ä v a d ä m (<tä vat) 'четвертый'; pillĕk-m-ĕš 'пятый'; s'it'st'se-m-ĕš 'седьмой'; sakkär-m-ĕš 'восьмой'; täxxär-m-ĕš 'девятый' vonna-m-ĕš, vunnä-m-ĕš 'десятый'.	üčünč (<üč) (ДТС, 622); törtinč (<tört) (ДТС, 581); bečinč (<beš) (ДТС, 97); jetinč (<jeti) (ДТС, 259); sekizinč(<sekiz)(ДТС, 494); toquzïnč (<toquz) (ДТС, 578 onunč (<on) (ДТС, 367)

Анализ приведенных в таблице слов обнаруживает следующие языковые закономерности:

1. Наличие протезы ***v-*** в булгарском и чувашском языках перед древнетюркскими лабиальными гласными ***ü, o:*** булг. وچ 'три' = чув. vis' ~др.-тюрк, ***üč***; булг. ون , وان 'десять' = чув. von, vun~ др.-тюрк. on; булг. وطر 'тридцать' = чув. vădăr ~ др.-тюрк. otuz. Можно не соглашаться с прочтением буквы **вав (و)** как чувашской протезы ***v-*** в первых двух примерах, однако, если в последнем примере ***вав*** читать как ***o*** или ***u***, то получится глагол otur- или utyr- 'сидеть' вместо числительного otuz 'тридцать', что следует из контекста. Подобный подход приводит к необходимости совершенно излишних «исправлений» и «уточнений».[6]

В тюркских языках, помимо чувашского, протеза ***v-*** имеет место лишь в джушском говоре узбекского языка: von 'десять', vüčin 'для, из-за' и т.д., а также – в виде исключения – в азербайджанском и турецком языках: vur- 'бить'.[7]

2. В булгарском и чувашском языках порядковые числительные образуются с помощью аффикса ***-m***, наличествующего также в хронологии дунайских болгар (см. выше), в то время как в древнетюркском и в современных тюркских языках порядковые числительные имеют аффикс **-nč:** وچم = чув.viz'ĕm – др.-тюрк. üčünč 'третий', توا تم = чув.tăvadăm –др.-тюрк. törtinč и др. Современный аффикс чувашских порядковых числительных ***-măš/-mĕš*** есть результат наращения ***m+ăš (-ĕš),*** причем ***-ăš/-ĕš*** встречается в булгарских надписях: اكش 'второй', ا لطش 'шестой', چيباتش 'седьмой', ср. чув. ***s'ĕr pĕrĕš*** 'сто первый'[8], ujăx s'id'žĕžĕ ~ 'седьмой день луны' (АшмСл III, 189), ujăx tăxxărĕš 'девятый день луны' (АшмСл III, 190) и др.

3. Наблюдаемое в булгарских эпитафиях употребление количественных числительных в функции порядковых свойственно некоторым говорам чувашского языка. Н.И. Ашмарин отмечал, что в курмышском говоре окончания порядковых числительных

---

[6] См., например: *Г.В. Юсупов*, указ. раб. – С.74-75.

[7] *А.М. Щербак.* Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л., 1970. – С.179.

[8] *Н.И. Ашмарин.* Словарь чувашского языка. вып. I-XVII. – Казань-Чебоксары. 1928–1950. (далее –АшмСл), вып. X. – С. 2.

на *-měš* не существует; здесь пользуются количественными именами جبات جور جرم سكر جال (ЮсБТЭ, 73)= чув. s′it′š s′ĕr s′irĕm sagăr s′ol ‘семьсот двадцать восьмой год’, جبات جور جبرم جال (ЮсБТЭ, 73)=чув. s′it′š s′ĕr s′irĕm s′ol ‘семьсот двадцатый год’.

4. Как в булгарских памятниках, так и в современном чувашском языке, вместо древнетюркского велярного ***q*** во всех позициях стоит спирант ***x***: булг. هبر = чув. xĕr ~ др.-тюрк, qïz ‘девушка’; булг. هبر حوم = чув. xărxăm ~ др.-тюрк. qïrqïn ‘невольница, наложница’; булг. طحور , طحر = чув. tăxăr, tăxxăr ~ др.-тюрк. toquz ‘девять’; булг. خرح , خرخ = чув. xĕrĕx~ др.-тюрк. qïrq ‘сорок’.

5. Нередко чувашские слова имеют форму аккузатива орхоно-енисейских памятников, тогда как их соответствия в других тюркских языках лишены аффикса ***-q, -k***: чув. tăläx ~ др.-тюрк, tul ‘вдова’; tĕlĕk ~ др.-тюрк, tül ‘сон’; чув. kămrăk ~ др.-тюрк, kömür ‘уголь’ и другие. Эта особенность чувашского языка проявляется и в булгарском языке: اي ح = чув. ojx, ujăx ~ др.-тюрк. aj ‘луна, месяц’.

6. Интервокальный древнетюркский -γ- в чувашском языке имеет тенденцию перехода в ***-v-***: др.-тюрк. aγar, aγïr~ чув. jïvăr ‘тяжелый’, ‘весомый’; др.-тюрк. aγaz, aγïz~чув. s′ăvar ‘рот’; др.-тюрк. baγïr ~ чув. pĕvăr ‘печень’ и др. Данная особенность отразилась в булгарском и чувашском словах со значением «сын»: булг. اول = чув. ul, ïvăl ~ др.-тюрк. oγul. В самых ранних татарских памятниках зафиксировано слово oγul, например: اوعلى موس ‘сын Мусы’ (ЮсБТЭ, табл. 15, дата смерти – 1317 г.).

7. Чувашский палатальный звук ***s′*** в булгарских памятниках передан через ج , единственный согласный, наиболее близкий чувашскому ***s′***: جال - = чув. s′ol, s′ul ‘год’; وج = чув. vis’, vis′s′ĕ ‘три’; جبات (= чув. s′it′š ‘семь’. В пользу того, что чув. ***s′*** еще в эпоху булгарских памятников имел современную звуковую характеристику, говорят венгерские заимствования из древнечувашского языка: чув. s′il >венг. szel ~ др.-тюрк. jel ‘ветер’ (ДТС, 254); чув. s′ĕrĕ> венг. szürü ~ др.-тюрк. jüzük ‘кольцо, перстень’ (ДТС, 288) и др.

8. Одной из важнейших особенностей консонантизма булгарского и чувашского языков является наличие звука ***r*** там, где

в древнетюркском, так же как и в современных тюркских языках, выступает **z, d (δ)**: булг. هبر =чув. хĕр~др.-тюрк. qïz ‘девочка, девушка; незамужняя женщина’; سکر = чув. sagr, sakkăr ~ др.-тюрк. sekiz, sekkiz ‘восемь’; طوحر , طحر = чув. tăxr, tăxxăr ~ др.-тюрк. toquz ‘девять’; وطر =чув. vădăr ~ др.-тюрк. otuz ‘тридцать’; حرخ , حرح = чув. хĕрĕх ~ др.-тюрк. qïrq ‘сорок’; جر ،جور = чув. s'ĕr ~ др.-тюрк. jüz ‘сто’; آرنی = чув. ~ ärnä, arn'a ~ др.-тюрк. adïna ‘пятница’.

Нет никакого сомнения, что булгарский формант ران (ЮсБТЭ, табл. 3, 5, б, 30, 39, 48) и чувашский аффикс аблатива ***-ran*** имеют одно и то же происхождение; в древнетюркском же соответствующую функцию выполняет показатель ***-dan:*** (دنیا ران = чув. tĕnd'ża-rän ~ др.- тюрк.dünja-dan ‘из мира сего’.

9. Отличительной особенностью булгарского и чувашского языков является и так называемый **ламбдаизм**, тогда как в древнетюркских словах булгаро-чувашскому ***l*** соответствует **š**: булг. پل ، پلال = чув. pilĕk, pillĕk (в форме орхоно-енисейского аккузатива) ~ др.-тюрк. beš ‘пять*; جال = чув. s'ol, s'ul ~ др.-тюрк. jaš ‘год (о возрасте)’.

Что касается булгарских гласных звуков, обозначенных немногими буквами арабского алфавита, то следует отметить часто возникающие разногласия при интерпретации буквы *алиф*. Н.Ф. Катанов писал, «что диалект надписей есть окающий, а не укающий (*çол* - год, *кон* - день, *вон* - 10, *ойх* - месяц, *олтта* - 6, *тохр* - 9, *вотор* - 30), т.е. тот самый диалект, которым говорят ныне коренные чуваши уездов: Курмышского, Козьмодемьянского, Ядринского, Чебоксарского и Цивильского».[9]

Мы склонны думать, что Н.Ф. Катанов был прав, ибо в персидском и некоторых тюркских языках в тех словах, в которых ***алиф*** находится в той же позиции, что и в словах булгарских памятников, его передача исключительно звуком ***а*** вовсе не обязательна: перс. دادم dodæm ‘я дал’,[10] مادر modær ‘мать’ (ПолВЯ, 56), узб. ي ز joz ‘лето’ (ПолВЯ, 34), узб. تاغ toγ, туркм.

---

[9] *Н.Ф. Катанов.* Чувашские слова в булгарских и татарских памятниках. – Казань, 1920. – С.13.

[10] См.: *Е.Д. Поливанов.* Введение в языкознание для востоковедных вузов. – Л., 1928 (далее – ПолВЯ). – С.17.

داغ daɣ, казах. تاف taw 'гора' (ПолВЯ, 32) и т.д. Сочетание буквы *вав* с *алифом* (وا) в инлауте, судя по персидским примерам, также следует передавать звуком *о*, например: булг. كوان = чув. kon 'день', ср. перс. خواستم xɔstæm 'я хотел', خواندم xɔndæm 'я прочитал' и т.д. (ПолВЯ, 17). Таким образом, слова جال، وان، كوان и другие следует читать s'ol, von, kon.

К сказанному следует добавить еще один пример, непосредственно связанный с существованием древней письменности у чувашей. Речь идет о глаголах со значениями «писать» и «читать». Дело в том, что чув. **s' ïr** (~ общетюрк. jaz-) 'писать' встречается в ряде финно-угорских языков: мар. луг. ser(aš), мар. горн. sir (aš) 'писать', морд. ser(ma) 'письмо', венг. **ir(ni)** 'писать'. Можно думать, что марийская и мордовская формы представляют собой относительно недавнее заимствование из чувашского языка; однако венгры никак не могли заимствовать слово **ir** в последние два-три столетия, так как контакты между **r**-язычными тюрками и предками современных венгров окончательно оборвались в IX веке, после того как венгры обосновались за Дунаем. Утверждение же З.Гомбоца о чувашском происхождении венгерского глагола **ir** 'писать'[11] пока никем не опровергнуто.

В современном чувашском языке значение «читать» передается глаголом vula. По «Этимологическому словарю чувашского языка» этот глагол образовался от ula 'выть, голосить' с помощью протезы *v*.[12] По нашему мнению, чув. vula можно возвести к др.-тюрк. ula - 'связывать, присоединять' (ДТС, 608), поскольку процесс чтения включает не только произношение, но и собирание, соединение начертанных знаков в одно целое – слово (ср. семантическое тождество: нем. **lesen** 'читать' в общегерманском обозначает «собрать разбросанное вместе»[13]). Отсюда можно заключить, что современные понятия «писать», «читать» имелись еще в древнечувашском языке.

---

[11] *Z. Gombocz.* Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache. – Helsinki, 1912. – S. 18, 88, 144, 178, 180.

[12] *В.Г. Егоров.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1964. – С.56-57.

[13] *H. Paul.* Deutsches Wörterbuch. – Halle (Saale), 1960. – S. 373.

Таким образом, надписи булгарских каменных надгробий XIII–XIV веков донесли до наших дней фонетические особенности чувашского языка, что было бы невозможно без существования древнечувашской письменности на базе арабской графики.

«Советская тюркология» № 5, Баку, 1972.

* * *

Михаил Романович после опубликовании этой статьи на титульном листе журнала добавляет: «Н.И. Ильминский - يا - предлагал читать как «единичный звук, средний между **/и/** и **/а/**» (Н.И. Ильминский. О фонетических отличиях между чувашским и тюркским языками. ИИАО, СПб., 1863, т.5, вып.2, стр. 82).

Ф. Хакимзянов в связи с этим пишет, что «чтение булгарских слов, где в середине имеется сочетание **j + алиф**, следует внести некоторые коррективы. Это – جيات 'семь', بيلم 'пятый', جارم 'двадцать' (Ф. Хакимзянов. Двуязычный булгарский памятник. – СТ № 2, 1978, стр. 64)», на чувашском языке читается: çичĕ, пилём, çирём.

3.11. О МАРИЙСКОМ ЭТНОНИМЕ сувас ~ суас

С тех пор как А.П. Ковалевский ввел в научный оборот этноним суваз-чуваш[1], среди историков, языковедов и этнографов идет острая полемика. Одни поддерживают, другие, наоборот, начисто отрицают его положение. Резко отрицательно отнеслись к точке зрения А.П. Ковалевского и его последователей историки Р.Г. Фахрутдинов и Г.В. Юсупов.

«Племя «суваз», – пишет, например, Р.Г. Фахрутдинов, – явная выдумка, рожденная потребностью найти предков чуваш... Натяжки некоторых чувашских исследователей (В.Д. Димитриев, В.Ф. Каховский и др.) пытающихся доказать трансформацию «сван» – «суваз» – «чуваш», основаны на простой лингвистической эквилибристике... По этому нет смысла ни в настоящем, ни

[1] *А.П. Ковалевский.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. – Харьков, 1956. – С.34-35.

в прошлом чувашском языке искать «сувазов» и превращать их в чуваши... В толковании истории вот этих вымышленных «булгаро-сувазов» отдельные авторы доходят до вымыслов».[2]

Познакомившись с этим приговором, читатель 70-х годов просто скажет, что есть смысл разобраться в термине-этнониме *суваз(с),* но без раздраженного тона.

Известный советский арабист и научный комментатор книги ибн-Фадлана, ныне покойный профессор Харьковского университета А.П. Ковалевский предлагает слово سوان – *суван* читать как *суваз*, считая, что в старой арабской графике, а именно в копии сочинения ибн-Фадлана, хранящегося в библиотеке при мечети Имама Ризы в Мешхеде в Иране, «в конце слов буква **[нун]** часто заменяет собою **[зейн]** и наоборот», так как «изгиб буквы **[н]** несколько более развернут и точка стоит над правым его краем, так что эта буква по своей форме приближается к **[з]**».[3]

Может ли такое рассуждение арабиста послужить отправной точкой для дополнительных научных разысканий? Вполне, но Р.Г.Фахрутдинов в этом месте почему-то желает «оставить открытой лингвистическую сторону вопроса» (С.196). Если историк В.Ф.Каховский допускает возможность существования этнонима в форме *суваш* или *чуваш* еще в булгарское время, то это, по Фахрутдинову, «не выдерживает никакой критики» (С.198). Я здесь меньше всего думаю о надежности огульного опровержения, так как слово-этноним *суваш* существует в словаре В.В.Радлова: «кірäк Суваш, кірäк Чірміш, кірäк Ар, кірäк ніді булсын барысыда Алланың мäндäлäрі ікäн «Будь это Чуваши, Черемисы, Вотяки или другие какие-либо народы, все они рабы Божіи» (Опыт словаря тюркских наречий II, Санкт-Петербург. 1893, стлб.1354). Башкирская форма звучит также *сыуаш* 'чуваш'.

На лингвистических доказательствах звуковой трансформации *сувас > чăваш* остановимся ниже, до этого познакомимся

---

[2] *Р.Г. Фахрутдинов.* О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР. – Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С.197-198.

[3] *А.П. Ковалевский.* Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института, вып. IX, – Чебоксары, 1954. – С.12, 14; Приложение форм изображения конечных «нун» и «зайн» в VII-VIII вв. – С.63.

с точкой зрения Г.В.Юсупова: «Вполне возможно, что древние марийцы, живя на правом берегу Камы, или, быть может, древнейшие тюрки края, поселившиеся задолго до булгар на правом берегу Камы..., назвали булгар термином «суас», т.е. зареченцами по их расположению на другой стороне Камы... Так, до 30-х годов казанцы все слободы за Казанкой называли «Заречье», возможно, что это шло издавна и русское «Заречье» могло быть калькой татарского или даже булгарского «йувач-жуас» ... По отношению к течению Волги чуваши делятся на верховые и низовые, а марийцы по отношению к сторонам Волги – на горные и луговые. Последние называют чуваш «суасла мари», т.е. «зареченские мари»... Это значит, что до отюречения языка предки чуваш были финнами, вероятно близкими мари, но отличались от луговых мари своим географическим, заречным, расположением. Не назвали бы их – чуваш и термином «горная черемиса», если бы они некогда в какой-то мере не были марийцами».[4]

Тут уже нет огульного опровержения существования самого этнонима *сувас*, делается лишь попытка доказать происхождение этого этнонима из объективных реалий – языковых и исторических.

Прежде всего относительно тат. *юач, юась, йувач, жуас*. Нет сомнения, что они представляют собою фонетические варианты др.-тюрк. *juγač* 'противоположный берег, заречье' (Древнетюркский словарь.Москва,1968.С.277). Слово это состоит из *ju-* 'мыть, стирать' (~ чув. *çу-*) + аффикс *-γač*, образующий по преимуществу существительные со значением инструмента: *qïsqač* (< *qïs-* ~ чув. *хĕс-* 'сжимать') 'клещи' (~ чув. *хĕс-кĕч*), *ačqač* (< *ač-* ~ чув. *оç~ уç-* 'открывать') 'ключ' (~ чув. *уçкăч*) и др. Еще раз подчеркнем, что приведенные выше татарские слова восходят к древнетюрк. *juγač*.

Вот что еще очень важно при разрешении данного вопроса. Начальный тюрк. j в марийских заимствованиях остается без изменения. М.Рясянен, монографически описавший татарские заимствования в марийском языке, пришел к выводу, что «татар-

---

[4] *Г.В Юсупов.* Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар. – Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С.220-221.

ский начальный *š* в диалектах чередуется со звуком *j* и восходит к *j*, который в черемисском языке сохраняется вообще как *j* и лишь в диалектах, находящихся под сильным влиянием татарского языка, выступает как *d*».[5]

Поэтому утверждение Г.В. Юсупова о том, что «жуас» в марийском произношении передается как «суас» (С. 220), фонетически не подтверждается.

В то же время тюркский начальный *j* в чувашских словах, наиболее древних, соответствует палатальному *ç (-ś)*: др.-тюрк. *jaš* 'год (о возрасте)', тат. *jaš*, но чув. *śol* ~ *śul*; др.-тюрк. *jaz-* 'писать', тат. *jaz*, но чув. *śir* и т.д.[6] Вот этот начальный палатальный *ś* в составе чувашских заимствований в марийском языке систематически передается непалатальным *s* (в отдельных диалектах и палатальным *ś*): чув. *śilăχ* >-мар. *sulǽk*, но тат. *jazăk* > мар. *jazǽk* 'грех' (два заимствования из двух источников), чув. *śort* ~ *śurt* > мар. *surt*, но тат. *jort* 'дом', чув. *śoχa* ~ *śuχa* > мар. s*oγa*, но тат. *jaka* 'ворот, воротник' и т.д.[7]

Уточним еще одно обстоятельство. Конечный др.-тюрк. *č* в чувашском языке соответствует также палатальному *ś*: др.-тюрк. *ač-* 'открывать, отворять', тат. *ač*, чув. *oś* ~ *uś*; др.-тюрк. *sač* 'волосы', тат. *čač*, чув. *śüś* и т.д.[8]

Исходя из того, что тюркский начальный *j* и конечный *č* в чувашском соответствуют палатальному *ś*, а последний в марийском – непалатальному *s*, можно вывести последовательность соответствий: др.-тюрк. *juγač*, тат. *juač* ~ *ǯuas*, чув. **śāś* ~ **śuaś* ~ **śuvaś*, мар. *suas* ~ *suβas*.

Первоначальная форма * *śāś* или * *śuvaś* впоследствии приняла форму *tsăvaś* 'чуваш'[9], и этому нет никаких фонетических препятствий.

---

[5] *M. Räsänen.* Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen. – Helsinki, 1923 (MSFOu L), – S. 11.

[6] *М.Р. Федотов.* История чувашского языка I. Звуки. – Чебоксары, 1971. – С. 66-69.

[7] *М.Р. Федотов.* Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми I. Чувашско-марийские связи. – Чебоксары, 1965. – С.115-124.

[8] *М.Р. Федотов.* История чувашского языка, I. Звуки. – С. 64.

[9] *Н.И. Ашмарин.* Болгары и чуваши. – Казань, 1902. – С.116.

Что касается доэтнического значения марийского слова *suas* или *suβas*, то можно допустить, что оно могло обозначать одно из булгарских племен, жившее в Закамье, так как др.-тюрк. *juyač* в самом деле обозначает 'заречье'.

Волжские финно-угры – предки современных мари – граничили с *сувасами* или находились под их влиянием с самого появления последних на Волге. Что касается сувас в значении 'татарин', то здесь нет ничего противоречивого.

Со времени вторжения татаро-монгольских завоевателей в Восточную Европу (1224 г.) и до полного разрушения Булат-Тимуром (Тимур-Кутлуй в русских летописях) города Булгар и Булгарии в целом (1361 г.) прошло 137 лет. За это продолжительное время угнетения и насилия булгар охватили значительные миграционные потоки. Одна часть булгар ушла в северные районы, другая сувасы – вынуждена была уступить территорию левобережья Волги более сильным завоевателям Золотой орды – кыпчакам – и переселиться на правый берег, заняв свободные земли или потеснив частично финно-угорские племена на территории между Свиягой и Сурой (притоки Волги). Таким образом, предки современных марийцев, в булгарское время называвшие соседей *сувас* (>чув. *tšăvaš*), и после отатаривания *сувас-чуваш* продолжали именовать их по-прежнему. Подобных «незаконностей» можно найти немало. Например, французский язык – совсем не язык франков, а галлороманцев, болгарский язык – язык не дунайских болгар, а славян.

Теперь об этнониме *суасламари ~ суасламары*, который Г.В.Юсупов называет «зареченские мари» (С. 220). Надо помнить, что слова *суасламари* 'чуваш', *суасламари вăты* 'чувашка' бытуют лишь в языке горных мари, живущих со своими соседями – чувашами, не разделяемые какими-либо значительными реками и водами. МарГ *суасламары* досл. 'человек на суваcский лад', т.е. 'человек на татарский лад'. Луговые мари в пограничных с татарами районах называют последних *суас* 'татарин'. Луговые же мари, живущие по левобережью Волги, своих соседей чуваш с правого берега Волги называют *курк мари* 'горный человек'.

Обратим внимание на этноним *курк мари*, состоящий из двух самостоятельных слов, которые образуют термин-этноним пу-

тем простого словосложения: *курк* 'гора' + *мари* 'человек, муж, мужчина'. В то же время этнонимы *суасла мари* > *сасламар* 'чуваш', *марламари* > *марла-мар* 'человек на марийский лад', т.е. 'человек чувашского происхождения, ставший горномарийцем', образованы иначе, т.е. первый компонент снабжен суффиксом *-ла*, соответствующим по своей семантической нагрузке тат. *-ча, -дай (-дәй), -лай (-ләй):* чув. *vĭrăs-la*, мар. *ruš-la*[10], но тат. *urăs-ča* 'по-русски' и т.д.

Итак, на основании совокупности приведенных предпосылок мы можем говорить об исторической преемственности мар. *сувас (suvas)* и чув. *чăваш (tšăvaš).*

---

[10] *М.Р. Федотов.* К вопросу о генезисе марийского аффикса -la. – СФУ IV. – 1968. – С. 253-255.

M. R. FEDOTOV (Ceboksary)

OBER DAS MARISCHE ETHNONYM suvas ~ suas

Das angeführte Beweismaterial bekräftigt die Annahme, daß das heutige tschuwaschische Ethnonym *tšăvaš* (<**šăš~*šăvaš* mit dem marischen *suas* bzw. *suvas* 'der Tatar' übereinstimmt und das letztere in derselben Form im Reisebericht der arabischen Abordnung nach Wolgabulgarien im 10. Jh. vorkommt.

«Советское финно-угроведение» № 2, Таллин, 1974.

3.12. О НЕКОТОРЫХ ОГУЗСКИХ ЧЕРТАХ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

1. Благодаря установлению новых фактов ареального или генеалогического характера классификационные схемы тюркских языков медленно, но последовательно уточняются и пополняются.

2. *Огузы* (или *гузы, узы*) в VI–XI веках н.э. создали кочевую империю, территория которой простиралась от Китая до Черного моря. Существует мнение, что памятники орхонской письменности VI–VIII веков отражают древнейший период развития огузского языка. Этот тезис в известной мере спорный, ибо подобного

рода предположения высказываются и относительно уйгуров, тем не менее после дешифровки орхонских памятников в честь Кюль-Тегина и Тоньюкука [в которых по нескольку раз встречаются выражения *токуз огуз* 'девять (племенных объединений) огузов', *огуз бодун* 'огузский народ' или просто *огуз* в разных падежных формах[1]] стало ясно, что огузы в тот период были самым многочисленным народом тюркского каганата.

В.В.Бартольд, разделяя взгляды В.В.Радлова, писал, что «турки VI–VIII вв. принадлежали к народу огуз» и что «орхонские тюрки и огузы один и тот же народ».[2] Этому утверждению не противоречат и известные исторические события, происходившие в тот период в Монголии, поскольку «огузы, к которым относятся орхонские надписи, были скоро вытеснены уйгурами, а уйгуры, в свою очередь, были вытеснены другим народом тюркского происхождения, пришедшим с верховья Енисея, – киргизами. Это произошло в 840 г.».[3]

3. Перемещаясь из Центральной Азии на запад в VIII–XI веках, огузы распались на три части. Одна часть (будущие туркмены) осела по нижнему течению Сырдарьи, то есть в Приаралье. Другая часть – сельджукиды, пройдя через Закавказье и частично осев там, закрепились в Малой Азии, а впоследствии завоевала «все страны от Китайского Туркестана до границ Египта и Византийской империи».[4] Третья часть, перейдя реки Урал и Волгу, вторглась в Восточную Европу и впоследствии смешалась с древними кыпчаками и другими народами. Конечным результатом этно-лингвистической децентрализации огузской общности явилось, как известно, образование современных тюркских языков: турецкого, азербайджанского, туркменского и гагаузского. Языки огузской группы получили подробное освещение в литературе,[5] поэтому, не останавливаясь на их характеристике, обратимся к теме нашего сообщения.

---

[1] *С.Е.Малов.* Памятники. древнетюркской письменности. – М.-Л., 1951. – С.27, 61, 64.

[2] *В. Бартольд.* Сочинения, т. V. – М., 1968. – С. 39-40, 428.

[3] *Там же.* – С. 432.

[4] *Там же.* – С. 525.

[5] См.: *Н.А. Баскаков.* Введение в изучение тюркских языков. – М., 1969. – С. 242-244.

4. Чувашский язык характеризуется рядом особенностей, происхождение которых нельзя объяснить ни субстратным финно-угорским наследием, ни влиянием татарского языка, носителя основных черт кыпчакской языковой общности.

В настоящем небольшом сообщении мы остановимся на тех чертах чувашского языка, которые сближают его с языками огузской группы.

Долженствовательное наклонение глагола. 1) Долженствовательное наклонение глагола имеется во всех тюркских языках, но выражаемые им понятия долженствования, необходимости, надобности в разных языках реализуются различно. Так, например, в языках огузской общности (турецком, азербайджанском, туркменском, гагаузском) долженствовательное наклонение образуется прибавлением к основе глагола аффикса **-maly/-meli**. К огузской группе языков в этом отношении примыкает и чувашский, в котором долженствовательное наклонение образуется с помощью аффикса ***-малла/-мелле/.***

2) В огузских языках глагол долженствовательного наклонения в настоящем-будущем времени имеет два типа спряжения.

В турецком и азербайджанском языках к аффиксу ***-maly/-meli*** прибавляются аффиксы лица и числа:

Турецкий язык	Азербайджанский язык
1-е лицо – *yaz-mali-y-im*	*јаз-малы-ј-ам*
2-е лицо – *yaz-mali-sin*	*јаз-малы-сан*
3-е лицо – *yaz-mali*	*јаз-малы-дыр*
1-е лицо – *yaz-mali-y-iz*	*јаз-малы-ј-ыг*
2-е лицо – *yaz-mali-sinir*	*јаз-малы-сыныз*
3-е лицо – *yaz-mali-lar*	*јаз-малы-дырлар*

3) В туркменском и гагаузском языках долженствовательная форма не принимает личных окончаний, их заменяют личные местоимения. Точно так же спрягается долженствовательная форма чувашского глагола:

лицо	Туркменский язык	Гагаузский язык	Чувашский язык
1-е	– *мен*	*бан*	*ман(ăн)*
2-е	– *сен*	*сан*	*сан(ăн)*

3-е	– *ол*	• *яз-малы*	*о*	*йаз-малы*	*ун(ăн)*	*çыр-малла*
1-е	– *биз*		*биз*		*пирĕн*	
2-е	– *сиз*		*сиз*		*сирĕн*	
3-е	– *олар*		*оннар*		*вĕсен*	

4) Долженствование или необходимость, отнесенные к прошлому вообще, передаются с помощью глагола *и- (<эр-)* 'быть', который при спряжении может выступить либо как самостоятельное слово, либо как простой аффикс сказуемости. В чувашском от вспомогательного глагола остался лишь его аффикс прошедшего времени ***-чĕ*** (***т'ĕ***), соответствующий тюркскому **-di.** Например: тур. *yaz-mali-y-di* или *yaz-mali-idi*, азерб. *јаз-малы-иди*, ср. чув. *çыр-малла-ччĕ* 'надо (нужно) было писать'.

5) Отрицательная форма долженствовательного наклонения в огузских языках образуется двояким образом. В одном случае отрицание выражается аффиксом ***-ма(-ме)***: тур. *yaz-ma-mali*, азерб. *јаз-ма-малы*, гаг. *йаз-ма-малы* 'не должно (нужно) писать'; в другом случае – посредством постпозитивного слова *дəл* или *дејил* 'нет', 'не', на месте которого в чувашском языке стоит *мар (<ə-мəс)* 'нет', 'не': туркм. *яз-малы дəл*, азерб. *јаз-малы дејил*, чув. *çыр-малла мар* 'не должно (нужно) писать'.

6) Кроме того, в туркменском языке отрицательная форма рассматриваемого наклонения выражается аффиксом ***-сыз (-сиз)***, являющимся антонимичной формой аффикса ***-лы (-ли)***: туркм. *яз-ма-лы* 'должно (необходимо) писать', но *яз-ма-сыз* 'не должно (нужно) писать'. Предположения А.Казембека, Ж.Дени [6] о том, что аффикс долженствовательного наклонения состоит из **-ma-** + **-li-** (где **-ma** аффикс от глагольного имени, **-li-** – словообразовательный аффикс), подтверждается фактами чувашского языка, в котором этот аффикс образуется от глагольного существительного на ***-ма (-ме)*** и аффикса ***-ла (-ле)***, на что было указано еще Н.И. Ашмариным.[7]

7) Долженствовательное наклонение одновременно содержит оттенок предположения. Это особенно проявляется в глаголе

---

[6] См.: *А.И. Кононов.* Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.-Л., 1956, § 496. – С.244.

[7] *Н.И. Ашмарин.* Материалы для исследования чувашского языка, ч. 1-2. – Казань, 1898, § 73. – С. 311.

«быть», который перешел в разряд модального слова. Точно так же чувашский глагол ***пулмалла*** вовлекается в сферу выражения модальности высказывания: гаг. *ол-малы ölежäм* 'должно быть, умру'[8] = чув. *вилетĕп пулмалла* id.

8) Некоторые грамматики глагольные формы на ***-maly (-meli)*** включают в разряд причастий. Причастия с этим аффиксом обозначают признак действия, которое должно быть выполнено: азерб. *кӧр-мәли тамаша* = чув. *кур-малли тамаша* 'спектакль, который стоит смотреть', азерб. *ич-мәли су* = чув. *ĕç-мелли шу* (= шыв) 'вода, которую можно пить' (= 'питьевая вода') и др.

9) Употребляющийся в некоторых диалектах и наречиях марийского языка (в горномарийском, северо-западном наречиях и в некоторых говорах лугового наречия) аффикс ***-мыла (-мылä)*** связан с чувашским языком. Он встречается не только в составе чувашских заимствований (мар. *витымыла* 'нужно проникать' < чув. *витмелле* id., *сырымыла* 'нужно писать' < чув. *çырмалла* id., *канымала* 'нужно отдыхать' < чув. *канмалла* id., но и в исконных марийских словах: *Звенигово манмы-ла, кудышко каймыла* 'По-звениговски говоря, нужно идти домой'; *Киндым веремäштӹ поген нäлмылä* 'Хлеб надо убрать вовремя'. И.С.Галкин считает, что мар. ***-мыла*** восходит к финно-угорским источникам (однако он не приводит ни одного примера с этим аффиксом из других финно-угорских языков): он, по его мнению, сложился из суффикса имени действия на ***-ме (-о, -ö)*** и наречного (лативного) суффикса ***-ла.***[9] Однако эту точку зрения разделяют не все финно-угроведы. Г.И. Лаврентьев утверждает, что мар. ***-мыла***, выступающий в составе инфинитива долженствования, является тюркским заимствованием.[10]

10) В говоре татар нагорной стороны Татарской АССР встречается также аффикс ***-маллы (-мәлле)*** с тождественным значением. Рассматривая морфологические особенности нурлато-кайбицкого подговора, Н.Б.Бурганова отмечает, что ***-маллы (-мәлле)***

---

[8] *Л.А. Покровская.* Грамматика гагаузского языка. – М., 1964. – С. 216.

[9] *И.С.Галкин.* Историческая грамматика марийского языка, ч.1. – Йошкар-Ола, 1964. – С. 161.

[10] *Г.И.Лаврентьев.* История инфинитивных образований и сходных с ними форм в марийском языке. – «Вопросы финно-угроведения», вып. V. – Йошкар-Ола, 1970. – С. 101.

употребляется в речи жителей Подберезинского, Кайбицкого и Нурлатского районов Татарской АССР, непосредственно соседствующих или живущих в одних и тех же населенных пунктах с чувашами. Это по преимуществу так называемые крещеные татары, представляющие собою отатаризованных чувашей, потерявших свой язык, но сохранивших чувашский быт. Форма на ***-маллы (~мәлле), -малы (-мәле)*** данного подговора соответствует главным образом ***-ырга (-ергә)*** татарского литературного языка: *бармаллы* 'нужно идти' = лит. *барырга* id., *килмәлле* 'нужно прийти* = лит. *килергә* id., и т.д. Глагольная форма на ***-маллы (-мәлле), -малы (-мәле)*** не существует в других диалектах и говорах татарского языка. Она рассматривается как результат влияния проживающих по соседству чувашей.[11]

Что касается формы ***-малы (-мәле)***, встречающейся в мензелинском говоре,[12] распространенном в основном на востоке Татарской АССР и западе Башкирской АССР, то она попала туда вместе с переселенцами, выходцами из нагорной части современной Татарии, что подтверждается историческими документами прошлых веков.

Рассматриваемый нами аффикс в других тюркских языках не встречается. Что касается казахского омофона-аффикса ***-мала, -меле*** (*итер-итермелле, көтер-көтермелле, сау-саумала, жүл-жүлмала*),[13] то он выражает многократность действия и является фонетическим вариантом аффикса многократного действия *-қыла, -қиле: ат-* 'стрелять' – *атқыла* 'постреливать', *жүр-* 'идти' – *жүргеле-* 'пройтись, прохаживаться' и т.д.

Таким образом, в чувашском языке форме долженствования с аффиксом ***-маллă*** (***-меллĕ***) присущ огузский характер.

5. Во многих современных тюркских языках в образовании сложных (составных) форм изъявительного наклонения, прежде всего – прошедшего времени, большую роль играет форма про-

---

[11] *Н.Б. Бурганова.* Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. – «Материалы по диалектологии». – Казань, 1955. – С. 48-52.

[12] *Л.Т. Махмутова.* О татарских говорах северо-западных районов Татарской АССР. – «Материалы по татарской диалектологии». – Казань, 1962. – С.66.

[13] *И.Е. Маманов.* Глагольные виды и их выражения в казахском языке. – «Вопросы грамматики тюркских языков». – Алма-Ата, 1958. – С. 33.

шедшего времени от глагольного корня ***er-*** ‘быть’ > ***e-*** > ***i-***, который имеет единственную форму спряжения (языки в нижеследующей таблице даны выборочно):

Языки	Единственное число			Множественное число		
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Др.-тюрк.	er-ti-m	er-ti-g	er-ti	er-ti-m-iz	er-ti-g-iz	
Як.	*э-ти-м*	*э-ти-н´*	*э-тц*	*э-ти-б-ит*	*э-ти-г-ит*	*э-ти-лэр*
Узб.	*э-ди-м*	*э-ди-нг*	*э-ди*	*э-ди-к*	*э-ди-нг-из*	*э-ди-лэр*
Тат.	*и-де-м*	*и-де-ң*	*и-де*	*и-де-к*	*и-де-г-ез*	*и-де-лэр*
Башк.	*и-не-м*	*и-не-ң*	*и-не*	*и-не-к*	*и-не-г-еş*	*и-не- şәр.*
Тур.	*i-di-m*	*i-di-n*	*i-di*	*i-dl-k*	*i-di-n-iz*	*i-di-ler*
Азерб.	*и-ди-м*	*и-ди-н*	*и-ди*	*и-ди-к*	*и-ди-н-из*	*и-ди-лэр*

Две последние турецкие и азербайджанские формы употребляются редко.[14]

В языках огузской группы и в чувашском языке древнетюркский глагол **er-** ‘быть’ в процессе языковой эволюции лишился корневой части, что привело к утрате им лексического значения. При этом недостаточный (ущербный) глагол превратился в обычный грамматический показатель времени в форме **-dy-/-di-/-ty-/-ti-** ~ чув. ***n'ĕ (-чĕ)*** и стал примыкать непосредственно к причастным, деепричастным, инфинитивным формам, а также к именам. В отношении последних наблюдается полное совпадение между туркменским, азербайджанским и чувашским языками. Приведем примеры: туркм. *онуң бармакларында хатара йүзүкди* = чув. *унăн пӳрнисенче йĕркипе çĕрĕччĕ* ‘у нее на пальцах были кольца в ряд’; туркм. *гөзлери гөкди* = чув. *куçĕçем кăвакчĕ* ‘глаза его были голубые’; туркм. *октябрын йигримисиды* = чув. *октябрĕн çирĕммĕшĕччĕ* ‘было двадцатое октября’; туркм. *дил герекди* = чув. *чĕлхе кирлĕччĕ* ‘нужен был язык’; туркм. *барды* = чув. *пурччĕ* ‘был (была, было)’; туркм. *екды*[15] = чув. *çукчĕ* ‘не был (было, была)’; азерб. *тәләбәди* (вм. *тәләбә иди*), азерб. *көзәлди* (вм. *көзәл иди*), азерб. *бизимди* (вм. *бизим иди*) и др.[16],

---

[14] *А.Н. Кононов*, указ. раб., § 478. – С. 237.

[15] «Грамматика туркменского языка». – Ашхабад, 1970. – С. 341-342.

[16] *Ф.Р.Зејналов.* Турк дилләринин мугајисәли грамматикасы, II. – Бакы, 1975. – С.61.

которым соответствуют чувашские переводы *студентчĕ* 'был студентом', *илемлĕччĕ* 'был красивым', *пирĕнччĕ* 'был наш'.

Ввиду неидентичности всех сложных (составных) форм времени в чувашском и огузском языках невозможно проводить обширные сопоставления, к тому же последние не играют, пожалуй, решающей роли в выяснении процесса становления недостаточного глагола. Главное состоит в том, что сложные формы изъявительного наклонения (например, определенный имперфект, неопределенный имперфект, прошедшее длительное время, давнопрошедшее I время, давнопрошедшее II время, будущее-прошедшее время, будущее-несовершившееся в турецком[17], а также близкие к ним или идентичные с ними формы в азербайджанском, туркменском и гагаузском языках) образуются с помощью указанного выше недостаточного глагола или, как его часто называют, аффикса сказуемостности. Приведем примеры на определенный имперфект, образуемый присоединением к основе настоящего времени недостаточного глагола: тур. *yaziyor-du-m* (-n, – , ...), азерб. *языр-ды-м* (-ң, – , ...), туркм. *язяр-ды-м* (-ң, – , ...) ~ чув. *çырат-тă-м* (-н, – , ...), но тат. *яза иде-м* (-ң, – , ...) 'я писал (в тот момент)', 'ты писал', 'он писал' и т. д.

Или еще примеры на давнопрошедшее время, образуемое присоединением к деепричастной основе недостаточного глагола: азерб. *јазыб-ды-м* (-н, –, ...), туркм. *язып-ды-м* (-ң, – , ...) ~ чув. *çырса-т(т)ă-м* (-ң, –, ...) но узб. *ёзиб эди-м* (-н, – , ...) 'я написал (раньше, давно, тогда)'.

Нетрудно убедиться в том, что в процессе эволюции полнозначного глагола **er-** 'быть' языки огузской группы и чувашский язык резко отмежевались от кыпчакских языков.

Эволюция глагола **er-** 'быть' является одним из важнейших показателей классификации тюркских языков и позволяет проследить процесс постепенного приобретения тюркскими языками их современного вида. Несмотря на достаточно резкое различие между огузскими и кыпчакскими языками, их все-таки объединяет та особенность, что все они потеряли **-r** корня. Следовательно, огузские и кыпчакские языки, в том числе и чувашский, очень

---

[17] *А.Н. Кононов*, указ. раб., § 478. – С 237.

далеко отошли от первоначального, хотя бы древнетюркского (древнеуйгурского) состояния, которое характеризуется полнотой корневого комплекса. Но и это еще не все. В одном и том же языке могут сосуществовать две формы спряжения одного и того же глагола. Помимо огузских (азербайджанского, турецкого), в современном якутском языке глагол «быть» представлен в трех формах: ***äр, ä, i: äр*** образует причастие настоящего времени *äрäр* – причастие прошедшего времени; *äрбäх* – деепричастие на ***-н***: *äрäн* и деепричастие на ***ä:*** *äрä*, а также супин *äрä:рі*. Кроме того, ***äр*** в качестве вспомогательного глагола образует императив: *Kälän äр! Kälän äрdin! Kälän äрdінäр!*[18] Как видим, якутск. ***äр*** 'быть' целиком и полностью сохранил свою древнетюркскую форму. Спряжение недостаточного глагола ***ä-*** (соврем. написание ***э***) было показано в приведенной выше таблице. В якутском языке, судя по В.В.Радлову, существует также причастная форма на ***i:*** *ібіт* < др.-тюрк, *эр-миш* > *и-миш* || *и-меш [.– М.Ф.]: äппіт ібіт ўсў* 'er soll gesagt haben' (в совр. орфогр. *эппиэт эбит γhγ*). На основании наличия в современном якутском языке трех форм глагола «быть» В.В. Радлов сделал чрезвычайно остроумный вывод о постепенной тюркизации якутского языка (Die Stufenweise Türkisierung des Jakutischen).[19] Оставляя в стороне спорный тезис В.В. Радлова о генезисе якутского и чувашского языков, отметим справедливость его утверждения, что древнетюркский (древнеуйгурский) ***er-*** 'быть' претерпевал постепенное, последовательное изменение: **er- > e- > i-**. Что касается недостаточного глагола чувашского языка, то его эволюция остановилась на уровне развития огузских языков.

6. Причастия в огузских и чувашском языках не представляют собой единой морфологической системы, поскольку существующие в современных языках причастные формы возникли после распада общетюркского языка. Но один тип причастия, причем наиболее древний, обозначающий действие, совершаемое главным образом в настоящее время, образуется аффиксом

---

[18] *W.Radloff.* Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen.. СПб. –1908. – S. 50.

[19] *W.Radloff.* Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen.. СПб. –1908. – S. 50.

-an (-en), причем после гласных основ глаголов для устранения зияния возникает эпентетическое **-j-**: тур. *akan su*, азерб. *ахан су* 'текущая вода' ~ чув. *юхан шыв (> шу)* id.; тур. *okuyan adam*, азерб. *охуjан адам*, туркм. *окаян адам* 'читающий человек'; тур. *uçan kuş*, азерб. *учан гуш* 'летающая птица' ~ чув. *вĕçен кайăк* id., гаг. *авада учан лелек* 'аист, летящий по воздуху'[20] и т.д. Причастие настоящего времени с указанным аффиксом может употребляться в виде парно-повторного или антонимичного словосочетания: туркм. *алан-берйэн* 'берущий и дающий'[21] ~ чув. *паран-илен* id., туркм. *алян-алмаян* 'берущий не берущий'[22] ~ чув. *илен-илмен* id., гаг. *гелӓн-гечӓн турнелӓр* 'пролетающие журавли'[23] ~ чув. *килен-каян тăрнасем* id. и многие другие.

Причастие с аффиксом **-an (-en), -jan (-jen)** может употребляться для выражения действия, отнесенного к прошлому: гаг. *кендигелӓн* 'сам пришедший'[24], туркм. *алан адам* 'взявший человек', *гелен адам* 'пришедший человек', *окаян оглан* 'читавший мальчик'.[25]

Это обстоятельство некоторым тюркологам дает повод утверждать, что исторически аффикс **-an (-en)** восходит к аффиксу **-gan (-gen), -qan (-qen)**[26], образующему в остальных тюркских, по преимуществу кыпчакских языках, причастия прошедшего времени (в чувашском языке аффикс ***-а(кан), -е(кен)*** образует причастия настоящего времени: *çыракан* 'пишущий', *вулакан* 'читающий').

Не подлежит сомнению, что аффиксы **-an** и **-(a)qan** этимологически связаны между собой, но их словообразовательная функция далеко не одна и та же. Надо полагать, что многие причастные формы на **-an** еще в эпоху общетюркского языка стали субстантивироваться, о чем говорят существующие как в огузских, так и в кыпчакских, а также в чувашском языках отглаголь-

---

[20] *Л.Л.Покровская.* Грамматика гагаузского языка. – М., 1964. – С. 231.

[21] «Грамматика туркменского языка», ч. I. – Ашхабад, 1970. – С. 364.

[22] *Там же.*

[23] *Там же.*

[24] *Л.А. Покровская*, указ. раб. – С. 231.

[25] «Грамматика туркменского языка». – С. 354.

[26] *А.Н.Кононов*, указ. раб., § 513. – С. 251; «Грамматика туркменского языка». – С. 354; *Л.А.Покровская*, указ. раб. – С. 230.

ные именные формы на – **an**, представляющие собой архаичный пласт лексики: др.-тюрк. ajran (< adïr-, aδïr-, ajïr- 'разделять, отделять друг от друга, разлучать', туркм., азерб. *айран*, тат. *әйрән*, чув. *ойран/уйран* 'напиток из кислого снятого коровьего молока'; др.-тюрк. *jylan*, тур. *yilan*, азерб. *јылан*, тат. *елан*, алт. *дьылан* (< *jyl- ~ дъыл ~* як. *сыыл* 'ползать'), чув. *çĕлен* 'змея'; тат., башк., каз., кирг., алт., хак. *туган* (< др.-тюрк. toγ- 'рождаться, возникать, появляться'), чув. *тăван* и др.

По мнению Н.З. Гаджиевой, предположение о том, что аффикс ***-ан*** является результатом упрощения аффикса ***-ган, -кан*** «не подтверждается данными исторической фонетики тюркских языков», поэтому она полагает, что вероятнее всего «причастие на ***-ан*** в огузских языках прямо продолжает отглагольное имя на ***-ан***, существовавшее еще в общетюркскую эпоху».[27]

Независимо от существования противоположных мнений относительно генезиса аффикса **-an**, его участие в образовании причастий настоящего (реже прошедшего) времени в языках огузской группы в чувашском очевидно. Таким образом, нам здесь хотелось бы подчеркнуть, что в чувашском языке в образовании наиболее древнего типа причастия на **-an** проявляется огузский морфологический и функциональный признак.

7. Определенное морфологическое сходство между огузскими и чувашскими языками проявляется и в области падежных аффиксов.

7.1. В языке орхоно-енисейских памятников, а также в огузских и чувашском языках родительный падеж образуется по общей схеме: после основ на согласные прибавляется аффикс -уη, -iη/-yn, -in, а после основ на гласные – -nуη, -niη/-nyn, -nin, тогда как в кыпчакских языках, независимо от ауслаута основы, родительный падеж образуется с помощью аффикса -nуη, niη/-nyn, -nin. Например: др.-тюрк. qaγan-уη, beg-iη, тур. *at-in*, азерб. *ат-ын*, туркм. *ат-ыҥ*, чув. *от-ăн* || *ут-ăн*, но тат., башк. *ат-ныҥ*, каз., кирг., ног. *ат-тыҥ* (< *ат-ныҥ*) 'коня', тур. *ana-nin*, азерб. *ана-нын*, туркм. *эне-ниҥ*, чув. *анне-нĕн*, то тат., башк. *әни-нең* 'матери'.

---

[27] *Н.С.Гаджиева.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков.– М.,1973.– С.280-281.

7.2. Дательный падеж в огузских и чувашском языках образуется также по общей схеме: после основ с конечным согласным прибавляется аффикс ***-а, -е,*** а после основ на гласные – появляется эпентетическое ***-j***, устраняющее зияние. В остальных тюркских языках, независимо от ауслаутной основы, дательный падеж имеет один показатель: **-ga, -gä/ -qa, -qä**. Например: тур. *baş-a*, азерб., туркм., гаг. *баш-а,* чув. *поç-а/ пуç-а* 'голове', тур. *diş-e*, азерб., туркм., гаг. *диш-е*, чув. *шăл-а* 'зубу', но тат., башк. *баш-ка* 'голове', *теш-кə* 'зубу'; гаг. *ев-ä*, но тат., башк. *өй-гə* 'домой'; туркм. *сув-а борян* 'идущий по воду', туркм. *Ашгабад-а* 'в Ашхабад', но тат., башк. *су-га, Ашхабад-ка.*

Если же основа слова в огузских и чувашском языках оканчивается на гласные ***-а, -ä, -i,*** то появляется эпентеза **-j-**, устраняющая зияние: тур. *turna-ja*, азерб. *дурна-ја*, чув. *тăрна-йа* 'журавлю', тур. *serce-je*, азерб. *сəрчə-јə*, чув. *çерçи-йе* 'воробью', гаг. *служба-йа* 'на службу' и др.

Для современного туркменского языка аффикс ***-йа, -йе*** как падежный формант не характерен, как не характерен и аффикс ***-га, -ге***.

7.3. В огузских и чувашских языках определенный интерес представляет сходство форм личных местоимений в дательном падеже:

	Тур.	Азерб.	Туркм.	Гаг.	Чув.
1-е лицо	*bana*	*мəнə*	*маңа*	*бана*	*мана*
2-е лицо	*sana*	*сəнə*	*саңа*	*сана*	*сана*
3-е лицо	*ona*	*она*	*оңа*	*она*	*ăна*

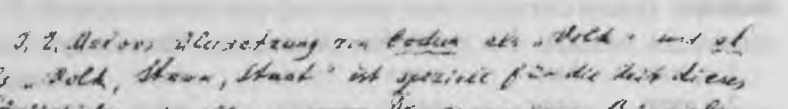
8. В заключение позволим себе привести одно слово из чувашского языка, которое, на наш взгляд, восходит к древнейшему периоду развития огузского языка и тем самым в какой-то мере подтверждает не инновативный характер описанных выше черт чувашского языка.

Древнетюркское слово bodun или budun 'народ' в современных тюркских языках не зарегистрировано. Можно полагать, что оно из актива тюркских языков было вытеснено очень ранним арабским заимствованием *халк* < ар. خلق 'люди', 'народ', 'сотворенный'. Но реликт древнетюркского bodun/budun существу-

ет в чувашском языке по сей день. Я имею в виду чув. *пĕтĕм (-д)/пĕтен, пĕтĕн*, встречающееся в дублетной форме *тăван-пĕтен* (или в разных падежных формах)[28], первый компонент которой соответствует общетюркскому *туган* 'родня', 'родной' (*тоу-* ~ чув. *тăв-* 'родить'), а второй, *пĕтен* (закономерный чувашский глухой анлаут, чередование ауслаутных *-н* ~ *-м*), в памяти чувашского народа самостоятельно не сохранился, но в сочетании с первым обозначает принадлежность к определенной родовой общности: *тăвансем-пĕтенсем* 'родственники', то есть 'представители родовой общности', *тăванăм-пĕтенĕмрен уйрăлассăм çук* 'с родней (родственниками) никогда не разлучусь'.

* * *

В конце текста М.Р. Федотов добавляет на немецком языке, что С.Е. Малов древнетюркское слово bodun переводил как «Volk», т.е. 'народ', 'люди' ~ чув., *халк/ халăх*. Далее продолжает на русском языке: [Относительно этимологии: «др.тюрк. bodun 'Volk, Bevölkerung', mo. muši (<mudi) Volksstamm, Provinz', kor. mot -, modin 'alle', modo (<modug) id. (SKE 152)». Ramstedt EASI. S. 78-79].



«Советская тюркология» №1, Баку, 1977.

---

[28] *Н.И.Ашмарин.* Словарь чувашского языка, вып. X. Чебоксары, 1936, стр.251.

3.13. ЭТАЦИЗМ И ИТАЦИЗМ В СВЕТЕ ТЮРКСКИХ НАЗВАНИЙ РЕКИ ВОЛГИ

Цель данного сообщения – уточнить хронологию одного из интереснейших явлений исторической фонетики тюркских языков, а именно звукопереходов **ä>a, ä>e>i** в тюркоязычных названиях реки Волги.

Термин «этацизм» обязан своим названием греческой букве Η, именуемой по древнему (эразмову) чтению «эта». «Итацизм» восходит к той же букве, именуемой по новому (рейхлингову) чтению «ита».

Еще первые исследователи тюркских языков отмечали, что на месте корневого чувашского заднеязычного ***а*** в других тюркских языках могут стоят гласные переднего ряда. В.Шотт, например, приводит чувашские слова с корневым ***а***, которому в тюркских языках соответствуют гласные переднего ряда: чув. ***an-*** 'спускаться' – тур. ***en-***; чув. ***ar*** 'мужчина' – тур. ***er***; чув. ***bar-*** 'давать' – тюрк. ***bir-*** и др.[1]

В.В. Радлов писал, что всеобщий переход тюркских палатальных (нёбных) гласных в гутуральные (гортанные) ни в одном из тюркских языков, кроме чувашского, не наблюдается.

Причиной тому служил якобы забытый теперь чувашами их исконный язык, не относившийся к тюркским. Вследствие этого **ätik** чуваши превратили в ***ада***, **äläk** в ***ала*** (сохраняем орфографию оригинала. – *М.Ф.*). В то же время В.В. Радлов считал, что чувашское ***а*** восходит к тюркскому ***ä***, и, следовательно, переход ***ä >a*** совершился раньше ***ä >i***.[2]

Вопрос о причине или комплексе причин перехода тюркских узких гласных в широкие все еще является спорным, но вторая часть тезиса В.В.Радлова о том, что чув. ***а*** восходит к тюрк. ***ä***, была принята лингвистами как неоспоримый факт: др.-тюрк. **bär** 'давать' ~ чув. **par**, но тат., башк. **bir** *id*; др.-тюрк. **är** 'муж. мужчина' ~ чув. **ar**, но тат., башк. **ir** *id*; др.-тюрк. **säkiz, säkkiz** 'восемь' ~ чув. **sagăr, sakkăr,** но тат., башк. **sigĕz** *id* и т.д.

---

[1] *Guilelmus Schott.* De lingua tschuwaschorum. Dissertatio. – Berolini, (1840). – S. 7.

[2] *W.Radloff.* Phonetik der nördlichen Türksprachen. – Leipzig, 1882. – S. 89.

Обратим внимание на последний пример, поскольку имя числительное *восемь* в булгарских памятниках XIII–XIV веков зафиксировано в форме سكر =**skr**. Принято считать, что чувашское **sagär** 'восемь' восходит к булгарскому ***säkir** на том основании, что в древнетюркских памятниках той же эпохи существует форма **säkiz** 'восемь'. Звукосоответствие древнетюркского ***ä*** чувашскому ***a*** как будто бы подтверждает такое чтение. Однако утверждение некоторых авторов, что в период булгарских памятников (от 1280–1281 до 1357 года) фонетическое явление ***ä*** > булг. ***a*** еще не началось, а в XVI–XVII веках[3] уже завершилось, вызывает сомнение. Фактический материал свидетельствует о том, что * ***ä*> *a*** булг. имело место намного раньше. Числительное ***восемь*** в сарыг-югурском и якутском языках имеет ту огласовку, что и в чувашском: сар.-югур. **sakïs**, як. **aγïs**. Если же допустить, что отпадение начального общетюркского **s-** в якутском языке произошло в раннюю эпоху его формирования, то можно считать, что оно в какой-то мере связано с фонетическим явлением ***ä*>*a***. Но при всех предположениях нам кажется несомненным, что итация в кыпчакских языках восходит к этации древне-тюркского (огузского) типа. Для доказательства этого сошлемся на некоторые исторические документы, в которых зафиксированы тюркские названия реки Волги с начальным ***a, ä , i***.

В атласе, составленном в седьмом веке неизвестным армянским географом и ныне расшифрованном академиком Академии наук Армянской ССР С. Еремяном, Волга называлась ***Атл***. Рядом с Волгой обозначена другая большая река, под названием ***Ра***.[4] На современных картах ее нет. Оказывается, озера, расположенные ныне между Волгой и Доном, являются остатками исчезнувшей реки ***Ра***, рукав которой впадал в Дон (согласно сообщению профессора В.Д. Димитриева автору).

Имеются другие документы, датируемые более ранним временем, в которых название реки Волги дано с начальным открытым (широким) гласным ***a***.

---

[3] *A. Rona-Tas, S. Fodor.* Epigraphica Bulgarica. A Volgai bolgar-török feliratok. – Szeged, 1973. – S.154-155; *Bernd Scherner*, Arabische und Neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen. – Wiesbaden. – S.13.

[4] См.: *А. Какосян*. Второй атлас земли. — «Комсомольская правда», № 130 от 5 июня 1965 года.

«Насколько известно,– пишет О.Прицак,– алтайское название Волги зафиксировано в византийских источниках. (По мнению Л.Лашони, название ***Атиль*** существовало еще до н.э.)».[5] Там оно появляется в следующих формах: ***Αττιλα*** 'Волга' – у Менандра Протиктора (около 582 года); [варианты: ***Αντης, Αταλ*** 'Волга' – в хронике Феофана (умер в 818 году); в латинских переводах Анастасия (873-875 годы): ***Atel, Atal, Ατηλ*** 'Волга' и ***Ετελ*** – у Константина Багрянородного (умер в 959 году)[6]]. И.С.Чичуров пишет, что Феофан в своих описаниях географических названий Северного Причерноморья несколько раз упоминает величайшую реку, текущую вниз от океана по земле сарматов и называемую ***Ατελ***. В латинском переводе, сделанном полвека спустя после создания греческого оригинала, зафиксировано **Atel**.[7]

В памятниках древней восточной литературы, судя по приведенным в упомянутой статье О.Прицака формам, начальный гласный в названии реки Волги писался по-разному: 1) **'tl** – у ал-Балхи (умер в 934 году), **'Itil** – у Истахри (середина X века), **atul** – у Ибн Хаукаля (около 975 года); 2) **'itil** – у Ибн Русте (около 903 года), ал-Мукаддеси (996 год) и ал-Гарнати (1162 год); cod. Alger: **atal**; ср.у Якута, (умер в 1229 году): **itil**; 3) **ātl** – в Мешхедской рукописи Ахмеда ибн Фадлана (922 год), в анонимной рукописи Hudūd al-'ālam (983 год) и у ал-Бируни (ум. в 1048 году); 4) **ātil** – у Махмуда Кашгари (около 1070 года).[8]

В более поздних рукописях, а именно после XIII века, зафиксированные названия реки Волги имеют начальный узкий гласный **i**, хотя даже в XVI веке встречается написание с гласным ***a*** (ا).

А.П.Ковалевский, анализируя географические названия, встречающиеся в Мешхедской рукописи Ахмеда ибн Фадлана (начало X века), отмечает, что «огромная река, текущая в сторону хазар, пишется здесь اتل = **Атл**, что вполне соответствует чувашскому ***Атăл*** (-д-)... Следует заметить, что Н.И. Ашмарин

---

[5] «Acta linguistica» – Budapest, III, 1953, № 3-4. – S.347-350. Цитируется по книге: *В.А. Никонов*. Краткий топонимический словарь. – М., 1966. – С. 87.

[6] *Omeljn Pritsak*. Der Titel Attila. – «Festschrift für Max Wasmer zum 70. Geburtstag». – Wiesbaden, 1959. – S.406.

[7] *И.И. Чичуров*. Экскурс Феофана о пратобулгарах. – «Древнейшие государства на территории СССР». – М., 1976. – С. 66, 71.

[8] *Omeljn Pritsak*, указ. раб., – S. 407-408.

эту форму предугадал, когда писал: „Я думаю, что арабское ا دل должно произноситься с фатхой алифа آدل, а не с касрой إدل, как у нас обыкновенно принято читать это слово" (*Н.И. Ашмарин.* Булгары и чуваши.– Казань, 1902. – С.45). Действительность,– продолжает АП. Ковалевский, – превзошла его ожидания, так как здесь алиф написан со знаком мадда».[9]

Выше отмечалось, что в документах XVI века встречается название реки Волги с начальным алифом со знаком мадда. В.В.Бартольд по-поводу выхода в свет сочинения Мухаммеда-Хайдера «Та'рих-и Рашиди» в английском переводе (Лондон, 1895), «едва ли не самого любопытного памятника мусульманской исторической литературы XVI века», писал, что на его 366 странице упоминается река **Атал** آدل .., впадающая в Каспийское море. В рукописи **А** добавлено, что так пишется название этой реки в исторических сочинениях, но что узбеки говорят ***Идиль*** ايدل ا.[10]

Не лишено интереса древнемонгольское название реки Волги. В «Нигуче Тобчиан» («Сокровенное сказание», начало XIII в.) содержатся географические сведения о Центральной и Средней Азии, а также отчасти и Европы. Среди приведенных здесь названий имеется и интересующее нас тюркское название Волги – **Ajil** [*Ш. Бира.* Монгольская историография (XIII–XVII вв). – М., 1978. – С. 63]. Что же касается упомянутого монгольского названия, то следует сказать, что содержащиеся в нем аффриката **-j-** и вокал **-i-** восходят соответственно к ***-d-** и ***- ï -**, то есть ***Adïl**.

Анализируя переход чув. ***а***-<др.-тюрк. ***ä***, можно считать, что исходной формой чувашского названия ***Атăл*** (-д-) была **Ädil**, зафиксированная в ДТС в форме **Edil** со ссылкой на енисейский памятник Е 36. Начальные ***Ä*** и ***Е*** в приведенных выше словах не одного фонологического порядка. Как замечает М.Рясянен, «Томсен уже в древнетюркском языке подметил разницу между ***ä*** и ***е*** (в его написании **е** и **è**), из которых закрытое ***е***- (в енисейских памятниках имеет специальное обозначение) встречается в словах: **eki**

---

[9] *А.П. Ковалевский.* Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. – Чебоксары, 1954. – С. 30.

[10] *В.В. Бартольд.* Сочинения, т. VIII. Работы по источниковедению. – М., 1973. – С. 63, 72.

'два', **bel** 'талия', **beš** 'пять'.[11] Это закрытое ***e***-, главным образом в кыпчакских и чувашском языках, перешло в ***i:*** тат., башк., чув. ***ikĕ*** 'два'; тат., башк. **bil**, чув. ***pilĕk*** 'талия'; тат., башк. ***biš***, чув. ***pilĕk*** 'пять' и т.д. Енисейские памятники, как известно, датируются V–VII веками нашей эры. Однако в ДТС нет названия гидронима с начальным закрытым (узким) гласным ***i***. Надо думать, что опереднение открытого (широкого) ***ä*** произошло значительно позже в такой последовательности: **ä >e >i.** В пользу этого говорят названия **ïtïl** у Джувейни (умер в 1283 году), **ïtl** – у ал-Муффадал (умер в 1341 году) и ал-Омари (умер в 1349 году).[12]

Интересно, что О.Прицак считает имя гуннского вождя **Атилъ, Attila – Attyla, 'Αττηλα ~'Αττιλα ~'Ατιλα** связанным с первоначальным апеллятивом * **äs- tïla>*attila**.[13] Свое доказательство исследователь строит на основании того, что алтайский апеллятив **äs** (>чув. **ас-** в слове **асла** 'большой, всеобъемлющий, великий') плюс алтайский апеллятив ***tïl<;*tal** (~тюркско-монгольские **tal ~ dal** 'большая река'; 'море'; 'разлив, наводнение')[14] являются составными частями гидронима ***Αττιλα, 'Ατελ, 'Αταλ,*** чув. ***Атăл***. Рассмотренный материал позволяет, на наш взгляд, дать ответ на вопрос о причинах звукоперехода ***ä*** >чув. ***а***, а также ***ä >e>i*** в кыпчакских языках и сделать следующие выводы: 1) чув. ***Атăл*** (*-д-*) по своей форме почти не отличается от зафиксированных в V–VIII веках византийских форм; 2) чув. ***Атăл*** восходит к др.-тюрк. форме ***Ädil***, зафиксированной в енисейском памятнике Е 36[15]; 3) византийские названия реки Волги V–VIII веков отражают звукопереход **ä >a**. Он осуществился не после XIII века, а в раннюю эпоху формирования тюркских языков, еще во времена енисейских или даже доенисейских памятников; 4) ***I*** в кыпчакском названии ***Iděl*** восходит к закрытому переднеязычному ***E***, который в свою очередь восходит к более открытому заднерядному ***Ä***, то есть ***Ä*** > чув. ***А***: ***Ädil*** >чув. ***Атăл***; ***Ädil > Edil***

---

[11] *М. Рясянен.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. – М., 1955. – С. 79.

[12] *Omeljan Pritsak*, указ. раб. – S. 408.

[13] *Там же.* – S. 419.

[14] *Там же.* – S. 412-413.

[15] «Древнетюркский словарь». – Л., 1969. – С. 163.

>кыпчакск. ***Idĕl***: 5) предположение, что ***А*** в вышеприведенных византийских формах по существу изначально и в этом виде сохранилось в чувашском языке, противоречит всей истории вокализма тюркских языков, поскольку анлаутное ***А*** древнетюркских слов в чувашском последовательно переходило в гласные ***ы, ă, о>у***. Однако история чувашского языка не знает форм:****Ытăл***, ****Ăтăл***, ****Отăл >*Утăл***.

«Советская тюркология» №4, Баку, 1978. С. 44-47.

3.14. ЗАМЕТКИ О ПЕРЕВОДЕ С ОДНОГО ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА НА ДРУГОЙ

(НА МАТЕРИАЛЕ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА)

За последние годы значительно интенсифицировался процесс взаимообогащения национальных литератур народов СССР. Дальнейшее его развитие выдвигает ряд проблем, одной из которых является разработка лингвистических аспектов художественного перевода с одного тюркского языка на другой.

Разработка теории такого перевода требует большой предварительной практической работы переводчиков, которая, на наш взгляд, должна найти ответ на вопрос о том, как и какими средствами можно передать в переводе родственные ядерные (корневые) структуры и грамматические аналогии при возможно полном сохранении художественных достоинств оригинала. При этом следует иметь в виду, что языковое родство может быть и близким, и дальним. Это весьма важное обстоятельство, ибо от него зависит выбор переводчиком определенного круга общих и специфических лингвистических средств для адекватной передачи конкретного текста. А это требует от переводчика соответствующей лингвистической подготовки, глубокого знания, как языка-источника, так и языка-рецептора, не говоря уже об обязательном художественном таланте.

В данной статье мы остановимся на некоторых наблюдениях, сделанных нами в процессе ознакомления с практикой пере-

вода временных форм чувашского глагола на дальнеродственный огузский[1] и относительно близкородственный кыпчакский[2] типы языков.

В двух выбранных нами для анализа произведениях перевод с лингвистической точки зрения выполнен точно: фразы, конструкции, а также подавляющее большинство чувашских корневых слов нашли в них свое татарское или турецкое равноценное соответствие.

1. Настоящее время.

В чувашском языке настоящее время имеет лишь одну стандартную форму, однако круг выражаемых ею временных признаков довольно широк.

Эта единственная форма образуется при помощи аффикса ***-t-*** (рефлекс глагола **tur-** 'находиться, быть, иметься, пребывать') плюс личные окончания глагола. В татарском и некоторых других кыпчакских языках основой настоящего времени является деепричастие на ***-а (-э)***, к которому непосредственно примыкают личные аффиксы (поскольку глагол **tur-** в них отсутствует).

Ирех *тăрать, тумланать,*	Иртук *тора,* ***киенə,***
Нарспи *ĕçе тытăнать:*	Кунлен әшкә ***бирə*** ул
Е пурçăн çип *илет те*	Я ефәк жеп ала да
Юрла-юрла тĕр *тăвать...*	Җырлый-җырлый *чигə* ул... (Нарспи, 14)

'Рано встает, одевается,
Нарспи приступает к работе:
Или берет шелковую нитку
И с песней вышивает'.

При переводе на тюркские языки огузской группы временные признаки чувашского презенса семантически конкретизируются, поскольку эти языки располагают для реализации чувашских временных признаков несколькими формами настоящего

---

[1] *N. Selebi.* Biler şehrinin fethi (çuvaş halk destani). Çuvaşça metni veren ve Tьrkçeye çeviren, Dr. J. Benzing. – «Türk dili». Serie III, Sayi: 8-9, Istanbul, 1947 (далее – TD).

[2] *К. Иванов.* Нарспи. Төзетелгән икенче басма. Чуваш теленнән Шәрәф Мөддәрис тәржемәсе. Казан, 1958 (далее – *Нарспи*).

времени с соответствующими грамматическими показателями. Остановимся на выражаемых значениях глаголов настоящего времени в чувашском и турецком языках.

1 (а). Действия глаголов в обоих языках совпадают с моментом речи, и в силу этого в турецком употребляется настоящее I время (şimdiki zaman), образуемое прибавлением к основе глагола личных аффиксов.[3]

Примечание. В остальных языках огузской группы глагол **yürü** -'ходить, идти' деформировался: азерб. **-yr (-ir): jaz-yr-am** 'я пишу', туркм. **-jar (-jer): jaz-jar-yn** id., гаг. **- är (-er): al- är-ym** 'я беру', **ver-er-im** 'я даю'.[4]

Эпĕр ĕнтĕ *каятпăр*	Biz şimdi *gidiyoruz*
Çичĕ тинĕс леш енне.	Yedi deniz(in) öbür janna (TD, 133).

'Мы сейчас улетаем
За семь морей'.

На совпадение действия глагола с моментом речи указывает чувашское слово *ĕнтĕ* ~тур. *şimdi* 'сейчас, теперь, в настоящее время'.

Однако встречаются и исключения. В приводимом ниже примере сам контекст, казалось бы, выражает настоящее время, причем данного момента, и поэтому следовало бы употребить турецкую форму на ***-yor***, но переводчик отнес действие чувашского глагола не к моменту речи, выбрав форму турецкого глагола настоящего времени на ***-r*** [см. об этом 2 (б)].

Халь эп сана *калатăп*	Hâlâ ben sana *soylerim* (TD, 130)

'Я тебе сейчас скажу'.

1 (б). Действия чувашского и турецкого глаголов совершаются длительно в настоящем времени. В чувашском употребляется указанная стандартная форма, а в турецком – настоящее I время:

Çавă Пӳлер хулинче	Şu Biler şehrinde
Пăлхар патши *пурăнать.*	Bulgar padişahi *yaşiyor*,

---

[3] *А Н. Кононов.* Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.-Л., 1956. – С. 223.

[4] «Грамматика азербайджанского языка. Фонетика и морфология». – Баку, 1971. – С.136; «Грамматика туркменского языка. Фонетика и морфология». – Ашхабад, 1970. – С. 272; *Л.А.Покровская.* Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. – М., 1964. – С.179-180.

Пур çĕрте те çар халăхĕ	Her yerde de ordu halki
Вăрман пекех *курăнать*.	Orman gibi *görülyor* (TD, 128)

'В этом городе Биляре
Живет булгарский народ.
И повсюду войска.
Подобные лесу, виднеются'.

1 (в). Действие чувашского и турецкого глаголов совершаются в настоящем времени. В этом случае чувашская стандартная форма передается турецким настоящим-будущим временем (**genis zaman**), образуемым прибавлением к основе глагола **-r-** (при гласных основах), ***-ar (-er)*** (при согласных основах), ***- ır (-ir), -ur (-ür)*** (при многосложных согласных основах)[5]:

Вупăр пулса *пусать*, тет,	Albasti olup *bassar*, der,
Çывăракан çынсене;	Uyuyan adamlari;
Витĕр пĕлсе *тăрать*, тет.	Kat'iyan bilip *durur*, der,
Малашнехи кунсене.	Gelecekteki günleri.
Тĕнĕрен тухса *каять*, тет,	Kapi sürmesiden '*çikar*, der,
Тĕнĕрен килсе *кĕрет*, тет,	Kapi eşiğinden *giler*, der,
Кунĕпеле *çыврать*, тет,	Gündüzleri *uyur*, der,
Çĕрĕпеле *çÿрет*, тет.	Geceleri *yürür*, der[6]. (TD, 128-129).

'Превратившись в упыря: душит (старуха-колдунья. – *М.Ф.*)
Спящих людей,
Насквозь знает
Будущие дни.
Вылетает через отдушник,
Возвращается через отдушник,
Целый день спит,
Целую ночь блуждает.

2. Будущее время.

2 (а). Будущее категорическое время. В чувашском языке, в отличие от других тюркских языков, для выражения действия в будущем времени существует одна стандартная форма на ***-ă*** (***-ĕ***) <.***-ăr*** (***-ĕr***), в том числе и для выражения будущего категорического времени, поскольку для него нет специального показателя.

---

[5] *А.Н. Кононов*, указ. раб., § 457. – С. 225.

[6] Следует заметить, что тур. ***der*** и др.-тюрк. ***tir*** представляют собой причастия настоящего-будущего времени, выполняющие функции модального слова.

Тюркологи едины во мнении о том, что будущее категорическое время обозначает действие, которое совершится после момента речи, причем оно не имеет никаких связей с настоящим.[7] Будущее категорическое время чувашского языка в огузских и кыпчакских языках реализуется с помощью аффикса ***-ačák (äčäk), -jačak (-jäčäk).***

Глаголы в приводимых ниже примерах выражают действие не столько в предположительном, сколько в категорическом будущем времени, хотя они и представлены в форме стандартного будущего времени:

Ахăр саман çитнĕ чух	Ahir zaman yettigi vakit
Каллех кунта *килĕпĕр,*	Yene buraya *gelecğiz,*
Ку хамăрăн çĕр-шыва	Bu bizin vatani
Хамăр алла *илĕпĕр...*	Kendimiz ele ‘ *alacağiz.*
Пирĕн ялсем, хуласем,	Bizim köyler, şehirler
Кунта пурте *пĕтĕçĕ,*	Burada hepsi *bitecek,*
Хăшĕ турă хушнипе	Her biri Tanri emrile
Çаплах çĕре *путĕçĕ.*	Söyle yere *batacak* (TD, 133).

‘Ко времени светопреставления
Снова вернемся сюда.
Эту нашу родину
Возьмем в свои руки.

Наши деревни, города
Здесь будут разрушены.
Некоторые по велению бога
Погрузятся в землю’.

Обращает на себя внимание то, что глаголы 3-го лица множественного числа в данном фольклорном тексте принимают «показатель» будущего категорического времени ***-ĕ*** вместо литературного апокопированного варианта: ***пĕтĕç – пĕтĕçĕ, путĕç – путĕçĕ, тухĕç – тухĕçĕ, юхĕç – юхĕçĕ, юлĕç – юлĕçĕ, пулĕç – пулĕçĕ***, передаваемого в турецком языке в форме будущего категорического времени на ***-acak (-ecek),*** иначе говоря, тем самым образуется как бы будущее категорическое время.

---

[7] *А.Н. Кононов,* указ. раб., § 472. – С. 235.

Однако встречаются исключения из этого правила, когда чувашский показатель будущего категорического времени ***-ĕ*** в турецком передается настоящим-будущим на ***-r.***

Например:

Вĕсем пурте Пӳлере	Onlar hepsi Bilere
Йӑвисене *кайĕçĕ.*	Yuvalarina *gideler* (TD, 131)

'Они все в Биляр
Полетят в свои гнезда'.

2 (б). Какой же чувашской временной формой передается предположительно-возможное или потенциально-возможное действие?

Для выражения подобных действий в других тюркских языках пользуются формой на ***-r [-ar (-er), -yr (-ir), -ur (-ür)]***.

Выше [1 (в)] указывалось, что чувашская стандартная форма настоящего времени на ***-t (<tur-)*** может передаваться турецким настоящим-будущим на ***-r.*** Точно также чувашская стандартная форма будущего времени на ***ă/-ĕ/ *<ăr-ĕr (*-ĕr)*** может выражать значение как будущего категорического [см. 2 (а)], так и некатегорического времени, то есть предположительно-возможное или потенциально-возможное действие глагола, отнесенное к будущему времени.

Вăрçса илес тесессĕн,	Çapişmak almak arzu etsen,
Пурте вилсе *пĕтĕпĕр,*	Hepimiz ölüp *biteriz,*
Тем пек чаплă çар ятне,	Öyle meshur ordu adina
Намăспа çех *витĕпĕр.*	Yalniz utançla örteriz (TD, 128)

'Если же вздумать взять (город Биляр. – *М.Ф.*) с боем,
То все погибнем,
Имя преславного войска
Покроем лишь позором'.

Передача чувашских глаголов ***пĕтĕпĕр, витĕпĕр, юлĕ, пулĕ*** в данном контексте турецкими **biteriz, örteriz, kalir, olur** совершенно оправдана и диктуется предшествующими условными предложениями с глаголом-сказуемым чув. ***-сан*** и тур. ***-sen.***

Кыпчакские же языки могут передавать чувашское будущее время на ***-ă*** (***-ĕ***) формой настоящего времени, поскольку послед-

няя, наряду с обозначением действия в данный момент, может выражать и будущее действие, осуществление которого потенциально возможно. Учитывая это, автор татарского перевода поэмы «Нарспи» чувашское будущее время нередко передает татарским настоящим временем, соответствующим значению турецкого настоящего-будущего времени на ***-r [-ar (-er), -ır (-ir), -ur (-ür)]:***

Вăхăчĕпе, *ĕçĕпĕр,*	Вакыты белән *эшлибез,*
Вăхăчĕпе *ĕçлĕпĕр.*	Вакыты белән *әчәбез.*
Килте ĕçме пулмасан,	Өйдә сыра булмаса:
Кӳршĕ патне *кĕрĕпĕр.*	Күршеләргә *керәбез.*

(Нарспи, 11)

'Временами попьем.
Временами поработаем.
Если дома не будет чего пить,
(То) зайдем к соседу'.

Однако в аналогичной контекстной ситуации чувашское будущее время на ***-ă/-ĕ*** передается, как правило, татарским будущим на ***-р [-ар (-әр), -ыр (-ер)]:***

Тĕттĕм *пулĕ,* каç *пулĕ...*	Шәфәкъ *батар*, кич *булыр...*
Тăшман чĕри *лăпланĕ...*	*Тынар* дошман йөрәге...
Хĕвел *тухĕ,* çутатĕ	Кояш *чыгар*, яктыртыр
Этем тăрĕ *ăйхăран.*	Халык *торыр* авылда.

(Нарспи, 63)

'Потемнеет, ночь наступит...
Сердце врага перестанет биться...
Рассветет, день начнется,
Проснется человек'.

3. Прошедшее время.

3 (а). Прошедшее очевидное время является наиболее древней временной формой, образуемой с помощью аффикса ***-ty (-ti), -dy (-di),*** чув. ***-tă (-tĕ)*** //***-ră (-rĕ)*** и представленной во всех тюркских языках.

Перевод данной формы чувашского прошедшего времени на другой тюркский язык, в том числе и на турецкий, не вызывает каких-либо затруднений ввиду единства их морфологических показателей:

Çар пуçлăхне пурне те	Ordu başliklarni, hepsini
Пуçтарчĕ, тет, пĕр çĕре.	*Topladi*, der, bir yere (TD, 127)

'Всех военачальников
Собрал в одно место'.

Уксах Тимĕре çавăн чух	Aksak Timere bu vakit
Каларĕ, тет, пĕр пуçлăх	*Söyledi*, der, bir başçi (TD, 128)

'Тогда хромому Тимуру
Сказал один начальник'.

Ӳсрĕ, çитрĕ хĕр пулчĕ...	Ycen *җитте*. кыз булды...
Упăшкине *тупрăмăр*.	Киявен дә *таптык та*...
	(Нарспи, 22)

'Подросла, невесткой стала...
Подыскали 'жениха'

3 (б). Прошедшее неочевидное время в рассматриваемых нами тюркских языках образуется в основном с помощью трех показателей: в чувашском ***-нă (-нĕ)***, огузских языках ***-myš (-miš)***, кыпчакских ***-gan (-gen), -qan (-ken).*** Вот несколько примеров чувашско-турецких и чувашско-татарских соответствий:

Тем тарăнăш валсемпе	Hangi derinlikteki hendeklerle
Йĕри-тавра *çавăрнă*.	Etrafi *çevrilimiş* olduğunu (TD, 128)

'Глубокими рвами
Окружили со всех сторон '.

Вăрттăн тимĕр хапхаран	Gizlice demir kapidan
Шыв кăларса *тултарнă*.	Su getirip *doldurmuşlar* (TD, 128)

'Тайно через железную дверь
Пропустили воду и наполнили'.

Нарспи тĕлĕк тĕлленет,	Менә Нарспи теш күрә:
Ашшĕ йытă *пулнă* та...	Әтисе эт *булган* да...
Сиксе çӳрет вăрманта.	Чабып йөри урманда
	(Нарспи, 38)

'Нарспи снится сон:
Ее отец стал псом.
Рыщет по лесу'.

Карташĕнче çын нумай –	Йортта халык бик тә күп.
Туйне курма *килнĕ* пек.	Туй курерге *килгән* күк.
	(Нарспи, 39)

'На дворе народу много,
Пришел он смотреть свадьбу'.

3(в). Преднастоящее, или недавнопрошедшее время образуется с помощью вспомогательного глагола ***er*** - 'быть'. В чу-

вашском языке оно образуется путем присоединения к форме настоящего времени на ***-t / <(tăr-)*** ~др.-тюрк, ***tur-***] так называемого недостаточного глагола, выражающегося аффиксом прошедшего очевидного времени глагола ***er-***, который в процессе развития потерял корневую часть, сохранив лишь ***t'ĕ***. В турецком языке данное время (определенный имперфект) образуется путем присоединения к форме настоящего времени на ***-yor-*** формы ***-di (-du)***, представляющей собой аффикс прошедшего времени глагола ***er-*** 'быть'. Например:

Кимĕ-сулă *ишетчĕ...*	Gemi-sollar *yörüyordu*... (TD, 134)
Çунатчĕçĕ çуртисем...	*Yaniyordu* mumlar... (TD, 134)

'Лодки, плоты плыли...
Горели свечи...'

Кĕрӳ салам *паратчĕ...*	Güvey selâm *veriyordu*... (TD, 134)

'Зять приветствовал'.

Улăхсенче утисем	Çayilarda otlar
Кăвапаран *ӳсетчĕç.*	Göbege yetişip *büyüryordu* (TD, 134)

'На лугах травы
Поднимались до пупка'.

Если турецкий перевод сохраняет множественное число чувашского глагола, выраженного аффиксом ***-s'-*** и стоящего после недостаточного глагола, то в этом случае турецкий – ***lar*** - вклинивается между формой настоящего времени и аффиксом ***-di (-du):***

Ялтан яла *çӳрет-чĕ-ç*	Köyden köye *yürüyor-lar-di*
Ташлаттарса упасем	Oynatarip ayilar (TD, 134)

' Из деревни в деревню водили
Медведей, заставляя их плясать.

«Советская тюркология» №1, Баку, 1980. С. 78-83.

3.15. «ИНФИНИТИВЫ» В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

О. Многочисленные словообразующие и словоизменительные формы тюркского глагола сложились в результате последо-

вательной агглютинации. Ее ядром, или первоначальной формой, являлся звуковой комплекс, состоящий в огромном своем большинстве из сочетаний VC, CV, VCV, CVC и совпадающего с формой повелительного наклонения глагола 2-го лица единственного числа. Неизменяемость этой первичной формы и ее господство в сингармонической иерархии натолкнуло первых тюркологов из среды индоевропеистов на мысль отождествить эту форму с лингвистическим понятием, именуемым «инфинитивом».

Термин «инфинитив», как известно, восходит к латинскому infinitus (< in 'не' -)- finitus 'определенный', то есть в сумме «неопределенный» (по времени, лицу и числу). Под влиянием латинских verbum infinitum или modus infinitum в языках, главным образом европейских, испытавших на себе большое влияние латыни, стали пользоваться кальками: «неопределенная форма» или «неопределенное наклонение», подразумевая под ними действие, безотносительное к категории лица, времени, числа и наклонения.

Тюркология, хотя и возникла много столетий назад, но как наука со своим предметом и методами исследования стала в последующем развиваться под непосредственным влиянием трудов тех ученых, родными языками которых были по преимуществу западноевропейские и русский. Не будет, пожалуй, ошибкой сказать, что понятие «инфинитива», как и большинство научно-технических и общественно-политических терминов, в современные тюркские языки проникло посредством русского языка или непосредственно из него.

Остановимся на типах тюркских «инфинитивов».

1.1. Тюркский «инфинитив» на ***-mak.***

Он представлен главным образом в турецком, азербайджанском, туркменском, узбекском ***(-моқ),*** уйгурском и кумыкском языках. По своей природе форма на ***-mak*** содержит в себе как глагольные, так и именные черты. Например, тур. ***almak,*** азерб., туркм., уйг. ***алмак,*** узб. ***алмоқ,*** кум. ***алмакъ*** (о других формах кумыкского инфинитива см. ниже) обозначают не только глагольное действие «брать», «взять», но и название (имя) действия: «взятие», «получение». Отглагольные имена на ***-mak*** зафиксированы в самых древних тюркоязычных памятниках письма – енисейских. Так, например, на левой стороне памятника с Бегре,

переизданного С.Е.Маловым под №11, таких слов три: *барамаг, өрүнмәг, карамаг* (Малов ЕПТ, 30-31), однако в ДТС их нет. Там зафиксировано отглагольное имя barmaq 'уход, отправление' (ДТС, 84) и в качестве источника указан Махмуд Кашгарский (МК). Во всяком случае, формы на ***-mak*** сохраняют древнее состояние: ***ermek*** 'бытие' (ДТС, 180), ***bolmaq*** 'становление; бытие, существование' (ДТС, 112), ***ölmek*** 'смерть' (ДТС, 383), ***čaqmaq*** 'огниво, кресало' (ДТС, 140) и др.

Что касается унификации формы ***-mak*** в ряде языков в качестве инфинитива, то здесь, видимо, решающую роль сыграли внешние обстоятельства. Турецкий, азербайджанский, туркменский языки, входящие в огузскую группу, прежде и раньше других тюркских языков испытали на себе влияние арабского просвещения. Огузы вместе с исламом усвоили разнообразные сведения из многих областей наук, в том числе грамматическую терминологию. Весьма возможно, что толчком для возникновения тюркского «инфинитива» на ***-mak*** и становления его в качестве нормы послужили арабские масдары – отглагольные имена. Обладая как именными, так и глагольными свойствами, масдары хорошо передаются тюркскими отглагольными именами, в том числе именами действия на ***-mak.*** [Кстати, в самом арабском языке нет инфинитивов в русском понимании: исходной, основной глагольной формой служит форма 3-го лица мужского рода единственного числа прошедшего времени: كَتَبَ 'писать или (на)писал': شَرِبَ 'пить' ('выпил'), поскольку она является самой простой].

1.2. Отглагольные имена на ***-mak*** в языках с сильно выраженными кыпчакскими чертами претерпели значительные изменения. Частично утратив свою глагольность, они, в соответствии с закономерностями своего развития, постепенно субстантивировались и, наконец, стали «чистыми» именами существительными со свойственными им грамматическими категориями. Однако и в этом процессе отглагольные номинативные формы на ***-mak*** функции инфинитива лишились не полностью: тат. ***нишләмәк, кирәк*** 'что делать', ***гомер итмәк – тырышмактыр*** 'жизнь – значит трудиться' (СТЛЯ, 264).

1.3. Обратим внимание на путь развития тюркского имени на ***-mak (-māk)*** на чувашской почве. Так, например, в граммати-

ках чувашского языка в качестве инфинитива приводится форма на ***-машкăн (-мешкĕн)***, представляющая собой общетюркский ***-так (-тек)*** + послелог ***ичĕн, йĕсĕн*** 'для, ради':тур. ***almak için*** соответствует чув. ***ил-мек-шĕн***, но в результате метатезы ***(кш > шк)*** получилось ***илмешкĕн***; тур. ***gelmek için*** ~ чув. ***кил-мек-шĕн > килмешкĕн*** (Ашмарин Мат., §74, стр. 312). Н.И.Ашмарин в другом месте отмечает, что «около села Ишак до сих пор говорят: ***каймакшăн*** 'ради ухода', ***килмекшĕн*** 'ради прихода'». В говорах чувашского языка встречаются и другие примеры на ***-мак*** или ***-мах,*** причем последний может осложниться падежным, словообразовательным аффиксом или же послелогом: ***кил-мех*** 'прихождение' (Ашмарин Сл. VI, 206), ***кай-мах-ра*** (датив) 'при хождении (езде) туда' (Ашмарин Сл. VI, 4), ***курас кил-мех-ре*** (датив) в смысле ***курас килнĕ чух*** 'когда хочется видеть', ***кай-мак-серен*** 'в каждое отправление', ***кил-мек-серен*** 'в каждый приход (приезд)' (Ашмарин Зам., 70). По словам В.Г.Егорова, смешение форм ***макшăн*** и ***машкăн*** продолжается до настоящего времени и «эти две формы и по смыслу, и по употреблению почти совпали» (МГСЧЯ, 214).

1.4. По «инфинитивам» на ***-mak*** гагаузский язык среди огузских составляет исключение. В нем инфинитив образуется с помощью аффикса ***-маа (-мää)***, который «исторически представляет собой отглагольное имя на ***-мак (-мäк)*** в направительно-целевом (дательном) падеже, например: ***йаз-мак*** 'писание' + ***а > йазмага > йазмаа*** (букв. 'для писания', 'чтобы писать')» (Покровская ГГЯ, 162).

Что касается существующего в гагаузском языке аффикса ***-мак (-мäк),*** то он функционирует в роли словообразовательного аффикса от глагольных основ. Подобные слова здесь, как и в других тюркских языках, перешли в разряд имен существительных: ***йаша-мак*** 'жизнь', ***ич-мäк*** 'питье', 'напитки', но тур. ***yaşama,*** азерб. ***jашама,*** туркм. ***яшама;*** тур. ***içme***, азерб. ***ичмə,*** туркм. ***ичме.***

2. Тюркский «инфинитив» на ***-та***.

Фактический материал древних и современных тюркских языков показывает, что отглагольные имена на ***-та*** давно имеют тенденцию переходить в разряд собственно имен существительных со всеми им свойственными грамматическими категория-

ми: др.-тюрк. ***tügme*** 'застежка' (< ***tüg-*** 'завязывать узлом'), уйг. ***тугмə***, тур. ***düğme*** 'пуговица', азерб. ***дүјтə,*** туркм. ***дувме,*** тат., башк. ***төймə,*** узб. ***тугма,*** караим, ***дöгмэ,*** чув. ***тӳме*** 'пуговица', 'завязка рубахи' и др.

2.1. Несмотря на то, что в современном чувашском языке встречается значительное количество подобных номинативных форм, почти лишившихся вербальности [***çыр-ма*** 'ов-раг', ***юр-ма*** 'приправа (сметана, кислое молоко)', ***пĕр-ме*** 'сборка, сборы', ***чĕр-ме*** 'подрез у саней'; ***сĕрме купăс*** 'скрипка', ***ларма хĕр*** 'девушка на посиделках'], «инфинитивность» этой формы проявляется главным образом в сочетании с модальными и предикативными словами: ***кĕме юрать*** 'можно войти', ***сывлама çăмăл*** 'легко дышать', ***вĕренме кĕр*** 'поступай учиться' и т.д.

Аналогичную картину можно наблюдать в караимском языке, в котором номинативная форма на Т. ***-ма (-мя)*** и Г. ***-ма (-ме)*** вступает в сочетание с предикативными и модальными словами, причем сохраняется славянский порядок сочетающихся слов: Т. ***башлейт ирлама,*** Г. ***баслайт ирлама*** 'начинает петь'; Т. ***йарэйт кирмя,*** Г. ***йарайт кирмя*** 'можно войти' и т.д. (Мусаев ГКЯ, 294-295).

2.2. Отглагольные имена на ***-та*** в сочетании с аффиксом направительного (дательного) падежа приобретают свойства целевого инфинитива. (Чувашский язык этим качеством не обладает). При этом на стыке именной формы и падежного аффикса происходит стяжение. Например, в кумыкском языке оно выражается в том, «что согласные ***гъ*** и ***г*** исчезают, вместе с этим два соседних гласных сливаются в один – долгий: ***бар-ма-гъа > бар-мā*** 'чтобы идти', 'для ходьбы', ***гель-ме-ге > гель-мē*** 'чтобы прийти', 'для прихода'» (Дмитриев ГКЯ, 127). Однако подобного стяжения в других тюркских языках не наблюдается: тат., башк. ***алма-га*** 'брать', ***бакмага*** 'смотреть', туркм. ***окмага гидер*** 'он пойдет учиться'.

В таком наиболее общем виде представлены имена действия на ***-mak (-mek)*** и ***-та (-те),*** если не считать незначительного числа исключений, свойственных языкам, испытавшим на себе влияние, с одной стороны, огузоязычных, с другой – кыпчакоязычных норм.

Возникает вопрос: в каком отношении друг к другу находятся эти две именные формы? Исходя из семантической общности и фонетической близости аффиксов ***-mak (-mek)*** и ***-ma (-me),*** а также их взаимозаменяемости и взаимосвязанности, можно полагать, что форма ***-ma (-me)*** является сокращенным, или усеченным, вариантом полной формы ***-mak (-mek)*** (Баскаков ККЯ II, 391; ГТЯ, 334; МГСЧЯ I, 213; СТЛЯ, 147 и др.). Данное предположение находит свое подтверждение также в чувашском языке, в котором когда-то особенно сильно проявлялся закон апокопы ***-k,*** например: тур. ***çaktak*** 'огниво' ~ чув. ***чакма;*** тур. ***yemek*** 'еда' ~ чув. ***çиме***; гаг. ***ичмäк*** 'питье' ~ чув. ***ĕçме*** и др.

3. Тюркское причастие – «инфинитив».

Причастия, представляя собой, особый вид отглагольных имен, могут выступать также в качестве целевых инфинитивов. В языках, являющихся в своей основе кыпчакскими, инфинитивом принято считать форму, представляющую собой причастие будущего времени на ***-ar (-er), -yr (-ir), -ur (-ür),*** осложненную аффиксом дательного падежа ***-ga (ge), -ka (-ke):*** тат., башк. ***укыр-га*** 'учиться', ***кил-ер-гə*** 'прийти, приходить'; карач.-балк. ***сан-ар-гъа*** 'считать', ***ил-ер-ге*** 'просить'; шор. ***уз-ур-га*** 'спать', ***чи-ир-ге*** 'есть, кушать', хак. ***аларга,*** алт. ***аларга*** 'брать', 'взять' и др.

3.1. В данной связи можно отметить, что и в истории русского инфинитива произошло явление, аналогичное только что отмеченному. В древнерусском языке инфинитив образовался с помощью суффикса ***-ти*** (в определенной фонетической позиции ***-чи***), но со временем безударное ***-и*** было утрачено: др.-русск. ***писати*** > русск. ***писать***, но укр. ***писати;*** др.-русск. ***печи*** (от ***пек-ти***) > русск. ***печь,*** но укр. ***печі*** и т.д. По происхождению, как считают слависты, русские, украинские, польские, чешские, сербо-хорватские инфинитивы представляют собой окаменелую форму дательного падежа, потерявшую все признаки существительного.

3.2. В тувинском языке, в отличие от приведенных выше кыпчакских причастий, в дательном падеже в качестве «инфинитива» употребляется причастие будущего или настоящего-будущего времени на ***-р***. Так, например, в тувинско-русских словарях: ***агар*** 'течь', ***адаар*** 'называть'; в русско-тувинских: брать **'алыр'**, быть **'болур', 'турар'** и т.д. (ГТЯ, § 356, 308)'.

3.3. В «Турецко-русском словаре» (М.,1977) за инфинитивом на ***-mak (-mek)*** в круглых скобках приводится причастие настоящего-будущего времени на ***-ar (-er), -ır (-ir), -ur (-ür)***[1]: ***bakmak (bakar)*** 'смотреть', ***almak (alir)*** 'брать, взять', ***gelmek (gelir)*** 'приходить, прибывать', ***yazmak (yazar)*** 'писать' и т.д.

Во всяком случае, употребление причастия на ***-r*** в качестве инфинитива вовсе не связано с индивидуальными вкусами авторов грамматик и словарей. Первоначально причастие на ***-r*** указывало на действие, выделявшееся своим постоянством вне связи с настоящим моментом и будущим временем. Так, например, тат. ***очар кош*** обозначает «вообще летающую птицу»>«летучую птицу», но не «летающую в данный момент» и «не ту, которая полетит».

3.4. Некогда в чувашском языке в качестве «инфинитива» выступало также причастие будущего времени. Например, в словарной части учебного пособия «Начертание правил чувашского языка» (Казань, 1836) на месте русского инфинитива выступает отглагольное имя на ***-ас (-ес): илясь*** 'брать', ***килясь*** 'приходить' и т.д. На древность чувашского отглагольного имени на ***-ас*** указывают не только тюркские и монгольские сближения, как, например, монг. ***а-*** 'быть' > ***а-si*** 'бытие'; тат. ***бирәсем килә*** 'я дам' (< букв, 'мое даяние приходит'), но и форма марийского инфинитива на ***-аш,*** заимствованного, вероятно, из чувашского языка (Рамстедт А Я, § 67, 130).[2]

4. Следующий тип тюркского инфинитива представляет собой также отглагольное имя, образующееся посредством аффикса ***-у (-γ), ю*** -(тат.), ***-у*** ((тат.), ***-у (-γ)*** || ***-ыу (-еγ), -оу (өγ)*** (башк.); ***-ув (-уъв)*** (ног.);***-ув (-юв), -в*** (ккалп.); ***-ыв (-ив), -ув (-уъв), -в*** (кум.); ***-ув, -юв, -в*** || ***-ув, -ив, -в*** (караим.); ***-у*** (каз.), ***-оо*** || ***-уу*** (кирг.). Он употребляется преимущественно в языках кыпчакского или кып-

---

[1] «Турецкое причастие это только одна из синтаксических функций некоторых временных основ изъявительного наклонения. Основы настоящего-будущего времени... выступают в функции определения и в функции сказуемого: yazar öğrenci 'пишущий (обычно) ученик' || 'ученик, который пишет (обычно)'; öğrenci yazar 'ученик пишет (обычно)...» (Кононов ГСТЦЯ, § 512. – С. 251).

[2] Согласно И.С. Галкину, «более вероятно выводить современный марийский инфинитив на ***-аш*** из *s*-овой лативной формы имени действия» (Галкин ИГМЯ I. – С.160).

чакизированного строя. Инфинитив на *-у, -уу (-оо), -ыв, -ув, -в,* подобно инфинитиву на *-мак (-мек),* несет двойную семантическую нагрузку. Так, например, тат. ***язу,*** башк. ***яҫыу,*** каз. ***жазу*** включают не только глагольное значение русского «писать», но и именное значение русского «письмо», «записка», «запись».

4.1. Исходной формой аффикса инфинитива вышеуказанного типа послужило древнетюркское *-γ (-g; -уγ, -ig; -иγ, -üg; -аγ, -äg),* образующее существительные и прилагательные (ДТС, 651).

Этот древний аффикс в одних языках перешел в *-v*, в других полностью вокализовался, а в третьих, слившись с соседним гласным, приобрел долготу. Так, например, в чув. ***ҫыру*** (тат. ***язу***, башк. ***яҫыу***, каз. ***жазу,*** кирг. ***жазуу,*** ккалп. ***жазыӯ***) конечное *-у* восходит к *-ăв* (именительный падеж ***ҫыр-у*** 'письмо', родительный падеж ***ҫыр-ăв-ăн***, дательный падеж ***ҫыр-ăв-а, ҫыр-ăв-у*** 'твое письмо'), что в свою очередь соответствует др.-тюрк. ***-ïγ: jaz-ïγ - ҫï*** 'писарь' (ДТС, 251) ~ чув. ***ҫыр-ав-ҫă*** > ***ҫыр-у-ҫă*** ~ тат. ***яз-у-чы***, башк. ***яз-ыу-сы***, каз. ***жаз-у-шы***, ккалп. ***жаз-ыӯ-шы*** 'писатель' < 'пишущий'.

4.2. В тюркских языках огузского типа на месте кыпчакского *-и, -ав, -уv, -иv...* стоит *у:* тур. ***yaz-i***, азерб. ***jаз-ы***, туркм. ***яз-ы*** 'письмо', 'писание'. Это соответствие сохраняется и в наращиваемых производных формах: тат. ***яз-у-чы***, башк. ***яз-ыу-сы***, кирг. ***жаз-уу-чу***, ккалп. ***жаз-ыӯ-шы***, каз. ***жаз-у-шы*** ~ тур. ***jaz-i-ci*** 'писарь, секретарь', азерб. ***jаз-ы-чы***, туркм. ***яз-ы-жы*** 'писатель'. Однако в огузских языках рядом со «своими» формами могут существовать кыпчакские образцы: тур. ***soru*** 'вопрос' (< ***sor-mak*** 'спрашивать') ~ тат. ***сорау,*** башк. ***һорау,*** ккалп. ***сорав*** 'спрашивать' || 'вопрос'.

4.3. В чувашском языке «инфинитив» на *-у (-ӯ),* представляющий собой общекыпчакский тип, давно перешел в разряд имен существительных. Это подтверждается тем, что он, в отличие от других тюркских форм, не может принимать аффикса глагольного отрицания. Однако чувашские формы на *-в, -ав, (-ев)* значительно моложе первых и в настоящее время представляют собой весьма продуктивный тип образования неологизмов: ***вĕҫев*** (< ***вĕҫ-*** 'летать', 'лететь') 'полет', ***тĕпчев*** (< ***тĕпче -*** 'исследовать') «исследование', ***пуплев*** (< ***пупле-*** 'разговаривать') 'речение' > 'предложение' и т.д. В кыпчакских же языках аффикс *-у*

(-ӳ) является главным образом глаголообразующим средством, хотя встречается немало образований, полностью перешедших в разряд «чистых» имен существительных; тат. ***борау*** 'сверло' – чув. ***пӑра,*** тат. ***утрау*** 'остров' ~ чув. ***утрав***, тат. ***тимрәү*** 'лишай' ~ чув. ***тимӗре*** и другие.

5. Рассмотренные тюркские «инфинитивы» резко расходятся с единым типом русского инфинитива. Хотя последний, как уже отмечалось выше, имеет также именное происхождение, однако потерял все признаки общеславянского отглагольного имени на ***-ти*** (> русск. ***-ть*** и ***-ти***). Чисто глагольный характер русского инфинитива (он не склоняется, при себе не может иметь определения, грамматической категории числа) и именной характер тюркского «инфинитива» (он склоняется, принимает аффикс принадлежности, числа, может иметь при себе определение) породили противоречие между теорией инфинитива и практикой употребления его. Внешне это проявляется также в том, что в двуязычных словарях в качестве инфинитива приводится одна форма, в то время как в грамматиках указываются еще несколько других. Так, например, в «Кратком грамматическом справочнике татарского языка», данном в виде приложения к «Татарско-русскому словарю» (М., 1966) приводятся следующие «именные и инфинитивные формы глагола», компенсирующие значение русского инфинитива: 1) ***алу*** 'брать', 'взять' || 'взятие'; 2) ***алырга*** 'брать', 'чтобы взять'; 3) ***алмак*** 'брать'; 4) ***сатмакка*** 'продавать'; 5) ***алмага*** 'брать'; 6) ***баргалы*** 'ехать, идти'. Между тем как в самом словаре в качестве нормативного «инфинитива» приведена отглагольная форма на ***-у (-ү).*** Однако в книге «Современный татарский литературный язык» в качестве инфинитива дается форма причастия будущего времени в дательном падеже на ***-рга (-ргә), -ырга (-ергә), -арга (-әргә)*** и отглагольное имя огузского типа на ***-мак (-мәк),*** встречающееся в устойчивых выражениях (СТЛЯ, 263 – 264).

В грамматиках современного чувашского языка в основном приводятся два вида инфинитива: 1) ***-ма (-ме)*** и 2) ***-машкӑн (-мӗшкӗн)***: хотя возможность передачи русского инфинитива этими формами не исчерпывается. В это же время в чувашско-русских словарях императив 2-го лица единственного числа систематически передается русским инфинитивом: **ил** 'брать', 'взять',

пар 'давать' и т.д. Аналогичное положение можно наблюдать и в ряде других тюркских языков. Все это, как отмечал в свое время Н.К.Дмитриев, отражает «споры, какую форму глагола помещать в словаре там, где по-русски принят инфинитив» (Дмитриев ГБЯ, 170).

6. Начальная, или исходная, форма тюркского глагола совпадает с повелительной формой глагола 2-го лица единственного числа. От нее образуется всё многообразие словоизменительных и словообразовательных форм. Это является главным аргументом в пользу того, что в настоящее время во многих тюркских языках императив 2-го лица единственного числа употребляют в качестве условной единицы инфинитивов западноевропейских языков. Традицию эту, восходящую к первым европейским тюркологическим работам, а в России – главным образом к «Опыту словаря тюркских наречий» В.В.Радлова, следует считать наиболее приемлемой как в области теории, так и практики (лексикографии). Однако тюркологу хотелось бы видеть единый тип тюркского «инфинитива», отличающегося от формы повелительного наклонения чисто формальным признаком. В лексике тюркских языков много омонимичных основ, то есть нередко глагольные и именные основы совпадают полностью. Необходимость их формального разграничения очевидна. Так, например, в «Словаре» В.В.Радлова дано одиннадцать однозвучных единиц **ал**. Автор после первого **ал** в круглой скобке делает помету (v.) и переводит его русским инфинитивом «брать, взять». В «Каракалпакско-русском словаре» (М., 1958) дается пять одинаковых форм **жаз** (стр. 208), но не только после «инфинитива» **жаз**, но и вслед за всеми остальными производными глагольными формами ставится дефис. По такому же принципу построен «Древнетюркский словарь» (Л., 1969). В «Киргизско-русском словаре» (М., 1965) этот принцип сохраняется: после первого **жаз-** стоит русский инфинитив «писать» (стр. 211). Этим формальным признаком (дефисом) авторы словарей добились четкости в разграничении глагольной формы **жаз-** от именной формы **жазы** или **жазу**. Однако такая последовательность выдержана лишь в национально-русской части словаря. Так, в «Русско-каракалпакском словаре» (М.,1967) на месте русского инфинитива «писать» вы-

ступает уже отглагольное **жазыў** (стр. 669). Точно так же в «Русско-киргизском словаре» (М., 1944) на месте русского инфинитива «писать» стоит киргизское отглагольное имя **жазуу** (стр. 579). Нет особой надобности перечислять, какие несогласованности имеются в других тюркских двуязычных словарях. Исключением являются, пожалуй, чувашско-русские и русско-чувашские словари, которые для передачи «инфинитива» и отглагольного имени нашли дифференцированный подход, и в этом смысле отличаются постоянством: чув. ***çыр*** (правда, без дефиса) 'писать», но чув. ***çыру*** 'письмо' (ср. ккалп. ***жазы*** и каз. ***жазуу***).

Рассмотренные нами инфинитивные формы по сути дела являются позднейшими образованиями именного характера. Их основу, исходную форму представляет глагол 2-го лица повелительного наклонения, обладающий целиком и полностью глагольным характером и самой простой структурой, в силу чего эта форма должна быть универсальной не только в грамматиках, но и в словарях, в которых пока в качестве русского (resp. индоевропейского) инфинитива приводятся различные отглагольные именные формы, тогда как последние должны быть отнесены к области словообразования. Существующий разнобой с «инфинитивом» в тюркологической литературе – актуальная проблема, требующая разрешения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Н.И.Ашмарин. Заметки по грамматике чувашского языка. «Чувашский язык». Чебоксары, 1976.

Ашмарин Сл. – Н.И.Ашмарин. Словарь чувашского языка. Казань-Чебоксары, 1928-1950.

Ашмарин Мат. – Н.И.Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Ч. I. Казань, 1898.

Баскаков ККЯ – Н.А.Баскаков. Каракалпакский язык. Т. II, ч. I. М., 1952.

Галкин ИГМЯ – Н.С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка.Йошкар-Ола, 1964 (ч. I), 1966 (ч. II).

ГТЯ – «Грамматика туркменского языка». Ч. I. Ашхабад, 1970.

Дмитриев ГБЯ – Н.К.Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.- Л., 1948.

Дмитриев ГКЯ – Н.К.Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940.

ДТС – «Древнетюркский словарь». Л., 1969.

Кононов ГСТЛЯ – А.Н.Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956.

Малов ЕПТ – С.Е.Малов. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952.

МГСЧЯ – «Материалы по грамматике современного чувашского языка». Чебоксары, 1957.

МК – Махмуд Кашгарский.

Мусаев ГКЯ – К.М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964.

Покровская ГГЯ – Л.А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964.

Рамстедт А.Я. – Г.И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.

СТЛЯ – «Современный татарский литературный язык». Ч. I, М., 1969.

«Советская тюркология» №3, Баку, 1981. С. 3-9.

3.16. ЗАПИСКА Н.И. АШМАРИНА ОБ ИЗДАНИИ ЧУВАШСКИХ ТЕКСТОВ

Н.И. Ашмарин, всю жизнь занимавшийся исследованием чувашского языка, не только дал научное описание современного ему состояния этого языка, но и во многом способствовал его становлению как общенационального литературного языка.

Выросший в чувашской среде, будущий ученый еще в юности увлекся изучением истории чувашского народа, его языка и фольклора. Он глубоко сочувствовал стремлению передовой, мыслящей чувашской интеллигенции к развитию родного языка и культуры. Уже тогда у Н.И. Ашмарина возникла идея создания словаря чувашского языка. Став членом-сотрудником Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, он в 1900 году обратился к чувашам с «Программой составления чувашского словаря» (доложено общему собранию Общества в

1899 году), которая завершалась следующими словами: «...Даже за самые краткие и мелкие сообщения я буду безгранично благодарен. В заключение припомню чувашскую пословицу, которая гласит: халăх сурать – кӳлĕ тăвать, пĕр çын сурать – типсех пырать».[1]

К Н.И. Ашмарину потекли сотни, тысячи писем от знакомых и незнакомых ему лиц.

Известно, что В.В. Радлов в 1916 году написал свою последнюю работу, посвященную древнетюркским и чувашскому языкам, то есть очередную работу из серии «Alttürkische Studien» (№№ I-VI были опубликованы еще при жизни автора). В этой работе автор сообщал, что его желание через тридцать лет вновь вернуться к изучению чувашского языка вызвано постановлением Академии наук об издании образцов народной литературы чувашей, осуществление которого поручается Н.И. Ашмарину.[2]

В нашем распоряжении имеются две архивные выписки из протоколов заседаний историко-филологического отделения императорской Академии наук.

«XIII заседание, 9 января 1916 г.

§ 327. От имени академика В.В. Радлова читано:

После продолжительного и тщательного обсуждения с Н.И.Ашмариным составленного им и прилагаемого при сем проекта издания „Образцов чувашской народной словесности» и алфавита, которым должны печататься чувашские тексты, представляю этот проект Отделению с просьбой утвердить его.

Вместе с тем покорнейше прошу возместить Н.И. Ашмарину расходы по поездке в Петроград и двухнедельному пребыванию здесь в размере 250 руб., так как от Министерства народного просвещения он никакого пособия не получил и приехал сюда по вызову Академии». Было решено высказаться о проекте на следующем заседании, а сам проект напечатать во II приложении к протоколу проведенного заседания и просить Правление о выдаче Н.И. Ашмарину 250 руб.[3]

---

[1] «Известия Общества археологии, истории и этнографии». – Казань, 1900. Том XVI. – С. 243-248.

[2] Ленинградское отделение Архива АН СССР. фонд 177, опись 1, № 30.

[3] Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 1. оп. 1а. №163, § 327.

«Записка» Н.И. Ашмарина была напечатана во II приложении к протоколу XIII заседания отделения исторических наук и филологии императорской Академии наук 9 ноября 1916 года (к § 327).

«Прежде чем приступить к систематическому собиранию произведений народного творчества на местах, – пишет Н.И.Ашмарин, было бы полезно издать уже имеющиеся налицо записи на чувашском языке, включающие в себе описания чувашских религиозных верований и обычаев, а также различные виды словесных произведений: пословицы, поговорки, прибаутки, загадки, приметы, толкования снов, сказки, поверья, описания обрядов, песни и пр.». Н.И. Ашмарин отмечает, что записи ему были доставлены лицами, относящимися сочувственно к его работе. Говоря о рукописях и их неодинаковом качестве, он отмечает, что сказалось влияние книжных образцов «как на морфологии и словаре рукописей, так и на их синтаксисе, в особенности же на их фонетике». Он отмечает непригодность общепринятой азбуки для точной передачи звуков северных говоров.

Замечания Н.И. Ашмарина, относящиеся к изданию образцов народной словесности чувашей, по сей день не утратили своего значения.

Н.И. Ашмарин указывает порядок и последовательность расположения материала.

Намеченный Н.И. Ашмариным план работы по сбору и изданию новых материалов по языку и народной литературе чувашей также не утратил своего значения. Он рекомендовал начать работу по сбору материалов с «укающих» южных, и завершить ее «окающими» северными говорами. В связи с этим им приводилась таблица говоров. Вместе с тем им оставлялся открытым вопрос об изучении говоров Самарской, Саратовской, Оренбургской и Уфимской губерний, а также Лаишевского, Чистопольского и Спасского уездов Казанской губернии.

Что касается системы транскрипции, разработанной Н.И. Ашмариным совместно с академиком В.В. Радловым, то, пользуясь ею, «может читать правильно по-чувашски даже тот, кто никогда не слыхал живой чувашской речи» (прилагалась таблица знаков, предлагаемых для обозначения звуков чувашской речи).

Протокол заседания историко-филологического отделения имп. Академии наук от 23 ноября 1916 года гласил:

«§ 340. Во исполнение постановления Отделения (XIII. 327; прил. II) должно было состояться обсуждение записки Н.И.Ашмарина. Непременный секретарь доложил просьбу академика В.В.Радлова отложить обсуждение этого вопроса до другого заседания Отделения.

При этом от имени академика К.Г. Залемана доложено его мнение, записка Н.И. Ашмарина (XIII. 327; прил.II) дает повод к некоторым замечаниям как по способу издания текстов, так и по транскрипции, просьба, не вынося окончательного постановления, учредить особую Комиссию.

Положено иметь суждение в одном из следующих заседаний Отделения».[4]

В протоколе I заседания историко-филологического отделения Российской Академии наук от 11 января 1917 года было записано: «6) На подготовку чувашских текстов, в распоряжение академика В.В. Радлова ... 400 руб.».[5]

Последний раз историко-филологическое отделение Российской Академии наук рассмотрело этот вопрос на II заседании 25 января 1917 года:

«§ 82. Во исполнение постановления ИФ (I44) состоялось суждение относительно распределения сумм на подготовку изданий в 1917 году: б) На подготовку изданий чувашских текстов, в распоряжение академика В.В. Радлова ... 400 руб.

Положено утвердить, о чем сообщено в Правление».[6]

Сейчас трудно сказать, почему Академия наук не выполнила впоследствии своего решения. Быть может, причиной этого явилась смерть В.В. Радлова (1918) и тяжелое экономическое положение молодой Советской республики. К сожалению, задуманное академическое издание образцов чувашской народной словесности не было осуществлено.

«Советская тюркология» №6, Баку, 1982.

---

[4] Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. I, оп. Ia, № 163, § 340.

[5] *Там же*, № 164, § 44.

[6] *Там же*, § 82, п. 6.

3.17. РАБОТЫ З.ГОМБОЦА О БУЛГАРСКО-ТЮРКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

Выдающийся венгерский языковед Золтан Гомбоц (1877–1935) большую часть своих исследований посвятил древнейшим языковым отношениям венгров с приволжскими булгарами. Наиболее известны две его книги о тюркских заимствованиях в венгерском языке: первая (на венгерском языке) вышла в свет в 1908 году [1], а вторая (на немецком языке) – в 1912 году [2]. Изучение тюркского влияния на венгерский язык, начавшееся еще в XVII веке, впоследствии развилось в самостоятельную отрасль венгерской исторической лексикологии. В XIX–XX веках появился целый ряд лексикографических работ, выполненных с применением сравнительно-исторического метода при исследовании тюркских, монгольских, финно-угорских и других языков огромного ареала Европы и Азии. Венгерские лингвисты, как правило, хорошо знали русский язык, что позволяло им широко пользоваться, трудами русской школы востоковедения. Они овладевали также тюркскими и финно-угорскими языками жителей Поволжья и Перми, для того, чтобы в полевых условиях собирать богатый языковой, фольклорный и этнографический материал.

Венгерские языковеды второй половины XIX века много внимания уделяли выяснению того, какие именно тюркские языки оказали наибольшее влияние на венгерский язык.

З.Гомбоц по этому поводу писал, что за тысячелетие из различных тюркских языков в венгерский язык вошло около 700-800 слов. Причем самыми новыми из них были слова османо-тюркского происхождения, вошедшие в венгерский язык непосредственно из турецкого или при посредстве южнославянских языков. Он подчеркивал, что история кумано-печенежских заимствований неясна и лишь в отдельных случаях на основании фонетических и культурно-исторических признаков можно говорить о вероятности их куманского (кыпчакского) происхождения. И, наконец, к древнейшему пласту лексики принадлежат общевенгерские слова, заимствованные из языка волжских булгар [2, стр. V-VI].

Первая монография З. Гомбоца [1] состоит из следующих частей: предисловия, где указывается, что общевенгерские слова, заимствованные венграми из булгаро-тюркского языка еще до обретения венгерским народом новой родины (до IX в.), составляют 222 единицы (стр. III-IV); библиографии (стр. 1-6); словаря (стр. 6-92); фонетики (§§1-72) с объяснением венгерско-тюркских соответствий на уровне вокализма и консонантизма (стр.94-102); лексико-семантической классификации заимствований (стр. 102-104) и указателя венгерских слов (стр. 105-108).

Второе издание [2] намного полнее и включает предисловие (стр. V-VII); список сокращений литературы и языков (стр. VIII-XVIII); обзор имеющихся работ (около 30 авторов, стр. 1-34); словарь (стр. 35-137); венгерско-тюркско-монгольскую сравнительно-историческую фонетику (стр. 138-185); этнолингвистические выводы, в том числе лексико-семантическую классификацию заимствований (стр. 186-208); приложения (стр. 207-224); дополнения (стр. 225-227); указатель венгерских (стр. 228-238), остальных финно-угорских (стр. 238-240), чувашских (стр. 240-242), других тюркских (стр. 242-248), монголо-маньчжурских (стр. 248-249) и индогерманских (стр. 250-251) слов.

Словарные части обеих монографий имеют существенные различия.

В первом издании [1] словарная часть составляет 330 единиц, тогда как во втором (немецком) издании к подаче и классификации венгерской заимствованной лексики З. Гомбоц подошел несколько иначе, оставив 227 слов, а еще 78 даны в виде приложения, причем автор отмечает, что последние венгерско-тюркские сближения, с его точки зрения, следует отвергнуть как ошибочные или невероятные [2, стр. 209]. Однако в число 78 входят еще 8 новых слов под №№ 17 (стр. 213), 19 (стр. 214), 43 (стр. 217), 63 (стр. 221), 71 (стр. 222), 74 (стр. 223), 77 (стр. 223), 78 (стр. 224) вместе с 70 словами из первого (венгерского) издания. Еще 8 слов З. Гомбоц приводит в виде дополнения, но три из них под №№ 3,4,7 фигурируют в основном словаре второго (немецкого) издания под №№ 51, 96, 124, а № 5 в первом издании вовсе отсутствует. Таким образом, во второе издание включено приблизительно 230 слов, составляющих наиболее надежный пласт

общевенгерских заимствований из языка волжских булгар. Добавив к этому числу 70 слов из приложения, получим цифру 300. Таким образом, З.Гомбоц из первого издания перенес во второе 300 слов (исключив 30 слов). Однако последние слова рассматриваются в этимологическом словаре венгерского языка [3]. Но тем не менее З.Гомбоц ко второму (немецкому) изданию своей монографии подошел с большей осторожностью, тщательно изучив русскую литературу по данной и смежной тематике.

В своих выводах о древнечувашских заимствованиях, вошедших в венгерский язык до 830 года н.э., то есть за два столетия до появления первого языкового памятника (58 венгерских выражений на латинском языке), З.Гомбоц отмечал, что источником чувашских заимствований венгерского языка был язык чувашской формы с существенными признаками пратюркского языка. В то же время надо подчеркнуть, писал он, что эта языковая форма непосредственно не сохранилась, за исключением заимствований в венгерском языке [2, стр. 187]. Иными словами, между доисторическим мертвым и живым чувашским языком должна была, по-видимому, существовать какая-то промежуточная форма, некоторая часть которой вошла в венгерский язык в виде так называемых булгарско-тюркских заимствований, а другая – в современный чувашский язык. Таким образом, для З. Гомбоца приведение архетипов как для венгерских заимствований, так и для чувашского языка было обязательным условием.

Остановимся на наиболее важных фонетических особенностях доисторических булгарско-тюркских заимствований в венгерском языке.

1. **Ротацизм.** О точке зрения З.Гомбоца на чувашско-монгольский ротацизм в инлауте и ауслауте, в противоположность соответствующему этим позициям тюркскому зетацизму, можно судить по восстанавливаемым им древнечувашским, а также живым тюркским, чувашским и монгольским формам. Вот некоторые примеры (порядковые номера приводятся согласно оригиналу).

32. венг. borju-др.-чув. *buraγu, ср. осм. buzagy, чаг. bozagu, bozau и др.; чув. *пăру*, монг. biraγu ‘двухгодовалый теленок’ [2, стр. 51];

102. венг. ikër <др.-чув. *ikir, ср. др.-тюрк. äkiz, осм. ikiz, äkiz и др.; чув. *йĕкĕр*, монг. ikire, ikere 'близнецы, двойня' от тюрк. iki, igi, äki 'два' [2, стр. 86-87];

104. венг. ir-<др.-чув. *yr-, ср. осм. и др. jaz-, чув. *çыр*, монг. ʒiru 'очертить, проводить линию' [2, стр. 87-88];

153. венг. ökör<др.-чув. *ökür, ср. осм. öküz, чаг. и др. ögüz; чув. *вăкăр*, монг. ükür, üker 'бык, корова', 'крупный рогатый скот'[2, стр.111];

160. венг. sår<др.-чув. *šar, ср. др.-тюрк. и др. saz; чув. *шур*, монг. šaruk 'осадок, отстой; отбросы' [2, стр. 113];

203. венг. terd<др.-чув. *tir, ср. др.-тюрк. tiz, осм. diz; чув. *чĕр* 'колено' [2, стр.129], монг. тγрий 'голенище'.

На фоне приведенных венгерско-тюркско-чувашско-монгольских достоверных сближений нижеследующий пример обретает реальную силу:

202. венг. tengër< др.-чув, *täŋgir, ср. уйг. tängiz, осм. däŋiz; чув. *тинĕс*, монг. tөŋγiz 'море' (***-s*** вместо ожидаемого ***-r***), вероятно, позднее заимствование из какого-то тюркского языка [2, стр. 128-129].

2. **Ламбдаизм.** Для иллюстрации венгерско-чувашско-монгольского ламбдаизма 3. Гомбоц ни одного общего для этих языков примера не приводит, но отмечает, что орхонскому, османскому, казанскому и т.д. ин- и ауслаутному ***-s-*** в чувашском и монгольском во многих случаях соответствует ***-l-***: каз. *йомыш* 'дело'~ чув. *çăмăл*; каз. *кыш* 'зима'- чув. *хĕл*; орх., осм. taš 'камень' -чув. *чул* -монг. čilaγun, бур. čolū; осм. tawšan, орх. tabyšγan 'заяц'-монг. taulai, ср. др.-монг. thaplga; осм. äšäk 'осел'- монг. elči-γen [2, § 68, стр.179].

3.Гомбоц не приводит ни одного венгерского слова с признаком ламбдаизма, но в словаре под № 40 стоит венгерское bölcső 'колыбель', возводимое к др.-чув. bišiγ, ср. осм. bešik, наг. bišik 'колыбель, люлька' [2, стр. 54].

Такая древнечувашская праформа выглядит странно, ибо, как подчеркивает сам автор, ротацизм и ламбдаизм, будучи параллельными явлениями, были свойственны еще древнечувашскому языку. Однако Н.Н.Поппе к реконструкции архетипа подходит несколько иначе, нежели 3.Гомбоц: тюркское ***- š*** в не-

которых случаях возводит к *lč-*; венг. bölcső = тат. bišäk <*belčäk, ср. як.- biliä-'качать, баюкать' [5, т.18, № 2, стр.140], а также чув. *пелче* 'пеленка'.

Г.Дёрфер также отмечает противоречивость реконструкции З.Гомбоца. С его точки зрения, венгерское слово bölcső (более древняя форма belcsé), должно восходить не к *bisiγ, а к *belžig [12, стр. 275].

Относительно возникновения булгаро-тюркских заимствований в венгерском языке З.Гомбоц писал, как уже отмечалось, что ротацизм и ламбдаизм были, по-видимому, параллельными явлениями: там, где чувашско-монгольское ***r*** выступает на месте исконного z, чувашско-монгольское ***l*** замещает не глухое ***š*** (и без того имевшееся в древнечувашском; см. § 65), а исконный (тюркско-монгольский) звонкий сибилянт * ***ž*** , который во всех тюркских языках (кроме, разумеется, чувашского) прошел тот же путь, что и исконный инлаутный * ***š*** (ср. Сетяля, FUFII.273) [2, стр.179].

Теория З.Гомбоца сводится к следующему: 1) переход **z>r** (ротацизм); 2) ***ž > *l*** (ламбдаизм) являются специфическими древнечувашскими признаками. В этом отношении чувашский и монгольский языки прошли общий путь развития. Автор, не касаясь вопроса монгольско-тюркских языковых отношений, полагал, однако, что древнечувашский язык в фонетическом отношении является связующим звеном между монгольской и тюркской группами языков [2, стр. 188].

Таким образом, ротацизм и ламбдаизм как фонетические явления существовали еще в древнечувашском языке, из которого доисторические венгры, задолго до занятия ими новых земель за Дунаем, черпали свои заимствования.

В появившемся через десять лет после книг З.Гомбоца исследовании Г.Й.Рамстедта происхождение ротацизма и ламбдаизма в чувашском, монгольском, тунгусо-маньчжурских языках рассматривается под иным углом зрения. Этот автор уже отрицает общий путь или одновременность систематического перехода тюрк. ***š*** > чув., монг., тунг. ***l*** или тюрк. ***z*** > чув., монг., тунг. ***r***. Древние тюркские заимствования в венгерском, как и современный чувашский язык, писал Г.Й. Рамстедт, показывают ***l*** и ***r***. В то время, примерно в VIII веке и намного позже, предки монголов,

тогдашние татарские племена, жили на реке Онон, в верховьях Амура и в Маньчжурии. Если между чувашами и монголами и существовали близкие контакты, то они должны быть отнесены на несколько столетий вглубь истории [6, стр. 28].

Не соглашаясь с прежними взглядами (В.В.Радлов, З.Гомбоц, Сетяля и др.), Г.Й.Рамстедт выдвинул положение о том, что в алтайском праязыке, в зависимости от качества поствокала, имелись два типа проточных (liquida). Наряду с ***l*** и ***r***, выступавшими между непалатальными гласными, ***i*** предшествовали палатализованные ***l'*** и ***r'***. Первые теперь везде представлены как ***l*** и ***r***; вторые также совпали с ними, кроме, однако, тюркского языка, всецело охваченного палатализацией, приведшей к ***-š- (<*-l'-)*** и ***- z - (<*-ŕ-)***. Чувашский язык, являющийся наследником древнебулгарского языка, сегодня показывает, что булгарский еще до ***- š -<*-l'- и -z-<*-ŕ-*** географически обособился от тюркской языковой общности [7, § 54, стр.103].

По-разному подходя к проблеме ротацизма и ламбдаизма, и З.Гомбоц, и Г.Й.Рамстедт тем не менее в своих трудах [1,7] принимают за точку отсчета пратюркский ***r-/ l***-язык, от которого далее идут уже булгарский и чувашский языки.

Проблема ротацизма и ламбдаизма до конца не решена. В связи с этим Г.Дёрфер замечает: «Я не уверен, что эта проблема когда-нибудь будет решена... Нам нужно ждать обнаружения древних текстов тысячного года до н.э. Поскольку их нет, а надежда обнаружить их маловероятна, то проблема остается нерешенной» [12, стр. 275].

Протеза *в-*. Булгарско-тюркских заимствований с протезой ***в-*** в венгерском языке мало. В книге З.Гомбоца они представлены в Приложении, где, согласно автору, приводятся сомнительные тюрко-венгерские сближения:

76. венг. va1yú<чув. *валак, волак,* каз. *улак* 'желоб, лоток, колода, кормушка' [2, стр. 223];

77. венг. vërs 'состязание'<чув. *вăрçă*, каз. *орыш* 'ругань, ссора, война' [2, стр. 223];

78. венг. vék<чув. *вакă* 'прорубь', чаг. ögü. Сближение Б.Мукачи чув. *вакă* с чаг. ögü одобрить нельзя, поскольку пратюрк. анлаутное ***ö*** в чувашском замещается ***ви-, вй-***. Отношение

чув. *вакă* (<др.-чув. väki) к каз., миш. *бэке*, кар.-морд. *вәке* еще не выяснено [2, стр. 224].

Дискуссии о протетическом согласном ***в-*** касаются главным образом его древнего происхождения и наличия в волжско-булгарских памятниках (эпитафиях). По этому вопросу высказано немало интересных предположений [4, стр. 17-19, 21-24, 161-165]. Следует отметить, что на месте древне-тюркского ***ö*** в чувашском выступает не только ***ви-***, ***вă-***, как писал З.Гомбоц, но также ***ва-***, ***вы-***: чув. *ват*~др.-тюрк. öt 'желчь', чув. *вар*~др.-тюрк. öz, öδ 'сердцевина, нутро', чув. *вăкăр* ~др.-тюрк. öküz, ögüz 'бык, вол' и др.

Что касается valyú (№ 76), то для этих сближений в тюркских и финно-угорских языках М.Рясянен восстанавливает праформу *oγ1uk. чаг. oγluk 'канавка, желоб' [11, стр. 357 b]. Маргит Палло, возражая З.Гомбоцу, доказывает, что протеза ***в-*** в чувашском развилась задолго до IX века [10, т. XII, стр. 42]. Примечательно, что Г.Дёрфер волжско-булгарские числительные «10», «30», «3» приводит с протезой ***в-***: *вон, вотор, вич* [12, стр. 299, 307].

Рассматривая слово vék (№ 78), З.Гомбоц отношение чув. *вакă* к тат. *бәке*, и в целом родство приводимых им сближений, ставит под сомнение. К приведенным формам следует добавить еще марГ. *вакы*, марЛ. *ваке* 'прорубь' являющиеся прямыми заимствованиями из чувашского языка.

На наш взгляд, факт заимствования венгерским языком древнечувашских слов с протетическим ***в-*** сомнению не подлежит, не говоря уже о многочисленных подобных заимствованиях в марийском языке.

Остановимся на чувашском анлаутном ***ś*** (орф. ***ş***) и его отражении в венгерском и восточных финно-угорских языках. Чувашские слова с анлаутным ***š*** и их венгерские и тюркские соответствия достаточно полно представлены в труде З.Гомбоца:

венг. ***gy-*** = пратюрк. ***j-*** = чув. ***š*** ; венг. gyalom, ср. каз. *жылым*, миш. *йылым*, чув. *çилĕм* 'невод'; венг. gyerta, ср. алт. jarta, чув. *çурта* 'свеча'; венг. gyom, ср. алт. *joŋ*, чув. *çум* 'сорная трава'; венг. gyur, ср. уйг., осм. joγur, чув. *çăр* 'месить' (и еще тринадцать подобных сближений. – *М.Ф.*);

венг. ***sz-*** (? s-) = пратюрк. ***j-*** = чув. ***ś*** ; венг. szél, ср. уйг., осм. jäl, чув. *çил*, венг. szölö, ср. каз. juləк, чув. *çырла*; венг. szücs, ср.

каз. *jөй*, чув. *çĕвĕçĕ*<*çĕв* 'шов'. (Слов с начальным чув. ***ç-***, соответствующим венгерским ***gy-*** и ***sz-***, у З.Гомбоца насчитывается более сорока).

Такое двоякое замещение в венгерском можно объяснить лишь тем, что оно отражает древнечувашские диалектные различия. Очевидно, в одной части языкового ареала пратюркское ***j-*** перешло в ***d' ž'***, а в другой – в ***ś***. Это предположение подкрепляется следующими вариантными венгерскими формами: венг. gyűrű 'кольцо' – szűrű, szerű 'ток', ср. осм. jüzük, каз. *йозек*, чув. çĕрĕ 'кольцо, перстень'; венг. gyümölcs 'фрукт'~szëmölcs 'сосок, бородавка', ср. осм. jämiš, каз. *йимеш*, чув. *çимĕç* 'плод, фрукт' [2, стр. 180].

Сравнивая тюркские заимствования с начальным ***j-*** в венгерском, а также в мордовском, марийском и пермских финно-угорских языках, З.Гомбоц установил, что первые в венгерском передаются двояко: через ***sz-*** [таких слов всего пять: szél (182), szemölcs (183), szenű/szerő/ szűrű (185), szőllő (192), szűcs (194), где венг. ***sz-***<др.-чув. * ***ś*** ->чув. ***ś*** -< = орф. ***ç -***] и через ***gy-*** (их много, где венг. ***gy-*** <др.-чув. * ***ʒ́-*** >чув. ***ś-***), тогда как в мордовском и пермских финно-угорских языках оно передается через ***š-***, а в черемисском – через ***s-*** и ***š-***. Исходя из этого, З.Гомбоц пришел к выводу о существовании двух диалектов булгарского языка: ***ś***-диалекта, прямым продолжением которого является чувашский язык, и * ***ʒ́***-диалекта, единственными языковыми памятниками которого являются булгарские заимствования в венгерском языке [2, стр. 207-208; 14, ч. II, стр. 51-52].

Маргит Палло, исследуя эту же проблему, установила, что в процессе венгерско-чувашских контактов имели места два случая замещения тюркского ***дж***-образного звука: в первый раз (на Уральской прародине?) наличным финно-угорским **ś (>sz)**, а во второй раз (в процессе миграции) – ***-gy*** [9, XXXIII, стр.135].

Н.И. Ашмарин еще раньше, нежели З.Гомбоц, отметил, что «даже в таких древних заимствованиях из „чувашского» языка, каковы, например, заимствования, сделанные мадьярами, начальный тюркский ***j*** уже передавался неодинаковыми звуками, это доказывается, например словами; gyűrű 'кольцо' ~ чув. çĕрĕ, gyekény 'палочник'~чув. *чакан*, szőlő 'изюм'~чув. *çырла*, szel

‘ветер’~чув. *çил...*». Однако Н.И.Ашмарин считал, что «венгерские формы gyűrű и gyekény доказывают прямо, что эти чувашские речения сперва начинались одним и тем звуком. Таким образом, начальное ***c’*** в чувашском çĕрĕ ‘кольцо’, очевидно, развилось позднее и передавалось у мадьяр согласным ***gy (ȝ’)*** так как древнее чувашское начальное ***c’*** выражалось мадьярами другим звуком – ***sz*** (= русск. с), как видно из указанных выше слов szőllő и szél» [13, стр. 47].

З.Гомбоц был верен себе, считая, что венгерский язык почерпнул из булгарского языка два типа заимствований: 1) с начальным др.-чув. *š- и 2) с начальным др.-чув. *ǯ-, характеризовавших два диалекта булгарского языка [2, стр. 202-203, 207-208].

З.Гомбоц исследовал и проблему так называемых «монгольских заимствований» в венгерском языке, непосредственно относящуюся к алтаистике.

Г.Прай (Georg Pray) в своей диссертации (1775) впервые привел венгерско-чувашские и венгерско-монгольские сближения, хотя он, как и некоторые историки и языковеды XVIII века, чувашский язык считал языком финским [2, стр.11-13]. Штефан Хорват (Stefan Horvat) первым обратил внимание на то, что в некоторых случаях монгольская форма стоит ближе к венгерской, нежели тюркская: венг. ökör, тюрк. öküz – монг. üker, венг. iker, тюрк. ikis – монг. ikiri [2, стр. 19-20). Габриел Балинт (Gabriel Balint) в своей брошюре, пишет З.Гомбоц, пытается доказать ни больше, ни меньше, как ближайшее венгерско-монгольское родство... Эта курьезная книжка обратила внимание Буденца на этот интересный вопрос, и он в NyK XX, XXII привел список слов, «точное соответствие которых подтверждается особенно в восточноазиатских языках». Идет ли речь в этих случаях о непосредственных монгольских заимствованиях, Буденц этого не утверждает, он, наоборот, склонен, кажется, считать созвучные монгольские и венгерские слова заимствованиями из третьего языка, то есть древнебулгарского [2, стр. 29-30]. В статье «Монгольское в венгерском» Зигмунд Шимони (Siegmund Simonyi) решительно заявил о «монгольских заимствованиях» (FUF I, 126), полагая, что древние венгры в продолжение какого-то времени

были соседями одного из монгольских народов, поскольку можно обнаружить точное соответствие некоторых венгерских слов в монгольских языках [2, стр.30].

Однако З.Гомбоц категорически возражает против этого. Как родину венгров, так и финно-угров, пишет он, следует искать, несомненно, в Европе, а не в Азии. Прямым доказательством правильности этой точки зрения является наличие в финно-угорских языках арийских заимствований. В таком случае непосредственные контакты между монголами и венграми ни в историческое, ни в доисторическое время немыслимы [2, стр. 30].

Чтобы устранить эти затруднения Бернгард Мункачи (Bernhard Munkacsi), по мнению З.Гомбоца, выдвинул новую теорию о «монгольских элементах» в венгерском языке. Отрицая непосредственные венгерско-монгольские контакты, он считает, что слова, о которых идет речь, в венгерский язык попали скорее всего благодаря содействию тюркского языка, иначе говоря, «того тюркского языка, который характеризуется чувашскими фонетическими особенностями.., из которого происходят также многие другие заимствования в венгерском языке» (Hunnische Sprachdenkmäler im Ungarischen, KSz II, 193)... В язык угуров (= древнебулгарский. – *М.Ф.*), появившихся первыми на европейской границе и составивших западный авангард тюрок, могли внести элементы монгольского языка (далекого восточного члена алтайской языковой семьи) только гунны (там же, стр.196).

И, наконец, мнение самого З.Гомбоца относительно «монгольских заимствований»: тот факт, что во многих случаях монгольская форма стоит гораздо ближе к венгерской, получает удовлетворительное объяснение благодаря древнебулгарско-монгольскому языковому соотношению, то есть парциальным соответствиям, характерным как для монгольского, так и для древнебулгарского (и чувашского) форм, их отношению к общетюркскому типу [2, стр. 34; §§ 52 (стр.167), 67 (стр.178), 68 (стр.179)].

Работа З.Гомбоца насыщена богатейшим языковым материалом. О ней написано немало, причем преобладают положительные оценки. Однако в последнее время ее достоинства в той или иной форме ставятся под сомнение. На наш взгляд, это происходит по двум причинам. Первую из них сформулировал

М.З.Закиев: «З.Гомбоц в орбиту своего исследования не включает татарский и башкирский разговорные языки, которые формировались на территории, занятой когда-то волжскими булгарами... Так, З.Гомбоц почти каждое выбранное слово сравнивает не с реально существующим чувашским словом, а с реконструированным им самим словом, которое он называет старочувашским... Большинство приведенных З.Гомбоцом слов, называемых им старочувашскими, совпадает со словами тюркского языка огузо-кыпчакского типа, в частности, со словами татарского языка. Если бы З.Гомбоц в своем исследовании оперировал и татарским языком, то он бы это легко заметил и сделал вывод о том, что старочувашский и, следовательно, булгарский языки представляли собой языки огузо-кыпчакского типа. Однако он сравнивал специально отобранные тюркские заимствования в венгерском языке лишь с созданными им весьма условными старочувашскими словами и, естественно, пришел к выводу о близости булгарского и старочувашского языков» [15, стр.37-38].

Упрек в том, что в монографии З.Гомбоца нет материалов башкирского и татарского языков, думается, не основателен. В списке литературы по башкирскому языку имеются два источника, в том числе «Башкирско-русский словарь» В.Катаринского (Оренбург, 1899), а по татарскому языку – три, в том числе «Словарь казанских татар» Габора Балинта (Будапешт, 1877), «Татарско-русский словарь» Остроумова (Казань, 1892), «Русско-татарский словарь» Воскресенского (Казань, 1894), а также ряд капитальных тюркских словарей Л.Будагова, В.В.Радлова и других. В работе З.Гомбоца в качестве примеров даны слова не только из литературного казанско-татарского языка (у него kas. = kasan-tatarisch), но и диалектные, а значит и разговорные формы из мишарского (Mischer-Dialekt), барабинского (Baraba-Dialekt) диалектов.

Утверждая, что З.Гомбоц «почти каждое выбранное слово сравнивает не с реально существующим чувашским словом, а с реконструированным им самим словом, которое он называет старочувашским» [15, стр.37-38], М.З.Закиев имеет в виду те древнечувашские реконструкции З.Гомбоца, которые «совпадают со словами тюркского языка огузо-кыпчакского типа, в частности, со словами татарского языка» [15, стр. 38].

Однако мнение З.Гомбоца по данному вопросу сводится вкратце к следующему.

В чувашских многосложных словах ауслаутные ***-k*** и ***-g*** после гласных выпали: чув. *çăмха* ~каз. *йумуак* 'колобок, моток' и т.д. Не подлежит сомнению, что это относительно новое явление, но в древнечувашском эти ***-k и -g*** в большинстве случаев существовали в качестве спиранта, что подтверждается древнечувашскими заимствованиями в венгерском языке [2, § 57 стр.170].

В венгерском языке мы находим два типа замещений. В большинстве венгерских слов первоначальные ***-ak, -ag, -äk, -äg, -ik, -ig, -yk, -yg, -uk, -ug. -ük, -üg*** замещаются гласными ***-ó, -ú (>-u) или - ő, -ü (-ű).***

Данный долгий лабиальный гласный произошел из дифтонга (то есть гласного + γ) в историческую эпоху венгерского языка:

др.-чув. ***-aγ*** (<пратюрк. ***-ak, -ag***)>венг. ****-aγ > ó***: borsó<*burčaγ, ср. осм. burčak, чув. *пăрça*; венг. tino<*tynaγ, ср. осм. dana, каз. *тана*, чув. *тына* и т.д.;

др.-чув. ***-äγ*** (<пратюрк. ***-äk, -äg***)> венг. ****-eγ>> ő***: sőprő <*čöpräγ, ср. каз. *чупрə*, чув. ***çĕпре***; венг. ünő <*inäγ, ср. осм., уйг. inäk, чув. ***ĕне*** и т.д.

Таким же образом на многочисленных примерах иллюстрируются конечные венгерские гласные, восходящие к др.-чув. ***-iγ, -yγ, -uγ, -üγ*** [2, §58, стр.170-172].

Ко второй группе замещений относят одно- и многосложные слова, в которых первоначальное ауслаутное ***-k*** в венгерском передается через ***-k*** или ***-g:*** венг. tyúk, ср. чаг. taγuk, чув. *чăхă*; венг. szunyog< + *synyk, ср. осм. sinäk, чув. *шăна* и другие.

З.Гомбоц признавал, что среди приведенных им слов некоторые являются, пожалуй, более поздними заимствованиями из команского (кыпчакского) языка, а другие едва ли могут быть сближены с приведенными тюркизмами (венг. süveg, ср.? чув. *çĕлĕк*, чаг. jäläk; венг. tulok, ? ср. чаг. turuk) [2, § 60, стр.173].

Вторая причина сомнения в правоте З. Гомбоца несколько иного рода. Ставя вопрос о гомогенных явлениях в венгерском и чувашском языках, Г. Корнилов считает, что даже среди древнечувашских слов с признаками ротацизма и ламбдаизма, «единогласно признанных самыми надежными, многие вызывают

дополнительные, отнюдь не радужные, размышления», иначе говоря, «являются ли подобные булгаризмы (чувашизмы) венгерского языка таковыми и в славянских, романских и других европейских языках или речь должна идти об общих заимствованиях в венгерский и булгаро-чувашские из третьих источников?». Во втором случае, пишет он, «ставится под сомнение сама (более двух столетий активно разрабатываемая) проблема былых сепаратных гунно-булгаро-чувашско-венгерских этно-глоттоконтактов» [16, 1982, №1,1 стр. 54-55].

Это замечание, не основанное на методах сравнительно-исторического языкознания, нуждается в более аргументированных доказательствах. В другом месте Г.Корнилов пишет: «Нуждаются в уточнениях и некоторые чувашизмы в венгерском выявленные еще 3 Гомбоцем. Например, совр. венг. bögöly 'овод, слепень' он возводил к древне-чувашскому архетипу *bügel, из которого выводил совр. чув. *пăван, поан, пуан* 'овод, слепень'» [16, 1982, № 1, стр. 56].

Верно, что 3.Гомбоц приведенную венгерскую форму возводил к др.-чув. *bügäl (но не *bügel) и сравнил ее с осм., кирг., башк., каз. формами, но он из нее не «выводил совр. чув. пăван, поан, пуан». Такое сближение было сделано Мункачи, который к чув. пăван, по'ан привел тел. pökön: pökönök 'комар', монг. büküne 'комар'. Венгерское слово bögöly (<bögöl) следует возводить к тюрк. bügäl (без суффиксов диминутива ***-ik, -äk, -ök*** или ***-čän, -sän***) [2, стр. 53-54].

Нуждается ли «в уточнениях» данная словарная статья 3.Гомбоца? «Нам, – пишет Г. Корнилов, – представляется более убедительным венгерскую основу сравнивать с чув. ***пĕкĕ(рĕ)л(чен)*** – название для различных крылатых насекомых с согнутым туловищем, кусающих домашних животных, образованным от рефлексива *пĕкĕрĕл-* 'сгибаться, гнуться, изгибаться; горбиться, скрючиваться'» [16, 1982, № 1, стр. 56]. Не вызывает сомнения, что *пĕкĕрĕлчен и пĕкĕрĕл-* родственны, этимоном их является *пĕк-* ~др.-тюрк. bük- 'пригибаться, сгибаться' (по Г.Корнилову «чистый имитатив»): bük-ül (страд. от bük-) 'быть согнутым'. Но в чувашском языке слово *пĕкĕрĕлчен* не обозначает крылатое насекомое. Слово это вообще-то существует, но с другим значени-

ем: «горбатенький, горбунок», переносно – «серп» (*Пĕчĕкçеççĕ пĕкĕрĕлчен пĕтĕм хире пĕтерет* 'Маленький горбатенький все поле пробежал'). Его синонимы: *пĕкĕрĕлчен*, *пĕкĕрчĕк*, *пĕкĕç*, *пĕккĕрç*, *пĕккĕрч* со значением «горбатый, сутулый, сгорбленный» [17, X, стр.191]. Возможно, что в некоторых чувашских говорах Башкирии слово *пĕкĕрĕлчен* употребляется в значении «овод, слепень», но и тогда лишь в заимствованной из доминирующих соседних тюркских языков форме: тат. *бөгәлчән*, башк. *бөгәлсән*, которые кстати, не без основания приведены З.Гомбоцом.

Что касается чув. *пăван* (*пăв-ан* – причастная форма) 'овод, слепень', то его этимология ясна, ибо ***-в*** корня соответствует ***-к/-г*** вполне прозрачных тюркско-монгольских корней *бӱг-/бӱк-/бӱй-/бӱв-~бөк-~пӧк-*~чув. *пĕв-/пăв-*, ср. др.-тюрк. bök- 'запруживать, перекрывать'~ тат. диал. *бөйә* 'прудить' (тат. лит. *буа буу* 'пруд прудить') – туркм. *бөвемек* 'загораживать, преграждать, прудить'~каз. *бӧгӧ* 'плотина'~ чув. *пĕв-е* 'пруд, запруда; прудить'; осм., туркм. *бӱгі, бӱгӱ, бӱ jӱ, бӱ і* 'магия, колдовство' [18, IV, 1883]~ чув. *пăв-*: *куç пăван (пăв-акан)* 'очаровывающий'>'колдун' и др. Так что тюркско-венгерские сепаратные глоттоконтакты пока особой тревоги не вызывают.

Семьдесят лет отделяют нас от времени выхода в свет второго издания монографии З.Гомбоца «Булгарско-чувашские заимствования в венгерском языке». Главная цель автора, стремившегося к тому, чтобы «результаты этих исследований реализовать в венгерской и тюркской исторической фонетике», им достигнута. Работа З.Гомбоца, вне всякого сомнения, выдержала испытание временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Zoltan Gombocz.* Honfoglalaselőtti török jövevenyszavaink. Budapest. 1908.

2. *Zoltan Gombocz.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache.Helsinki, 1912.

3. «A magyar nyelv történeti-etimológiai szótara». Akademiai kiado. Budapest, 1967 (I), 1970 (II), 1976 (III).

4. *М.Р. Федотов.* Чувашский язык в семье алтайских языков. I. Чебоксары, 1981.

5. «Central Asiatic Journal (International Periodical for the language, literature, history and archeology of Central Asia)». The Hague – Wiesbaden.

6. *G.J.Ramstedt.* Zur Frage nach der Stellung des Tschuwaschischen. Helsinki, I922.

7. *G.J.Ramstedt.* Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre. Helsinki, 1957.

8. «Диалектологический словарь татарского языка». Казань, 1969.

9. «Ural-Altaische Jahrbücher». Wiesbaden.

10. «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hingaricae». Budapest.

11. *Martti Räsänen.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

12. *Gerhard Doerfer.* Khalaj Materials. Bloomington, 1971.

13. *Н.И. Ашмарин.* Болгары и чуваши. Казань, 1902.

14. *М.Р. Федотов.* Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. I (1965); ч. II (1968), Чебоксары.

15. «Вопросы татарского языкознания». Казань, 1976.

16. «Советское финно-угроведение». Таллин.

17. *Н.И. Ашмарин.* Словарь чувашского языка. I-XVII, Казань-Чебоксары, 1928-1950.

18. *В.В. Радлов.* Опыт словаря тюркских наречий. I- IV, СПб.. 1888-1911.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

FUF — Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki.
NyK — Nyelvtudományi Közlemenyek. Budapest.
KSz — Keleti Szemle. Budapest.

«Советская тюркология» №4, Баку. 1983.

3.18. ТИМОФЕЙ МАТВЕЕВИЧ МАТВЕЕВ

(К столетию со дня рождения)

Тимофей Матвеевич Матвеев вошел в историю чувашского языкознания как историк языка и видный диалектолог.

Он родился 25 (12) января 1884 года в крестьянской семье, в

с. Трех-Балтаево Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Шемуршинский район Чувашской АССР). В 1903 году окончил чувашскую учительскую школу и до 1911 года работал учителем. Сдав в 1911 году экстерном экзамены за курс гимназии, он поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Казанского университета и там факультативно полтора года работал в кабинете экспериментальной фонетики под руководством профессора В.А. Богородицкого. Там же он прослушал курс лекции по татарскому языку у профессора Н.Ф. Катанова.

В 1915 году по окончании университета Т.М. Матвеев был назначен преподавателем русского языка и словесности в учительской семинарии г. Глазова Вятской губернии, где проработал три года.

С 1918 по 1925 год Т.М. Матвеев работал в Шихранах (теперь г. Канаш) в учительской семинарии, на педагогических курсах, а также в педагогическом техникуме в качестве преподавателя русского языка и педагогических дисциплин.

В 1925 году Т.М. Матвеев был командирован в аспирантуру Яфетического института Академии наук СССР, где работал под руководством академика И.Я. Марра, специализируясь по тюркскому сравнительному языкознанию. С 1926 по 1928 год он участвовал в диалектологической экспедиции Академии наук СССР в Чувашской АССР.

С 1928 года Т.М. Матвеев преподает чувашский язык на рабфаке в г. Чебоксары и одновременно работает научным сотрудником Чувашского совета науки и культуры Чувашской АССР, является членом академического центра Наркомпроса, активно участвует в организации работы научных и культурно-просветительных учреждений.[1]

---

[1] Приведенные сведения о жизни и деятельности Т.М. Матвеева взяты из его автобиографии, хранящейся в научном архиве Чувашского научно-исследовательского института (отд. IV, ед. хр. 132, инв. № 217- 220).

Т.М. Матвееву принадлежит ряд научных трудов, сыгравших большую роль в развитии науки и просвещения в Чувашии, в том числе: «Грамматика чувашского языка» (Симбирск. 1919) и «Краткий обзор чувашских диалектов» («Яфетический сборник». VI. 1930). Эта работа по сей день сохраняет свое научное значение. В1960 году она была перепечатана в сборнике «Материалы по чувашской диалектологии» (вып.1, Чебоксары). Т.М.Матвеевым совместно с Ф.Т. Тимофеевым созданы стабильные учебники по грамматике чувашского языка (на чувашском языке) для V-VII классов средней школы.

Под редакцией Т.М. Матвеева был издан «Словарь чувашского языка» Н.И. Ашмарина (вып. VI,VII,VIII и IX)[2], «Русско-чувашский словарь» (Чебоксары, 1931) и «Сборник чувашских пословиц» Н.И. Ашмарина (Чебоксары, 1925).

В 1960 году была опубликована написанная Т.М. Матвеевым еще в 1930 году статья «Некоторые особенности чувашских числительных» («Вопросы чувашского языка, литературы и искусства». Чебоксары, 1966). В этой статье, написанной на основе сравнительно-исторического метода, были использованы данные языка орхонских надписей, дунайских и волжских булгар, а также современных тюркских языков.

К сожалению, жизнь Т.М. Матвеева оборвалась в 1939 году и многие его начинания, связанные с организацией науки и просвещения в Чувашии, остались незавершенными.

Имя Т.М. Матвеева, так много сделавшего для развития и изучения родного чувашского языка, навсегда вписано в историю культуры чувашского народа.

«Советская тюркология» №1, Баку, 1984.

---

[2] См.: указанный архив (отд. IV. ед. хр. 132. инв. № 216).

3.19. НАУМ АНДРЕЕВИЧ АНДРЕЕВ

1 сентября 1984 года на девяносто третьем году жизни скончался видный исследователь чувашского языка, заслуженный

работник культуры Чувашской АССР Наум Андреевич Андреев.

Н.А. Андреев (Урхи) принадлежал к числу видных чувашских языковедов, научные интересы которого были более всего связаны с историей, лексикологией, грамматикой и стилистикой чувашского языка.

Родился Н.А. Андреев 22 ноября 1891 года в деревне Ефремкасы Аликовского района Чувашской АССР. Рано лишившись отца и матери, он пошел в подпаски и работал по найму. Мечта стать учителем привела его в г. Симбирск, где он попытался поступить в чувашскую школу к И.Я. Яковлеву. Однако ему было уже восемнадцать лет, а в школу принимали только четырнадцатилетних. Работая в столярной мастерской при Чувашской учительской школе, Н.А. Андреев в 1913 году экстерном сдал экзамены на звание учителя. С началом империалистической войны Н.А. Андреев был призван в действующую армию.

После Великой Октябрьской социалистической революции Н.А. Андреев работает в Комиссариате по чувашским делам при Казанском губисполкоме и в редакции журнала «Çĕрĕçлекен» («Земледелец»).

Его статьи печатаются в чувашских изданиях. Его первые публикации связаны с практическими нуждами зарождающегося нового социально-экономического уклада, с его культурой, литературой и языком. В 1920 году, после образования Чувашской Автономной области, Н.А. Андреев переезжает в Чебоксары, где работает в переводческой комиссии, а затем сотрудником редакций чувашских газет и журналов, редактором Чувашского книжного издательства. Одновременно он заочно учится в Чувашском педагогическом институте. С 1940 по 1943 год Н.А. Андреев работает в Президиуме Верховного Совета Чувашской АССР, а затем в секторе языка Чувашского научно-исследовательского института, вплоть до выхода в 1967 году на пенсию.

Необычайно широк диапазон научных интересов Н.А.Андреева. Он – лингвист, фольклорист, литературовед, лексикограф. Среди его многочисленных работ такие монографические исследования, как «Стилистика чувашского языка» в трех книгах и «Лексикография чувашского языка», заложившие основу научного изучения стилистики и лексикологии чувашского языка.

Исследования Н.А. Андреева именных частей речи вошли в книгу «Материалы по грамматике современного чувашского языка», а высказанные им идеи об использовании словообразовательных аффиксов для нужд современного чувашского языка не потеряли своей актуальности и поныне.

Ценные работы оставил Н.А. Андреев по истории чувашского языка и исторической лексикологии. Им создано несколько терминологических словарей, а также много терминов по астрономии, ботанике, зоологии, географии, которые прочно вошли в школьные учебники и, следовательно, обогатили современный чувашский язык.

Плодотворно работал Н.А. Андреев как переводчик художественной, общественно-политической, сельскохозяйственной, научно-популярной литературы и как составитель школьных учебников и пособий.

Заметным вкладом в чувашскую культуру явился перевод Н.А.Андреева на чувашский язык «Фауста» Гёте, опубликованный в 1979 году. Начав эту работу в молодые годы, он завершил ее в восьмидесятилетнем возрасте. Этот перевод был отмечен и зарубежной прессой.

Светлая память о Науме Андреевиче Андрееве, видном деятеле чувашской науки и культуры, навсегда сохранится в сердцах его коллег, учеников, многочисленных читателей и всех тех, кто знал его и общался с ним.

«Советская тюркология» №5, Баку, 1984.

3.20. Г.Е. КОРНИЛОВ. ИМИТАТИВЫ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО. ЧЕБОКСАРЫ, 1984, 184 стр.

Рецензируемая книга включает предисловие, написанное редактором издания Н.А. Баскаковым, введение, три главы: «Учение Н.И. Ашмарина о мимемах и теория имитативов», «Обзор и опыт встречного исследования проблем имитативики в совет-

ском языкознании», «Опыт встречного исследования звуконазывающих корней с позиции чувашеведения и теории имитативов» и заключение.

Не повторяя оценок и частных выводов, сделанных нашими предшественниками, остановимся только на некоторых моментах рецензируемой монографии, предварительно отметив своеобразие ее стиля, многоплановость содержании, многоаспектность анализа, богатство использованного материала разносистемных языков и т.д. Мы ограничим свою задачу рассмотрением того основного, что отличает исследование Г.Е. Корнилова от других аналогичных по тематике работ, то есть сугубо теоретических вопросов.

Отметим прежде всего, что автор высказывает несколько необычные или, пожалуй, даже экстравагантные суждения относительно изначального состояния языка: «По нашей теории все исконные корни всех языков по происхождению **не слова, а имитативы,** единицы **качественно** иного состояния речи» (стр.67). «То, что мы назвали, **имитативом, соответствует предикативно-атрибутивной синтагме,** то есть в конечном счете – предложению!» (стр.12), и далее: «Первичный корень, как правило... не является и никогда не был словом, т.е. лексической единицей в современном понимании... Звуки, составляющие первичный корень, по происхождению являются не фонемами, а идеофонами, функционально равнозначными современному слову» (стр.181).

Так, например, имитатив **КАП- 'хвать!'** или **'цап!'** состоит, по мнению Г.Е. Корнилова, из идеофонов **К-, -А-, -П,** несущих каждый сам по себе единицу смысла или смысловыразительную функцию (а ведь предшественники автора весь комплекс **КАП-** считают единым сложным звуком), в то время как количественно равный ему антиимитатив ***кап*** 'свилеватый наплыв на дереве', состоит не из идеофонов, а из фонем **/к/, /а/, /п/,** лишенных в отдельности смысловыразительных функций, нужных лишь для совокупной символизации смысла и значения всей лексической единицы сразу и для различения смысла квазиомонимов (например: кап и кап 'емкость' и т.д.). При этом антиимитатив **кап** является словом (лексической единицей с единственно возможным ударением на вокалическом компоненте), а имитатив **КАП-**, характеризуемый особым мелодическим рисунком, допу-

скающий выделение силой голоса любых составляющих компонентов-идеофонов **(ККАП-, КААП-, КАПП-)** и, следовательно, характеризуемый подобием фразового ударения и интонацией актуального членения, допускает рассмотрение его в качестве предложения (синтаксической единицы).

Таким образом, если предположить низшую стадию развития человеческой речи, представленную только имитативами, и условно противопоставить ее высшей стадии развития языка, представленной преимущественно антиимитативами, и если заняться поисками функциональных соответствий, то окажется, что современная фонема-звук соответствует только конкретному артикуляционному компоненту былого идеофона. Функции этого идеофона в современном языке выполняет слово. То, что Г.Е. Корнилов называет имитативом, соответствует предикативно-атрибутивной синтагме, то есть, предложению!

С учетом того, что высокоразвитым приматам свойственна звуковая сигнализация (отдельные виды различают до ста звукосигналов), автор выделяет четыре качественно различных этапа развития человеческой речи: доимитативный (звуковая сигнализация, еще в какой-то степени аналогичная обезьяньей), имитативный (отразился в погашенном виде в составе производящих корней-радиксоидов обычных современных «национальных» слов), постымитативный (продолжается по сей день), неизвестный будущий (предельно формализованный?).

Начало конца имитативного этапа, по Г.Е. Корнилову, относится ко времени уже первых актов взаимодействия выделившихся наречий, результатом чего были односторонние, двусторонние и многосторонние заимствования, вызвавшие, оппозицию, **«наследуемые непроизводные и производные имитативы: заимствованные непроизводные и производные имитативы».** Накопление непрозрачных заимствований, абсолютизация практики произвольного использования мотивированных по происхождению звукосочетаний и т.п. – привели к тому, что возникло новое, более глубокое, противопоставление – **«имитативы: антиимитативы»**, а это, в свою очередь – к сосуществованию идеофоники имитативов и синхронной фонетики антиимитативов, та или иная степень унификации которых достигалась за

счет ослабления позиций имитативов, число и употребительности которых все более сокращались.

Опуская очень интересные доказательства автора, объясняющие почему естественную человеческую речь следует считать в конечном счете искусственным созданием (стр. 53-58), являющимся одновременно и следствием, и результатом деятельности коллективного разума, остановимся на авторском понимании термина «имитатив». Термин «идеофон», как мы видели выше, в теории Г.Е. Корнилова закрепился в качестве базисной единицы низшего порядка и поэтому не может быть эквивалентом ашмаринского термина «мимема» (идеофон относится к имитативу как нефункционально фонема-звук относится к слову-антиимитативу); термин «мимема» не несет необходимой для теории Г.Е.Корнилова стержневой идеи абсолютной противопоставленности явлений в сфере подражаний всему тому, что выходит за пределы этой сферы, поскольку Н.И. Ашмарин функционально и как объект разных дисциплин, требующих неодинаковых методов исследования, не противопоставлял мимемы «немимемам» в том плане и в тех аспектах, в которых противопоставляются имитативы и антиимитативы; терминологическое словосочетание «образные слова» не только имеет второй, чисто литературоведческий смысл и традиции употребления, но – самое важное – с позиции теории имитативов подражания вовсе и не слова; традиционный термин «звукоподражание» абсолютным большинством авторов понимается узко, как подражание различным звукам и звучаниям, в то время как под термином имитатив автор рецензируемой монографии понимает подражание с помощью звуков объектам живой и неживой природы, а также их различным свойствам и качествам, отдельным событиям и явлениям; имитативы состоят из идеофонов, также выражающих единицу смысла; если в современных постымитативных языках имитативы низведены до статуса слов одной из частей речи, то в предыдущую, имитативную, эпоху это были единственно возможные максимальные отрезки речи, несущие в себе зародышевые состояния категорий предикативности, модальности, времени.

Согласно наблюдениям и умозаключениям автора монографии, имитатив – это и музыкальный образ, включающий в себя

понятие о характерном признаке или свойстве, качестве отображаемого; это результат мысленного и художественного, эмоционального восприятия объекта или явления одновременно.

Имитатив исторически является фактом первобытного творчества человечества тем, из чего позднее возникнут в качестве самостоятельных элементов:

1) ритм, положенный в основу относительно изолированных от речи музыкальных мелодий;

2) воспринимаемая зрением характерная деталь явления или объекта, положенная в основу почти полностью изолировавшейся от речи живописи;

3) эмоциональная окраска слова, положенная в основу поэтического творчества и прозаической стилизации;

4) чистое понятие или чистый смысл, положенные в основу логических умозаключений представителями конкретных наук и философии;

5) звуковые комплексы вторичных имитативов и производных имен, глаголов, служебных элементов и т.п., положенных в основу синтаксически нормированного постымитативного языка конкретных племен и народов.

Сказанное приводит Г.Е. Корнилова к мысли, что с изучения имитативов следует начинать не только попытки решения проблем глоттогенеза, но также и исследования в области истоков музыки, живописи, поэзии, философии.

С изложенным тесно связаны положения автора монографии, согласно которым компаративисты сближают преимущественно цельнооформленные слова; их не интересует история вообще, а занимает история конкретных языков; при этом ими не учитывается, что история отдельного языка в ретроспективе предельна и каждое слово имеет свое время возникновения и свою историю употребления и распространения, поэтому антиисторично восстановление архетипов для всех слов отдельного языка или семьи языков в единый хронологический срез так называемого праязыка. Ретроспективный выход за хронологические пределы новых языков современных и древних народов должен иметь целью не бесконечное реконструирование архетипов инвентаризованных на сегодня лексико-грамматических единиц, а вос-

становление давно изжитого качественно иного состояния речи вообще. Поэтому автор отвергает декларированное компаративистикой понимание древнейших корней в качестве лексических единиц, допускающих дальнейшее морфологическое членение, так как согласно его теории все исконные (или первичные) корни всех языков по происхождению – не слова, а имитативы, единицы качественно иного состояния речи (см. выше).

Тем не менее, теория имитативов как наука в целом не противопоставляется Г.Е. Корниловым традиционному сравнительно-историческому языкознанию и не признана его заменить. Имитативика, по мысли автора, должна дополнить компаративистику, четко разделив с ней объекты исследования: хронологически имитативику интересует этап, предшествующий тому, рамками которого ограничены интересы компаративистики. Материально имитативику интересует главным образом первичный корень слова и живой имитативный фонд, в то время как компаративистику интересуют в первую очередь историческое словообразование и словоизменение, то есть суффиксы, префиксы, флексии, основы, слова-антиимитативы – в совокупности их исторических значений и функций. Из сказанного закономерно вытекает, что автор делает заявку на существование и утверждение нового направления в чувашеведении, тюркологии и языковедении вообще.

Исследователю, приверженному к методам сравнительно-исторического языкознания, монография Г.Е. Корнилова покажется, возможно, несколько «странной», но суть проблемы, поднятой им, сложнее, шире и глубже, и она сознательно выведена автором за пределы сравнительно-исторического языкознания. Идет ли эта работа в ногу со временем, когда основной костяк языковедов занимается историческими исследованиями национальных языков – покажет время, однако любой отрицательный наскок при оценке книги Г.Е.Корнилова будет неуместен. При всем этом пока нет оснований полагать, что рецензируемая работа приблизила то время, когда будут раскрыты истоки возникновения языка и, следовательно, мышления.

Г.Е.Корнилов в своей книге вступает в острую полемику чуть ли не со всеми положениями своих предшественников, часто без упоминания имен последних.

Объем этимологии и сравнений в книге таков, что только в третьей главе (стр. 68-180) одних чувашских примеров приведено больше, чем в «Этимологическом словаре» В.Г. Егорова.

Само собой разумеется, наша рецензия не исчерпывает основных теоретических положений книги и не подвергает анализу собственно этимологическое ее содержание, ибо множеству приводимых автором сравнений должна быть посвящена специальная критическая статья. Считаем монографию Г.Е.Корнилова «Имитативы в чувашском языке» событием, заслуживающим внимания, как в чувашском языкознании, так и в тюркологии в целом, тем более что она способна стимулировать развитие ряда смежных дисциплин.

«Советская тюркология» №6, Баку, 1984. С.75-77.

3.21. Б.МУНКАЧИ О ТЮРКСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

В научном архиве Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР [1] хранится статья Б.Мункачи «Турецкие элементы в венгерском языке» вместе с сопроводительным письмом от 15 мая 1897 года на имя Н.И.Ашмарина в Казань, куда последний, окончив в 1894 году Московский Лазаревский институт, приехал на работу.

Наше обращение к этому архивному документу связано в первую очередь с тем, что он достаточно полно освещает историю исследования тюркских заимствований в венгерском языке, особенно тех, которые относятся к самому раннему периоду обогащения венгерского языка булгаро-тюркской лексикой.

Бернат Мункачи (в письме Dr. Bernhard Munkacsi) родился 12 марта 1860 года в Надьвараде, ныне Орадя (Румыния), и умер 21 сентября 1937 года в Будапеште. Он окончил Будапештский университет (1882). Им созданы труды в области сравнительно-исторического языкознания, тюркологии, иранистики и этнографии. Он изучал языки и быт финно-угорских народов Повол-

жья и Западной Сибири. Редактировал журнал «Ethnographia», основал журнал «Keleti Szemle», организовал Венгерский комитет Международного общества Средней и Восточной Азии (1904) [2, стр.115-116]. В 1910 году был избран академиком Венгерской академии наук.

Еще задолго до Б.Мункачи многие ученые считали, что в венгерском языке имеется довольно большой пласт общевенгерской лексики, заимствованной до 896 года, когда «семь племен венгров под предводительством Арпада окончательно перешли Карпаты и обосновались в бассейне рек Дуная и Тисы» [3, стр.345].

Интерес к прародине венгров, происхождению венгерского языка, его связям с языками тюркоязычных и нетюркоязычных народов Поволжья и Перми усилился особенно в 60-70-е годы XIX века, когда Венгрия «сохранила свою отдельную (от Австрии. – *М.Ф.*) конституцию и получила возможность для самостоятельного национального развития» [3, стр.347].

Чтобы практически овладеть чувашским языком, двадцатипятилетний Б.Мункачи отправляется в тогдашний чувашский научно-культурный центр – в Симбирскую чувашскую школу. Вот что писал об этом И.Я.Яковлев – инспектор этой школы:

«В1885 году школу посетил некто Мункачи, выдававший себя за венгра, впоследствии член Будапештской академии наук. Он явился ко мне с запиской от Н.И.Ильминского, как изучающий чувашский язык... Месяца три подряд очень усердно приходил в чувашскую школу, беря уроки у меня и у учителей по чувашскому языку... Уроки ему давались бесплатно. По словам его, он не преследовал каких-либо политических целей, а просто хотел с научной целью изучить чувашский язык как лингвист... Надо заметить, что прежде чем приехать в Симбирск, этот Мункачи побывал у вогулов, вотяков. В чувашском языке он сделал за время пребывания в Симбирске большие успехи» [4. стр.141-142].

Вернувшись на родину, Б.Мункачи приступил к исследованию истории венгерско-тюркских языковых связей. В своих статьях он постоянно подчеркивал важность булгарского вопроса и в первую очередь изучения словарного состава чувашского языка. Его статья от 15 мая 1897 года (эта дата стоит в сопроводительном письме), высланная Н.И.Ашмарину, представляет собой

одну из первых и весьма успешных попыток молодого ученого определить тюркско-булгарские древние элементы и их роль в развитии современного венгерского языка.

В сопроводительном письме Б.Мункачи ясно изложил свой подход к решению этой нелегкой проблемы: «Я издавна интересуюсь чувашским языком, находя в нем важнейший источник турецких (тюркских. – *М.Ф.*) элементов нашего мадьярского языка. В знак моей искренней благодарности я осмелился Вам послать мои сочинения, относящиеся к Вашему предмету. Теперь посылаю список тех турецких элементов нашего языка, которые на себе носят характер того – по-моему „угур, огур, югур»[1] именем названного наречия, из которого и сегодняшнее чувашское развилось. Эти данные очень важные документы истории чувашского языка, в них находятся те древние формы, через которые нынешние из общетурецких (здесь и далее: общетюркских. – *М.Ф.*) образовались. Если, например, общетурецк. ***йӳзӳк***, чув. ***çĕрĕ*** 'кольцо', в мадьярском ***дьӳрӳ,*** 'кольцо': это показывает на то, что: 1) чув. ***š*** (***ç***) на начале слова через ступени ***дь, ть, чь*** состоялось (образовалось. – *М.Ф.*); 2) что окончание – ***ӧ*** (короткий звук) не был всегда коротким, а из ***-ӳк***, через ***-ӧӳ***, ***-ӧ***: на ***-ӧ*** менялось. И так свидетельствуют и все другие данные о старых формах чувашского» [1, стр.186]. Об этом более подробно будет сказано во 2-й и 3-й частях списка «Турецких элементов в венгерском языке...».

Далее речь пойдет о списке «турецких элементов с особыми знаками (признаками. – *М.Ф.*) прихождения (происхождения. – *М.Ф.*) из какого-то наречия, очень близкого к чувашскому».

В вводной части списка венгерских, чувашских и общетюркских слов, разделенных автором на восемь групп на основе их фонетических признаков, Б.Мункачи отмечает: «Следующие слова венгерского языка составляют... древние памятники чувашского; показывают те формы, через которые нынешние

---

[1] Венгры сами себя называют magyar... Вне Венгрии magyar почти не употребляется: нем. Ungar, фр. Hongarois, англ. Hungarian и т.д. заимствованы из русского языка. Древнерусское ***угринь*** восходит к этнониму *оногур*, обозначавшему тюркские племена, но присвоенному русскими и венграм, поскольку последние с оногурами тесно соприкасались. Современный этноним *венгр* в русский язык перешел из польского путем обратного заимствования [3, стр.342-343].

чувашские формы из общетурецких (общетюркских. – *М.Ф.*) развились» [1, стр.187].

Приведя примеры на «частное фонетическое явление, что чув. **р** = общетур. **з**», Б. Мункачи подчеркивает, что «это же явление видно в следующих турецко-мадьярских словах: **iker** 'чет'~чув. ***йĕкĕр***, общетюрк. **икиз; ökör** 'бык'~ чув. ***вăкăр***, общетюрк. ***ökÿз;*** **borju** 'теленок' ~ чув. ***пăру*** общетюрк. **бозаґу,** тат. **бозау**; **ir** 'писать'~ чув. ***çыр***, общетюрк. **яз-; gyürü:** 'кольцо'~ чув. ***çĕрĕ,*** общетюрк. ***йÿзÿк*** и т.д.» [1, стр.187-188].

Если учесть, что венгерские слова, вкрапленные в основном в латинские тексты («отрывочные памятники»), стали появляться только с XI века [3, стр. 355], то нет сомнения в том, что приведенные Б. Мункачи слова являются древними тюркскими (в данном случае в ротацирующей форме) заимствованиями в венгерском языке. Об этом говорят следующие даты их первого упоминания: **iker** (1095. – 17, т. 2, стр.196), **ökör** (1181. – 17, т. 3, стр. 23), **borju** (1211, – 17, т. 17, стр. 345), **ir** (1372 – 17, т. 2, стр. 227-228), **gyürü:** (1358. – 17, т.1, стр.1140). Таким образом, этимологический словарь венгерского языка [17] отвергает хронологическую неуточненность заимствований, которые вошли в венгерский язык, разумеется, за несколько веков до их первой регистрации.

В общей сложности Б.Мункачи приводит шестнадцать ротацирующих форм, причем некоторые из них оставляются им без чувашских соответствий, так как они ему, как он пишет, «вовсе неизвестны». Поэтому он просит Н.И.Ашмарина: «Я был бы Вам благодарен, если бы Вы мне и эти написали».

Трудно сказать, выполнил ли Н.И.Ашмарин просьбу иностранного коллеги, но в своих «Материалах для исследования чувашского языка», вышедших год спустя после письма Б.Мункачи, он приводит все пять указанных выше венгерских ротацирующих слов, ссылаясь при этом, однако, не на Б.Мункачи, а на Хунфали (Hunfaly) [5, стр. 96, сноска 2]. Значит, еще до письма Б. Мункачи Н.И.Ашмарин был хорошо знаком с венгерскими источниками, посвященными этой теме.

Указывая на ряд чувашско-тюркских соответствий, когда «общетюркское окончание ***-к*** (***-ак, -к, -ик*** и т.д.) в чувашском во втором слоге и далее обычно отпадает, как, например, чув. ***сивĕ*** 'холод-

ный'= тат. ***сыук,*** чув. ***ора*** 'нога'= тат. ***аjак***...», Б.Мункачи приводит двадцать пять венгерских слов, потерявших, как и чувашские слова, конечные ***-к.*** Вот некоторые из них:

komlo 'хмель' ~ *хумла ~ кумлак*
borso 'горох' ~ *пăрça ~ бурчак*
ünö 'молодая корова' ~ *ĕне ~ инэк*
gyürü 'кольцо' ~ *çĕрĕ ~ йӳзӳк* и т.д.

Однако в этом списке многие венгерские формы также оставлены без чувашских соответствий, но при наличии всех соответствующих общетюркских форм с конечным ***-к*** [1, стр.187-188].

Вопрос замещения первоначальных тюркских ***-ak, -ag, -äk, -äg, -ik, -ig, -yk, -yg, -uk, -ug, -ük, -üg*** в многосложных словах гласными ***-o, -u (>-u)*** или ***-ö, -ü: (> ü)*** в наиболее полном и систематизированном виде был разработан позднее З. Гомбоцем [6, стр.170-172].

В третьей части рассматриваемого документа речь идет о соответствии начального венгерского ***sz (c)*** чувашскому ***ś (ç)*** и общетюркскому ***j(ü)***: венг. **szél** 'ветер'~ чув. ***çил***, общетюрк. **jel, jil;** венг. **szücs** 'скорняк'~ чув. ***çĕвĕç/çӳçĕ*** (у автора ***šülźĕ***, что ошибочно), тур. **jüjlä-**, чув. ***çĕле-*** 'шить'; венг. **szöllö**, древняя форма **széllé** 'изюм'; виноград; ягоды разных растений' ~ чув. ***çырла***, общетюрк. **jizläk (*излăк*),** тат. ***илăк.*** Здесь, видимо, описка: тат. **jiläk**, койб. **čestäk** [6, стр.180]. Венг. **süveg** 'шапка' ~ чув. ***çĕлĕк***, чаг., перс. **jelek** 'род шапки' |7, т. XXI, стр.125]. З. Гомбоц, однако, чув. ***çĕлĕк/ ĕçлĕк*** к венг. **süveg** возводит под вопросом [6, стр.118]. Венг. **szérü:** 'ток'; 'круги на воде, образующиеся от брошенного камня' – также **szürü:** ~ чув. ***çĕрĕ***, общетюрк. **jüzük** [см. 7, т. XV, стр.464]; венг. **sajt** 'сыр'~ чув. ***чăкăт,*** тур. **jogurt** 'кислое молоко' [7, т. XXI, стр.124]. Что касается тур. **jogurt,** як. **suorat**, то З.Гомбоц считает, что они с чув. ***чăкăт*** не сопоставимы; в качестве подлинного соответствия он приводит караимск. **čyγyt** 'сыр' [6, стр.113].

Вопрос о соответствии венгерского ***sz(c)*** чувашскому ***ś (ç)*** и общетюркскому ***j(ü)*** получил свое дальнейшее развитие в работах Н.И. Ашмарина и, возможно, не без влияния письма Б.Мункачи. «Даже в самых древних заимствованиях из «чувашского» языка,– пишет Н.И. Ашмарин, – каковы, например, заимствования, сделанные мадьярами, начальный тюркский ***j*** уже передавался

неодинаковыми звуками. Это доказывается, например, словами: **gyürü:** 'кольцо'~ чув. ***çĕрĕ***, **gyekeny** 'палочник' ~ чув. ***чакан***, **ir-** 'писать' чув. ~***çыр-*** **iker** 'чет'~ чув. ***йĕкĕр***, **szél** 'ветер' ~ чув. ***çил***, **szü:cs** 'скорняк' ~ чув. ***çĕвĕç***, **szőllő** 'изюм'~ чув. ***çырла***, **gyermek** 'дитя'~ чув. ***çамрăк***, ***çармăк*** 'молодой'.

На основании этих и аналогичных примеров Н.И. Ашмарин приходит к заключению, что «венгерские формы **gyürü:** и **gyekény** доказывают прямо, что эти чувашские речения сначала начинались одним и тем же звуком. Таким образом, начальное ***c'*** в чувашском ***çĕрĕ*** 'кольцо', очевидно, развилось позднее, из какого-то более раннего звука, передававшегося у мадьяр согласным ***gy (д')***, так как древнее чувашское начальное ***c'*** выражалось мадьярами другим звуком, **sz** (= рус. **с**), что подтверждается словами **szöllő** и **szél** [8, стр. 47-48], ср. приведенную из письма Б.Мункачи выдержку: «Общетур. ***йўзўк***, чув. ***çĕрĕ*** 'кольцо' в мадьярском ***дьўрў*** : слышно: это показывает на то, что 1) чув. ***ś (ç)*** на начале слова через ступень ***дь, ть, чь*** составлялось» [см. пункт. 5. – *М.Ф.*].

3.Гомбоц такое двоякое замещение пратюркского ***j*** в венгерском (через ***gy-~sz-***) объяснял существованием в древнечувашском языке диалектных различий: в одной части языкового ареала пратюркское ***j*** перешло в ***d' ž'***, а в другой – в ***ś***. Это предположение подкрепляется, по его мнению, следующими двойными венгерскими формами: **gyürü:** 'кольцо'- **szürü:, szérü:**'ток ', ср. осм. **jüzük**, каз. **йөзек**, чув. ***çĕрĕ*** 'кольцо, перстень'; **gyümölcs** 'фрукт' - **szëmölcs** 'сосок, бородавка', ср. осм. **jämiš**, каз. **йимеш**, чув. ***çимĕç*** 'плод, фрукт' [6, стр.180].

На булгарских эпиграфических памятниках XIII-XIV веков на месте глухого палатального ***š (ç)*** выбита арабская буква ج – джим: جر / جور – чув. ***çĕр***, но др.- тюрк. **jüz** 'сто', ج و – чув. ***виç***, но др.-тюрк. **üč** 'три' и др. [9, стр. 21-25]. Ответить на вопрос о том, передавала ли арабская буква ج лишь звонкое палатальное **d' ž'**, затруднительно, так как эта же арабская буква могла служить для передачи глухого палатального ***ś***.

В четвертой части работы Б.Мункачи указывает, «что против общетюркского ***a, o, y*** в середине слова там (то есть в чувашском. – *М.Ф.*) находятся ***ы, ă***», иллюстрируя это следующими общетюркскими примерами: ***бал*** 'мед', ***бакыр*** 'медь', ***балчык*** 'грязь',

бар- 'уходить', ***бак-*** 'смотреть', ***тары*** 'крупа', ***тамыр*** 'жила', ***тут-*** 'держать', ***карын*** 'брюхо', ***ката*** 'твердый', арабо-турецк. ***хабер*** 'слух', ***хазине*** 'казна' = чув. ***пыл, пăхăр, пылчăк, пыр-, пăх-, тырă, тымар, тыт-, хырăм, хыдă, хыбар, хысна***. Из приводимых «таких в венгерском» примеров наиболее достоверными и ранними являются:

tinó	'молодой бык'	~чув. *тына*,	общетюрк. *тана*
disznó	'свинья'	~чув. *сысна*,	общетюрк. *тонгуз*
csikó	'жеребенок'	~чув. *т'ыха*,	монг. *дага*
tilo	'мялица'	~чув. *тылă*	тат. *талкы*
ir-	'писать'	~чув. *çыр-*,	тур. ***яз-*** и др?

Что касается венг. **szirony** 'украшенная тонкая кожа' и его чувашского соответствия ***сăран*** (тат. ***соран***) 'сыромятная кожа', то по этому поводу З.Гомбоц позже отмечал, что «венгерское слово зарегистрировано лишь в XVI веке; это скорее всего позднее тюркское заимствование» [6, стр.124]. Остальные восемь венгерских слов оставлены без чувашских соответствий.

Автор приводит примеры соответствия чувашскому редуцированному ***ĕ*** общетюркских ***ö, ÿ***: чув. ***пĕлĕт***'=тюрк. **bülüt**, чув. ***пĕт-*** 'кончаться' = тюрк. **büt-**, чув. ***тилĕ*** 'лисица' = тюрк. **tülkü**, чув. ***кивçен*** 'взаймы'= монг. **külüsün**, венг. **kölcsön**. Далее он пишет, что «между [тем] образуются и дифтонги: тур. **kök** 'синий'= чув. ***кăвак***, **tört, dört** 'четыре' = ***тăваттă***. Ср. як. **куөх, туөрт** (у Б.Мункачи **tüörd.** – *М.Ф.*), из чего следует, что чув. ***кăвак***, ***тăватт*** 'образовались из: ****кӳök, *кăăк, *кăак***; ***тӳöтт, тĕäтт, таат.*** На этом основании,– продолжает он, – можно понимать долгое гласное ***é (ĕ)*** против общетурецкого ***ö, ü*** в этих мадьярских словах: ***kék (кēк)*** 'синий'~ чув. ***кăвак***, тур. **kök, kük**» [1, стр.189]. Остальные пять венгерских слов представлены без чувашских соответствий.

Б.Мункачи поднял очень важный вопрос о природе долгих гласных и дифтонгов, их взаимосвязанном развитии. В этом отношении венгерское слово **кéк** примечательно, ибо отражает прежнюю тюркскую долготу типа туркменского **гө:к** (орф. ***гөк***).

А.М. Щербак отмечает, что «чувашские формы ***кăвак***, ***тăвадă*** и ***тăвар*** (ср. як. ***кӳөх, тӳöрт, тӳс;*** туркм. ***гö:к, дö:рт, дӳз***) не обязательно должны быть первичными по отношению к тур-

кменским и якутским. Если допустимо развитие долгого гласного из дифтонга, то вполне возможен и обратный процесс, т.е. дифтонгизация долгого гласного», находя подтверждение этому предположению в высказывании Н.М. Мелиоранского: «Не вероятно ли, что как раз у чувашей, которые в течение столетий были отделены от других тюрок, первоначальные долгие гласные стали дифтонгами, что как раз у них различными способами развились вторичные звуки» [10, стр.125].

Б.Мункачи намного раньше других исследователей высказал весьма конструктивную мысль о природе долгих гласных и дифтонгов.

Отмечая, что «в чувашском *м* против тур. ***нг: тăм, тăн*** 'изморозь' – як. ***тон*** - 'мерзлый, мороженый', ***çăм, çăн*** 'шерсть' = осм. ***йонг, çăмăл*** 'легкий'= тат., алт. ***енгил***», Б.Мункачи приводит три венгерских примера, в которых конечные ***-т*** совпадают с чувашским ***-м: gyom (дьом)*** 'плевела, трава...'= чув. ***çом***, алт. ***йонг*** 'дерн'; **szám (сāм)** 'число'; = чув. ***сом, сум*** (у Б.Мункачи в этом месте прочерк. – *М.Ф.*), тур. ***сан.*** Однако третий пример – то есть венг. **gém (гēм)** 'цапля' по отношению к тюркским формам (**койб.**, кар. **кö:gön** 'утка') едва ли безупречен. З.Гомбоц его сопоставление (в числе других тюркских) с чувашским ***кăвакал*** как в семантическом, так и фонетическом отношении считает неубедительным [6, стр.216], в то же время первые два венгерских слова (**gyom** и **szám**) относит к древним заимствованиям [6, стр.184].

С отсылкой на словарь Н.И.Золотницкого [11,стр.25-29. – *М.Ф.*), где чувашские слова с начальным ***в-*** стоят «против общетурецкого начала ***о-, и-***», Б.Мункачи указывает на два венгерских примера с протетическим **v-: válú (вāлу)** 'корыто'~чув. ***валак*** (и замечает: «окончание не чисто чувашское». – *М.Ф.*), тат. улак, чаг. олак; vajnak (вёйнёк) 'изгиб на плечевой лопатке' (чувашского соответствия нет. – *М.Ф.*), чаг. **oj**... (последние три буквы неразборчивы. – *М.Ф.*) 'сустав'. Соответствие венг. ***válуú***~чув. ***валак, волак*** З.Гомбоц считает фонетически неприемлемым [6, стр.223], а венг. **vajnak** в своем исследовании вообще не упоминает.

Мар Г. ***валак,*** мар Л., В. ***волак*** чувашского происхождения, поскольку остальные тюркские формы имеют гласное начало: ***олак / улик / олук*** – чув. ***валак/вулак***.

В заключительной части исследования Б.Мункачи привел слова, которые, на его взгляд, «только из чувашского и мадьярского известны». Чтобы судить, в какой степени это справедливо, мы решили ввести кое-какие дополнения, в том числе даты первоначального упоминания нижеследующих слов в соответствующих источниках согласно TESz [17]:

(1) **kőris (кö:риш)** 'ясень' (1055. – 17, т. 2, стр. 618) чув. ~ ***каврăш***. В чувашском со значением 'ясень' имеется ряд фонетических вариантов: ***карăш*** (***карăш йӳç***), ***кавăрăç/кавăрç***; ***каврăç/карăç***. Слово это представлено в татарском – ***корыч агач***, башкирском – **корос ағас**. Его след обнаруживается на Кавказе как в тюркских – карач. ***кӳрӳз*** 'ясень', так и в иранских языках– осет. **k'ärz** 'ясень', которые, по мнению В.И.Абаева, имеют древнечувашское происхождение [см. 12, стр.84]. З.Гомбоц венг. **köris** и его варианты сближает также с монгольским **küirüs** 'ясень' [6, стр.106].

(2) **kicsiny (кичинь)** 'малый' (1215/1550. – 17, т. 2, стр. 483) ~ чув. ***кĕçĕнь***, тат. ***кече*** (без окончания ***-нь***).

(3) **őr, őrl** 'молоть' (1416. – 17, т. 3, стр. 36) ~ чув. ***авăр-***.

Первоначальным значением данного слова является «вертеть, вращать, крутить». Поэтому сближение чув. ***авăр-*** с осм. **äwir-**, алт. **äbir;** сой. **är-**, каз. (=тат.) **äüər** закономерно [6, стр. 112, 168].

(4) **serte (шэртэ)** (1395. – 17, т. 3, стр. 526-527) чув. ***шăрт***. Б.Мункачи вопрошает: что значит тат. ***ширт*** у Зол[отницкого]. Речь идет, конечно, о слове со значением «клятва», восходящем к арабско-тюркск. **šart** 'соглашение, условие', алт. **šert** 'клятва' [13, стр. 431]. Сюда же относится, пожалуй, чув. ***шăрт*** 'название божества: место жертвоприношения' [14, стр. 341].

Чув. ***шăрт*** 'щетина' имеет надежные тюркские параллели: др.-тюрк. **syrt**, башк. шырт 'щетина'. Г.Рамстедт тюркские и венгерские формы сближает с монгольским **sirke**, калм. **širkə=širkəG** [15, стр. 3606] (орф. ***ширкг*** 'уксус'; 'щетина, щетинистый'. – *М.Ф.*).

(5) **tü:kör**, древн. **tiker** 'зеркало' (1215/1550. – 17, т. 3, стр. 1010) ~ ***тĕкĕр***.

Остальные тюркские и монгольские соответствия в ауслауте имеют – **к**: тат. ***тугарак***, башк. ***туңгарак*** 'круглый (о плоских

предметах); кружок, круг, окружность; диск'; х.-монг. ***төгрөк*** 'круг, кружочек' (ср. ***тугрик*** 'денежная единица в МНР'). В.Г. Егоров писал: «Восточные зеркала первоначально представляли собой полированный металлический круг; ст.-слав, (др.-болг.) ***тикръ, тыкъръ, тикра*** 'зеркало' сохранились от древних булгар-тюрков, смешавшихся на Балканах с славянами» [12, стр. 244]. Чув. ***тĕкĕр*** >марГ. ***тĕгĕр***.

(6) **csekély** (ЧЭКЭЛЬ) 'недостаточно, мало' (1584.– 17, т.1, стр. 491) ~ чув. ***сахал***. Приведем другие тюркские соответствия: туркм. ***сәхәл*** 'чуть, чуть-чуть, немного', кирг. ***саал***, каз. ***сәл***, ср. х.-монг. ***сага*** 'немного, немножечко; мелочи; незначительный', ***бага-сага*** 'понемногу, немного', но З.Гомбоц в своей монографии ~ чув. ***сахал*** вообще не рассматривает [6, стр. 64]. Чув. ***сахал***>мар. ***шагал***, марГ. ***шäхäл*** 'мало, немного'. Наряду с венг. **csekély** приводится также форма **sekély (шэкэль)** (1533. – 17, т. 3, стр. 511), которая совпадает с горномарийской ***шäхäл.*** Здесь наблюдается регулярное соответствие чув. ***с*** -, мар. **ш-** в более ранних заимствованиях. Следовательно, венг. **sekély** отражает древнечувашское ***ä***, которое впоследствии перешло в ***а : сахал.***

(7) **katáng** «Cichorium intybus» 'цикорий' (1395. – 17, т. 2, стр. 405) ~ ***катан пир*** [' полотно' тат. ***кэтэнь*** 'лен'. Однако Б.Мукачи значение тат. 'лен' передает турецкой формой **keten**, но тат. **житен** ~ чув. ***йĕтĕн*** 'лен'. В татарском значение 'полотно', 'холст' передает устная форма ***китэн***. Еще З.Гомбоц указывал, что осм. **kätän** <араб. كتان 'лен' [6, стр.219]. Об этом «преднеазиатском культурном слове» исчерпывающие сведения имеются у В.И. Абаева [см.: 12, стр.81].

(8) **bársony** (бäршонь) 'бархат' (1221. – 17, т. 1, стр. 255) ~ чув. ***пурçăн*** 'шелк'. З.Гомбоц в своей монографии [6] эти соответствия вообще не рассматривает. Они, по всей вероятности, в венгерский и чувашский языки проникли из разных источников – тюркских языков. Тюркские формы, считает В.Г.Егоров, восходят к персидскому *äбришом* 'шелк' [12, с.166]. Но если близость, скажем, тур. **ibrişim** к перс, *äбришом* сомнения не вызывает, то этого нельзя сказать в отношении казахского *бартын* 'шелк' – др.-тюрк. **barčïn** 'шелковая материя'. Имеющееся в финно-угорских языках Поволжья и Перми название «шелк» явно тюрк-

ского происхождения: мар. ***порсын*** (<чув. ***порçăн***), удм. ***буртчин*** (<др.-тюрк. **barčïn**), эрз. ***барсей*** (<?).

(9) **mogyoró (модьорö)** 'орех' (1055. – 17, т. 2, стр. 941-942)~ чув. ***мырьă, мăйăр***.

Других тюркских соответствий не обнаружено. З.Гомбоц склоняется к мысли, что чув. ***мăйăр*** древневенгерского происхождения [6, стр. 221], тогда как Б.Мункачи полагает обратное. Такие тюркские сближения, как башк. ***муйыл***, каз. ***мойыл*** 'черемуха' [12, стр. 130], явно неубдительны. Во всяком случае, названия ореха в чувашском и венгерском языках являются не случайными, а древними уникальными генетическими соответствиями.

(10) **társ (тäрш)** 'товарищ' (1138/1329. – 17,т. 3, стр.857) ~ чув. ***тавраш*** (см. Ethnogrhia, VI11, 29). Основное (прямое) значение чув. ***тавраш/тараш*** 'окружье, окруженье', образовавшееся от чув. ***тавра/тара***< др.-тюрк. ***tegrä/tegirä*** 'вокруг, кругом' и словообразовательного афф. ***-ш*** (<др.-тюрк. **eš** 'друг, приятель, сподвижник'). З.Гомбоц в своей монографии эти слова не рассматривает [6]. Следует думать, что **társ** проникло в венгерский язык через славянские языки: ***товариш, товаруш, товарыш*** [17, т. 3, стр. 857-858], хотя славянские формы, в том числе русское ***товарищ***, тюркского происхождения: **tavar** 'имущество, скот, товар' + **eš, iš** 'товарищ'. М.Рясянен возводит данное слово к чув. **tavra** 'по кругу'+ **iš** 'спутник' [13, стр. 68].

ЛИТЕРАТУРА

1. Научный архив Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Отд. IV. ед. хр. №151, л. 186–190.

2. «Большая Советская Энциклопедия», т. 17, М., 1974.

3. «Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки». М., 1976.

4. *И.Я. Яковлев.* Воспоминания. Чебоксары, 1982.

5. *Н.И. Ашмарин.* Материалы для исследования чувашского языка. Ч. I-II. Казань, 1898.

6. *Zoltan Gombocz.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912.

7. NyK = Nyelotudomanyi Közlemenyek. Budapest.

8. *Н.И. Ашмарин.* Болгары и чуваши. Казань, 1902.

9. *М Р. Федотов.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч.I. Чебоксары, 1980.

10. *А.М. Щербак.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Ленинград. 1970.

11. *Н.И.Золотницкий.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875.

12. *В.Г.Егоров.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

13. *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. IV. М., 1973.

14. *Н.И.Ашмарин.* Словарь чувашского языка. Вып. XVII. Чебоксары. 1950.

15. *G.J. Ramstedt.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1976.

16. *Martti Räsänen.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki. 1920.

17. TESz = A magyar nyelv történeti-etimologiai szótára. Budapest, 1967 (I), 1970 (II), 1976 (III).

«Советская тюркология» №1, Баку, 1985. С. 30-37.

3.22. О НЕКОТОРЫХ ТЮРКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

Тесные контакты между поволжскими тюрками и финно-угорскими племенами и народностями существуют с древнейших времен. Исследованию взаимовлияния тюркских и финно-угорских языков посвящена обширная литература. В известной мере эту литературу пополняет недавно вышедший из печати второй том «Этимологического словаря марийского языка» [1]. Настоящая статья посвящена этимологизации марийских слов с анлаутным *в* и освещению этой проблемы в указанном словаре.

(1) **Вате II** Л, В, вăтĕ Г, СЗ – обращение мужа к жене.

---

* По страницам «Этимологического словаря марийского языка» Ф.И. Гордеева. Том 2. В – Д. Йошкар-Ола, 1983.

Перенос семантики с вате I [1, с.62].

По мнению автора словаря, чув. ватти ‘старуха’ (обращение к жене) является паронимичной формой, «поэтому явно ошибочно утверждение Ю.Вихмана и М.Р. Федотова о заимствовании мар. слова из чув. источника... В других тюрк. яз. соответствий не обнаружено» I [1. с.62].

Прежде всего следует заметить, что, во-первых, приведенные Ф.И. Гордеевым марийские слова представлены не в вокативной форме, поскольку они не имеют самого показателя вокатива, а в номинативной со значением «женщина», «жена». Во-вторых, здесь нет и «переноса семантики с вате I». Еще Г.Рамстедт в 1898 году записал в д.Тушнал (близ Козмодемьянска) как номинативную (βätə ‘das Weib’), так и вокативную (väti) формы, причем последняя полностью совпадает с чув. *ватти*, где *-и* является стяженной формой тюркского вокатива *(-ей>-и)*: марГ. *ӓви*<чув. СЗ *апи* ‘мама!’, марГ. *ӓти*< чув. СЗ *атти/ати* ‘папа!’ и другие [3, с. 29]. Ф.И. Гордееву следовало помнить об одной весьма важной в данном случае этнографической детали, заключающейся в том, что в прошлом как у чувашей, так и у марийцев существовал обычай женить молодых людей на старых девах. Такой муж обращался к жене не иначе как *ватти*! ‘Эй, старая!’ (от чув. *ватӑ* ‘старая, пожилая’). Иными словами, произошел семантический сдвиг: «старая»>«жена».

Данное обстоятельство учитывалось не только Ю.Вихманом, но Г.Рамстедтом: монг. ötel- ‘стариться’ (ср. ötegü ‘старик, медведь’), тюрк. ötügen ‘родина тюрков’, тунг. *уту* ‘старый’, чув. *ватӑ* ‘старуха’ [4, § 81, с. 149].

Монг. ötel-, на наш взгляд, совпадает с формой чувашского страдательного залога *ватӑл-* ‘стариться’. Казалось бы ясно, что основой этого глагола является *ватӑ* ‘старый, ветхий, древний’, но Н.И. Ашмарин по этому поводу заметил, что, быть может, *ватӑл-* происходит от *ват-* *бить’~тат. *уат-* ‘ломать’ (совр. орф. *ват-. – М.Ф.*), тогда *ватӑл-*, по-видимому, будет означать «ломаться», «делаться дряхлым, изломанным жизнью», а *ватӑ* – «изломанный, дряхлый» – тат. уатык ‘ломаный’, хотя ни *ватӑ*, ни *ватӑл-* в своем первоначальном значении никогда не употребляются [5, с.270, сноска 1]. Таким образом, утверждение Ф.И. Гордеева, что

«в других тюрк. яз. соответствии не обнаружено» – не подтверждается.

(2) **Витä** Г, В, 'двор'<общемар. *вита 'хлев и дом (первоначально скот держали в клети, или нижнем этаже дома' [1, с.113]. Автор словаря поясняет: «Последующие исследователи (М.Р. Федотов ИСЧЯ1, с.78) рассматривали его как чув. проникновение, усматривая в нем образование от глагола *вит-* 'покрывать, проходить насквозь', которому этимологически соответствует совершенно другая лексема *виташ (витäш)* Л, В, Г, СЗ 'просачиваться, просачиться; проникать, проникнуть (о жидкости); промокать, промокнуть' (тат., башк. *ўт* 'тж'). Более правомерно предполагать о мар. заимств. чув. слова *вите* 'конюшня, хлев'» [1, с.114].

М.Р. Федотов пишет о двух совершенно разных глаголах: 1) *вит-> вит-аш* 'пронять, пронимать' при тюркских соответствиях *ўт=öт* 'проходить, пройти, пролезать, протекать, скользить' [6, с. 78]; 2) *вите* (<*вит-* 'покрывать' + е) >мар. *вўта*, марГ. *витä*, марВ. *вича* 'хлев' при тюркских генетических соответствиях: тат. өрету- 'покрывать', тур. örtü 'покрывало, все то, что служит для покрывания; крыша, кровля'; тар., ком., тур., азерб. Радл I, 1234 *örт* 'покрыть, закрыть, запереть'; чаг. Радл I, 1236 *örтўк = örтў* 'покрывало, вуаль' [6, с. 78]. Во втором случае чув. глагол вит- потерял корневое *-р-* и в таком виде послужил основой имени существительного *вите*, в этом качестве вошедшего в марийский язык, причем во все его диалекты и говоры. Таким образом, 1) чув. *вит-* ~др.-тюрк, öt- 'проходить' (сквозь, через, мимо чего-либо); 2) чув. *вит-* ~ др.-тюрк. ört- 'покрывать, закрывать'.

Мы не располагаем данными о том, что в современных марийских говорах и диалектах слово *витä* имело еще значение «дом». Автор, допуская это, перекидывает мост к «позднесарматскому наследию: сак. bi-saa, ав. vis-; пехл. biita 'дом', др.-инд. viis'-, ср.-перс. vis „дом, усадьба". К иранскому источнику возводят др.-тюрк. bistä „хозяин постоялого двора" при иран. *viisa-» [1, с.114]. Следует, однако, сказать, что неправомерно снимать два вопросительных знака, имеющиеся в ДТС (с.103), относительно сравниваемого иранского слова и перевода заглавного слова.

(3) **Вирлы** Г: *вирлы шамак* 'тяжелое, страшное слово' < *вир* + суф. прилаг. *-лы* [1, с.110-111]. Прежде всего о том, употребля-

ется ли в марийском языке отдельное слово *вирлы* (читай: *вирлĕ*). В «Словаре северо-западного наречия марийского языка» (Йошкар-Ола, 1971) этого слова нет. В «Марийско-русском словаре» (Москва, 1956) и в «Словаре горного наречия марийского языка» (Йошкар-Ола, 1981) *вирлы* как отдельное заглавное слово также не зафиксировано. Между тем Г. Рамстедт приводит отдельное слово βirlə со значениями «gut, brauchbar, segensreich» [2, с.14], что соответствует чув. *вирлĕ* в говоре с. Пошкăрт, граничащем с горномарийским: *вирлĕ сомак каларĕ мана* [7, т. V, с.244] 'он сказал мне приятное слово'. Но это лишь одна сторона вопроса. В упомянутом «Словаре горного наречия марийского языка» обсуждаемое слово дано в составе первого члена изафета: *вирлы шамак* (устн.) 'тяжелое, страшное, неприятное, угнетающее слово', что объясняется также влиянием чувашского языка: чув. *вирлĕ сăмах* 'крепкое, сильное, разящее слово'. Это особенно чувствуется, когда *вирлĕ* выступает как наречие: *вирлĕ калатăн* побеждаешь словами, прошибаешь насквозь', *вирлĕ ăна лекнĕ* 'тяжело захворала' [7, т. V, с.244].

Касаясь этимологии марГ. *вирлы*, Ф.И. Гордеев полагает, что «вероятно, заимств. из чув. яз.: *виртле* 'дразнить, показывая язык; раздражать', в котором также вычленяется морфема *-ле*. К сожалению, чув. слово не имеет соответствий в других тюркских языках» [1, с. 110-111].

Здесь, по нашему мнению, дело обстоит несколько иначе. Чув. *вирлĕ* (<*вир* 'верх' + словообр. афф. – *лĕ*) имеет генетические соответствия в других тюркских языках: *ӳр* 'вышележащая часть, маленькое возвышение', *ӧр* 'высокое место, возвышенность', *ӧрӧ* 'верхняя часть, наверху, вверх' [6, с.77]. Чувашские производные единицы подтверждают это: *вир-е* 'подъем в гору', *вир-ял* 'верховой' (обобщенно: чуваши, живущие в верхнем течении Волги), *вир-е-лле* 'по направлению вверх, в гору, против течения': *çӳç-пуç вирелле тăрса каять* 'волосы встают дыбом' [7, т.V, с. 238].

Чув. *вирлĕ* 'острый, бойкий, стремительный, крепкий, смелый; приятный, чувствительный' [7, т.V, с. 244] из вирьял-говоров чувашского языка без какого-либо фонетического и семантического сдвига было усвоено горномарийскими говорами, ареалом которых являются северозападные территории Чувашской АССР.

(4) **Виса I** и **вися, висä** Г, СЗ 'весы: мера, мерка' [1, с.111].

В этой словарной статье автор справедливо отмечает, что общемар[ийское] **висьа* заимствовано] из чув. яз[ыка]: *визä, виçе* 'весы', вопреки мнению А.А. Саватковой, возводящий к русскому весы... В чув. яз. оно проникло из рус. яз.: олон. *веса* 'весы'[1, с.111].

Такое объяснение не опровергает, а, наоборот, подтверждает ошибочное предположение А.А. Саватковой. Чув. *виçе* (<*виç-* 'весить, мерить, измерять, снимать мерку' + словообраз. афф. *-е*) 'мера, мерка; весы' не является русским заимствованием. Тюркское его происхождение очевидно: чув. *виç-* (>марЛ. *вис-аш*, марГ, СЗ *вис'-аш* 'вешать, взвешивать, взвесить; мерить, смерить, измерять; прикидывать, прикинуть на весы; измерять, примерить'~ осм. ölč-, каз. ülčä - 'мерить, измерять' [8, с. 157], чаг., крым., туркм. ölcä -, каз. (= тат.), миш., тоб., тар. ülčä-, казах. ölšö-, чув. *виç-* 'мерить, измерять'>чер.(= мар.) *вис'* [9, с.371]. Общетюркское корневое *-л-* в чувашском слове выпало, в таком качестве оно вошло во все диалекты марийского языка.

Что касается русского слова «весы», то оно образовалось от русского «вес» (гиря), которое к чув. *виç-* (см. выше его глагольные значения) никакого отношения не имеет. Поэтому этимологизация чув. *виç* -и *виçе*, данная З.Гомбоцем, М.Рясяненом, а также В.Г.Егоровым [10, с.55] и М.Р.Федотовым [6, с. 78], вполне приемлема.

(5) **Витараш** Л, В, **витäрäш Г**, СЗ 'пронимать, пронять кого-либо'< общемар. **витäрäш* [1, с.115]. Автор полагает, что это слово, «вероятно, восходит к тат. источнику: *битäр* 'укор, упрек' и *битäрлäй* 'упрекать, упрекнуть, корить, укорять' при чув. *витер* 'пронимать, воздействовать', диал. 'продевать'» [1, с.115].

Чувашское происхождение марийского *витара-аш~витäр-еш* сомнений не вызывает, поскольку состав чув. *витер-* прозрачен: *вит-* 'проникать, врезываться, промочить, просачиваться; пронимать'~др.-тюрк. öt- 'проходить' (сквозь, через, мимо чего-либо) + афф. побудительного залога *-ер: шыва витеререх сап* 'лей воду так, чтобы земля пропиталась', *çомăр ветрек витэрчĕ* 'дождь промочил насквозь'; в переносном смысле: *сăмахпа витер* 'прошибать словами', *ку çынсене никам сăмаххи те ви-*

терес çук 'ничем не проймешь этих людей' [7, т. V, с. 255-256].

(6) **Видынче** 'ангел', **веднезе** В 'помощник ангела', **виднье-зе** 'помощник кереметя, которому в жертву приносят зайца или утку, *витнизе; пианбар витнизе* 'божество' (*пианбар* 'пророк'), *витнизе* 'доносчик', *витнь-ызье* 'название духов низшего порядка (доставляющий просьбу обращающихся к нему по назначению)'. Общемар. **витнизье.* Заимств. из булг. (др.-чув.) яз.: чув. *витĕнчĕ* 'проситель' [1, с.101,105]. Чуть ниже автор указывает еще на два варианта: *витньызе* 'помощник ангела, керемети, доносчик богу' и *витньызе* 'сподвижник' [1, с.116].

Приведенные варианты марийского слова указывают не только на его древнеязыческий, но и заимствованный всеми диалектами и говорами характер. Однако правильное в сущности утверждение автора, что слово это образовалось от чувашского глагола *витĕн-* 'усиленно просить, упрашивать, умолять; надеяться', др.-тюрк., уйг., кирг. *ötün* с тем же значением (далее все, как у В.Г. Егорова [10, с. 56], но без ссылки на него. – *М.Ф.*), сочетается с приведением несуществующего в современном чувашском языке слова **витĕнчĕ* 'проситель'. В татарском языке, например, есть слово *үтенүче* 'просящий, проситель', генетически связанное с древнетюркским ötünč 'просьба' (Том 15)<ötün- 'обращаться, просить' (ДТС, с.393), однако наличие протезы *в-* и словообразовательного афф. *-з'е* требуют приведения реконструированной чувашской формы **витĕнӳ-çĕ (-зь-).*

Н.И.Ашмарин по поводу обсуждаемого марийского слова писал: «Черемисское *витнезе* – слово заимствованное: оно происходит от чувашского глагола *витĕн-* 'упрашивать, умолять', обычно в формуле: *сана асăнатпăр, витĕнетпĕр* 'тебя мы призываем и тебя умоляем'. Надо думать, что это был общеупотребительный термин для выражения просьбы, обращаемой к должностному лицу, подобно каз.-тат. *үтен-* 'просить' или уйгур. *ötün-* 'просить, представить просьбу старшему, доложить, говорить, обратиться к старшему'. Этот самый глагол, вместе с произведенным от него им. сущ. *ötül* 'просьба', употреблен напр[имер] в ярлыке Тимур-Кутлуга и, как видно, был обычным термином в прошениях, подававшихся на имя хана: он же встречается и в манихейско-уйгурских молитвах, что отмечено

А.Н.Самойловичем («Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга». – «Известия Российской Академии наук», VI серия, 15 июня 1918, № 11. – *М.Ф.*). По объяснению о. Яковлева (Гаврил Яковлев. «Религиозные обряды черемис». Издание Православного Миссионерского Общества, Казань, 1887. – *М.Ф.*), *витнезе* – служебный дух, исполняющий веления своего бога, или приносящий ему людские просьбы. В сонме богов это самый младший, и ему приносятся самые дешевые жертвы» [11, с.18-19].

(7) **Волык I** Л. В, Г. СЗ ‘скот, скотина’ <общемар. **волик*. Заимств. из чувашского языка в булгарскую эпоху: чув. *выльăх* ‘скот, скотина’, в свою очередь восходит к др.-русск. источнику: *Велес* – языческий бог; он считался покровителем скотоводства и вообще хозяйства у восточных славян [1, с.137].

Автор приводит обширную фразеологию с участием компонента *вольык*, в том числе *вольык чырлык* ‘скот’<тат. *терлек* ‘скот, скотина’ [1, с.138], но не учитывает действительную исходную форму: чув. *выльăх-чĕрлĕх* (~тат. *терлек* – др.-тюрк. tirig ‘живой’, tiriglik ‘жизнь’) ‘домашние животные и птицы’ (= русск. живность).

Обособленное положение чув. выльăх по отношению к лексике других тюркских языков привело к возникновению различных точек зрения о его происхождении. Н.И. Ашмарин, указывая на образование сильно палатализованного чувашского *л’* (орфографически *ль*) «от влияния на *л* предшествующего ему звука й», в числе других приводит также интересующее нас слово: «*выльăх* ‘домашний скот’ вм[есто] *вăйлăх* от *вăй* ‘сила’, соб[ственно] ‘то, что может доставить силу’» [5, с.52, § 23]. Эта этимология принята В.Г.Егоровым [10, с.38].

До сих пор считалось, что чув. *вăй* по происхождению марийское слово, поскольку существуют надежные финно-угорские соответствия [3, с.198; 1, с.99, 103]. Но тем не менее не следует оставлять без внимания соображение Г.Рамстедта в следующей формуле: *uju (герундий от др.-тюрк. u- ‘мочь’) или *ujuγ können d> вăй ‘сила, мощь’ [13, § 25, с.19].

М.Рясянен чув. *вăйă* ‘сила’ этимологизирует в том же ключе: *uj: др.-тюрк., уйг., ср.-тюрк. u- ‘мочь’, кирг. u-bas-sän ‘ты не можешь’, як. uj- ‘нести, выносить, быть в силах, терпеть’, чув.

-j- форма возможности глаголов; чув. *ăă-йă* 'сила' (<*uj-uγ) [9, с.510]. Чувашское происхождение мар. *вольык*, думается, сомнений не вызывает. Другое дело, когда Ф.И. Гордеев чув. *выльăх* возводит к названию славянского бога *Велес*. Н.А. Баскаков, например, предполагает обратное: «*Велес* и *Волос*, как известно, являются названием „скотьего бога», покровителя скота и, вероятнее всего, связаны с основой, обозначающей скот, а следовательно, могут восходить к той же древнебулгарской основе, сохранившейся в чувашском языке в виде основы выльăх 'скот, скотина; скотский, скотный – булгарско-чувашский аффикс *-çă/-çĕ*, образующий имя действующего лица и название профессии от имен существительных *выльăх-çă* 'скотовод, скотник> в русской адаптации *Велес - Волос* 'скотий бог'» [14, с.18].

(8) **Вуйсäрä Г** 'безотчетно, очертя голову'. Выделяются два компонента: *вуй* 'голова' и *сäрä*, которое самостоятельно ныне не употребляется. Оно, возможно, восходит к чув. источнику, ср. чув. *сăр, сăра* – «название старинного женского украшения» [1, с.162].

С этим объяснением едва ли можно согласиться. Если вторым компонентом является имя существительное *сар/сарă* (приходиться сожалеть, что в словаре Ф.И.Гордеева многие чувашские слова неверно орфографируются), то в целом мар. *вуйсäрä* должен быть аналогом изафетных словосложений типа *вуймут* (*вуй* 'голова' + *мут* 'слово') 'заголовок', *вуйокса* (*вуй* 'голова' + *окса* (<чув. *окçа*) 'деньги') 'подушная подать' и т.д. Но здесь, во всяком случае, *-сäрä* представляет собой словообразовательный афф. от именных основ. Нами уже было высказано предположение, что *-сäрä* в горномарийском *вуйсäрä* является ранним следом тюркского языкового влияния, иначе говоря, это древнетюркский афф. *-сыра/-сире*, сохранившийся в ряде современных тюркских языков, в том числе и в западных: тат. *көлемсерə-* 'улыбаться, улыбнуться', башк. *-канһыра-* 'истекать кровью' и т.д. [14, 1970, № 3, с.65].

(9) **Вуйстык I Г, вустык** Л, В 'упрямый, непослушный', 'вниз головой' [1, с.162].

Автор правильно подметил, что данное слово «весьма трудно отделить от чув. *пуçтах* 'головорез, буян, озорник, шалун;

бесшабашный; сорвиголова; проказник'» [7, т. X, с.38], однако, приводя в качестве генетического соответствия др.тюрк. *гӱстах* 'дерзкий', повторил ошибку автора чувашского этимологического словаря [10, с.169]. Дело в том, что др.-тюрк. küstax 'дерзкий' (ДТС, с.329) образовано от корня küč-'сила', а посему не соответствует общетюркскому баш ~ чув. *поҫ/пуҫ* ' голова': тат. (диал.) *баштак* 'озорной, шаловливый, самовольный' ~ чув. *поҫтах/пуҫтах*. Остальные горномарийские формы находят надежные соответствия в чувашском: вуйстык-ла-<чув. *поҫтах-ла-/пуҫтах-ла-*'упрямо; упрямый', *вуйстык-лан-аш* <чув. *поҫтахлан-/путах-лан-* 'озорничать, нахальничать; буянить, скандалить'. (У Ф.И.Гордеева ошибочно: чув. *пуҫтăхлан* (Ашм. X, с.38) вместо правильного *пуҫтахлан* [7, т. X, с.39]).

(10) **Вуйшовыч** Л. В, **вуйсавыц** Г 'головной платок'. Образовано сочетанием лексем *вуй* 'голова' и *шовыч (савыц)* 'платок' [1, с.164].

Следует добавить также горномарийский вариант с начальным *ш-\ шавыц* [2]. Автор оставил без внимания второй компонент *шовыч/ша-выц/савыц*, не этимологизировав его, хотя и существует на этот счет высказывание М.Рясянена [15, с.210]. Мы, однако, предлагаем другое объяснение, подкрепляемое родственными тюркскими сближениями: чув. *ҫи* 'верх, поверхность' + *поҫ/пуҫ* 'голова'>'внешность, наружность, внешний облик, одежда' [7, т. XII, с.143-144]~ тат. *öс-баш*, башк. *өҫ-баш* 'одежда; комплект одежды', азерб. *үст-баш* 'одеяние, одежда', туркм. *үст-баш* 'одежда, платье' (<*өс/өҫ/үст* 'верх, верхняя часть (сторона) чего-либо'). Марийская производная форма *шовычлык* 'платочный, предназначенный для платка' восходит также к чув. *ҫипоҫ-лăх* (~общетюрк. *-лык*) 'предназначенный для одежды, наряда' [6, с.120].

(11) **Вурс II** – один из компонентов военного термина *эре-вурс*, 'булат (старинная сталь для клинков)', в котором *эре* соотносится с *ире* СЗ, *ирса* Г 'чистый, однородный' с восстанавливаемой для них праформой (общем.) **эресă*. Слово восходит к булг. (др.-чув.) источнику, состоящему из двух морфем: 1. Булг. (др.-чув.) **хэрэ* при чув. *хир* 'нива, поле; степь', чаг. *Кырыг* 'пустыня'.. [1, с.173]. В конце словарной статьи указан источник этих сведений: ЭСЧЯ 301, то есть [10, с.301].

Таким образом, получается, во-первых, что восстанавливаемая др.-чув. форма **хэрэ* принадлежит В.Г.Егорову, чего на самом деле нет. Во-вторых, чувашское происхождение марГ. *ире,* марЛ. *эре* 'чистый' не вызывает сомнения: чув. ырă<др.-тюрк. arï̆γ 'чистый, незагрязненный; чисто; нравственно безупречный, благородный'; рел. 'чистый, истинный, неложный, правдивый, священный, святой' (ДТС, с.51-52), что полностью соответствует русским значениям чув. *ырă*, данным Н.И. Ашмариным [7, т. III, с.58-64].

Для сближения чувашской и марийской форм в фонетическом отношении нет препятствий, сравним другой пример: чув. *ыра* (< *ыр-* 'пазить' + словообр. афф. *-а*)>марГ. *иря*, марЛ. *эра* 'паз' при тат., башк. *ырмау* 'пазить; паз'.

Если же для чув. *хир* искать праформу, то ею наверняка будет **кăр*, то есть реально существующее древнетюркское qïr 'плоскогорье' (ДТС, с.445). Поэтому соображение автора, что «булг. **хэрэса* в свое время употреблялось со значением „пустыня», развившимся впоследствии в семантику „чистый», в каком смысле и сохранилось в мар. яз.» [1, с.174], не убеждает.

(12) **Вурт** III Л, В, **вырт** Г образн. сл. 'быстро, в один миг'. «Вероятно, происходит от мар. *вур-вур* I, образованного с помощью суф. **-т**»[1, с.175]. Автор в качестве паронима приводит чув. *парт* – подраж. сл. – о быстром повороте (без указания источника). В чувашском есть слово *парт*, оно обозначает «подражание звуку, который получается при ломании хрупкого предмета»; «подражание моментальному повороту», «подражание моментальному взлету с шумом». Отсюда: *партак* 'хрупкий', *партаклан-* 'стать хрупким, ломким' [7, т.IX, с.113-114]. Слово *парт* имеет абсолютный синоним *варт* 'подражание быстрому повороту' [7, т.V, с.177], но тем не менее остается неясным, почему автор в данной словарной статье не воспользовался чувашским генетическим соответствием *вăрт* 'подражание мгновенному и отрывистому движению' и дублетом *вăрт-варт* 'подражание неодинаковым и отрывистым движениям' [7, т.V, с.327].

Думается, что чувашское подражание *вăрт* восходит к понудительной форме на ***-т*** от глагола *-вăр* 'бросать, ронять; кидать; бить'. Н.И. Ашмарин писал, что «этот глагол, по-видимому, является исконно чувашским и соответствует осм. *вур-*, каз.-тат.

ор-» [7, т.V, с.310; 10, с.48- 49]. От чув. *вăр-* имеется несколько производных форм, в том числе *вар-кăш-* 'стремительно нестись (лететь)'>мар. *варкынаш* 'напрягаться, напрячься; натужиться' [6, с.77]. Поэтому замечание Ф.И.Гордеева, сделанное в рядом стоящей словарной статье *вурт-варт* Г, что «небезынтересно сопоставление с чув. *вăрт-варт*» [1, с.175], не только желательно, но и обязательно, поскольку марийские варианты *вурт* Л, В, *вырт* Г, *вурт-варт* Г связаны между собой общим происхождением.

(13) **Вуру**: *тангаж вуру* 'морской шум', каждый из этих слов, по всей вероятности, восходит к булг. (др.-чув.) источнику. 1. *вуру* сопоставляем с чув. *вăрă*: *шыв вăрă* 'устье реки'... 2. *тангаж, тангыж* Г, *тенгыз* Л, В 'море'<общемар. **тангеж*<булг. **тăнгес*, чув. *тинĕс*, др.-уйг. *тăниз* 'море' [1, с.176].

Об этой словарной статье следует, во-первых, сказать, что в чувашском имеется форма не *шыв вăрă*, а *шыв вăрри* 'устье реки», ср. *Сĕнтĕрвăрри* 'Мариинский посад' (Чувашск. АССР), но досл. устье (реки) Сундыря; во-вторых, в древнечувашском море называлось не **тăнгес*, а скорее всего **тенгир*, о чем говорит венг. tengĕr (1152, 1211) <*tŋigir, ср. уйг. täŋgiz, каз. (= тат.) diŋəz 'море' [8, с.128-129, 155, 169, 178]. В.Г.Егоров сравнивает это слово с эвенк. *тöнгер*, но не приводит его значения. Речь, по-видимому, идет об эвенкийском *туŋэр*, эвен, *тöŋэр* 'озеро' [16, т. II, с.217]. Во всяком случае современное чувашское слово, обозначающее «море», имеет не собственную, а татарскую форму, тат. *диңгез*>чув. *тинĕс*.

(14) **Вусаш** 'испаряться, испариться'. Возможно, заимствование из булг. (др.-чув.) яз.чув. *пуша*, *пуш* 'пустой, порожний; свободный, незанятый, досужий' [1, с.176].

Если исходить из значения глагола, то основа (корень) слова должна обозначать «пар». В этом случае мар. *вус* восходит к чув. *пăс*, от которого ведут свое происхождение также марГ. *пыш*, марЛ. *пуш* 'пар, пары, испарения'. Следовательно, мар. *вусаш* 'испаряться, испариться* ведет свое происхождение не от чув. *пуш(ă)*, а от чув. *пăс* 'пар, испарение'. У В.Г.Егорова в числе правильных генетических соответствий из других тюркских языков (*бус/пус/боҫ* 'пар, испарение') приводится не относящееся сюда тат. *бәе* 'иней' [10, с.150], что полностью совпадает с чув.

пас 'иней, изморозь'. Надежные тюркские соответствия см. у В.В.Радлова [17, т. IV, с.1384; 6, с.101].

(15) **Вӱдлу** В 'таз, тазовые кости'. Состоит из *вӱд* 'вода' и *лу* 'кость' [1, с.185]. Наше объяснение, что мар. *вӱдлу* восходит к чувашскому *вăча (вĕче) шăмми* 'бедренная кость', автор считает «совершенно ошибочным». (Здесь у него описка: вместо *вăча/вăче* следовало писать *вăча/вĕче*). Нами, однако, приведена и горномарийская форма: *выца* и *выцалу (<выца + лу)* 'бок, кости таза, нижняя часть туловища', не вызывающую сомнения в своем чувашском происхождении [6, с. 77. Ф.И. Гордеев указывает с.59].

Автору предстоит объяснить, почему первым компонентом выступает не «таз, крестец, ягодица, бедро», а *вӱд* 'вода', тогда как в тюркских языках в качестве анатомического термина закономерно употребляется *вăча/вĕче* 'бедро; подвздошная кость' – др.-тюрк. uča 'крестец', тат. *оча* 'ягодица': *оча сөяге* 'таз, тазовая кость'.

16) **Вуд агытан** Л 'стрекоза', букв. 'водяной петух' [1, с.183]. Автор происхождение второго компонента агытан (марГ. äптан) 'петух' не проясняет, то есть не указывает на чув. (*автан <авăт* – др.-тюрк. et- 'петь' + словообр. афф. *-ан*), тат. *этэч* 'петух'. Чередование γ~β в марийских диалектах широко распространено, ср. чув. *авăр*>мар. *агур/авур/авăр* 'омут' и др.

(17) **Вӱдоhга** В 'подставка для посуды с водой'. Собственно марийское слово, образованное словосложением *вӱд* 'вода' и *оҥга* 'доска; тес' [1, с.186].

Автором происхождение второго компонента *оҥга* в словаре не выясняется, тогда как им является чув. хăма> марЛ. *онга*, марГ. *ханга* 'доска' при ком. *каҥа* 'доска' [17, т. II, с.81], балк. *каҥа* 'доска' [10, с. 291].

(18) **Вӱдом, вӱдон, вюд он** 'круг в воде, образующийся при ее возмущении', *вӱдонг, вӱдонго* 'волна на воде'. Слово образовано путем контаминации лексем *вӱд* 'вода' и *ом (он, онг, онго, вом)* 'волна', праформа для последних... **вомво<*комво*<домар. **компо* [1, с.186].

Этимология данного слова рассматривается без каких-либо праформ. Ф.И. Гордеев подбирает слова со значением «волна» в финно-угорских и тюркских языках, тогда как речь идет о марий-

ском слове *онго* 'петля, круг', равнозначном чувашскому *онкă/ункă* 'кольцо, круг, петля'~ каз. *унгы* 'отверстие, куда вставляется ручка (топорище); коловорот'; кирг. *унгу* 'обух; та часть железки (наконечника копья), куда вставляется древко' [10, с.274; 6, с.160], монг. oŋgi, uŋgi 'дыра, отверстие' [9, с.514 б], х.-монг. *онги* 'проушина, ушко'. Мы сами первоначально, вслед за Н.И. Золотницким, ошибочно сближали чув. ***хом/хум*** 'волна' с мар. *вӱд-ом* 'волна' [6, с.144].

Что касается вполне естественного семантического сдвига «круг в воде, образующийся при ее возмущении»>«волна на воде», то он произошел на почве марийского языка.

(19) **Вӱдсыр** 'безводный'. Образовано с помощью каритивной формы *-сыр* от *вӱд* 'вода' [1, с.187-188]. Хотелось бы отметить, что это чувашский каритивный афф. *-сăр*: *шывсăр/шусăр* 'безводный', но тат., башк., и др. *сусыз/сувсыз* 'безводный'.

(20) **Вӱдшор I** Л, В, **вӱтшӧр** В, **вӗдшор** Г 'половодье, разлив' [1, с.191].

Этимология, данная автором, ясностью и доказательностью не отличается, но первый компонент действительно означает «вода». Относительно второго компонента *шор* мы, вслед за З.Гомбоцом и М.Рясяненом, считаем, что он чувашского происхождения: чув. *шор/шур* 'болото, болотистая земля, болотистый луг', в отличие от общетюркского саз 'болото'. Ротацирующая форма вошла также в венгерский язык: др.-чув. *шар>венг. sár (шāр) [8, с.113; 9, с.406 б; 6, с.155]. Мар. *вӱдшор*, как и чув. *шывшур/шыв-шу*, означает «половодье, распутица».

(21) **Вӱдшор II** Л, В – композит в составе хрононима: *вӱдшор тылзе* 'апрель' [1, с. 191]. Данное слово генетически связано с *вӱдшор* I, ибо апрель является месяцем распутиц и половодья. Второй компонент – чувашского происхождения.

(22) **Вӱранг** Л, В, СЗ, **вӗрāн** Г 'толстая веревка' < общемар. **вӱранг*.

Заимств. из булг. (др.-чув.) яз.: чув. *вӗрен* 'веревка': АФТ *уркен*, теф. XII–XIII вв. *урук* 'веревка'...[1, с.195].

Автор тюркские формы почерпнул из этимологического словаря В.Г. Егорова [10, с.52], однако без ссылок на источник. В древнетюркском есть слово uruk 'веревка, канат', тел., алт., шор.,

саг., канб., качин. *урук* ‘шест с петлею для ловли лошадей’ [17, т. I, с.1658-1659]. Исходя из тунгусо-маньчжурских, монгольских форм, М.Рясянен для них приводит праформу *(h)uruk [9, с.516б]. Но это слово к чув. *вĕрен*, от которого образовались мар. *вуранг/вĕрӑн*, никак не относится. Прямое отношение к чувашскому и марийским его вариантам имеет древнетюркское слово с передней огласовкой örgän (<ör- ‘вязать, плести’) ‘канат, толстая веревка’ (ДТС, 388) ~аз. *өркән* ‘широкая конская привязь’ и др.

(23) **Вӳрланаш** Л, В, **вĕрланаш** Г ‘обливаться кровью’. Собственно марийское, образовано с помощью суф. *-лан(аш)* от *вӳр* (*вĕр*) ‘кровь’ [1, с. 198].

Все правильно, однако следует иметь в виду, что афф. *-лан* тюркский: чув. *юнлан-* (<*юн* ‘кровь’) ~тат. *канлан-* (<*кан* ‘кровь’) ‘кровавиться, окровавиться’ и т.д.

(24) **Вĕтийӑ** СЗ (в народной мифологии) ‘водяной, русалка’ [1, с.200].

Второй компонент оставлен без объяснения. Он восходит к чув. *ийе/ийе* ‘название духов’ (каждый предмет в самом широком понимании, по представлениям чувашей-язычников, имел своего собственного хозяина (духа) – *ийе/ийе*. – *М.Ф.*), ‘злой дух’~др.- тюрк. idi/iδi ‘хозяин, владелец; обладатель’ (ДТС, 203), тат. *ия* ‘хозяин, владелец (огня, воды и пр.)’ [10, с.67; 9, с.169]. Мар. *вĕтийӑ* – полукалька чув. *шыв-ийи* ‘водяной’.

(25) **Вырт** Г, **вырт** Л ‘вмиг, мгновенно, отрывисто’. Происхождение неясно. Можно было бы сопоставить с чув. *вӑрт*... при *пĕртик* ‘чуточку, немного, крошечку’ [1, с.213].

Чувашское происхождение мар. *вырт* сомнений не вызывает. Однако чув. *пĕртик/пӑртак* сближению не подлежит, поскольку оно совсем другого происхождения: чув. *пĕр* – др.-тюрк. bir ‘один’ + чув. *татӑк*: - ~, аз. *дидик*: - ~, тур. didik: ~ ~ ‘разорванный, изодранный, общипанный, оборванный, истерзанный на куски’ (<чув. *тат- (<*тӑт-)* ~аз. дид-мек, тур. *dit-mek* ‘щипать, отщипать, отрывать мелкими кусками’.

(26) **Вырыс** В ‘косяк дверной, оконный’. Происхождение неясно [1, с.214].

Автор «под вопросом» сопоставляет с удм. *вырос* ‘манера’, *мугор вырос* ‘осанка; выходка’. Однако здесь речь идет о русск.

брус (прямоугольного сечения), который идет также на изготовление дверных (оконных) косяков>чув. *пăрăс*~тат. *борыс/бырыс* >мар. *вырыс*.

(27) **Выца** Г 'бок, кости таза, нижняя часть туловища'<др.-мар. **вакса*. «Сопоставляем с нен. *вăк* 'край'. Возможно, индоиранское наследие эпохи ф/у-ской общности» [1, с. 216].

На наш взгляд, скорее можно было бы привести в качестве надежного сближения чув. *вăча/вĕче* 'бедро; подвздошная кость', нежели др.-инд[ийское] *pakša*, осет. *фахс* 'бок, сторона; откос горы' и другие формы. См. (15).

(28) **Выцалу** Г 'бок, кости таза, нижняя часть туловища'. Образовано сложением лексем *выца* и *лу* 'кость' [1, с.216].

Полукалька чув. вăча шăмми/вĕче шăмми/вăча шăни 'бедренная кость'. См. (15).

(29) **Вĕцăш** Г 'дужка (грудная косточка птиц)'... Состоит из выца 'бок, кости таза, нижняя часть туловища' в уменьш.-ласк. форме с суф. *-ăй + -аш(-ăш): выца +-ăй+ -аш>вĕцăш* [1, с.216].

Если это не описка в словаре, то здесь выступает вариант марГ. *йыдăс*, марЛ. *ятас* 'дужка (грудная косточка птиц)', что соответствует чув. *йĕтес* 'дужка': *йĕтес турт-* 'держать пари' (букв, 'ломать дужку'), тат. *ядэч сөяге* 'дужка'; тур. *jадыс ядес* 'особого рода пари' [17, т. III, с.212], тур. yades/lâdes '(застольное) пари' (при котором ломают дужку – грудную кость птицы) («Турецко-русский словарь», – М., 1977. – С. 903, 583). Слово *йĕтес* заимствовано из персидского: *йад* 'память + *ăст* 'есть, имеется' [10, с.80-81].

(30) **Вышт I** Л, В 'быстро, живо, моментально, в одно мгновение». Вероятно, восходит к тат. источнику, ср. тат. *выжт* и чув. *вăшт* при тат. *важ* 'вон!', чув. *вăш* 'тотчас, живо, проворно'. Однако затруднения возникают в связи с возможным ф/у-ским суф. ***-т*** [1, с. 219].

Нам остается добавить, что чув. *вăшт* 'подражание мгновенному и оборванному шуму воздуха; подражание быстрому движению' [7, т. V, с. 343] представляет собой побудительную форму на ***-т*** от *вăш*: *вăш турĕ* 'пробежал мигом'. См. (12).

(31) **Вадыж I** Г, СЗ, **водыж** Л, В (в народной мифологии) назв. нижнего божества <общем. **вадыж* –**вадаж* [1, с.8, 127].

Ф.И. Гордеев, «ставя под сомнение предположение о собственно чувашском (булгарском) происхождении чув. *вутăш* и мар. **вадаш*», истоки марийского слова стремится найти в индоиранском или иранском наследии финно-угорской языковой общности и посему считает, что чув. *вутăш* возникло из марийского языка.

Видимая сложность объяснения генезиса чув. вутăш /вотăш возникает потому, что это слово имеет три основных значения: 1. злой дух, рангом ниже *вупăр /вопăр (-б-)*; 2. божество (злое, водяное); 3. дух огня.

По словам Н.И. Ашмарина, Н.И. Ильминский считал это слово сложным: *вут* + *йыш*, то есть 'дух огня'.[1] Чувашское слово *вутăш/вотăш* действительно очень прозрачно: *вут /вот* ~ др.-тюрк. ōt, ot 'огонь' + йыш *(<й-иш)* ~др.-тюрк. eš 'друг, приятель, сподвижник',тат. *иш* 'чета, пара, ровня; товарищ, друг'. Монгольская форма говорит о том же: od-qan'Feuergottheit', то есть «божество (дух) огня» [9, с.366 б].

Чув. *вутăш* по своему значению соответствует мар. *тул-ава,* морд. *тол-ава* 'божество (дух) огня', букв. 'огонь–мать' > 'мать огня'. Если бы чувашское слово со значением 'божество, обитающее в воде'>'водяной' исходило из марийского языка, то оно имело бы переднеязычную огласовку: **вĕтĕш* или **вятĕш* (мар. вĕт/вӳт/вӳд 'вода'). Эту закономерность показывают чув. СЗ *вĕтел* < марГ. *вĕтельĕ /вутеле* 'кулик'; чув. *вĕтĕжге* [7, т. V, с.385]<мар. *вĕдĕжгаш* 'сыреть'.

Первоначально этот мифический термин, общий для чувашского и марийского языков, обозначал 'дух огня', затем стал обозначением злых духов вообще. Это видно из чувашского термина *шыв вутăшĕ* [7, т. V, с.286] = шыв *вăтăш* 'название божества шестого разряда' [7, т. XVII, с.178], где *вутăш/вотăш* (заднерядная огласовка!) никак не связан с мар. *вӳд/вӳт /вĕт* 'вода', поскольку первый компонент изафета *шыв* обозначает воду. При этом самым сильным аргументом является мар. *вӳд водыж* Л, В. 'название низшего божества' [1, с.184] или, по другим источникам, *вӳд водыж* (= *вӳд ия*) 'водяной' (мифич.), точно соответ-

[1] См.:«Переписка о чувашских изданиях переводческой комиссии» – Казань, 1890.– С. 50 [7, т. II.– С. 285-286].

ствующий чув. *шыв вутăшĕ / шыв вăтăшĕ*. Для обозначения «водяного» в чувашском, как и в других тюркских языках, существует другой термин: шыв / шу амăшĕ ~ тат. су анасы (<шыв/шу~су 'вода' + амă-шĕ~ана-сы 'ее мать').

Наконец, о мнении М.Рясянена. Он между чув. вотăш/вутăш и мар. водыж/водыш/вадыж ставил знак равенства, но писал, что, если первоначальным значением этого слова был «дух огня», тогда оно чувашского происхождения. Татарское *бутыш* нельзя объяснить иначе, как заимствование из черемисского или чувашского языков [15, с.274].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ф.И.Гордеев*. Этимологический словарь марийского языка. Том 2. В. – Д. – Йошкар-Ола. 1983.

2. *G.J.Ramstedt.* Bergtscheremissische Sprachstudien. – Helsingfors, 1902.

3. *М.Р.Федотов*. Чувашский язык в семье алтайских языков. II. – Чебоксары, 1983.

4. *Г.И.Рамстедт.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. – М., 1957.

5. *Н.И.Ашмарин.* Материалы для исследования чувашского языка. Ч. I — II. – Казань, 1898.

6. *М.Р.Федотов.* Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. I. Чувашско-марийские связи. – Чебоксары, 1965.

7. *Н.И. Ашмарин*. Словарь чувашского языка. I-XVII. – Казань-Чебоксары, 1928-1950.

8. *Zoltan Gombocz.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. – Helsinki. 1912.

9. *Martti Räsänen.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. – Helsinki. 1969.

10. *В.Г. Егоров.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1964.

11. *Н.И. Ашмарин.* Отголоски золотордынской старины в народных верованиях чуваш. – Казань, 1921 (Отдельный оттиск из II тома «Известий Северо-Восточного Археологического и Этнографического Института»).

12. *G.J. Ramstedt.* Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautelehre. –Helsinki, 1957.

13. *G.J. Ramstedt.* Zur Frage nach der Stellung des Tschuvassischen. - JSFOu XXXVIII.

14. *Н.А. Баскаков.* О тюркских лексических заимствованиях в русском языке. - «Советская тюркология», 1983, № 4.

15. *Martti Rasanen.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920.

16. «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», т. I - II. – Ленинград, 1975-1977.

17. *В.В. Радлов.* Опыт словаря тюркских наречий. I-IV. СПб., 1893-1911.

«Советская тюркология» №4, Баку, 1985.

3.23. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДВУХ ТИПОВ ПРАТЮРКСКОГО ЯЗЫКА

1. Казалось бы, такие языки, как монгольский, корейский и чувашский, ни по каким параметрам не могут быть сближены, поскольку носители этих языков и в этническом, и в языковом отношениях ничего общего не имеют, к тому же их разделяют огромные географические пространства.

По наличию монголизмов чувашский язык ни в какое сравнение с такими тюркскими языками, как, скажем, тувинский, алтайский, хакасский, якутский, киргизский и другие, не идет, ибо в лексике последних процент слов монгольского происхождения весьма высок. Например, подсчитано, что в современном тувинском языке монгольские заимствования составляют треть его словарного состава. Причем в самом монгольском имеется мощный пласт лексики бесспорно тюркского происхождения. И то, и другое, конечно, вполне объяснимо. В результате постоянных и с давних времен близких контактов между носителями этих языков в последних образовался целый пласт заимствований. Ныне о многих из них бывает затруднительно сказать, действительно ли они являются заимствованиями или относятся к исконной лексике, настолько органично они вошли в язык. Но для истории изучения тюрко-монгольских языковых контактов особую важность представляют соответствующие немногочис-

ленные монгольские и чувашские слова, с одной стороны, и их общетюркские соответствия, с другой, ибо они могут дать ключ к раскрытию общей картины существования двух типов тюркских языков, иначе говоря, ***r-/ l- и z-/ š*** - языков. Данный признак, сближающий чувашский с монгольскими языками, для алтайского языкознания имеет, можно сказать, решающее значение. Иными словами, ротацизм в чувашском и монгольском противостоит зетацизму в остальных тюркских языках. Поясним это на примерах: п.-монг. (письменный монгольский язык сложился в ХШ веке, в эпоху образования монгольской государственности) ***бирагу***, х.-монг. (халха) ***бяруу***, бурят, ***буру*** 'теленок', калм. ***бүрү*** 'бычок', но в древнетюркском и современных тюркских языках монгольский ***-р-*** замещен ***-з-: бузаг(у), бозау, бызаа, пыза, пуза*** 'теленок'. Если к этим формам прибавить эвенкийское ***бееру*** (которое, вероятно, монгольского происхождения) и венгерское **borjú** 'теленок', заимствованное из ротацирующего тюркского языка, то генетическая связь между монгольскими формами и чувашским словом ***пăру*** (склоняемая форма ***пăр-ăв-***) 'теленок' совершенно очевидна. Или еще слово со значением «чертить, проводить линию; рисовать; писать»: п.-монг. ***жиру-***, х.-монг. ***зура*** (з-дз), бурят, ***зура-***, калм. ***зур-***, но в древнетюркском и современных тюркских языках монгольский ***-р-*** трансформировался в ***з-:яз-*** 'писать'. Если к этому ряду единообразных монгольских форм прибавить маньчжурское ***жиру-*** с тем же значением, а также венгерское ***ir-*** 'писать', заимствованное также из ротацирующего тюркского языка, то генетическая связь между монгольскими формами и чувашским словом ***çыр*** 'проводить линию; писать' становится не менее очевидной. Глаголы с современным значением «писать» первоначально обозначали вырезывание определенных знаков (рун) на твердых предметах, ср. як. ***сурааа*** 'черта, проведенная ножом на дереве', являющееся монгольским заимствованием. Можно обратиться к примерам из индоевропейских языков: нем. **schreiben** 'писать' восходит к латинскому **scribere** 'чертить, вырезывать письмена', позже – 'писать'. Точно так же английское **write** первоначально обозначало вырезывание рун. Это подтверждается его немецким генетическим соответствием **reißen** (устно) 'чертить'; ср. русское ***рейсфедер***,

представляющее собой немецкое заимствование обозначающее чертежный инструмент.

Обратимся к примеру другого фонетического порядка, когда на месте монгольского и чувашского *-л-* в древнетюркском и современных тюркских языках стоит ***-ш-***, то есть монголо-чувашский ламбдаизм противостоит тюркскому с и г м а т и з м у: п.-монг. ***чила-гун*** 'камень', х.-монг. ***чолуу(н),*** бур. ***шулу(н),*** калм. ***чолу(н),*** тогда как в тюркских языках на месте монгольского и чувашского *-л-* стоит ***-ш-,*** то есть ***таш*** 'камень'. Если сюда прибавить эвенкийское слово ***җол*** или ***җоло*** (этот язык, как известно, входит в семью тунгусо-маньчжурских языков) и корейское ***тол*** 'камень', то становится ясным, что данное слово в монгольском, корейском, тунгусо-маньчжурском произношении и чувашское ***чол/чул***, с одной стороны, и тюрк. ***таш,*** с другой, представляют собою, несомненно, родственные слова.

2. Сказанное прямо подводит к предположению, что с древнейших времен существуют два типа тюркских языков, которые, по всей вероятности, восходят к их еще более древней общности. Определенный свет на данную проблему проливает работа Г.Й.Рамстедта «Происхождение тюркского языка»[1], позволяющая использовать алтайские языковые факты для получения общего представления об истоках двух типов тюркских языков. Итак, обратимся к ней.

2.1. О пратюркском истоке чувашского языка. В этой проблеме наиболее спорным является вопрос происхождения того типа языка, которому восходит современный чувашский язык. Если многие тюркологи и особенно венгерские ученые считали, что в булгаро-тюркском языке, являющимся источником большинства древневенгерских слов тюркского происхождения, совершился переход тюркского **-z-** в **-r-**, то Г.Й.Рамстедт к решению вопроса происхождения ротацирующих и зетацирующих языков подошел по-иному. В китайской хронике, восходящей к IV веку, сохранился небольшой текст, язык которого, судя по его фонетическим и морфологическим особенностям, следует признать пратюркским языком. Из этой фрагментарной записи видно, пи-

---

[1] *G.J. Ramsted.* Über den Ursprung der türkischen Sprache. – «Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften». – Helsinki, 1935. – S. 81-91.

шет Г.Рамстедт, что тюрки в 350 году выговаривали **tal'iqan**, тогда как в 730 году они произносили уже **tašyqyn** 'выступайте в поход'; иными словами, в придворном «пратюркском» языке императора Ху переход ***l'* > *š*** еще не был осуществлен. Вот как раз от такого «пратюркского» языка ведет свое начало чувашский язык.[2] Нам мало что известно о «пратюркском» языке, но тем не менее с уверенностью можно сказать, продолжает Г.Й.Рамстедт, что монгольский язык, через «древнемонгольский», возводимый к «прамонгольскому», был очень близок к дотюркскому языку. Если, например, тюрк. **ökü̈z** 'бык (вол)', а чув. **vəGər**, монг. **üker**, др.-монг. **hüker**, то венг. **ökör** указывает на пратюркско-прамонгольское состояние, и, значит, усвоено оно венгерским языком до того, как в тюркских языках произошел переход **ŕ>z**, то есть, вероятно, до IV века н.э. (с. 84).[3]

2.2. Не менее важной для алтаистики проблемой является вопрос о локализации носителей пратюркского языка, то есть о территории их обитания. На основании многих данных, поясняет Г.Й.Рамстедт, мы вправе предполагать, что тюркский язык, тот, на котором говорили в VIII веке н.э., то есть древнетюркский язык, является потомком того, на котором говорили ранее значительно южнее и восточнее (по отношению к орхоно-енисейским памятникам письма. – *М.Ф.*), в той области, где когда-то жили тюркские и уйгурские племена. Во всяком случае, на этом языке говорили на современных территориях Ордоса и Чахара (географические районы в КНР.– *М.Ф.*). Согласно китайским источникам, говорится далее, здесь когда-то жили гунны (хунны). У нас нет оснований сомневаться в этих данных, как нет причин подвергнуть сомнению то, что как раз те племена и роды, называвшиеся «тюрк» или как-то иначе, являлись наследниками гуннов, которые впоследствии получили известность и под другими именами. С течением времени язык все более развивался и изменялся. Поскольку монгольский язык также подвергался беспрерывным изменениям, можно, пожалуй, высказать предположение, что между монголь-

---

[2] См.:*G.J.Ramstedt.* Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. – Helsinki,1922 (SFOU XXXVIII. –S.1-34).

[3] По поводу истоков l-r- языка см. статью японского ученого К.Ширатори (которой пользовался Г.Й.Рамстедт) в книге «Чувашский язык в семье алтайских языков» ч. II. – Чебоксары, 1983. – С. 18-21.

ским, с одной стороны, и тюркскими языками, с другой (вернее говоря, между домонгольским и дотюркскими языками), в 500-600 годах до н.э. слишком большой или весьма существенной разницы не было (с.84-85). В своих публикациях, как прижизненных, так и посмертных, Г.Й.Рамстедт «пратюрков» локализует не там, где были обнаружены надгробные стелы с тюркскими надписями,– по Орхону и верховьям Енисея, а гораздо южнее. Это обстоятельство никак не согласуется с термином «алтайские языки», поскольку он в данном виде противоречит всей теории Г.Й.Рамстедта. Вот что он сам говорит по этому поводу: «С некоторой уверенностью можно утверждать, что современных тюрок, монголов и корейцев в языковом отношении следовало бы рассматривать как единое целое. Этот комплекс языков называют алтайским, но это название никоим образом нельзя считать точным. Алтайские горы нельзя рассматривать в качестве географического центра распространения этого комплекса языков, по меньшей мере их прародиной, которую в свете древних данных нужно перенести скорее всего в южную Маньчжурию и южную Монголию, к древнейшим китайским поселениям» (с.86).

Чтобы подкрепить это положение, Г.Й.Рамстедт приводит список четырнадцати древнекитайских слов (с пометой синокор), регулярно встречающихся в алтайских языках, а также двадцати четырех корейских слов. К тем и другим автор через знак равенства приводит соответствующие тюркские слова, оставляя за собой право в дальнейшем увеличить число подобных слов (с. 87-88).[4]

Занятия Г.Й.Рамстедта корейским языком привели его к убеждению, что он принадлежит к алтайской семье. По этому поводу он с уверенностью писал, что эти и другие этимологии подобного рода указывают на то, что «колыбель, прародину тюркского народа, или, вернее говоря, того народа, язык которого современные тюрки унаследовали в более или менее модернизированной форме, следует искать в соседстве с предшественниками корейцев и в то же время вблизи китайцев. Иначе нельзя объяснить су-

[4] К сожалению, осуществить это ему не было суждено. Здесь имеются в виду посмертные издания его трудов: «Studies in Korean Etymology», Helsinki, 1953, а также «Paralipomena of Korean Etymologies». – Helsinki, 1982.

ществующие в корейском и тюркском языках лексические, морфологические и фонетические совпадения» (с.89). Например, корейское слово **agari, aguri** 'рот' для Г.Й.Рамстедта явилось подлинным сюрпризом. Дело в том, что он с 1910 года придерживался мнения, что тюркское **-z-** представляет собой древнее палатализованное **-ŕ -**, ибо чуваши на дальнем западе и монголы на востоке в соответствующих словах произносят ***-r-***. Тюркское слово **aγyz** 'рот' (осм., койб. **äs**, ккирг. **öz,** як. **uos<ös<aγuz**), как он полагал, произошло из древнего ***aγari** или **aγuri.** Это слово с корнем **ag, ak,** подобно монгольскому **ag**, имело общее значение «отверстие» и по этой, вероятно, причине предки чувашей использовали его в значении «рот»: ***jeg aguŕ** 'верхнее отверстие', что соответствует современному чувашскому ***s'ăvar<s'i-ăvar***.[5]

2.4. Теоретически можно предположить, что первобытный язык обслуживал какую-то первобытную антропологическую группу людей, объединенных общностью происхождения и наследственных особенностей (строение тела, качество волос, пигментация кожи, волос, глаз и т.п.). Но на фоне общего эволюционного процесса развития человека умелого (homo habilis), продолжавшегося согласно подсчетам археологов и антропологов несколько миллионов лет, а также истории становления человека разумного (homo sapiens), на что, вероятно, ушли также десятки миллионов лет, мысль о единстве языка и человеческих рас совершенно неприемлема. Обратимся к историческим примерам. Болгария, за исключением турецкой общины, уже более тысячи лет говорит на славянском языке, хотя болгары в этническо-расовом отношении вовсе не славяне, а выходцы из Азии. Этнические общности африканцев в Мозамбике и Анголе, наверняка имевшие когда-то свои собственные языки, в результате 400-летней колонизации португальцами целиком и полностью перешли на их язык, хотя последние в расовом отношении совершенно чужды африканским племенам. На португальском языке говорит вся Бразилия, конгломерат самых различных этнических общностей. То же самое произошло и в других странах Южной Америки, заселенной когда-то индейцами. В результате колони-

[5] *G.J.Ramstedt.* Studies in Korean Etymology. Edited by Pentti Aalto. – Helsinki, 1953, Introduction. – S. 10.

зации испанцами родным языком населения двадцати стран Латинской Америки стал испанский.

Древние мари, заселявшие северные районы современной Чувашской АССР, со временем перешли на чувашский язык, который в результате этого претерпел некоторую адаптацию. Иначе говоря, потомки финно-угорского этноса, растворившись в среде пришлых, но чуждых по происхождению тюрок-булгар, в конечном счете приняли атрибуты другого этноса, усвоив, таким образом, чужой язык, чужие обычаи и чужую культуру.

За последние двести лет, что в масштабе истории можно считать весьма небольшим периодом, много чувашей стали «русскими», переняв у них язык, обычаи и культуру. Это – служилые новокрещены, дети и внуки служителей православной религии, купцов, мелких торговцев, разного рода дьяков (писарей), а также учителей, получивших образование в русских школах.

Эти и подобные им примеры показывают, что язык и этнос совпадают далеко не всегда. Так обстояло и обстоит дело с носителями языков негроидной, монголоидной, европеоидной рас.

По этому поводу Ф.Ф.Фортунатов писал следующее: «Генеалогическая классификация языков должна иметь полную независимость отделения человечества на расы... Мы можем думать, что расы, приходя в соприкосновение одна с другой, могли смешаться в то время, когда такое смешение не распространялось на их языки... Общность расы сама по себе не доказывает еще родства тех языков, которые мы находим у племен, принадлежащих к этой расе».[6]

Г.Й.Рамстедт в упомянутой работе, касаясь данного вопроса, разграничивает в принципе язык и расу, подчеркивая, что вопрос происхождения тюркского языка является проблемой, которую следует трактовать в отрыве от расового вопроса. Тюрки, утверждает он, к какому бы антропологическому типу они не принадлежали, свой язык унаследовали от жившего в далекой Восточной Азии народа, состоявшего в близком родстве с корейцами, монголами и другими.[7]

«Советская тюркология» №3, Баку, 1986. С.51-55.

---

[6] *Ф.Ф.Фортунатов.* Избранные труды. Том I. – М., 1956. – С. 61-62.

[7] *G.J. Ramstedt.* Über den Ursprung der türkischen Sprache. – S. 91.

3.24. И.С. ГАЛКИН, МАРИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЛЕКСИКОЛОГИЙ. ТУНЕММЕ КНИГА. – Йошкар-Ола. 1986. – 72 с.

И.С. Галкиным опубликован целый ряд работ, но при всем разнообразии своего творчества он остается историком языка. В предлагаемой рецензии речь пойдет о новой работе исследователя – учебном пособии по лексикологии, адресованном в первую очередь студентам Марийского государственного университета.

Книга включает следующие разделы: введение (с.2-23), членение марийской лексики на различные исторические пласты (с.23-36), заимствованная из других языков лексика (с.36-66), особенности развития современной марийской лексики (с.66-68).

Во введении, помимо постановки вопроса, рассматриваются основные источники исследования марийской исторической лексикологии: 1) современный марийский язык и его диалекты; 2) письменные памятники; 3) данные родственных языков; 4) заимствованные слова; 5) условно-профессиональная лексика (арго) и другие марийские языковые приобретения; 6) детский язык; 7) ономастика. В качестве первого письменного памятника марийского языка отмечается книга Н. Витзена, где, впрочем, сказано, что мордовский и марийский языки так сходны, что разницу между ними можно сравнить с разницей между верхненемецкими и нижненемецкими диалектами (с.6-7). Приводятся полезные данные о первой грамматике марийского языка (1775), о некоторых рукописных и опубликованных словарях, оставивших глубокий след не только в истории марийского, но и многих других языков народов Поволжья и Перми (Словарь Дамаскина, записки Палласа и некоторые другие). Не лишены интереса сведения о книгах религиозного направления, а также двуязычных словарях.

В XIX веке начинается научное изучение марийского языка. В исследовании языков большую роль играют данные родственных языков, тем более что марийский язык, как считает автор, возник по меньшей мере 1700–1900 лет назад. Особенно ценны данные других финно-угорских языков (мордовских, финского, коми, удмуртского). Автор отмечает, что марийцы за свою долгую историю соприкасались с разными народами – иранцами, балтами, монголами, тюрками и русскими, оставившими в их языке следы в виде

заимствованных слов. Общеизвестно важное значение ономастического материала для выяснения истории народа. Например, встречающиеся в северной половине Чувашской АССР топонимические названия марийского происхождения свидетельствуют о том, что там когда-то жили марийцы (с.14-15). Введение завершает обзор литературы, посвященной сравнительно-историческому исследованию марийского языка за последние 150 лет.

Переходя к рассмотрению исторических пластов марийской лексики, автор пишет, что до половины IV тыс. до н.э. существовали уральские племена (или палеосибирские и палеоевропейские), восточнее жили предки самодийских народов, а западнее – финно-угры.

По оценке И.С.Галкина, в марийском сохранилось около 200 слов уральского праязыка. Автор делит их на 14 семантических групп. Эти слова отражают материальную культуру своего времени, но вошли в основной словарный фонд марийского языка (с. 23-25).

В обзоре марийской лексики, восходящей к прафинно-угорской эпохе, автор пишет, что на запад от прасамодийских племен, в бассейне Волги и Камы, зародился прафинно-угорский язык – это произошло еще до III тыс. до н.э. По причине экстенсивного характера экономики прафинно-угры между III и II тыс. рассеялись вплоть до Балтийского моря. По оценке И.С.Галкина, от финно-угорского праязыка в марийском сохранилось более 200 слов, которые он распределяет по 17 семантическим категориям (с. 25-27); из эпохи финно-пермской языковой общности в марийском сохранилось лишь 60 слов, (с. 27-28).

Особо занимает автора вопрос о финно-волжском праязыке и его лексике. На его взгляд, корневых слов, общих для финского, мордовского и марийского языков, немного – всего 50, но из них половина марийских слов точь-в-точь соответствует прибалтийско-финским словам (с. 28-31). Некоторые из них попали в марийский язык, на наш взгляд, из чувашского (*севаш, тырхаш*). В финно-угроведении марийский и мордовские языки объединяют в т.н. волжскую группу, исходя из наличия общей лексики. Эта общность в известной мере подтверждается данными материальной культуры и археологических находок, относимых к позднегородецкой культуре. И.С. Галкин приводит 50 марийских слов с их

соответствиями в эрзянских и мокшанских диалектах (с. 31-34).

Приводя список из 67 слов, общих для марийского и пермских языков, И.С. Галкин замечает, что 27 из них общие для всех трех языков, 29 – для марийского и удмуртского языков.

Исследователи никогда не отрицали наличия в финно-угорских языках индоевропейских вкраплений, в частности индоиранских (арийских) в марийском. Это находит подтверждение и историко-географических данных, но как индоиранские элементы проникли в прамарийский язык, сказать трудно. Например, Ф.И. Гордеев мар. *ӱдыр* 'дочь' сближает с авест. ***духтар***, последнее имеет многочисленные родственные формы в таких же древних индоевропейских языках, а также в современных (см. *М.Фасмер.* Этимологический словарь русского языка Т. I.– С.333). Или мар. *еӊ* сближается с санскр. *яна* 'человек', мар. *вате* 'жена' с санскр. *вадху* 'молодая жена', мар. *чызе* с осет. *дзидзы* 'сосок, грудь' и т.д., почему не принимать во внимание чув. *çын* 'человек', *ватӑ* 'старый', *чĕчĕ* 'сосок, женская грудь'? Ведь последние, независимо от их какой бы ни было первоначальной формы, ближе всего стоят к марийскому. Автор пишет, что трудно согласиться с М.Федотовым, считающим мар. *вате* чувашским заимствованием. Однако еще Рамстедт писал, что чув. *ватӑ* > мар. *вате* и приводил монгольские, тюркские и тунгусские соответствия (*Г.Й. Рамстедт.* Введение в алтайское языкознание. – Москва,1957. – С.149).

Удивляет, почему мар. *вара* 'потом' сближается с осет. *фарон* 'прошлый год', мар. *чоло* 'приблизительно' с осет. *пьус* 'маленький', мар. *туп* 'спина' с ягн. *тепа* 'холм', мар. *тушто*: *мӱ кшкырвушто* 'желудок (у животных)' с ягн. *пуст* 'кожа человека и животного, шкура' (с. 41), когда для иранских форм наиболее подходящие соответствия имеются в чувашском языке: *вара* 'потом', *чол(о)* (< *чохлĕ* ~ тюрк. *чаклы*) 'столько', *тӳпе* 'вершина, верхушка; возвышение (холм)', *пус* (иран. ***-т*** перед ***с***, как правило, выпадает) 'шкурка-копейка' (восходит к тому времени, когда шкурки служили обменной монетой, что свойственно было многим древним народам). Подобный список соответствий и несоответствий при желании можно продолжить, но дело не в количестве сближений и расхождений. Прежде всего, надо выяснить, о каких иранизмах идет речь – индоиранском или новоиранском (новоперсидском) языке, в составе последнего в свою очередь имеется масса тюркизмов. Такой анализ не обязателен для учебного пособия, но чтобы

утверждать о восхождении какого-либо марийского слова к раннесарматскому или позднесарматскому (выражения Ф.И. Гордеева) языкам, необходимо иметь доказательства.

Это замечание относится и к т. н. балтийским заимствованиям (с. 43-46). Трудно сказать, есть ли в марийском балтийские заимствования и сколько их. В.Томсен, например, писал о нескольких подобных словах. Но как доказать, что мар. *пӧрт* непосредственно восходит к литов. *pirtis* 'баня'? Ведь и в древнерусском существовало *перть* то же (ср. еще рус. *паперть*). Здесь, на наш взгляд, лучше вести речь о балто-славянском происхождении мар. *пӧрт* (> чув. *пӧрт* / *пӳрт* 'дом').

Ф.И. Гордеев, – пишет автор книги, – число балтизмов в марийском языке доводит до 19. Дело опять-таки не в количестве, а в доказательности. Нет смысла мар. вольык сближать с литов. *givuliai* (дано без значения), поскольку здесь очевидно чувашское заимствование с общетюркским аффиксом *-лык* от корня *вӑй* 'сила'; не стоит мар. *пераш* 'ударить, стукнуть' сближать с литов. *perti* 'хлестать банным веником, бить', латыш. *peert* то же; мар. *пер-аш* не выходит за пределы тюркских слов (чув. *пер-* ~ тат. *бэр-*), что отмечали Вихманн, Рамстедт, Рясянен. Балтизмы Ф.И. Гордеева доверия не вызывают.

Далее автор переходит к рассмотрению гуннских, булгарских (старочувашских), чувашских заимствований в марийском языке (с. 46-56). Этот раздел представляет собой извлечение из наиболее надежных исследований, посвященных тюркским заимствованиям не только в марийском, но и в пермских языках. Только рано еще утверждать, что в марийском языке имеется около 300 булгарских (старочувашских) слов. Исследователи продолжают обнаруживать все новые находки.

Татарские заимствования хронологически моложе чувашских. По диалектам и говорам марийского языка они распределяются неравномерно. В восточном наречии, по подсчетам Н.Исанбаева, их более 2000, в луговом (Мари Турекский, Параньгинкий, Моркинский р-ны) – 400, в горномарийском – 200, а в северо-западном – около 70.

Значительное место отведено монголизмам в марийском языке, причем среди них 23 проникли через старочувашский, 15 – через татарский, 27 – через чувашский или татарский языки, а два – через русский язык (с. 59-64).

Народы Волго-Уральского региона несколько столетий находились в сфере влияния русского языка. Особенно большие изменения в жизни носителей тюркских и финно-угорских языков произошли после Великой Октябрьской социалистической революции. Марийский, как и другие языки, обогатился большим количеством русских заимствований.

Книга И.С.Галкина с пользой послужит повышению уровня знаний студентов по теоретическому и практическому курсу марийской лексикологии.

«Советское финноугроведение» № 4, Таллин, 1987.

3.25. МИХАИЛУ РОМАНОВИЧУ ФЕДОТОВУ – 70 ЛЕТ

Исполнилось семьдесят лет известному чувашскому языковеду доктору филологических наук профессору Михаилу Романовичу Федотову.

М.Р. Федотов родился 20 января 1919 г. в дер. Малое Буяново Шемуршинского района Чувашской АССР. В 1937 г. он окончил Батыревское педагогическое училище и до призыва осенью 1939 г. на действительную службу в Красную Армию работал учителем в Шемуршинском районе Чувашской АССР. М.Р. Федотов – участник Великой Отечественной войны. В 1945–1947 гг. он работал переводчиком в Германии. В 1948 г. М.Р.Федотов возвратился к мирному труду. До августа 1952 г. он был учителем немецкого языка в Кокшамарской средней школе Звениговского района Марийской АССР, что дало ему возможность практически овладеть марийским языком. После окончания в 1953 г. Горьковского педагогического института иностранных языков М.Р. Федотов работал сначала преподавателем немецкого языка в Чувашском государственном педагогическом институте им. И.Я.Яковлева, затем

сотрудником Чувашского института усовершенствования учителей. После открытия Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова он становится доцентом университета. В 1969 г. М.Р.Федотов успешно защитил докторскую диссертацию на Ученом совете Отделения общественных наук Академии наук Эстонской ССР по теме «Чувашско-марийские языковые взаимосвязи в историческом освещении» и до выхода на заслуженный отдых работал профессором Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова. В настоящее время он является профессором-консультантом университета.

Знание тюркских и финно-угорских языков позволило М.Р.Федотову создать содержательные труды по истории чувашского языка и чувашско-финно-угорским языковым контактам. В 1965 г. увидела свет первая часть его монографического исследования по чувашско-финно-угорским языковым контактам «Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми», вторая часть появилась через три года под названием «Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками» (Чебоксары, 1968). Отдельная глава второй части посвящена марийским лексическим заимствованиям в чувашском языке.

Проблема тюркско-финно-угорских языковых связей рассматривается и в ряде статей юбиляра: «Марийские заимствования в чувашском языке» (1965), «О генетической соотносимости пермского *эн* и чувашского *ан* в отрицательной форме повелительного наклонения» (1965), «Булгарский язык и его отношение к некоторым финно-угорским языкам» (1967), «Формы принадлежности 1-го и 3-го лица ед. числа в тюркских и финно-угорских языках» (1970), «К этимологии некоторых слов» (1972), «Прошедшее неочевидное время в чувашском и марийском языках» (1972), «О марийском этнониме *сувас~суас*» (1974), «Изафет в чувашском и марийском языках» (1975), «О чувашском каритивном аффиксе *-сăр(-сĕр)* и его рефлексе в некоторых финно-угорских языках» (1970).

М.Р. Федотов много внимания уделил труднейшей проблеме – месту чувашского языка в алтайской языковой семье. Предварительно он глубоко исследовал сравнительную грамматику тюркских языков, древнетюркский язык и древнетюркские письменные памятники. Еще в 1973 г. он издал учебное пособие для

студентов Чувашского государственного университета «Древнетюркский язык», написал статью «О месте чувашского языка в алтайской семье языков», и 1975 г. вышла его «Сравнительная грамматика тюркских языков», в 1976 г. – новое учебное пособие «Введение в тюркологию». Все это послужило прекрасной базой для создания трехтомного труда «Чувашский язык в семье алтайских языков» (ч. I, Чебоксары, 1980; ч. II, Чебоксары, 1983; ч. III, Чебоксары, 1986). Этот многолетний фундаментальный труд М.Р. Федотова, по мнению известнейшего советского тюрколога А.Н. Кононова, представляет собой крупное достижение в области чувашского и общетюркского языкознания.

Проблеме отношения чувашского языка к общетюркскому и к языкам хазар, дунайских и волжских булгар, а также к финно-угорским языкам Поволжья М.Р.Федотов посвятил обстоятельную статью «Отношение чувашского и общетюркского языков к языкам хазар, дунайских и поволжских булгар, а также финно-угров» (1979).

С точки зрения общетюркской фонетики и морфологии большой интерес представляют статьи юбиляра «Чувашско-монгольский ламбдаизм и ротацизм в свете двух тохарских заимствований в пратюркском языке» (1984), «Инфинитивы в тюркских языках» (1981), «Этацизм и итацизм в свете тюркских названий реки Волги» (1978).

Ряд интересных работ М.Р. Федотова связан с исторической лексикологией чувашского языка и ономастикой: «Арабские и персидские заимствования в чувашском языке» (1963), «О названиях дней у чувашей» (1962), «Роль чувашских слов в образовании ойконимии Марийской АССР» (1988), «Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии» (1970).

М.Р. Федотов полон творческих сил. В настоящее время находится в печати его новая монография о чувашско-марийских языковых связях, которая должна увидеть свет в 1989 г.

Друзья и коллеги М.Р. Федотова желают ему крепкого здоровья и новых творческих успехов в его многогранной научной деятельности.

И.С.ГАЛКИН (Йошкар-Ола)

«Советское финно-угроведение» XXV, №1, Таллин, 1989

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О ДУХОВНОМ

Глава 4

ПРОСВЕТИТЕЛЬ И.Я. ЯКОВЛЕВ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

«...У меня в жизни не было другой цели, как благо чуваш».
И.Я.Яковлев

4.1. СЛОВАРИК ПЕРВОКУРСНИКА

Абитуриент. От латинского глагола **ab-eo** "уходить, удаляться, ускользать", **abitus** "уход, отъезд" (**ab** – "от"+ **eo** "идти, ходить"). Абитуриент – "уходящий, покидающий среднюю школу». Из немецк. **Abitur** – "экзамен на аттестат зрелости" + словообр. суфф. **-ient**. Abiturient – "сдающий экзамен на аттестат зрелости". Теперь в России – сдающий экзамен для поступления в вуз.

Ассистент. От латинского глагола **as-sisto** "помогать, поддерживать", "стоять рядом, присутствовать" + словообр. суфф. **-ent.**

Аспирант. От латинского глагола **a-spiro** "стремиться, устремляться", "стараться, подойти, приблизиться" + словообр. суфф. **-ant.** Теперь: лицо, подготавливающееся при вузе или научно-исследовательском институте к научной деятельности.

Декан. От латинского числительного **decem** "десять". Декан – "десятник", "старший в группе из 10 человек". Теперь: лицо, стоящее во главе факультета вуза.

Деканат. От латинского **decan** + словообр, суфф. **-atus**. См. **декан.** Теперь: административно-учебное управление факультета.

Доктор. От латинского глагола **doceo** "учить, обучать" + словообр, суфф. **-or**. Doctor – "учитель, преподаватель". В средние века преимущественно "учитель богословия". В России – высшая ученая степень.

Доцент. От латинского глагола **doceo** "учить, обучать", **docentis** "учащий". Теперь: преподаватель вуза, читающий самостоятельный курс.

Кандидат. От латинского глагола **candeo** "быть белым", "блестящим", "сиять", **Candidatus** – "домогающийся должности, пре-

тендент на пост (в этом случае надевалась белая тога), кандидат".

Кафедра. От греч. **katheder** "стул, кресло". В древности – место, с которого философы и риторы произносили речи. Теперь: профессорско-преподавательский состав одной научной отрасли, ведущей педагогическую и научную работу.

Куратор. От латинского глагола **curo** "заботиться, иметь попечение, не оставлять без внимания" + - словообр. суфф. **-tor**. Куратор (curator) – "попечитель, надзиратель, смотритель". Теперь: воспитатель учебной группы в вузе.

Курс. От латинского глагола **curro** "бегать, бежать, спешить". **Cursus** – "путь, маршрут, курс, рейс; движение, прохождение". Одно из значений этого слова в России – "учебный год в вузе".

Коллоквиум. От латинского глагола **col-loquor** (**col** "с" + **loquor** -"говорить, разговаривать") с помощью словообр. суфф. **-ium. Colloquium** – "собеседование", "род устного экзамена".

Лектор. От латинского **lector** "читатель, чтец", которое восходит к глаголу **lego.** См. лекция.

Лекция. От латинского **lectio** "чтение", которое, в свою очередь, восходит к многозначному глаголу **lego**, одним из его значений явл. "читать, читать вслух, читать с листа".

Проректор. Про – многозначный латинский предлог, одно из его значений соответствует русскому предлогу **за**. Лат. **pro consula** – "проконсул", наместник, замещающий консула". Проректор – заместитель ректора, лицо (человек), действующее от имени ректора. См. ректор.

Профессор. Этот термин связан со словом **professio** "профессия, специальность": **p. rhetorica** "преподаватель риторики", **p. medicina** "преподаватель медицины". Оба восходят к **profiteor (pro+fateor),** одним из значений которого является "преподавать, читать лекции".

Ректор. От латинского глагола **rego** "править, управлять, руководить" + словообр. суф. **-tor.** Ректор – "правитель, управитель, руководитель".

Семинар. От латинского **seminarum**, которое в свою очередь восходит к латинскому **semen** – «семя, саженец, рассада». Семинарские занятия – это главным образом практические занятия студентов после прослушанных теоретических лекций.

«Ульяновец» № №36-47 (377), 5-7 декабря 1995 г.

4.2. ВОПРОС БЕЗ ОТВЕТА

В №№ 37-40 молодежной газеты «МК» появилась объемная статья Геннадия Егорова под названием «Кто мы, чуваши, откуда?». Статьи подобного рода всегда вызывают интерес не только у тех, кто в самом естественном смысле считает себя представителем чувашского народа. Другое дело – насколько они научно обоснованы, правдивы и доказательны.

Мы так много наслышаны и начитаны о том, что следует проявлять терпимость к чужим мыслям и убеждениям. В правильности такого подхода сомнений не возникает. В то же время любой из нас вправе спросить, могут ли создаваться убеждения на ложных фактах и предпосылках? Обратимся к некоторым из них, хотя газетная площадь едва ли даст возможность исчерпывающе просеять весь набор неквалифицированных толкований автора статьи в «МК».

Всегда надо говорить лишь то, что знаешь точно, но в то же время это не значит, что допущения, предположения должны быть изгнаны из сферы науки. Часто даже интуитивные выводы проливают свет на закономерную взаимосвязь и взаимоисключительность фактов. Вот только с этих позиций следует говорить, когда мы ищем своих или чужих предков, происхождение их языков, материальной и духовной культуры. Вот это и есть единственный простой ответ, исключающий фальшь и натяжки под предварительно принятую автором общую формулу. А она такова: «Путь движения чувашского народа с прародины сумар до Средней Волги можно представить так: Долина Эдем (Ирак) – территории севернее Индии – Байкал – Тянь-Шань (Верховье Иртыша) – Каспий – Средняя Волга. Чувашское слово «этем» (пуçламăш чăваш) переводится на русский язык – перво-чуваш. Исследуя пути движения потомков сумар с Долины Эдем до Средней Волги, ученые скоро докажут, действительно ли мы заимствовали у тюркоязычных народов чуть ли не 75 процентов слов, потом их переделали до неузнаваемости, как говорит В.В. Радлов. Или же, наоборот, тюркоязычные народы заимствовали чувашские слова и переделали согласно характерному им зетацизму и сигматизму».

О том, какие народы и какие слова позаимствовали у чувашей, согласно автору, мы скажем несколько позже, а сейчас нас интересуют слова **эдем** и **сумар**, взятые из предыдущего абзаца.

Начну с первого. Этимологи вполне научно утверждают, что чувашское слово **эдем** (в письме этем) и его родственные соответствия **адам, адем, одам** в других тюркских языках арабо-персидского происхождения со значением «человек». Древнееврейское эдем означает местопребывание человека до его грехопадения. Слово это через посредство чувашского или татарского языков укоренилось в марийском, мордовском и удмуртском языках.

Теперь насчет **сумар**. Путеводной идеей построения своей статьи Г.Егорову послужил высказанный Н.Я.Марром тезис, что-де «чувашское слово ***сăмах*** (речь, слово) от основы ***сăма***, пережитка племенного названия ***шумер (сумар),*** откуда происходит и национальное племенное название ***чăваш***. ***Сăмах, сăмахла*** (говорить) первоначально означало **сумарла (шумерить),** т.е. говорить племенным языком шумеров».

В духе процитированного Г.Егоров утверждает, что «***сăвар, сăвас, сумаççĕ*** произошли от одного и того же слова **сума** и означают одно и то же – почитание, преклонение. Значит, с доисторических времен чувашей уважали, ценили другие народы и называли ***сумар, сăвар, сăвас,*** т.е. уважаемые, почитаемые, чтимые». Кажется, что нет предела наивности.

Сравнительно-историческое языкознание, в частности тюркология, давно установило, что чув. **сом/ сум** «число, счет» соответствуют древнетюркскому и общетюркскому сан «число, количество, счет», а также «почет, уважение». Более древняя форма современного чувашского слова **сом / сум** отразилась в древнерусской форме **сам-чий** «управляющий хозяйством» в качестве заимствования из древнеболгарского *** сам-чий** сравни чув. сум «число, счет» (М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Том III. – С. 554-555). Языковеды-этимологи древнерусское **сан** (от него: **сановник, осанка, приосаниться**) рассматривают так же как заимствование из дунайско-болгарского языка. Что касается чувашского выражения **сума су** «почитать, уважать», то здесь также все просто: первая часть его представляет форму дательного падежа от того же чувашского **сум** (в верховом

диалекте **сам**)- + **су-**, восходящий к древнетюркскому **са-** «считать, подсчитывать».

Согласно Н.Я.Марру и его ученикам-последователям получается, что яфетические языки, к которым причисляют также чувашский язык, существовали не только до живых, но и до мертвых индоевропейских языков. Получается, что яфетические языки старше даже таких мертвых индоевропейских языков, от которых в памяти человечества остались одни названия: корнский, мэнский, гальские (кельтская ветвь), латынь (романская ветвь), оскский, умбрский (италийская ветвь), прусский (балтийская ветвь), скифские (иранская ветвь), тохарские (тохарская ветвь), хеттский, лидийский, лувийский (хетто-лувийская ветвь) и другие. Как известно, русский язык является живым представителем семьи индоевропейских языков. На этот счет интересно будет узнать, как Н.Я.Марр смотрел на становление русского языка: «Можно себе представить, какое огромное значение должен получить чувашский язык для изучения действительных древностей русского языка и вообще его происхождения... В этом процессе возникновения индоевропейских и урало-алтайских языков из яфетических... и окончательного сложения в частности русского и финского языков чувашский как яфетический язык не мог в те отдаленные эпохи не действовать. Он был одним из основных источников в этом окончательном построении русского языка». (Чуваши-яфетиды на Волге. – Чебоксары, 1926. – С. 18, 21). Идя как бы по стопам Н.Я.Марра, наш автор пишет следующее: «По утверждению ученых, в I-II века нашей эры славяне жили на территории нынешней Польши. В XV–XII веках до н.э. – севернее Индии. Значит, некоторые чувашские слова заимствованы именно там. Например: **ама** – мать, **атте** – отец, **князь** – кнеç. Кнеç происходит от двух слов: ку несĕл. Вкратце ***кунеç, кнеç*** – основа, глава родословной, народа. Чуваши еще на рубеже 20-х веков до н.э. имели государство, богатство – ***ылтăн*** (золото), ***тенкĕ*** (деньги). У русских в середине века рубль – **алтын**, т.е. чувашское ***ылтăн***». И начинается обильное перечисление слов, обязанных своим существованием чувашскому языку. Приведу лишь некоторые: «В Мессопотамии есть реки – Тигр и Ефрат. **Рат** мы уже знаем – род. Что значит **Ефр**? Не значит ли это, что на берегу этой реки жили **евфы,** т.е.

европейцы? Поэтому река названа Ефрат. **А Тигр!.. Чи** на чувашском самый. ***Чи лайăх*** – самый хороший. **А чи гр** – самый ревущий. Самому ревущему зверю тигру прекрасно подходит это название. Значит, около этой реки было множество тигров, потому река названа Тигр». Вот какие «открытия» совершаются в наши дни в области этимологии.

Стоит послушать, автора и дальше:«Чуваши, обитавшие в доисторические эпохи в долинах рек Тигр и Ефрат, имели государство, высокоразвитую культуру, богатый язык, письменность. У нас было развито земледелие, хлебопашество, хмелеводство, возможно, и пчеловодство». Доказательства? За ними автор не задерживается и приводит длинный список русско-чувашских сближений, т.е. «родственных» чувашскому и русскому языкам слов: чув. **утрав** – рус. **остров,** чув. ***паттăр*** – рус. **богатырь**, чув. ***кĕнеке*** – рус. **книга**, чув. **самса(па)** – рус. **носом**, чув. ***хăлха*** – рус. **ухо**, чув. **суха, сухала** – рус. **соха, сохать (пахать)**, чув. **кус (кос)** – рус. **ко-(ле)со** и т.д.

Среди перечисленных слов есть действительно общее для русского и тюркского языков слово, скажем, рус. **очаг**, но образовалось оно от древнетюркского от «огонь» + словообразовательный аффикс **-чаг**. Русское **очаг** действительно заимствовано с какого-то тюркского языка, но не из чувашского, потому что чувашская форма **вучах /вочах** является новой по отношению к общетюркскому **отчаг.**

Перечислив приведенные слова, автор заявляет, что, «изучив старославянский язык, мы можем точно определить, сколько слов переняли русские у чуваш в доисторическое время». Вот этого действительно не хватает автору. Изучив старославянский и древнетюркский языки, он не выдал бы такой чепухи.

«Открытия» автора перечисленными словами не заканчиваются, они распространяются на собственные имена, гидронимы и топонимы. Приведу такие перлы его рассуждений: «***Атăл*** происходит из двух слов – первоначального названия реки **Ра** и чувашского **тул(тол)**, тулли шывла, т.е. река, заполненная до краев водой, полноводная река... Река **Иртеш** (обгони) **Иртыш**... Река **Кама** (***кам шывĕ*** – чья река?) Название реки так и осталось в виде вопроса **Кам – Кама! Каспиночная красавица** (чуваши жили на берегу Каспийского моря с начала 11 века нашей эры до 737 года)».

Какие тут гроздья наивностей и потешных выводов! Неужели автору трудно было найти этимологические словари или справочники по топо- и гидронимике? Видать по всему, что нашим шумерцам они просто помеха в стремлении поискать великих предков чувашей между Тигром и Ефратом.

К сказанному прибавлю еще один курьез, связанный с этнонимом **башкир**. Автор пишет: «Было сказано, что с чувашским народом связаны названия многих рек, озер. Могли чуваши по-своему назвать народы? Могли. **Башкир, башкорт**, несомненно, получился с чувашского ***пуçкăрт***. Удмурты башкир называли билярами, чуваши – гордыми (***пуçкăрт – пуçа каçăрт***). ***Пуç*** на тюркском баш».

Спасибо автору на добром и умном слове. А мы все где-то блуждали понурив голову и искали этимон слова **башкир**. А как просто!

Не имею никакого желания чем-то обидеть автора, он умеет писать и по-своему, на свой вкус, что ли, анализировать факты, но, прочитав следующее предложение, у вас непременно появится добродушная улыбка: «Чувашский язык всегда был мягким, певучим. Грубить для нас не характерно. Чувашские имена были красивыми, нежными, многоговорящими». Да разве на свете есть народ, не любящий своего языка? Язык любого народа для него мил, мягок, нежен, певуч. Если же автор имеет сингармонизм чувашского языка, то в известной мере прав, потому что в чувашском слове соблюдается так называемая гармония гласных. Но она свойственна не только чувашскому, но и всем урало-алтайским языкам. К чему тут такая ходячая исключительность чувашского языка? Ни к чему.

Заканчивая не то рецензию, не то отклик на статью Геннадия Егорова, выскажу еще несколько слов о последней, четвертой, части, в которой, в отличие от первых трех частей, чувствуется биение живого пульса этнографически-житейского толка в том понимании, что смутное время не обязательно должно-де гнать мутный поток в здоровые и крепкие корни чувашского народа, хотя в его литературе не состоялось подлинно чувашское сознание. Но этот очерк тем не менее связан с предыдущими материалами: у чувашей прекрасный генофонд, потому что чуваш-

ский народ породил трудолюбивых людей, выдающихся спортсменов) художников, писателей и поэтов. А наши женщины и девушки! Какое это богатство, золотой фонд народа!

Никто, пожалуй, не отрицает, что у чувашского народа есть такие люди. Об этом мы еще лучше знали по святому писанию коммунистической пропаганды, но в отличие от автора святая пропаганда и ее лучшие пропагандисты перед каждым перечисленным словом ставили решающее добавление: советский (-ая, -ое).

Если о нашей современной жизни судить по виршам и героическим сказам наших поэтов и писателей, составляющих, по словам автора, самый крупный Союз писателей в России, то мы давным-давно построили социализм и живем беззаботно и припеваюче, воспевая молочные реки и кисельные берега. А на самом деле? Ни полуслова искреннего и правдивого, задевающего живую и больную душу. Теперь эта железно-осиновая когорта молчит, когда молчать нельзя. Она все еще ждет возврата штампа Главлита: «Выпуск в свет не разрешается». Как хочется петь ту же аллилуеву песню! Но она, хотя и пропагандировалась во весь голос, никогда не была родником духовной жажды народа. Этим сказано все.

Нет никаких надобностей искать чувашей ни в доисторических государствах, ни в «Царстве Чоаши» на Иртыше, ни на Каспии – область Чăвашрат. Все это искусственно конструируется. Ни один исторический или языковой факт не может подтвердить эти фантастические «государства чувашей», потому что их не было. Вопрос, поставленный автором «Кто мы, чуваши, откуда?» остался без научного ответа.

Газета «КЛИП», № 42, ноябрь 1991 года.

4.3. РОЛЬ ЛЮДЫ ИЗ МОСКВЫ И КРИСТИ ИЗ ЧИКАГО
в изучении экономической географии

«ТЕРРА-ЭРДКУНДЕ». Так называется учебник географии для 9-го класса баварской гимназии, изданный в 1994 году

под редакцией доктора географических наук Л.Дойрингера. Он содержит географические, природно-климатические, социально-экономические сведения о Японии, Соединенных Штатах Америки, республиках бывшего Советского Союза и Австралии. Тексты сопровождаются яркими и броскими графическими материалами в виде таблиц, схем, диаграмм, а также фотографиями. В качестве приложения книга снабжена 14 видами важнейших сравнительных социально-культурных, демографических, экономических и иных структурных данных 78 стран Европы, Америки, Африки, Азии и Австралии, именными и предметными указателями, а также пояснениями специальных терминов.

В учебнике есть еще один раздел, достойный, на наш взгляд, внимания составителей школьных учебников. Останавливаюсь на нем с целью показать, как немецкие авторы учебника по географии (их шесть) пытаются возбудить интерес к самостоятельному мышлению гимназистов на основе поиска ответа на вопрос: почему так?

Заглавие заинтересовавшего меня раздела гласит: «Северная Америка – бывший Советский Союз. Сходство и различие».

Над этой «шапкой» дана фотография с надписью: в феврале 1966 года Советскому Союзу первому удалось совершить мягкую посадку беспилотного аппарата на Луну, который проводил научные исследования.

Далее последуем за текстом учебника. На вопрос, почему развитие в США и Канады так сильно отличается от развития в бывшем Советском Союзе, можно дать не только один ответ. Здесь решающую роль играют две причины: неодинаковые природные условия и прежде всего основополагающее различие общественных систем.

В условиях свободного рынка США превратились в самую могущественную экономическую державу мира. Плановая экономика СССР большую часть народного достояния направляла на престижные проекты и растрачивала громадные суммы из-за ошибочного планирования и коррупции. Престижными были различные области науки, особенно космонавтика, а также проекты по освоению неиспользуемых природных районов. Боль-

шая часть государственных расходов уходила в военную промышленность.

Теперь познакомимся с Людой из Москвы, ей 16 лет. Распорядок дня Люды:

в 7 часов Люда встает. Легкий завтрак с бабушкой;

в 7.20 отправляется в школу: едет по метро, затем автобусом;

в 8.30–14.00 – уроки;

в 14.00–14.30 – обед в школьной столовой;

в 14.30–17.15 – факультативные занятия;

в 18.30 – встреча с друзьями в холле большого дома или во дворе;

в 20.00–23.00 – выполнение домашних заданий. Перед телевизором.

В конце недели Люда занимается спортом (прежде всего плаванием), смотрит телепередачи или идет в дискотеку. Карманные деньги зарабатывает на автозаправочной станции (чистит ветровые стекла). Летом – часто вместе с родителями на даче под Москвой. Раньше Люда ежегодно вместе с подружками бывала в пионерском лагере или доме отдыха на Черном море или на Волге. С распадом СССР пребывание в лагерях отдыха стоит больших денег, которые не по карману ее родителям. После окончания школы Люда хотела бы изучать юриспруденцию в Московском университете, но пока нет твердого решения в выборе профессии.

Люда со своими родителями и бабушкой живет в так называемой коммунальной квартире. На четверых имеет одну жилую комнату и спальню для родителей. Кухней и ванной пользуется вместе с семьей, живущей в двух смежных комнатах. В распоряжении обеих семей 48 кв.м жилой площади.

Под этим текстом приводится «интересное сравнение», как это написано в учебнике.

	США	Бывший СССР
Экспорт пшеницы (1992 г., в т.т.)	33877	200
Импорт пшеницы (1992 г., в т. т.)	1474	19700
Продолжительность жизни (1990 г.)		
мужчин	72,0	64,2
женщин	78,8	73,9

Промышленный рабочий в год работает	1912 час	2132 часа
Продолжительность рабочей недели	40 час	41 час
Средняя продолжительность работы за один автомобиль среднего класса	1030 час	8200 час
За 1 кг хлеба работает	0,1 часа	3,5 часа

На следующей странице учебника помещен фотоснимок, сделанный в июне 1969 года, когда американцы В.Олдрин и Н.Армстронг впервые совершили посадку на Луну.

Теперь очередь дошла до Кристи из Чикаго, которой тоже 16 лет. Распорядок дня Кристи такой:

В 6.45 – подъем. Утренняя гимнастика. Сбор в школу.

В 7.30 – завтрак с братом. Родители уже уехали на работу.

В 7.45 – Кристина в своей машине едет в школу.

В 8.30–12 уроки.

В 12-13 – ленч-брик в школьном кафетерии.

В 13-15.20 послеобеденные уроки.

В 16-17 – тренировка в софтбол.

В 18 – встреча с друзьями в шопинг-центре.

В 19.30-22 – выполнение домашних заданий, телевидение.

В субботу Кристи до обеда работает в типографии, зарабатывая себе деньги для личной роскоши (автомобиль, модная одежда, косметика, журналы). В субботу после обеда и в воскресенье вместе с семьей совершает прогулку, играет в софтбол, вместе с друзьями слушает музыку, ходит в кино или просто катается на своей машине.

Во время каникул Кристи вместе с родителями отправляется в путешествие в Канаду или США. Она знакомится со многими национальными парками, а также некоторыми большими городами и открытыми парками.

После окончания средней школы (High-School) она с некоторыми знакомыми планирует путешествие по Европе от Лондона до Афин.

Она хотела бы как можно лучше окончить школу, потом учиться у хорошего коллеги, чтобы со временем стать адвокатом или менеджером в большом отеле.

В доме родителей у Кристи есть своя комната с прихожей, а также собственная ванная комната (всего 36 кв.м).

ЗАДАНИЕ

1. Сравните данные во второй таблице и попытайтесь объяснить различия.

2. Сравните распорядок дня обеих девушек: отмечайте сходства и значительные расхождения, выясните причины расхождений.

3. Сравните экономические системы в США и бывшем СССР: находите существенные различия; приведите пример из сельского хозяйства, как различные системы сказываются на производстве сельхозпродуктов.

4. Следуя закону свободного рынка, в США развивалась совершенно определенная городская структура. В СССР же земля и строения большей частью обобществлены и использовались в экономике, управлении и жилищном хозяйстве в угоду плановой экономике. Опишите структуру американского города, как можно было бы структуру бывшего советского города отличить от американского.

5. Расскажите о проблеме совместной жизни различных национальностей и рас в Северной Америке и бывшем Советском Союзе.

Проблемы экологии в бывшем Советском Союзе значительно сложнее североамериканских. Почему нельзя ожидать от стран СНГ, образовавшихся после распада СССР, что они в недалеком будущем для защиты окружающей среды вложат столько же денег, что и США?

«Чăваш ен» №13, 1996 г.

4.4. ВЗРЫВ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Известно, самым трагическим моментом в истории средневековой Руси является монголо-татарское завоевание почти всех евразийских стран. Историки полагают, что самый тяжелый удар ордынские завоеватели нанесли древней Руси.

Что из себя представляет монголо-татарское иго? Это власть монголо-татарских завоевателей, установленная ими в середине

XIII в. в покоренных странах Восточной Европы, Средней Азии, Закавказья. Система террора экономического разорения, взимания дани, уничтожение культурных ценностей, взимания натуральных повинностей – все это замедляло на протяжении 250 лет экономическое и культурное развитие стран. Упорной героической борьбой против монголо-татарских завоевателей Русь спасла Западную Европу от грозившего ей опустошения (ЭС 2, с.415). Эту хрестоматийную истину пытаются опровергать некоторые нынешние историки. В частности, в недавно вышедшей монографии «Новая математическая хронология древности» (М., «Факториал», 1996 г.) читаем: «Никакого иноземного завоевания Руси не было... Орда – это было просто регулярное русское войско, входившее неотъемлемой составной частью в древнерусское государство. «Татаро-монгольское иго» было просто периодом военного управления в русском государстве. Никакие чужеземцы Русь не завоевывали. Эта русско-ордынская империя просуществовала с XIV века до начала XVII века. Ее история закончилась известной великой смутой на Руси начала XVII века. В результате гражданской войны русские ордынские цари,– последним из которых был Борис «Годунов»,– были физически истреблены. А прежнее русское войско – Орда фактически потерпело поражение в борьбе с «западной партией», в результате к власти на Руси пришла принципиально новая прозападная династия Романовых» («Империя», с. 67-68).

О смысле употребления слова «монголия» сказано: «Мы считаем, что это – просто греческое слово мегалион, что означает «великий»... Поэтому «Монгольская империя» – это «Великая империя». В отличие от историков романовской школы мы предлагаем точку зрения, согласно которой «монгольская» – Великая империя была русской. Она была создана совместными усилиями русского и татарского народов, или – более общеславянского и тюркского. Романовские же придворные историки заявили, что Монгольская империя была создана в результате борьбы между двумя народами и победы татар над русскими. Наша точка зрения такова: татары с русскими не воевали, за исключением внутренних гражданских войн, когда и с той, и с другой стороны воевали и те, и другие народы (с. 69).

Существуют две точки зрения на «Куликовскую битву». Сражение 1380 года между татаро-монгольскими полчищами хана Мамая и русскими войсками под начальством московского великого князя Дмитрия Ивановича, прозванного Донским, произошло на Куликовом поле, у устья реки Непрядва (приток Дона). Куликовская битва положила начало освобождению русского народа от татаро-монгольского ига». Это традиционный взгляд (Энциклопедический словарь, с. 201). А вот антитеза: «знаменитое московское поле Куликово – это и есть знаменитое Куликово поле, место битвы Дмитрия с Мамаем. Поле Куликово расположено в Москве, недалеко от Сретенки. Замечательно, что именно там находилось огромное поле (кстати, за пределами древней Москвы, за ее городской границей, называемой до сих пор Кулишки или Кулички. В этой битве «дрались не «русские» с какими-то «чужеземными татарами», а воинственные группы внутри одного русского государства» (Фоменко А.Т. «Критика традиционной хронологии античности и средневековья. – М., изво МГУ, 1993 г.).

Перейдем к рассмотрению исторических личностей, связанных с завоеванием и порабощением немонгольских народов и их государств, прежде всего древней Руси. «Чингисхан, Темучин (ок. 1155–1227), монгольский полководец, основатель громадной Монгольской империи. Объединив монгольские племена (1206) и покорив некоторые тюркские народы, Ч. в 1211-18 завоевал Сев. Китай, в 1218-20 – Ср. Азию, в 1219-24 совершил разрушительные походы в Сев. и Вост. Иран и Афганистан, отправив в то время войско через Кавказ в Вост. Европу, которое в 1223 разбило дружины южнорусских князей и половцев на р. Калка» (ЭС 3, с.611).

Антитеза: «Согласно нашей концепции,– пишут авторы «Империи», – «татаро-монгольское нашествие» – это объединение Руси под властью Новгородской, т.е. Ярославской династии Георгия – Чингисхана и затем его брата Ярослава-Батыя – Ивана Калиты. Иван Калита и дал свое имя «пресвитеру Иоанну». Произошло это в XIV в. н.э. Затем, в результате хронологического сдвига, Иван Калита переместился во времени вниз на пару столетий и превратился в «пресвитера Иоанна». Оказывается далее,

что многие европейские хронисты отождествляли пресвитера Ивана с Чингисханом. Но ведь это действительно «попадание в яблочко». Потому что, согласно нашей концепции, Чингисхан – это великий князь Юрий (Георгий) Данилович «Московский» – брат Ивана Даниловича Калиты. Конечно, в сообщениях западноевропейских хронистов о Руси – Орде много путаницы. Однако в целом их сведения правильно отражали действительность. Только они иногда путали двух братьев: Юрия (Георгия) Даниловича «Московского», он же Чингисхан, и Ивана Даниловича, он же хан Батый, Батька» («Империя», с.253).

«Батый (Бату, ум. 1255), монг. хан, нашествие которого положило начало татаро-монгольскому игу на Руси. В 1236-39 Б. во главе многочисленных орд обрушился на феодально раздробленную Сев.-Вост. Русь, а в 1240-42 – на Юго-Зап. Русь и государства Вост. Европы» (ЭС 1, с.152).

«Мамай (ум. 1380), золотоордынский хан, разбитый Дмитрием Донским в Куликовской битве 8 сент. 1380. После поражения бежал в Крым и был убит в Кафе» (ЭС 2, с.316).

Антитеза: «Мамай – христианское имя, до сих пор присутствовавшее в наших святцах в форме Мамий. Совершенно ясно, что это слегка искаженное «мама», «мамин» т.е. «сын матери». Таким образом, имеем классическую пару имен: Батый от слова «батька», «отец», а Мамий (Мамай) – от «мамы», «матери» (Реферат, с. 11).

«Тохтамыш (ум. ок. 1407), хан Золотой Орды. Воспользовавшись разгромом Мамая в Куликовской битве 8 сент. 1380, овладел с помощью Тимура престолом Золотой Орды. В 1382 году напал на Москву и разрушил город. Позднее изменил Тимуру и был свергнут им в 1395» (ЭС 3, с. 419) .

Антитеза. «Вообще стоит отметить, что Батый это попросту искаженное слово «батя» – отец. У казаков до сих пор их предводителя зовут «батькой». Итак, Батый – казачий батька, русский князь. Это хорошо отвечает нашей реконструкции, согласно которой великий князь Дмитрий Донской и хан Тохтамыш – это одно и то же лицо» («Империя», с. 73).

«Иван I Данилович Калита (ум. 1340), великий князь московский 1328-40. Один из первых объединителей русской зем-

ли под властью Московского княжества. Богатства московского князя подчеркиваются его прозвищем «Калита» – денежная сумка». (ЭС 1, с. 656).

Антитеза: «Иван Калита – Калифа Иван – царь-священник, (Калиф) Иван – пресвитер Иоанн». Неудивительно, что этот титул (или прозвище) Ивана Калиты сохранился во многих частях созданной им «Монгольской» великой империи именно как наименование царя-священника, главы государства и церкви одновременно; таким, по-видимому, и являлся Иван Калита – Батый» («Империя», с.104).

«Орда. Название государственных образований, выделившихся после дробления монгольской державы Чингизхана (Золотая Орда и др.) в XIII в.» (ЭС 2, с.559). В этимологическом словаре русского языка М. Фасмера читаем: мон. орду, орда «двор, лагерь, стоянка, орда», тур. орду «военный лагерь», чаг., азерб., казах, орда «дворец, шатер султана, хана».

Антитеза: «Орда – это славянская рада, т.е. совет, или казачья орда. Нельзя не отметить очевидной близости слов орда и русско-украинского рада, т.е. совет или ряд – порядок» (Империя, с.105).

«Ислам, религия, возникшая в Аравии в VII веке. После арабских завоеваний (VII-VIII вв.) ислам распространился в странах Ближнего и Среднего Востока, став господствующей религией в арабском халифате. Позднее получил некоторое распространение в странах Далекого Востока и Юго-Вост. Азии» (ЭС 1, с.706).

Антитеза: «Что касается мусульманства, то раскол между церквями и возникновение ислама как отдельной религии произошли, согласно нашей реконструкции, лишь в XV веке. До этого времени православие и мусульманство были объединены в рамках одной религии. Тогда глубокого разделения между ними еще не было. Мусульманство первоначально, – как хорошо известно,– было христианским течением – несторианство. Разница в догматике и обрядах накапливалась в течение долгого времени перед расколом. В результате эти ветви христианства сильно разошлись. Но произошло это уже в XV веке» («Империя», с.105).

«Чăваш ен» №21, 1997 год.

4.5. КАК ПОССОРИЛСЯ И.Я. ЯКОВЛЕВ С Н.В. НИКОЛЬСКИМ

Этот заголовок требует небольшого пояснения о Н.В.Никольском (1870–1961). Среди чувашской интеллигенции он пользуется заслуженным авторитетом, заработанным не благодаря деятельности в государственных органах, а работой в сфере науки. Как бы мы не относились к наследству Н.В.Никольского, созданного им в дореволюционный и советский периоды, он, безусловно, остается просветителем чувашского народа.

Долгое время жизнь и деятельность Н.В. Никольского находилась в тени. Становлению устойчивого отрицательного отношения к его научно-педагогической деятельности в недавнем прошлом послужило его религиозно-духовное образование, полученное им в Чебоксарском духовном училище (1893), Казанской духовной семинарии и Казанской духовной академии (1903), которую кончил со степенью кандидата богословия и звания магистранта. Высоко оценен современной интеллигенцией тот факт в деятельности Н.В. Никольского, что он с января по июнь 1906 года был первым редактором-издателем чувашской газеты "Хыпар".

Несмотря на то, что труды Никольского посвящены главным образом вопросам истории и этнографии народов Поволжья, он оставил заметный след и в исследовании чувашского языка, о чем свидельствуют "Конспект по грамматике чувашского языка" (– Казань, 1909. –16 стр.) и "Русско-чувашский словарь" (– Казань, 1910. – 635 стр.).

Н.В. Никольский много и плодотворно работал над переводами разного содержания. В 1903 году начинается его деятельность в Переводческой комиссии православного миссионерского общества, в котором он в 1906 году занял должность делопроизводителя. Вот на почве этой деятельности он и поссорился с И.Я. Яковлевым.

Как известно, много переводил с русского на чувашский и Иван Яковлевич. И случалось, видимо, такое, что его переводы присваивали люди, работающие с Н.В. Никольским. Одного та-

кого плагиатора, некоего Катанова, например, он уличил в 1907 году в присутствии попечителя Оренбургского учебного круга в Уфе, куда приехал на съезд, посвященный вопросам образования инородцев. Об этом не мог не узнать Н.В. Никольский.

А конфликт не погас, он продолжился. И.Я. Яковлев вспоминает: "В следующем году я приехал в Казань в Переводческую комиссию... Тут собралось немало моих недругов, ненавидящих мою переводческую деятельность. Тут были профессора Машанов, Юнгеров, а также Никольский... Начались нападки на меня со стороны Машанова, Катанова. "А вы что делаете? – сказал я им. – Занимаетесь тем, что пользуетесь трудами других!". Произошло крупное столкновение. Обиженный Никольский ушел с заседания комиссии. Он потом написал по поводу этого инцидента письмо сыну моему Алексею, в котором жаловался ему на меня". (И.Я. Яковлев. "Моя жизнь". – Москва. "Республика", 1997. – С. 281-282).

Дальнейшее воспоминание И.Я.Яковлева о Н.В.Никольском относится уже к советскому периоду, когда в 1917 году в Казани, на съезде представителей мелких народностей, разгорелись страсти по выдвижению кандидатов в Учредительное собрание от инородческого населения. И.Я. Яковлев вспоминает: "Инициатором фанатического национального Общества мелких народностей Поволжья был тот самый Н.В. Никольский, который эксплуатировал мои переводы. Никольский окончил курс Казанской духовной академии, выдержав экзамен на магистра. Читал в Казанском университете по этнографии и истории чувашей. В общем, это – мелкий человек. Неудивительно, что и из этой затеи его относительно «Общество мелких народностей Поволжья», как кажется, ничего путного не вышло. Неудивительно, что подобное начинание провалилось, как провалилось обыкновенно и ранее все задуманное Никольским. ("Моя жизнь". – С.569-571).

Сегодня трудно гадать, на чьей стороне была правда-матка. Возможно, о деяниях людей своего окружения Н.В.Никольский подробно и не знал. Но в любом случае этот любопытный факт истории заслуживает внимания. Вместе с тем он нисколько не умаляет заслуг самих оппонентов.

«СЧ» №194, 8 октября 1999 г.

4.6. ОТКУДА ТЫ, ПЕРВО-ЧУВАШ?

Этот, казалось бы риторический на первый взгляд, вопрос не дает покоя вот уже много лет многим нашим именитым языковедам-исследователям. Версия происхождения чуваш не одна. Это можно сказать и об этимологии (т.е. какой он имел смысл в своей изначальности) многих терминов. Имеется целый ряд высказываний, толкований.

Порой некоторые из них кажутся полным абсурдом. Но, как говорится, в споре рождается истина.

Читателям, конечно же, известно имя уважаемого Михаила Романовича Федотова – доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Чувашской Республики.

Он, можно сказать, всю свою жизнь посвятил поиску родных корней. Вышедшая недавно в типографии Чувашского госуниверситета им. И.Н.Ульянова тиражом 500 экземпляров издание так и называется: "В поисках родных корней". В книге, где собраны материалы на тему откуда мы, чуваши, родом; кто наши древнейшие предки и где они обитали, приводятся как бы ответы-размышления на тот или иной вопрос. Здесь также содержатся краткие очерки историографии чувашского языкознания за последнее время.

Книга рекомендуется учителям, студентам-филологам, преподавателям вузов и всем лицам, интересующимся поисками родных корней.

Как отмечает автор издания, какими бы горькими ни были наши споры о национальном развитии и межнациональных отношениях, одно положение должно стоять непоколебимо: изучение и толкование истории чувашского народа, его культуры и языка должно проходить в рамках достижений науки специалистами-профессионалами, а не каждым желающим под лозунгами неосуществимой этнокультурной и политико-правовой самостоятельности. Так давайте жить и действовать не ради пустой сенсации, а для нахождения настоящей истины. А для начала советуем взять в руки книгу М.Р.Федотова "В поисках родных корней".

«Ульяновец» №48, 16.11.2001 г. Л. ФИЛИППОВА.

4.7. «РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ»

Так называется журнал, издаваемый Институтом развития личности и редакцией «Народное образование». Он предназначен для профессионалов науки и практики. Для тех, кто готов взять на себя ответственность за воспитание и развитие личности.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что второй номер журнала за 2002 год издан при содействии Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова.

В журнале отмечается, что Чувашскому государственному университету исполнилось 35 лет.

В рубрике «Наши авторы» о Л.Куракове дана краткая научно-педагогическая характеристика: член-корреспондент РАО, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова, заведующий кафедрой актуальных проблем экономической теории, вице-президент Международной академии гуманизации образования.

Специалист в области теории экономики, образования и воспитания. Область научных интересов – реформы в сфере высшего образования, организация социально ориентированного единого университетского образовательного пространства и др.

Автор около 400 научных работ, свыше 100 монографий, учебников и учебных пособий, среди которых: Экономическое образование и воспитание школьников. М., 1981; Стратегия возрождения. М.,1994; Ориентиры обновления. Чебоксары» 1996; Индустрия образования. М.,1996; Проблемы реформирования российской экономики. Чебоксары, 1997; Основы экономической теории: В 3-х кн. Чебоксары, 1996; Экономическая теория. М., 1998, 1999, 2001; Российская экономика: состояние и перспективы. М.,1998; Основы современной экономики. Чебоксары, 1999 (в соавт.); Введение в экономическую теорию. М., 2000; Интегрированное образование. Чебоксары, 2000; Основы инновационной социально ориентированной модели интегрированного образования. М., 2002. (с.250).

Перейдем к статье Л.П.Куракова «Формирование личности – важнейшая задача высшей школы».

Содержание статьи сводится к следующим положениям (тезисам):

1. Задача формирования личности в современных условиях.
2. Новые носители информации требуют новой философии образования.
3. Подготовка молодого поколения к реальной жизни.
4. Роль духовного становления личности для развития общества.
5. Модернизация высшего образования.
6. Концепция воспитательной работы Чувашского государственного университета.
7. Деятельность института кураторов студенческих групп.
8. Стимулирование активности студентов.
9. Интеграция образования с трудовой деятельностью.
10. Формирование личности через создание благоприятных условий.
11. Гражданская ответственность коллектива университета.
12. Чувашский госуниверситет как интегрированная система.
13. Модель экономического образования школьников.
14. Личность должна быть здоровой не только духом, но и телом.

Деятельность Чувашского госуниверситета по созданию социально ориентированной системы интегрированного непрерывного образования получила государственное признание, что подтверждено присуждением премии Президента РФ в области образования за 2000 год.

«Ульяновец» №28, 30 августа 2002 г.

Комментарии по проблемам образования

4.8. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Ни экономический, ни политический кризис так сильно не влияют на современную систему образования, как ду-

ховный кризис общества. В потребительском обществе создаются совершенно другие ценности, которые меняются с такой быстротой, что невозможно угнаться. Сиюминутные и пошлые ценности захлестывают человека, наступают на пятки, вроде как гонка за модой, и он стремится, увлекаясь похотью, забывая о существующей реальности: о нормах поведения и морали, межличностных отношениях.

Как вирус СПИДа разрущает иммунную систему организма, ослабляя весь организм человека, который уже не может сопротивляться, даже такими «простыми» болезнями, как ОРЗ и ангиной, так рынок своими пошлыми ценностями развращает здоровый климат общества, уничтожая духовность.

Рынок наступает и уже завоевывает учебные классы, развращая еще не окрепшую психику и сознание школьников. С малых лет, внушая и приучая детей к деньгам, мы учим их о необходимости, о незаменимости и всемогуществе Доллара. В голову каждого человека с молодых лет постоянно и неотступно будут сверлить мысли: "Деньги, деньги... как достать деньги!?". Люди начинают почитать и поклоняться господину Доллару. Торговля начинается со слов: «ты – мне, я – тебе».

Великие люди ставят перед собой высокие и благородные цели в масштабах страны, государства и добиваются всеми силами и разумениями жертвуя с собою, отдавая на это служение всю свою энергию, и духовный и физический потенциал, чтобы облегчить страдание народов. Ведут их из тьмы в свет, чтобы они жили счастливо и полноценной жизнью. Так было во все времена.

Так поступил наш Просветитель и Патриарх Иван Яковлевич Яковлев в прошлом веке. Иван Яковлевич создал систему народного просвещения мыслью: "Поднять духовно-нравственный уровень и материальное благосостояние нерусских крестьян". По-другому говоря, он старался за "малые народности" Поволжья. Как видим, во-первых – "поднять духовно-нравственный уровень", а потом уже и "материальное благосостояние нерусских крестьян". Это особенно важно в современном мире, когда в первую очередь и на первое место ставится материальное состояние, мате-

риальные ценности, а потом уже и духовно-нравственный уровень народа.

Мы попытаемся сравнивать две системы – систему просвещения И.Я.Яковлева и современную американскую систему образования, и поднять некоторые вопросы: какая система лучше? Какие проблемы в современной Российской системе обрзования? Это не готовые формулы и правила для решения всех проблем образовательной системы. Это только попытка показать изнутри прогнившую и коррумпированную образовательную систему, которая вместо того, чтобы воспитывать молодежь, деградирует, уничтожает личность. Прочитав статью, Вы сами воочию убедитесь, какая система работает для народа, а какая – против народа. Так что будем ссылаться на факты.

По мнению Роберта Т. Кийосаки в книге (Квадрант денежнего потока. 336 с., и в других его книгах пронизывает такая мысль! – *В.Т.*), **если детей со школьной скамьи будем обучать, как зарабатывать деньги, то в нашем государстве не будет нищих. Как это прекрасно! Вся проблема, оказывается, в правильном образовании! Детей с детства надо научить, как зарабатывать деньги…**

Почему, тогда как уже два века будоражит умы и сердца миллионов людей по всему миру "Капитал" Карла Маркса?! Главная заслуга Маркса как Ученого и Человека в том, что он разработал концепцию развития общества.

"Маркс понимал историю как детерминированный или, пользуясь его собственными словами, естественный процесс. Это концепция, в основе которой лежит представление о связи между экономической организацией общества и его социальной структурой. Но для Маркса, очевидно, что экономические порядки, и соответствующие им политические и социальные институты меняются. Сама по себе экономика вовсе не представляет собой нечто раз и навсегда данное. Правило игры меняются в зависимости от того, как сложились общественные отношения. Следовательно, законы, по которым живет система, меняются в зависимости от того, как она устроена.

Собственно, именно эта мысль Маркса, казалась бы, такая простая и элементарная, делает его теорию абсолютно

неприемлемой для либерального сознания. Маркс заявил, что капитализм историчен. Он имеет начало, можно проследить его истоки. Значит, он будет иметь и конец" (Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. – М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006. – С.11).

1. Жизненно важный вопрос

Прямо скажем, мы не ставили перед собой задачу разрешить все проблемы современного образования, а хотели только показать изнутри ее несовершенную систему, которая затормаживает прогресс и гармоничное развитие личности и, соотственно, всего общества в целом.

Современная система образования и наука должны работать на опережение, а не в догонку за производственным процессом, экономикой, политикой… Основной задачей образования была и остается – дать знание и воспитание подрастающему поколению: духовное воспитание, умственное и физическое воспитание.

До сегодняшнего дня вопросы о духовном воспитании молодежи в России умалчивались: как будто этот вопрос само собой разумеющееся или же данный вопрос далекого будущего времени.

В современном мире общечеловеческие ценности заменены совершенно противоположными ценностями и идеалами. В предыдущих статьях академика М.Р.Федотова раскрыто, как внедряются ложные идеалы в современную систему образования и воспитания, чтобы одурманивать молодежь, чтобы они не знали историю своей Родины, и свои корни. Вместо того, чтобы учить патриотизму на подвигах героев гражданской и Отечественных войн, готовы уничтожить все святое… Замахнулись на святое святых – символ Победы – на Знамя Победы. Нет для этих людей ничего святого. Но народ отстоял свою святыню: Красное Знамя Победы – символ Свободы, символ победы над Злом, искупленное кровью и жизнью миллионов людей. Это и память о миллионах погибших за народное счастье.

Сегодня, как и раньше, с Запада и Атлантики дуют раз-

ные ветра лжеучений. Молодым людям трудно найти правильный ориентир. На это и расчитывают западные аналитики, они четко выполняют перед собой поставленную задачу, разрушая нашу российскую многовековую традицию в системе образования.

Как поступают в таких случаях министерства образования во главе с министрами? По идее они должны заботиться о молодом поколении: как их учить, и чему учить… Всякую фальсификацию истины: в науке, в культуре, в истории и т.д., не должны по долгу службы пропускать, всемерно препятствовать, не допускать... Но, к сожалению, как видим, эти дилетанты-министры (например: А.Фурсенко – в образовании, Зурабовы – в здравоохранении) – ничего хорошего не способны придумывать для улучшения процесса образования, так как эти министры и сами не компетентны, и совсем далеки от вопросов образования (здравоохранения). Случайные люди оказавшиеся на вершине власти. И ведут себя как временщики. Ждать от них что-либо дельное, полезное бессмысленно. Они скорее уничтожат ту старую систему и посадят на «иглу» современную систему образования...

Нам нельзя забывать, что сегодняшние студенты, получив достойное высшее образование, став элитой общества, через десятки лет станут управлять страной. Поэтому нам очень важно, как учим сегодня будущее поколение и чему учим.

В последнее время часто можно услышать от современных родителей учащихся такие слова: «Что дает учеба? Лишь бы были деньги! С деньгами все можно решить. Вот многие выучились, но и что с этого? Например: врачи получают наравне с медсестрами и т.д. т.п.» Услышав от своих родителей такие рассуждения, счастливые чада, оправдывая свою нерадивость в учебе, как попугаи, повторяют их слова.

Какой вздор? Какое сравнение?!

Почему все уравнивают с материальной точкой зрения, все ценится по тому, сколько получает человек? Почему медсестры не могут работать вместо врачей? Потому что они не знают как врачи: физиологию человека, симптомы болезней, что способ-

ствовало заболеванию и как лечить, и т.д. т.п. Медсестры, если и знают, то только поверхностно. А врачи этому выучились, занимаясь каждый день настойчиво и упорно. Сколько труда и времени вложено для этого! И какая ответственность! Шесть или же семь лет непрерывной учебы только в вузе, а всего – начиная с первого класса – 18-20 лет! И это не предел. Одним словом, всю жизнь надо учиться и трудиться. Да, это огромный труд, и похвальный. Не все выдерживают это, и не все способны учиться.

А я всегда ставлю вопрос чуть-чуть по-другому: все ли дают деньги? Все ли можно получить (купить!) за деньги? В принципе – да. Можно купить произведения искусства, скульптурные композиции, древние манускрипты... Футбольные команды. Замки. Острова... Так и поступают некоторые олигархи подобно Абрамовичам и Березовским. Но заметим, к великому сожалению, они, выкачивая полезные ископаемые из недр Земли-Матушки, не поднимают на мировой уровень нашу российскую национальную футбольную команду. А используют капитал по своему усмотрению, пользуясь нашими несовершенными законами. Как бы говоря: «Что хочу, то и ворочу. И никто мне не может прекословить!». Но, приобретая большие богатства, становится ли человек духовно богаче?

В чем измеряется духовное богатство человека, и в каких единицах? Купленные произведения искусства еще не говорят о духовном богатстве покупателя, о его внутренней сущности…

Мы все гордимся произведениями искусства великих Мастеров в Третьяковской галерее. Для этого братья Третьяковы внесли не только материальные ценности в денежном выражении, но и душевную энергию, чтобы сохранить это духовное наследие (произведение искусства) для будущего поколения. В Большой Советской Энциклопедии о Третьякове Павле Михайловиче, об основателе знаменитой картинной галереи в Москве, написано: «… Купец. Сыграл выдающуюся роль в развитии искусства передвижников и в популяризации русского реалистического искусства». (БСЭ.Т.3. С.428). «На коллекциях Третьяковской галереи воспитывались целые поколения художников-реалистов» (БСЭ.Т.3.С.429). Вот в этом бессмертный подвиг и большая заслуга братьев Третьяковых Павла и Сергея, которые это бесценное духовное богатство

принесли в дар Москве в 1892 году. Они думали в первую очередь о духовном богатстве, а не о материальном.

Мы радуемся художественными произведениями Великих Мастеров: «Девятый вал» И.К.Айвазовского, «Грачи прилетели» А.К.Саврасова, «Бурлаки на Волге» И.Е.Репина, «Корабельная роща» И.И.Шишкина. Такие творения Великих Мастеров пленят взор человека жизненной правдивостью, пробуждают возвышенные воображения и чувства о смысле Жизни и Бытии Человеческого рода, о красоте Мироздания. И человек внутренне преображается, становится чище и мыслями, и делами, сообразуясь с гармонией окружающего мира и его красотою. Следовательно, произведения Великих Мастеров помогают в формировании духовно-нравственных ценностей молодого человека, способствуют в выборе идеала и определяют благую цель при выборе жизненного пути.

Учеба – это тяжелый труд. Нет ли легких путей?

– Что дает учеба? – Знание. Познание Истины окружающего нас мира, законов природы и развития человеческого общества позволяет нам прогнозировать наше сегодняшнее состояние и будущее. Как выжить в хаосе информационного потока, как выйти из этой повседневной жизни победителем? Как найти одну единственно правильную дорогу, не теряя чистоту Души и Тела?

Да, в настоящее время дети не хотят учиться. Одна из причин то, что все в жизни перемешано, перевёрнуто. Нет идеала в жизни людей, который призывал бы на подвиг, как это было во времена Павла Корчагина, летчиков Чкалова и Водопьянова и сотен других героев труда, на примере которых воспитывалось не одно поколение советских людей. Светлые и добрые жизненные ценности и идеалы людей утрачены, позабыты. Заменены новыми, но, к сожалению, пошлыми, спекулятивными ценностными философскими учениями Западного мира, где пропагандируется вседозволенность, материальное богатство, свобода любви, поощряются разного рода преступления: гомосексуализм, насилие.

Может, и не надо тратить столь много драгоценного времени и труда на учебу, а купить диплом о высшем образовании и ты – на коне? Как и те, которые выучились сами, достигая своим трудом, шаг за шагом преодолевая трудности в учебе, поднима-

лись по ступенькам Знаний. И у тебя такой же диплом о высшем образовании! Не отличишь!

Но этот человек ни разу не общался, ни с кандидатами наук, тем более с профессорами… В этом и вся беда. Общаясь с хорошим человеком и сам становишься добрее. Покупая диплом, человек не становится специалистом, тем более культурным человеком, интеллигентом.

Тогда нам придется выяснить и значение слов: **«интеллигент»** и **«культурный человек».**

Интеллигент – (от лат. слова intellekt) – ум, рассудок, разум, мыслительная способность. Значит, интеллигент – разумный, рассуждающий, мыслящий человек.

Интеллигенция – от лат. слова intelligens – знающий, понимающий, разумный – общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным творческим трудом, развитием и распространением культуры (работники науки, культуры, юристы, учителя, инженеры, врачи, журналисты и другие). (Современный словарь иностранных слов. – М.: Русс. яз. 1992. – С.240).

Культура – **(лат. cultura) – 1) исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях; различают материальную и духовную культуру; в более узком смысле термин культура относят к сфере духовной жизни людей; 2) степень общественного, умственного и нравственного развития, присущая кому-либо; 3) характеристика определенных исторических эпох (например, культура древнего мира) и т.д.** (Там же. – С.325).

Обратимся еще к словарю В.Даля. **Культура – образование, умственное и нравственное.** (В.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. – М,: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. 1955. Т.2. – С.217).

Владимир Даль поясняя для непонятливых, малообразованных людей так же говорит, что **«Культура – это образование, умственное и нравственное».** Вот и отличие культурного чело-

века от некультурного, необразованного: человека интеллигента – умного, разумеющего – образованного – понимающего суть дела, от не разумеющего Истину. Немного умеющий читать, хотя бы прочитав В. Даля, конечно же, мог бы додуматься до Истины, что надо учиться, что надо трудиться до седьмого пота, чтобы получить образование. Быть культурным, образованным человеком. Но нет! Лишь бы противоречить другим, надо высказать откуда-то услышанные слова. И не отступать! Стоять на своем... В этом вся заслуга и гордость Человеческого – Я! Тем более, если такое слово услышано от своих же родителей, то это попахивает непоколебимым «авторитетом».

Лень-матушка во всем мешает. И думать, и додуматься до истины. Я не хочу доказывать что-либо или же переубеждать в пользу образованных людей – если же лень думать, то пусть человек остается при своем же мнении… Если и желающий получить образование не понимает разницу между образованным и необразованным человеком, то откуда будут знать необразованные люди?

«Образование как пища, как воздух, как солнечный свет нужен для человека!»

И.Я.Яковлев.

Я хочу привести несколько ценных мыслей из «Духовного завещания И.Я.Яковлева чувашскому народу», где он как любящий патриот своего народа, призывает нас поступать именно так, а не иначе. Но, к сожалению, многие до сих пор не слышат его голоса, другие – просто игнорируют. А он говорит простую аксиому – истину, которую сам выстрадал, пройдя по жизненным университетам. И нам самим уже ничего не надо придумывать, а только придерживаться тех правил и тех советов, что Патриарх считал самыми нужными для своих соплеменников.

«Обращаюсь к тем из вас, кому выпало счастье получить образование. Помните, что вы сами должны помогать своим бедным и обездоленным сородичам, не надеясь на то, что помощь к ним придет откуда-нибудь со стороны. Помните, что долг работать над просвещением чуваш лежит прежде всего, на вас, на людях, которые вышли из их же среды. Возвращайтесь же к своим соплеменникам с сокровищами науч-

ного знания, насаждайте среди них понятия гражданственности, учите их закону и праву: заботу об этом должны взять на себя вы, выходцы из народа. Не гнушайтесь бедности, слабости и невежества своих сородичей: из них вы вышли, и для них вы должны поработать, чтобы заплатить ваш долг за полученное за счет народа образование. Любовь народная вознаградит вас за то, что вы не забудете вашего долга перед своими младшими братьями. Помните, что владеть сердцем народным вы сможете, только если не будете чуждаться языка народного. В обращении к родному языку нет измены русскому делу: служить великому русскому отечеству можно, не забывая родного языка, воспринятого от матерей ваших».

Какие близкие слова моему сердцу. Каждый человек, чувствующий себя чувашом и называющий себя чувашом (не стесняется, что он чуваш!), должен выучить эти слова наизусть и научить своих детей, чтобы и они никогда в своей жизни не забывали эти драгоценные слова. Как заповедь Божию повторяли каждый день.

Патриарх обращается к соплеменникам говоря, **кому выпало счастье получить образование.** Значит, **получить образование – это счастье.** Почему же этого мы не понимаем, не воспринимаем так, как надо? Как все определенно понятно и логически обоснованно у нашего Патриарха! Получил образование за счет народа, и трудись ради своего же народа, ради своих соплеменников. И, если возможно, неси свет и добро и другим народностям Востока. И это долг каждого гражданина, считающего себя гражданином данного государства. Ох! Если бы все услышали этот совет и призыв Патриарха. Как бы все на земле изменилось: процветало бы все вокруг, и люди становились бы лучше, добрее, искреннее и счастливее!

От больших денег человек умнее не становится. За деньги невозможно купить: ни одного Ума, ни два Ума. Обычно в народе говорят: «Один язык – один ум, два языка – два ума». По-другому говоря: познание разных языков дает Знание. Получить образование, значит надо много и плодотворно трудиться. Этот нелегкий, но правильный и единственно верный путь. Идущий

по нему никогда не посрамится. Стремление к Свету, к Знанию – это и путь развития – Прогресса человеческого рода.

Бесплатная учеба в общеобразовательных школах не ценится и, возможно, поэтому уровень успеваемости школьников резко снизился. Чтобы улучшить учебный процесс, нужна кардинальная реформа в образовании на государственном уровне. Наша всеобщая беда заключается в том, что государство отстранилось от учебного процесса, от воспитания молодежи. Я говорю вообще о воспитании: сюда относится и физическое воспитание, и культурное, и духовное и т.д. Статистика подтверждает, что по физическим, по медицинским параметрам после средней общеобразовательной школы, только 10 процентов школьников годны к военной службе. Это значит, что из школы выходят 10% нормальных, физически здоровых молодых парней. Государство расходует на образование мизерную часть из федерального бюджета! И это одна из главных причин такого плачевного состояния в образовании… Многие ученые говорят об этом. Но как говорится, воз и ныне там!

Давайте посмотрим, как расходуются деньги на образование в разных странах, чтобы убедиться в истинности слов: «что сеет человек, то и пожнет».

Расходы на образование

/ Данные из Интернета /

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – международная экономическая организация развитых стран, авторитетный форум, в рамках которого представители правительств государств и стран-партнеров обсуждают, разрабатывают и совершенствуют свою экономическую и социальную политику, опираясь на информационно-аналитические обзоры секретариата ОЭСР. В 30 странах ОЭСР сосредоточено две трети мирового производства товаров и услуг. Членство в Организации служит в некотором роде «рейтинговым показателем» для международных правительственных органов, занимающихся распределением финансовых средств, а также для частных инвесторов.

На данный момент в ОЭСР входят: Австралия, Австрия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Канада, Люксембург, Мексика, Ни-

дерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, США, Турция, Финляндия, Чехия, Швеция, Швейцария, Южная Корея, Япония. В ряде совместных программ участвуют и государства-партнёры: Бразилия, Израиль, Индия, Китай, Россия, Словения, Чили и Эстония.

Расходы на образование в странах ОЭСР растут. С 1995 по 2004 этот рост в среднем по странам составил 42%. В ОЭСР в 2007 году – 6,2% совокупного внутреннего валового продукта (ВПП). В 2006 году – 5,9% ВПП. Доля на образование среди всех социальных затрат государств составляет в среднем 13,4%; в Чехии, Германии, Греции, Италии и Японии – это менее 10%, в Мексике и Новой Зеландии – более 20%. Государственные источники – основные в финансировании отрасли: в среднем по странам ОЭСР в 2004 году доля государственных расходов составила 87%. В 2006 году вес расходов на образование в консолидированном бюджете России к объему ВПП составил 3,7% (вес расходов в федеральном бюджете к объему ВПП – 0,75%).

Наибольшее число затрат в организации школьного обучения – зарплата учителей. Она сильно зависит от образовательной политики государства. Размер зарплат колеблется: в Венгрии – менее 16 тыс. долларов в год, в Германии, Корее и Швейцарии – более 51 тыс. долларов, в Люксембурге – более 88 тыс. долларов. В России педагоги 34 регионов, которые в настоящее время переходят на новую систему оплаты труда, получают в месяц от 10 до 16 тысяч рублей.

Не надо быть великим математиком, чтобы, сравнивая расходы на образование с западными странами, убедиться, почему такие плачевные результаты у нас. Как видим из сравнения с развитыми западными странами, которые состоят в членстве ОЭСР, наше государство на образование расходует мизерную сумму. И зарплата учителей на порядок, на два порядка ниже, чем в западных странах. И, следовательно, у нас в России отношение учителей к ученикам в воспитательной деятельности низкое, по-другому говоря: «качество образования желает иметь лучшего».

Я уже говорил, что не ставил перед собой задачу полностью разрешить проблему современного образования. Этого невозможно делать хотя бы потому, что с изменением времени меня-

ется и требования к системе образования. Если раньше, в XVIII-XIX вв. в начальных классах (до 4 кл.) дети учились читать и писать, то современная школа требует от маленьких детей дошкольного возраста, чтобы они уже перед поступлением в начальную школу читали и писали. Как видим, требования к детям возрастают с каждым годом.

Из воспоминания Валентины Сергеевны Федотовой, педагога со 40-летним стажем: «Я сначала завоевывала авторитет у здоровых парнишек, непослушных, хулиганов, дебоширов в классе. Обычно такие парни и являются лидерами. Главное их силу и энергию направить в правильное русло, чем-то заинтересовать, чтобы они подчинились мне, не мешали вести занятие в классе. Если они начнут хорошо учиться, то и девчонки за ними пойдут… А для этого с начала с ними надо очень много поработать, постоянно их держать на виду, когда надо, иногда и когда не надо – поощрять словами, положительными оценками и эмоциями, чтобы разбудить затоптанное самолюбие, человеческую доброту и справедливость. С начала учебного года на них тратишь очень много времени, а для остальных мало остается. Но в конце учебного года все выигрыше – все ученики подтянутся, стабилизируется и восстановится необходимое внимание и на остальных, появляется старание в учебе и у других учеников. Работали с утра до ночи. А сколько зарабатывали!? Совсем немного. И на пенсию я вышла, имея 90 рублей в месяц. Работали и верили, что завтра будет лучше, чем сегодня. И эта вера двигала людей совершать настоящие подвиги. Для внешкольного воспитания организовывали различные кружки: танца, драматические, вышивание, литературные и т.д. Ставили маленькие музыкальные сценки на немецком языке, выступали по радио. Каждый день, общаясь и приобщаясь к прекрасному: искусству танца, музыке, к разным языкам, молодые души преобразовались, становились чище и добрее. И в конце учебы из обижающих и злых учеников выходили добрые защитники девушек, рыцари.

Ведь мудрыми сказано: **«Посеешь привычку – пожнешь характер, посеешь характер – пожнешь судьбу».**

А сколько сил и энергии, знаний и времени надо отдавать детям, чтобы повести школьников за собою! Чтобы они поверили в

тебя и в твои добрые намерения, в твою любовь по отношению к ним. Они же все-таки дети, и все поймут, что хорошо и что плохо, когда надо, и поддержат тебя, полюбив взаимно. Их не обманешь, они все чувствуют и поймут, где фальшь, а где правда. Эта детская любовь самая светлая и дорогая в памяти людей. Она никогда не забывается. Нам только надо быть достойными этой беззаветной любви».

А в современных школах очень трудно работать, и у имеющего желания работать охоту отобьют. Да и работать от души нет возможности, потому что в некоторых школах дети учатся по две смены. Если не учатся, да и ладно, что не учатся… Весь класс не учится… что поделаешь… так и быть. Не только в нашем классе. Все в школе не учатся… Вот такие пессимистические настроения утверждаются у учителей в некоторых школах.

«Два человека любят друг друга, не могут друг без друга, оба люди творческие, но один стремится к славе, к успеху, не щадя себя, а другому все дается без усилий, слава как бы сама его ищет. И вот будто бы случайно Сальери, который обожает Моцарта и не может прожить без него ни одного дня, дает своему другу яд. Мне кажется, это очень жизненная ситуация – больше всего мы приносим горя именно тем, кого больше всего любим, причем делаем это как-то очень легко и просто, даже незаметно для себя. Я пытаюсь показать зрителям, что и Сальери после этого убийства не останется тем, кем он был. С ним тоже что-то произойдет, и, возможно, даже более страшное, чем с Моцартом, ибо с ним осталась музыка Моцарта, которая и есть Моцарт».

/ Из интервью народного артиста Чувашской Республики Геннадия Большакова /

И всегда пытаемся оправдывать себя и свои действия, необдуманные бессмысленные поступки говоря: «Что же я делаю такое противоестественное… Все так поступают… Я еще по сравнению с ними – белый ангелочек».

Как все… Чем же я хуже других? Непонимание друг друга, неуважение старших разрушает крепкие семейные традиции, что в чувашских семьях сохранялось с древнейших времен. Отно-

шение людей и семейные узы рушатся. Вседозволенность и непонимание уничтожают духовно-нравственное состояние общества. Куда мы идем? Есть ли выход из этого положения?

Аморфная любовь… аморфный сексуализм у некоторых неполноценных (недоразвитых, недоношенных детей, по каким-либо причинам отклонения от нормы: либо по болезни своих родителей, большая физическая нагрузка во время беременности или же психологический стресс, алкогольный синдром, курение, наркотики и т.д. преждевременно родившихся, и поэтому с детства несформированная психика: повышенная раздраженность, возбудимость), у них проявляется повышенные животные чувства и интересы, так как плотские желания преобладают над разумом. Они не могут жить нормальной человеческой жизнью в рамках христианской религии, соблюдая и развиваясь духовно и нравственно по христианским канонам, что и защищало бы таких больных людей от моральной деградации. Но жизнь показывает, что патология таких людей ведет к развращению не только плоти и тела, но и сознания.

Если немного поддержать такого человека кивая головою во время разговора, то самовлюбленный человек будет болтать что угодно, (лишь бы его слушали!) не переставая по теме или же не по теме…хотя и вскоре у него будет исчерпан весь запас слов и фантазии.

От общения с такими людьми остается на душе опустошенность и прохлада, отрицательные эмоции и негативное состояние – отчужденность, неприязнь. Хочется скорее удалиться от этого человека и с этого места, чтобы больше не встречаться.

Внешне они держат себя нахально, ничем вроде бы не отличаются от других: хотят подходить за мудрых, т.к. их всегда угнетает собственная неполноценность. Не могут хорошо учиться, и, нет способности и желания к учебе, а себя показывают на людях как бы чего-то знающими, чего-то стоящими… Где-то, что-то читали… Что-то запоминали… Чтобы быть похожими на других людей и показать себя на высшем уровне, покупают все – видеотехнику, компьютер, музыкальный центр. Чем-то ведь надо удивить людей! Но он ничем этим не может заниматься, и тем более – пользоваться: не хватает ни ума, ни сосредоточенности и

усидчивости. Самооценка о себе болезненно возвышенная. Никчемные самовлюбленные людишки, более похожи на безмозглых зверей, а в лучшем случае – на очень чувствительных скотов, которые утоляют жажду похоти любыми средствами и путями, лишь бы удовлетворить похоть плоти. Они не могут иметь семью. Семья для них большая обуза, ибо надо заботиться о семье. Они живут только для себя и собственного удовольствия. После них ничего не останется. И своей смертью все унесут с собою, и даже память…

Распространяясь молниеносно по широким просторам России идеи «пустого патриотизма», «аморфная любовь» и другие враждебные идеологические утки – «пустышки» разработанные западными странами, как программы для уничтожения духовности и силы Духа русского народа, развращают молодежь, деградируя и уничтожая генофонд – свое будущее еще в зародыше. Если это не остановить, пойдет полный регресс человеческого общества, по закону природы: от сложного к простому. И человечество превратится снова в животных или же – в безмозглую макаку.

И этот путь – леность мыслей, нежелание трудиться во благо народа, во благо своей Отчизны ведет к застою, к тупику, и, в конечном счете – к деградации личности и погибели человеческого рода. Так выберем же путь спасительный и идем к Свету, к Знаниям! Чтобы восторжествовала душа и радовалась от счастья настоящего Сегодня и будущего Завтра.

В пятницу 20 марта 2009 г. в здании Фундаментальной библиотеки МГУ на Ломоносовском проспекте состоялся IX съезд Российского Союза ректоров. В пленарном заседании приняли участие президент России Д.А.Медведев, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, министр образования и науки РФ А.А.Фурсенко. Открывая заседание, Дмитрий Медведев рассказал об основных проблемах современного высшего образования и о перспективах его развития. В частности, он уделил особое внимание развитию инновационных исследований и формированию федеральных и национальных исследовательских институтов. Кроме того, Д.А. Медведев затронул вопрос о материальной поддержке молодых ученых и специалистов.

Затем слово взял Святейший Патриарх Кирилл. В своем выступлении он отметил, что сегодня развитие высшего образования и высококлассных специалистов приобретает особое значение. Однако, как в мире высоких технологий, так и в области науки и образования, сегодня существует много проблем, продолжил Патриарх. «И не все они связаны с недостатком финансирования. Все с большей очевидностью встает необходимость не только наращивания научного знания, но и его осмысления и применения в реальной жизни,– отметил Предстоятель. – Этот тезис выводит нас на тему присутствия мощного воспитательного измерения в процессе обучения личности и организации ее научного творчества. Сегодня невозможно полно говорить о воспитании, не упомянув о его религиозной составляющей»... «История дала нам горький опыт, что, имея высокий уровень науки и колоссальные ресурсы, мы как великая страна не справились с поставленной исторической задачей – построить экономически развитое и справедливое общество. «Я считаю, – отметил Предстоятель, – любой мыслящий человек должен задуматься, почему в условиях, когда все находилось в одних руках – никакого политического плюрализма, никакого шатания умов – не была осуществлена вековая мечта людей: жить в процветающем и справедливом обществе. И, конечно, науке уделялось особое место в этой мифологеме». Святейший Патриарх обратил внимание на то, что еще только предстоит дать серьезную оценку причинам нашего исторического поражения в XX веке.

Затем Святейший Владыка обратился к проблемам духовно-нравственного воспитания молодежи: «Если мы воспринимаем нравственность как условие выживания современной человеческой цивилизации, то важно понять, что нравственное воспитание – это не то, на что следует обращать внимание по остаточному принципу. Это то, что должно быть в центре нашей жизни». «Существует глобальная проблема потери нравственного начала в жизни людей», – сказал Предстоятель Русской Церкви. Он подчеркнул, что ни школа, ни вуз не должны устраняться от воспитания человека. Необходимо создавать систему ценностей: «Если мы создадим нравственную атмосферу в наших вузах, если мы высоко поднимем планку интеллектуальных и духовно-

нравственных требований, тогда люди будут бояться выпадать из общей системы ценностей. **Самый правильный метод воспитания: не учить, а формировать ценности»**. Далее он отметил, «что в этом процессе должен играть важную роль личный пример педагогов».

Пока работа учителей в СШ, преподавателей в вузах не будет престижной в Российском обществе, утечка «мозгов» за границу будет продолжаться. Когда работа воспитателей будет соответствовать материально духовно-эмоциональной отдаче, только тогда преподаватели будут уважаемы в народе и в обществе. Постоянно быть патриотом своей Родины и работать на «копейки» не все способны. Во времена плюрализма мнений и постоянного изменения духовных ценностей, и в бывшем в постсоветском пространстве сознание и переосмысливание жизни людей, не могут оставаться неизменными. Кто считает о себе, что он великий, ему ни к чему стремление вперед… Он уже достиг своей цели. У таких людей только забота о плоти: (о животе): как больше поспать, что вкуснее поесть и как хорошо провести время в свое удовольствие.

Я уже не говорю о тех людях, которые считают себя верующими и ходят в церковь… Они по идее, должны обо всем рассуждать как совершенные, т.е. как искупленные Спасителем Иисусом Христом. Они уже не «душевные», чтобы обо всем мыслить по плоти, и о плотском… о материальном благе и о материальном богатстве. Они всегда ставят на первое место духовное и рассуждают обо всем как духовные – ибо они исполнены Духом Святым, по-другому говоря, унаследованы быть разумными, разумеющие Истину от Духа Святого – Духа Истины.

Человек отличается от животных разумом. Гению не надо бить в грудь, доказывая, что он чего-то стоит. Внутренний свет и позитивная энергия таких людей распространяясь вокруг, освещает окружающих и становится тепло и радостно от этого. От разговора с такими людьми и сам становишься умнее и добрее, духовно богаче. И жить становится желаннее, светлее и ярче.

А гений о себе считает, что он ничего еще не сделал достойного своего имени, что он ничего не знает. Он нуль. И поэтому у него великое стремление сделать больше, двигаясь постепенно

по ранее намеченной цели... «Вот бы еще это доделать... Еще вот это... И еще это...». Он постоянно в труде, в поиске. Добро, принесенное своему народу не исчезает бесследно, оно возвращается обратно, возвращается взаимной любовью народной. И такие люди остаются в памяти народной на века. Навсегда!

Таким Гением и был академик Михаил Романович Федотов. Он говорил: «Вот мне надо бы еще успеть выпустить «Словарь нехристианских имен». Еще бы одну книгу «Об исследователях чувашского языка». И «Этимологический словарь» бы закончить... Кто же, если не я?!»

2. Система просвещения И.Я. Яковлева

И.Я.Яковлев был предельно предан своему народу, готовность вывести его из нищеты и бесправия была поразительной. В разработанной им своеобразной системе народного просвещения мысль о подъеме «духовно-нравственного уровня и материального благосостояния нерусских крестьян» являлась главенствующей. Достигнуть этого, по его мнению, можно было путем образования широких слоев населения, включая женщин, путем обучения ремеслам и основам сельского хозяйства, благодаря просвещению можно поднять благосостояние народа и вместе с тем сохранить его самобытность и развивать культуру. Школа, народное образование были главным участком борьбы чувашского просветителя с царизмом.

Работая около двух лет (1868–1870) в своей школе в качестве учителя-наставника, Яковлев постепенно вводил в учебный процесс национальный элемент, вместе с учениками вырабатывал нормы чувашского литературного языка, методы и приемы обучения русскому языку на основе родного. Обучая русскому языку, он воспитывал у учащихся любовь к русской культуре, к России.

Развитие культуры нерусских народов России он не мыслил без влияния передовой культуры. Использование родного языка, привитие любви к нему, превращение его из языка семьи в язык школы – вот средство развития национальной культуры. Мышление и все миросозерцание, по словам Яковлева, выражаются в его родном языке, и поэтому вне родного языка не может быть

никакого разумного просвещения: «Только при помощи родного языка с успехом можно перевоспитать человека, пересоздать старые понятия, делать к ним новые прививки и вводить в них новые элементы» (Н.Г.Краснов. Выдающийся чувашский педагог-просветитель. – Чебоксары:Чуваш.кн.изд-во, 1992. – С.253).

В "Духовном завещании к чувашскому народу" еще в 1922 году И.Я.Яковлев пишет: **"Чтите и любите великий, добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума, сердца и воли. Народ этот принял вас в свою семью, как братьев, не обидел и не унизил вас. Ведомый Провидением к великим, нам незримым, целям, народ этот да будет руководителем и вашего развития: идите за ним и верьте в него. Трудна была жизнь этого народа, много горестей и несчастий встретил он на своем долгом и скорбном пути, но он не угасил в себе светочей духа и не утратил понимания своего высокого призвания. Да будут его радости вашими радостями, его горести вашими горестями и вы приобщитесь к его светлому и грядущему величию. Народ этот не обидел вас в прошлом, не обидит вас и в будущем. Любите его и сближайтесь с ним. На всяком поле есть плевелы, но мой долгий опыт да будет порукой тому, что среди русского народа вы встретите добрых и умных людей, которые помогут вашему правому делу. Русский иарод выстрадал свою правду, и нет сомнения, правдой этой он поделится с вами. Верьте в Россию, любите ее, и она будет вам матерью. Залогом и путеводной звездой да послужит бессмертное имя учителя моего Николая Ивановича Ильминского, олицетворяющего для меня все величие и всю красоту русского народного характера".**

Передовые люди повсеместно поддерживали идеи И.Я.Яковлева, об открытии церквей и на ее базе – новых церковно-приходских школ, и включились с энтузиазмом в дело просвещения, старались помогать деньгами или же личным участием в строительстве школ. Так, например, крестьяне деревни Малое Буяново Буинского уезда обращаются с письмом к И.Я.Яковлеву с просьбой помочь по строительству церкви в их деревне. Далее И.Я.Яковлев выходит с прошением в Симбирскую епархию, по инстанции на губернского архиепископа. Но инициативу подхва-

тывают крестьяне из деревни Трехизб-Шемурша и строят церковь в своей деревне. Теперь малобуяновские крестьяне входят в Трехизб- Шемуршинский приход и посещают их церковь. Нам не надо забывать о том, что до революции, во время царей система просвещения была в компентенции Русской Православной церкви, т.к. Православие было государственной религией.

В 1896 году в деревне Большое Буяново открывается церковно-приходская школа. Терентьев Александр Утриванович после окончания Симбирской чувашской учительской семинарии И.Я.Яковлева у себя дома начинает учить детей состоятельных и богатых крестьян.

Документы и воспоминания очевидев свидетельствуют, что церковно-приходская школа в деревне Малое Буяново была открыта в 1901 году в частном доме у Федотова Федота Федотовича. Для убедительности предоставим сохранившие архивные документы.

КАПРОВАЯ ВЕДОМОСТЬ

Михаило-Архангельской церкви села Три-Избы-Шемурши 3-его благоченнического округа Буинского уезда Симбирской епархии, за 1912 год.

Имеются в приходе школы Трех-Избы-Шемуршинская церковно-приходская, учреждена в 1890 году и Мало-Буяновская церковно-приходская, учреждена в 1901 году.

Церковная школа помещается в собственном доме, на содержание ей отдается от Симбирского Миссионерского комитета 20 рублей. В сем году в ней обучаются 52 мальчика и 13 девочек. Так же Мало-Буяновская ЦПШ помещается в доме собственном, на содержание отпускается от сельского общества 20 рублей и от Уездного Земства 60 рублей, в ней обучаются 25 мальчиков.

Свидетельствовал благочинный священник Иоанн Ясницкий 1913 года 5 января (ГАОУ, Ф-134. Оп.2. Д.139, л.292).

ВЕДОМОСТЬ

о церкви состоящей Буинского уезда Симбирской епархии в селе Трехбалтаева за 1912-й год.

Имеются школы:

1. Земская в селе Трехбалтаева существует с 1841 года.

2. Церковно-приходская школа в деревне Большой Буяновской существует с 1896 года. ЦПШ помещается в доме наемном на содержание ей подается из Буинской Земской Управы 60 рублей. В сем году (1912 году) в ней обучаются 44 мальчика и 8 девочек.

Церковь построена на средства в 1844 году тщением Удельного Департамента; в 1901 году заново построена на средства приходского попечительства и общества.

В церковной библиотеке находится книги для чтения предназначенных 45 томов.

Село Трехбалтаево Буинского уезда:

Священник: Василий Ильин

И.д. псаломщика: Наум Андреев. 1913 года 4 января (ГАУО, Ф-134, Оп.2. Д.319, л. 127).

Радуемся и гордимся своими прадедами, которые открывали в своих домах церковно-приходские школы, чтобы крестьяне не жили в бедности и невежестве, чтобы они из тьмы вышли в свет. И, самое главное, чтобы люди восприняли этот свет и радовались этому свету… Что же мы видим сегодня?

А теперь происходит обратный процесс, процесс закрытия общеобразовательных школ повсеместно, по всей республике. О чем это говорит?

Конечно, большое влияние оказывает демографическая ситуация в стране, упадок рождаемости. Не от лучшей же жизни люди воздерживаются от деторождения? Но я все же в этом в первую очередь вижу упадок духовного состояния общества, уничтожение Свободы и прав человека! Пролетариат – гегемон остался без средств производства (без заводов и фабрик) и, следовательно, без средств существования. Тысячи тысяч людей стоят на учете на бирже труда, ищут работу. В городе он может только продавать

свой труд. У него осталась одна свобода – продавать свой труд или одному, или другому частному капиталу. Нет у него других прав и свобод, совершенно нет у него другого выбора.

А в деревнях, на периферии, у колхозного крестьянства отобрали земли и поэтому они забились в темный угол, каждый на свой участок в 40 соток земли, чтобы с голода не умереть. И жить по-человечески нет возможности, и с голоду пока не умрешь, есть какое-то пропитание... Как по поговорке: «И жить не дадут, и умирать не дадут!». Одним словом, народ обречён на жалкое существование.

Какой же он крестьянин без земли, без домашних животных: без коров и овец, без гусей и кур? Работать для себя, для своей семьи – это одно. Мы привыкли участвовать в общем деле, к соревновательности, чтобы чувствовать свои силы и локоть друг-друга, гордиться, что и от твоего малозначительного труда зависит всеобщее благосостояние страны. Мы всегда хотели чего-то большего, не замыкались в частной собственности и мелкобуржуазным мещанским духом не были заражены... Теперь нас учат работать для себя. Если не сможешь работать для себя, то будь добр, работай на хозяина… Другого выбора нет.

Когда пошла на убыль демографическая ситуация в стране? Конечно же, после августовского переворота 1991 года. Уже двадцать лет минуло после этого, но мы никак не можем прийти в себя от этого шока… Как же так? В одночасье все изменилось, и все – наоборот!

«Птица счастья завтрашнего дня» от людей улетела, вспорхнула и крылышками помахала вместе с ней и наша надежда… Не осталось у людей никакой надежды на завтрашний день. Никто не знает, что будет завтра. Вот поэтому и люди боятся рожать детей. Можно, конечно, нарожать детей, но как за ними ухаживать, прокормить их и вырастить на разовую помощь в 250 тысяч рублей, которое обещает государство за второго ребенка.

В такой ситуации, когда не знаешь, что будет завтра с нами взрослыми, родителями, какая разумная мать согласна выбросить на произвол судьбы своего ребенка? В такой ситуации, когда неопределенность и хаос стране, никто не даст никакой гарантии, «ни царь, ни бог, и ни герой...». И не только. И не может

дать. Вот поэтому и наши женщины испытывают страх, когда им говорят о рождении ребенка. Этот хаос не только в экономике и политике, но и наши головы заполнены этим хаосом. На самом деле, люди не знают что делать... Ни правители, имеющие неограниченную власть, ни простые граждане этого государства, все растеряны и рассеянны... Идет деградация общества и личности. Все помешались на накопительстве Капитала. Все ищут деньги, как будто в деньгах счастье. Как в стихотворении М.Ю.Лермонтова «Белеет парус одинокий»: «А он, мятежный, просит бури, как будто в буре есть покой!».

В прошлом веке И.Я.Яковлев в течение своей полувековой педагогической деятельности открывал десятки и сотни начальных школ и училищ для просвещения народов Поволжья. «...В результате при участии И.Н.Ульянова и его учеников в Поволжье и Приуралье было открыто более 400 чувашских училищ» (В.Дмитриев. Поборник национального подъема чувашей и сближения народов // Советская Чувашия № 130, 5 июня 1988 года).

«Главное мое внимание, – указывает Иван Яковлевич в своих воспоминаниях, – было обращено в течение 50 лет на Симбирскую чувашскую школу как учебное заведение, откуда должен бы исходить свет, разгонявший тьму, висевшую над родным мне чувашским народом». На неё, как он справедливо отмечает, ушла лучшая часть его жизни. Просветитель осуществлял руководство всей педагогическо-воспитательной и хозяйственной деятельностью в школе. В ней он преподавал, лично участвовал в воспитательной работе. В школе большое значение придавалось трудовому обучению. С целью насаждения сельскохозяйственных знаний и трудового воспитания, а также обеспечения воспитанников продуктами питания при школе была организована уникальная для того времени сельскохозяйственная ферма. Школа была учреждением подлинно демократическим. В неё принимались преимущественно дети трудящихся крестьян. Известно немало случаев личного участия И.Я. Яковлева в судьбе детей из бедных семей (И.Я. Яковлев. Воспоминания. – Чебоксары. Чув. кн. изд-во. 1983. – с. 9).

А сегодня, общеобразовательная система России в глубоком кризисе. В систему образования и науку государство выделяет субсидии по остаточному принципу. После распределения бюд-

жетных денег, что остается – выделяют на образование и на медицину.

Мы воотчию убеждаемся, что идет обратный процесс – закрываются начальные и средние общеобразовательные школы. Но парадокс заключается в том, что при закрытии общеобразовательных школ, высшие учебные заведения вырастают как грибы после дождя...

И реорганизация новых школьных программ, введение ЕГЭ по всей стране на западный лад не дает эффективности в образовательном процессе. Все делается поверхностно, не учитывая ни цель педагогики, ни возрастные категории учащихся. Какую роль играет это нововведение в системе современного образования? Этот повсеместный печальный процесс закрытия школ дает ли позитив из количественного состояния в качественное? Ученики получают ли основательное знание?

На эти вопросы послушаем ответы компетентных людей, которые болеют душою за образование и искренни в своих рассуждениях. Приведем высказывание известного социолога и политолога Бориса Кагарлицкого. Он с 2002 года работает директором Института проблем глобализации (ИПРОГ).

«В 1990-е годы реставрация капитализма сопровождалась разрушением созданных в СССР производительных сил. В процессе разгосударствления значительная часть научного и технологического потенциала страны была уничтожена, а экономика становилась сырьевой и полуколониальной. Но система образования отличается крайней инертностью, она продолжала готовить кадры, как ни в чем не бывало. В итоге Россия получила гораздо больше специалистов, чем могла переварить. Наше образование продолжало готовить кадры уже для всего мира. Началась массовая эмиграция. Тем не менее, уровень квалификации и образования рабочей силы в разы превышал потребности деградированной экономики. Эта чересчур образованная и слишком квалифицированная рабочая сила начала представлять опастность для системы. Власти пришлось начать в 2004-2005 годах реформу образования. Главная ее цель заключалась в том, чтобы максимально снизить эффективность этой системы, понизить уровень знаний, которыми располагает население. Но это,

в свою очередь, спровоцировало политический кризис» (*Борис Кагарлицкий*, Марксизм не рекомендовано для обучения. – М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо. 2006. – С. 25).

Кризис идеи политической системы существующего строя (политического режима, независимо, как бы мы не называли существующую систему: демократией, авторитарной, либеральной, тиранией или олигархией – не меняет сути дела!) вызывает развитию и экономического кризиса.

И для достижения своей цели существующий режим с нового учебного года нам обещают еще вести и плату за обучение, как и в бесплатной медицине.

Родители школьников и так оплачивают: за содержание охранника, за уборщиц, за ремонт, за учебники и тетради и т.д. Каждый год для своего класса покупаем новые классные доски, шкафы, компьютеры, столы, занавески и шторы, ремонтируем сантехнику, электроосвещения...

Возможно, властям сразу не удасться обмануть народ (возможно и в этот раз почувствуют люди очередную провокацию со стороны властей, восстанут защищать свою свободу – узаконенное свое право Основным законом государства – Конституцией, где черным по белому записано: Ст.43. 1. "Каждый имеет право на образование". 2. "Гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях"(*А.Б.Борисов*, Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). С комментариями Конституционного суда РФ. – М.: Книжный мир, 2009. – С. 88).

Все вроде бы предельно ясно и понятно. Конституция гарантирует всем гражданам России бесплатное обучение. Кому еще чего-то не хватает? Как можно посягать на святое святых – право граждан на бесплатное образование, которое завоевано кровью и миллионами человеческих жизней?

Олигархам наша свобода не нравится, они хотят ограничить право народа. И на эту свободу посягают, с которым еще пользуются граждане России, хотят закрыть руками депутатов, которых народ "избрал" для защиты своих прав. Сначала это преподносит-

ся, якобы под благими намерениями, чтобы родители смогли платить за дополнительную учебу своих детей и тем самым ввести плату за обучение. Для этого введут "дополнение к Основному закону"... А потом, когда президент утвердит, то и отменят право на бесплатное образование уже на "законном основании". Как всегда, у нас умеют переворачивать законы против своего же народа.

А если уж внесли изменение закона в Конституцию, то прокуратура – защитница своей системы, будет защищать эти новые законы. Будьте уверены!

Под какими бы добрыми и благими намерениями властей не закрывались начальные школы, общеобразовательные средние школы или же высшие учебные заведения – они преследуют определенные цели – снизить эффективность системы образования, понизить уровень знаний и препятствовать стремлению к учебе определенного количества учащихся из народной среды, из низших и самых беднейших слоев общества, родители которых не в состоянии будут оплачивать за учебу своих чад. Это приведет еще большей степени расслоения общества на два полюса: на бедных и богатых, на грамотных и не умеющих ни читать и писать. Из самого читающего государства Россия перешла на 57-ое место среди западных государств. Бесправные, безропотные (безгласные) рабочие и солдаты-роботы нужны любому государству, любой системе и власти.

Это будет идти уже по существующей сценарии, которое практикуются повсеместно в экономике, в торговле... Например, богатые родители своих детей будут обучать в престижных учебных заведениях, финансируя дополнительные занятия-факультативы: по математике, по русскому языку и т.д. Сначала ведут именно те предметы, которые считаются нужными и очень важными, это – конечно же: математика, русский язык. Кто из родителей не хочет, чтобы их любимые чада были грамотными, преуспевающими учениками в школе? Конечно же, все родители этого хотят. Чтобы они имели и знание, и успех в учебе, и после окончания средней общеобразовательной школы могли безпрепятственно поступать в престижные вузы не только России, но и зарубежные. О чем когда-то мечтал наш просветитель И.Я.Яковлев. Это же очень хорошо! Чего не удавалось при царизме, как будто его мечты сбылись в наше время.

Вопрос-то в другом, все ли из родителей могут заплатить за учебу? По тому принципу, как будут финансировать родители учеников, так и в школах в будущем сформируются спец группы, спец классы, где будут обучаться дети богатых родителей с утра до темна. По особому режиму школы. Тогда как остальные 80% учеников, которые обучаются в системе бесплатного образования с неимением свободных классов, будут обучаться в две смены… и по 4-5 часов в каждый день. Успеваемость учеников по программе бесплатного обучения, как уже нами ожидается, будет ниже среднего. И нам скажут: «Хотите, чтобы и ваши дети хорошо учились – платите! Мы организуем с ними дополнительные занятия. Только вы платите!». Успеваемость учащихся не будет расти, так как все учителя будут заинтересованы к снижению оценок, чтобы родители платили им. Дополнительные занятия по всем предметам! Нагрузка, какая? Способны ли дети вынести это? А это кого из преподавателей волнует. Лишь бы были деньги!

Такую картину мы наблюдаем сегодня, когда еще не узаконено платное образование в общеобразовательных школах. Но все идет к этому, идея запущена. То ли еще будет. Сегодня нас подгатавливают к платному образованию. Мы хотим или же не хотим, ничего не зависит от нашего мнения и желания. И никто об этом не будет спрашивать.

Авторитарная система идет к своей цели, чтобы уничтожить все конституционные права и свободы своих граждан умаляя демократию... Социалистические завоевания трудящихся – бесплатное обучение детей в общеобразовательных школах заменяется пресловутой реставрацией капитализма, нашествием рыночного отношения в систему образования, девизом которого будет: «Хочешь учиться – плати!».

Для подтверждения своих слов приведу недавний пример. Посещал общешкольное собрание родителей в СШ №61 г. Чебоксары. Туда были приглашены и представители банка «Авангард», начальник отдела. С нового года, т.е. с 2011 года школьников будут обслуживать социальной карточкой банка «Авангард». Как говорят, оформление карт бесплатны. И кредиты будут давать и т.д. т.п. В первый месяц без процентов, а далее проценты возрастают по геометрической прогрессии. (Мы уже знаем, что только

сыр в мышеловке бывает бесплатный. Так просто для школьников ничего не делается. Как мина замедленного действия, «бесплатные кредиты», вынуждают нищих родителей взять деньги для кормления своих любимых чад, тем самым мышеловка захлопнется. Родители не сумевши своевременно расплатиться попадают «в долговую яму» под большие проценты, которые в каждый месяц поднимаются от 3% до 24%.– *В.Т.*).

Все это подтверждает, что Капитал завоевывает и общеобразовательные школы, расширая неосвоенные территории.

Итак, все это, о чем мы рассуждали и к какому печальному выводу пришли, полностью противоречит просветительной деятельности нашего Патриарха И.Я.Яковлева, который более полувека старался за народное просвещение, чтобы бедный и обездоленный народ вышел из тьмы и увидел свет, стал грамотным, образованным и культурным человеком.

Ни перед чем не останавливается выпущенное Зло системой и поддерживающей этой же системой, он делает свое проклятое дело разрущая духовность и святую память народную разъеденяя людей. Ибо принцип Капитала все тот же: “разделяй и властвуй! “.

Сегодня мы пришли к диктатуре Капитала – где Деньги играют главную роль в рыночной экономике...

Идею и научную теорию “Капитала” К.Маркса перевернули с головы на ногу и политики горлопанят о демократии. Кто это поверит? Какая бессмыслица! Когда господствует сам диктатор Капитал – под именем Доллар, какая может быть демократия, выражающая волю большинства народов?

Ох! Как мы сегодня нуждаемся в борцах за народное счастье – молодых и сильных духом – Ивановых и Яковлевых, которые встали бы «во благо чуваш» на пролом в стене разрушающегося здания под названием Знание. Но, видимо, нет таких людей, ибо такие спасители на свет появляются лишь раз в 100-200 лет.

Вот что писал по этому поводу академик М.Р. Федотов: **“Приходят и уходят поколения чуваш, но живет, передается память из уст в уста, из книги в книгу об Иване Яковлевиче Яковлеве – Учителе чувашского народа. Пусть любовь к Нему не прерывается из поколения в поколение “.**

М.Федотов. 24 апреля 1982 года.

Нам остается только сказать в подтверждение слов академика: «Да будет так!».

Владимир Терентьев, 2007-2009 годы.

4.9. ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ

Весна пришла ранняя. Март месяц, и уже так тепло и светло на улице! Как хочется процитировать стихи моего любимого поэта Георгия Петровича Винса:

Бегут ручьи, в лесу щебечут птицы,
Весна спешит на крыльях журавлей.
А в синем небе ласково струится
Поток горячих солнечных лучей!

Люблю весну – прообраз пробужденья
От зимних снов неверия и тьмы…
Так узник, покидая мрак тюрьмы,
Стремится к свету, к радости движенья.

Оля любила рассказывать это стихотворение. И в моей памяти запомнился именно ее голос. Читаю ее голосом. Вспоминаю, как она старается читать выразительно, задушевно. Хорошо получается у нее. Ее мягкий и свежий голос ассоциируется в моей голове с запахом самой весны и светлой радости.

Иногда к концу апреля уже земля высыхает, готова для того, чтобы копать. И мы с семьей идем к Михаилу Романовичу на участок. Он возится с детьми, они и стихи рассказывают ему, и спляшут, и споют. Он радуется жизни, отдыхает в своем саду. Отдыхает душой и телом после тяжелого умственного труда. Он любил работать ночью, когда на улице затихает шум и гам. Всегда работал до 2-х 3-х часов утра.

Все больше углубляюсь в размышления о Михаиле Романовиче и все больше и больше нахожу причин для удивления. Да, был Человек, образованный, Ученый, как алмаз многогранный и ценный. Чтобы осмыслить и понять, его жизнь надо бы рас-

сматривать под разным углом зрения, необходимо исследовать разные грани его многостороннего творчества. Во вторую книгу «Духовное и научное наследие академика М.Р. Федотова» в основном будут включены его научные труды, над которыми он трудился на протяжении всей своей жизни.

В том числе и духовную сторону его жизни как ученого-богослова нельзя забывать. И это будет еще одна грань его творчества. «Духовное наследие академика М.Р. Федотова», которое пытаюсь осветить уже в третьей книге.

29 марта 2009 год.

Сегодня, 20 апреля 2009 года первый раз читал лекцию студентам четвертого курса физико-математического факультета. Сидят, как будто забитые и брошенные обществом и родителями, как на экзамене… Я говорю, хоть улыбнитесь что ли, вы же молодые, будущие интеллигенты! На вас будут равняться в будущем обществе все: и малые дети, и подростки, и взрослые. Давайте поднимем выше головы и помечтаем все вместе о будущей счастливой России. Не забывайте, что вы в первую очередь молодежь! У вас вид должен быть радостный и счастливый! Лекция прошла в рабочей атмосфере. Приводил примеры из жизни общества. Появились улыбки на лицах студентов, мне приятно от этого и работать хочется! Удовлетворен своей работой. А это самое главное.

После лекции зашел на кафедру историко-географического факультета согласовать время завтрашнего занятия. А также написал служебную записку о переводе занятий с субботы на вторник на этой неделе, т.к. 25 апреля поедем на родину М.Р. Федотова устанавливать мемориальную доску и там после установки проведем «День чувашского языка» с учеными разных вузов Чебоксар.

Зашел в издательство «Новое время». Что-то они зашились. Как всегда, сказали, чтобы я завтра пришел, радовать своим присутствием. Хотел сказать: «А от большой радости у вас инсульта или инфаркта не будет?». Промолчал. Попросили, чтобы я звонил прежде, чем прийти.

Пн. 20 апреля 2009 г.

Сегодня оплатил квартплату. И за телефон на два месяца вперед. Увидел после занятия зав. кафедрой Барышникова Власия Захаровича. Он сообщил, что поговорил со Львом Пантелеймоновичем, чтобы меня выбрали на конкурсной основе, и тогда мне ничего не будет страшно. «Объявление сделаем в газете и все! Решим. А книгу передайте, оставьте вахтерам, они передадут ему. Я похвалился твоей книгой, и он хочет поскорее увидеть ее». Я согласился.

«Да еще…60-летие будет у Анатолия Николаевича Васильева. 27-го апреля будет заседание кафедры, поздравления и грамоту вручим. Приходи обязательно». «Мы поедем 25-го в Шемуршинский район, для проведения «Дня чувашского языка». Да, к 27-ому я приеду. Конечно же, буду на заседании кафедры. Непременно буду». Вот так расстались с ним около остановки Афанасьева.

23 апреля 2009 г.

Утром в 6 часов мы с Даниилом проснулись и начали собираться в путь-дорогу на родину академика Михаила Романовича Федотова. С вечера началась бурная деятельность Благотворительного фонда им. академика М.Р.Федотова Чувашской Республики. Звонили в Шемуршу, договаривались о встрече; связались с профессорами-преподавателями, которые изъявили желание ехать на «День чувашского языка».

Директор торгового центра «Хёвел» Михаил Иванович Федотов, по чьей инициативе была организована поездка, выделил «Газель».

Сегодня 25 апреля 2009 года, священный день для нас: мы едем в Шемуршинский район в деревню Малое Буяново устанавливать мемориальную доску в честь знаменитого языковедатюрколога академика М.Р. Федотова.

На родину академика М.Р.Федотова поехали кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языка и востоковедения Ираида Васильевна Мукина, заведующий этой кафедрой, доктор филологических наук, профессор Сергеев Виталий Иванович и профессор, заведующий кафедрой чувашского языка и литературы института образования Виноградов Юрий Михайло-

вич, научные сотрудники ЧГИГН Алина Аркадьевна Сосаева и Кузнецов Александр Валерьянович. Также близкие родственники академика Михаил Иванович Федотов и его сын Виктор Михайлович, Володя Федотов, Сергей Колесов и Михаил Григорьевич Андронов.

У всех было приподнятое настроение, по дороге рассказывали смешные истории из жизни ученых и хохотали.

В райцентре нашу делегацию тепло встретили организатор и попечитель Геннадий Андронов, редактор райгазеты Иван Саландаев и замглавы Шемуршинского района Петр Фомин. Я им вручил фотографии, снятые дочерью Ольгой во время прошлой встречи, в феврале.

Через село Трехизб-Шемурша проходит дорога на дер. М. Буяново. С таким же печальным видом провожает Семеновская архитектура: «Дом Искусства». До сих пор заборы не доделаны. Сколько лет строится… А конца и не видно. Никто и не помогает. Раньше всем миром помогали в *Ниме:* и млад, и стар – теперь эти исконно чувашские добрые традиции забываются.

После хлебо-сольной встречи, вкушения хлеба, ансамбль «Ахаяс» исполнил свой репертуар: пели песни, читали стихи.

Глава администрации деревни Малое Буяново открыл торжественную часть собрания, где присутствовало множество народу – почитатели таланта Академика. В.Н.Алексеев поздравил всех со знаменательным событием и представил гостей из Чебоксар. Через живую стену школьников пронесли «Памятную плиту» и прикрепили на стене Дома культуры. На гранитной плите высечены изображение Академика и надпись на русском и родном языках: «В этой деревнеродился и вырос...».

Почетные гости выступили с теплыми воспоминаниями о М.Р. Федотове. Со словами благодарности и гордости за родного дядю выступил племянник академика, организатор и руководитель этого праздника (он же и финансировал эту поездку) генеральный директор торгового комплекса ООО «Хĕвел» Михаил Иванович Федотов. Он подчеркнул, как нелегко было простому пареньку из чувашской деревни подняться до всемирной известности. Свое выступление Мукина Ираида Васильевна резюмировала: «Чувашский язык и имя академика Михаила Романовича

Федотова неразрывно связаны». Призвала учащихся брать пример со знаменитого земляка. Сергеев Виталий Иванович, зав. кафедрой чувашского языка и востоковедения имени М.Р.Федотова ЧГУ, рассказал о создании кабинета-музея М.Р.Федотова. Приглашал учащихся поступать в ЧГУ им. И.Н.Ульянова. Учительница Трехбалтаевской средней школы Воробьева З.И. напоминала, что в ее родном селе жил еще один известный человек – Тимофей Михайлович Михайлов – знаменитый чувашский языковед и педагог. Саландаев Иван Михайлович – главный редактор районной газеты «Шăмăршă Хыпарĕ» прочитал стихи посвященному Михаилу Романовичу Федотову. Действительно, есть на периферии самородки, талантливые и особенно одаренные, с которыми можно только восхищаться! Профессор Виноградов Юрий Михайлович рассказал о работе Михаила Романовича в институте усовершенствования учителей (тогда так назывался данный институт, он работал завотделом иностранных языков), как ему приходилось постоянно разъезжать по районам с проверкой и на семинары. Его первые три книги вышли по изучению немецкого языка. Уже тогда Михаил Романович собирал материалы для своей книги «Средства выражения модальности в чувашском языке». Ученые из ЧГИГН Сосаева Алина Аркадьевна и Кузнецов Александр Валерьянович рассказали о Михаиле Романовиче, каким он был, человеком высокой культуры и мудрости. Я говорил на чувашском языке. И до меня все говорили на чувашском языке. Я рассказал о том, как в трудные времена, несмотря на гонения, Михаил Романович и Митта Васьлей, сохраняли дружбу и выступали в защиту чувашского языка. Митта Васьлей в поддержку Михаила Романовича написал стихотворение на чувашском языке. Мой перевод на русский язык.

М.Федотова	М.Федотову
Чĕлхӳ чукмар пуль сан чăнах,-	Язык твой истинный чукмар,
Пĕрре çеç султăн пур йăх-ях	Лишь размахнулся один раз
Пуçларĕ кăшкăрма: Хурах!	Вся нечисть: «Караул!» кричит.
Асту, тем курăн Михала,	Будь поосторожней, Михаил,
Чипертереххĕн сулкала.	Остерегайся темных сил.

В День чувашского языка, я не мог не читать пламенные стихи Митта Васьлей «Язык Отцов» о родном языке.

С заключительной речью выступила заврайотделом образования Н.Г. Игнатьева. Я передал привет собравшимся от наших земляков: от Максимова В.И., от Ухтиярова А.И. и Егорова Н.И.

Просили нас зайти посмотреть библиотеку и в школу. В связи с ограничением времени мы не смогли посетить библиотеку и школу. Нас ждали в Больше-Буяновской средней школе.

Около школы нас встретил Краснов Владимир Петрович – учитель чувашского языка Б. Буяновской СШ. Поздоровались, обнялись. После теплого приема мы направились в переполненный зал, где звучали стихотворения учащихся. Да, удивительно. Я и мои друзья, знаменитые ученые, находимся в той школе, где учился будущий академик Михаил Романович Федотов. Его учителем был тогда молодой учитель Н.Ф.Ильбеков. (Из автобиографического романа «Тимĕр» (Железо), Чувашское книжное издательство, Чебоксары. 1971). Как и Анна Кузьмина, рассказывает стихотворение одна маленькая девчонка, ученица 3 или 4-го класса, очень выразительно, от всей души. Как звон ручья вдохновляет и успокаивает душу, даруя воспоминание о прошлом. Как и эта ученица, ученик Миша Федотов сидел за партой. Он еще не знал будущей своей жизни, кем он будет. Но, возможно, мечтал о многом, а самое главное – стать человеком… После всех выступил я. Рассказал, как Михаил Романович ходил в эту Больше-Буяновскую 7 летнюю школу, что его учителем был Николай Ильбеков, будущий народный писатель Чувашии. Чтобы выполнить перед собою поставленные высокие цели, надо очень много трудиться, хорошо учиться. Миша Федотов учился хорошо.

Ответной речью выступила, завуч Б-Буяновской СШ Антонова О.В., она русская, приехала по распределению из Владимировской области в школу и осталась навсегда, полюбив нашу родину. Для нее, для русской женщины Чувашия стала второй родиной. Любовь к детям, к чувашскому народу и определила ее дальнейшую судьбу.

Тепло распрощались с учениками и учителями школы, приглашали учиться в наш ЧГУ им. И.Н.Ульянова. И ученики не остались равнодушными, задавали много вопросов преподавате-

лям, профессорам. Поездка удалась, так как принесла много радости и школьникам, и людям, которые искали встречи с нами. Обратная дорога лежала снова через районный центр – Шемурша.

Родная Шемурша – как ты хороша! Преобразилось лицо села, ничем не хуже города, кругом кирпичные 2-х и 3-х этажные дома. Спасибо тебе Шемурша, спасибо землякам, за участие и помощь в проведении незабываемого праздника. Встретили нас добродушно и провожали радостью, желая нам счастливого пути.

Благодарим учредителей «Благотворительного фонда им. академика М.Р.Федотова Чувашской республики», которые выделили средства на эту поездку.

26-27 апреля 2009 г.

Уже грачи прилетели, иссиня-черные, похаживают по белому снегу важною походкою как хозяева этой земли. Да, и гаркают, по-хозяйски напоминая нам, что они прилетели. В этом году мы и не заметили, как быстро прошла зима. Она по своему была доброй по отношению к нам, не было лютых морозов, и снег мало выпал. Как это сказывается на урожае будущего года не знаю… Но мне не приходилось мучиться с уборкой снега на Щорса, 25. С другой стороны, я начал работать в университете им. И.Н.Ульянова! И это большое событие в моей жизни. Мое желание исполнилось! За это огромную благодарность, конечно же, выражаю ректору ЧГУ им. И.Н.Ульянова академику Л.П.Куракову. Теперь я работаю, как и Михаил Романович, в сфере образования. Это меня не только радует, но и обязывает трудиться от всей души и в полную силу во благо чувашского народа, как мои кумиры: И.Я.Яковлев, И.Н.Ульянов, Н.И.Ашмарин, М.Р.Федотов, оставившие заметные следы в народном образовании, языкознании и в культуре чувашского народа, и ныне живущие – академики Г.Н.Волков, Л.П.Кураков.

Славные Сыны нашего Отечества своими добрыми делами записали золотыми буквами свои Имена в Фонд бессмертия, в сокровищницу Мудрости и Знания. Очень приятно мне произносить фамилии этих знаменитых людей. Не только у нас в стране, но и весь просвещенный мир Запада и Америки знает их имена. Истинные сыны и патриоты своего народа. И соответственно на-

род не забывает таких людей. В памяти народной они будут жить во веки веков!

Меня радует и то, что я пришел в университет не с пустыми руками, а с драгоценной книгой «Духовное наследие академика М.Р.Федотова». Пока эта первая книга. А задумана в трех книгах.

Ночами размышляю, как только открою глаза снова сяду за компьютер, чтобы собраться мыслями и писать. Но надо успеть позаниматься с детьми и поработать на даче. До 9.30 ч. все-таки использовал время для «писанины». После быстренько собрались и поехали на Щорса, на дачу. Таню оставили дома, чтобы она убиралась.

Работали, с начала пилили прошлогодные высохшие ветки, дали Клавдии Ивановне соседке нашей. Валентина Сергеевна ходит по саду и не спотыкается, все видит и советует, что делать. Молодец она, не стареет! Двухметровыми шагами отмеривает сад вдоль и поперек.

Таким образом, первое мая провели на даче, как посоветовало правительство России. Мы поступили как послушные сыны своего отечества. По всем каналам телевидения показывают людей, собирающихся на дачные участки. Кто пахать, а кто и отдыхать, большие праздники устраивать.

Для авторитарной системы важно, чтобы народ не выходил на демонстрацию как раньше. Чтобы не выходили все вместе и радостно кричали: «Мир! Труд! Свобода!». Нельзя проявлять солидарность трудящимся... Тем более надо бы окончательно и навсегда забыть о международной солидарности трудящихся. Теперь все боятся демонстраций, объединения людей... Стихийно возникшие большие объединения, толпы людей могут стать большой силой наподобие урагана или тайфуна способные все разрушить на своем пути. Лучше бы люди забыли вообще о демонстрации и об объединении, о Справедливости и о Труде. Так, отдельно, каждая семья на своих участках, они никому не грозят. Лучше больше говорить народу о мировом кризисе, пусть подготавливаются к более худшему. Пусть пашут в поте лица, не поднимая головы. В таком виде они больше устраивают правителей.

1-ое Мая 2009 года.

День Победы. Только вот вопрос: «С кем воевали? И кого победили?». Никому непонятно. Президенты России и Чувашии в своих поздравлениях ни словом не упомянули, слова: «фашизм», «победа над Германией». Видно эти слова стали табу для наших правителей и их окружения. Как будто наши деды воевали с врагом-призраком. Как боятся наши вожди называть врагов своими именами, для них все равны, им все равно. Вот поэтому и переделывают историю, как и раньше – каждый царь по-своему. И удельные князьки в виде В. Ющенко, и царьки из Прибалтики и Грузии.

Сходили с Даником на дачу, на «Березку». Немного проработали, покопали вокруг яблонь, и между грядками викторий.

Увидели т. Машу и т. Лиду. Они были на даче. Поговорили с ними. Они уже вскопали, трактором, 600 рублей заплатили. Теперь сеют что-то, из зерново-бобовых.

9 Мая, в День Победы над фашистской Германией, 2009 год.

Вчера был на заседании кафедры. И мне пришлось поздравлять нашего ветерана, завкафедрой Власия Захаровича Барышникова, который участвовал на войне в конце 1945 года. Я говорил, что через некоторое время наши дети забудут о войне, и не будут знать с кем воевали, уже вся пропаганда идет в таком разрезе, минимум информации и знаний для глубокого размышления. Все передается в аморфном виде, все расплывчато и размазано. Как сейчас наши дети не знают Ленина, через некоторое время забудут и Сталина. В истории идет фальсификация истины. На Украине и в Прибалтике уже давно восстанавливают и почитают эсэсовцев, как освободителей и установителей порядка, которые уничтожали мирных жителей этих республик. Но я помню своего деда, который вернулся с войны с одной рукой. И меня сажал на колени и обнимал единственной левой рукой прижимая к груди. Я этого никогда не забуду, потому что в наших генах эта страшная война еще отзывается. И никакую фальсификцию истины я не могу принять, хоть это и происходит с историей нашего народа. Я не удивлюсь, если через полвека будут говорить, что Советский Союз напал на Германию. А Германия вела справедливую, освободительную

войну против Советов и большевиков. Я поднимаю бокал за мирное небо над нашими головами, за жизнь нашу, которую мы получили благодаря большой жертвенности и стойкости наших советских солдат. Не жалея своей жизни и крови восстали против фашизма, против коричневой чумы. Наши деды уже тогда думали о нашей счастливой жизни, чтобы мы с вами были счастливыми. Чтобы мы не уронили их честь. И поэтому мы не имеем никакого права: ни морального права, ни чисто человеческого права забывать тех, кто нам даровал победу и частичку свободы, которую еще имеем. За мир во всем мире!

10 мая 2009 года.

Ходил к Валентине Сергеевне. Померил давление, все хорошо. «Как у космонавта: 140-80!», – говорю. Она: «Вот я слышала, как говорила главный врач кардиологии, на Волге есть больница. Там она работает. Вот она говорила: «Не верьте, когда говорят давление 140, и что это – нормальное. 120 на 70 давление считается нормальным». «В.С.! У людей пожилого возроста, которым больше пятидесяти лет, чуть повышенное давление 140 считается нормальным. Ничего с этим не поделаешь, сосуды хрупкие, засоряются и т.д. и т.п.». «Я же пью «Капилар», чтобы сосуды очистились. Вон как рекламируют это лекарство». «Пейте, если помогает вам». «Но вон, смотри, на руках сосуды лопаются, повсеместно синяки, как-будто избивают меня ежедневно. Стыдно и на людях показываться». Принес воды, мусор вынес, из ведра вылил. «Мы с Даником на дачу «Чапаевское» собрались, горох сеять, немного есть еще и фасоль. Я пойду, В.С.». «Конечно, конечно, не смею задерживать. Дома передайте привет». «Спасибо, В.С.».

С Даником после обеда пошли на дачу. За полчаса преодолеваем расстояние от дома до дачного участка «Майский». Посеяли горох на своем участке. И обратно – за полчаса и дома! Близко и весело прогуляться. Но у меня каждая секунда – дорога, как будто я просто, без пользы прожигаю время. А мне писать, а мне писать, а мне писать охота! Сколько дел впереди. И никто без меня не сделает эту работу.

После 20 часов позвонил профессор Васильев Владимир Александрович – замзавкафедрой политологии ЧГУ им.

И.Н.Ульянова. «Владимир Михайлович! Я очень рад за тебя, что на страницах газеты «Ульяновец» есть и информация о Вас. Вы оказывается, делаете большое дело для университета, ведете себя тихо и скромно, но заняты большим трудом. Создали «Благотворительный фонд им. академика М.Р.Федотова Чувашской Республики», выпустили книгу: «Духовное наследие академика М.Р.Федотова». Большое дело делаете. А то некоторые выкачивают информацию из Интернета и пишут статью и хвалятся этим целый год. Вы не такой, но работа у вас видная и нужная. Как раз на 20-ое число конференция намечается о духовности, давайте вместе будем участвовать. Мне вдвойне приятно с вами печататься на страницах газеты «Ульяновец». «Я тоже рад за вас, я читал ваши статьи на страницах газеты, о вашей поездке по Украине, по следам Кокеля». «Читали, да? Вот и хорошо, и в дальнейшем будем вместе работать». «Спасибо вам! За добрые слова и поддержку». «Позвоню-ка к заведующему кафедрой, чтобы он подумал о премировании. В прошлом месяце включили премию 1500 рублей. А то получают те, которые и не заслуживают». «Спасибо. Получил премию за прошлый месяц. За все благодарю!».

Терентьев Владимир Михайлович,
кандидат философских наук,
доцент кафедры политологии ЧГУ им. И.Н.Ульянова,
директор «Благотворительного фонда
им. академика М.Р.Федотова
Чувашской Республики».
18 мая 2009 г. Пн.

4.10. ФОНД ИМЕНИ АКАДЕМИКА М.Р. ФЕДОТОВА ЧР

Прошло уже 6 лет, как этого замечательного ученого нет рядом с нами. Но продолжатель дела Н.И.Золотницкого, Н.И.Ашмарина, В.Г.Егорова, Г.И.Рамстедта и других корифеев навсегда останется в памяти его учеников и коллег.

Много сил и духовной энергии отдавал он творческой молодежи. Целое поколение учителей чувашского языка и литературы благодарны профессору М.Р. Федотову, помнят факультативные занятия по марийскому, татарскому, древнетюркскому, древнебулгарскому языкам, которыми он руководил. А сколько нового открывали молодые исследователи на занятиях кружка истории чувашского языка!..

Не будет преувеличением сказать, что Михаил Романович Федотов совершил в науке выдающийся подвиг. Через все творчество академика красной нитью проходят история чувашского языка и его отношение к тюркским и финно-угорским языкам. Фундаментальными исследованиями являются прекрасные монографии «Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми» (в 2-х томах), «Чувашский язык в семье алтайских языков» (в 3-х томах), «Чувашско-марийские языковые взаимосвязи», «Чувашский язык: истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика» и «Этимологический словарь».

В целях сохранения и популяризации научно-творческого наследия академика М.Р.Федотова, много лет проработавшего в Чувашском госуниверситете им. И.Н.Ульянова, содействия развитию духовной культуры чувашского народа создан специальный фонд. Учредителями являются В.М.Федотов – Президент Фонда, М.И.Федотов – Генеральный директор и В.М.Терентьев – Директор.

Фонд занимается благотворительной деятельностью; организацией и проведением республиканских, межрегиональных и международных научных конференций; оказанием поддержки молодым научным работникам, аспирантам, студентам; сохранением этнической самобытности языка, письменности, национальной культуры чувашского народа; распространением информации о своей деятельности; подготовкой и изданием научного наследия академика М.Р.Федотова.

Подробная информация по тел.52-76-73 и 62-71-17.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ
академика М. Р. Федотова

В.М.Терентьев

Книга посвящена 90-летию известного чувашского языковеда, ученого-тюрколога, академика М.Р.Федотова. Содержит материалы о жизненном пути и научно-педагогической деятельности ученого, опубликованные в периодической печати статьи, письма и дневниковые записи, а также несколько статей о нем и рецензий на его известные труды.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся вопросами этногенеза, истории, культуры и языкознания.

Ака уйăхĕн 25-мĕшĕнче – чăвашсене çутта кăларнă И.Я.Яковлевăн çуралнă кунĕнче – М.Р.Федотов ячĕллĕ чăваш тата тухăç чĕлхе пĕлĕвĕсен кафедрин профессорĕ, ертӳçи В.И.Сергеев, кафедра доценчĕ И.В.Мукина Шăмăршă районĕнчи Пуянкасси ялне çитсе килчĕç. Унта вĕсем хăйĕн пурнăçĕн сумлă тапхăрне И.Н.Ульянов ячĕллĕ Чăваш патшалăх университетĕнче ĕçлесе ирттернĕ ăсчах, чăваш чĕлхе пĕлĕвĕн корифейĕ М.Р.Федотов çуралнăранпа 90 çул çитнине халаллана уява хутшăнчĕç.

Асăну хăми – ăсчах ячĕпе

Шăмăршă районĕнчи чăваш чĕлхипе литературине вĕрентекенсемпе, ял çыннисемпе, шкул ачисемпе ирттернĕ тĕл пулура вĕсем халăха М.Р. Федотов

ăсчах пурнăçĕпе ĕçĕ-хĕлĕ тата чăваш филологийĕпе культура факультечĕн вĕрентӳпе çыхăннă тĕп тĕллевĕсемпе малашлăхĕсем çинчен каласа кăтартрĕç.

Чăваш Республикинчи М.Р.Федотов академик ячĕллĕ ыркăмăллăх фончĕ çак ялта тĕнчипе паллă тюрколог, филологи ăслăлăхĕсен докторĕ, ЧР Патшалăх премийĕн лауреачĕ М.Р.Федотов академик çуралса ӳснине пĕлтерекен – Асăну хăми хатĕрленĕ. Ăна ялти Культура çурчĕ çине çирĕплетрĕç. Уява Чăваш патшалăх гуманитари ăслăлăхĕсен институчĕн тата ЧР Вĕрентӳ институчĕн ăсчахĕсем те хутшанчĕç.

Çав кунах факультет ĕçченĕсем Васанти вăтам шкулти 11-мĕш класран вĕренсе тухакансемпе тĕл пулса каласрĕç. И.Н.Ульянов ячĕллĕ Чăваш патшалăх университетне вĕренме килме кăмăл тăвакан çамрăксен тĕрлĕ ыйтăвĕсене хуравларĕç.

«Ульяновец» №39-41(1926-1926) 18 мая 2009 г.

4.11. ПОЛУЧЕНИЕ ДИПЛОМА ДОКТОРА НАУК

Многократные письменные и телефонные сообщения в течение пяти лет не могли удовлетворить Михаила Романовича Федотова и он поехал в ВАК с мыслями разобраться окончательно.

Вот он сидит в кабинете Председателя ВАК в Москве. Секретарь ученого совета принес документы, личные дела на М.Р. Федотова и вышел из кабинета. Через некоторое время позвали и Председателя ВАК к телефону правительственной связи. В спешке, выходя из кабинета, Председатель ВАК оставил папку с документами на столе.

Воспользовавшись моментом, Михаил Романович посмотрел на документы. Сверху лежит письмо из обкома КПСС Чувашской АССР с подписью И.П. Прокопьева и с гербовой печатью.

«Вот оно что? Вот в чем мое пятилетнее мытарство не утверждения единогласно защищенной докторской диссертации…» – подумал поседевший ученый.

В кабинет вошел Председаль ВАК: «Позвонил товарищ Яковлев из ЦК партии, и требует побыстрее разобраться в этом деле».

Михаил Романович, видя, что ситуация налаживается в его пользу и говорит: «За это письмо что ли держали диссертацию до сих пор?! Я ему хорошую оценку не поставил, когда он учился в пединституте…». «Возможно, возможно» – пробормотал Председатель ВАК. Пригласил Ученого Секретаря ВАК. Что-то говорили между собою, писали.

При вручении диплома доктора наук Председатель ВАК выругался нецензурной бранью: «Больше всех пишут жалобы из Чувашии и из Якутии. Поздравляем Вас с получением диплома доктора наук». И крепко пожал руку Михаила Романовича. Михаил Романович получив диплом доктора наук, поблагодарил. Вот он держит в руке долгожданный диплом доктора наук. Открыл и прочитал: «Решением Высшей Аттестационной Комиссии от 1 февраля 1974 г. (протокол № 9) Федотову Михаилу Романовичу присуждена ученая степень доктора филологических наук. Подпись: Председатель ВАК. Ученый Секретарь ВАК и печать. «Видимо у них диплом уже был готов, и они только дописали дату вручения: 21 марта 1974 года», – промелькнула мысль в седой голове доктора наук.

4.12. КАК СНЯЛИ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ЧУВАШСКОГО ОБКОМА КПСС ПРОКОПЬЕВА И.П.

Из рассказа Михаила Ивановича Федотова.

Мы с Михаилом Юхмой поехали в Москву. Встретились с известным писателем Евгением Евтушенко, поговорили с ним о переходном периоде и о тяжелом положении в Чувашии. Тогда, в 1991 году действительно было очень тяжелое положение в Чувашии.

Обкомовцы-партийцы все поддерживали ГКЧП. Демократия, начатая генсеком М.С.Горбачевым, захлебнулась. Развал Со-

ветского Союза ускорял эти события. Ельцин, воспользовавшись неразберихой политического положения, которую сам же заварил выпустив из тюрем воровских авторитетов, наподобие «Япончика», чтобы испытать недовольство народное: голод, террор и насилие – стал единственным лидером, которого поддерживали и воры в законе, и антикоммунистические силы, так называемые новоявленные – олигархи. Он как Лидер нового времени в пьяном угаре дирижировал страной, подписывая наспех подсунутые все новые и новые документы, разбазаривая Советскую страну. Тогда ни с кем не церемонился Б.Н. Ельцин. Он одним из первых вышел из Компартии Советского Союза, тем самым показал пример остальным, как надо поступать.

Сотворили кроме всего этого устрашилище «Призрака жестокого Коммунизма» – Красного человека с дубинкой – символа Свободы и Единства трудящихся, которые ценою своей крови добивались победы на фронтах гражданской и ВОВ. Как красное полотно на большой арене цирка бросает в бешенство быков, жаждущих крови, СМИ днем и ночью непрестанно трубили: «Если будут выбирать коммунистов, то страна снова окажется в коммунистической тирании».

Мы 2-3 дня побыли в Москве. Евгений Евтушенко встретился с Яковлевым из ЦК, рассказал о нас и о Чувашии, и что творится в нашей республике. К нашему приезду уже сняли Прокопьева И.П.

Когда дядя умер, хотел выступить И.П. Прокопьев. Мне до сих пор интересно, о чем же он мог рассказать нам в своем выступлении. Л.П.Кураков посмотрел на меня, я сказал, чтобы ему не давали слово. Он попытался прорваться, но не пропустили его. В спорткомплексе ЧГУ имени И.Н.Ульянова прощались с Михаилом Романовичем и преподаватели, и студенты. Сам академик Кураков Л.П., ректор ЧГУ два раза подряд не сменившись отстоял у гроба М.Р. Федотова в почетном карауле. В знак большого почитания и уважения к М.Р. Федотову.

Тогда на зимние каникулы приехал Виктор Терентьев из Москвы. Он учился в сельхозакадемии им. Тимирязева. Я ему говорю: «Вот теперь ты понимаешь, какого человека мы потеряли?». Он немного погодя ответил: «Да папа, теперь я понимаю». «Но

и хорошо сынок, что ты понял это. Как говорят, лучше поздно, чем никогда».

Когда с трехлетним сыном Виктором мы на Новый Год приехали на квартиру к дяде на ул. Эльгера д.16; кв.185, он к нам вышел весь в белом – в нижнем белье (видимо, так и работал до нашего прихода). Как открылась дверь, пред нами предстал седой и большой человек в белом одеянии. Виктор с удивлением спрашивает: «Это Дед Мороз?!». Мы, улыбаясь, отвечаем: « Да. Этот самый настоящий Дедушка Мороз, который подарки нам будет дарить». «Вы проходите, вот садитесь у телевизора, включите, пока посмотрите, минут пять, я скоро закончу свою мысль и приду к вам. Располагайтесь. Виктору дам ручку и бумагу, пусть напишет, нарисует... Я их собираю, а потом когда вырастет, покажем. Ох! Как интересно будет! Я уже много собрал, целую коллекцию».

Сам же позвонил к нам, говоря: «Хочу видеть твоих детей, приходите. А почему Ольгу не привели? Всех надо было привести». «Много народу – много шума, – говорю, – не хотелось слишком беспокоить. Вам же надо работать… Не хочется Ваше драгоценное время тратить впустую».

«Как это впустую? Это же общение! И постоянно сидеть нельзя за столом, постоянно нельзя работать. Надо и отдыхать». А сам пошел в кабинет писать.

Виктор уже рисует танки, самолеты. Все дети одинаковы, мальчики рисуют танки, машины… А девочки – цветы, куклы.

Еще помнится, мы всей семьей поехали на дачу к Михаилу Романовичу на ул. Щорса, 25. Копать и сажать картошку. Тогда было тепло, как летом. Михаил Романович вынес шашки из дома в сад, положил на стол: «Давайте будем играть в шашки! Умеете? Если не умеете играть, то я вас научу. Ольга с Виктором играют против Михаила Романовича. Он подыгрывает видимо, дети радуются. Все смеемся, радуемся. Я говорю: « Вы еще не знаете, с кем вы играете? Как А.С.Пушкина и других знаменитых дворянских детей в Царскосельском лицее профессора учили, и вас учит профессор, ученый. Возможно, когда-нибудь поймете вы это. И двойная радость от того, что этот профессор-ученый ваш дядя – ваш дедушка». Дети так и называли Михаила Романовича – дедушкой. Он был рад этому.

Там же песенки споют, и стишки рассказывают, и станцуют. Особенно Ольга выделялась в усердии. Она очень старательно, выразительно рассказывала стихи.

Солнышко светит и греет,
Жизнь в его теплых лучах.
Чувствует сердце бодрее,
Радость сияет в очах.

Утром как мать улыбнется,
Озолотив небосклон,
Всюду в полях разольется
Песни торжественный звон.

Шепот ласкающий листьев,
Трепетный звон ручейка,
Музыка в воздухе чистом,
Нежный порыв ветерка.

Хочется крикнуть в восторге,
Чтоб услыхали везде,
Песню о любящем Боге,
Гимн об Иисусе Христе.

4.13. ИЗ ПРОГРАММЫ ТВ «СОЮЗ», ведущий игумен Георгий Шестун

Приведу некоторые выдержки из беседы «Об образовательном проекте в России» ведущего программы ТВ «Союз» игумена Георгия Шестуна (Г.Ш.) с возглавляющим авиакосмический комплекс в Государственной Думе Белоусовым Александром Николаевичем (А.Н.). 7 июня 2009 г.

Г.Ш.: – ... Мы говорили про компьютеризацию сельской школы. Ведь будем развивать не компьютеры, а устный счет. Рачинский – известный педагог, он всегда с устным счетом развивал память. А потом, когда ум развит, когда человек уже умеет в памяти оперировать многими цифрами и фактами, тогда можно и инструменты подавать, компьютеры и все остальное. А то у нас скоро дети и таблицу умножения не будут знать.

А.Н.: – Вот образование и культура. С одной стороны вроде как бы вещи-то разные. Образование, если говорить о профессиональной, высококвалифицированной подготовке… Да, этот должен быть специалист экстра класса, разбирающийся в том или ином куске, скажем в технологии, т.е. чтобы он мог разбираться

в схемах и гайках, с которыми в последствии ему придется заниматься всю жизнь, и за это получать соответствующие деньги. Он еще кроме этого должен иметь высокий уровень общей культуры. Общей культуры, связанной вообще с его духовностью в том числе. С его пониманием искусства, которое и является неотъемлющей жизнью любого цивилизованного человека. Вот это все вместе должно быть, как-то и отражено в этом национальном проекте образования, как я понимаю. Но вот, сужая, то, чем я занимаюсь... Мы вообще хотим, я имею ввиду, наше авиационное сообщество, которое я имею честь возглавлять в Государственной Думе, именно попытаться от этого национального проекта отрезать вот этот кусок, принадлежащий нам, именно в стратегически важном направлении. В данном случае я говорю об авиакосмическом комплексе. В равной степени человек, отвечающий за судостроение, должен ставить соответственно точно такие же задачи. За атомную промышленность, он должен ставить точно такую же задачу. И при этом, при всем, человек, который получет образование и придет на завод и будет высококлассным специалистом, он и должен иметь высокий уровень общей культуры. Вроде бы разные вещи, разные преподаватели этому учат, разные профессора, а все вместе они и формируют интеллигента, в будущем – элиту нашего общества. Да вот, я просто помню профессоров еще той старой школы, гвардии, можно сказать, дореволюционного времени. Вот мы учились у профессора Резникова. Мы учились у него не только резанию. Мы учились вообще у него, как относиться к людям, к его юмору, его знаниям, начитанности. Этот был пример, как бы сказать для подражания во всей жизни. И не один такой профессор меня сопровождал по жизни. Много я видел людей, которые, кроме того, что были высококлассными специалистами, они еще были и высококультурными людьми. И в книгах об этом часто пишут.

– Это было правилом того времени, обычно технари занимались литературой, живописью, музыкой и т.д.

– Талант он вообще многогранный в человеке.

– Вот если бы государство позаботилось в своем стратегическом направлении подготовкой специалистов. Кто их готовит? Опять же все будет в зависимости от того, каков уровень жизни

людей будет. Конечно, можно много платить тем, кто занимается аэрокосмическим ракетостроением. Но если мало платить тем, кто их учит, то...

– Абсолютно правильно. А проблема подготовки врачей, учителей, разве это не государственная проблема? Это конституцией определено: ваше здоровье, и ваше образование.

И государство безусловно несет ответственность и стало быть за материальные затраты на подготовку качественных специалистов. И вот когда они получают эту специальность и становятся, вообще говоря, ну, будем говорить высокопрофессиональными, значит, хорошо их научили, хорошо подготовили. И с чем же расплачивается государство с ними? Вот этими крохами, которые не позволяют им перейти с полунищего слоя, нищими их не назовешь, с полунищего слоя, достаточно бедный слой, в средний слой. Понимаете, их подготовить подготовили и бросили. Вот это неправильно.

– Они должны ни о чем не думать. Они должны лечить!

– Они сейчас таблички какие-то заполняют. Отчеты врачи пишут, сколько они в стационар направили. Планки заполняют. Как лечить и каким способом, ему подскажет именно профессиональная подготовленность. Сколько лекарств употреблять. Но ни в коем случае, он не должен думать, а сколько стоит его вылечить и как это отразится на моей заработной плате.

– Все у нас обезличено, вот в чем беда. Когда мы говорим об образовании, мы не думаем о том, что сидит перед нами конкретный ребенок, который растет, кем он должен стать и каким он должен быть. Если мы говорим о проекте образования, то мы говорим о компьютерах, о школе, о здании и т.д. Мы говорим об экономической составляющей, о материальной ценности. Но не говорим, каким учитель должен быть. Каким ученик должен стать в воспитательном процессе. То же самое медицина... Если все больницы мы оборудуем очень высокотехнологическими аппаратами, а сам человек останется ли он таким милосердным, сможет ли жертвенно служить больному как раньше, или за деньги все это будет делать? Врача такого мы сможем подготовить? Традиционно, как мы говорим, это тоже проект. Ни о чем, об этом мы не думаем. На этой благоприятной материальной ос-

нове будут жить конкретные люди. Какие они должны быть эти люди? Все у нас обезличено.

– С вами вместе надо. Если немного отвлечься от образовании... Есть у нас еще программа здоровья. Деторождение. Да, демографический всплеск должен быть. Ну, правильно, там деньги надо давать. Но ребенок за 250 тысяч не обойдется той семье, которая задумала его завести. Это мое личное мнение. Я вам говорю прямо. Как должно быть в государстве, в нормальной и цивилизованной... Вот родился человек, он должен быть достоянием всего государства. Это собственность всего государства. Это культ этого государства, который нужно лелеять. Государство должен обеспечить его полностью: дать образование, дать здоровье и т.д. Независимо от того, от кого родится этот ребенок, плохие они или хорошие, наркоманы и т.д.

Вот этот ребенок должен нестись на руках всего общества, сообщества, всеми людьми, тем народом, которые населяют государство. Он должен быть общим ребенком всего государства и мы должны обеспечить всем: мы должны дать ему и образование, и обеспечить здоровьем. Тогда он вырастет культурным человеком. И это сформирует в конечном итоге, не сразу, а через какой-то период, через 40 лет сформирует государство, которое будет, вообще говоря, населено людьми, ну пусть не близко к идеальным, а приближающимися к тому образу, которое мы считаем достойным для своего государства. Вот главное.

Когда мы говорим, вот ребят соберем беспризорных: и дадим им одежду, обчистим, накормим, а потом опять их выпустим... Вот так не должно быть... Понимаете, я убежден в том, что как раз вот тут-то – чужих детей не бывает. Вот это тот самый случай… По моему мнению, я так считаю.

Вот родился ребенок у кого-то, то я должен делать все для этого. Ну, ради чего жить-то? Надо жить ради того, чтобы тебя на смену пришли достойные люди, в старости тебе уважали, чтобы в старости ты для них был ценностью. Когда мы боремся, за те крохи в комитете по бюджету. Да, я там работал. Понял, что это абсолютно не благодарная работа, нехорошая работа. Дележаво. Денег нет, а делить надо. И никогда ты здесь правым не будешь. В этой Думе я многое понял, что все эти проекты нужны. И этим надо заниматься.

Ценность проекта в том, что государство впервые повернулось лицом к своему собственному народу. И сказало, что будем работать над проектами: 1) Над образованием; 2) Над здоровьем; 3) Над питанием; 4) Над жильем.

Вот эти четыре основных проекта... Надо четко и ясно понимать, что вообще все проекты затратные. И они могут быть реализованы. Хорошо, что у нас есть ресурсы: нефть, газ и прочие. А дальше как? А вот дальше я говорю, у нас должна быть своя промышленность, свои источники...

– Александр Николаевич, как обычно, в каждой передаче, как только разговор начинается, а время уже заканчивается. Конечно, мы не все проговорили по этой теме.

– Но мы подняли вопросы...

– Главное все-таки, что русский человек привык все же не деньги зарабатывать, а Отечеству служить. Если Отечеству нужна авиационная промышленность. Он затягивает пояса и будет восстанавливать, и построит. Если государство скажет: «Надо!».

– Тем более, почти треть государства всю жизнь этим занималась.

– Так же – корабли строить. Все мужики бросят свои ларьки, я думаю, что сейчас и пойдут. Все равно, будут делать, если государство скажет: «Надо!». Что мы вас за это поддержим, что мы будем служить государству. Если бы мы это не сделали, то можем все потерять. Заставить воспрять дух к служению Отечеству. Притяжение наше величие духа. Для того, чтобы сохранить великий дух, имперский дух, государственный дух нашего народа. Вот эта главная задача, чем призывать людей зарабатывать деньги, их надо призывать служить отечеству. Чтобы они не нуждались... Чтобы служить государству, надо позаботиться и о людях. Эту позицию мы сегодня проводили... Желаю вам успехов, здоровья.

– Спасибо.

– Служение нашему Отечеству. А с вами дорогие телезрители я прощаюсь до следующей передачи. Вы знаете, что наша передача, она поднимает больше эти вопросы, о которых надо думать, как их решать. Ответов однозначных не бывает. Надеемся, что вместе с вами будем преображать себя и наше Отечество. Храни вас Господь. До новых встреч. До свидания.

4.14. ИЗ ДНЕВНИКА М.Р. ФЕДОТОВА

Михаил Романович Федотов профессор кун кĕнекийĕнчен.

19 март, 1977 çул.

Мартăн 19-мĕшĕнче ирхине, 10-11 сехет хушшинче, пирĕн факультетра Яков Гаврилович Ухсай пулчĕ. Ăна «Çилçунат» сăвăçĕсемпе прозаикĕсем чĕннĕ иккен. Тĕлпулăва кино ўкерекенсем те пынăччĕ.

Эпĕ те сĕтел хушшине Иван Ильич Одюковпа юнашар лартăм. Сĕтелĕн тепĕр хĕрринче Ухсай. Вăл тăрса калаçрĕ. Вĕçкĕн калаçма пĕлмест иккен. Иккĕн, юнашар ларса калаçнă пек шутарса пырать. Чăваш чĕлхине хăй ăшĕнче тытса тăрать, чăваш ачисене пĕрремĕш классранах вырăсла вĕрентнине мухтамасть. ку ачасене чăвашла шухăшлама мантарас тени çеç, – терĕ татăклăн. (Счетчиков министр ятне ырăпа асанмарĕ). «Хăшпĕр çынсем тарăн шухăша чăвашла калама çук теççĕ. Анчах та вĕсем хăйсен пуçĕнче тарăн ăс-шухăш çуккишĕн чăваш чĕлхине хурлаççĕ»,– терĕ. Унăн сăмахĕсем чăвашла пĕлмен чăвашсене питĕ тўрĕ печĕç вара. «Чăвашла пĕлменни юрĕ-ха,– тăсрĕ вăл сăмахне, – вĕсем çамрăксене чăваш чĕлхинчен пистереççĕ», – терĕ.

«Çилçунат» членĕсене кăна мар, пур çыракансене те аса илтерсе, çапла каласа хучĕ, çунат икĕ тĕслĕ, пĕри – çилçунат, теприи – хут çунать. (Хут сая кайнине пĕлтерсе каларĕ). Студентсем ахăлтатса кулчĕç. Вара, пирĕн çĕре яхăн писатель, анчах та 10-12 çынна кăна писатель е поэт теме пулать, – терĕ.

Чĕмпĕрти Чăваш шкулĕнче вĕреннĕ çынсене питĕ пысăк хака хурса каларĕ, вĕсем нумайăшĕ хальхи институт, университет пĕтернĕ çынсенчен маттуртарах пулнă, – терĕ. Константин Иванова ырăпа асанчĕ. А.Твардовский, Самед Вургунпа тата вырăссен палăк ученăйĕсемпе пĕрле пулнине аса илчĕ. «Калас тесен, тем чухлĕ калама пулать, анчах эпĕ мухтанма юратмастăн», – терĕ.

Эпĕ те пĕртак сăмах хушса хутăм. Яков Гавриловича хамăн юлашки кĕнекесене (Тюркологи пуçламăшĕ)

парнелерём. Студентсем алă çупрĕç, савăнчĕç. Ман çине пăхса Яков Гаврилович: «Ку профессор ман тус», – терĕ.

* * *

М.Р.Федотов профессор библиотекинчи кĕнекесем хушшинче Яков Гаврилович хăй аллипе çырса парнеленĕ 4-5 кĕнекерен ытла та мар пулĕ. Хăш-пĕр кăнекисем çине халăх поэчĕ мĕн çырнисене илсех катартăпăр.

/Яков Ухсай. Избранное. Стихи и поэмы. Перевод с чувашского. М.: «Художественная литература».1973/.

Федотов Михаил тусăма сывлăх сунса –

Я.Ухсай. Март, пушă уйăхĕ 19. 1976.

/Яков Ухсай. Коврига. Стихи и поэмы. Перевод с чувашского. Издательство «Современник». 1975/.

М.Федотов тусăма, ăслă чăваша.

Я.Ухсай. 19.11.1976.

4.15. МИТТА ВАÇЛЕЙĔН ХАЛАЛĔ

Ўкерчĕк çинче, Митта Вăçлейĕ (варринче) Илпек Микулайĕпе тата Петĕр Хусанкайпа пĕрле. 1957 çулхи июнĕн 2-мĕшĕ. (СССР халăх артистки В.К.Кузьмина фотоўкерчĕкĕ).

Пурăннă пулсан, вăл паян 80 тултарĕччĕ. Çук, ир вилчĕ Митта, алла та çитеймерĕ. Вунçичĕ çул хушши лагерьсемпе тĕрмесенче тар-шур чăтса ирттерни суранлă йĕр хăварнах пуль çав. Культ вăхăтĕнчи этем хуйхи-суйхи вутпа çунса, тĕтĕм-сĕрĕмпе йăсăрланса тăнă пулин те, Митта Вăçлейĕ ячĕ пурнĕрех пĕтмерĕ. Мĕншĕн? Сăв-

висем, сăввисем мĕне тăраççĕ, пĕри тепринчен илемлĕ, вĕсене вуласа-итлесе тăранма хал çук. Хальхи пионерсем те сăвă çырма юратаççĕ. «Пионер сасси» номертен-номере вĕсен «теттисене» пичетлесе пырать. Хитрисем те тĕл пулаççĕ. Тата хитре, тата çепĕç пулччăр тесен, аслă поэтăмăр халалне манмалла мар. Вулар-ха вăл çырнине:

Поэзи асамăн пур виçĕ хăват.
Пĕри вĕсенчен –
Чĕлхен чăн илемĕ;
Тепри – чун-чĕрен
Хĕвеллĕ хĕлхемĕ;
Çунатлă ăс, теççĕ
Мĕн, виççĕмĕшне.
Ай-хай активесчĕ
Вĕсен çимĕçне!

Митта Ваçлейĕ, чылай хĕн-хур чăтса ирттернĕ пулин те, çамрăксене сăпайлă, тирпейлĕ, таса пурăнма хушатчĕ. Вăрçса мар, ăспа. Пĕрре çапла «Тăван Атăлăн» сĕтелĕ хушшинче вăл манпа калаçса ларать. Зал алăкĕ еннелле çаврăна-çаврăна пăхать. Мĕн пулнă? Ўсĕр литераторсем зала кĕрсе тăнă иккен. «Кам çырнă кăна? Кам?» – илтĕнеççĕ сасăсем. Стена çумне таянтарса хунă хура туска çинчи сăвă вăрçăнтарать иккен ўсĕрсене. Вăтăр пĕр çул каялла çырнă автограф паянхи кун та блокнотăмра упранать:

Ўсĕр – пўсĕр!
Ăна ан тўсĕр!
Тĕп пултăр
бацилла-хурт!
Табак ан турт.
Митта (6 - III -57).

Василий Егорович наука çыннисене ханăл тăватчĕ, хисеплетчĕ. 1949 çулта Финляндире чăваш халăх поэзийĕ çинчен кĕнеке тухнăччĕ. Çав кĕнекене «Тăван Атăла» пырса кăтартрăм. Рецензи çырма сĕнчĕç. Митта ман тишкерĕве вуласа тухнă иккен. Васкамасăр, сăмахĕсене тăсса, «Ку янаяана усă курмасăр вырттармăнăр», – терĕ. Чăнах та, 1955 çулта, 1-мĕш номерте пичетлесе кăларчĕç.

Вěçне çитсен те юрать. Тата ак мěн калассăм килет пионерсене, тěрěслěхпе талант мăшăрлансан тин çыравçă çуралать.

Митта Ваçлейěн кунçулě кěске пулчě, анчах тивěçлěхě пысăк, ылтăн çумне тутăх çыпăçмě. Çапла вăл пурнăç, ватăлсан тин çамрăклăх мěн иккенне туйса савăнатпăр:

Çамрăклăх – чаплă ят,
Чапě ун кивелмě те чакмě.

Çамрăк çын сăвă шăрантарма ěмěтленет. Анчах илемлě розăна ярса тытиччен малтан йěппи алла епле чикнине лайăх туяс пулать. Вара çамрăклăхăн чапě, Митта калашле, «кивелмě те чакмě».

ÇАМРĂКЛĂХ

Çамрăклăх – чаплă ят.
Чап ун кивелмě те чакмě –
Çамрăк шеллемě вăя,
Вай ун –
Вулаканăн вучахě.

Чăнкă, сулмак кăкăрта
Çамрăк чěремěр – турбина.
Çамрăк ўте пăхăртан
Тўсěм хăвачěпе хывнă.

Çамрăклăх – çут асамат,
Çамрăклăх, теççě, çиçěм.
Çиçěм тěнче касаймасть.
Çамрăклăх касě те виçě!

Çамрăклăх! Юррăм ман
Ěмěр санпа хěвеллентěр.
Кам хăй çамрăк пулман –
Çавă мана ан ěнентěр!

ТĂВАН ЧĚЛХЕНЕ

Шанап, чěлхеçěм, ěненетěп
Сан чи тивлетлě ěмěтне.
Çунатлă пултăм –
Вěçěнетěп
Ěмěт сěткенě çěиетме.
Ěçре çунан чěрем хěлхемě,
Чěлхем, пěр саншăн ывăнмасть.
Санпа сывлать тăван этемěм,
Санпах сывлать çěршывăм ман.
Ылхан кунçулăн мур ěмěрě
Чылай тулларě хăватна,
Çапах упрарăн ху ятна,
Çапах чăн сиплěх сан пěтмерě.
Кěрешўри тивлетěн ячě
Сана çул пачě ирěке.

Тасатě чăн этем хăвачě
Санпа имретнě кирěке.
– Килсем!
Килсем, чăваш поэчě!.. –

Теетчĕ Çеçпĕл куççульпе.
Чĕлхем, вăл саншăн,
Саншăн йĕчĕ,
Хупланчĕ вилĕм чунĕпе,
Калам паян,

Вăл пурнăç иртрĕ,
Йĕрӳ паяншăн тĕлĕкре.
Чĕлхем, чĕлхем! эс чечекре,
Чечекленес вăхăт сан çитрĕ.
Часах чечек сан çимĕçленĕ,
Пуйтарĕ унăн илемне, –
Калатăп эп – Митта Ваçлейĕ,
Çыртса чĕлхемĕн тӳлемне.

* * *

Хĕн-хурлă пултару саманчĕ,
Ăна пĕлмен поэт – айван.
Сăмахăн асапне чăтман çын
Нихçан та сăвăç пулайман.

Чун тарĕпе тухман сăмахăн
Пăшал тытмалăх çук вăй-тар.
Ан ут, поэт, уксах-чăлахăн,
Сан аллăнта шакăртма мар.

«ПИОНЕР САССИ» 1988 çул, мартăн 5-мĕшĕ.

Митта Ваçлейĕн сăввисене вуланă хыççăн пуçра çуралнă шухăшсем.

Поэтпа Ăсчах туслăхĕ çинчен, малтанхи «Духовное наследие академика М.Р. Федотова» кĕнеке вĕçĕнче, «Не всем дано летать» хыççăмахра кĕскен çырса кăтартнăччĕ ĕнтĕ. «Асапра тăванланнă чунсем» пĕрне-пĕри ăнланнă, мĕнпе те пулсан пулăшасшăн тăрăшнă. Май килсен, пулăшнă та.

Пĕри рецензисем, статьясем çырнă, тепри «Тăван Атăл» журналта ĕçленĕрен çав рецензисене, статьясене журналта пичетленĕ.

Халĕ вĕсен çирĕп туслăхĕ çинчен тăван чĕлхепех – чăвашлах çырма май килнĕшĕн хĕпĕртесех ĕçĕме пуçларăм.

Чăннипех те поэт вăл çутçанталăкри пулăмсене кăтартакан барометр пек халăхăн хуйхи-суйхине хăй чĕри çине ӳкерсе çырса хăваракан сисĕм-туйăмлă çын. Ун куçĕ умĕнчен нимĕн те çухалмасть, вăл паянхи кун çинчен кăна мар, ыран, тата тепĕр кун мĕн пулассине те

курса-пĕлсе тăрать. Çавăнпа та чăн-чăн поэтсем хура халăхăн асапĕсене хăйсен чĕрийĕсем çине илнĕрен, нумай пурăнаймаççĕ. Тĕслĕхрен: Çеçпĕле, Иванов Кĕçтенкине, Лермонтова е Пушкина аса илĕпĕр... Эпир мĕн ачаранах пĕлетпĕр ĕнтĕ, вĕсем пурте çамрăклах, çур ĕмĕре те çитеймесĕрех çĕре кĕнĕ. Питĕ шел... Анчах та чуна хумхантармалли мĕн чухлĕ çутă сăнар çырса хăварнă пирĕн валли! Пирĕн вĕсенчен вĕренмеллисем питĕ нумай, ырă тунипе – савăнма, тĕрĕсмарлăха хирĕç тăма, усалтан пăрăнма... Çавăншăн вĕсене хисеплесе, çыраканăмăрсем умĕнче пуçăмăра таятпăр, тав тăватпăр.

Митта Ваçлейĕ каларĕш:

Кам тӳссе ирттерчĕ çынпа тан,
Кам ырра усал теме хăймарĕ,
Усала айваннăн пуç таймарĕ,
Çав калатăр пĕтĕм кăмăлтан,
Çамрăк ĕмĕр харама каймарĕ.

Поэтсем малашне мĕн пулассине пĕлсе тăраççĕ тенĕрен, кунта тĕлĕнмеллисем тагах та нумай. Çеçпĕл Мишши хăйĕн сăввисенче, 70 çул каяллах паянхи çĕршывăмăра хĕрес çине пăталанине епле пĕлме пултарнă-ха? Хăш-пĕр вулакан мана хирĕçлесе çапла калама пултарĕ. «Çеçпĕл Мишши 1921-22-мĕш çулсенчи хăрушă выçлăх вăхăтне тӳссе ирттернине çырса кăтартнă», – тейĕ. Эпĕ унпа килĕшсе çакна та каласа хăварасшăн: «Паянхи пурăнăç çав выçлăх çулĕсенчен мĕнпе уйăрăлса тăрать вара? Ун чухнехи пекех çĕршывăм хĕрес çинче асапланмасть-и? Ĕлĕкхи пекех Чăваш чĕлхине вĕрентӳ программисенчен хӳтермеççĕ-и? Чăвашла хаçат-журналсене хупни мĕне пĕлтерет тата?». Çакăн пирки – хура халăх нушине туйман чунсăр çын, хура халăх асапне курман суккăр çын çеç хирĕçлеме пултарĕ.

Пушкинăн «Евгений Онегин» романĕнчи Татьяна сăнарĕ Раççей хăйевĕрлĕхне кăтартса пани нирки кайрантарах сăмах хускатăпăр. Мĕншĕн-ха Митта Ваçлейĕ çинчен çырнă хушăрах Çеçпĕл Мишши тата Пушкин çинчен сăмах хускататпăр? Кашни поэтăн сасси-кĕввийĕ хăйне

евĕр уйрăмлăхĕпе янăратъ пулсан та – вĕсене пурне те Асамлă Поэзи пĕрлештерсе тăрать. Пушкинпа Çеçпĕле тĕпчемесĕр Митта Поэт чунне пĕлсе çитме çук. Миттапа Пушкина тĕпчемесĕр, Çеçпĕл чунне пĕлейместĕн. Шухăш йĕрне çавах та таçта сапаласа ярас марччĕ-ха, халлĕхе Митта Ваçлейĕ çинченех пытăр ырă сăмахăм.

Тата çакна каласа хăварассăм килет. Ĕненнĕ-ши Митта Ваçлейĕ!? Паллах ĕненнĕ. Ĕненӳсĕр Шанчăк çук, Шанчăксăр пурăнăç çук. Ĕненекен çын çеç Иисус Христос пек, тĕттĕм тамăкран çĕнтерсе тухма пултарать. Поэтсенчен нумайăшĕ Библири сăнарсемпе усă курнă. Çеçпĕл Мишши те, Сергей Есенин та... Вĕсем Чĕрĕлĕх Сăмах палăкĕпе – Библипе (коммунизм идеологийĕ хирĕçленĕ чухне те: кашни çын утăмне, кашни çын шухăшне йĕрленĕ пулсан та!) паллашмасăр тăма пултарайман.

Чăн малтан Митта Ваçлейĕ хăйĕн хĕрĕсем патне янипе упранса юлнă çырăвĕ пирки асăнăпăр. Çырăвне пĕчĕк хут листи çине вырăсла çырма пуçланă. «Обо мне дети, особенно не беспокойтесь, как говорит народ: «Одна голова не бедна, если и бедна, так – одна. Живу затворником. Вот моя хижина:

«Эпир пулсан тĕнчере –
Тĕтĕм вылять мăрьере.
Так пел дедушка», – тесс çырнă.

Çырăвĕ çинче хăй аллипе ӳкернĕ ӳкерчĕк те пур. Сăрт çинче пĕчĕк пӳрт, мăрйинчен тĕтĕм мăкăрланать.

«Она, как ласточкино гнездо, висит на крутом карнизе береговой горы и единственным окном своим смотрит на величаво-суровый Енисей.

Дни мои проходят в труде (землерой и лесоруб) и святых молитвах (читаю запоем Пушкина и (...) [буквы неразборчивы. – *В.Т.*] любимых чуваш).

Иногда приходят вести из далекой Чувашии, получаю и кое-какую литературу. Радуют».

Пĕр предложенине чăвашла куçарсах кăтартас пулĕ. «Манăн кунсем ĕçре (çĕр чавакан, вăрман касакан) тата

таса кĕлĕсенче (Пушкина антăхса кайсах вулатăп, хамăрăн юратнă чăвашсен çырнийĕсене) иртеççĕ». (Каллех Пушкин тухса тăрать куç умне. Пĕр Пегаспа çыхăннă пулсан, ниçта та уйрăлаймастăн иккен!).

Ахальтен çырман ĕнтĕ Митта: «Манăн кунсем ĕçре тата таса кĕлĕсенче иртеççĕ», тесе. Ĕçре. Таса кĕлĕре. Таса кĕлĕсенче... Тамăкра, çĕр тĕпĕнче (На дне!) пурăннă чухне епле ĕçлемесĕр тата таса кĕлĕсемсĕр ирттерĕн вăраххăн шăвакан кашни куна? Тамăкран чĕррĕн хăтăлса тухмашкăн нумай ĕçлемелле тата нумай кĕлĕ тумалла!

Илпек Микулайĕ, Микулай тете каларăш: «Вăрçăра, окопра выртнă вăхăтра... Нимĕç самолĕчĕсем бомбăсем тăкнă чухне, Турра асăнман кун та иртмен пулĕ», – тетчĕ. Эпĕ ăна ăнланатăп та вăл каланисенене чăна хуратăп. Кунта чĕрене уçса пани кирлĕ. Халăх писателĕн окопра çунса, шăранса тасалнă чĕринчен тухнă чăн сăмахсене кашни çынах йышăнма кирлĕ.

Митта Ваçлейĕ пур «çынлăхран кăларан мăшкăла», асапа та тӳссе, чăтса ирттерсе, тамăкран – ирĕке тухма вăй-хал çитернĕ. Ăçтан илнĕ вăл çав вăй-хăвата?

Чул çыран хĕрринче пĕчĕк пӳрт,
Юр тултарнă мăрийийĕ таран.
Шур аппа, хăвăртрах уçса кӳрт,
Çитсе ӳкрĕм паян эп аран.
Ураран ӳкерен шартлама
Кун каçа муталарĕ пире.
Ни вутпа, ни ĕçпе ăшăнма –
Тумтирри тумтир мар-çке çире.
Чĕрт, аппа, вучахна, çак яшка,
Салтăнам, вут умне эп ларам...
Малашне те пулсан çакнашкал
Тĕнчере пурăнни те харам.
Куллен-кун хăшкăла-хăшкăла
Хырăмшăн хырăмпа шăвăнан.
Çынлăхран кăларан мăшкăла
Хăçанччен тӳсмелле-ши, тăван?

Çун, вучах! Ёнтёркенё вăй-хал,
Тепёр хут чёрёлсе амалан.
Курасси, тен, нумай,
пурнасси, тен, сахал,
Мён пулать, мён килет –
тапалан!

22-XI.50.

Михаил Романович асăннă тăрăх, Митта Ваçлейё мён ёлёкреннех пурăнакан Çёпёрти чăвашсем валли, вёсем ыйтнине Библие чăвашла та куçарнă пулать. (Çавăн пирки Митта Ваçлейён еткерлёхёне ёçлекен Геннадий Юмарт тёпчевçё те çирёплетсе пачё! – *В.Т.*).

Патмос утравё çине пуç янă Иоанн апостола Турă хăйён чурисене малашнехи пурнăçра мён пулассисене пёлтерсе «Апокалипсис» (Откровение) уçса панă (Апокал. 1:1-3 ст.). «Çак малашнехи çинчен каланă сăмахсене вулакан, вуланине итлесе тăракансем, унта мён çырнине тытса тăракансем телейлё: мёншён тесен вăхăт çывăх... Акă Вăл пёлётсем çинче килет, Ăна пур куç та курё» (Апокал. 1: 7).

Митта «иртнё хёрўпех çунни» çинчен кăшт каярах каласа парăпăр. Халь Турă Сăмахне алла илер. Павел апостол Ефес çыннисем патне янă çырăвне тăваттăмёш сыпăкёнчи çиччёмёш стихран (Еф. 4:7 ст.) вулама пуçлăпăр. «Пире пурсăмăра та Христос панă ырăлăха кура хăват панă, çавăнпа каланă та: Эсё çўлё вырăна улăхрăн, тăшманусене тыткăна илтён, этеме ырăлăх патăн, тенё. Çўле улăхрăн тени малтан Вăл çёр тёпёнчи вырăна аннине пёлтермесен мёне пёлтерет тата? Аяла анни хăй пурин ăшёнче те пулмашкăн пёлётсенчен те çўле çёкленнё» (8-10 ст.).

Митта Ваçлейё пирки калас пулсан, вăл та асапланнă вăхăтра çырнă: чăнлăхпа çунса тасалнă, ăс-хакăлпа сулмакланнă поэтăн сăмахёсем вулакансен чёрисене кёрсе вырнаçаççё. Урăхларах каласан, кашни вулаканах сăвăç çырнисене – ун сăмахёсене – хăй чёрине йышăнать. Чăваш халăхё чăн-чăн Поэт сăмахне хăй чёринче ус-

рать, çавăнпа та ăна хăй пĕлнĕ таран мухтаса чыслать. Чăннипех те Митта Ваçлейĕ телейлĕ! Митта ятне чăваш халăхĕ чи çӳлти мухтавлăхра курать.

Малалла унăн икĕ сăввине пăхса тухăпăр. Митта пĕрремĕшне – «Икĕ çыру» – Хусанти юлташĕсене, иккĕмĕшне – Кĕçтук Иванова халаллать. Малтанхи çыруран виçĕ строфине илсе кăтартăпăр. «Кĕрӳ килесси» сăнарлăхĕ – Христос килес сăнарлăхпа çыхăннине никам та хирĕçлеме пултараймĕ. «Кĕрӳ час пырайман та, вĕсем ыйхăласа пурте çывăрса кайнă. Çур çĕрте: акă кĕрӳ килет, ăна хирĕç тухăр, тесе кăшкăрнă сасă илтĕннĕ. Вара çав хĕрсем пурте тăрса хунарĕсене тӳрлетнĕ. Ăссăррисем ăслисене каланă: пире пăртак çу парăрччĕ, пирĕн хунарсем сӳнеççĕ, тенĕ. Ăслисем хирĕç каланă: апла пире те, сире те сахал ан пултăр, пиртен иличчен сутакансем патне кайса хăвăр валли сутăн илĕр, тенĕ. Вĕсем илме кайсассăн, кĕрӳ пынă та, хатĕррисем унпа пĕрле туя кĕнĕ, алăкне хупса хунă...

Çавăнпа ĕнтĕ сыхă тăрăр, мĕншĕн тесен Этем Ывăлĕ хăш кун, хăш сехетре килессине пĕлместĕр» (Мф. 25: 5-13).

Е кĕтнĕ кун çитес пулсан пĕр те пĕр,
Эп çунăп иртнĕ хĕрӳпех, –
Ăмăртăва тухан яш-кĕрĕм евĕр,
Вăй-кил кӳртен мăн кĕрӳ пек.

Эп таврăнăп йăвашшăн та хаяррăн
Çĕршыв туй-çуй тапратнă чух.
Хавхалануллă такмаксем хăйларăм,
Туй намăсне ярассăм çук.

Çапла, кĕрӳ килессине ап манăр –
Е çур çĕрте, е кăнтăрла...
Салам сире! Аякри тăванăр
Вăй-кил кӳртме таврăнмалла!..

Хăй çырнă пекех: «Иртнĕ хĕрӳпех çунса, йăвашшăн та хаяррăн, вăй-кил кӳртен мăн кĕрӳ пек таврăнать» Митта тăван чăваш çĕршывне. Нимĕнле шиклĕх те çук

поэт чĕринче, хура-шур курса ирттернĕ, çавăнпа та çивĕч ăс-тăнлă, сăмахĕсем те чукмар пек сулмаклă, икĕ енĕпе те хăйранă çивĕч хĕç пек – усала хирĕç тăма хатĕр. Нишлĕ мар вăл усал умĕнче пуçа тайма, çунса тасалнă чунĕпе вăл хăватлă! Ăна çирĕп Ĕненӳ вăй-хал парса тăрать!

Иккĕмĕш çыруран – пĕрремĕш строфине илсе кăтартмасăр чăтаймастăп. «Эс курнă тĕнчере чĕр тамăк, Эп курăп çăлăнăç кунне!». Çак сăмахсем те Турă кĕнекине уçса вулама хистеççĕ. «Вилĕме те, тамăка та вутлă кӳлле пăрахрĕç. Ку – иккĕмĕш вилĕм. Кам чĕрĕлĕх кĕнеки çине çырăнман, ăна вутлă кӳлле пăрахрĕç» (Апокал. 20,14-15). «Хулана çутатма хĕвел çутти те, уйăх çутти те кирлĕ мар: ăна Туррăн мухтавĕ çутатнă, унăн çутти – Путек. Çăлăннă халăхсем ун çуттинче çӳрĕç... Ун ăшне тасамарри нимĕн те кĕреймĕ, ирсĕрлĕхпе суяна парăннисем те нихăшĕ те кĕреймĕç. Путекĕн чĕрĕлĕх кĕнекинче çырăннисем анчах кĕрĕç» (Апокалипсис 21:23-27).

Çак сăмахсем кашни вулаканах шухăша ямалла, Турă судĕнче: «Эпĕ хăш енче пулăп-ши, тасамаррисемпе, ирсĕрлĕхпе суяна парăннисем хушшинче, е Туррăн мухтавĕнче Иисуспа пĕрле?». Çакна кашни çынах хăй тĕллĕн Иисуспа пĕрле татса памалла! Митта тĕттĕм тамăк çĕрĕнчен хăтăлса, хăйĕн чĕрĕлĕх çĕршывĕ еннелле, çăлăнăç кунĕ еннелле ăнтăлать, вăл хăйĕншĕн – çутă куна – «хĕвеллĕ анлăха, çăлăнăç кунне» суйласа илнĕ.

Эс курнă тĕнчере чĕр тамăк,
Эп курăп çăлăнăç кунне!
Саламлăн уçăлать ытамăм
Паян, çĕршывăм, сан енне.

Кайрантарах – юлашки виçĕ строфине те илсе кăтартăнăр. «Çĕкленчĕ сыпăннă çунатăм каллех хĕвеллĕ анлăха... Телейлĕ ачисем Адамăн умра ыр шанчăк пур чухне. Тĕп пултăр тĕнчери çĕр тамăк! Çул пултăр çăлăнăç кунне!». Чăннипех те çапла – умра ыр шанчăк пуррисем телейлĕ! Турă Сăмахĕнче çапла çырнă: «Христос урлă пурте чĕрĕлсе тăрĕç: пурте хăй йĕркипе пырать:

малтан Христос чĕрĕлсе тăнă, унтан, Вăл килнĕ чух, Ăна ĕненекенсем чĕрĕлсе тăрĕç» (1 Кор. 15: 22-23).

Эп саншăн çĕнĕрен çуралтăм,
Эп мантăм пур йывăрлăха.
Çĕкленчĕ сыпăннă çунатăм
Каллех хĕвеллĕ анлăха.

Тапранчĕ чун хаваль хавассăн,
Сан ăшшупа амаланса.
Хĕнпе хĕрсе туптаннă сассăм
Каллех ян хурçă пек таса!..

Телейлĕ ачисем Адамăн
Умра ыр шанчăк пур чухне.
Тĕп пултăр тĕнчери çĕр тамăк!
Çул пултăр çăлăнăç кунне!

Чăннипех те мал ĕмĕтлисем кăна, ĕмĕтпе çунатланнисем çеç «хĕвеллĕ анлăха» вĕçме пултараççĕ. Куртăмăр ĕнтĕ, Ăсчахпа Поэт ку енĕпе пĕр шухăш-кăмăллă, пĕр ĕмĕтлĕ пулнине. Чунĕсем пĕрешкел пулнăран, вĕсем пĕрне-пĕри килĕштернĕ, пĕр-пĕрин патне килĕсене каякая çÿренĕ, хутшăннă, калаçнă, туслă пулнă.

Матфей евангелист Иисус Христос каланине 2000 çула яхăн маларах çапла çырса хăварнă: «Вилнĕ çынсем чĕрĕлсе тăрасси çинчен Турă хăвăра каланине: Эпĕ Авраам Турри, Исаак Турри, Иаков Турри. Турă Вăл вилнисен Турри мар, чĕррисен Турри, тенине вуламан-имĕн эсир? тенĕ. Халăх çакна илтсен, Вăл вĕрентнинчен тĕлĕннĕ.

Вăл саддукейсене чĕнейми тунине илтсен, фарисейсем пĕр çĕре пухăннă. Вĕсенчен пĕр законçи Ăна сăнаса, çапла каласа ыйтнă: Вĕрентекен, законра чăн аслă заповедь хăшĕ? тенĕ. Иисус каланă ăна: Хăвăн Турруна пĕтĕм чĕрÿпе, пĕтĕм чунупа, пĕтĕм ăсупа юрат. Çакă чăн малтанхи, чăн аслă заповедь. Иккĕмĕшĕ тата çавăн майлиех: хăвна çывăх çынна хăвна ху юратнă пек юрат. Пĕтĕм законăн та, пророксем вĕрентнийĕн те никĕсĕ çакă икĕ заповедь, тенĕ» (Мф. 22:32-40).

Хамăн пуçăмра çуралнă шухăшăма Ăсчах сăмахĕпе вĕçлесшĕн: темĕнле Ахăрсаманара та шăранса тасалнă «ылтăн çумне тутăх çыпăçмĕ». Митта Ваçлейĕн ырă ячĕ, ырă кăмăлĕ (вăл «Кăмăлтан» парнеленĕ сăввисен пуххи мĕне тăрать!) яланах вулакансене хавхалантарса тăрĕ.

Владимир Терентьев. Август-сентябрь, 2009 çул.

4.16. ÇEÇПĔЛ ТАТА БИБЛИ

Çеçпĕл Мишшин «Или! Или! Лима Савахвани!» сăвви пирки

Çеçпĕл Мишши çуралнăранпа 100 çул çитнĕ май тухнă «Çырнисен пуххинче» (Шупашкар. 1999) çак сăвă пур. Унăн ячĕ, куратăр ĕнтĕ, чăвашла мар. Ăна ăнланас тесен, Библие алла илес пулать. Вырăсла текст, «От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого. А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: «Или, Или! Лама савахфани? То есть, «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» Матф. 27, 45-46.

Халĕ чăвашла текста вулар, «Улттăмĕш сехетрен пуçласа тăххăрмĕш сехете çитиччен пĕтĕм çĕр çинче сĕм-тĕттĕм тăнă. Тăххăрмĕш сехет тĕлĕнче Иисус хытă кăшкăрса каланă: «Или, Или! Лама савахфани? тенĕ, вăл: Эй, Турăçăм, Турăçăм! Мĕншĕн Эсĕ Мана пăрахрăн-ши? тени пулать». Матф. XXVII, 45-47.

Çеçпĕл сăввин ятне орфографи йăнăшĕсем кĕрсе юлнă, ударени паллисене лартман. Ку, паллах ĕнтĕ, пысăк йăнăш та мар, анчах ***Лима*** мар, ***лама*** темелле /пĕчĕккĕрен çырмалла/. Вырăсла, нимĕçле текстсенче ***лама*** сăмах тăрать.

Ку сăвăра Çеçпĕл Мишши хĕрес çине пăталанă Иисус Христос сăнарне хăй çине илсе чăваш çĕршывĕпе танлаштарать.

Пăталарĕç тăван çĕршыва...
Пуш хирте пĕр-пĕччен ун хĕресĕ,
Хăйăра сăрхăнать чĕрĕ юн.

Вилес умĕн губкă çине уксус сăхтарса Иисус Христоса ĕçме параççĕ. Библири çак самант та чăваш сăвăçин чунне ыраттарнă.

Ăна йӳçĕ эрех ĕçтереççĕ,
Хупăнать, хупăнать куçĕ ун.
Таврара хурахсем ахăраççĕ,
Тӳресем кăмăллăн кулкалаç.
Çар уранлă çĕршыв макăрать-çке,
Ун çине витĕнет тĕттĕм каç.

«Хыпар», 210 № 06.11.99.

«Çеçпĕл тата Библи» статья пирки кĕскен ăнлантарса пани

Михаил Романович Федотов академик Çеçпĕл Мишши çинчен пĕрремĕш хут кăна çырман. Хаçат-журналсем çинче те, вăл хăйĕн ăслăлăх ĕçĕсенче Ашмарин словарĕпе усă курнă пекех, Çеçпĕл Мишши сăввийĕсемпе те усă курать, мĕншĕн тесен поэтăн тӳпемийĕ Чăваш литературинче уйрăммăнах янравлă, питĕ курăмлă та паллă, чăннипех те пысăк вырăн йышăнса тăрать.

Çеçпĕл Мишшин «Чăваш сăмахĕ» тата «Сăвă çырассипе ударени правилисем» ятлă статйисене вуламан çын çук та пулĕ Чăваш çĕрĕнче. Сăвăçăсемпе юрăçăсене илес пулсан пушшех те! Çав статьясене вуламан чăваш ачи нимĕнле сăвăç та, юрăç та пулаймĕ.

Çеçпĕл Мишши сăввине тепĕр хут пĕтĕмĕшлех илсе кăтартăпăр. Пире поэт ку сăввине 1921-мĕш çулхи çуркунне çырни паллă.

Или! Или! Лама савахвани...
.....
Пăталарĕç тăван çĕршыва,
Эп ăна виличчен саваканĕ,
Çăлăнăç патнелле йĕр хыват.

Пуш хирте пĕр-пĕччен ун хĕресĕ,
Хăйăра сăрхăнать чĕрĕ юн.

Ăна йӳçĕ эрех ĕçтереççĕ,
Хупăнать, хупăнать куçĕ ун.

Таврара хурахсем ахăраççĕ,
Тӳресем кăмăллăн кулкалаç.
Çаруранлă çĕршыв макăрать-çке,
Ун çине витĕнет тĕттĕм каç.

Ĕмĕрлĕх, юлашки каç пекех-çке,
Ĕмĕрех пăрахас пек хĕвел.
Кăлкансем ахлатса пуç пĕкеççĕ,
Вĕсене те мĕскĕн çĕршыв шел.

* * *

Малтанрах каланăччĕ ĕнтĕ, чăн-чăн Поэт пĕр кунлăха е пĕр çулталăка çеç тăсăлакан вăхăт шайĕпе çырмасть. Вăл ĕмĕрлĕх шайĕпе, ĕмĕрлĕх пĕлтерĕшĕпе çырать, тесе. Эпир, вулакансем тĕлĕнетпĕр вара: «Пĕрикĕ ĕмĕр маларах Пушкин çырнă сăнарсем мĕнле паянхи пекех çĕнĕлле çуталса тăраççĕ?», – тесе. Икĕ ĕмĕр маларах та çынсем паянхи пекех çуралнă, ӳснĕ, юратнă, мăшăрланнă, хăйсен ачисене пăхса çитĕнтернĕ... Çут çанталăк илемĕпе киленнĕ, аваннишĕн савăннă, янăххишĕн куляннă.

Икĕ пин çул маларах Иисус Христоса хĕрес çине мĕнле пăталанине Евангелистсем питĕ тĕплĕн çырса кăтартаççĕ, пĕр кирлĕ саманта те манса хăвармаççĕ тейĕн. Иоанн Евангелист çырнине хăш-пĕр вырăнсене илсе кăтартăнăр.

«...Иисуса илсе кайнă. Вăл хăй хĕресне Çамка вырăнĕ, еврейле Голгофа, теекен вырăна çĕклесе пынă. Ăна çавăнта хĕрес çумне пăталанă» Ин 19:17 ст. «....Унтан вара Иисус пур те пулса çитнине пĕлсе, ***çыру çинче каланă пек:*** ăшăм çунать, теНĕ. Унта пĕр савăтпа туллиех уксус (хĕрхӳлентернĕ эрех) ларнă. Салтаксем губкăна уксус сăхтарса иссоп патак вĕçне тирнĕ те, Унăн çăварĕ натне леçнĕ. Иисус туганса пăхсан каланă: пулса çитрĕ

ёнтё! тенё. Унтан пуçне уснă та, сывлăшне кăларса янă» Ин.19:28-30 ст.

Эпё паллă тунă пёр вырăна: ***«çыру çинче каланă пек»*** сăмах çаврăнăшне пăхса тухасшăн, мёншён тесен çак сăмахсене кашни вулаканах тавçăрса та илеймест пулё тетёп. Мёнле çыру çинчен калани пирки пырать кунти сăмах?

Паллах ёнтё, Турă Çырăвё, Турă Сăмахё, Турă Кёнеки – Библи пирки пырать çав сăмах.

Чăннипех те Иисус Христоса хёрес çинче пăталассине темиçе ёмёр маларахах Пророксен кёнекисенче тата Псаломсенче питё те тёплён çырса хăварнă. Каланă сăмахсене çирёплетме, Библири хăш-пёр вырăнсене илсе кăтартăпăр.

Иисус Христос çураличчен 1000 çул маларах Израиль патши Давид Псаломёнче пророкла Çăлаканăмăра мёнле пăталанине тёпё-йёрёпех пёлтерсе хунă. Римлянсем 800 çул каярахпа тин хёрес çинче пăталаса хумалли меслетпе усă курма пуçланă. 21-мёш Пс. 1-19: «Эй Туррăм, Туррăм (илтсем мана)! Мёншён пăрахрăн-ши мана? йёрсе йăлăннă сăмахăмсем мана çăлассинчен инçе тăраççё... Куракансем пурте мана мăшкăлласçё, пуçёсене сулла-сулла чёлхи-çăварёсемпе калаççё: «Турă çине шанатчё, хăтартăр ёнтё ăна, вăл Ăна юрăхлă пулсан, çăлтăр ёнтё ăна, теççё... Пăрахса ан кайсам мана: хуйхăм çывхарчё, пулăшакан çук... çимешён çунса ахăракан арăслан пек, мана хирёç çăварёсене карса пăрахрёç. Эпё шыв пек юхса тухрăм, шăммăм-шаккăм пётёмпех саланса кайрё, чёрем ăвăс пек çемçелчё, ăшăмра ирёлсех кайрё. Вăйăм тăм савăт пек типсе çитрё, чёлхем пыр тёпне çыпăçса ларчё: мана Эсё вилнё çын тăприпе пёр турăн. Йытăсем çавăрса илчёç мана, усал çынсем ушкăнёпе тапăнчёç: аллăмсене те, урамсене те витёрех шăтарчёç. Пур шăммăмсем те суса тухмаллах палăрчёç; хăйсем пăхса тăраççё, курмалли янала вырăнне турёç мана; манăн тумтирёмсене пёр-пёринне уйăраççё, тумтирёмшён шăпа сиктереççё...».

Иисус Христос хĕрес çинче çакăнса тăнă пулсан та, Унăн Туррăн пророкĕсем çырса хăварнисене – çыру çинче каланисене пурне те пурнăçламалла, тӳрре кăлармалла пулнă. Пророксем каланисене йăлтах пурнăçланине евангелистсем çирĕплетсе параççĕ.

Иисус çураличчен 500 çул маларах Захария пророк Турă Хăй çын пулса килессине пĕлтерсе хунă, Хăйĕн халăхĕ Ăна вĕлерессине те каланă. (Зах.12:10).

Исаия пророк Çăлакан хăйне айăплакансем умĕнче нимĕн те каламаннине малтанах каласа хунă (Ис.53:7), Вăл чăнахах та нимĕн те чĕнмен (Мф. 27:12-19). Çăлаканăмăра çынсен çылăхĕсемшĕн мăшкăлласа кулса хĕнесе пĕтерессине вăлах каласа хунă (Ис.53), çапла пулнине Матфей евангелист çирĕплетсе парать (Мф.27:26, 67; 20:28). Исаия пророк Çăлакана хĕнесе тата Ун çине сура-сура кулни çинчен те малтанах каласа хунă (Ис.50:6), çапла пулнине Матфей çирĕплетсе çырса кăтартать (Мф. 26:27) тата ыт. те.

Евангелистсемпе Пророксемсĕр пуçне Иисуса хĕрес çинче пăталаса вĕлернине еврей историкĕ Иосиф Флавий хăйĕн «Иудейсен аваллăхĕ» кĕнекинче çырса кăтартать. Вăл христианин пулман. Рим империне кĕрекен облаçсенче Понтий Пилат прокуратор хуçаланнă вăхăтсене, Иисус пурăннă чухнехи пурнăçа вăл çапла çырса кăтартать (Кн.Х VIII, гл. 3):

«Çав вăхăтра Иисус тухрĕ, тарăн ăслă çын, çын тесе калама май килет пулсан. Вăл чăнлăха савăнса йышăнакан çынсен Вĕрентекенĕ пулнă, хăй ушкăнне питĕ нумай çынна явăçтарнă, çав шутрах еллинсене те. Темле тĕлĕнмелле ĕççем те тунă. Çавă Христос пулнă та ĕнтĕ. Пилат ăна пирĕн аслийĕсем хĕтĕртнипе пăталанă. Анчах та Ăна юратакансем Унтан пăрахса кайман, мĕншĕн тесен виççĕмĕш кунне Вăл, Турă пророкĕсем малтанах каласа хунă пек чĕрĕлсе килнĕ. Пророксем Ун çинчен питĕ нумай тĕлĕнмелле хыпарсем пĕлтернĕ. Паянхи кунченех Иисус ячĕпе хăйсене чĕнтерекен христианинсем пур...».

Иосиф Флавий хăйĕн «Аваллăхне» пирĕн эрăри пĕрремĕш ĕмĕр вĕçĕнче çырнă.

Рим историкĕ Корнелий Тацит, Нерон император хуçаланнă вăхăтсене çырса кăтартнă чухне, Христос çинчен те Рим хулинчи христианинсем çинчен те асăнать (Анналы, XV, 44, 112-мĕш çулсенче çырнă). Тепĕр Рим историкĕ, Светоний, пирĕн эрăри 120-мĕш çулсенче çырнă кĕнекинче Иисуспа Ун хыççăн пыракансем çинчен асăнать. (Клавдия пурнăçĕ, 25,4). Рим историкĕ Плиний кĕçĕнни те Иисус çинчен пирĕн эрăри 112-мĕш çулсенче çырса хăварать (Çырусем, X, 96).

Çеçпĕл Мишши 87 çул маларах паянхи кун мĕнле пулассине пĕлсе, хальхи вăхăтри пирĕн çĕршыв çинчен çырман-и вара? Поэт йĕркипех çырса кăтартать: Тăван çĕршыва пăталанине те, пуш хирте пĕр-пĕччен ун хĕресĕ тăнине те, унăн чĕрĕ юнĕ сăрхăннине те... Çеçпĕл паянхи çĕршывăмăра чăнлăх сăррисемпе сăнарласа панă ўкерчĕк пекех туйăнать мана. Апла пулсан, сăвăри йĕркесене те хальхи вăхăтра пурăнакан çын куçĕпе йĕркипех пăхса тухăпăр.

Чăннипех те тĕлĕнмелле мар-и?! Чăн-чăнах тăван çĕршывăмăра хĕрес çумне пăталарĕç мар-и?! Уй-хирсем пушанса юлнă, çумкурăкĕпе пиçен çеç çитĕнет. «Пăталанă Тăван çĕршывăмăр чĕринчен юн тумлать, çав пиçенлĕ çĕре сăрхăнать».

«Ăна йўçĕ эрех ĕçтереççĕ, хупăнать, хупăнать куçĕ ун»... Çак йĕркесем те паянхи куна сăнарласа параççĕ тейĕн. Ялĕ-ялĕпех çынсем эрех-сăра ăшше путнă. Никама та шеллемест чунсăр статистика. Эрех-сăра ĕçнипе тĕнчипе пĕрремĕш вырăн йышăнатпăр мар-и? Çавăнпа Раççейре çынсем питĕ сахал пурăнаççĕ, сĕрĕмпе минтĕресе пурăннă пек, çутă куна та таса куçпа кураймаççĕ, çамрăклах вилсе пĕтеççĕ. Нимĕнле çутă тĕллев те çук çамрăксен, пуласлăх кунĕсем те тĕтреллĕ. Çеçпĕл сăмахĕпе каласан: «Хупăнать, хупăнать куçĕ ун».

«Таврара хурахсем ахăраççĕ», вĕсен кунĕ паян, тĕттĕм каç вăхăчĕ çитнĕ, Усал хуçаланать, туй тăвать. Хăй

ирĕкне тăвасшăн, Ырра хирĕç тăрать. «Тӳресем кăмăллăн кулкалаç», вĕсем аван пурăнаççĕ, ырăлăхра. Ырăпа Усал çапăçнине курса вут хурса тăраççĕ, çулăмĕ хытă çуннипе «ăшăнса» юласшăн, çынсен нушипе усă курса укçа-тенкĕ пухса, мул тăвасшăн, пуйса юласшăн.

Пăхăр-ха ТВ ещĕкне куçăра сирпĕтсе, кашни каналпах пуçлăхра ларакансен, «тӳресен» кăмăллă куллийĕсене куратăр. Вĕсем хăйсен шучĕпе чăн-чăн «ырăлăхра» пурăнаççĕ. Çĕршывăмăр асапĕ, халăх выççи вĕсене ним те мар. Темĕн те пĕр калаçаççĕ: «рыноксем, развлекательный комлекссем» çинчен, темĕнле питĕ пысăк проектсем, миллиардшар тенкĕ укçа хывмаллисем çинчен, анчах та чи кирли çинчен, халăх нушине çăмăллатас тесе, халăха пулăшас тесе пĕр сăмах та хускатмаççĕ.

Рим Императорĕ Нерон вăхăтне, вăтам ĕмĕрсене каялла таврăнмарăмăр-ши? Выçă халăхсене чаплă куравсемпе йăпатасшăн! Банксене миллионшар, миллиардшар тенкĕ укçа хываççĕ, выçă халăхран кунран кун нумайрах налук укçи пухаççĕ... Çавăншăн çаннисене тавăрсах тăрăшаççĕ, темĕн те пĕр законĕсем шухăшласа кăларса, халăха тата ытларах пăваççĕ, çăкăр илмелли укçисене те налукшăн хырса каяççĕ. Çав вăхăтрах миллионшар, миллиардшар тенкĕлĕх тупăш илекен мăнтăрпа шыçăнса кайнă олигархсенчен те выçăпа çӳхелсе юлнă çынран налук илнĕ чухлĕ çеç, пĕрешкел налогсем илеççĕ... Раççейри çынсем пурте Закон (Конституцире – Тĕп законра каланă пек!) умĕнче пĕрешкел пулни, пĕр правăллă пулни çак выçăпа тутă пурăнакан çынсене уйăрманнинчен килет пуль çавă.

«Çар уранлă çĕршыв макăрать-çке, Ун çине витĕнет тĕттĕм каç». Çар уранлă, выçă çĕршыв макăрать, анчах та вăл никамăн чунне те хумхатмасть, кашни çын уйрăммăн, хăйĕн чăтайми асапĕпе, йăтайми нушипе тертленет. Мĕскĕне тухнă çĕршыв асапланать. Ытти ют çĕршывсем, çывăхарах пырса, – хĕрес çине ларса тухнă çăхансем чăтăмсăрăн кĕтнĕ пек, – хĕрес çине пăталанă çĕршывăмăр вăйсăрланса çитессе кĕтеççĕ, вăл куçне хупсанах, унăн куçĕсене чавса кăларма хатĕр тăраççĕ. «Ун çине витĕнет

тёттём каç». Çак хăрушă сăмахсемпе вёçлет Çеçпёл Мишши сăввине. Çутçанталăк пулăмёсем те – пурте «юлашки пек» туйăнаççё поэта.

Кăлкансем ахлатса пуç пёкеççё,
Вёсене те мёскён çёршыв шел.

Анчах та çакнашкал пессимизла кăмăлпа вёçлемест Поэт хăйён чунне пăлхантаракан сăввине. Çёршывё чёрёлнине курасшăн ёмётленет, акă, йăлтах ун куçё умёнче, хăй çёршывё чёрёлессине шанать вăл. Пурте чёрёлсе çитессе вăл пётём чун хавалёпе ёненесшён. Ăстăнёпе ăнланать-ха çапла пулассине. Пурте йёркеллех пулмалла пекчё-çке? Чăн-чăн пурăнăçра мёншён ытла та йывăр? Чăтма çук, тўсме çук йывăр.

Ун çёршывён хёресне аçа çапать – революци çеç хăтарать намăс хёссё çинче çакăнса тăракан çёршывăмăра. (Ибо написано, «Проклят всякий висящий на древе»). Рим çыннисем чи йывăр айăшăн çеç хёрес çинче пăталаса вёлернё. Пирён Çёршывăмăрăн мёнле йывăр айăн пулнăши ăна хёрес çинче пăталамашкăн? Е, нимён айăпсăрах Иисус Христоса мён пур çынсен çылăхёсемшён пăталанă пек, Çёршывăмăра га тёрёслёхшён пăталаççё? Тен, темле йывăрлăхсене те çёнтерсе тухса, çавах чёрё юлнăшăн тарăхса эшкер-хурахёсем Çёршывăмăра çавнашкал майпа пăталаса вёлерессён?

Янк уяр кёрхи каç çёр чётрерё,
Çўлтен мар, çёртенех пёр мăн сас:
– Эй, эсир, выççисем, итлёр! – терё, –
Итлёр, кам пурăнмашкăн хавас!.. –

Ман çёршыв хёресне аçа çапрё,
Куçне уçрё çёршывăм, пăхать:
Хăй пекех мёскёнсен йышлă çарё
Ун патне юрласа çывхарать.

Çитмёл çич чёлхепе саламлаççё,
Ыталаç, чунтăваç пёр-пёрне.

Сӳтӗл, татӑл, асап саламачӗ,
Чура мар эпӗр тек ӗмӗрне!..

Чӗрӗ юлнӑ çӗршыв сасӑ пачӗ,
Эп пӗлеп: ун сасси уçах мар.
Ун суранлӑ ырхан сӑн-сӑпачӗ
Илемлех ге пек мар пуççапма.

Анчах ун чӑтӑмӗ, чун хавалӗ,
Ун асапӗ... çакна кӑшт пӗлсен –
Кам мана тӗнчере, кам-ши калӗ
«Çӗршыву санӑн халсӑр» тесе?!

Библире çырса кӑтартнӑ пек, хӗрес çине пӑталанӑ Иисус вилнӗ хыççӑн çӗр чӗтрет, тавралӑх темиçе сехетлӗхе тӗттӗмленсе ларать. Çеçпӗл Мишши çав сӑнарлӑхпа усӑ курса, кӗрхи каç «Аврора» залпӗн сассипе çӗр чӗтренине танлаштарать. Çӗршыва пӑталанӑ хӗресе Революци çиçӗмӗ – аçа çапса салатать, ӗç çыннисене чуралӑхран Ирӗке кӑларать.

Çак сӑввине çыриччен маларах, Çеçпӗл Мишши «Чӑн чӗрӗлнӗ!» ятлӑ сӑвӑ çырать. Иисус Христоса хӗрес çинче пӑталаса вӗлернӗ хыççӑн виçӗ кунтан чӗрӗлсе тӑнӑ пек, чӑваш чӗлхи те чӗрӗлсе тӑрасса ӗмӗтленсе çырать çамрӑк поэт.

Чӑваш чӗлхи чӗрӗлчӗ вилӗмрен!
Эй, чӑвашсем! Пӗтӗм чӗререн:
– Чӑн чӗрӗлчӗ! – тесе кӑшкӑрар.

Вӑл пур чӑвашсене пӗрле пӗрлештерсе, пӗтӗм чӗререн: «Чӑн чӗрӗлчӗ!» тесе савӑнса кӑшкӑрасшӑн.

Поэт темле хыгӑ кӑшкӑрсан та чӑваш çыннисем унӑн сассине илтмеççӗ, те вӑхӑчӗ çитмен пирки... Паян, паян илтетпӗр-и эпир унӑн сассине?! Е, илтсен те, илтмен пек тӑватпӑр? Те пурте уйӑрӑлса пӗтнӗ пӗр-пӗринчен, никама та нимӗн те кирлӗ мар: «Пире капла та юрать. Хамӑра çеç ан тӗкӗнтӗрччӗр, тесе çывӑратпӑр»,

çакнашкал мещенле психологипе пурăнма çăмăлрах.

Çеçпĕлĕн «Çĕн Кун аки» сăввине те асăнмасăр хăварассăм килмест. Ку сăввинче те пулассине, çĕннине кĕтсе тунсăхлани сисĕнет. Эпир юлашки строфине çеç илсе кăтартăпăр.

Хăватлă, çĕн чĕреллĕ çĕн ĕмĕр чăвашĕ,
Хул пуççипе кăвак пĕл[ĕ]те пер[ĕ]нсе,
Кун-çул уйне тухса хĕвел тумтир тумланĕ,
Çĕн Кун ăна ыталĕ савăнса, ачашшăн:
Умне, çĕн çул çине, çĕн чечексем чĕртсе,
Интернационал кĕперĕ анĕ.

Пире кунта Çеçпĕл сасси кунсеренех çирĕпленсе, шанчăкĕ çуталса пыни палăрать. Крымра çырнă сăввисем чĕрĕрех те çуттăнрах, «çĕнĕ, чĕрĕ чечеклĕрех» курăнаççĕ. «Хĕвелĕн хĕрӳллĕ çуттипе, хĕвел шевлийĕ семпе» кунĕсем те çутăрах туйăнаççĕ, йывăр шухăшĕсене сирсе (капланнă тĕксĕм пĕлĕтсене сирнĕнех!), поэт чунне сиплеççĕ. Поэтăн Шанчăкĕ çĕнелсе çуталать: «Чăваш Çĕршывĕ чĕрĕлнине курса» савăнать.

«Тинĕсе» сăввине илес пулсан та:

Тинĕс, тинĕс, вăйлăраххăн,
Хăвăртраххăн, çăмăлраххăн,
Чул пулсан – хăватлăраххăн,
Хыççăн-хыççăн хум хумла!
Эс хăюллăн, вăйлă хумлăн,
Йывăр саслăн, йывăр чуллăн
Чуллă çырана тулла.
Мĕкĕр, ахăр, кар-карла,
Вăйлă сулăмлăн, хăюллăн,
Хыççăн-хыççăн хум пăрах:
Кĕрешӳ вăйне анчах
Кăмăллать ман вутлă чунăм...
.....
Çĕн тĕнче! Эй çĕнĕ кунăм,
Каялла ан кай, ан чак!

Çеçпĕл кăмăлĕпе те чунĕпе чĕрĕлсе, вăй илсе хăватлăланса пыни палăрать. «Çĕн тĕнче! Çĕнĕ кунĕ» тин çеç шăтса тухса çулçăсем янă илемлĕ чĕрĕ чечек пек ытла та черченке, çутçанталăк улшăнсанах, çил-тăвăлпа, çумăрпа хуçăлса ӳкесрен е шанса каясран пăшăрханни сисĕ нет. Кив тĕнче каялла таврăнса Çĕнĕ тĕнчене тĕксĕмлетсе хурассине вăл хăйĕн пĕтĕм чун-чĕмĕпе хирĕç, анчах та çав пулăма хăй нимĕнпе те тытса чараймассине те вăл туять. Çĕнĕ тĕнчене, çĕнĕ кунне чĕнсе: «Каялла ан кай, ан чак!» тесе вĕçлет поэт сăввине.

«Инçе çинçе уйра уяр» сăввине илес пулсан, Çеçпĕл Çĕнĕ Куна кĕтсе юмăç карчăкĕ пек, ăрăмлама та хатĕр. Çĕнĕ Сывлăш, чĕрĕлĕх сывлăшĕ çеç вĕрсе кĕртесчĕ чăваш чĕрине. – Мĕншĕн? Çеçпĕл хăех хуравлать: «Чăваш чĕри пултăр кăвар. Чĕре, выля, çĕн юрă пар!». Çак сăввинчен те, шел пулин те, сăмаха ытлашши тăсса каясран, юлашки икĕ строфине кăна илсе кăтартăпăр.

Çĕн Сывлăш, вĕр!
Çĕн Сывлăш, вĕр!
Чăваш çĕрне тĕреклĕх кĕрт!
Çĕн Сывлăш, вĕр! Çĕнĕ вăй пар,
Чăваш чĕри пултăр кăвар.
Чĕре, выля, çĕн юрă пар!

Инçе çинçе уйри уяр,
Тымарсенче хĕвеллĕн çун!
Хĕвеллĕн çун, кăварлă юн!
Кăвар чĕрем – пин çын чĕри.
Эп пĕр çын мар – эп хам пин-пин,
Эп пин чăваш, эп пин-пин çын!
Чĕрем юрри – пин çын юрри.

Халлĕхе Çеçпĕлĕн чĕрĕлнĕ çĕршывĕн «сасси те уçах мар-ха, суранлă ырхан сăн-сăпачĕ» те тӳрленсех çитмен пулас. Кунта Турă Сăмахне илсе кăтартни питех те вырăнлă пулмалла, вулакана та ăнланса илме пулăшать.

Пултарни 2:7 ст. «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Тăмран этем кĕлеткине темле тăрăшса йăваласа тусан та, Туррăн Сывлăшĕсĕр этемре чĕрĕлĕх çук. Туррăн Сывлăшĕпе кăна çын чĕрĕ – сывлать, чупать, ĕçлет, ĕмĕтленет!

Тĕрĕслĕхшĕн çунакан Поэт чунĕ çивĕч те черчен пулнăран, ăна çак ăнланмалла мар пăтрануллă пурăнăçра пушшех те йывăр пулнă. Поэт нимĕн иккĕленсе тăмасăр пĕтĕм чунĕ-чĕмĕпе çĕнĕ пурнăçшăн революци юхăмне хутшăнать. Выçăхнисемпе çаруранлă çынсемшĕн революци тунă-çке! Пĕтĕм ĕççыннисем, пур хура халăх та ирĕклĕ пулччăр, телейлĕ пурăнччăр, тесе... Ăна – тӳрĕ, ыр кăмăллă çынна, чун-чĕмĕпе революцие парăннă çынна – элекçĕ-суя çынсем пĕр самантрах «тăшмана кăларса», вараласа хучĕç пулсан... «Мана та ĕненмерĕç... Мана та ĕненмерĕç вĕт-ха? Тĕрĕсрен каласан та итлемеççĕ, мăшкăлласа çеç кулаççĕ, пĕтерсех хурасшăн, вăрттăн «шăлĕсене хăйраççĕ»... Епле пулассишĕн, хура халăх асаплă шăпишĕн – хăвăн çĕршывушăн – Çĕнĕ Куншăн пăшăрханмăн? Мĕншĕн ĕлĕкхиллех усаллисем, чунсăррисем ырă кураççĕ, халăх нушипе пуйса пыраççĕ; Мĕншĕн каллех хура халăх, ĕç халăхĕ выçăхса вилме выртнă?». Çакнашкал шухăшсем унăн пуçĕнчен пĕрре те уйăлмаççĕ, кунĕн-çĕрĕн çавăн пирки шухăшласа çӳрет...

Çавах та çак пурăнăçри чăнлăха курса, хăйĕн çинче тӳссе те вăл çут малашлăхшăн ĕмĕтленсе çутă та ырă сăнарсем хăварма вăй-хал çитерет. Пурпĕрех малашне лайăхрах пулассине вăл шанса тăрать.

Ку сăввинче вара поэтăн: «пĕр çын чĕри – пин çын чĕрипе» танлашса хăваттăн тапать. «Чĕри юрри – пин çын юрри»пе танлашать!

Асăннă сăввисенчен икĕ-виçĕ уйăх каярах çырнă «Хурăç шанчăк» сăвви те поэтăн халалĕ пек, чăваш ачисене чĕнсе пехиллени пек илтĕнет. Анчах та çак сăв-

ви те халь мар, часах, çитес вăхăтра, «ыран-и, паян-и вăл? – Час...». Çеçпĕл «часрах» çитересшĕн пулсан та, çав вăхăт, – Пуласлăхра, – малашнехи кунсенче пулмалли япала:

Курап: чĕрĕлет чăваш ячĕ,
Таçта аслатиллĕ саспа
Юратнă çĕршывăн хăвачĕ
Часах вăранасшăн тапать...
Хастарлă, хыт утăмлă пулăр,
Çĕршывăн хастар ачисем,
Вуткайăклăн вĕçĕр, ан юлăр,
Ан юлăр кун-çул уттинчен.

Ман шутпа, Çеçпĕл Мишши поэзийĕнчен Митта Ваçлейĕ «çĕнелсе çуралать». Çеçпĕл чăваш ачисене чĕннине Митта илтнĕ, илтнĕ кăна мар, вăл ун ĕçне малалла тăсаканĕ те... Çавăнпа та Митта Ваçлейĕн «Вунтăваттă çапсан» сăввинчи «Интернационал» çеммийĕ Çеçпĕл сăввисемпе танлаштарсан, уçăмлăрах та хăватлăрах илтĕнет, мĕн пур тĕнчери ĕççыннисене пĕрлештерсе тăракан хăватпа йĕри-таврана янратать. Чи çутă тĕллевшĕн – Ирĕклĕхшĕн(!), халăх телейĕшĕн, пурăнăçне шеллемесĕр кĕрешме чĕнет. «Герой-и, турă-и, патша-и, – Пире никам та çăлаç çук. Ху тивĕçне ху çапăçса ил, Шаккарха тимĕр хĕрнĕ чух!». ***«Мĕнпур тĕнче, пур ырлăх-пурлăх, Сана çеç халăх пулмалла».*** Çак тĕп шухăш тымарĕ тавра йĕркеленсе çирĕшленет те ĕнтĕ поэтăмăрăн чун-хавалĕ, пуласлăхри çутă ĕмĕтленĕвĕ.

Кунта (Таэрăн), Миттан чун хăвачĕ, кунта Миттан çутă «ыр шанчăкĕ» те палăрать. Халăх телейĕшĕн, халăх пуласлăхĕшĕн пыракан кĕрешĕве хутшăнса, ĕмĕрлĕхри чуралăхран çĕнтерсе Ирĕке тухассишĕн – акă мĕнле пысăк тĕллев лартнă поэт хăй умне. Поэт çав Ирĕкшĕн хăйĕн вăй-хăватне, пурнăçне те шеллемест.

Ку снĕпе илсен, Çеçпĕл Мишшипе Митта Ваçлейне çуркуннехи асамлă вăй-хăват, – хĕвелĕн ăшă шевлийĕ семпе çутçанталăк хĕл сиввинчен вăранса чĕрĕлни, –

Çĕнĕ Кун çутиллĕ, телейлĕ Пурăнăç еннелле илĕртет, çак питĕ пысăк пĕлтерĕшлĕ пулăм иккĕшне те пĕрлештерсе тăрать, пĕр шухăш-кăмăллă пулнине çирĕплетсе парать.

Митта çав тапранакан хăватлă та асамлă вăя ĕненӳпе кĕтсе, хальхи вăхăтри пек курса тăрать:

– Ак çапрĕ, çапрĕ вунтăваттă,
Хускалнă вăй мăн Атăлта.
Çĕклентĕр тĕлĕрнĕ хăватăм,–
Çур кунĕ ялтăрать тулта!

* * *

Чăваш Пушкинĕ – Петĕр Хусанкай поэтăмăр çинчен пĕр-икĕ сăмах каламасан, тулли пулмĕ юратнă Çеçпĕлĕмĕр сăнарĕ.

Хăрушă Аттелĕх Вăрçинче пулсан та Хусанкай, Çеçпĕл Мишши вилтăприне тупса Чăваш çĕрĕнчен салам çитерет. Çакна та асăрхаса хăвармалла: поэт халăх элчийĕ пулнă май, вăл хăйĕнчен кăна мар, пĕтĕм чăваш халăх чĕринчен тухакан салама çитерет:

Тăванăм! Атăл хĕрринчен,
Сана ялан савса тăран
Управлă халăх чĕринчен
Салам çитертĕм эп паян.

Каçар мана: вучах чĕртсе
Асăнаймастăп пылпала.
Пистолетран виç хут персе
Сывпуллашатăп санпала.
1943 çул.

Ку ĕнтĕ, Çеçпĕле питĕ хисепленине, юратнине пĕлтерет. Поэт вилтăприйĕ çинче тăшмана Тăван çĕршывран хăваласа кăларма тупа тăвать. Кунта икĕ поэт та пĕрешкел – «Хĕрлĕ-хĕрлĕ мăкăньсене асăнса, Хĕрлĕ-хĕрлĕ мăкăньсемшĕн хуйхăрса» çӳрени курăнать, иккĕшне те Тăван Çĕршыв пуласлăхĕшĕн хыпса çунни пĕрлештерсе тăрать те ĕнтĕ.

Çеçпĕл Мишшин:

Хĕрлĕ-хĕрлĕ, хĕрлĕ мăкăньсем,
Виçĕм çул чечеклĕн чĕрлнисем,
Çил çилленчĕ, çил вĕçтерчĕ-çке сире,
Хăйăр хĕртрĕ çеп-çемçе çĕре.

Тăван Çĕршыв асапланать пулсассăн, епле чун, мĕнле поэт чунĕ асапланмасăр чăтса тăма пултарĕ; Çак туйăм, Тăван Çĕршыва питĕ юратни, ун ирĕкĕшĕн вилме те хатĕрри – иккĕшне те – Çеçпĕлпе Хусанкая тăванлăх туйăмĕпе пĕрлештерсе тăрать терĕмĕр. Хусанкай икĕ халăхăн, чăвашпа украина халăхĕсен туслăхĕ çинчен, Çеçпĕле Шевченко çĕрĕ хăйĕн амăшĕ пек кăкăрĕ çумне йышăннишĕн тав тăвать. Çĕршывăн ирĕк канăçне сыхламашкăн «Поэт тăпри çинче» тупа тăвать.

Петĕр Хусанкайăн «Вăрçă çулĕпе» сăввинчен юлашки строфисене илсе кăтартасшăн. Çак сăвăра та илемлĕхшĕн пăшарханни сисĕнет, вăл ытла та черчен, хитрелĕхе усалсем таптасран сыхласа хăварасси, кашни ырă çыннăн тивĕçлĕхĕ иккенне вуланăçемĕн туйса тăратăн...

Пуç кăларнă тулă,
Тулăра тулли
Вăрттăн хурçă вулă,
Тупăсен вулли.

Украина хирĕн
Шалĕ-тулĕпе
Утма тиврĕ пирĕн
Вăрçă çулĕпе.

Ешĕл тулă витĕр,
Хăмăл хушшипе –
Мăкăнь, мăкăнь – чиксĕр,
Пĕтĕм уйĕпе.

Те акса хăварнă,
Те шăтать хăех?
Тулă пуç кăларнă,
Мăкăнь хĕп-хĕрлех.

Лăпкăн чух илемлĕн
Курăнать уй-хир.
Вăрçăри этемĕн
Пур хăйне хуйхи.

Илемрен писетпĕр:
Мăкăнь та – хире
Юн пĕрхеннĕ евĕр
Туйăнать пире...

1944 çул.

Кунта уйрăммăнах Петĕр Хусанкайăн «Пирĕн Çеçпĕл

Мишши» сăввине асăнса хăвармалла. Çак сăвăра вăл Çеçпĕл Мишши Чăваш халăхĕшĕн кам пулни, мĕн туни тата унăн кун-çулĕ çинчен пĕтĕмлетсе çырать. Каллех юлашки строфисене çеç илсе кăтартатăп:

Вăл чăваш чĕлхине, юмахри Данко евĕр
Çунакан чĕрипе çутатса,
Çул кăтартнă; вăл шаннă пĕр иккĕленмесĕр
Çĕн чăваш тĕнчене тухасса.
Вăл куран интернационалăн кĕперĕ,
Пур йăхпа та пире тан туса,
Шухăшша виçейми тӳпене халь çĕклерĕ
Пирĕн ирĕклĕ, харсăр ăса.

Малалла Хусанкай «Çеçпĕл чĕннĕ чăваш ачисене... Эп сире чи çӳлте халь курасшăн çунатăп, Ĕненсе, юратса пехиллем» тет.

Вăхăт çитрĕ: чăвашăн чĕлхи тимĕр татрĕ,
Туптăр, хăйрăр ăна малалла!
Ыранхи çĕн ăста тĕнчене янраттарĕ.
Çамрăксем! Вăл – сиртен тухмалла.
1949–1951 çул.

* * *

«Паянтан» (юлашки юн тумламĕсем) ятлă Çеçпĕл Мишши сăввине илес пулсан, эпир поэт хăйĕн пурăнăçне Чăваш Çĕршывĕн кун-çулĕпе таччăн çыхăнтарнине куратпăр. Вăл хăйне Чăваш Çĕршывĕнчен пĕрре те уйăрма пултараймасть. Çĕршывĕ асапланать пулсан, вăл мĕнле-ха Чăваш Çĕршывĕшĕн пăшăрханмасăр пурăнма пултарĕ? Хăй çĕршывĕн асапне, хăйĕн чĕрийĕ витĕр кăларнăран поэтăмăра пурăнма ытла та йывăр пулнă.

Паянтан чулланса, мăклашкан,
Ăш сăмах пăрланса пыра ларчĕ,
Вăрмансем тăрĕнчен шевле тарчĕ;
Вилĕм витрĕ çĕре паянтан.

Асап тăвĕ çине çаруран
Çĕршыва çавăтса илсе кайрĕç.
Шупашкар хŭмисен юнлă тарĕ
Çĕмĕрĕлнĕ чĕремре паянтан.

Чĕп-чĕр юнлă – мĕн вăл аллăмри;
Çуркалап, мамăклап, какайлатăп,
Юн тымарĕсене таткалатăп,
Ман вăл – Çеçпĕл Мишшин – юн чĕри.

Унăн юн тымарĕсем пекех чĕрийĕ те татăкăн татăкăн таткаланса юнланса пĕтнĕ. ***«Ман вăл – Çеçпĕл Мишшин – юн чĕри»,*** – тет поэт. Кашни юн тумламĕ çĕре ŭкмессерен унăн вăй-халĕ чаксах пырать, ĕненĕвĕ сŭннĕçем сŭнет. Паянхи кун, – Çеçпĕл шухăшĕпе, – хĕрес çине пăталанă çĕршывăмăртан нимĕн ыррине кĕтмелли те çук. ***«Асап тăвĕ çине çаруран Çĕршыва çавăтса илсе кайрĕç...».*** «Пăталарĕç çĕршывăмăра... пăталарĕç... Ниепле те, нимĕнпе те пулăшма çук-çке-ха ăна (?!)». Кунсерен çакнашкал шухăш-кăмăлпа çŭреме питĕ йывăр. Кăмăлĕ пăсăк, хуçăлнă, кун çути те курăнман ун куçне, хуйхă хура чаршав карса лартнăнах хупăрланă, йĕри-таврана тĕттĕмлетнĕнех туйăннă ăна.

Кашкăр Сăртĕнче майăн 27-мĕшĕнче 1922-мĕш çулта, виличчен çур уйăх маларах çак уйрăлу сăввине çырать:

Жизнь моя: за какими холмами	Пурнăçăм, хăш сăрт урлă каçсассăн,
Твой с уютною кровлею дом?	Шыв кайман хŭтĕ пŭрт пулĕ сан?
Тихой тенью, побитый камнями,	Чулпа çапнă мĕлке пек йăвашшăн
На распутьи стоишь босиком.	Çул çинче эс тăран çаруран.

«Кивĕ Куна, кивĕ тĕнчене» ĕмĕрлĕхех, нихăçан та каялла таврăнмалла мар çĕнтертĕмĕр терĕмĕр-çке! Вăл каллех хăйĕн «шăмăллă аллипе Хĕрес çумне çĕршыва пăталарĕ; Тип шăмăллă выçлăхăн çăварĕпе Çĕршывăма кышлать, кышлать, кышлать», – тесе çырать поэт «Выç псалом» сăввинче. Сăввине пĕтĕмĕшлех илсе кăтартăпăр,

мĕншĕн тесен вăл çав вăхăтри поэт чунне ытларах уçса парать.

Пĕрене пӳртсем – тар тĕрлĕ пӳрт-çуртсем –
Ыйткалакансемпеле халран кайса пăчланчĕç:
Хăрса хытса выртаççĕ, чирлесе выртаççĕ,
Вилсе выртаççĕ выçă анасем.

Айваннăн Атăл ахлатса выртать,
Сар хумĕсем çуп-çаплă, çĕтĕк-çатăк,
Чун хавалĕпе вăрахăн йăнăшать.
Атăл
Çĕршывăмшăн пĕр сассăр макăрать.

Шăм выçлăхăн аллинче çĕршывăмăн чĕри.
Пăрпа пăрланчĕ уяр чечеклĕ шанчăк.
Чĕресенче талса çухалчĕ, ах, пытанчĕ
Анчах пуçланнă чĕрĕлĕх юрри.

Хĕвел, хĕвел! Эс пур чух чунăма
Çĕн юр кĕвви саватчĕ çивчĕ саслăн.
... Чĕлхе çухалчĕ... Çĕршыв вилет пулсассăн,
Кама эс кирлĕ, юррăм...
Кама? Кала!

«Шăм выçлăх аллинче çĕршывăмăр чĕри. Пăрпа пăрланчĕ уяр чечеклĕ шанчăк». Çĕршыв чĕри выçлăх аллинче пулнипе, поэтăмăрăн ***«уяр чечеклĕ шанчăкĕ те пăрпа пăрланать»***. «Чĕресенчи анчах пуçланнă чĕрĕлĕх юрри пытанать, çухалать». ***Ĕненӳ çулăмĕ сӳнет.*** Чăн-чăн Поэт – вăл йăсăрланса, тĕтĕм кăларса выртакан вуг пӳленкки мар. Е çурта пек йăлтах, нимĕн юлмиччен хĕрӳллĕн çунса кайĕ, çынсене çутă та ăшă та парса савăнтарĕ... Е, апла май килмерĕ пулсан вара, урăхла, тĕтĕм кăларса пурăнма вăл пулгараймасть...

– Çеçпĕл Мишшин чĕрĕ юлма май килмен-ши вара?

– Çук пуль çав... Юратнă поэтăмăра темле чĕрĕ хăварассăмăр килсен те, унăн вилмеллех пулнă... «Тĕрĕслĕхшĕн çунакан поэт çавнашкал икĕ питлĕ курăнакан суя

пурăнăçпа пурăнма пултарайман. Урăх пурăнма пултарайман вăл...».

«... Чĕлхе çухалчĕ... Çĕршыв вилет пулсассăн, Кама эс кирлĕ, юррăм... Кама? Кала!». Ытла та чунăма йывăр-çке çак йĕркесене вулама, чĕремçĕм туртсах ыратма пуçларĕ.

– Поэтăн чунĕнче çав вăхăтра мĕн тăваннă-ши? Ун пирки кăштах та пулсан ăнланмашкăн, Украинăра пурăннă чухнехи хăйĕн чи çывăх çынни Ф.Н.Пакрышень патне 1921-мĕш çулта декабрь уйăхĕнче янă çырăвĕн сыпăкĕсене илсе кăтартăпăр.

«...Федя, – тесе каласа парать вăл хăйĕн çывăх юлташне çав вăхăтра янă çырура,– ан вăрç эсĕ ман чунăма йĕри-таврари хăрушă сăнсем хавшатса хуçнăшăн. Станцире выçăпа йăлтах типсе хăрса кайнă сăн-питлĕ, çĕтĕк çи-пуçлă çынсене – Атăл тăрăхĕнчен тарса килнĕскерсене куратăп. Иртнĕ кунсенчи сивĕ çанталăкра вĕсем – чирлĕскерсем, шăнса кӳтнĕскерсем – ушкăнĕ-ушкăнĕ пе вилсе выртнă та, çунасем çине вутă шаршанĕ пек купаласа, çиелтен мĕн те пулин витмесĕрех темиçе çĕр çынна хула тулашне турттарса кайрĕç: çара аллисемпе çара урисем çунасем çинчен усăнса, юр тăрăх сăтăрăнса пыраççĕ. Теприсем... çара ураллăскерсем, ним янала витменскерсем... Епле-ха чун ан хуçăлтăр!.. Федя, хăрушă, йывăр мана питĕ.

... Миллионшар тенкĕлĕх сутă тăвакан пасарта кулач та, çăкăр та, сало та, тем те пур çĕрте... Атăл çинчен тарса килнĕ шăтан-юханлă, çĕтĕк-çатăк, çарран çынсем юр çине выртнă та сăмахсăр йăлăнса çăкăр ыйтаççĕ... Ухмаха ерсе каймалли сăнсем.

Эпĕ ывăннă, хуçăлнă та выçă. Выçăпа ăса та тăна та çухататăн, çăкăр алла лексенех, ыран мĕн пуласси çинчен шухăшламасăрах, ăна часах çисе яратăн. Халь эпĕ тутă: виçĕ кунлăха панă çăкăра çисе ятăм. Халлĕхе аван-ха, анчах та ыранхи çинчен шухăшлама пуçласанах... хама ним пулăшусăр туятăп...» (Çеçпĕл Мишши. Çырнисен пуххи. Виççĕмĕш, хушса тӳрлетнĕ кăларăм. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд. 1999. – 229 с.).

«Юлашки чĕл алра...», « Кĕпер хывăр», виличчен кăшт маларах çырнă «На дне дня» сăввисене вулама хал та çитмест, вĕсен ячĕсене асăнса хăварнипе те çитĕ.

Ун çине пĕр вăхăтрах ытла та йывăр çĕклем, çын çĕклейми асап тиеннĕ-çке: Тăван Çĕршывĕ выçлăхра тергленни, каварçăсем ун çине тапăнса пĕтерсе хурасшăн, юстици çуртне вут тĕртнĕ, тесе суйса айăплани. Партбилетне илни ăна пушшех хуçса хурать. Вăл Ленина курнă! Малашне ĕç халăхĕ телейлĕ пуласса шаннă, чун-чĕреренех ĕненнĕ. Партирен, юратнă партирен кăларнине вăл ниепле те ăнланма пултараймасть. Пурте питех те айванла пулса тухрĕ-çке... Пĕтĕм чун-чĕрипе революцие парăннă çыншăн ку ытла та йывăр япала. Выçă çынсемшĕн, ĕç халăхĕшĕн çап-çамрăклах кĕрешĕве хутшăннă. Çамрăк пулсан та Чăваш çĕршывĕнче Ревтрибунал председателĕ, хăйех юстицие ертсе пыраканĕ те пулнă... Тăшмансен курайманлăхĕпе, çынсен ултавĕпе халь унăн пурăнăçĕ Тăван çĕршывран аякра, Украинăра иртет. Кашни кун ахаль, ним усăсăр иртнĕн туйăнать ăна. Вăл хăйĕн çĕршывне нимĕнпе те пулăшма пултараймасть. Кацча кайнă хĕрарăма пуçне çухатмаллах юратни, анчах та çав хĕрарăм хăйĕн шухăш-кăмăлне уçса паманни, пĕр-пĕринчен аякра та уйрăммăн пурăнни... Ăна курманнипе питĕ тунсăхласа, вĕçĕм ун çинчен шутласа çÿресе чунне ыраттарнисем... Çитменнине, чун ыратни кăна мар, ури чарăнмасăр сурса ыратни (шăмă туберкулезĕ), çÿç пĕрчийĕ сем пек çинçелсе юлнă юлашки нервăсене çисе пĕтереççĕ, пуçра темле тĕрлĕ усал шухăшсем те çуратаççĕ. Яланах выçă пулни, сывлăхне те, чунне те хавшатать. Пурте пĕр тăруках каршанса тиеннĕ-çке ытла та черчен, ытла та чунлă, пысăк туйăмлă 23-ри çамрăк çын çине!

Пирĕн Çеçпĕл Мишши – сивĕ хĕл хыççăнах çуркуннехи пирвайхи шăтса тухакан çеçпĕл чечекĕ пек çапçамрăклах Революци юхăмне хутшăнать, хура халăх та телейлĕ «Хĕвел шевлиллĕ Кун çуттине куртăр», – тесе, вăйне-халне шеллемесĕр ĕçлеме пуçлать. Анчах та «Кивĕ Тĕнче, кивĕ Кун» хăй ирĕкĕпех пăрахса каймасть, хăйĕн усаллăхĕпе «выçă шăмăллă аллисемпе Çĕн тĕнчене, çĕнĕ Куна» тавăрма хура чаршав пек хупăрласа илет. Вилĕм Çави тытнă шăмă-кĕлетке – чирлĕ, выçăхса çитнĕ çынсене кунсерен çĕршерĕн-пиншерĕн çулать, çулать, çулать.

Иисус Христоса хăйĕн халăхĕ хĕрес çинче пăталанă пекех, Çеçпĕле те «Ким тĕнче, кивĕ Кун» выçăхнă шăмăллă аллисемпе йывăç çине çакса хурать. Ку вăл – пĕр Çеçпĕл Мишшийĕн трагедийĕ кăна мар, пĕтĕм çаруранлă, выçăхнă хура халăхсен – Хĕвеллĕ Çĕнĕ Кунăн, пулас Хĕвеллĕ Çĕршывăмăрăн хăрушă трагедийĕ те. Паянхи кун – эпир пурăннă вăхăт çавна питĕ уççăн кăтартса пачĕ те ĕнтĕ, поэт пăшăрханни чăнлăха тухрĕ: «Кивĕ Кун, Ким Тĕнче каялла таврăнса» хăйĕн усал ĕçĕсене тума пуçларĕ.

Хальхи вăхăтра та Раççей çĕрĕнчи выçăхса çитнĕ, чирлĕ-чĕрлĕ халăхсем çут тĕнчерен çулсерен миллиона яхăн уйăрăлса каяççĕ. Социологсем каланă тăрăх, малашне те çакнашкалах пулсан, чĕрĕк ĕмĕр хушшинче 134 миллион çынран çурри çеç тăрса юлмалла. Вĕсемшĕн те: ***«Тивĕçлĕ вилĕм намăс пурăнăçран лайăхрах-шим?»*** (Рим историкĕ Тацит, 58-117 çулсенче, «Агринола», XXXIII).

Çеçпĕл Мишши хăйĕн вилĕмĕпе вилĕме çĕнтерсе паянхи кун та пирĕн чĕресенче пурăнать, унăн хурçă сасси Кивĕ Кун тĕттĕмлĕхне сирсе Çĕнĕ Кун çутти еннелле йыхăрать, усала хирĕç тăма чĕнсе пĕтĕм таврана янратать. Çеçпĕл сасси малашне те янăрĕ...

Анчах та ун сассине илтекенсем пулĕç-ши? Каллех, çур ĕмĕр маларахри пек тутлă вилĕм ыйхине путман-ши чăваш ачисем?! Вăл чĕннине илтсе сас парĕç-ши Çĕнĕ Кунри, Çĕнĕ чăваш ачисем?

Юр кайнă-кайманах çут тĕнчене савăнтарма улăхçарансенче, çырма-çатрасенче пирвайхи çеçпĕл çеçкийĕсем çурăлса тухаççĕ, вăхăт иртнĕçем илемлĕ чечеке лараççĕ. Çанталăк сиввине те пăхмаççĕ вĕсем, юр çунине те асăрхамаççĕ тейĕн, хăйсен черченкĕ тунийĕсемпе çутă енне туртăнаççĕ, ăшă Хĕвел шевлийĕсене кĕтсе илесшĕн. Кĕтсе илеççĕ те... Кашни çуркуннех çапла пулĕ. Пире Çеçпĕл Мишши – кăвар чĕреллĕ поэтăмăр çинчен аса илтерсех тăрĕç. Хура халăх (Чăваш халăхĕ тесе уйăрмастăн, вырăссем те, украинецсем те пирĕн пекех Çеçпĕле хисеплеççĕ, юратаççĕ) ăна нихăçан та манас çук.

Владимир Терентьев. Октябрĕн 21-мĕшĕ, 2009 çул. Шупашкар

4.17. НАРОДНЫЙ ПОЭТ ЧУВАШИИ ГЕННАДИЙ АЙГИ

Манăçми Çитмĕлçуллăх
(1989-мĕш çулхи январĕн 20-мĕшĕ.)

Юратнă Михаил Романович Федотова

Пин çăл пек – пин сăмах!
Чĕлхемĕр – Атăл евĕр.
Пиртех – хальччен пурах
Ун ĕмĕрхи кĕрлевĕ.

Поэт, епле ӳсен
Çав кĕрлеве лексессĕн,
Хăш чух туятăн, тен,
Турра та çĕнтерессĕн!

Çапла кашни çынрах
Эп чĕр Сăмах кураттăм,
Иоаннла Сăмах,
Тесе сума сăваттăм.

Анчах, ав, самани
Çынна та – çынсăрланчĕ,
Тен, Пăсăклăх тени
Чун вырăнне пуçланчĕ.

Чирленĕ Улăп пек
Халь Атăл та, туссемĕр.
Сăмах, чун пек, типет...
Ай, вил сăмахлă Ĕмĕр!

Çук, калам мар каплах!
Пурнатпăр-ха, пурнатпăр.
Çаплах, тăванлăхрах
Сăмах халне упратпăр.

Ăна, ав, Çеçпĕлле
Шăллăмăрсем чĕртеççĕ.
Поэзипе нĕрле
Ăна упрать – Чĕлхеçĕ;

Таçтан çитсе, çумрах
Кĕрлет пек тинĕс шавĕ:
Вăл – çак килти Сăмах,
Чĕлхеçĕмĕр Уявĕ.

Вучахĕнчи кăвар
Ан сӳнтĕр ырă килĕн!
Пиччемĕре калар
Сума суса, ăш-пиллĕн:

Чăвашăн Сăмахне
Мĕнчул суйларăн, чĕртрĕн,
Этемлĕх тинĕсне
Тирпейлĕх, ăслăх кĕртрĕн,–

Илтетпĕр – халăха,
Унра – сана тăнлатпăр,
Тавсси те сывлăха! –
Эрттелпеле калатпăр,–

Халь тус кĕрекинче
Аттелĕх – пил пек пултăр!
Чĕлхе кĕрлевĕнче
Çак тавăм – хум пек юлтăр:

Кĕрлет вăл – вĕçсĕр хум!
Ялтрать чун-чĕм ахахĕ.
Пиччемĕр, эсĕ ху –
Çĕршывăн чĕр Сăмахĕ.

Геннадий Айхи.
1989, январĕн 19-20-мĕшĕ,
Мускав-Шупашкар.

Чăваш халăх поэчĕ Геннадий Айхи Михаил Романовичпа питĕ çывăх туссем пулнă тесен те юрать пулĕ. Вĕсене çулĕсен хушшисем нумай пулни те чи çывăх юлташла, тăванла туйма чăрмантарайман. Ваттине çамрăкки хăйĕн ашшĕне е чи çывăх тăван пиччĕшне хисепленĕ пек хисепленĕ, юратнă. Мĕншĕн тесен вĕсем пĕр-пĕринчен хăйсен шухăш-кăмăлĕсене пытарман, чăвашсен пуласлăхĕ çинчен те, кулленхи улшăнса тăракан лару-тăру, çĕршыва ертсе пыракан политиксен пăтăрмахĕсем çинчен те нимĕн пытармасăр, уççăнах калаçнă. Чăваш чĕлхишĕн, тăван çĕршывăн пуласлăхĕшĕн пăшăрханса куляннă, чăваш халăхне пулăшмалли майсем шыранă.

Вĕсем пĕр-пĕринне Чăваш наци конгресĕсенче те конференцисенче кăна курса калаçман. Геннадий Айхи академик килĕнче темиçе хут та пулнă, темиçе каç та ун патĕнче çĕр каçнă. Чăваш чĕлхийĕн малашлăхĕ пирки мĕн-мĕн кăна ĕмĕтленмен-ши? Калаçмаллисем пулнах çав вĕсен... Иккĕшĕ те – ют çĕршывсенчи ученăйсем чăвашсем çинчен çырса кăтартнă тăрăх, чăваш чĕлхине тĕпчесе ырми-канми ĕçленĕ.

Пĕри – финсен, венгрсен тата нимĕçсен ученăйĕсем хăйсен чĕлхийĕсемпе чăвашсем çинчен çырса, пичетлесе кăларнă материалсене Чăваш халăхĕ пĕлме тивĕç тесе, ăслăлăх ĕçĕсем çырать, тăван халăх умне кăларасшăн тăрăшса ĕçлет. Çулсерен çĕнĕрен те çĕнĕ материалсем пухса «Исследователи чувашского языка» ятлă статьясем, кĕнекесем кăларать.

Теприи – чăваш чĕлхи, авалхи чăваш халăхĕ çинчен ытти ют çĕршыв халăхĕсем те пĕлччĕр тесе, «Чăваш антологине»: нимĕç, француз, венгр, итали, акăлчан тата тĕрлĕрен халăхсен чĕлхисемпе пичетлесе кăларасшăн пĕтĕм вăйне, пĕтĕм хăйĕн талантне парать.

Михаил Романовича хăйĕн ашшĕ, тăван пиччĕшĕ вырăнне хурса хисеплени çак сăвăсенчен кăна мар, Геннадий Айхи поэт хăйĕн чи çывăх тăванĕ вырăнне хурса чун-чĕререн сума-суса ăнăçăн çырнă çырăвĕсенче те курăнать.

Сăмахран, Геннадий Айхи пĕр çырăвĕнче Михаил Романовича саламласа ырлăх-сывлăх суннă хыççăн, хăйĕн ывăлĕсемпе çуралнă ялне, Патăрьел тăрăхне кайса килни, унта тăванĕсене улма кăларса пулăшни çинчен тĕпĕ-йĕрĕпе çырса пĕлтерет. Шупашкара ятарласа ун патне кĕме май килменнишĕн пăшăрханса каçару ыйтать.

Ăсчаха чĕререн хисеплесе хăйĕн малашнехи творчествăри планĕсемпе паллаштарать.

Çавнашкал чуна уçса парасси вăл çынна çывăха хурса, тăван вырăнне шутласан çеç пулма пултарать.

Михаил Романович та Айхи аякра, Мускавра пурăнсан та, унăн ĕçне-хĕлне хăйĕн куçĕнчен вĕçертмен, поэт творчествипе интересленсех тăнă. Чăваш антологине тĕрлĕ чĕлхесемпе пичетлесе ытти халăхсен умне кăларнăшăн, поэтăн ырă та пархатарлă ĕçĕсемшĕн сăвăннă, ăна пысăк та çĕнĕ çитĕнӳсем суннă. Хăйĕн аллипе "Г.Н.Айхи" тесе çырнă пĕр пысăк папкă пуçтарса пынă. Г.Айхин йыхрав хучĕ семпе, унăн творчестви çинчен çырнă хаçатсем хушшинчен, Михаил Романовичăн "Молодой коммунист" хаçатра пичетленнĕ икĕ рецензине илсе кăтартасшăн. Пĕри – "Чувашская антология на итальянском языке" 80-88-мĕш номерсенче, 23 июльте 1987-мĕш çулта пичетленнĕ. Тепри – "Лучше позже, чем никогда" (о сборнике стихов Геннадия Айхи на немецком языке), 124-мĕш номерте, октябрĕн 15-мĕшĕнче, 1987 çулта пичетленнĕ. Анчах та эпĕ Михаил Романовичăн рецензийĕсене «МК» хаçатра пичетленсе тухнă йĕркепе мар, поэт кĕнекисем хăçан çутта тухнă йĕркепе пичетлеснĕн. Ăсчах рецензине вăхăтра пичетлеменнĕн кулянса, хăйне поэт умĕнче айăплăн туять, çавăнпа та ятне те: «Лучше позже, чем никогда», – тесе парать.

Çакна та каласа хăварасшăн, 1950-мĕш çулччен Чăваш çĕрĕнче хăйсен сассине кăларма пултарнă çыравçăсене чăннипех те питĕ йывăр нулнă. Пăлхар патшалăхĕ, хăйсен несĕлĕсен ĕлĕкхи пурнăçĕсем пирки çырма та, пуласси çинчен ĕмĕтленме те юраман. Аслă çулпуç хушшинчен никам та тухма пултарайман. Кăшт урăхларах çырсан, е шухăшлама шутласан, вĕсем çумне хăрушă ят – «националист»

ярлык çыпăçтарнă. Вара çав çыравçăсене хŭтерме пуçланă, вĕсем çырнă ал çыравĕсене ниçта та пичетлемен. Хăйсен тăван çĕршывĕнчех вĕсем никама та кирлĕ мар çынсем пулса тăнă. Пысăк пуçлăхсенчен пуçласа çырма вĕренсех çитеймен «çамрăк çыравçăсем» те вĕсене «сăхнă», хыттăнах «çыртма» та пултарнă.

Çавăнпа вара вĕсен ирĕксĕрех çуралнă çĕршывĕнчен аяккарах тармалла пулнă. Хăйсен «ирĕкĕпе» каймасан, çав-çавах вĕсене Çĕпĕре 10 çула тытса ăсатнă. Кунта Митта Ваçлейĕн ячĕпе ытти поэтсен, çывавçăсен, ăсчахсен ячĕсене асăнса хăварма пулать.

Тарса хăтăлса юлнисен шутне: Петр Хусанкай, Яков Ухсайĕ, вĕсенчен кăшт каярах – Геннадий Айхи тата ытти поэт-çыравçăсем те кĕреççĕ. Çуралнă çĕршывшăн, унăн пуласлăхĕпе хавхаланса тăван халăх чĕлхипе культуришĕн ырми-канми ĕçлекен поэтсемпе писательсен ырă та пархатарлă ĕçĕсем юлаççĕ. Историне темле çавăрттарсан та вĕсен мухтавлă ячĕсем хăлăхсен чĕрисенче упранаççĕ, темиçе ĕмĕр иртсен те манăçа тухмаççĕ.

Рецензия

Лучше позже, чем никогда
(о сборнике стихов Геннадия Айги на немецком языке)

В издательстве Зуркамп (ФРГ) в 1971 году вышел сборник лирических стихотворений Г.Айги. Писать на него рецензию стоило, видимо, еще лет 10-15 назад, но тогда прямо скажем, времена не благоприятствовали: в периодической печати, как правило, не было принято сообщать о подобных публикациях.

Лирическое своеобразие Г. Айги было замечано рано, но оно также рано и скоропалительно было квалифицировано как голос нытика [Н. Иванов. Нăйкăш сасă. – «Коммунизм ялавĕ»: 30.12. 58]. В силу подобных ей ругательских рецензий стала формироваться какая-то айгифобия. В тот период у критиков не было, кажется, задачи более важной, чем ставить «вопрос ребром – и

никаких гвоздей!». В печати, в том числе в чувашской периодике, тон задавали некоторые представители «литературной лысенковщины», перегораживающие путь к генетико-селекционным работам, толкая литературу на прямолинейно-лозунговую стезю, чем нанесли вред прежде всего в отборе и развитии молодых литературных кадров.

Но недаром говорится, что нет худа без добра: Г.Айги стал писать по-русски. «Первым читателем, одобрившим мои русские вещи, – писал Айги, – был Назым Хикмет, ранее советовавший мне, наряду с Пастернаком, перейти на этот язык». Однако Айги многие лирические темы черпал из родного ему источника: фольклорно-песеннего и словесного богатства его малой Родины – чувашского края. К сказанному добавлю, что иные критики, как ни странно, воспитывают в читателях чувства предвзятой осторожности, если не сказать больше, – враждебности к автору, публикующему свои произведения за рубежом, однако при этом напрочь забывают, с чем, с каким «товаром» он выходит на международную «ярмарку», достойно ли представляет свою Родину? Если достойно, то в угоду кому и чему замалчивать это само по себе неординарное литературное событие?

Тема о человеке бездонна, безбрежна, безгранична. Подход к ней с узеньким диапазоном понимания создает лишь временный шумовой эффект. Литература на то и называется художественной, что она своим объектом исследования выбирает чрезвычайно сложные умственно-мыслительные и нервно-психологические параметры человека. Михаил Светлов, у которого Г.Айги занимался в семинаре в литературном институте им. М.Горького, видел в нем «пробивающееся солнце», заметив необычное в этом человеке: «Он, допустим, не мог бы показать обыкновенную собаку. Он обязательно должен был сделать из нее какого-нибудь ихтиозавра только для того, чтобы его собака лаяла не так, как другие ее сородичи» (с.19). Вот это, пожалуй, и есть «внутреннее видение», которое как раз и составляет специфику лирического стиха, неравнозначное умственному пониманию. В конце концов мы почувствовали потребность в реализации понятия человеческого фактора, чтобы он служил человечеству. Его следует понимать во всем, что свойственно человеку. Жизнь

настолько богата, широка и таинственна, что мыслящий художник, тем более поэт-лирик, не может не погрузиться в размышления о судьбе человека, его жизни и смерти, счастье и горечи, благоустроенности и неприкаянности и т.д. и т.п. Часто грубо и скверно писали о таком поэте, что нам с ним не по пути, ставя пример того, кто читателя лечил и воспитывал рифмованной политинформацией.

Рецензируемый сборник стихов имеет следующую структуру: введение переводчика, известного немецкого поэта Карла Дедециуса, в лирику Айги (с.7-20), Айги о себе (с.21-27), далее идут три цикла стихов Айги: Начала полян (стихи 1954-1959), Отмеченная зима (стихи 1960-1961), Поля-двойники (стихи 1961-1965) (с.33-106), заметка издателя (с.107), библиография произведений Айги на чувашском языке, его переводов на чувашский язык, произведений Айги за рубежом, статьи и отзывы о лирике Айги (с.108-110), а также список лирических произведений, опубликованных в издательстве Зуркамп.

К.Дедециус, рисуя обстоятельный литературный портрет автора, задается вопросом, откуда берет начало его лирика, откуда он сам. Далее идет его рассказ, что чуваши – наследники древнего булгарского народа сувар (сувас). В персидских источниках сувары называются белыми, или серебряными гуннами. В VI–XIV веках они составляли часть Булгарии и входили в состав волго-камского Булгарского государства. Даются статистические данные о численности чувашей, указывается принадлежность чувашского языка к тюркской семье языков. Чуваши до XIII века пользовались иероглифической письменностью, которая после татарско- монгольского нашествия исчезла.

Возникновение своего рода чувашского ранессанса Дедециус связывает с именем И.Я. Яковлева и его школой в Симбирске, где были заложены фундаменты чувашской литературы, музыки, изобразительного искусства, лингвистики, этнографии и истории. Из школы И.Я. Яковлева вышла целая плеяда чувашских писателей во главе с К.В. Ивановым.

В короткой рецензии нет возможности пространно говорить о художественно-эстетических взглядах Айги, выделяемых Дедециусом, а также словесно-выразительных средствах его поэти-

ки. Но при всем этом переводчик отмечает, что корни поэтологии Айги уходят в устно-поэтическое народное творчество. Дальнейший его рост как лирика связывается с влиянием Маяковского, Хлебникова, Бодлера, Волькера, Малевича и других (с.13).

Для полноты поэтического портрета Айги приведу слова поэтессы Беллы Ахмадуллиной, учившейся в литературном институте вместе с Айги, Она вспоминает, что о его стихах впервые услышала от Михаила Аркадьевича Светлова, от которого редко можно было услышать похвалы. Но юношу в лыжном костюме он не переставал хвалить. Потом сама убедилась: Айги – поэт, он является им (с.18-19).

Там, где Айги рассказывает о себе, встречаются весьма интересные факты. В 1948 году он впервые, еще мальчишкой, встретился с выдающимся чувашским поэтом-лириком В.Митта, когда он возвратился в деревню, работал сторожем колхозного горохового поля, куда ребята лазили воровать горох.

В память начинающего поэта врезалось благословение П.Хузангая на литературный путь.

С 1953 года Айги в Москве. Знакомство и дружба с Борисом Пастернаком оставили значительный след в лирике Айги.

По словам В. Козака, в современной русской лирике Г.Айги вне общего течения, но это касается только формы его творчества. В своем стремлении к выражению глубоко человеческих мыслей в единственно соответствующей своему таланту форме он один из немногих, которые поднимаются над многими стихотворцами.

Мы, в свою очередь, без колебаний можем сказать, что после стандартных конвейерных стихов поэзия Г.Айги кажется непривычной и нечитабельной, тем более его изобразительные средства, даже грамматика, поражают эмоциональной необычностью. Но тем не менее это искусство, которое выражает всевозможные интимные чувства и настроения. Скажу больше. У всякого талантливого художника есть определенный момент истины, за которым он охотится и который заставляет его выбирать не только своеобразные средства, но и синтаксис стиха:

Пускай я буду среди
вас

как пыльная монета
оказавшаяся
среди шуршащих
ассигнаций
в шелковом скользком
кармане:
звенеть бы ей во весь
голос
да не с чем
сталкиваться чтобы
звенеть.

Вот как показана острая боль памяти:

от близкого снега
цветы на подоконнике
странны...
и оконные рамы
будто вырезаны из
белой бумаги,
и там за ними,
около фонарей,
кружится снег
с самого нашего детства,
и будет кружиться,
пока на земле
тебя вспоминают и с
тобой говорят.

Поэзия Айги заслуживает того, чтобы литературоведы серьезно занялись ее исследованием, но при этом, думается им мало будет двух красок, черной и белой, чтобы вылепить эмоциональный портрет творца этой лирики:

уходит
как светлая нитка
дыханием в поле
и бело картонная гречка
срезается лесом
птицы словно соломинки

поднимают шум леса
на шеи
косички ее вдоль спины
наугад
словно во сне начинают
село
глядя на край каланчи
и там на юру на ветру
за сердцем далеким
дождя золотого
ель, без ели играет
в Ю без Ю.

В заключение хотелось бы выразить одно пожелание: Геннадий Айги должен плыть вместе со всеми в одной лодке чувашской литературы. Надо вернуть его.

М.ФЕДОТОВ, профессор.

«Молодой коммунист» №№ 124-126 (8418), 15 октября 1987 г.

Чувашская антология на итальянском языке

О "Чувашской антологии", изданной в Риме в 1986 году и составленной известным поэтом Геннадием Айги, писалось уже неоднократно. В газете «Известия» [№249 от 5 сентября 1986 г.] говорится, что «появление этой книги – одно из важнейших событий в истории чувашской культуры... Теперь философская мудрость чувашской поэзии, полной национального и человеческого достоинства, веры в незыблемость нравственных истин, стала доступной итальянскому и европейскому читателю».

Обширная рецензия критика А.Хузангая под названием «На языке Данте и Петрарки» была опубликована журналом «Вопросы литературы» [№ 11, 1986].

Собственный корреспондент в Москве газеты «Унита», органа Итальянской компартии, Джульетто Кьеза в заметке «Поэзия последних гуннов» [от 23 ноября 1986 г.] рассказывет о своей встрече с Геннадием Айги, о его деятельности по

популяризации чувашской литературы и его собственных творческих поисках, отмечает глубокие корни чувашской словесности, подчеркивая, что этим изданием «чувашская культура перебросила мост в Европу».

Думается, что читателям «МК» будет небезынтересно познакомиться с отзывам видного ученого доктора филологических наук М.Р.Федотова на это уникальное в своем роде издание «Чувашской антологии» в Италии.

В серии «Поэзия народов Поволжья» вышла в свет «Чувашская антология», составленная московским поэтом Геннадием Айги.

«Чувашская антология» представлена в следующей структуре: объяснительное предисловие Джанроберто Скарчиа; предисловие Геннадия Айги к итальянскому читателю, а также его обширный историко-этнографический очерк о чувашах, их происхождении, культуре и поэзии с обширной библиографией; чувашская устная народная поэзия: тексты, связанные с древней языческой мифологией, песни и речи; печатная чувашская поэзия XVIII–XX вв., начиная с 1767 г. по настоящее время; приложение о современном состоянии чувашской поэзии; прозаические тексты, а также иллюстративный материал.

Итальянское издание «Чувашской антологии» подготовили Джанроберто Скарчиа и Алессандра Тревизан.

Профессор Джанроберто Скарчиа – крупный ученый, литературовед, переводчик. Координирует направления иранистики, урало-алтаистики и кавказологии в Венецианском университете. По приглашению Академии Наук СССР неоднократно бывал в Советском Союзе.

Алессандра Тревизан работает в Институте французского языка и литературы при Венецианском университете. Автор ряда работ по русистике. Неоднократно приезжала в рамках культурного обмена.

Чтобы читатель имел ясное представление, как Г.Айги работал над антологией и какую при этом ставил перед собой цель, обратимся к некоторым местам его предисловия к итальянскому читателю: «Над этим сборником работал начиная с 1970 года.

Это – первая основательная антология чувашской поэзии, обращенная к иноязычному читателю. Мне пришлось просмотреть огромное количество фольклорных материалов. Тексты, связанные с древней языческой мифологией чуваш, весьма мало публиковались в самой Чувашии,– я изучал их и подготавливал для книги по изданиям венгерских и финских ученых, по труднодоступным публикациям первых чувашских этнографов и многочисленным неопубликованным записям... Читая и перечитывая почти всю печатную чувашскую поэзию, я тщательно выискивал все то, что может представлять интерес для европейского читателя... ряд текстов (особенно народных, из раздела «Песни и речи») представляет собой не подстрочники, выполненные буквально, слово за словом, а тщательные прозаические переводы, в которых я старался передать и внутреннюю интонацию произведений, а всевозможные оттенки мыслей и образов – иногда, вплоть до «импрессионистичности» (часто встречающейся в старой чувашской песне). Некоторые тексты (особенно современных авторов) приходилось и адаптировать, чтобы выявить и сохранить из них существенное и ценное среди длиннот и прямолинейной описательности. Разумеется, все это я старался делать бережно, без внесения чего-либо от себя (к тому же это касается текстов лишь некоторых второстепенных авторов).

Чудесной волей судьбы, первый выход чувашской антологии состоится на родине Данте. Это огромная честь для народа, к которому я принадлежу».

Обратимся теперь к «Объяснительному вступлению» профессора Джанроберто Скарчиа. Он пишет: «Отличительный признак Поволжского региона, этой, по словам Айги, «особенной России», состоит в совершенном совпадении его культурного самовосприятия с употреблением языка русского. И одновременное присутствие уровня национальных культур с этим свехнациональным лингвистическим средством не сводится просто к влиянию русской культуры на национальные культуры – Россия, в этом ее проявлении, – явление более сложное, интересное и полимерное, чем мы это признавали или хотим признать. Именно это пограничное культурное положение является особенностью таких культур, как чувашская, и в этом

смысле предлагаемая антология – плод особой «методологии» души».

Говоря, что советское востоковедение все более плодотворно проявляется углубленным вниманием и стремлением к «местам рождения» народных культур. Д.Скарчиа продолжает: «Для нас, ориеанталистов важнее всего обновленная констатация этой постоянной и драгоценной черты советского востоковедения в литературном воплощении, – в первую очередь, то его проявление, которое не питается внешним или внутренним высокомерием». Определяя это качество как совеобразный «классицизм возрожденного толка», профессор Д.Скарчиа отмечает, что это свидетельствует о «более сознательном и зрелом состоянии» всего советского востоковедения именно в силу его «послереволюционного положения».

Этот первый опыт перевода чувашской художественной литературы на итальянский язык, причем весьма удачный, достоин высокой похвалы. Его положительная сторона видна еще в том, что доброжелательные литературные связи служили и служат расширению и укреплению дружбы народов, обмену интернациональными культурными ценностями, значительными художественными произведениями.

В этой связи хотелось бы отметить особые заслуги Геннадия Айги в пропаганде чувашской поэзии в странах Европы в сотрудничестве с итальянскими, французскими, немецкими, венгерскими, югославскими, румынскими деятелями культуры и литературы. Кроме этого, ожидается в ближайшее время выход в свет чувашской антологии на польском и английском языках. Следует также добавить, что Геннадий Айги – автор десятка поэтических сборников, его стихи переведены на многие европейские языки. На его творческое становление имело большое влияние близкое знакомство и дружба с русскими поэтами Михаилом Светловым и Борисом Пастернаком, с выдающимся турецким поэтом Назымом Хикметом. В 1968 году Айги издал в чувашском переводе антологию «Поэты Франции» (от Франсуа Вийона до наших дней), за которую ему была присуждена премия Французской Академии. Ему также была присуждена в 1978 году премия Венгерского Агентства по литературе, театру и музыке (АРТИСЮС)

«за большой вклад в дело развития советско-венгерских культурных связей», он награжден также медалью «Памяти Эндре Ади», учрежденный Министерством культуры ВНР. За этими сухими сведениями – годы и десятилетия большого труда по пропаганде европейской поэзии среди своего народа, а также – достижений родной литературы среди иноязычных читателей.

Трудно сказать, какое впечатление чувашские стихи произведут на итальянского читателя, но в общем-то, пожалуй, не ошибемся, сказав, что произведения чувашских авторов при всей разноценности их идейно-художественных и эстетических качеств, имеют на себе печать самоотверженной преданности к своей малой родине – чувашскому краю. Истинная любовь – всегда и для всех великая привлекательность.

М. ФЕДОТОВ,

доктор филологических наук, профессор Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова.

«Молодой коммунист» № 80-88 (8382), 23 июля 1987 г.

В начале статьи на газете приписка самого Михаила Романовича: «Статья написана 17.05.86. В редакции над нею мудрили более года».

ПИРЁН ВАТ ЮМАН

Михала пиччене,–
М.Р. Федотова.
80 çул тултарнă тĕле

Юманлăх пек, юрлать,
кĕрлет,
Пурнать – чăваш чĕлхи,
Унра – телей, сăвап,
тивлет,
Çĕршыв хуйхи-суйхи.
Мĕн ĕнĕрлен-ши халь
унта
Эс, пирĕн ват юман?
Ара, хивре пурнăçунта
Мĕскер кăна курман...

Пиччем, çĕр çул
тултариччен
Вăю ан чактăр-и!
Эс – халăхăн ашшĕсенчен
Юлни – пĕртен пĕри.

Геннадий АЙХИ,
Чăваш халăх поэчĕ.
Кăрлач, 17, 1999 ç.

4.18. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Н. ИСМУКОВА «ТĂВАТЙĔРКЕН»

Николай Исмуков. Тăватйĕркен. Шупашкар. Салика, 1997.

Митта Ваçлейĕ мĕн Турă панă ĕмĕрĕнче КĂМĂЛТАН çырнă пулсан, Николай Исмуков, унăн трагедиллĕ пурнăçне ăша та чĕрене илсе, ТĂВАТЙĔРКЕН çырать:

Çыратăп сăвă чун савăннăран,
Çыратăп сăвă ăшăм çуннăран.
Митта, Митта, ытла эс çывăх маншăн,
Тен, хам шăпам пÿкле çаврăннăран... (15 стр).

Асăннă кĕнекере виçĕ ярăм: Хур тĕкĕпе çырнă сăввăмсем; Ахрăм; вырăсла куçарнисем. Кунта эпĕ "Хур тĕкĕпе çырнă сăввăмсем" ярăм пирки кăна сăмах хускатас терĕм.

Кĕнеке ячĕнчен пуçласа ярăпăр. "Тăватйĕрке" – çĕнĕ сăмах (неологизм). Унăн пĕлтерĕшĕ ансат, сăввисем тăватă йĕркерен тăнине курса каланă. Çавăнпа кĕнекине те "Тăватйĕркен" ят панă-тăр [вырăсла "четверостишие", французла "катрен". Тухăçри пек каласан, рубаи (рубаят) меслечĕ, капашĕ].

"Салика" сăмах пирки те калассăм килет. Кĕнекен юлашки страницинче çапла çырнă, Изд-во "Салика". Типография предприятия "Салика". Мари (çармăс) чĕлхинчен кĕмен-и Салика ят? Тутар, пушкăрт тата

ытти мăсăльманла халăхсем хушшинче Салиха ят питĕ сарăлнă. Вăл арабла хĕр ячĕ, арçын ячĕ çумне =*а* хушăнса пулнă, Салих "благой, праведный", Салиха "благая, праведная". Христос тĕнне кĕмен чăвашсем хушшинче Салих|Салик арçын ячĕ – халĕ те пур, анчах Салиха|Салика ят пирки татăклăн калаймастăп, мĕншĕн тесен, çын ячĕсем те манăça тухса пыраççĕ.

Николай Аверкиевич "Хур тĕкĕпе çырнă сăввăмсем" тени те вулакана шухăшлаттарма пултарать. Мĕн вăл тĕк. Н.И.Ашмарин словарĕнче тĕк сăмаха "пух, перо; волоски; шерсть (лошади)" тенĕ. Тĕслĕхсем нумай, тĕк антар е тĕк ÿкер "линять", тĕклĕ "перистый, мохнатый", тĕк-мамăк "перо-пух", тĕк тÿшек "перина", тĕклĕ алса "рукавица из овчины", тĕклĕ пăрça "вика", тĕклĕ çырла "крыжовник" т. ыт. те (15-мĕш том, 20-21 стр). Н.А.Исмуков чăваш чĕлхине витĕр пĕлет. Хур тĕкĕпе, паллах ĕнтĕ, çырма пулать, манăн вара автора хур шăммипе çыртарас килет. Итлер-ха халăх каларăшне, "Хур шăмми тытан хур пулман". Н.И.Ашмарин çакна калама çук тĕрĕс те илемлĕ куçарнă ,"Кто держит в руках перо (грамотей), тот не дает себя в обиду (не ударит в грязь лицом, не осрамится)". "Хур шăммипе çырнă сăввăмсем" тенĕ пулсан та автор çылăха кĕрес çукчĕ. Анчах хур тĕкĕпе те витĕмлĕ çырма пулать иккен:

Хур тĕкĕпе çырсан та, курăр-ха,
Сахал-и куртăм, чăтрăм хурлăха!
Чакак тĕкĕпеле çырам-и халĕ? –
Чун систĕр çывхаран хăрушлăха (4 стр.).

Пурăнăçа мухтатпăр, ăна чарăна пĕлми вăрçатпăр, анчах та мĕн тĕслĕ вăл? Унăн пылакĕпе йÿççи пур-и? Е хĕн-хур витĕр тухмасăр пурăнăç пăрăнăçне ăнланса илейместпĕр? Кама мĕн калас, кам чĕлхи-çăварĕ йышăнĕ сассăма, кам каçарĕ çылăхăма, тет автор çине-çине.

Пурăнăç иккĕ килмест, теççĕ. Апла пулсан, мĕншĕн ĕнерхи, паянхи, ыранхи пурăнăç тетпĕр? Паянхи кун куç умĕнчех тăрать пек, анчах тытма тăрсан вăл пĕр

самантрах тарса пытанать, хӳрине çеç вылятса хăварать.

Тата Вăхăт тетпĕр. Сăмахĕ пĕчĕкçеççĕ, пĕлтерĕшĕ вара! Анчах вăл мĕн иккенне те кам татса калани пур. Поэта итлер-ха:

Ĕнтĕ хĕвел тухать, хĕвел анать.
Пăхса тăрсассăн, пуçăм çаврăнать.
Ай-хай, пĕр кун каять, тепри килет,
Ĕмĕрĕме ката-ката илет (36 стр.).

Хута, çăкăр тутине манман çыншăн вăхăт çапла тĕвĕленсе пырать: талăк çумне талăк хушăнать те – эрне пулать, эрне çумне эрне хушăнать те – уйăх пулать, уйăх хыççăн пĕр çул, пилĕк çул, аллă çул, çапла вара ĕмĕр иртет. ВĂХĂТ никама та, ниме те хĕрхенмест, аслă çул хĕррине ывăтса хăварать вăл пире. Маншăн пулсан, вăхăт иртнĕ, саншăн пулсан, вăхăт çитнĕ, уншăн пулсан, вăхăт çитмен. Пурсăмăр та вăхăт çинчен калаçатпăр, анчах унăн тĕшне шĕкĕлчесе илейместпĕр:

Кунсем епле шуса иртеççĕ хăвăрт!
Хура çĕрте Пулер те Херсонес.
Мĕскер яланлăх тĕнчере; Эй, Вăхăт,
Ытла, ытла та хĕрхенӳсĕр эс (181 стр.).

Çĕр туртрĕ – йывăрлатрĕ утăма,
Лав тулчĕ – хистеместĕп утăма.
Анчах кунсем мĕн-ма кусаççĕ хăвăрт;
Мана пăрахсан – çăмăлланать-шим Вăхăт... (200 стр.).

Вăхăта кăна мар, кирек мĕнле абстраклă яналана ăнланайманни хамăра хамăр пĕлменнинчен килет. Çапах вăрттăнлăх арчине уçма пĕлкелекенсем пур, вĕсене поэтсем, теççĕ. Поэт-философ кирлĕ сăмаха тупса кирлĕ вырăна лартать те Вăхăт сăн-сăпачĕ яр уççăн курăнса каять. Илемпе илемсĕрлĕх, тĕрĕслĕхпе суялăх, ултавпа чăнлăх, савăнăçпа хурлăх, куçпа виçнипе кăна мар, чăн-чăн поэт чĕререн çыракан пуплевсем витĕр вĕри пит çинс шурă шăрçа пек куççуль тăкса пире вăратать. Поэтшăн çеç

мар, кирек камшăн та. Çак тĕнчери этем вырăнĕпе ĕçĕхĕлĕ çинчен шухăшлаттаракан кĕнекесем нумай-и пирĕн? Çук тесе калассăм килмест, анчах халичченхи сăнав çакна палла тăвать: ăспа, чунпа, ĕмĕтпе çырнă кĕнеке, мĕн кун çутти куричченех диктатурăпа винтовка çырнă приказсемлĕ гильотин пуртти айне лекетчĕ. Çав саманари ăсран-пуçран катăлнă "халăх" поэчĕсем кĕнеке хыççăн кĕнеке хăвалатчĕç, пĕлнĕ-пĕлмен мухтав юррисем юрласах преми хыççăн преми илетчĕç. Поэт "чаплă" лауреат ячĕпе çырнă пулмалла ак çак тăватйĕркене:

Мĕн-ма пăшăрханатăн пустуях?
Çамку çине лартан пĕрме хутламĕ.
Сан сăввусем, пуш çурт пек, пуш-пушах,-
Пĕр вăрă та унта кĕме шутламĕ (64 стр.).

Поэтăн иртнĕ кун-çулĕ чăнах та йывăр пулни курăнать, нумай сăвăсенче палăрать ку ырату:

Эп çынлăх пур-ха теттĕм çынсенче,
Çапла çырман-и Тур Кĕнекинче!
Такăнсанах мана тапса ўкерчĕç,
Ўксен – ташларĕç кăкăрăм çинче (167стр.).

"Тăватйĕркен"-ре ырă гуманизм мотивĕ уççăн та татăклăн янăрать, сăмахĕсем те кĕлĕри пекех:

Епле ан пултăр çынлăх çынсенче?!
Епле ан пултăр чунлăх чунсенче?!
Эп çаксене текех ĕненмесессĕн,
Ман пурăнни те уссăр çĕр çинче (2 стр.).

Паллах ĕнтĕ пурăнăç çăмăл япала мар. Ахаль каламан ĕнтĕ "пурăнăç – пăрăнăç" тесе: аван пынă çĕртех такăнатăн та тăкăрлăка кĕрсе ўкетĕн. Пĕртте писсимизм çук ак çак сăвăра та:

Чĕнмен-çке çут тĕнче мана ĕçке,
Ĕçсен те мухмăрĕ ун йывăр-çке.
Кун-çул апла та çăмăл мар, капла та,
Анчах вăл, пирĕн телее, кĕске (39 стр.).

Николай Исмукова ĕлĕкхишĕн пĕр йĕрсе, пĕр хурланса ларакан поэт теме ан васкăр, вăл ĕмĕтлĕ-çунатлă:

Аçам çине хурам аçа чула –
Асаилӳпе таткалам мар чуна.
Ĕмĕтĕме-çунатăма сарам та
Ыталаса илем килес куна (25 стр.).

"Тăватйĕркен"-ре авалхи тĕнчерен паянхи куна çитнĕ паллăран та паллă ăсчахсен, историксен, философсен ячĕсем тĕл пулаççĕ. Комментарисем пур, анчах та хăшпĕр ята çителĕклĕ "чăмласа" парайман темелле. Пĕр-ик тĕслĕх:

Кам пултарайĕ пӳлме
аслă хĕвел çаврăмне!
Çылăх, çырла пек пухсах,
тулĕ поэт кăмăлне.
Вилĕм тарне арăму
типĕтнĕ хыççăн сасартăк
Тытĕç те анĕç сана
Иосафат айлăмне (122 стр.).

Библи мифĕ тăрăх, – тет автор, – Иософат хăрушă сут тумалли вырăн. Эпĕ вара иудейсен пророкĕ Иоиль çырнине илсе вулаттарасшăн: "Я соберу все народы и приведу их в долину Иософата и там произведу над ними суд за народ Мой и за наследие Мое, Израиля, который они рассеяли между народами, и землю Мою разделили" (Иоиль 3,2).

Тата Тимур-Тимерлан пирки ик-виç сăмах калар:

Мĕнле хăватлă ăрăмлă пулсан та
Хăй шăпинчен кала кам иртни пур!
Çĕрте выртать, ав, кукăр мăйлă Сантăр*
Çĕрсе çĕр пулнă, ав, ухсах Тимур** (187 стр.).

Чăваш литературинче çак çыннăн ятне икĕ тĕрлĕ çырнине куратпăр: пĕри – Тимерлан (П.П.Хусанкай: "Тимерлан лашисем урпана тĕшĕреççĕ"), тепри – Тимĕр

(Н.И.Шелепи: "Уксах Тимĕр Пӳлере илни çинчен"). Вĕсем иккĕшĕ те тăван сăмахсем. Тимĕр сăмахăн хурăнташĕсем пур тĕрĕк тата монгол чĕлхисенче те пур. Тимерлан сăмахăн пулăвĕ ак çапла: арабсем Тимура йĕкĕлтесе, Тимур-ленг (вырăсла "Тимур хромец") тенĕ.

Çак форма Европа чĕлхисене Тимерлан формăпа кĕрсе юлнă. Çапла вара, Тимерлан, чăвашла каласан, Уксах Тимĕр тенине пĕлтерет.

Юлашкинчен çакна калăпăр: Кам вăл Николай Исмуков?

Ассăр ачалăх пуçтарнă
икĕ кĕсъе шур тетте,
Çамрăклăх çавăрнă та тытнă
шур çилхерен ĕмĕте.
Ăсăм та пулнă ăсмалăх,
сывлăх та пулнă сыпмалăх,–
Эп, Николай Исмуков,
чухăн пулман ĕмĕрте!!! (115 стр.).

Çапла вăл пирĕн поэтăмăр. Эпĕ вуласа, ăнланса пĕтерейменнине тепĕр ăсчах туса пĕтертĕр.

Телефон: 44-20-43. 11.01.98. М.Федотов, профессор.

Михаил Романович çырса пĕтерсе яланхи пек: дата, телефон, хушамачĕпе ятне, профессор тесе алă пусрĕ. Темле йывăр та питĕ кирлĕ ĕç туса пĕтернĕ чухнехи пек тарăннăн сывласа ячĕ, чунĕ çав самантрах çăмăлланса кайрĕ, ырă тăйăмсемпе тулса савăнăç çуратрĕ. Пĕртак шухăша кайса ларнă хыççăн, телефон трубкине тытса шăнкăравларĕ...

Тепĕр кунне – Николай Аверкиевич ăсчах килне пырса хăйĕн "Хур тĕкĕпе çырнă сăввăмсем" ятлă кĕнекине парнелерĕ, рецензи çырнăшăн тав турĕ, профессор аллине тытса хыттăн чăмăртарĕ.

Михаил Романович кĕнекене аллине илсе хуплашкине уçса пăхрĕ. Нимĕн те çырман иккен. Çавна туйса поэт: "Кĕнекеме пĕрер сăмах çырсах парам-ха, апла

кăмăллăрах пулĕ", – тесе, Николай Аверкиевич аллине ручкă тытрĕ.

Валентина Сергеевна поэт пысăк шап-шурă чуссăнкки (çăматă çине хăмăр тĕслĕ резина калуш) тăхăнса килнине асăрхарĕ. Питĕнчи йăл куллине пытарса тăраймарĕ, хăй ăшĕнче: "Чăваш поэчĕсем те шурă чуссăнкки тăхăнса çÿреççĕ иккен", – тесе шухăшларĕ.

Поэт кĕнеки çине тăрăшсах чăвашла çырчĕ: "Михаил Романовичпа унăн кăмăллă мăшăрне тав туса, ырлăх-сывлăх сунса, çитĕнÿсем сĕнсе",– авторĕ Н.Исмуков тесе алă пусрĕ. Кайран, пĕрер йĕрке аяларахра çапла çырса хучĕ:

12.01.98 ç.

---

* Александр Македонский

** Тимерлан

4.19. ВСТРЕЧА С ПРОФЕССОРОМ В.Г. РОДИОНОВЫМ

В троллейбусе встретились с профессором Родионовым Виталием Григорьевичем. Поздоровались. Разговорились. Я сообщил о создании и регистрации «Благотворительного фонда им. академика М.Р. Федотова Чувашской Республики». Рассказал о перспективах, о планах работы Фонда. Он заинтересовался. Я говорю ему, что планируем печатать научные труды и поставить бронзовый памятник на родине академика М.Р. Федотова, в Шемурше. Он говорит: «Хорошо бы поддержать и молодых ученых, аспирантов филологов». Я говорю, что в Уставе Фонда и об этом записано, в одном из пунктов по деятельности фонда и такой пункт значится: «…оказание помощи молодым аспирантам, студентам и ученым», но пока еще нет денег на лицевом счету. Мы пытаемся найти деньги и этими вопросами тоже будем заниматься.

«Ведь Михаил Романович был не только знаменитым ученым филологом, тюркологом. Мы выпустили под рубрикой «Па-

мятники словесности» книгу – литературно-публистические труды М.Р.Федотова в издательстве ЧГУ. Только сейчас воочию убедились, каким он был великим ученым, и не только филологом. Он был ученым большого масштаба, был разносторонне одаренным человеком: и социологом, и политологом, и культурологом, и историком чувашского языка, и переводчиком художественной литературы».

Я с радостью согласился с ним, разделяя его мнение. «Да, только сейчас поняли, какого Человека и Ученого мы потеряли... Какого великого Человека мы потеряли... Когда работали вместе, и не замечали этого человека, даже, можно сказать, не хотели его замечать. Был в плену, и поэтому не хотели с ним считаться. Но его и тогда трудно было не замечать. Он своими капитальными трудами по чувашскому языку и по истории чувашского языка, по взаимовлиянию языков Поволжского региона и Урала, но и по своим габаритам, по телосложению, как Улып, всегда выделялся среди ученых. Его не заметить было невозможно. Своей немецкой аккуратностью, подтянутостью и интеллигентностью он всегда выделялся среди коллег. И всегда требовал от своих студентов точности, аккуратности. Он никогда не участвовал в склоках между различными завистливыми воюющими между собою группировками ученых разного направления. Высказывал в печати свои взгляды, свое мнение по разным спорным проблемам и вопросам политики и языкознания. Всегда был открытым, не имел тайных и злых помыслов относительно других. И не мстил никому. Старался помогать и поддерживать молодых ученых, трудолюбивых».

4.20. НА ЮБИЛЕЕ АКАДЕМИКА

Конференция, посвященная 80-летию академика М.Р. Федотова, состоялась 20 января 1999 года в Зале Ученого совета в ЧГУ. На конференции председательствовал проректор Григорьев Николай Федорович.

Было много поздравлений в адрес Михаила Романовича из разных вузов не только Чебоксар, но и Москвы, Казани, Йошкар-Олы, Саранска и других городов.

Приведу некоторые выдержки из выступления президента Национальной Академии науки и исскуства ЧР Леонида Николаевича Иванова:

«Уважаемые товарищи! Коллеги!

Уважаемый Михаил Романович!

Разрешите мне как президенту НА науки и исскуства ЧР от имени президиума названной академии сердечно, тепло, очень тепло поздравить нашего уважаемого Учителя, аксакала чувашской и российской науки со знаменитой датой, юбилеем – 80-летием!

Я должен сказать, что Михаил Романович, человек гениальный… Подтверждением тому могу привести ряд примеров, прежде всего то, что в возрасте 80 лет создает труды, всемирно известные свои монографии… Это и говорит о его гениальности. Это выдающееся явление в жизни человека! Мало кто может гордиться такой созидательной способностью, такой талантливостью в таком возрасте. Это человек действительно гениальный.

Я могу сослаться на ряд примеров. Будучи в Болгарии, в Софии, когда мы встречались в министерстве образования, ко мне подходили болгары и в первую очередь спрашивали: «Знаю ли я ученого Михаила Романовича Федотова?». «Я говорю, знаю, мало того, что знаю, вместе состоим и работаем в одном учреждении. Меня просили передать привет. И я после приезда на родину передавал привет Михаилу Романовичу. Он знает об этом.

Много было и других встреч. Когда я выступал в других городах в Болгарии, один журналист спрашивал: «Почему Михаил Романович Федотов не приезжает в Болгарию?». Я кое-как дал едва ли вразумительный ответ этому журналисту, поскольку для общения ученому такого масштаба как Михаил Романович, не должно быть никаких ограничений. Но к сожалению, мы живем в такое время, когда приходиться ссылаться на этот дефицит.

Как члену комиссии по Государственным премиям ЧР, мне приходиться выбирать и голосовать за кандидатов на Госпремию. Когда обсуждали вопрос о Михаиле Романовиче, все говорили:

«Знаем, знаем!» – остается только голосовать за его кандидатуру.

Так же и по премиям Государственного университета. Все его труды проходят без сучка и задоринки. Практически обсуждать не приходится, только голосуем. Поскольку его труды являются настольной книгой каждого ученого, каждого академика».

Мне хочется еще привести несколько поздравительных слов академика Димитриева В.Д. в адрес юбиляра. Он говорил на родном языке:

– Михаил Романович! Валентина Сергеевна! Хисеплĕ ырă çынсем! Михаил Романович тусĕсем, юлташĕсем!

Михаил Романович чăн-чăн ăсчах, питĕ паха тĕслĕх пулнă вăл пирĕншĕн. Нихăçан та пуçлăха ларасшăн çунман вăл. Пенси çулне çитсен профессор-консультага тухрĕ те, пĕтĕм хăйĕн вăй-халне пысăк томсем çырма пачĕ. Обществăлла ĕçсене те хутшăнсах кайман. Михаил Романович пек пысăк ĕçсем çыракансем чăннипех те сахал ĕнтĕ. Михаил Романович çырнă кĕнекесем ĕмĕр-ĕмĕрех тăрса юлĕç, ĕмĕрсем иртсен те нумай çынсене вĕренме, ăс илме пулăшĕç.

Пĕр 25 çул каялла Михаил Романовичпа пĕрле СССР ăслăлăх академийĕнче ирттерекен историксен конференцине Мускава кайнăччĕ. Пирĕнпе пĕрле В.Каховский те пынăччĕ. Унта «Чăвашсем мĕнле пулса кайнă пирки» тухса калаçма та тӳр килчĕ пире. Вырăс академикĕсем пире: « У вас еще оказывается среди чувашского народа богатыри не вывелись»,– теççĕ. – Вот один из богатырей», – теççĕ Михаил Романович çине кăтартса.

Пушкăрт енне те пĕрлех кайма тӳр килнĕччĕ. Михаил Романович ун чухне пирвайхи хут кайнăччĕ. Михаил Романовича курсан: «Улăпсем чăннипех те пĕтмен-çке!» – теççĕ пушкăртсем те...

Воспоминание о конференции десятилетней давности записал в ноябре 2009 года Владимир Терентьев.

Глава 5

ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ ОБ АКАДЕМИКЕ М.Р. ФЕДОТОВЕ

5.1. ВĂЛ МАНА ХĂЙĔН ПЕК ÇЫРСА ĔÇЛЕМЕ ВĔРЕНТРĔ

Владимир Михайлович Терентьев аса илĕвĕнчен

1984 çул.

– Эсĕ гонораршăн çырмастăн пулĕ те?

– Çук, гонораршăн çырасшăн мар çав... Чун ыйтнипе çырма тăрăшатăп.

– Апла пулсан, пичетленме ан васка... Кайран та пичетленен. Хальхи çыракансенчен вăхăт иртнĕçем шăрши-марши те юлмасть. Вĕсем халь пĕр-пĕринчен ĕçесшĕн те, гонораршăн та пичетлеме пултараççĕ. Пединститутран пĕр философ анчах философипе кандидат диссертацийĕ хŭтĕлерĕ. Вăл питĕ аван, философиллĕ сăвăсем çырать. Çавна та пичетлемерĕç (Исмуков Николай пирки пырать ĕнтĕ сăмах. – *В.Т.*). Хăй калать: «Килсе ыйтĕç-ха хăйсемех, эпĕ ыйткалакан пек çŭреместĕп... Ĕлкĕретĕп хăçан пичетлесен те», – тет.

Манăн тĕпчев ĕçне те «Чăваш чĕлхи аталанăвĕ» статьяна кĕскетсе, хăйсем çинчен хушса çырса пĕтернĕ «Ялав» журналта. Килĕшмерĕм. Урăх ан та ыйтăр, урăх сăмах та ан хускатăр статьяна пичетлес пирки, тесе çырса ятăм аслă редакторне. 100 тенкĕ гонорар пулать, теççĕ... Фотоўкерчĕкпе, икĕ страницăра... «Эпĕ укçашăн çырмастăп, манăн тĕпчев ĕçĕсем вĕсем», – терĕм тет Михаил Романович.

Михаил Ивановичсене аса илтĕмĕр. Вĕсем патне килне шăнкăравлатăп, Нина Федоровна: «Его нет!» тет. Тепĕртакран каллех шăнкăравлатăп, хальхинче те: «Нет!» тет. «Что вы больше других слов не знаете,

кроме слова: «Нет!?» – тетĕп. Вăл телефон трубкине пăрахрĕ. Вĕсем патне кайрăм. Кĕтĕм те, Нина Федоровна калать: «Что мне плясать, что ты профессор?» тет. «Ах! Так!? Вы еще не знаете что такое профессор!» – тетĕп... Çавăн хыççăн чирлесе кайрăм. Халĕ те сывалсах çитеймен-ха.

Пĕррехинче тата Мишапа килнĕччĕ, ман кабинета кĕчĕç. Стена çинчи портрета курчĕ те: «Миша, нам тоже такой портрет надо заказать. За сколько сделали? Сколько заплатили?». «Ни сколько... С одной стороны, для художника это – работа, творческий подход, искусство, а с другой – почетный подарок, в знак уважения».

– Вот мĕнле вĕсен хĕсĕк, пĕчĕк чун, кашни утăмнех укçапа виçеççĕ. «Пирĕн ачасене асăнма юлать», – тет. «Мĕншĕн? Суту-илӳ майри тесе каламалла-ши?»

– Кунта килсе çӳре... Ялан калатăп сана, килсе çӳре, – тесе... Кĕнекесем пур, ĕçле, çыр, чару çук...

– Библиотекăсенчен те илме пулать, сире ялан чăрмантарасси. Тепĕр тесен, Илпек патне те ялан чăрмантарасси тесе çӳремерĕм. Вăл мана питĕ прозăпа ĕçлеме вĕрентесшĕнччĕ. Эпĕ Таджикистанра чухне вилсе кайрĕ.

– Вăл выçăллă-тутăллă пурăнчĕ темелле. Гонорар илсен, пур чухне, пурла – сыпатчĕ, çук чух – выçă ларатчĕ. Унăн ытлашши произведенийĕсем те çук вĕт, Чăваш халăх писателĕ ятне илчĕ çавах.

– «Хура çăкăрĕ» аван кĕнеке... Унта ĕлĕкхи чăвашсен пурăнăçне çырса кăтартнă. Ĕненмелле çырнă, хамăр енчи ялсенче пулса иртнĕшĕн-ши, чĕрене çывăх туйăнать.

– Ятне те хамах патăм, эпĕ ун пирки çынсем умĕнче никама та каламан. Хăйĕнне пĕрле чухне кăна калаçаттăмăрччĕ.

– Темле ят памалла ĕнтĕ: «Ыраш çăкăрĕ», «Тулă çăкăрĕ», – текелесе тăрать.

– Мĕн, мĕнле ят? – тетĕп... «Хура çăкăр» пулмасăр! терĕм. Кайран килчĕ те: «Митта Ваçлейĕ те сан пекех калать, «Хура çăкăр» ятлă пултăр», – тет.

Митта çырнă пек:

Мухтав та пехил ĕмĕр-ĕмĕрне,
Тарпа тăварланнă ыраш çăкăрне!

«Ыраш çăкăрĕ» пулсан та, темле шĕвекрех пек илтĕнет, техĕмлĕхне, çăкăр хакне чакарать темелле-ши. «Ыраш çăкăрĕ» пулсан, «Тулă çăкăрĕ» те пулмалла пек, тата ытти кулачă, пӳремечĕсем те... «Хура çăкăр» вара чăн-чăн хура халăх ĕçлесе, выçăллă-тутăллă пурăнакан, асаплă хура халăха аса илтерет.

– «Тимĕр» автобиографиллĕ романĕ те аван кĕнеке, хăйĕн çинчен мĕн пĕчĕкренех асра юлнисене çырса кăтартать...

Сăвăсене Михаил Романовича кăтартрăм. «Аван çыратăн», терĕ. «Пĕр пек сăмахсем нумай! Чун, чĕре... Ашмарин словарĕпе лармалла, ĕçлемелле... Пĕр «чун» сăмахĕ кăна унта темиçе пĕлтерĕшпе çырăнма пултарать. Ашмарин словарьне уççах кăтартрĕ. Çавăн чухне: «Ак çапла карточкăсем çырса картотекă ту»,– тесе каларĕ,– вара санăн ĕçлеме кирлĕ хатĕр сăмахсем, йĕркесем пулсах тăраççĕ. Словарьсемпе ашпаланма карточкăсемсĕр май килмест. Кашни сăмахăн уйрăм карточкă пулмалла. Мĕн чухлĕ ĕç! Калама кăна вĕт!».

Хальхи поэзи пирки сăмах хускатсан: «Хальхи сăвăçсем вĕсем «Коммунизм ялавĕ» хаçатран уйрăм предложенисене илсе строфана çыраççĕ те, сăвă пулса та тăчĕ. Ак çакăн майлăрах:

Ялавсем йăтса тухатпăр урама,
Коммунизм тума.

Çавăнпа вĕсен сăввисем те политплакат евĕр илтĕнеççĕ: пĕр енчен – пуçа ватса шухăшламалла мар, тепĕр енчен илсен – çӳлтисем хушнă пек çырни те пур. Пурте куç умĕнче. Йĕркеллĕ вĕсен шучĕпе. Çавнашкал сăвăсене ничетлеççĕ хальхи вăхăтра.

Элкер урамĕнчи хваттерĕнчен тухса «Е» корпус патне çитичченех утса, калаçса килтĕмĕр.

Тепĕр кунне, шăматкун, «Володя, килме пултаратна ман пата?» – тесе ĕçе шăнкăравларĕ. «Каçхине 7 сехетсем хыççăн анчах пыма пултаратăп, тетĕп». «Юрать. Кил. Инструментсем илсе кил... «Коммунизм ялавĕ» хаçата вуланă-и? Çырăнса илетне?». «Çук», – тетĕп, – вуламан». «Унта пĕр статья çырса кăларнă». «Ман статьяна пичетлемен-ши? терĕм». «Çук, сан статью мар. Халь каламастăп, килсен вулаттаратăп. Телефонпа каламалли мар вăл, Михаил Иванович çинчен».

Каçхине 7 сехет хыççăн шăнкăравларăм Михаил Романович патне. – Володя, эсĕ-и? Килетне? – тесе ыйтрĕ.

– Ĕçе пĕтертĕм, пыратăп, – тетĕп.

– Кил, кĕтетĕп вара, – терĕ Михаил Романович.

Киле çитсе хывăнса тумлантăм та, кăшт-кашт хыпкаланă хыççăн кайма пуçтарăнтăм. Оля пырса уртăнчĕ яланхи пекех. Хам патăмран каясшăн та мар. Ытаклать: «Папа! Папа!» тесе кăна тăрать. Епле савăнмăн? Анне те хĕпĕртенĕ, уçă кăмăллă. Тухса кайнă чухне те Оля йĕрсе юлчĕ. Вера калать: «Паян килетĕн пуль вара?». «Килетĕп пуль»,– тесе тухса кайрăм. Эпир ун чухне Кошкинăра пурăнаттăмăрччĕ. Богданкăна утса тухмалла, унтан троллейбуспа... Михаил Романовичсем патне 20 сехетсем иртсен кăна çитрĕм, 23-мĕш автобуса нумай вăхăт кĕтмелле пулчĕ.

Шăнкăрав тăммине икĕ хутчен вăрăммăн пусрăм. Шалтан хыттăн сасă илтĕнчĕ: «Володя-и!? Атя, кĕр», – тесе вăл алăкĕсене уçрĕ.

– Аха, эпĕ килтĕм-ха, – тетĕп.

– Салтăн, атя... Хывăн. Вăл ман валли урана тăхăнмалли тапочкисем тупса пачĕ. Çакна тăхăн, – тет.

– Юрать, ан чăрман маншăн, – текелетĕп.

– Акă статьйи. Вула. Веçех вула, тăрăшшĕпех. Эпĕ унччен каçхи апат ăшăтатăп, – тесе кухньăна кайрĕ.

Горплодоовощторг директорĕ Чернов Николай Гаврилович пирки фельетон пичетлесе кăларнă. Михаил Иванович çинчен те кăштах çырнă. Ленинский районный суд решенийĕсемне килĕшмесĕр директор Михаил

Ивановичăн пĕтĕм çемьйине пĕрле ĕçлеттерет. Арăмĕ те, кĕрĕвĕ те пĕрлех ĕçлеççĕ, тенĕ. Мĕнле мухтамăн çавăн хыççăн директора?

Сĕтел çинчи лампине тӳрлетрĕм. Çутса пăхрăм, ĕçлет йĕркеллех.

– Эпĕ хăрушăрах çырнă пуль, тесеччĕ, нимĕнех те çырман-çке, – тетĕп Михаил Романовича.

– Çавăнтан пуçланать те ĕнтĕ... Чи-ма, ку малтанхи кăна. Çапла сăмах кăларса тĕрĕслесе пăхаççĕ. Çынсем мĕн шавлаççĕ? «Сăвăс йăвине» сапаласа ярсан, такам ĕçлеме пуçлать вĕсемпе тата темле директор пулать. Эпир вĕсем çавнашкал пулнишĕн савăнмастпăр, çынсем пек пурăнччăр,– тетпĕр. Арăмĕ вара ылтăнĕсене шута хума пĕлменнипе кашни пӳрни çине икшер-виçшер çĕрĕ çакса ярать. Äçта, кама кăтартать хăйсен пуянлăхне? Çынсем ахалех кураççĕ, шăл хăйраççĕ. «Кăшт пытарсан аванрах пулĕ»,– тенĕ Валентина Сергеевна. Äна та çавăнпа çиленнĕ.

1985 çул.

Февралĕн 23-мĕшĕ ячĕпе открыткă ятăм. Çав кун манăн иккĕмĕш ача çуралчĕ. Открыткă çине салампа пĕрлех çав хыпара та пĕлтертĕм. Кайран шăнкăравларăм та...

– Тавтапуç, Володя, открыткăна илтĕмĕр... Хăçан тухаççĕ больницăран? Олине те пырса кураймарăм-ха, тем пекех пыраспăн та вĕт... Пĕчĕкки мĕнле унта?

– Аванах, – тетĕп.

– Олипе килсе кайăр-ха пĕрре. Ма килсе çӳреместĕр? – тет. Курас килет пурсăра та.

Мартăн 8-мĕшĕ ячĕпе Валентина Сергеевнăна саламларăм. Хыпар-хăнар пĕлмелле тесе шăнкăравларăм та...

– Володя, эсĕ те килсе çӳреместĕн, чирлесе ирттертĕм, халĕ те пуç ыратать-ха... Сан саламна Валентина Сергеевна илчĕ. Хирĕç çыраспăнччĕ те, тем, çыраймарĕ пуль-ха.

Шухăша кайрăм... çулла та вĕсен дачине панулмишĕн кăна сеткă е сумкă йăтса пырса каяттăм. Яланах Валентина Сергеевна сумкăсене тултарса парса яратчĕ. Хамăра кирлĕ чухне çеç çÿренĕ.

Ваттисене мĕнле те пулсан пулăшмалла мар-и? Хуть вĕсем патне час-час кайкаласа килмелле, курса калаçкаласан та чунĕсем пусарăнĕччĕç.

Апрелĕн 24-мĕшĕнче дачинче пуль тесе кĕтĕм. «Акă кĕнекÿне илсе килтĕм, алă пусса пар-ха...», – тетĕп Михаил Романовича. «Эпĕ сана ку кĕнекене паман-и вара?». «Çук», – тетĕп. «Апла пулсан, ыран илсе килетĕп, манса каймасан. Ку кĕнекÿне юлташусене парнеле ман ятран. Ыран ирхине кĕр!»,– терĕ. Эпĕ ĕçе васкаттăмччĕ.

Ирхине кĕтĕм те... «Манса кайрăм, – тет.

– Мĕн манса юлать-ха, – тетĕп. Ниепле те аса илеймерĕм... Çапларах пуль çав, ватăлтăмăр... Ыран ирхине кĕр, ĕç хыççăн. Хальхинче манса каясран çырсах каятăп».

Тепĕр ирхине кĕтĕм. Валентина Сергеевна пĕлĕм пĕçерет. «Юрать вăхăтра çитрĕн. Эпир тухасшăнччĕ ĕнтĕ... Лар, пĕлĕм çитеретĕп», – тет. «Юрать, тавтапуç»,– тетĕп. «Лар! Лар! Аннене куртăм тĕлĕкре. Хăй патне чĕнет... Вăхăт та çитсе пырать пуль», – тет вăл тараватлăн. «Мĕн чухлĕ çиен, çавăн чухлĕ пĕçеретĕп... Нимĕçсем çав енчен питĕ тирпейлĕ вара. Шалккă мар...». Пилĕк-ултă пĕлĕм çупа пуçса çирĕм пуль. «Çисе яр!» – тесе çеç тăрать Валентина Сергеевна,– ан хăвар!». «Çапла асăнмалла ваттисене, ан манса кай вара ăна»,– тет. Кăштахран Михаил Романович та кĕнекине çырса тухрĕ. «Аннÿсене, çемьйÿсене пурне те салам кала», – тесе ăсатса ячĕ.

Июнĕн 9-мĕшĕ, 1985 çул.

Паян, 9 сехетсем хыççăн Михаил Романович натне хваттерне шăнкăравларăм. Килĕнчехчĕ. Нумайччен калаçрăмăр.

– Шурăпа Валентина Сергеевна килсе кайрĕç-ха, –

тет. Лерех, дачăрах пурăнаççĕ. Эпĕ ирхине 9 сехетрен ĕçлеме пуçлатăп та, кăнтăрла иртиччен, виçĕ сехетченех ĕçлетĕп. Кашни кунах çавăн пек ĕçлетĕп. Унтан Щорса, дачăна каятăп. Хăвăрăн çемье мĕнле тăрать?

– Аванах. Ольăна Верăсем патĕнчен илсе килтĕм те яла, асламăшĕ патне леççе ятăм.

– Питĕ аван, ăна унта лайăхрах пăхаççĕ... Пĕчĕкки те пысăкланать пуль?

– Пысăкланать, 1300 хушнă тесе пĕлтерет амăшĕ, тетĕп.

– Ĕçӳ мĕнле? Çыркалатна?

– Аванах темелле... Аппаланкалатăп.

– Çыр! Çыр, ĕçле, – тет Михаил Романович мана хавхалантарса. Эпĕ те малашне пулăшма тăрăшăп. Хальччен пулăшман. Талантсене пулăшмалла теççĕ, талант маррисем хăйсемех çул уçаççĕ: пĕрисем – кăшкăрашса, теприсем – чавсапа чыпкаласа.

– Эпĕ çыркаланисене хăш-пĕр çынна кăтартрăм та, мухтаççĕ...

– Унчченех каланăччĕ вĕт ĕнтĕ, аван, ĕçлесен пулать, тесе. Халь эс тытăннă кăна, санăн малашĕ. Эс ĕçместĕн...

– Çук, шутламастăп та.

– Питĕ аван! Эпир асаттӳ вил тăприйĕ çине кайса килтĕмĕр иртнĕ кунсенче. Çавăн чухне Миша, ак çакăнта, çак çуртра 5-мĕш хутра пурăнаççĕ Володьăсем, терĕ. Богдан Хмельницкий урамĕнче, теплица çумĕнчи çуртра ĕнтĕ. Вăл сăвăсемпе аппаланать, тет.

– Аппаланать кăна мар, унран аван çыравçă пулать,– терĕм эпĕ. Кăнтăрла хыççăн каллех унта, Щорса каятăп, кăнтăрлахи аната. Кашни кун çавнашкал. Валентина Сергеевна унтах чакаланатчĕ-ха. Эсĕ партийный билет илтĕн-и?

– 13-мĕш числорах илтĕм, – терĕм.

– Аван, малашне парти енĕпе те ӳсме пултаратăн.

– Пĕрремĕш курс пĕтертĕм ĕнтĕ, Университет марксизма-ленинизма – парти енĕпе.

– Эпĕ те ав, Галя ĕçĕсемпе чупса çӳрерĕм, нихăçан та вĕренсе пĕтерейместчĕ ĕнтĕ вăл. Юрĕ... дипломлă пултăр, терĕм. Витяпа курса калаçкалатна?

– Çук, курман та, калаçман та.

– Темĕн, Люби пирки япăх калаçаççĕ... Эх çавсене яланах темĕн çитмест ĕнтĕ. Лешĕн те чĕлхи аван, чĕлхеллĕ хĕрарăм. Ну, юрĕ, ыран ĕçлетĕн пулсан, калаçăпăр тата... Юрать. Ыранччен.

– Валентина Сергеевнасене салам калăр.

– Юрать, тавтапуç. Саламлатăп.

Майăн 22-мĕшĕ, 1986 çул.

Тунтикун Михал тете патне ал çырăвĕсене кайса панăччĕ, «Кĕçнерникун кил, пăхса тухăп, унччен вăхăт çук»,– тенĕччĕ.

– Ыран «Пичет çуртне» каятăп, пичетлемелли материалсем пур, санăн ал çырăвне «Тăван Атăл» журнала кайса парас... Паллаш Маловпа, вăл критика ертсе пырать унта. Сана кирлĕ пулма пултарать.

– Малтан ху вуласа тух-ха, тен унта илсе çӳремелли статья та мар вăл.

– Пĕлетĕп ĕнтĕ эсĕ мĕнле çырнине... Юрать, пăхса тухăп... Кĕçнерникун кил вара.

– Миçе сехетсенче?

– Кăнтăрла хыççăн, яланах кунта, дачăра пулатпăр, – тет.

– Юрать апла.

Кĕçнерникун каллех килтĕм. «Халь кăна çитрĕм-ха», – тет. Вĕсем пахчараччĕ. Валентина Сергеевна сак çинче ларатчĕ. Михаил Романович сад пахчинчи илемпе киленсе çӳретчĕ, аллисемпе саркаланса. Улма йывăççисем шап-шурă чечекре.

– Вот мĕнле хитре! – тетĕп сывлăх суннă хыççăн.

– Ĕçлемесĕр пулмасть вĕт çавă, – тет Валентина Сергеевна.

– Паллах çук, – тетĕп унпа килĕшсе, – хитрелĕхшĕн тата нумайтарах ĕçлемелле, тата нумайтарах вăй ху-

малла. Чун парса ёçлесен çеç хитре пулать, тетёп. Эпё килнипе Михаил Романович савăнсах кайрё.

– Володьăна кăтарт, звонок ёçлемест тет-и?

– Юрать, пăхăпăр.

– Помидорсем сарăхсан та сивве чăтса ирттерчёç çав пленкă айёнчех, – тет Валентина Сергеевна.

– Тымарёсем аванах пуль-ха, чёрёлёç, – тетёп.

– Эх! Мёнле чун савăнать, – терё тепёр хут Михаил Романович пахчари чечеклё улма йывăççисем çине пăхса.

– Чунна кăна савăнтаран çав эс, нимён те тытса тумастăн, – тесе мăкăртатать Валентина Сергеевна.

– Мана нимён те кирлё мар. Мана çак дача кирлё-и? Вăл мана нихăçан та кирлё пулман. Ёçе çеç тытса тăрать, ёçсене çеç чарса тăрать. Мён çитмест, çиме çитмест-и? Халь магазинсенче тем те пур. Кирлё пулсан, каятăн та мён кирлине илетён.

– Туса парсан кăна, сётел çинче чухне çеç, нимён те кирлё мар. Çук чухне пурте кирлё, – хăйённех перет Валентина Сергеевна.

– Атьăр, кёрёпёр, – тет Михаил Романович. – Звонокне пăхăн-ха. Сан хăвăнпа нимён те çук-и? Нимёнле инструмент та илсе килмерён-и?

– Çук çав, юрать, халлёхе каплах пăхăпăр.

– Эс те арçын вёт, сана пăхсан юрамасть-и? – тет Валентина Сергеевна хивреленсе.

– Эп мён пёлетёп электричествăна? Нимён те пёлместёп, çавăнпа перёнместёп те.

– Юрё, юрё... Пăхăпăр, – тетёп вёсене çураçтарма тăрăшса.

Эх! Михаил тете, эпё сана питё аван ăнланатăп, шутламан та сирён пурăнăçăр та çавнашкал, тесе. Ман арăм мăкăртатни, юрать-ха ёнтё... Эпё нимёнле наллă çын та мар. Санăн вёт кёнекўсем полкăсем тулли... Апла пулсан та чыслани, хисеплени çук. Профессор, – тесе ют çынсем хисеплеççё... Мёншён пирён çумри мăшăрсем хисеплеме пёлмеççё-ши?

Кашни кĕнекиех иксĕрĕн вăй-халпа пулнă япаласем. Çиме, ĕçме пĕçерсе памасан, выçă чухне çырăнмаççĕ вĕт вĕсем. Кашни кун сĕтел хушшинче тăрмашса ларса, тухмасăр ĕçлесен çеç çавăн пек пысăк та пархатарлă ĕççем тума пултарăтăн. Çынсене, тăван халăха кирлĕ ĕç. Çавăнпа та хăв та халăх чунĕнче, халăхăн асĕнче юлатăн.

Пирĕн арăмсем хăйсене: «эпĕ кам?» тесе калаттарасшăн-и? Тыл çирĕп пулсан кăна çĕнтерме пулать! Мĕнле ăнланмастăр эсир?! Эсир пулмасан, эпир сĕтел хушшинче ларса та ĕçлеймеслĕмĕрччĕ-и, тен? Эпир тăвакан ĕçре сирĕн тӳпе те сахал мар, тăванăмсем... Ăнлансамăрччĕ çавна тарăхасшăн...

Пире хирĕç калаçса, шухăш-кăмăла, çырас хастарлăха пĕтеретĕр, ĕçлеме чăрмантарса вăхăта сая яратăр. Çавна ăнланма тивĕç ĕнтĕ эсир... Эх! Хĕрарăмсем... эсир пурте пĕрешкел пуль çав... Хĕрарăмсен психологине улăштарма йывăр пуль. Куллен çапăçмалла, хирĕçсе калаçмалла. Урăхла май çук-шим? Е хăвăр çинчен манса каясран, «эпир те çут тĕнчере пур!» – тесе сас пани-и вăл сирĕн? Мĕншĕн аван кăна пулмастăр-ши?! Пире ырă кăмăл-туйăмпа ĕçлеме хавхалантарса тăмастăр-ши?

Йывăр-çке сирĕнтен: «Нимĕн те тумастăр!» – тесе каланине илтме. Кунĕн-çĕрĕн ĕçлекен çынна çавнашкал каланине илтме пушшех те йывăртарах. Пĕр-пĕрне кăштах та пулсан сума сăвасчĕ те çав... Çук, кĕтсе илеймеспĕр пуль...

5.2. АЧАСЕНЕ ПИТĔ ЮРАТАТЧĔ

Федотов Федяпа Зина аса илĕвĕсенчен

Миша Патăрьелĕнче вĕреннĕ чухне, амăшĕ вилсен, килĕнче çăкăр тавраш пĕçерекен те пулман малтанах. Федотов Федясем умĕнчен иртсе кайнă чухне: «Çăкăр

илсе кай, Мишша!», – тесе калаттăмăрччĕ. «Хырăм тутă пулсан, вĕренес килмест вара. Выçă хырăмпа кăна вĕренме пулать», – тесе хуравлатчĕ вăл яланах.

Михаил Романовичпа Михаил Иванович Федотов Федясем патне Пуянкассине çăмăл машинăпа килсе тухаççĕ. Михаил Иванович: «Эпĕ Михал тетене лартса çурес тесе шофера вĕренсе тухрăм», – тетчĕ. Пуртне кĕреççĕ. Пĕчĕк Алиса алăк аякĕ çумне таянса тăрать.

– Алиса, мĕншĕн чĕнместĕн? – тесе ыйтать Михаил Романович ун умне пырса.

– Каласмастăп та эпĕ санпа, жвачкă та илсе килмерĕн, – тет Алиса пуçне урăх еннелле пăрса.

– Апла пулсан, çиччас çитетпĕр, – тесе машина патне каялла тухрĕç. Часах машинине хускатса лавккана кайса жвачкăсем илсе килчĕç.

– Маттур хĕрача эсĕ, Алиса, ăслă пулатăн, турĕн калатăн... Ачасем валли нимĕнсĕр хăнана килмеççĕ ĕнтĕ, тĕрĕс каларăн, – терĕ ăна Михаил Романович пуçĕнчен шăлса.

Вăл пысăк ученăй пулсан та хăйне пысăка хуман. «Сана ăçта вырăн сарса памалла?» – тесен. «Ав урайне, çĕнĕ улăм сарăр та, пулчĕ те», – тетчĕ. «Урайĕнче урана тăсса яма та пулать». Вăл пысăк çынччĕ те-ха, пирĕн кроватьсем ăна кĕске те пулнă пуль. Хăйĕн ачи пулман та: «Одеялĕнчен те ача шăрши кĕрет вĕт-ха, мĕнле тутлă», – тетчĕ. Вăл ачасене питĕ юрататчĕ.

«Мĕншĕн арăмна пĕрре те илсе килсе кăтартмастăн?» – тесе ыйтсан. «Вăл кулак хĕрĕ пулнă. Чăвашсене юратмасть вăл майра», – тетчĕ. Эпир вара ун хыççăн урăх ыйтусем парса чăрмантарман та. Хăйĕн патне те Шупашкара, хăйĕн килне те илсе кайса кăтартман вăл. Эпир те тархасламан, ун пирки сăмах та хускатман вара. «Юратмасть пулсан, мĕнле пырса кĕрен çав майра патне», – тесе шутланă. Михаил Романовича пăшăрхантарас килмесчĕ, çавăнпа пĕрре те пулман вĕсем патĕнче.

Инспектор ĕçĕсемпе, шкулсене тĕрĕслесе çурĕнĕ чухне те района килсен яланах пирĕн пата кĕретчĕ. Хăна тăват-

тăмăрччĕ вара. Пĕр-икĕ кунтан: «Капла мĕнле çиткелетĕн килне? Арăму вăрçмасть-и?» – тесен. «Киле каймастăп. Тӳрех гостиницăна каятăп та çывăратăп. Çывăрса тăрансан, мунча кĕретĕп, хырăнатăп. Кайран тин киле каятăп. Атту киле кĕртмест мана вăл майра», – тетчĕ.

Иван Романович вилсен, телеграммă пачĕç. Эпир Федяпа Шупашкара пытарма кайрăмăр. Çĕрле Симăпа мана: «Эсир кăштах вырттса канăр», – терĕ Михаил Романович. – Эпĕ Ваньăпа юнашар ирччěнех лараттăп», – терĕ. Ирхине ирех тăрсан пăхатпăр та, унта йĕркипех коньяк кĕленчисем лараççĕ. Çĕрĕпех куçне хупман ĕнтĕ вăл. Пĕр-пĕччен тăрса юлчĕ. Ваня вилнĕ хыççăн, пĕртăванĕсенчен урăх никам та çук. Çĕрĕпех шутланă ĕнтĕ. Мĕн кăна шутламан-ши вăл?

«Кун пек пуласса пĕлнĕ пулсан, эпир Симăпа иксĕмĕр те çĕрĕпех пĕрле ларма килĕштеттĕмĕрччĕ», – тетĕп Михаил Романовича шӳтлесе.

Эпир Федяпа Шупашкара кайсан Михаил Ивановичсем патĕнче килĕнче темиçе хут та пулнă. Яланах арăмĕ тараватлă. «Миша, Миша!» – тесе кăна тăрать. «Акă Миша сан валли мĕн тери тутлине пĕçерсе хутăм», – тет. Сĕтелĕ çине темле апат-çимĕç, тем тĕрлĕ эрех-сăра та кăларса хураççĕ. Хрусталь черккесене шаккатпăр кăна!

Мария Антоновна та питĕ тарават пулса кĕтсе илетчĕ. Пĕр-пĕринне каласса тăранаймастăмăрччĕ. (Мария Антоновна – Нина Федоровнăн амăшĕн аппăшĕ, мĕн пĕчĕкренех ăна хăйĕн ачи пек пăхса ӳстернĕ. Манăн чĕрере те Мария Антоновна пирки питĕ кăмăллă та ырă аса илӳсем юлнă. Вăл ăшă куçпа, юратса пăхнисем – халĕ те куç умĕнче. Çав ырă самантсем нихăçан та манăçăнмаççĕ, аса илмессерен ырă туйăмсем çуратаççĕ. – *В.Т.*).

Пуянкасси ялĕ. Çу – çурла уйăхĕсем, 2009 çул.

5.3. В САМОЕ ТРУДНОЕ ВРЕМЯ ДЯДЯ НАС ОБУЛ И ОДЕЛ

Из рассказа Михаила Ивановича Федотова

В нашем доме более 110 лет тому назад впервые была открыта церковно-приходская школа. Мой прадед – Федот Федотович разрешил размещение школы в своем доме. Все желающие не могли учиться в маленьком доме (в то время дети особо и не стремились учиться), и поэтому учились только дети богатых, на чьи средства и велось обучение.

Отец Романа Федотовича не пускал своего сына в школу, хотя и учились у него дома. Или из-за бедности, или были другие причины... Как говорят, запретный плод сладок, Роман очень хотел учиться. Во время уроков, он вошел в сени, приоткрывал дверь переднего дома и внимательно подслушивал голос учителя, повторял каждую новую букву, каждое произносимое слово учителя. Ему поручили убираться в классе после уроков, чему он был рад всею душою. Он так ждал конца уроков, что ему казалось очень долго. После уроков, войдя в класс, он смотрел на доску, а на доске оставались учителем написанные новые буквы и новые слова. И он старался выводить красиво новые буквы, писал и эти новые слова. Так и научился он читать и писать. В деревне был одним из первых грамотных людей.

Дед рассказывал, когда отец посылал его в Базарные Убеи (чăвашла: Пасарлă Уйăм) продавать пшеницу и рожь, то он покупал толстые книги. За что ему сильно попадало от отца. Но он искренне жаждал учиться, хотел быть грамотным человеком. И поэтому, видимо, всех своих детей постарался выучить. И все дети его были грамотными. Илюк тете учился в Симбирской учительской школе И.Я. Яковлева. Якур тете тоже после окончании Симбирской школы работал председателем сельского совета.

Меня пригласили учителя на 105-летие со дня открытия первой школы в деревне Малое Буяново. По каким-то причинам я не смог поехать на этот праздник на родину, теперь о чем очень жалею.

Мой отец – Федотов Иван учился в Ульяновском чувашском педагогическом техникуме, был грамотным человеком. А летом во время каникул работал в колхозе, пас свиней.

Тогда еще бабушка Матюсь была жива. Она часто болела, и лежала в постели. Несмотря на болезнь жены Роман хотел, чтобы его дети получили образование. Он сам часто отвозил своих детей на своей лошади вместе с другими сокурсниками в Ульяновск на учебу.

Дядя Миша – Михаил Федотов тоже поступил в Ульяновский чувашский педтехникум в 1934-ом году, а через полгода его вместе с другими студентами из Шемуршинского района перевели в Батыревское педучилище.

После смерти бабушки в доме не стало женщин. Тяжело было содержать дом без хозяйки, без женской руки. Ване пришлось жениться, не успев закончить Ульяновский чувашский педагогический техникум. Он женился в 1935 году на дочери Кузнецова Никифора (мать – Степанида) – на Серафиме из деревни Новое Шигали (Чăнлă Шăхалĕ).

В нашем округе много деревень под названием Шигали. Рядом с нашей деревней через речку Карла расположилась деревня Какерли Шигали (Кахăрлă Шăхалĕ), рядом – Коршанги Шигали (Куршанкă Шăхалĕ). Если двигаемся на юг в сторону села Базарные Убеи, то дойдем до Хорновар-Шигалей (Хурăнвар Шăхалĕ), чуть ниже – Новое Шигали (Чăнлă Шăхалĕ).

Дядя, академик Михаил Романович Федотов, названия этих деревень Шăхаль (по-русски Шигали) связывает именем золотоордынского хана – Шейх-Али, три раза занимавшего престол Казанского ханства (См. «Советскую Чувашию» №55, от 23 марта 1996).

Видимо, в 12–14-ых веках на этой земле были их родовые гнезда. Феодальные поместья ханов-землевладельцев Шейха-Али и их родственников, эти земли и через многие века до сих пор хранят имена своих хозяев, так как названия деревень, речек и местностей очень устойчивы и неизменно долго хранятся, хотя, возможно, и давно стерты с памяти жителей этих деревень первоначальный смысл их и значение.

Например, в 8-ми километрах севернее от Шемурши в густом лесу расположилась деревня Карабай-Шемурша. (Кара бай в переводе с татарского языка означает: Черный бай). И это название деревни тоже как отголосок мусульманской старины дает

нам основание предполагать, что в этих местах свирепствовали своей особой жестокостью ханские собиратели налогов во главе с Кара баем, нагоняя страх на людей. В народной памяти черное всегда ассоциируется с негативом.

Я родился в 1936 году. Дед меня, как маленького щенка, совал за пазуху, завязывал кушаком чапана, и таким образом постоянно таскал с собой. Он был высоким и крупным человеком. Во время летних каникул дядя Миша, меня маленького, когда я плакал, носил на поле к матери, чтобы накормить грудью. В то время не было никакого отпуска по уходу за ребенком. Матери рожали детей прямо на колхозных полях и через день-два уже выходили на работу. Вот так жили и выживали. Сейчас и большие деньги дают за то, чтобы люди больше рожали, хотят улучшить демографическую ситуацию в стране. Но что-то пока это не удается. Явно недостаточно этих 250 тысяч рублей, выделяемых государством на то, чтобы завести детей и вырастить, выучить и поставить их на ноги. Не все люди решаются на такой серьезный шаг.

Отец и мать работали в колхозе с утра до ночи. Тогда не так обращали внимание на свое, личное хозяйство, на первом месте было коллективное хозяйство – колхозное. С начала ведь колхозы создавались таким образом, что все свое отделяя от себя, от своей семьи отдавали колхозу: коней со сбруями и телегой, и коров, и борону, и соху, и хлеб. Некоторые злые люди и тогда гоняли наших лошадей, говоря, что эти лошади колхозные, значит ничейные. «Пусть подохнут! Если и погубим, никто за них не будет отвечать». Завидуя и ненавидя своих соседей-колхозников, гоняли их коней, не кормили и не поили.

Несмотря на все эти противостояния, колхозы начали подниматься, выращивать хороший урожай. И сознание людей постепенно начало меняться, что колхозное – это наше, совместно созданное общими усилиями колхозников добро и богатство. И посягательство на колхозное, это точно такое же зло, как и посягательство на личную собственность. А может быть еще большее зло, которое каралось законом еще жестче.

В коллективе всегда создается дух соревнования, никто не хочет отставать от товарища. Все работали на полную выклад-

ку. Появились новые постройки для коров, большие амбары для хранения хлеба и т.д. Значит, колхозники стали лучше жить, радоваться своему труду, своему вкладу в общую, колхозную долю.

Все работы в сельском хозяйстве делали вручную: пахали и сеяли, пололи, косили, жали серпами и зерна выбивали из снопов ручными орудиями труда – две деревянные палки, связанные между собою цепью, молотили цепами (тăпач). Иногда молотили зерно таким способом до весны. Попозже появились молотилки, жнейки и трактора, тогда намного легче стало колхозникам.

Отца в 1937 году забрали в армию. Перед уходом в армию отец привез всю свою долю зерна из колхоза, что они заработали на трудодни втроем за три года. Мать моя, дедушка и я – втроем и жили. Через полгода родился мой братишка Митя.

После окончания Батыревского педучилища в 1937 году дядя Миша работал в Чепкас-Никольской неполной средней школе учителем начальных классов. В следующем году его уже перевели в Шемуршинскую среднюю школу. Он преподавал математику и физику в старших классах. В 1939 году, когда он работал в Трехбалтаевской школе, его призывали в РККА (рабоче-крестьянскую Красную Армию).

Дед Роман работал плотником, строил в колхозе амбары для хранения урожая, конюшни для лошадей, коровники. Он как-то не заметил ржавый гвоздь, который и вонзился в руку, все тело обжигая тупой и страшной болью. От этого ржавого гвоздя и пошло заряжение крови. В то время врачи не умели еще лечить должным образом. И больные в большинстве случаев не обращались в больницы. Рука опухла и гноилась, он очень страдал от боли. Умер в 1940 году. Дед меня таскал с собой до самой своей смерти.

Когда везли на лошадях хоронить деда на кладбище в деревню Большое Буяново, меня посадили на гроб. Мне же велели первым бросить горсть земли и хорошенько затоптать на могилке. Так и похоронили мы дедушку.

Хозяйство было большое. И снова мы остались втроем: моя мать, я и братишка Митя, который был совсем маленький.

Из армии отец вернулся в начале 1940 года и привёз апельсины. Я тогда впервые увидел эти желтые плоды! Дал мне несколь-

ко штук и показал, как чистить от кожуры. Я чищу апельсины от кожуры и ем и ем. С тех пор я запомнил запах и сладковатый вкус желтого апельсина на всю жизнь.

На второй день, как началась война, приехали военные на грузовиках и выгребли все зерно из амбаров колхозных подчистую. Увезли на станцию Канаш. Перед войной уже люди начали жить хорошо. Колхозы стали подниматься. И колхозники свои личные хозяйства завели, начали поправлять, обновлять свои дворы, дома. Для маленьких детей надо было молоко, некоторые держали корову и теленка, свиней и кур. Многие люди и не брали зерно из колхоза, думали, когда надо будет, тогда и возьмем. Поэтому многие семьи во время войны остались без хлеба.

Отца не сразу забрали на войну, мы так слишком и не чувствовали нехватку еды в начале войны. У нас была корова и бычок. За быка в колхозе давали трудодни-корм. Не было коней, всех забрали на войну. Мы пахали на быках, возили на быках. И в лес ходили на быках за дровами. Залезу на бычок и отпиливаю ветки с дерева. Иногда залезаю на дерево и сяду на толстую ветку. Сосед дедушка Захар Семенович говорит: «Не пили тот сучок, на котором сам сидишь, а то вместе с веткой упадешь».

Во время войны мать начала раздавать своим родным понемногу зерна. Вечерком мне даст хотась, матерчатую сумку на 3-5 кг с зерном и я относил их по родственникам. В первые дни войны так и поддерживали друг друга. А потом и у нас кончилось зерно. Как только пережили эту проклятую войну! Пять лет войны – это не год и не два... Слава Богу, выжили и победили. Самое главное – победили, иначе бы нас немцы превратили в рабов. Но, фашизму не удалось совершить задуманное по своим дерзким и нечеловеческим планам. Выстояли наши отцы и деды против фашизма. Им за это хвала и благодарение. Спасибо им за все. Они, не жалея себя и своей крови, жертвовали собою, чтобы нам даровать свободу и счастье. Трудное было время, мы были маленькие и постоянно голодные.

До войны мой отец Иван Федотов прошел артиллерийские курсы. Ему легко давались математические исчисления, расчеты по корректировке сектора обстрела и траектории полета снарядов. И в бой он вступил в качестве наводчика-артиллериста. На

войне артиллерию называли «Богом войны». Многое на поле боя зависило от точного артиллерийского огня. В одном из страшных боев он был тяжело ранен. Осколок немецкого снаряда перебил левую руку до локтя. Он потерял сознание. Очнулся на операционном столе. Долго лечился в разных госпиталях.

Весной я выгонял бычка на оттаявшее место оврага, где зеленела первая трава, согреваемая теплыми лучами солнца. Корову держали в хлеву, кормили чем могли. Бычок не стоял на месте, куда-то убегал. Я охранял этого бычка и вечерком пригонял домой. Так прошло все лето. Наступила осень, пошел дождь и снег. Стало холодно. Бычок перешел через речку Карла, а я босиком за ним по грудь залез в ледяную воду. Очень сильно простудился. Все-таки пригнал бычка домой и уснул.

А утром не могу встать. Все тело болело. Только могу лежать. Меня отвезли в районную больницу в Шемуршу. Я там пролежал несколько месяцев. Мне не стало лучше. Каждый вечер усиливаются боли и невозможно терпеть, как будто какой-то злодей руки и ноги выворачивает. Пить хочется, шевелиться не могу, спину и все тело пронизывает жгучая боль. Каждый вечер думаешь, как бы выжить до следующего утра. А зимою ночи длинные и кажутся бесконечными. Всю ночь без сна промучаешься до утра. Лучше бы дома лежать. Поэтому весною меня привезли домой.

Летом тепло. Хочется бегать по траве босиком. Но не могу вставать, нет сил, и все тело болит. Мать меня утром выносит на улицу и сажает около дома с южной стороны, откуда солнце начинает согревать своими светлыми лучами. Оставляет немного еды: или кусочек лепешки, или же картофелину с кожурой, а сама уходит на работу в колхоз.

Соседние ребятишки видят, что я не могу ходить, меня поддразнивают и комками земли в меня бросают. Я говорю: «Вот начну ходить, тогда я вас поймаю!». Каждый день меня дразнят: «Не поймаешь! Не поймаешь! Да, ты же и не можешь вставать! Давай, догоняй нас!».

С войны в 1942 году в конце лета отец вернулся инвалидом, с одною рукою. Отца вызвали в райком партии и сразу назначили председателем колхоза в д. Большое Буяново. В то время

в колхозе не было здоровых и сильных мужчин, все мужчины, более и менее пригодные к военной службе были призваны в армию, воевали на фронте. Даже многие женщины из деревень добровольно ушли на фронт. Учительницы были примером для подражания. Вся работа в колхозе осталась на плечах стариков, женщин и детей. В деревне Большое Буяново работала председателем колхоза женщина. Ей тяжело было работать председателем колхоза, не каждому удавалось руководить большим хозяйством.

Тогда, на мое счастье, на наше колхозное поле сел военный самолет, потерпел аварию что ли. Отец, как председатель колхоза узнавал, по какой причине сел самолет. Оказалось, была какая-то незначительная поломка, и летчик совершил вынужденную посадку на колхозное поле.

Вот сельчане и помогли починить самолет. Отец, попросив бензина, рассказал, что сын больной лежит несколько месяцев прикованный к постели, надо бы лечить... В знак благодарности отцу летчик налил в бидончик 5-7 литров авиационного бензина. Скоро он улетел. Все село вышло смотреть на этот самолет с красной звездой.

Старушки-знахарки сказали отцу, что простуду можно вылечить этим авиабензином. Вечером отец затопил баню, поставил на горячие камни сковородку. Накалил. Потом налил на сковородку авиационный бензин. Завернул меня тканью и еще накинул на меня старый чаппан (одежда в виде пальто) и надел на голову шапку. Отец сказал, чтобы я терпел, как солдат во время войны. Я сидел и пыхтел, пот градом шел. Пары бензина меня обжигали. Весь бензин куда-то быстро исчез. Отец еще раз наливает бензин на сковородку. Но я, конечно же, терпел, как солдат. Не хотел быть плохим солдатом. Таким образом, я и вылечился. Мне стало намного лучше. Но, я еще не мог ходить, не вставал на ноги, был очень слаб. Наверное, я в эту ночь за полгода впервые уснул крепким сном.

На другой день вечером опять отец затапливает баню. По несколько раз проделали процедуру оздоровления. Мои бесконечные боли утихли, куда-то ушли от меня.

Рано утром, как всегда мать вынесла меня на улицу, на солнечную сторону дома и оставила одного. Тут как тут собрались

мои мученики вокруг меня. Начали дразнить и кидать комками земли. Сами близко подойти боятся. Они в меня бросают, а я ничего не могу делать, даже защищаться... Только своими ручонками закрываю лицо. Я так рассердился на них, сколько можно терпеть это мучение (!?) и в душевной ярости вскочил на ноги. Шустрые детишки во мгновение ока убежали, а некоторые от удивления, раскрыв рты, даже не смогли двигаться с места. Остались, как вкопанные. Испугались очень. Удивились, что я, столько месяцев сидевший на одном месте, смог вскочить на ноги.

– Больше не будем, Миша тете, – умоляют. – Прости нас.

И сам я не осознал еще, что вскочил на ноги и хожу, удивился очень и обрадовался. В некотором роде, я был благодарен этим ребятишкам, которые способствовали быстрой развязке с болезнью.

– Еще раз только услышу ваши выкрики в мой адрес, то получите, – пригрозил я им.

– Больше не будем, – обещали соседские дети.

Я постоянно бегал в д. Большое Буяново к отцу с разными поручениями от матери, что-то передать отцу. Часто захаживал к Елюк аппе, к Илюш кукке и к Егор кукке, они тогда жили рядом. Отец почти не приходил домой. Он постоянно находился в правлении колхоза, на полях и на фермах. В военное время, все было по-военному.

Осенью я пошел в школу, не было книг и не на чем было писать. И я писал на тех страницах книги, которые когда-то покупал дедушка Роман. Не было ни ручек, ни чернил. Сами все готовили: из сажи делали чернила. Писали гусиным пером. От дяди Миши не было никаких известий. Учительница нас часто оставляла одних и уходила на работу в колхоз, на жатву.

Хотя нам она оставляла задания, мы были одни, и нам никто не мешал играть и прыгать в классе. Летом собирали коровяки и сушили на зиму. Зимою было холодно, класс, где мы учились, почти не топили. Мы, ученики, со своей учительницей иногда ходили на санках за соломою, чтобы топить печь. Разбирали заборы на топку. Некоторые разбирали сени. Нечем было топить, зима была очень холодная.

Не все пережили голод в эти страшные военные годы. Даже

в нашей деревне некоторые умирали от голода, сначала люди опухали. Не могли двигаться, подниматься с постели. Ели все, что можно было есть, и что было нельзя. Ели крапиву и лебеду. Заболевал желудочно-кишечный тракт у людей, и они умирали.

Живые люди холодной зимой мечтали, как бы до весны дожить, до тепленьких солнечных дней, а там на колхозных полях нашли бы мерзлую картошку и испекли бы такие вкусные крахмальные лепешки... Летом всю зеленую траву съедали, заваривали как чай и пили. Многие деревенские жители не дожили до Победы над гитлеровской Германией, не увидели радости, которые мы испытывали в День Победы...

Начали возвращаться домой фронтовики-победители. После войны вернулся Андронов Кирилле. Он начал работу в колхозе, а потом перешел в школу учителем. Андронов Кирилл Афанасьевич учился вместе с Михаилом Романовичем Федотовым в Батыревском педучилище.

В то время мой отец работал уже в родном колхозе счетоводом. Потом он долгое время работал бригадиром.

Скоро вернулся наш дядя Михаил Романович из Германии. Приехал здоровый и прилично одетый. Привез для меня костюм, для Мити тоже что-то из одежды. В общем, дядя нас обул и одел с ног до головы.

В 46-47-ых годах родители надумали переехать из деревни Малое Буяново в поселок Славу. Я, 10-летний мальчишка, тот дом дедушки (переднюю часть), где была открыта первая школа, перевез на быках в поселок.

Всего переехали из д. Малое Буяново около 20 семей со всеми своими домами и хозяйственными постройками. Это была и часть колхоза, с коровами и лошадьми, свиньями и овцами. Свой колхоз «Слава», своя земля и неутомимые труженики сельского хозяйства, которые пришли на эти плодородные земли, на чернозем, чтобы связать свою судьбу с землею, с сельским хозяйством. Да, именно с такими добрыми намерениями приехали на новое место. Но, не все...

Мы жили и думали о будущей хорошей и счастливой жизни. Забывая плохое, злое, стремились к лучшему – к добру. И страна призывала к добрым делам и великим свершениям.

В конце 50-ых годов вышли Постановления партии и Правительства, чтобы укрупнять, следовательно, и объединять колхозы и совхозы в большие хозяйства. Сначала колхоз «Слава» объединился с колхозом «Красный Вазан». Работали вместе дружно и плодотворно. Дело пошло на лад. Люди стали жить намного лучше. Все колхозники были довольны и счастливы. Маленькие детишки из поселка Слава в начальную школу ходили в поселок Красный Вазан, потому что у нас не было школы.

В 1954 году я поехал в г. Чебоксары с мыслью учиться на водителя, шофера. Приехал к дяде Мише. Он тогда работал в пединституте. Они жили с женой с Валентиной Сергеевной, на частной квартире по ул. Ворошилова, около кондитерской фабрики, недалеко от пединститута. Я спал на полу. В первое время я и не понимал по-русски, мне было очень трудно разбираться в деталях автомашины, не зная русского языка. Валентина Сергеевна помогала мне, научила читать и понимать, объясняла прочитанное.

Осенью я готовил дрова для топки, колол, сам же топил. Носил воду из колонки. Колонка была далеко от нашей квартиры. Все с нашей улицы ходили за водой на эту колонку. Постепенно освоился. Хорошо сдал экзамены. Получил права на шофера. Я хорошо знал татарский язык. И это знание татарского языка мне всегда по всей своей жизни помогало...

Как выучился на водителя, работал в г. Ульяновске, начал помогать своим родителям. А потом поехал на целину. Там работали и днем и ночью, возили зерно. Мало спали, как большие песочные сопки поднимались хлебные припасы. Целина – неосвоенные новые земли – давала большой урожай. Прямо под открытым небом все это лежало. Зерно – золотой хлеб, золотой запас Родины из Целины.

Получил письмо из деревни, что наш дом сгорел. Этот дедушкин дом сгорел в поселке Слава. Подожгли соседи, которые ненавидели нас. Шла непримиримая борьба за идею и выживание под солнцем. И эта борьба продолжалась всегда, и она проявилась в нехороших поступках людей по отношению к своим соседям, в завистливых разговорах и насмешках, в недобрых мыслях. Может быть, на некоторое время и утихала эта борьба,

затаившись, но только для ожидания подходящего времени и подходящего момента для следующего удара исподтишка.

Я высылал деньги на строительство нового дома. В 1958 году вместе с другими семьями и наши родители переехали из поселка Слава в Тюменскую область.

Работали днем и ночью. Спать хочется, глаза сами закрываются, таким образом можно совершить аварию. Я ставил спички на глаза и так работал. У меня выработка была два-три раза больше, чем у других водителей. Они делают два-три рейса за неделю, а я – пять рейсов. Вот скоро меня и заметили. Присвоили мне звание Заслуженного шофера Казахстана.

Совсем недалеко от нас испытывали атомные бомбы около Семипалатинского полигона. Взрывы этих бомб до сих пор вижу, как наяву. Вначале ослепительный всплеск намного сильнее солнца. И попозже поднимается грибовидное облако. Нам говорили, что при взрыве атомной бомбы надо лечь под машину. Мы так и делали. Ложились под машину и спали. А после взрыва через полчаса опять садились на машины и возили зерно. Теперь только понимаю, как страшно было тогда, что ничего не знали об облучении, о радиации. Не только люди заражались, но и все вокруг: земля на котором выращивали хлеб и эти зерновые сопки.

В 22 года я женился на Нине Федоровне. Жили и работали, родили троих детей: Галину, Виктора и Таню. Вырастили детей. Потом приехали в г. Чебоксары. Сначала мы жили у Пети Волкова на Парижской Коммуне.

Построили засыпушку. Поехали в Казахстан и привезли всю семью. Мы тогда жили на «Старке», под Гагаринским мостом. Построили баню. У нас был сад и огород.

Скоро к нам приехали из Тюмени жить и наши родители со своими младшими детишками с Надей и Толиком. Родная сторона, родимый край притягивает людей к себе. Построили дом для отца напротив нашего дома. Так все вместе жили дружно и счастливо, помогая друг другу.

Дети сначала учились в школе, после все получили высшее образование. Теперь занимаются бизнесом. Все со своими семьями живут отдельно. Галина вышла замуж за Сергея Колесова. У них двое детей, сын Дима и дочь Виктория. Дима женился и

имеет свою семью, у него двое детей: Настенька и Саша.

У Виктора тоже двое детей, Рома и Даша. Они живут в четырехкомнатной квартире на ул. К.Иванова.

Татьяна вышла замуж за Женю, вырастили дочь Катю. Катя недавно вышла замуж за Павла, живут отдельно со своею семьею. У них растет славный сын Даниил.

Брат Митя женился на Лидии Николаевне, они остались со своею семьею в Тюмени, до сих пор проживают в Ярковском районе в деревне Дубровное. Занимаются бизнесом. Дети уже выросли.

Старший сын – Валерий Димитриевич работает главой администрации района. Женился, на Зуле, отдельно живут со своею семьею. Имеют дочь Луизу.

Старшая дочь Мити – Елена вышла замуж, у них своя семья, трое дочерей: Наташа, Люба и Вика.

Второй сын Коля тоже женат, имеет двоих дочерей: Веронику и Кристину.

Третий сын Саша еще молодой, является студентом вуза.

Тоня с Аркадием Скворцовым долгое время жили в Узбекистане, в г. Фергане. Но родина перетянула их к себе. Последние годы своей жизни прожили в Чебоксарах.

Маша вышла замуж за Володю, они жили своею семьею в г. Ишиме. Родился у них сын Володя. Развелись с мужем. Второй раз вышла замуж за Леонида. Приехали в г. Чебоксары. У них дочка Лариса.

Володя Федотов женился на Тане и живет отдельно со своей семьей. У них родился сын Саша.

Лариса вышла замуж за Мишу, у них родилась дочка Катя.

Рая вышла замуж за Иванова Лаврентия и тоже живут в Чебоксарах со своею семьею. У них сын Володя и дочка Галина.

Володя женился и живет отдельно со своей семьей. У него две дочери: Лена и Женя.

И Галя вышла замуж, у нее сын Сережа, ждут второго ребенка.

Лида вышла замуж за Мишу Пирожкова, они тоже жили в Тюмени. У них мальчики Олег и Рома. Приехали жить в г. Чебоксары.

Олег живет отдельно со своей семьей. У него две дочери, Настя и Даша.

Надя вышла замуж за Сашу Усова. У них родился сын Ваня. Живут в г.Чебоксары.

Толя женился на Ане. У них родилась дочь Ирина. Ирина вышла замуж за Андрея. У них дочь Настя. Живут в г. Чебоксары.

Рассказ записал 22 июля 2009 года.

Комментарии к рассказу Михаила Ивановича Федотова

5.4. ДОБРЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ

В 1937 году Ивана Федотова забрали в армию. Через полгода родился Митя. С 1937 года по 1939 год Иван Федотов служил в 8 особом зенитно-артиллерийском полку старшиной. Когда началась война с Финляндией, их полк перебросили на границу. К счастью, в боевых действиях он участвовал только несколько дней, на высоком уровне договорились с Финляндией о прекращении военного конфликта. Об этом Иван Федотов сообщил в своих письмах жене Серафиме. По истечении трех лет службы он был демобилизован.

Когда приехал домой, увидел двух мальчишек и у жены Серафимы спрашивает, указывая на младшего сына: «Этот Митя что ли? Иди ко мне, маленький сыночек мой. Я твой папа. Пока я служил, и наш Миша вырос, уже стал помощником своей матери», – ненарадуется обнимая и старшего сына Мишу.

В 1941 году началась война. С маленькими детьми и по колхозной работе Ивану сначала войны давали отсрочку в военкомате. Эти были самые тяжелые первые военные месяцы. Отступление Красной Армии по всем фронтам. По радио слышится печальный и громкий голос диктора:«После ожесточенных сражений оставили города Смоленск, Житомир... Ржевск…». За полгода, в декабре 1941 года немцы уже стояли под Москвою. На некоторых участках фронта немцы вышли к Волге. Шли ожесточенные бои в самое холодное время года, в крещенские морозы по обороне Москвы. Отстояли Москву.

В начале 1942 года Ивана Федотова повесткой призвали в райвоенкомат. Военком сказал: «Вот Ваня и твоя очередь подошла на войну. Завтра же надо отправляться». Всю ночь проплакала Серафима, собирая на войну своего мужа. Плакала и постоянно причитывала про себя: «Хотя бы без рук и ног, только бы живым возвращался домой. Будешь сидеть и за детьми следить. Только живой вернись!».

С февраля 1942 года по апрель 1942 год сражался в 113 артполку, заряжающим орудийного расчета на Ленинградском фронте. 27-го апреля в одном из боев, во время артиллерийской дуэли с фашистскими захватчиками, снаряд, выпушенный немецкой артиллерией разорвался около его орудия. Он был оглушен и ранен в левую руку. После ранения лечился в госпиталях. В июне 1942 года демобилизовали по ранению, как инвалида, без левой руки.

Имеет правительственные награды: орден Славы I степени, медаль «За победу над Германией». (Выписки из свидетельства об освобождении от воинской обязанности. Мин. обороны СССР. 1954 г.).

После возвращения домой фронтовика на следующий же день пригласили в райком партии и назначили председателем колхоза в деревню Большое Буяново. В 1943 году родилась Тоня. В конце войны уже работал в своей деревне Малое Буяново в правлении колхоза счетоводом.

В 1947 году из деревни Малое Буяново переехали в поселок Слава 14 семей, в том числе и семья Федотова Ивана Романовича со своими детьми. К этому времени уже родился у них четвертый ребенок – дочь Маша.

В течение одиннадцати лет трудились в своем колхозе «Слава», создавая коллективное богатство. После объединения с колхозом «Красный Вазан» дела пошли еще лучше, все тяжелые и утомительные работы по уборке хлеба, по строительстве коровников и конюшен выполняли сообща.

Когда вопрос возник об объединении колхоза «Слава» с Чепкас-Никольским колхозом им. Сталина, колозники заявили: «Не будем с ними объединяться, лучше поедем в Тюменскую область. У чепкассовских даже колеса телеги без железных ободьев. Объ-

единившись с ними, с голоду помрем...». Жить бы да жить на новом месте и радоваться, но тяжелая судьба людей перебрасывает их семьи за Уральские горы, в Сибирь.

В 1958 году по вербовке многие семьи из поселка Слава поехали в Тюменскую область. На этом славные страницы поселка Слава и заканчиваются. Остаются три дома, из которых уже через года два переезжают или обратно в деревню Большое Буяново (семья Тимошкиных), или же в районный центр Шемуршу (семья Батыревых). У оврага в последние годы жила еще одна семья в своем маленьком домишке из поселка Красный Ключ (Хайпăла паççулкинчен Варття Ульки) Варття Ульки со своею сестрою (Кăраçук) Красюк.

В 1959 году на собрании уполномоченных колхозов имени Сталина села Чепкас-Никольское, «Слава» поселка Красный Вазан и Красный Ключ (колхозы «Красный Вазан» и «Красный Ключ» и после переезда людей из поселка Слава в Тюменскую область оставили прежнее название колхоза «Слава»), и колхоза «имени М.Горького», приняли решение об объединении, в колхоз «Победа».

После 70-ых годов все, что осталось от поселка Слава, – это были: следы былых построек, глубокие ямы от погребов, как после бомбежки, по обе стороны оврага. Батыревский колодец с деревянным срубом и несколько деревьев ветлы и высокий тополь. Мы, школьники 5-8-ых классов, из поселка Красный Вазан ходили пешком в Чепкас-Никольскую восьмилетнюю школу за 12 километров, иногда утоляли жажду холодной водичкой из этого колодца и благодарили хозяев за добрые сердца. Долго, несколько лет висело ведро на цепи у колодца, видимо, проезжающие водители или же пахари-трактористы по необходимости присвоили последнюю и добрую память о Славе.

Но с этим память о поселке Славе еще не заканчивается. В 8 и 9-ом классе весною я организовал посадку деревьев по своей улице в поселке Красный Вазан. Собрал школьников в своем поселке и по обе стороны улицы сажали ветлу, тополя и клен (не все хозяева разрешали сажать перед своими домами деревья!). Приносили зеленые насаждения для посадки из п. Славы, от Батыревских деревьев. Чтобы не повредить большие деревья, мы

отрезали лишь маленькие ветки. И они пошли, зазеленели нами посаженные деревца, радуя нас.

Некоторые люди выгоняли крупнорогатый скот и травили молодые деревца. Мы охраняли, наши саженцы. Недобрые люди, чтобы навредить, проезжали так близко на телегах задевая, зеленые еще не совсем окрепшие насаждения. Мы, детвора, в следующем году еще раз посадили на месте высохших деревьев новые саженцы. Многие не верили нам, говорили: «Напрасный труд затеяли, все равно раздавят, если не на телеге, то на тракторах». Видя неотступность в нашей затее, некоторые и пожилые люди, раньше сомневающиеся, поддержали нас, стали сажать деревца у своего дома и загораживать. Разве плохо делать доброе дело всем миром на пользу своего поселка?! И мы выстояли. Эта была нашей общей победой. Теперь весь поселок Красный Вазан находится как в райском саду в зелени, постоянно напоминая нас о славных тружениках поселка Слава и о его добром жителе – Батыреве.

Но и сегодня есть люди, которым мешают наши деревья. Под предлогом, что деревья задевают электрические провода, хотят все вырубить, чтобы «и следа не осталось от этих бесполезных деревьев». У кого доброе сердце, они радуются теперь уже могучим богатырям. У кого злое – им мешают эти деревья. Удивительно, все-таки, какие люди бывают разными, хотя Бог сотворил всех по образу и по подобию своему. По идее все люди должны были быть добрыми и отзывчивыми.

Немного истории. В VII–VIII веках в Среднее Поволжье вторглись булгаро-сувазские племена, обитавшие ранее на Нижней Волге и Северном Кавказе… В связи с распространением мусульманской религии в Волжской Булгарии происходило притеснение чувашских своеверцев, что нередко приводило к столкновениям. Ибн-Фадлан сообщает, например, о стычке царя с сувазами во главе с Вырăхом. [Чуваши. Этнографическое исследования. Чувашское книжное издательство. – Чебоксары, 1970. Ч. II. – С. 9-11.].

Волжская Булгария, образовавшаяся в X веке, была первым государственным объединением в Среднем Поволжье. В первой четверти X столетия булгарский царь Алмуш сосредоточил в сво-

их руках сбор и уплату дани хазарам с подчиненных ему племен Среднего Поволжья. ...Булгарские и сувазские племена, вбирая в себя местное финно-угорское население, постепенно слились (к XIII веку) в единую булгарскую народность. Арабский писатель Масуди еще в X веке писал, что булгарский народ «подчинил себе все соседние... народы». [История Чувашской АССР. Чувашское книжное издательство. – Чебоксары, Т.I. 1966. – С.35].

Монголо-татары покорили Сибирь, Северный Китай, а затем, в 1219–1221 годах, Среднюю Азию, где превратили в развалины города и ирригационные системы ... перебили и увели в рабство множество людей. В Восточной Европе монголы впервые появились во времена похода полководцев Чингис-хана Джебе и Субэтея, посланных для преследования Хорезм-шаха... Победив половцев, они захватили крымский город Судак (Сурож). Половцы обратились за помощью к русским князьям. Но и объединенное русско-половецкое ополчение в сражении на реке Калке в 1223 году было разбито монголо-татарами.

После битвы на Калке монголо-татары отправили пятитысячный отряд на Волжскую Булгарию. Булгары оказали отпор завоевателям...

В 1229 году булгары отбили второй набег монголо-татар. В связи с серьезной опасностью, какую представляли для них монголо-татары, булгары прекратили вражду с Владимиро-Суздальским княжеством и заключили мир с великим князем Юрием Всеволдовичем. По-видимому, не без помощи русских войск булгарам удалось оказать отпор и в 1232 году (по другим данным, в 1231 году), когда «придоша татарове и зимовавшее, не дошедшее Великого града Болгарьского».

В результате многократного и достойного отпора многочисленным монголо-татарским войскам Волжская Булгария сумела еще процветать независимым государством в течение 5 лет.

Монголо-татары тщательно готовились к завоеванию «улуса Джучи», в состав которого, по завещанию Чингис-хана, включалась и Волжская Булгария. В 1236 году огромная армия монголо-татар во главе с Бату двинулась на Волжскую Булгарию. Несмотря на упорное сопротивление булгар, монголы одолели их. Булгарские города подверглись небывалому разгрому. Был раз-

рушен Булгар, пали Биляр, Жукотин, жестоко пострадали Керменчуг и Сувар.

В результате монголо-татарского нашествия 1236 года Волжская Булгария потеряла свою независимость. В 1242 году хан Бату обосновался на Нижней Волге и образовал новое государство – Золотую Орду, со столицей в Сарае. Золотая Орда простиралась от Иртыша до Дуная, включала территории Дешт-и-Кыпчака (Половецкую степь) и Волжской Булгарии, Приуралье, Крым и Северный Кавказ (стр. 44-45.).

В процессе распада Золотой Орды во второй четверти XV века образовалось Казанское ханство, основателями которого были хан Улуг-Мухаммед и его сын Махмутек (1437–1445 годы) (стр.53).

В конце 1545 года в Казани вспыхнуло народное восстание против крымско-турецкого ставленника Сафа-Гирея, в результате которого хан был изгнан из города. Летом 1546 года на казанский престол был посажен московский кандидат – касимовский царь Шах-Али. Воцарению Шах-Али содействовала и поддержка населения Горной стороны. Однако Шах-Али продержался в Казани только месяц. С помощью крымцев и ногайцев Сафа-Гирей захватил Казань и начал жестокую расправу со сторонниками Москвы… Фактически с декабря 1546 года чуваши и горные марийцы в результате народного восстания отпали от Казанского ханства и перешли под власть России. Этому способствовало основание крепости Свияжск – военно-продовольственной базы и надежного плацдарма для наступления на Казань. Построение Свияжска было облегчено тем, что чуваши, жившие между Свияжском и Васильсурском, уже были на стороне России (стр. 60-61).

В апреле 1552 года русское правительство решило предпринять новый поход для взятия Казани. Русские войска во главе с Иваном IV в составе 150 тысяч воинов и 150 пушек выступили из Москвы в середине июня...

Русские полки храбро сражались под Казанью. Отвагой отличились и чувашские отряды, действовавшие в составе русских войск. Осада города продолжалась более месяца. Умело проведя подкопы и взрывы городской стены, русские войска заняли Казань штурмом 2 октября 1552 года. Казанское ханство перестало существовать (стр.62-63).

После Октябрьской социалистической революции 1917-го года, земли принадлежавшие богатым татарским землевладельцам, купцам и мечетям (муллам) раздали крестьянам из деревни Малые Убеи (Турхан) и Татарские Убеи (Тутар Упи). Многие крестьяне на своих участках вырыли колодцы.

Учитывая волеизъявление народа, 24 июня 1920 года ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли постановление, подписанное В.И.Лениным и М.И.Калининым. Оно гласило: «Образовать Чувашскую автономную область как часть Российской Социалистической Федеративной Республики с административным центром в г. Чебоксарах, в состав коей включить: из Казанской губернии Цивильский, Ядринский и Чебоксарские уезды в их полном составе; из Козьмодемьяновского уезда волости: Янгильдинская, Сюндырская, Татаркасинская, Акрамовская и Малокарачинская; из Симбирской губернии, из Курмышевского уезда волости: Атаевская, Курмышеская, Алгашинская; из Буинского уезда волости:Хомбусь-Батыревская, Муратовская, Тархановская, Шемуршинская и Шамкинская». Чуть позже были присоеденены к области Батыревская, Шихирданская, Ново-Шимкусская и части Алькеевской и Больше-Тоябинской волостей (История Чувашского народа. Чувашское книжное издательство. Т. 2. – Чебоксары, 1967. – С.45).

В сентябре 1921 года территория Чувашской области расширилась: постановлением ВЦИК к Чувашии были присоеденены Ново-Шамкусская волость, 14 селений Алькеевской волости, 7 селений Больше-Тоябинской волости Тетюшского кантона, Шихирданская, Батыревская и Шемалаковская волости Буинского кантона Татарской АССР. В апреле 1925 года Чувашии были переданы 13 селений Дрожжановской и Убеевской волостей Буинского кантона Татарской АССР.

21 апреля 1925 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил преобразовать Чувашскую автономную область в Чувашскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Затем постановлением ВЦИК от 20 июня к Чувашской АССР были присоеденены следующие волости Алатырского уезда Симбирской губернии: Алатырская с городом Алатырем, Порецкая и Кувакинская, с населением 121 464 человека (стр.61-63).

Только после преобразования в Чувашскую АССР границы молодой Чувашской республики сформировались окончательно.

Да, переехав сюда, к самой границе южной части Чувашской АССР, в 1928 году наши деды в первую очередь посадили яблоневый сад на окраине поселка Красный Вазан. Они мечтали «развести яблоневый сад и жить как в раю!». Об этом я слышал от старицы Варук аппа и от своих родных, которые рассказывали, что на общем собрании односельчан еще в д. Большое Буяново в 1927 году решили переехать. Тогда Терентьев Сергей Александрович сказал: «Посадим яблоневый сад, и будем жить как в раю!».

Они с мужем первыми переехали еще в 1927 году!

«И с нами тогда переехали еще две семьи. Александр Васильевич Ларионов со своею семьею и детьми. И третья семья – Курмыш Ефрем (Кăрмăш Ехремĕ). На чужбине, около татарских деревень, три отчаянные семьи с большим трудом перенесли первую холодную и страшную зиму. Волки стаями ходили и выли на слабый свет в окошки наших маленьких домишек», – вспоминала Варук аппа. – Я постоянно плакала говоря:«Неужели для нас не нашлось немного земли в своей деревне, что приехали на край земли!».

А в 1928 году уже переехали и все остальные семьи. Так образовался поселок Красный Вазан. Красный цвет – это символ Социалистической революции и цвет крови, пролитой за свободу рабочих и крестьян, за трудовой народ. В Шемуршинском районе первыми организовали колхозы в поселках: Триер, Максим Горький, Красный Ключ и Красный Вазан. И самое главное, через несколько лет уже эти добрые идеи приносили в колоссальном объеме духовные и материальные плоды! Совместный Труд вложенный в Доброе Дело возвращался обратно к людям, даруя им радость – плоды духа – которого вкушали все жители поселка. Все поселковские труженики стали жить хорошо! Всем хватало земли и работы. Работай, только не ленись! А поселковцы любили землю и умели трудиться.

Учитель начальных классов Ларионов Александр Васильевич около школы разводил сад, сам же ухаживал за колхозными пчелами.

Яблоневый сад, который разбили красновазановцы на окраине поселка, приносил обильные плоды. Там завели пчел, была приличная пасека.

Я еще помню, как мы маленькие детишки в 1960-ые годы ели яблоки и мед в сотах с разрушенного и разворованного сада. После объединения в крупные хозяйства, на малодоходные хозяйства уже и не обращали внимания. Идеи первых организаторов колхозов в Шемуршинском районе в начале 1930-ых годов пришли в противоречие с идеями в 1960-ых годов. Это было кризисом идей по организации коллективного хозяйства во время индустриализации страны.

И что же? Постановлениями обкомов и райкомов партии по объединению колхозов и совхозов планомерно и с большим усердием были уничтожены поселки Слава, Триер и Красный Ключ. Вот теперь задаем эти вопросы? Зачем??? Кому они мешали? Надо ли было уничтожать эти поселки? Кому это надо было? Ведь еще тогда было видна бесперспективность этого дела.

На Западе уже шел обратный процесс. Люди стремились из больших городов в маленькие, тихие села и хутора, чтобы успокаивать душу, надышаться воздухом. Бросали города и переезжали в сельские местности. И правительства помогали с кредитами, уменьшали налоги на землю в первые годы жизни на новом месте, в сельской местности.

Противились все жители этих поселков Шемуршинского района до последнего момента. Но кто слушал мнение людей? И теперь, кто услышит крик души человеческой? Если и услышат, то никому нет до этого дела, у всех – свои проблемы, свои неотложные дела.

Может быть, потому и уничтожили, что они первыми начали коллективизацию? (Затаившиеся противники колхозного хозяйства – кулаки в 1930-32 годах не сумели уничтожить в зародыше коллективные хозяйства, а спустя полвека, детям бывших кулаков пришло как раз это под руку). И они постарались. Очень постарались. Вынудили, создавали такие невыносимые условия жизни для поселковцев, чтобы они сами захотели бы уехать в другие места. Сколько человеческих судеб было погублено за эти годы! От безысходности положения, и без каких-либо надежд на будущее!

Уничтожили, под прикрытием благого дела, под укрупнение колхозов и совхозов. Тогда с карт Советского Союза исчезли эти крошечные точечки и названия этих поселков навсегда. Для истории пишу и поэтому повторяюсь, навсегда исчезли с лица земли: поселок Слава, Триер, Ивановка и Красный-Ключ.

Возможно, некоторые усердные руководители колхозов за уничтожение этих поселков и получили благодарности или даже правительственные награды. Вполне возможно. История их рассудит. Но история оправдает ли кого-либо из руководителей, которые вынашивали эти идеи и претворяли их в жизнь?

Таким образом, переименование названий колхозов в исторической хронологии указывает и на перемену общественного сознания колхозников. Рассмотрев, для примера название только одного колхоза Чепкас-Никольского сельсовета, Шемуршинского района, мы убеждаемся в этом. Так, например, в 1929 году чепкасовцы организовали колхоз «Трактор». В этом названии мы видим стремление колхозников обрабатывать землю мощными тракторами, новой техникой. Эта была надеждой на будущее для колхозников.

В 1940 году колхоз «Трактор» переименовали в колхоз имени Сталина. Само имя «вождя всех народов и племен» теперь вдохновляло на великие трудовые подвиги. Поставили 3-х метровый памятник вождю перед правлением колхоза, чтобы не только в духовно-нравственном плане призывал народ на коллективизацию, но чтобы каждый колхозник мог воочию убедиться в его силе и мощи. В век материализма важно не только понимать, осознать подсознательно, в какое светлое будущее их хотят вести руководители, намного важнее «осязать», т.е. ощущать руками и ногами, чтобы не было никакого сомнения у людей в этом плане, что их ведет «мудрый вождь всех народов и времен».

Говорят, что этот памятник колхозникам принес много горя. Кто-то пошутил и дал вождю «прикурить», прикрепив сигарету к памятнику каким-то образом. За это его посадили в тюрьму, отправили в лагерь. Нельзя было лишнее говорить в то время, могли посадить. Если и ничего не говорил, и тогда найдутся двое завистников соседей, которые всегда могут засвидетельствовать, подтвердить, что он недоволен властью. Время было такое суро-

вое и жестокое, как сам правитель. Теперь об этом говорим, что это была тоталитарная система.

Вот кто-то из колхозников рассказал свой «сон». Якобы он видел во сне – время коллективизации, что в коммунах все живут хорошо: счастливой жизнью, никто не работает, пьют и веселятся, только отдыхают. За них работают механизмы, машины, роботы. На следующий день этого рассказчика никто и не видел. Третий рассказал анекдот ссылаясь на этот памятник, и рассказчика после этого уже никогда не видели односельчане.

Что говорить, в нашем маленьком поселке Красный Вазан каждый второй дом лишился своего хозяина. Некоторые во время войны хотели «отсидеться в Сибирской тайге», воровали колхозное добро и были осуждены. Не хотели умирать на фронте: но судьба их рассудила по-своему. И никого из них в поселке больше не видели. Сталинские лагеря были не хуже, чем гитлеровские концлагеря по уничтожению людей. В общей сложности 66,7 млн чел. (общее количество потерь в СССР в 1917–1959 гг. – 110,7 млн. чел, в т.ч. в военное время – 44,0 млн. чел., в невоенно-революционное время – 66,7 млн. чел., что составляет соответственно – 40% и 60%. *АиФ № 19, 31марта – 6 апреля 1990 г.*).

В 1959 году после разоблачения культа личности Сталина, колхоз имени Сталина переименовали в колхоз «Победу». Ждали изменений в лучшую сторону, надеялись вот-вот продукты питания подешевеют, и тогда жизнь намного улучшится.

А в 1963 году уже прежний колхоз переименовали в колхоз «Восход», который просуществовал и после августовского переворота – 1991 года – до 1997 года, так как еще не были выработаны законы по продаже колхозной (общественной) собственности – земли – частному сектору. Колхозники вложили в это имя надежду на возрождение сельского хозяйства, на подъем жизненного уровня. Была надежда у колхозников, что наконец-то поднимут сельское хозяйство с колен. Что теперь колхозники заживут по-человечески! Это название было связано и с полетом в космос, с выходом человека в просторы Вселенной. Третий космонавт из Чувашии – Андриан Григорьевич Николаев, – наша гордость!

И который раз из рук людей улетела надежда счастья в синее небо, словно птица-синица вспорхнула и пропала.

С одним пожилым человеком разговорились в автобусе. Он говорит, что всю свою жизнь надеялся, верил и работал в полную силу, что будет улучшение для народа. Плохие условия жизни советских людей сначала на войну списывали. Но, немцы, которые проиграли войну в 1945 году – они несколько раз лучше нас живут! Как это понимать?! Сколько полезных ископаемых: нефть, газ и т.д. Какая богатая страна, а народ бедствует. За свою длинную жизнь пришел к мнению: «Никто из правителей не хотел, чтобы народ жил хорошо. Все за свою власть и за свою долю держатся! Никому ничего и не надо». И я в какой-то мере согласен с рассуждениями этого человека.

Все бы хорошо, но кризис 90-ых годов перевернул жизнь и сознание колхозников наоборот. Нас в школе учили одному, в жизни мы видели совсем другое. А поступали совершенно по-другому, по обстоятельствам. Вот эта тройная мораль и вела к раздвоению личности.

Главные колхозные специалисты во главе с председателем колхоза, воспользовавшись властью, разворовали колхозное добро созданное совместными усилиями колхозников в течение десятилетий. Уничтожили автотракторный парк, молочно-товарные фермы, свинофермы... Уничтожили все – что добывалось коллективным трудом в течение десятилетий. Пример подавал сам президент России господин Ельцин. Его «семейке» принадлежало 60% национального дохода Советского Союза!

В середине 60-ых годов, когда мы учились в Чепкас-Никольской восьмилетней школе, жили в интернате. На чердаке нашего интерната мы нашли много разных плакатов, портретов великих полководцев Гражданской войны, маршалов Советского Союза: Буденного, Ворошилова, Тухачевского, Фрунзе, Егорова, Якира. Мы знали, что многих маршалов перед войной репрессировали: Тухачевского, Егорова, Якира. В наших сердцах мы их уважали и почитали. Тухачевский освободил Симбирск во время гражданской войны. Подтянутый, умный и волевой военный, воспитанный на дворянских традициях и он был одним из образованных полководцев перед началом войны. Он видел, что необходимо вооружить Красную Армию современными танками. Время конницы уже прошло. «Ура! Шашки наголо!». Перед военной техникой и бронированными танками на коннице не повоюешь. Туха-

чевский был гордостью Красной Армии. Ему подражали многие военоначальники.

Полководцы старой закалки: Ворошилов и Буденный настаивали, что еще время конницы не прошло. Они развивали коневодство, Красную кавалерию.

Фрунзе тоже командовал Южным фронтом, освободил Крым от белогвардейцев. Среди таких авторитетных полководцев, Сталин и его окружение смотрелось поблекшими. Казалось вся внутренняя нечистота, ненависть и злоба этого эгоиста вырывалась наружу и вырисовывалась на его суровом, жестоком и непривлекательном лице. (Будто все внутреннее состояние этого человека отражалась на его внешности, на его лицо: грубость, необразованность и нечистые помыслы).

Поэтому М.Фрунзе уничтожили на операционном столе, по приказу Сталина. Фрунзе был слишком авторитетным человеком среди полководцев и начсостава Красной Армии. Его уважали и любили не только командиры, но и солдаты. После первой операции у него было улучшение здоровья. Вождь заставил еще раз оперировать, говоря, что у него обострение язвы желудка. Как делается в таких случаях, консилиум врачей-хирургов, профессуры... и заказ на повторную хирургическую операцию с безысходным результатом.

Мы их портреты выставили по порядку как на параде в г. Москве и рапортуем: «Маршалы Советского Союза! Докладываем, что мы все ученики стараемся учиться только на «хорошо» и «отлично»! Вы можете быть уверены, что мы никогда не подведем вас. То, что вы начали ради народного счастья, мы постараемся продолжить...».

Хочу рассказать еще один случай, связанный с именем вождя. В саду правления мы раскопали 3-х метровый памятник. Поднять не сумели, так как расковыряли палками, досками и другими ручными приспособлениями. Мучились долго. Но, увидев наше старание «возвратить историю» колхозное руководство закопало еще глубже или увезли на другое место. Поставили колхозного сторожа, чтобы нам препятствовать в новых раскопках.

Закопали целую историю Советского периода. Хорошая ли она была, или плохая, – но эта история принадлежит нашему

народу, – история наших дедов и отцов. Так нельзя уничтожать целые исторические периоды, предав забвению. Каждый период истории поучителен для последующего поколения людей, чтобы в дальнейшем больше не допускать такого страшного террора против своего народа, хотя бы под прикрытием благих намерений, за всеобщее счастье народов. Нельзя загонять людей палками в рай. Для этого нужна вера. Желание самих людей.

Слава Богу, сумели сохранить поселки: Канаш, Красный Вазан и Максим Горький. Выдержали жители этих поселков все перекосы идеологической системы и теперь процветают.

Из 47 домов в поселке Красный Вазан осталась всего – 22 дома. В поселке уже строят кирпичные дома. Правительство помогает частному сектору, выделяя ссуду на строительство дома и хозяйственных построек. Это очень выгодно банкам, они получают за это чистую прибыль в процентах. А как всегда приходится выкручиваться бедному поселенцу с возвращением долга. Держат по две коровы, свиней, лошадь, чтобы возвращать долг за полученный кредит. Поэтому работают, как поется в песне: «От зари до зари, от темна до темна...». Здесь и не пахнет любовью. Здесь пахнет потом и навозом. Только по большим праздникам, когда собираются в родительский дом взрослые дети со своими семьями, слышен радостный смех и веселье. Да, в действительности, таким образом и происходит социализация сельского жителя на периферии вдалеке от городской суеты.

Летом оживляется этот маленький поселок, так как приезжают на летние каникулы дети и внуки. Также возвращаются некоторые бабушки в свои дома. Ведь они здесь прожили всю свою молодость, как говорят, где каждая травинушка им знакома, и воздух как мед сладок и полезен для тела и души – не надышишься. И звенящая тишина – особенно полезна для души. Все связано с памятью человека: и доброе и худое перевидали они на своем веку, все пережито.

В конце 70-ых годов, когда я учился в Чувашском государственном университете им. И.Н.Ульянова и приезжал домой на ноябрьский праздник, всегда было грязно. По колено в грязи я приходил домой, через Тарханы (Малые Убеи Татарской АССР), мечтал о будущей асфальтированной дороге и о подключении

природного газа. Строил фантастические планы. Для степного поселка доставать дрова было очень тяжело, на вес золота.

В 2009 году построили и асфальтированную дорогу, а на год или два раньше провели природный газ. Очень хорошо! Мои мечты почти сбылись. Стало намного легче жить крестьянам. Много делается Президентом Чувашской Республики Н.В.Федоровым и районной администрацией Шемуршинского района во главе с В.П.Фадеевым по оказанию помощи отдаленным и малоперспективным (!) поселкам. Для этого выносятся много разных проектов: по жилью, по образованию и т.д. Отрадно и то, что они выполняются по старанию руководителей. Результаты видны, и они позитивные.

Но и они – поселковцы, как граждане Российской Федерации наравне с другими большими и перспективными городами и поселениями России имеют право на существование. Имеют право на жизнь, на свободную жизнь по Основному закону – по Конституции Чувашской республики и Российской Федерации.

А теперь проблема другая. Где достать деньги на оплату газа, за содержание дома, дорог и т.д. т.п. И люди вынуждены выезжать в другие города, а особенно в Москву, чтобы зарабатывать деньги на жизнь, на учебу для своих детей, т.к. стоимость обучения в вузах составляет 80-100 тысяч рублей в год!

В 80-ых годах приезжал в эти места Михаил Романович Федотов со своим племянником, Михаилом Ивановичем и близкими родственниками. Ездили по родным местам, заехали на родину в Малое Буяново. Пили воду из того колодца, что находится недалеко от родительского дома. Вырыл и соорудил его прадед Федот Федотович.

Были и в Тарханах (Малые Убеи Тат. АССР.) у Марье аппа. После приехали в пос. Красный Вазан. М.Р.Федотов подарил свои книги Валерию Петровичу Терентьеву: «Чувашский язык в семье алтайских языков» и другие книги.

Специально поехали в поселок Слава. Точнее, на то место, где стоял когда-то поселок Слава. Тогда еще росли Батыревские тополя. Они росли, чтобы зимой указывать путь заблудшим, летом укрывали в тени своих кронов уставших путников, а в знойный день можно было утолить жажду прохладной водою из колодца.

Тогда перепахивали каждый метр без разбору, каждый пустующий клочок земли, чтобы больше посеять весною и осенью собирать урожай. Планы... Невыполнимые и повышенные планы каждый год, спускаемые сверху. Все овраги перепахали. Но, с только что вспаханных полей чернозем (гумыс) смывался с дождем в овраги. Овраги еще больше углублялись и еще больше требовали добротной и черной благородной почвы. Не было зеленых насаждений по полям, трав и кустарников, корни которых могли бы задерживать дождь и ливень. Но преступное использование земель не давало ожидаемого дохода. Землю надо кормить, ухаживать за нею, чтобы получить соответственно. Химизация сельского хозяйства не привела к хорошим результатам. Химические удобрения выброшенные на поля тоннами вместе с почвой смывались в речки, уничтожая флору и фауну.

Хорошо помню после 1960-х годов я прочитал в газете «Правда» такое сообщение ТАСС: «В США запрещено пользование нитратов в сельском хозяйстве». У нас пятилетка за пятилеткой строятся большие планы на перспективу по химизации, механизации и автоматизации сельского хозяйства. Как всегда, в США и на Западе что-то заканчивают, а у нас – начинают. Зная горький опыт США, почему не хотим учиться на чужих ошибках? Химизацией сельского хозяйства на десятилетия испортили почву. Экологию. Как теперь восстановить? Возможно ли теперь вообще восстановить? Вот в чем вопрос. По принципу: «Давай, давай!» тут далеко не поедешь. Есть такая мудрая поговорка в народе: «Что сеет человек, то и пожинает». Этот приговор срабатывает как всегда незамедлительно и безотказно.

Не осталось и пастбищ для выгула скота, для корма лошадей, коров и овец. Поселковцам стало невыносимо трудно жить. Что вырастишь на своих 40 сотках земли кроме картошки? Как большой семье прокормиться? Многие стали уезжать со своими семьями, бросая свои насиженные гнезда в Ульяновскую область, а другие – в Московскую область, в Подмосковье и Калининскую области, где новым поселенцам предлагали квартиры для проживания и немного земли.

Уже, который раз новые поколения людей уезжают из своих деревень, из своего родимого места, чтобы выжить в эти тяже-

лые времена, преодолеть ниспосылаемые судьбою испытания на прочность, и они ищут свое счастье по всей необъятной стране! Вдали от своей родины...

Нарушение духовных основ, безверие людей в добро и светлое будущее и привели в конечном итоге к кризису не только души и тела, но и сознания самого человека, всего общества, что и завершилось погибелью всей социалистической системы, развалом военно-политического блока Варшавского Договора и окончательного уничтожения Советского Союза. Как пелось в гимне: «Союз нерушимых республик свободных...» в 1991 году в одночасье распался, не выдержал чрезмерного самовосхваления и от своего «избыточного счастья и удовольствия» лопнул как мыльный пузырь.

5.5. ДЕТСКИЕ КНИГИ И ТЕТРАДИ ПРИНОСИЛ

Из воспоминаний Марии Ивановны Федотовой.

Отец в общей сложности в армии служил три года и три месяца, так говорила моя мама. Помню, в детстве из поселка Слава пошли с отцом с нашей коровой в поселок Красный Вазан. Там были племенные быки и лошади-тяжеловозы. Отец пошел в правление колхоза, чтобы выписать разрешение на выгул коровы. Я была маленькой, отец говорит мне: «Я пойду по делам. А ты посмотри, если еще немного прогуляются, то пойдем домой. Иначе у нас не будет маленького теленка». Когда отец пришел, мне показалось, что он очень долго ходил, я, увидев папу, радостно закричала: «Папа! Папа! Пойдем скорей домой, коровы уже долго погуляли».

Может быть, мне скучно было оставаться одной около двора выгула коров, и я хотела идти домой. Вместе с Тоней и с другими детишками нашего поселка ходили в школу в поселок Красный Вазан. У нас в поселке Слава не было начальной школы. Мама пекла лепешки (пашалу) или маленькие булочки (капартма). Мы с Тоней подкладывали в печку солому, заворачивая как поленки дров маленькими порциями, и следили, чтобы огонь в печке не

погас. Дров не было. Почти всегда таким образом топили печку. Положим только что испеченные булочки в матерчатую сумку, заворачиваем в газету вместе с книжками и тетрадями и идем в школу.

Помню, как дядя Михаил Романович приносил нам детские книги с рисунками, тетрадки. Мы были очень рады каждому его приезду. В поселке Слава наш дом чуть не сгорел. Пожарники успели потушить вовремя. Смогли спасти и корову, и свиней, и овец. И из дома успели вынести некоторую одежду и посуду. Сгорели сараи для коров и почти весь двор. Домик каким-то образом спасли. У соседей все сгорело: и дом, и все сараи.

Нам выделили лес для постройки нового дома. Построили новый и большой добротный дом. Новые сени с крыльцом. Тот почти сгоревший дом перенесли как помещение для скотов.

Старший брат Миша постоянно присылал денег. Я его почти не помню, когда я была маленькой, он поехал учиться на шофера, а потом работал на целине. После строительства дома было новоселье. Тогда уже люди начали жить намного лучше. Постоянно устраивали разные праздники. Осенью по окончании жатвы справляли – акатуй, весною – Родительские (ратне), родители неделями гуляли, посещая каждый дом по очереди. Готовились и к Ноябрьским праздникам, на Новый Год, день рождения В.И.Ленина 22-го апреля, и, конечно же, на 9-ое Мая, на День Победы над фашисткой Германией. Отец был инвалидом, он часто вспоминал о страшной войне и нам рассказывал, когда другие соседи-фронтовики приходили к нам домой.

Мы с Митей возились и иногда дрались. Он однажды протянул проволоку и сделал «телефон», когда к нам в сени заходили люди, звенела проволока, издавая звук. Мы были рады этому. Знали, что кто-то к нам пришел. В 1958 году, когда Толику исполнился 1 год мы переехали в Тюменскую область. Нас проводил Михаил Романович. Он часто приезжал к нам в поселок Слава.

Родители сразу не смогли продать дом. Позже отец приехал и продал намного дешевле, чем первый раз предлагали за наш дом. Помню, когда приехал папа, мама ругала, что надо было продать за предложенную сумму – за 37 тысяч. Нам для постройки дома на новом месте нужны были деньги.

Старший брат Миша не раз присылал деньги, посылки, мешками сахар. И этот сахар положили наши родители на чердак. Отец с одною рукою не мог залезать на чердак, и это было нам маленьким детишкам на руку. Мы часто по кусочку сахара каждый день доставали из этого мешка и, промочив водой, сосали. Как это было вкусно! Особенно с черным хлебом. Для этого и положили родители сахар, чтобы мы по надобности могли кушать.

Когда Михаил Романович попал в больницу, жалели тебя, не хотели оставлять на ночное дежурство в больнице. Тебе надо было с утра идти на работу. Не выспавшись, не отдохнувши не сможешь работать. У тебя тоже ведь давление большое. В одну ночь на дежурство оставили Виктора (Тетя Маша говорит о моем сыне, который приехал из Москвы на зимние каникулы. – *В.Т.*). И мы с Лидой по переменке дежурили. Любимая женушка Михаила Романовича ни на одну ночь не захотела остаться. В ту ночь, когда дяде было очень плохо, два раза у него остановилось сердце и два раза пришлось вызывать в палату реаниматоров. Всю ночь бегали, у меня давление поднялось до 250! Как только сама осталась жива. Нашли лекарства, попила и хотела посоветоваться, поговорить с Валентиной Сергеевной. Может быть, в последний раз, пока дядя живой. За ночь звонила несколько раз. Она не брала телефон. И с утра звонила, опять не берет. После 9-ти часов только взяла телефон. – Валентина Сергеевна! – говорю, сколько раз звонила к вам домой, почему не берете телефон!? – А я отключила телефон, – спокойно и протяжно заявляет она. От ее слов меня как будто молнией поразило. Я онемела. Не могу говорить... Ее муж умирает... всю ночь мучаются другие люди, совершенно чужие, чтобы его оживлять, чтобы поддерживать хотя бы еще немного его жизнь... А она, чтобы спокойно спать, чтобы ее не мешали, отключает телефон. Как это понимать?! Я до сих пор не могу понять, не могу эту ночь забыть. Как вспоминаю, у меня сново давление поднимается до 250! И едва ли позабуду до самой смерти... Хочу все забыть, но не могу! Ведь за месяц она ни разу не изьявила желание оставаться на дежурство со своим любимым мужем. Разве останется! Хотя бы ради приличия сказала. И в ту ночь, когда Михаил Романович сам скорую помощь вызвал, ее не было на квартире. «У нее постоянно голова болит, не может жить в этом каменном мешке».

При живом муже жили все время отдельно. Он на квартире один. А она в деревянном доме по ул. Щорса. Вот какая сильная и разделенная любовь была у нее к нему. И вечером, в последнюю ночь тоже приехала незаметно, все видела, как ему плохо и незаметно исчезла. Даже не сказала, что уходит. Наверное, и 15 минут не находилась рядом с мужем. Поехала домой и отключила телефон, чтобы «ей не мешали». О чем это говорит? Я не понимаю и едва ли когда-либо пойму, как можно отключить телефон и спать спокойно, когда близкий тебе человек умирает? Для этого нужны человеку очень крепкие нервы и каменное сердце. И на самом деле, всю жизнь она жила для себя и всю жизнь плакала, что умирает... и после смерти дяди еще прожила 7 лет... Пусть живет, я ничего не говорю. Сколько Бог дал, столько пусть и живет. Но выдавать себя, что она любила дядю, как она пытается изображать нам сейчас, я не могу принимать ее слова за истину. Любящий человек поступает совершенно по-другому. Хотя бы сочувствует, сопереживает и хочет разделить боль любимого человека. Особенно тогда, когда ему плохо. И меня в этом никто не сможет переубедить. Я так понимаю. Как понимаю, так и говорю. «Если будешь пьяным, и будешь валяться... Я перешагну через тебя, и пройду дальше, но не подниму. Даже не буду смотреть на твою сторону», – говорила она дяде. Как говорила, так и поступала по всей своей жизни. Когда дядя болел, не приходила к нему на квартиру по две недели. Даже обед не готовила. И тогда мы с Лидой бегали к дяде, чтобы готовить для него обед.

05.11.09 год.

5.6. ЧĂВАШ ЧЁЛХИПЕ ЛИТЕРАТУРИНЕ ЮРАТМА ВЁРЕНТРЁ

Козлова (Васильева) Вера Ильинична аса илёвёнчен.

Эпё Козлова Вера Ильинична, хёр чухнехи хушаматăм Васильева. Пире Михаил Романович Федотов иккёмёш курсран пуçласа вёрентрё. Çав тери çирёп

ыйтатчĕ. Анчах та çирĕп ыйтма унăн тивĕçĕ те, майĕ сем те пурччĕ.

Мĕншĕн тесен хăй кашни занятирех питĕ тарăн пĕлӳ пама тăрăшатчĕ. Кам япăх вĕренет, çавсене вăл питĕ хытă вăрçатчĕ. Ятлама унтан вĕренмелле... «Енчен те вĕренме килнĕ пулсан – вĕренĕр! Вĕренес килмест пулсан, каялла килĕрсене кайăр!» – тетчĕ. Хăй çавах экзаменсенче аван паллăсем, тăваттăпа пиллĕксем лартса паратчĕ.

«Вĕрентсе яратпăр эпир сире, эсир кунтан вĕрентсе янă хыççăн, ялăра кайсан, чăваш чĕлхине çĕклеме тăрăшăр»,– тетчĕ. «Кунта, хулана юлса пирожки сутса ан ларăр», – теме юрататчĕ. Çавна шута илсе пирĕнтен чылайăшĕ ялсене ĕçлеме кайрĕç.

Тата çавăн пек ен пурччĕ унăн. «Мăшăрăрсене çакăнтан тупса кайăр. Яла кайсан, унта хăвăра ăнланакан çынна тупма йывăр, – тетчĕ. Хăвăра ăнланакан çынна тупăр та, вара ăна яла илсе кайса, ялта, ял халăхĕн культурине çĕклеме, хăвăра пулăшса пыракан çын тăвăр», – тетчĕ.

Эпĕ Патăрьел районĕнчи Сител ялĕнчен. Ĕçлеме те, пурăнма та Сител ялĕнчех пурăнатăп, хам вĕреннĕ шкултах, халĕ те çав ялтах учительница пулса ĕçлетĕп. Чăваш чĕлхипе литературине юратса, шкул ачисене тăрăшса вĕрентетĕп. Чăваш чĕлхипе литературине юратма пире Михаил Романович вĕрентрĕ.

Козлова Вера каласа панине чӳк уйăхĕн 25-мĕш кунĕнче 2005-мĕш çулта Вĕрентӳ институтĕнчи тĕлпулура çырса илтĕм (*-В.Т.*).

5.7. ВПЕРВЫЕ ПОЗНАКОМИЛИСЬ В БОЛЬШЕБУЯНОВСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Из воспоминания Андронова Владимира Кирилловича

Андронов Кирилл Афанасьевич родился 2 июня 1918 года в крестьянской многодетной семье. Все братья и сестры умели чи-

тать, а Григорий, окончив курсы трактористов, считался первым трактористом в дер. Малое Буяново.

С 1934 по 1937 годы обучался в Батыревском педагогическом училище. Из его воспоминаний мы знаем, учиться на сельского учителя они начали в Симбирской учительской семинарии (Федотов Михаил Романович, Семенова Елизавета Михайловна, Андронов Кирилл Афанасьевич, Андронов Илья Романович).

Их в Симбирск в основном отвозил на лошадях отец Михаила Романовича. С детства Михаил рос здоровым и смышленым мальчиком. Слова учителя запоминал, и благодаря присущей ему памяти учеба ему далась легко. (Из воспоминаний Андронова К.А.).

После окончания Батыревского педучилища Андронов К.А. был направлен в Триеровскую начальную школу в качестве заведующего. (Теперь этот поселок не существует). Он находился недалеко от населенных пунктов Хорновар-Шигали, Татарские Убеи в 8-и километрах от дер. Малое Буяново.

25 ноября 1939 года был призван в РККА, домой вернулся осенью 1945 года. Войну закончил в гор. Кенигсберге авиамехаником 943 штурмового авиационного полка. В годы войны награжден медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Послевоенную трудовую деятельность начал учителем Малобуяновской начальной школы 15 ноября 1945 года и проработал до мая 1974 года.

1 Мая 1974 года умер внезапно от сердечной недостаточности в Шемуршинской ЦРБ: похоронен на деревенском кладбище.

В годы работы учителем начальных классов около 20 лет являлся председателем товарищеского суда Малобуяновского сельского Совета, а во время выборов – бессменным председателем Малобуяновской участковой избирательской комиссии. Был очень скромным, уважаемым жителем дер. Малое Буяново, увлекался шахматами, пчеловодством, садоводством. 20-25 семей пчел имела его семья. В день Спаса 19 августа собирал не менее 30 мальчиков и девочек со всей улицы, всех угощал домашним медом. Мы сыновья, Геннадий, Владимир, Николай, дочь Мария, не помним, чтобы он односельчанам продавал мед. По случаю поминок, семейных мероприятий стакан меда всем давал бесплатно.

Был справедливым человеком, любил высказывать правду в глаза, уважал честных людей, не терпел обманщиков, угодников и лжецов. Но ему всегда не хватало здоровья, он часто болел.

В последние годы жизни так хотел увидеть внуков, но не дождался.

Будучи партработником и заместителем главы района мне посчастливилось вместе с бывшим редактором райгазеты с Фоминым П.И. участвовать на юбилейных мероприятиях, посвященных 70-и и 80-летию Федотова Михаила Романовича. Возглавлял районную делегацию на его похоронах.

Близко узнали друг друга с 1975 года, впервые познакомились когда он приезжал в Большебуяновскую среднюю школу, а я работал организатором средней школы. Мне приходилось с ним встречаться в его рабочем кабинете, на квартире и на даче. Меня удивляла его богатейшая библиотека, его монографии и труды. Сколько лет он трудился над этимологическим словарем! Все его статьи опубликованные в республиканских периодических изданиях я бережно вырезал и хранил, а позже передал в районный музей боевой и трудовой славы. До начала работ по оформлению музея Н.Ф.Ильбекова мне также не раз приходилось обращаться к нему за советами. Его мудрость, простота снискали уважение у тех, кто ценит язык и культуру наших предков.

14.07.09 г. с. Шемурша, районный центр.

5.8. ВАСАН ШКУЛĔНЧЕ ТЕ, ПАТĂРЬЕЛĔНЧЕ ТЕ ПĔРЛЕ ВĔРЕННĔ

Павлов Николай Герасимович аса илĕвĕнчен.

Васан ялĕнче 7 класс (ШКМ – школа колхозной молодежи) вĕренсе пĕтерсен 1934-мĕш çулта эпир Бабаев Петрпа Патĕрьел педучилищине вĕренме кĕтĕмĕр. Пĕрремĕш семестăртах энĕ аван вĕреннисен шутне кĕтĕм. Отличник патне çывхартăм. Декабрьте, Кирова вĕлернĕ хыççăн нулчĕ ĕнтĕ ку. Манăн çи-пуç, тăхăнмалли сем те янăхчĕ, 15 çулхи ачапча. Патăрьелĕнче «Колхозсен çурчĕ»

– икĕ хутлă çурт пурччĕ. Çавăнта мана митингра сăмах калама тиврĕ. Пирĕн вăхăтра питĕ чаплă преподавательсем ĕçленĕ. Турхан «Интернационал» куçараканни. Кушников Игорь Васильевич, Евлампьев Константин Евлампьевич – философипе, пединститут директорĕ те пулса ĕçлерĕ. Пĕр вăхăт Совет Министерствинче те ĕçлерĕ-ха вăл.

– Павлов, – теççĕ мана, эсĕ вĕренме, лайăх вĕренетĕн-ха. Ак часах Ульяновскран Федотовсем килеççĕ. Ун чухне эсĕ вĕсен хушшинче палăраймăн та... Вĕсем унта нумайăн вĕренеççĕ тенине илтнĕччĕ-ха эпĕ. Чăнахах та Çĕнĕ Çул хыççăн Ульяновскри педтехникумрисем килсе çитрĕç: Федотов Михаил Романович, Елизавета Васильевна, Кириллова Евгения Григорьевна, Андронов Кирилл Афанасьевич, Алексеев Никандр Александрович, Иванов Константин (Иванов Кĕркуç) – Шăхальтен. Пире пĕр район ачисене пĕр группа куçарчĕç. Михаил Федотова хамăр группăри старостăна суйларăмăр, ертсе пыракани пулнă вăл пирĕн.

Эпĕ хваттерте пурăнаттăмччĕ. Анне мана вĕсемпе пĕрле общежитинче пурăнма хушмарĕ, «пăсăлса каян», терĕ. Вĕсене общежитире пĕрле задачăсене шутлама, çырса вĕренме те çăмăлтарах пулнă ĕнтĕ. Мĕн пĕлменнине – йывăр задачăсене ушкăнпа шутласа кăларнă. Эпĕ çĕрĕпех лампă çунтарса задачăсем шутласа лараттăмччĕ. Пĕр тĕрлĕ шутласа пăхатăп, унтан тепĕр тĕрлĕ... Вăл мана хисеплетчĕ. Эпĕ математикăпа тепĕр чухне урăхларах шутласа кăлараттăм.

Математикă урокĕсенче вара тепĕр чухне: «Мĕн аташатăн ĕнтĕ», – тесе хыттăнах калатчĕ. Вырăнна лар!» – тесе хыттăнах чышатчĕ аякран. Эпир иксĕмĕр математикăпа отличниксем пултăмăр. Хамăрăн руководительне Евлампьев Константин Евлампьевичпа – Федотов Михаил – пĕр енчен, эпĕ – тепĕр енчен сăн ўкерттерме те тивĕçлĕ пултăмăр.

Амăшĕ нумай пурăнаймарĕ пулас, çапла çап-çамрăклах çурма тăлăха тăрса юлчĕ Михаил. Унăн тетĕшĕ Ваня ятли пурччĕ тата. Ăна та паллаттăмăр.

Аван вĕренекенсенчен кая юлас мар тесе, çурçĕрчченех краççын çунтарса лараттăмччĕ. Лайăхрах хатĕрленмелле, халиччен аван вĕреннĕ-те-ха... Намăс пулать япăхрах вĕренме пуçласан.

Пĕр вăхăтра çапла пулчĕ, 1936-мĕш çулхине, репрессии хумĕ пырса çапрĕ темелле-ши? Андронов историк вĕрентетчĕ пире. Пĕррехинче мана чĕнсе илчĕ те библиотекăна кĕме хушрĕ. Библиотекăра унăн арăмĕ ĕçлетчĕ. «Павлов, такам çăхав çырнă. Сиртен ыйтма пултараççĕ. Истори урокĕсенче эпĕ Тимофеев Хури пирки, националистсем пирки мухтаса каланă пулать. Эпĕ мĕн-мĕн каланисене тĕрĕслеме килеççĕ. Санран ыйтсан, эсĕ мĕнле ответленĕ пулăттăн?» – терĕ.

«Эпĕ вĕт-ха, Федотовсемпе пĕрле вĕренетпĕр, мĕн, вĕсем урăхларах каланă пулĕччĕç-ши вара? Атьăр, вĕсене те чĕнсе пĕрле сӳтсе явар», – терĕм. Чĕнмест хăй, шăпăрт тăрать. Федотова кайса чĕнсе килчĕ. «Истори урокĕнче, Хурисем, Эллесем политикăна тĕрĕс тытса пынă пулсан, Чăваш республикинче ертсе пыракансен шутне кĕме пултарнă, йăнăш тунă та, çавăнпа вĕсене националистсем тесе ăнлантарса пачĕ вĕт-ха», – тетĕп. Вĕсем эпĕ каланипе килĕшрĕç.

Жалобă тĕрĕслеме комисси килсен, пиртен ыйтса пĕлчĕç. Эпир çаплах каласа çирĕплетсе патăмăр. Эпир каланипе килĕшрĕç пулĕ, урăх ыйтса-тĕпчесе çӳремерĕç. Çаплах, чиперех иртсе кайрĕ пуль, ахăр. Каярахпа урăх шăв-шав пулмарĕ вара ун пирки.

«5% -ый выпуск, которые могли без экзаменов поступать в высшие учебные заведения». Тӳрех аслă шкула вĕренме кайма та пулатчĕ те, укçа-тенкĕ пулманни пĕтерет. Хам кăмăлпа Ленинградский педагогический институт им. Герцена вĕренме каяшăнччĕ те. Ăçта унта? Ёмĕтленме, темле ёмĕтленме те пулать... Пирĕн вăхăтра институт пĕтернĕ учительсем пулманпа пĕрех, пулсан та питĕ сахал пулнă, çавăнпа та аванрах вĕренсе тухнă учительсене начальный классене мар, аслăрах классене вĕрентме те РОНО-ран хушу кăларнă.

Салтака апрельте кайнă, икĕ уйăхранах Ровно хулинче «курс молодого бойца» проходить тусан, вăрçă пуçланчĕ. Присяга тытма та ĕлкĕреймен. Кайран, вăрçă пĕтсен 1945-мĕш çулта Одессăра присяга тытрăмăр. 1946-мĕш çулхи январьччен çар службинче тăнă хыççăн пире иккĕмĕш черет йĕркипе киле ячĕç. Шкулти учитель пулнине те шута илчĕç пуль ахăр.

Паттăрсен вилĕмĕпе те вилме пултарнă... Турă сыхласа хăварнă пулĕ. Пленра та çăмăл пулман. Çавах та чĕрех таврăнтăм тăван киле. Киле таврăнтăм та никам та çук килте. Арăм прокурора качча тухнă. Çав прокурор мана пленра пулнă тесе мĕн чухлĕ нуша кăтартмарĕ пулĕ кайран. Çырма вĕреннĕ те, ялан çырать... Лешсем тĕрĕслеççĕ... Арăм мана курсан, унăн каллех пирвайхи юрату вăраннă. Эпĕ прокурортан çамрăкрах та пулнă, хитререх те пуль. Каллех пĕрле пурăнма калаçса татăлтăмăр. Çавăнпа прокурор килĕшме пултарайман ĕнтĕ, çырать те çырать... Пленран таврăнсан эпир 5 ача çуратса çитĕнтернĕ, мĕн чухлĕ шкул ачисене вĕрентсе кăларнă тата?

Михаил Николаевич Тухачевский те поляксем патĕнче тыткăнра пулнă. Французсен генералĕ Де Голль, каярахпа Франци президенчĕ, вăл та пленра пулнă. Югослави президенчĕ – Броз Тито та пленра пулнă. Пленра пулни вăл алă тăратса тăнмана сутăннине пĕлтермест. Плен хыççăн та вĕсем государствăра пысăк вырăнсем йышăнма пултарнă.

1948-мĕш çулта мана пленра пулнишĕн ĕçрен кăларчĕç. Ждановăн доклачĕ: «Непреклонение перед Западом» пулчĕ. Прокурор Чурачикинче ĕçлетчĕ, «юрату» фрончĕнче çĕнтерейменнипе вăл, жалобă хыççăн жалобă çырать. Мана КГБна чĕнтереççĕ. Ялан автобиографи çыртараççĕ. КГБри Николаев Патăрьелĕнчен килет те: «Эсĕ халĕ те вилмен-и?» тет. Мана вăл çын вырăнне те хумасть пулать ĕнтĕ. «Пурăнкалатăп-ха», – тетĕп. «Эсир канлĕн вилме памастăр, яланах чĕнтерсех тăратăр. Вилĕм çинчен шухăшлама вăхăт çук!». «Апла пулсан,

автобиографи çыр!». «Ёнер кăна çыртăм вĕт-ха, эсир вуламарăр-им?». «Мĕн чухлĕ çырма хушатпăр, çавăн чухлĕ çыратăн!» – тет сĕтел çине аллипе çапса. Репресси пекки пулчĕ ун чухне: «Пленра пулнисен çамрăк ăрăва вĕрентме нимĕнле мораллĕ правă та çук!» – тесе калатчĕç. Австрире пленра пулнă-çке-ха.

Мĕншĕн çавăн чухлĕ автобиографи çыртараççĕ-ши теттĕмччĕ ун чухне. Вăрçăсем çинчен киносем куркалатăп та хăш чухне, халĕ кăна ăнкарса илтĕм-ха, ара мĕне те пулин хирĕçлерех çырса кăтартнă пулсан, пленри «йăнăша» тупса манăн чуна илеччĕç ĕнтĕ. Ман телее «айăпăма» тупайман курăнать, паянччěнех пурăнатăп-ха.

Аслă пĕлӳ илме тесе виçĕ хутчен те экзаменсем панă эпĕ. Ялсенчен килеççĕ института кĕме, задачăсем шутлама та пĕлмеççĕ хăйсем. Эпĕ вĕсене шутласа, ăнлантарса паратăп. Экзамен хыççăн, çав хĕрсен хушамачĕ сем вĕренме кĕнисен списокĕнче пур, манăн хушаматăм çук. Темиçе хут та çапла пулчĕ. Малтанласа япăх çырса патăм пуль тесе хама айăплама пăхаттăмччĕ, каярахпа вара, чиперех çырса патăм-çке, мĕншĕн кĕреймерĕм-ши? Причини урăххинче пуль, тесе ирттерсе яраттăмччĕ. Тепĕр çул авантарах хатĕрленсе килетĕп те – кĕретĕпех! тесе кăмăла пусараттăм.

Тепĕр çулхине те мана экзаменсем хыççăн чĕнтерчĕç. Приемный комиссине кайрăм. Хамăн хушаматăма калатăп. «– А-а Павлов?! Эсĕ математикăпа аванах шутланă... Сочинение те... Анчах та санăн, Павлов, ректор патне каймалла пулать. Вăл йăлтах ăнлантарса парĕ». «Мĕн, сочиненийĕ кăмăлне кайман-ши? Тен урăхларах çырмалла пулнă...»,– тесе хам ăшăмра шухăшласа утатăп ректор кабинечĕ еннелле. Державин çинчен сочинени çырмаллаччĕ те, эпĕ çав гемине аванах пĕлместĕмччĕ. Çавăнпа вăрçăпа çыхăнтарса çыртăм. Свободная темăпа çырма та юрать терĕç-çке.

О, Родина моя,
Какое сердце не дрожит
Тебя благославляя.

Лайăхах çыртăм терĕм ĕнтĕ, грамотнă. Йăнăшсем пулмалла мар, çырнă хыççăн та икĕ-виçĕ хут тĕрĕслесе тухрăм-çке... Ректор хăй кабинетĕнче çукчĕ. Килне кайрăм. Эпир вăл ăçта пурăннине пĕлеттĕмĕрччĕ. Килĕнче арăмĕ пĕччен кăначчĕ. Пире паллаччĕ. Уçса кĕртрĕ: «Халь çук-ха вăл, анчах та часах килмелле», – терĕ.

Константин Евлампьевич килчĕ, темле хутсем кăларчĕ: «Павлов, вы в долгу перед Родиной», – терĕ. «Пленра пулнисене института илме юрамасть», – тесе, хучĕсем çине хĕрлĕ кăранташпа турта-гурта хунă. Ун пеккисем тупăнсан, кĕнисене те хăваласа кăларса ямалла иккен! Мĕн тумалла капла? Вĕренме кĕнĕ çĕртен тухса каймалла-и? Пуçран чукмарпа çапнă пекех ректор килĕнчен тухса кайрăм.

Каялла çитрĕм те института, кĕтĕм. «Ректор мĕн каларĕ?» – тесе ыйтаççĕ манран. Эпĕ каласа патăм. «Мĕн тăвăпăр вара? – тет, приемный комиссинче ĕçлекенни. Автобиографисем çинче те çав вырăнсене хĕрлĕ кăранташпа туртса хунă. «Автобиографине çĕнĕрен, пленра пулнисене кăтартмасăр çырсан?» – тетĕп. «Çыр, тен чиперех пулĕ»,– тесе мана хут пачĕ. Эпĕ автобиографи çырма «вĕреннĕскер», часах çырса та патăм. Хама участник войны тесе кăна кăтартрăм. Çапла вĕренме пуçларăм вара институтра.

Михаил Романовичпа тĕл пулсан калаçатпăр та, ăна та Евлампьев Константин Евлампьевич: «Вы в долгу перед Родиной», – тесе каланă иккен. Михаил Романович ăна хирĕç çапла каланă: «Вы были классным руководителем, и все ваши воспитанники оказались в плену, стали предателями. Кого вы воспитывали? Ни одного патриота нет у вас. И как вы можете работать после этого воспитателем?!».

Михаил Романович вăл хĕрӳ те çирĕп çыннăçĕ, сăмахне тӳррĕн калатчĕ, пĕр сăмахпа касса татма пултаратчĕ.

Блаженков математикă методикипе вĕрентекен преподаватель пурччĕ. Задачăна анализ тума тăрсан, темĕн çавăрттарса пĕтерет. Пĕрре чăтаймасăр çапла каларăм: «При таком анализе по вашему методу, ни один ученик

не решит задачу», – терĕм. «Давайте, вы делайте анализ этой задачи»,– тет мана доска умне тухма хушса.

Эпĕ шутласа, анализ туса патăм. Ун хыççăн тата йывăртарах задачă парать. Эпĕ: «Николай Иванович, ку задачи тата çăмăлтарах ĕнтĕ», – тетĕп. Вăл тата тарăхать. Мана палларĕ хайхи. Анчах та халĕ кăларса яма нимĕнле право та çук. Пĕрре мана мухтатчĕ, тепре тарăхатчĕ.

Михаил Романович та каланă вара: «Павлов манăн юлташ», – тесе. «Мĕншĕн манăн юлташа кăштах та поддерживать тумастăр», – тенĕ. Çавăн хыççăн преподавательсем ыйтатчĕç. «Эсĕ Михаил Романовичăн юлташĕ-и?» – тесе. Вăл ун чухне нимĕç чĕлхисен кафедринче преподаватель пулса ĕçлетчĕ. Мана вара малалла вĕренме те çăмăлтарах пулчĕ. Тăтăшах тĕл пулса калаçаттăмăр, тĕрлĕ ĕççене сӳтсе яваттăмăрччĕ. Михаил Романович патне килне темиçе хут та кайнă. Вăсем ун чухне Щорс урамĕнчи 25- мĕш çуртра пурăнатчĕç. Ун патĕнче яланах çынсем нумай пухăнатчĕç. Пĕрре çапла курса калаçма тесе кайрăм та, вĕсен пӳрчĕ çумĕнче очередь йышăннă пек çынсем тăраççĕ. Эпĕ тӳрех кĕрсе кайма тăтăм. Мана чараççĕ: «Очередь надо соблюдать, не имеете право»,– текелеççĕ. «Эпĕ часах тухатăп, икĕ минутлăха çеç хăвăрт кĕрсе тухмалла»,– тесе кĕрсе кайрăм.

Михаил Романович мана тараватлăн йышăнчĕ. Тулта тăракан çамрăксенчен пĕри Николай Иванович Егоров пулнă иккен! Тухса кайнă чухне: «Эпир унпа нумай калаçса лармастпăр, пĕр-пĕрин вăхăтне шеллеме пĕлетпĕр»,– терĕм. – А, эсĕ мĕн чăрмантарса çӳрен ĕнтĕ ĕçлĕ çынна!» – тесе тухса кайрăм.

Халь вулакалатăп та «Хыпарта» тухнă унăн статьйисене, унта хăйне пысăка хурса çырать, мăнкăмăллăрах, çынсене вĕрентсе çырать. Халь хăй те профессор та ĕнтĕ, çапла çырмалла та пулĕ çав.

Пĕрре мана Михаил Романович Республикăри совещанинче тăхтавра шыраса гупрĕ те (ĕлĕкрех çуллахи каникул вăхăтĕнче августра çавнашкал совещанисем пулатчĕç): «Мĕн итлесе ларатăн, сан валли вĕсем нимĕн

те çённине каламаççё. Атя Атăл хёррине уçăлма каятпăр», – терё. Эпир коридорпа пынă чухне икё çамрăк пире хирёç пулчёç, вёсен еннелле пуçёпе сёлтсе, «Ак çак ухмахсене, эсё хăвăр шкулăра ан та кёртёр! Çывăха та ан яр!» – терё. «Кунти совещанире ухмахсем те пур-и?» – тетёп Михаил Романовича. «Пур çав, пур! Вёреннё чухне вёсем нимён те пёлмесчёç, вёренсе пётерчёç те, нимён пёлмесёрех халь хăйсем çынсене вёрентсе çÿ реççё». «Камсем вара вёсем?». «Пёри – Комсомольский районёпе ёçлекен инспектор. Тепри – Патăрьел районё пе ёçлекен инспектор. Çынсемпе йёркеллё калаçма та пёлмеççё вёт-ха вёсем. Аслă пёлÿ илнё. Пысăк вырăнта ёçлеççё. Мёнле кăна çакланнă вёсем унта!?».

Шупашкара кăтартса çÿреме юрататчё вара вăл. Эпир ялта пурăнакансем йёркеллён пёлсе те пётерейместпёр, ăçта мён-мён пуррисене. Музейсене, художественный, Краеведческий музейсене çÿреттёмёрччё. Атăл хёрринче те темиçе хут та пёрле пулнă. Калаçнă, ёмётленнё.

Пёрре мана Министерство просвещение чёнтерчёç. Эпир РОНО начальникёпе пёрлех килтёмёр. Ман кандидатурăна директор пулма пăхса тухаççё иккен. Таçтан Михаил Романович çитрё те: «Мён шухăшласа тăмалли пур унта, тахçанах директор пулса ёçлемелли çын вăл!» – терё. Çавăн хыççăн 20 çула яхăн шкул директорё пулса ёçлерём.

Михаил Романович Федотов кёлеткипе те, ăсёпе те пысăк çыннччё. Мана çак хисеплё ăсчахпа чăн малтанах Патăрьелёнче пёрле вёренме пÿрнишён, каярахпа институтра та пёр-пёринпе юлташла курса калаçма тивнишён пурăнăçăма тав тăватăп. Ун ячёпе мухтанатăп та савăнатăп. Сăмахăма вёçлесе çакна каласшăн: кăмăлёпе те, шухăш-ёмёчёсемпе те – вăл чăн-чăн чăваннчё! Хăйён ёмёрё тăрушшёпех Чăваш ятне çёклеспён пулчё. Çёклерё те!

Николай Герасимович Павлов аса илёвёсене пленка çине август уйăхёнче 2009-мёш çулта çырса илтёмёр.
Васан ялё. (-В.Т.).

5.9. КАК Я РИСОВАЛ НА КВАРТИРЕ У АКАДЕМИКА

Из воспоминания Терентьева Даниила Владимировича

Когда приезжал к Михаилу Романовичу на квартиру, он всегда давал мне листок бумаги, и я рисовал. Помню, как я рисовал на листке бумаги робота, самолет и машину. Он похвалил меня. Каждый раз я изображал разные роботы, машины милицейские с мигалкой. Он подписывал, кто рисовал и когда. Собирал эти листки и аккуратно хранил их у себя на книжной полочке. Говорил, когда вырастем, то он нам покажет эти рисунки. У него было много книг по всей стене своего рабочего кабинета, с пола до потолка.

Еще помню, когда я был маленьким, приехал с папой на дачу по ул. Щорса к Михаилу Романовичу. Они с Валентиной Сергеевной сидели за домом на лавочке, в саду. Папа поздоровался с ними. А я не поздоровался. Он у меня спросил: «Почему ты не поздоровался?». Я, решив исправить свою ошибку, зашел за угол дома, чтобы он меня не видел и вернулся обратно. Сказал громко: «Здравствуйте!» и присел рядом с ними. Он говорит мне, что я молодец, не растерялся, а быстро сообразил, как выйти из такого положения. Похвалил меня за находчивость и смелость. И после этого он часто вспоминал этот случай и другим рассказывал. «А то другие в такой ситуации голову опускают вниз и молча стоят, топчась на одном месте. А ты молодец! Боевой и волевой, решительный», – говорил обо мне.

Вышли из троллейбуса №19 на остановке «Богданка». Перешли улицу на перекрестке на зеленый свет. Идем с Даниилом по улице Фучика. Направляемся во двор между двухэтажными домами. Проходим детскую площадку. Даниил говорит: «Помню, как на этой детской площадке с Михаилом Романовичем играли». Даниил тогда был маленьким, и мы вместе с Михаилом Романовичем возвращались из дачи. Тогда только построили эту детскую игровую площадку – «Зверинец». Мы остановились. Даниил бегает с одного игрушечного макета зверей к другому. И на качелях качается, и с «горки» скатывется, и на «Павлина» залезает. Все бегом и с детским азартом. Михаил Романович страхует его, чтобы он не упал, не ударялся. Бегая за ним, радуемся

его молодости и жизнерадости. Раньше все время ходили напрямик через этот двор на ул. Щорса. С тех пор, как начали стройку, стараемся ходить в круговую, огибая магазин «Богданка». Вот и такие радостные минуты общения с акдемиком не забываются. Они навсегда остались в нашей памяти.

22 .06.09 г.

5.10. ЧИ ШУТЛĂ, ЧИ СУМЛĂ, ЧИ ЯТЛĂ АКАДЕМИК

Михаил Иванович Скворцов профессор аса илĕвĕнчен.

Хăй вăхăтĕнче, вăл маншăн питĕ хисеплĕ, халĕ ĕнтĕ ăна: тусăм теме те пултаратăп. Чăваш тĕпчев институчĕн директорĕ Василий Димитриевич Димитриев мана пехил парса араб чĕлхи вĕренме ячĕ. Унăн пехилĕпе эпĕ пĕр çулталăк Египетра араб чĕлхи вĕренсе пурăнтăм. Унтан таврăнсассăн Василий Димитриевич Димитриев мана Михаил Романович Федотовăн ал çырăвĕсене пăхса тухма сĕнчĕ. Ал çырăвĕн ячĕ, вырăсла каласассăн, «Арабские и персидские заимствования в чувашском языке». Каярахпа Чăваш тĕпчев институтĕнче кун çути курчĕ, /Ученые записки ЧННИ. 1963. 2,00 п.л./, урăхларах чăвашла каласассăн, пирĕн чăваш чĕлхине араб тата перс-иран чĕлхисенчен кĕнĕ сăмахсем пирки çырнă тишкĕрýллĕ тĕпчев ĕçĕ.

Эпĕ унччен Михаил Романович Федотовпа паллашсах кайман пулмалла. Кайран, вăл çырнă ĕçе майласа, редакцилесе пынă пирки унпала паллашрăмăр. Çывăхах паллашмалла пулса тухрĕ.

Вара эпĕ унăн наука, – тетпĕр-ха ĕнтĕ, – ăслăлăх енĕпеле мĕнлерех туртăм пулнине, унăн шухăш-кăмăлне лайăхрах ăнланса илме пуçларăм. Ку пĕрремĕшĕ.

Иккĕмĕшĕнчен, эпир унпа çынлăх енĕпе те – чисто человеческое отношение, – теççĕ вырăсла, çынлăх енĕпе те çывăхлантăмăр.

Эпĕ хальхи пекех ас тăватăп, унăн пĕчĕккĕ кăна пýрчĕ пурччĕ, Щорс урамĕнче. Çавăнта Валентина Сер-

геевна мĕнле питĕ кăмăллăн пăхса кĕтсе илнине, пурне те хальхи пекех ас тăватăп. Питĕ лайăх вăл... Анчах та кун пек истории – наукăпа, ăслăлăхпа ăрасна япала.

Вара эпир Михаил Романович Федотовпа мĕнле каламалла, пĕрле нумай çул хушши юлташла ĕçлерĕмĕр. Пирĕн хамăрăн тăван чĕлхе историне тĕпчесе, унăн тымарĕсене, унăн несĕлĕсене палăртас тĕлĕшпеле килĕштерсе ĕçлерĕмĕр теме пултаратăп эпĕ. Мĕншĕн тесен, Михаил Романович Федотов пек çак пирĕн чĕлхен авалхи тымарĕсене палăртса, кăтартса, уçса паракан ĕçтешсем нумаях мар.

Николай Иванович Ашмарин пур. Василий Георгиевич Егоров пур. А виççĕмĕш вырăнта – Михаил Романович Федотов. Вĕсем пирĕн шăпах çав хамăрăн чĕлхен тĕп тымарĕсене шыраса тупса, кăтартса паракансем, хальхи учительсене, хальхи вĕренекенсене çутă кăтартса пыракансем пулнă.

Хăй вăхăтĕнче Михаил Романович Федотов пирĕн чăваш чĕлхин тата юнашар чĕлхесен, мари, удмурт чĕлхисен хушшинчи çыхăнăвĕсем çинчен питĕ нумай паха ĕçсем çырчĕ. Унăн пĕрер ĕçне хакласа рецензи пекки те çырма мана чыс тиврĕ.

Михаил Романович хăйĕн ĕçĕсенче пирĕн Атăл тăрăхĕнчи, Атăл хушшинчи тĕрлĕ халăхсен чĕлхисене, вĕсен хутшăнăвĕсене нумай енчен тишкĕрсе тĕпчерĕ. Пысăк ăслăлăх ĕçĕсем çырчĕ, вĕсене çутта кăларасшăн тăрăшрĕ.

Вăт калаççĕ: «Çармăссем... çармăссем!» теççĕ. Эпир тĕрĕксем, вĕсем финн-угорсем... Анчах та эпир чăвашсем пулсан та ĕлĕк-авалах çармăссемпе хутшăнса пĕтнĕ. А çур чăваш вăл – çармăс. Çур чăваш вăл – çармăс! Эпир юн тĕлĕшĕнчен, несĕл тĕлĕшĕнчен, чĕлхе тĕлĕшĕнчен тĕрлĕ пулнă пулсассăн та, пирĕн истории саманин çыхăнăвĕпе эпир çармăспа уйрăлми тачă çыханнă. Уйрăлми тачă. Манăн хамăн та асанне, асаннесен асламашĕ çармăс пулнă. Чăвашсен пурин те – йăх, несĕл тымарĕнче çармăссем пурах.

Çавăнпа та Михаил Романович Федотов çак чăвашпа çармăс хушшинчи чĕлхе çыхăнăвĕсене тарăннăн тĕпченин сăлтавĕ пурах. Сăлтавĕ питĕ пулнă. Халиччен ун пекки ĕмĕрте пулман. Михаил Романович нимĕç чĕлхине витĕр пĕлетчĕ. Çармăс чĕлхине пĕлнĕ. Тĕрĕк чĕлхисене пĕлнĕ. А чăваш чĕлхийĕ пирки каламалли те çук. Пирĕн ĕмĕрте çавăн пек пысăк ăсчах, пысăк тĕпчевçĕ пулнишĕн пирĕн савăнмалла кăна. Михаил Романович Федотов пире хăйĕн ĕçĕсемпеле усă кăтартса хăварни анчах мар, пире хăйĕн ĕçĕсен тĕслĕхĕсемпе вĕрентсе хăварни те çав тери пысăк пĕлтерĕшлĕ тесе шутлатăп эпĕ.

Эпĕ çавăн пек шутлатăп, Михаил Романович Федотов профессор, академик ячĕ пирĕн чăваш чĕлхе тĕпчевçисен хушшинче чи шутлă, чи сумлă, чи ятлă вырăнта пулма тивĕçлĕ.

М.И.Скворцов профессор аса илĕвĕсене пленка çине чӳк уйăхĕн 18-мĕш числинче, 2005-мĕш çулта çырса илнĕ. Михаил Иванович ун чухне «Вĕрентӳ институтĕнче», Шупашкар хулинче ĕçлетчĕ. Халĕ çав пленкăсем манăн архивра упранаççĕ (–В.Т.).

Глава 6

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО – ДРЕВО ЖИЗНИ РОДОСЛОВИЙ

Комментарии к «Генеалогическому древу»

6.1. ДРЕВО ЖИЗНИ РОДОСЛОВИЙ

Во вторую книгу «Духовное наследие академика М.Р. Федотова» хотел включить родословие Федотовых. При встрече и по телефону сообщил о своем намерении Галине Викентьевне Мурзиной. В девичестве ее фамилия была – Мульдюкова. Она сказала, что у нее уже есть какие-то наброски по родословию Утривановых, записанные со слов своей матери – Мульдюковой Феклы Александровны. Она была младшей дочерью Терентьева Александра Утривановича.

Я попросил ее по возможности собирать материалы о родословии Федотовых. Она согласилась. Это было в 2008 году.

В августе следующего года во время летних каникул специально поехал по родным местам М.Р. Федотова. Мне важно было жить в тех местах, где родился и жил в детские годы Михаил Федотов, будущий ученый. Дышать тем воздухом и ходить по тем местам и тропинкам, где он проходил. Пить воду из того колодца, из которого он пил, утоляя жажду. Мне хотелось видеть и те места, где ему нравилось бывать и самому прочувствовать ту атмосферу более полувековой давности, пропустить через себя, через свое сердце, наслаждаясь красотою родного края. Где он жил и мечтал о будущем, желая быть достойным и нужным человеком своей страны. Поговорить с теми родственниками и со старыми людьми, кто с ним раньше общался, вспоминая молодость. Мне эти бесценные материалы нужны были для продолжения второй книги.

В Шемурше меня встретил Андронов Геннадий Кириллович на своей машине и проводил до деревни Малое Буяново к Федотову Федору Николаевичу. По пути из Шемурши заехали в село Трехизб-Шемурша к Галине Викентьевне. Она встретила нас радушно. Дома были и ее дети: Ваня и Марина. Нас посадили за

стол и накормили обедом. Мне она передала свои разработки по Древу жизни Утриванових. Она всех детей включила от первого брака Александра Утривановича и всех детей от второго брака. Основа уже есть! Моей радости не было конца. Слава Богу! А далее мне приходится самому дорабатывать. Спасибо тебе большое, Галина Викентьевна, за старание и за большую лепту, которую ты вложила в начало изучения истории рода Утриванових. Ибо без знания прошлой истории и настоящей, не будет счастливой жизни ни для нас, ни для наших потомков.

А о родословии Федотовых у нее почти ничего и не было. Поэтому мне пришлось все заново начинать, с нуля собирать информацию. Ходить по родственникам М.Р.Федотова и объясняться, спрашивать об их родителях, о бабушках и дедушках. Много интересного о прошлом вспоминала супруга Федора Николаевича Федотова – бабушка Зина. С ее слов я начал составлять основу генеалогического древа Федотовых: о Романе Федотовиче и о его детях...

Мы с сыном старшего брата М.Р. Федотова с Федотовым Федор Николаевичем обошли почти всех родственников. Были также в соседней деревне Какерли Шигали (Кахăрлă Шăхалĕ), куда вышла замуж старшая дочь Романа Федотовича – Матрена. Все встречали гостеприимно, доброхотно делились своими воспоминаниями.

Вот что я заметил в ходе посещения... Во-первых, у всех были дома большие, просторные. У многих – двухэтажные. Да, люди действительно живут хорошо, у всех телевизоры и ковры. Чем люди скромнее живут, тем радушнее встречали, непринужденно, свободнее общались. По чувашскому обычаю сажали за стол, беседовали и пили чай. Старались угощать, кто чем мог. ...Все лучшее угощение выставляли на стол. Такие обычаи у чувашей пока еще соблюдаются. Деревню Малое Буяново на чувашском языке называют «Пуянкасси», в переводе на русский язык означает «Деревня Богачей», а точнее – «Улица Богачей». В действительности, деревня соответствует своему названию.

Посещали и знаменитых и очень богатых родственников (так объяснял мне дядя Федя), которые работали в районном банке. Перед их домом стояли легковые машины разных марок. Они встречали нас с прохладцей, недоверием. Даже не приглашали нас к себе в дом... Разговаривали с нами на улице. Так как они были «очень занятыми и уважаемыми людьми» в деревне, они-то «имели право» не исполнять старые добрые традиции наших дедов, игно-

рируя гостеприимство. Материальное богатство людей не всегда определяет духовно-нравственное состояние человека, его культуру и внутреннюю сущность. Особенно я ценю последнее – богатство человеческой души! Какими богатыми бы ни были люди в материальном плане, они, по моему мнению, в любой ситуации должны оставаться и быть людьми! Это и есть отличие человеческого существа, так называемого homo sapiens, от своих меньших братьев – животных существ. Это и есть – критерий человечности!

Во-вторых, из молодых людей многие не интересуются своими корнями, в лучшем случае знают о своих непосредственных родителях: об отце и матери. Некоторые еще знают о своих бабушках и дедушках, если проживают вместе. Кто-то знает о своих предках понаслышке. Единицы, наверное, знают о своих прабабушках и прадедушках. Их так мало, и одна из основных причин, то, что в России средняя продолжительность жизни самая низкая по сравнению с западными странами – менее 56 лет для мужчин, а для женщин – 72 года. Это пенсионный возраст, когда человек начинает жить для себя, думать для себя. До этого он работал на государство, у него времени не было думать о себе, и о своем состоянии. Тем более, не было возможности помогать своим родным и близким, т.к. самому надо было выживать.

Через реку Карла проложен железобетонный мост, соединяющий две рядом расположенные деревни Какерли Шигали и Малое Буяново, дороги заасфальтированы. В одном колхозе работали люди сообща, как из одной деревни. И это еще больше объединяло их, вдохновляя на решение поставленных задач ради будущего. Жили дружно и счастливо, помогали друг другу.

Раньше, помню, около колхозных ферм был деревянный бревенчатый мост через речку, и люди из соседних деревень проезжали на лошадях. Или же через речку в определенных не глубоких местах в брод. Тогда еще речку можно было называть речкой, она была намного шире. Теперь и речка обмелела, можно перепрыгнуть через этот высыхаюший ручеек.

Перед домом Федотовых есть колодец, который вырыл Роман Федотович своими руками. Из этого колодца брали воду не только семья Романа Федотовича, но и вся улица. Рядом с колодцем растут могучие ветлы, как и во времена Романа Федотовича.

Не все родные понимали значимость начатого мною дела. Но Бог им судья. С неимением достоверных сведений по Древу

Сергея Александровича Терентьева, записал то, что смог найти.

Многие наши родственники с радостью отнеслись к моим просьбам и помогали бескорыстно. Тимошкина Ольга Ивановна (Варвари аппан Санюк ятлă кĕçĕн хĕрĕн ачисем).... Я был рад, что мне удалось найти номер ее телефона и адрес. Иногда в день по несколько раз звонил и уточнял один и тот же вопрос о родственниках. Но она всегда была добродушна и терпелива к моим звонкам. Смиренно отвечала на все мои вопросы, которые ей были ведомы.

Благодаря ей, мне удалось «ветви» Варвары от первого брака восстановить и включить в «Генеалогическое древо Утривановых».

Как видим, не все родственники по крови одинаково отнеслись к моим просьбам. Некоторые, совсем чужие люди (приемные дочери Санюк аппи) духовно были близки и роднее, чем кровные братья и сестры.

Тут невольно вспоминаются слова Иисуса Христа. В Новом Завете мы читаем, когда законники, искушая, спрашивают у него: «А кто мой ближний?». На это Иисус отвечает притчей «О добром самарянине». Этот тот, кто рядом, помогает в беде, делает добро другим. Так могут поступать только те люди, у которых сердца наполнены милосердием и любовью к другим. Таким и был добрый самарянин, совсем чужой человек, презираемый евреями. Но он помог оказавшему в беде. Промыл раны, перевязал, посадил на осла и привез до гостиницы. Оплатил за постой в гостинице и на последующие дни хозяину, чтобы они за раненым человеком присмотрели до своего возвращения.

А священник и левит, которые были одной крови – евреями, как и пострадавший от разбойников, подошли к раненому, посмотрели и прошли мимо, не оказав никакой помощи нуждающемуся. Иисус спрашивает: «Кто из этих троих, думаешь, ты, был ближний попавшемуся разбойникам?». Законник сказал: «Оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же». (Ев. от Лк. 10: 29-37 ст.).

Каждый человек мог поступать как этот добрый самарянин, по усмотрению своего сердца. Но все зависит от того, чем наполнены наши сердца. Это еще один пример того, что совершенно разные сердца у людей. И поэтому в одной и той же ситуации люди поступают совершенно по-разному, как позволяет им совесть.

Со всею серьезностью помогала находить родственников Людмила Анатольевна Терентьева (Гусарова). Я звонил и днем и ночью, разыскивая следы затерянных родных. Она связала нас с внуками Николая Александровича Терентьева, с детьми Мерчиной Марии и Вервейн Нины. У меня не было никаких сведений и об их старших братьях Михаиле и Алеше.

С радостью и с пониманием дела отнеслась и Ольга Березина из г. Ульяновска (в девичестве фамилия – Мерчина), несмотря на большое расстояние, помогла связаться с Элей Вервейн, с параллельной ветвью Древа Терентьева Николая Александровича. Долгая и кропотливая работа была проведена по Древу Николая Александровича – по ветвям Михаила и Алеши. О них у нас не было никакой информации. Знали только, что они жили в Ульяновской области. Михаил воевал, был участником Великой Отечественной войны, носил ордена и медали. Работал художником в школе, хорошо рисовал. О нем и о его детях, и о семействе брата Алексея тоже не было никаких данных. Через несколько месяцев поиска родных корней Людмиле Анатольевне удалось найти внучку Николая Александровича Терентьева – Людмилу Владимировну Узинскую.

Не было никакой связи и с Древом Ивана Александровича Утриванова. До революции 1917-го года Терентьев Александр Утриванович работал судьей в Буинском уезде, в Симбирской губернии. В каждые две недели приезжал в Шемуршинскую волость в контору по судебным делам. После революции за неимением в Шемуршинской волости образованных людей, особенно юристов, Александра Утривановича попросили поработать в конторе по судебным делам. Он говорил, какой из меня работник, я уже стар, не справлюсь. Ему говорят, вон у тебя есть 17-летний сын Ваня, он поможет тебе, его и подучи судебному делу вместо себя. Так и работали после этого вдвоем в конторе.

«В 1917 году поступил в Казанскую Главную почтовую контору, почтальоном, где работал до 1918 года. В 1918 году был избран секретарем Больше-Буяновского сельсовета Шемуршинской волости Чувашской АССР».

Эти записи из «Автобиографии» Ивана Александровича Утриванова.

В 1918 году, когда белые захватили Казань, Ульяновск и Буинск, из властных структур уже многие комиссары переехали в г.

Алатырь и г. Канаш. Эти две железнодорожные станции в то время в военно-стратегическом плане имели очень важное значение. Об этом знали и белые, которые хотели захватить любым путем железную дорогу, по которой перебрасывали красные свои полки из Нижнего Новгорода и из Москвы. По Буинскому тракту белые разъезды конниц дошли до Базарных Убеи (20-25 километров южнее от с. Шемурша). В церкви устроили свой штаб. Начали призывать крестьян в белую армию. Кого-то вынуждали, кто-то по своей собственной воле записывался, пополняя отряды белогвардейцев... Из Батырева и с других ближайших сел и деревень, беженцы нахлынули в деревню Большое Буяново ближе к лесу, другие в Шемуршинские леса в партизанский отряд к Космовскому. Беженцы говорили, что в с. Батырево будет большое сражение.

Когда отряд белогвардейцев подъехал к деревне Большое Буяново, Александр Утриванович с сыном Ванюшкой в конторе разбирали бумаги для уничтожения. Услышав крик и стрельбы на улице, отец собрал все документы и засунул в мешочек. Передал Ванюшке и говорит: «Ваня, сыночек, быстрее спасайся... Вот с этими бумагами иди через огород в лес и напрямик выйдешь на Батырево. В Батыреве будь осторожней, переночуй в бедных домах, а бумаги никому не показывай. Только не попадайся в руки белым. Ну, иди же... Иди! И в Батыреве не спокойно. Некоторые ждут белых. Рано утром в следующий же день тебе надо идти в г. Канаш. А там знаешь, кому передать эти документы».

Второпях распрощались отец с сыном и не думали, что видятся в последний раз. А сам взял с вешалки какой-то растрепанный халат истопника, с ведром в руке выходит навстречу к разъяренной толпе. Белые, размахиваясь шашками и револьверами, с криком: «Где Утриван?! Где Утриван! Всех перевешаем!» ворвались в контору. А он им старческим голосом спокойно говорит: «Что кричите?! Уже никого нет в конторе, давно все разбросали и убежали». «А ты кто?». «Я-то, здесь охранник-уборщик, вон за водой иду». Ему тогда было за 70, с длинной бородой и метлою, хорошо играл свою роль. Видимо, его в лицо не знали приезжие белые офицеры. Так удалось перехитрить и остаться в живых.

Да, действительно, большое сражение с белыми отрядами состоялось около с. Батырево. Отряд красноармейцев во главе с комиссаром Крепковым наткнулись на белых. Крепков уроженец деревни Дуваново (Тăванъел, ныне – Дрожжановский район

Республики Татарстан). Завязался бой. Крепков с несколькими красноармейцами установил пулемет на ветряную мельницу. И оттуда отстреливались. Задержали белых. Силы были неравны. Белым помогали недовольные советской властью кулаки и торговцы. Упась из Триер убил Крепкова подкрадываясь сзади. Снял кожанку и ботинки с убитого. Во время войны сдал на ремонт ботинки. Ремонтник отделил подошву и увидел запись: «Крепков». Сообщил ГПУ. Арестовали Упась. Отсидел десять лет и вернулся на родину. Завел пасеку, начал торговать медом.

Ваня с малых лет, как ушел из дома в тот злополучный день и появился в родном краю, только в 1943 году, когда от немцев освободили Брянщину. Больше-Буяновские жители помнят его пламенную речь-призыв: «Бороться с фашистской сволочью до победного конца, пока его не уничтожим в его же логове – в Берлине!». В любом магазине или в правлениях колхозов, где он показывал официальный документ, ему помогали с продовольствием и лошадьми.

Когда они съездили в г. Ульяновск на лошадях к родственникам, привезли много гостинцев: меду, баранок и консервов. Это было осенью. По дороге зайчишка перебегал. Тогда Иван выхватил наган и несколько раз выстрелил в зайца. Об этом случае потом рассказывала бабушка Грюня. Наган он держал все время под подушкой. Иногда по ночам просыпался с криком и выхватывал свой наган. Когда спрашивали, он объяснял так: «Плохой сон приснился. Все воюем. Все из немецкого окружения выходим...»

До войны он учился в Смоленске, был директором школы. Во время войны он был оставлен райкомом партии в подполье. Воевал в партизанском отряде «Смерть немецким оккупантам!» на Брянщине. В лесу в окружении немецких полицейских и агентов спецподразделений по борьбе с партизанами находились несколько месяцев. Спаслись в болоте. Все были как ходящие скелеты, еле живые от голода. Все ели, что можно было, есть, ... ели траву, листья с деревьев. Как только остались живыми... Из самолетов сбрасывали продукты питания. Но мало попадало в руки партизан. Наступление Красной Армии и помогло спастись от голодной смерти. Он остался в той же местности, где и воевал, в партизанском отряде, в Брянской области, в Навлинском районе, в поселке Лески.

Он говорил, что во время войны потерял семью. Думал, что

немцы захватили в плен или под бомбежку попали. Долго и неотступно он искал свою семью после войны. Терпение и надежда, что они живы – вознаградили большой радостью, он нашел семью.

В 1980-ые годы приезжал на родину отца – его сын – Виктор Иванович Утриванов. Он расспрашивал о своем отце у родных и близких: где стоял родительский дом, пил воду из того колодца, откуда пили дедушка и все старшие братья отца. Недалеко от дома была начальная школа (в настоящее время – Больше Буяновский народный музей). Сзади огорода стояли здания средней школы, Виктор Иванович ходил через огород в школу. Любовался растущими вокруг школы деревьями.

Виктор Иванович тогда и оставил свой адрес. Я еще в студенческие годы писал письма по этому адресу. Но, к сожалению, по каким-то причинам мне не отвечали. В ноябре 2009 года с уведомлением написал письмо к Утривановым по этому же адресу. Пришло уведомительная карточка с подписью, что письмо получила М.Утриванова. Я был рад, значит по этому адресу до сих пор живут Утривановы... Хотя в уведомительной карточке не было больше никаких слов, я не хотел терять вновь налаживаемую связь. И я еще раз послал свои разработки по «Генеалогическому Древу Утривановых». Жду ответа. Жду, и надеюсь, что дождусь.

Во время Рождества Христова получил долгожданное письмо от Утривановых. Пишет сын Виктора Ивановича – Виктор Викторович Утриванов. В письме: мини диск с фотографиями родителей, копии трудовой книжки, автобиография, паспорт. Газета «Наше время» от 2000 года, суббота, 16 сентября. В первой же странице мы читаем: «С праздником! Поздравляем! 17 сентября мы отмечаем 57-ю годовщину освобождения Брянской области и Навлинского района от немецко-фашистких захватчиков». Рубрика: «Как это было». Статья Виктора Ивановича Утриванова «Немцы пришли в село неожиданно...». Начало статьи размещено на первой странице, а продолжение опубликовано на второй странице. Теперь есть и документальные подтверждения. Это было для меня самой большой радостью.

По родословию Федотовых мне помогали Федотова Алиса Геннадьевна с младшей сестрою Ксюшей. Иногда, приходили ко мне домой, мы долго засиживались у компьютера, заполняя ту или другую недостающую ветвь в «Древе Жизни». Никого не хотели

оставить без внимания. Все ветви хотели заполнить так, как есть в действительности. Но с некоторыми ветвями не было у нас никакой связи и мы месяцами не могли двигаться вперед по «Гениалогическому древу». Но возможно, будут и ошибки, ибо для того, чтобы перепроверить у нас нет возможности, т.к. они составлены только по воспоминаниям наших старших родственников, бабушек и дедушек. Которые после смерти унесут с собою и память, к сожалению, их с каждым днем становится меньше и меньше.

Неожиданно скончался сын Ольги Сергеевны – Михаил Анатольевич Терентьев (1946–2009). Похоронили 10 января в поселке Красный Вазан. В последний путь провожали мы с родственниками: дядя Толя и Валик Терентьевы с сыновьями Яковым и Валерием.

Меня дождались родственники: дядя Валерий с сыном Валерием Валерьевичем, дядя Толя с сыном Яшей. Вот мы и впятером поехали в поселок. Проехали Верхнее Буяново (Ярăслав), Нижнее Буяново (Хайпăла), Трехбалтаево (Палтиел). Заехали в Чепкас-Никольскую церковь, чтобы узнать ведется ли богослужение. Там было закрыто, висел замок.

Несмотря на мороз, собралось много родных. Поминки устроили в доме Корчагина Виталия, соседа моего. Познакомились с Сергеем Михайловичем Терентьевым с сыном Михаила. Он говорит, что помнит мое лицо. Я его видел только тогда, когда был в Ташкенте в 1980-ом году. Он тогда ходил в детский сад. У меня до сих пор хранятся его детские фотографии. Познакомились и с супругой Татьяной, и дочкою Анастасией. Я обещал и их включить в «Генеалогическое древо».

Помню, как похоронили мать дяди Миши, десять лет тому назад. Тоже было зимою, очень холодно. Тогда нас на колхозном гусеничном тракторе на санках вывезли из поселка до Дуслыка, до асфальтированной дороги.

В этот раз как приехали впятером, так и выехали после похорон из поселка к Валерию Фотиевичу в деревню Большое Буяново, в то родовое гнездо, откуда вышли все Терентьевы и Утривановы.

У младшей дочери Марины был день рождения, и мы вместе с ее родителями поехали в соседнее село Верхнее Буяново. Познакомились с родителями мужа, и с детьми Марины. У нее двое сыновей, старший сын Василий учится в школе, а младший сын

Олег – любимец семьи, он похож на своего дедушку и поэтому всех заставляет «плясать» вокруг себя.. Эх! Как не хватает витамина «Р»...

Познакомились с семьей Валерия Валерьевича, супругой Леной и дочкой Настенькой. Лена, оказывается, из села Чепкас-Никольское, где я когда то учился с 5-го по 8-ой классы в интернате. Сыну 1,5 года и его не привезли в гости, в этот раз оставили у соседей. Я всех их сфотографировал на память, и у меня получились хорошие фотографии.

Ночевал в родовом гнезде Утривана Александра. Спал как убитый. Видимо за день устал от переживаний. С утра в 4 часа позвонили на мой мобильный телефон. Звонила Галина Викентьевна. Взял телефон, спросонья нажимал на кнопки, связь прервалась. Посмотрел на время, перезвонить думаю, слишком рано. И не стал звонить. Задумался, как молодым умер Михаил, и весь сон пропал... Что оставил после себя? Как прожил эту трудную и очень короткую жизнь? Эх! Мысли, мысли… не даете покоя моему сердцу.

Через полчаса снова зазвонил телефон. И мы долго разговаривали с Галиной Викентьевной.

С утра у меня спрашивают: «Как ночевал в родовом гнезде Утривановых? И что снилось?». Я говорю, спал как убитый, никто из родственников не потревожил, значит, меня приняли как своего родственника». Мне говорят: « Тогда очень хорошо. Они же знают, что ты заботишься о них, пишешь родословие, часто вспоминаешь о них, поэтому видимо и не стали тебя беспокоить».

С утра мы с Валик куккой сходили к Павлову Николаю Герасимовичу. Он нас встретил приветливо, и увлеченно рассказывал о Михаиле Романовиче, как они после начальной школы учились вместе с 4-го по 7-ой класс в деревне Большое Буяново. Он на старости лет увлекается стихами, пишет в районную газету. Нам прочитал несколько стихотворений. Пишет остро, язык колкий, меткий. Как математик – попадает в цель – в точку. Обещал написать и присылать через почту свои воспоминания о Михаиле Романовиче.

До обеда запрягли лощадку и поехали в Верхнее Буяново (Ярăслава) узнавать о родословии Митрофановых (Утриван Александрĕн малтанхи арăмĕ – Лĕпĕшсен, пуян хĕрĕ пулнă). Зашли к Валерию Ивановичу Митрофанову. Познакоми-

лись и рассказали, по какому поводу приехали к ним. Он достал книги, какие-то бумаги. «Вот наше родословие, посмотрите...». «Кто же стала первой женой Утривана Александра?». Мы определили, что Елисса могла быть женою. «Валерий Иванович стал звонить по своим старшим тетушкам и бабушкам, чтобы узнавать в каком родстве они находятся с Утриван Александром». Все отвечали, со слов своих родителей они помнят, что «они с Утривановым-Терентьевым находятся очень в близком родстве».

Владимир Иванович работал в органах МВД и дослужился до майора. В настоящее время на пенсии. Он показал нам, бумаги, что его прадеда осудили как крупного лесопромышленника-мануфактурщика и спекулянта, и эта статья не подлежит реабилитации. «Никакой мануфактуры у нас и не было. Надо было осудить и осудили. Тогда все решала «тройка». Как рассказывали родители, завели, говорит в одну комнату, и спрашивают: «Как твоя фамилия?». Я отвечаю: «Митрофанов». «Откуда?». «Из села Верхнее Буяново». Больше никаких вопросов не задавали. В течение пяти минут решили все мое Дело. Сразу зачитывали решение суда: «15 лет лагерей с конфискацией имущества... Следующий!» Другие арестованные уже стояли у дверей, ожидая своей участи – решения тройки. Дом, амбары – все постройки, скот, птиц (в то время держали индюков и в большом количестве! Это же говорит еще о чем-то, о возвышенном, что Митрофановы кроме материального богатства добытого своим повседневным трудом имели и богатство души. Многие из детей стали музыкантами и артистами! Без дара Божьего и благословения невозможно достичь таких успехов. – *В.Т.*) – всю живность переписали. В списке я зачитал, сколько тулупов, валенок были отобраны (реквизированы). Хозяйство было большое. Земли было много. Остались ни с чем, как выброшенные на обочину.

Пока есть возможность, необходимо пополнять «Генеалогическое Древо». На это у меня ушло почти два года непрерывной работы.

Свою благодарность выражаю и тем родным, которые помогали мне составлять родословие своих детей и внуков. Большое Вам спасибо, дорогие мои родные! Без вашей помощи мне одному не было бы под силу собирать весь этот материал по крупицам и составлять Древо Жизни наших родственников.

РОЛЬ ДУХОВНОГО И НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА М.Р. ФЕДОТОВА В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

(Вместо послесловия)

Знакомясь наследием академика М.Р. Федотова, поражаешься широкому диапазону его интересов. Один только краткий перечень его основных работ раскрывает ведущее направления в научном творчестве ученого. Это работы:

Изучение немецкого глагола в чувашской школе (1957);

Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке (1963);

Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч.1: Чувашско-марийские связи (1965);

Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Ч.2. (1968); Отношение чувашского и общетюркского языков к языкам хазар, дунайских и волжских булгар и финно-угров (1979);

Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч.1. (1980), Ч.2. (1983), Ч.3. (1986); Исследователи чувашского языка (1987); Материалы к историко-этимологическому словарю чувашского языка (1992);

Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам (1996); Этимологический словарь чувашского языка: В 2-х томах, (1996);

Как видно из этого перечня, академик М.Р. Федотов вступил на научное поприще с изучения немецкого языка в чувашской школе. Далее исследуются проблемы взаимодействия чувашского языка с арабским, персидским, тюркскими, финно-угорскими и шире – алтайскими языками. Эта работа продолжалась свыше 40 лет. Исследуя историю чувашского языка, Михаил Романович начинает работать над этимологией слов, составляет «Этимологический словарь чувашского языка».

Если работу академика М.Р. Федотова рассматривать поэтапно, можно условно разделить все его исследования на 3 периода.

1-ый период. Через исследование разных языков ученый приходит к выводу об их связи с родным, чувашским языком.

2-ой период. Основной его труд: «Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам». Здесь чувашский

язык рассматривается в историческом плане, начиная с древнетюркского этапа. Исследование включает историческую морфологию, синтаксис, а также современную чувашскую грамматику.

3-й период. Чувашский язык исследуется в сравнении и во взаимосвязи с другими родственными и контактировавшими языками. Особое внимание уделяется происхождению чувашских слов, развитию их семантики. Крупица за крупицей собирается в одну копилку – сокровищницу премудрости – «Этимологический словарь чувашского языка».

Академик М.Р. Федотов показал путь, по которому следует идти. Он как бы говорит: « Я начал, показал путь, а вы продолжайте, дерзайте, идите дальше. Всем хватит работы, только не ленитесь... И вам раскроется взаимодействие, взаимная связь языков и культур разных народов в разные исторические эпохи. И вы убедитесь, что история чувашского народа, в какой-то мере и есть история чувашского языка».

Духовное возрождение народа – необходимое условие его расцвета и материального благополучия. Знание языков позволяет познать культуру, мудрость народов – его носителей. Следует воспользоваться этой мудростью, тем самым, приумножая общую копилку мудрости нашего огромного многонационального государства и всего мира в целом, так и происходит процесс взаимопонимания и мирное сосуществование между народами. По-другому говоря, происходит интеграция и социализация народов.

Эта благородная мысль явно или подспудно высказывается во всех многочисленных трудах М.Р. Федотова. Они вселяют в наши души чувство гордости, что мы – чувашская нация, потомки волжских булгар, являемся частицей многонациональной великой родины.

О том, каких вершин достиг академик М.Р. Федотов в исследовании истории чувашского языка и алтайских языков, много сказано и написано сведущими специалистами – учеными тюркологами и алтаистами. Но нам хотелось бы поразмышлять о духовном наследии академика.

В последнее время на конференциях и в СМИ с беспокойством говорят об оскудении духовной культуры людей, о том, что у молодежи проявляется неуважение, безразличие к людям и родным, жестокое отношение к животным и к окружающей среде.

Особую остроту приобретает рассматриваемая проблема для многонациональной России и всего постсоветского пространства, в том числе и для Чувашского края.

Как видит решение данной актуальнейшей проблемы академик М.Р.Федотов? И чему мы можем научиться, исследуя его духовное наследие?

Перечислим несколько его работ на духовные темы.

Яковлев И.Я. Чăваш халăхне панă халал (Духовное завещание чувашскому народу), (1992).

Наша духовность. Мысли вразброс. // Лик Чувашии (1994).

И снова о духовности. Мысли вразброс // Лик Чувашии (1994).

И.Я.Яковлев – переводчик Библии // Лик Чувашии (1994).

Народность и язык волжских булгар. К 1100-летию чувашской государственности // Исследователи чувашской культуры и истории. Уфа (1998).

В своей статье «Наша духовность» академик пишет:

«На повестке дня стоит несколько иной, по сравнению с привычным, и пока что непривычный вопрос: можно ли через национальное показать общечеловеческое? Действительность была такова, что ставить подобный вопрос политологу или литератору считалось весьма сомнительным делом. Попросту говоря, изображение жизни и деятельности чуваша в своих национальных рамках оценивалось как азбучное отражение натурализма или проявление примитивного литературного вкуса. Между тем чувашские народные устои перекликаются с общечеловеческими ценностями: «Ватта курсассăн, пиччем тесе кала, çамрăка курсан, шăллăм, тесе кала, çынна курсассăн, çăкăр çиме кĕр, тесе кала», т.е. если ты увидишь старика, зови его дядюшкой; если увидишь молодого человека, зови его младшим братом: если увидишь (постороннего) человека, пригласи его к себе поесть хлеба. (Н.И.Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть вторая. – Симбирск, 1923. – С. 270).

Приведенный фрагмент есть философское выражение смысла бытия человека, его познания самого себя, а отсюда и отношение его к другому человеку. Без преувеличения, это и есть гуманизм, признанный общечеловеческой ценностью».

Много учебных и методических пособий по изучению языков разработано академиком М.Р. Федотовым. Он описывает языковые взаимосвязи народов Поволжья и Урала с древнейших времен по настоящее время. Через языковые взаимосвязи он прослеживает культурные традиции, историю этих народов.

В своей статье «Значение наследия академика М.Р. Федотова в изучении духовной культуры народов Поволжья и Урала» я попытался рассмотреть духовное наследие академика М.Р. Федотова в философском плане.

Многому мы можем научиться у него, читая его размышления о литературе, культуре и истории родного края. Академик пишет о том, что его больше всего волнует, что больше его беспокоит.

«Кому не хочется читать и наслаждаться хорошим стихом? Почему любой стих из «Нарспи» К.В.Иванова никогда не приедается?

Стих хорош тем, что он, перебирая струны нашей души, способен создавать определенный настрой, поглощающий и захватывающий нас какой-то внутренней эмоциональной силой. Такой стих, благодаря своему ритмическому и звуковому строю, овладевает человеческим духом, его переживаниями, всевозможными чувствами и настроениями.

Как долго и как много, аж до оскомины, писали наши учителя нравственности о воспитывающей роли литературы. Да, подлинная литература своим творческим огнем воспитывает гражданственность и патриотизм, естественный, идущий от одного поколения к другому как духовный дар и завещание. Но пока что идет отречение от собственной совести и создание идеологических икон для красного уголка».

В народе говорится: «Хур шӑмми тытан хур пулман, – тет». Кто держит в руках перо (грамотный), тот не даст себя в обиду, не ударит в грязь лицом, не осрамится.

В Евангелии от Матфея сказано: «Не может дерево доброе принести плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые».

Это подтверждает в своих рассуждениях М.Р. Федотов. Вот его слова: «Обратимся к окружающей нас жизни хотя бы на простом бытовом уровне.

Вежливы ли мы друг с другом? Вежливость, разумеется, это не только слова «пожалуйста», «спасибо», хотя они внешне приятны, но даже этих слов сейчас почти не слышно в обиходе, на транспорте, в магазинах, на службе. Вежливость, без всяких претензий на ее научную дефиницию, – та духовная категория, которая выражает меру, цену межличностных отношений не только на прогулке по бульвару. Она по своей первозданной идее должна проявляться в производственной сфере, которая донельзя засорена всякой похабщиной и донельзя точно отражает уровень культуры всего духовно израненного общества. Откуда это грязное течение берет свое начало? Без социологических исследований ясно, что море сквернословия, похабщины в России никогда не мелело, но особенно быстро заполнилось оно в период расцвета ГУЛАГов на просторах советской империи.

Слова добро и зло, любовь к ближнему, духовность, милосердие, благодарность пришли к нам из сферы христианского мира. Что оз-

начает слово, без которого культурный человек никогда не обходится – «спасибо»? Спаси Бог – тоже подарок православного христианства. Изречение «вера без дел мертва есть» – тоже из Писания. Разве оно противоречит разуму человека-атеиста? Разве мы не верим в успех дела, которое предпринимаем в согласии с самим собой, без понукания и принуждения? Духовность – это и есть Дело. Творчество.

Мы подошли к тому времени, когда нам понадобились слова Библия и Коран. Семь с лишним десятилетий, низводившие морально-этические устои учения, как христианства, так и других верований, не принесли народу духовной свободы. Если нет конкуренции, если нет множественности в решении одной и той же проблемы, если нет оппонентов, в политической жизни страны рождается вождизм и диктатура. Какой «расцвет» духовности может она принести, нам всем хорошо известно, а старшее поколение ощутило это время всем телом и душой».

Вот какой вывод делает академик М.Р. Федотов по этому поводу.

«В общем, подлинной художественной литературы о жизни чуваша, его делах на уровне понимаемого им окружающего мира не было. Была литература, продолжительность жизни которой отмеривалась от даты принятия одного постановления до появления другого. На всей этой литературе красовался штамп-отпечаток тени власти, диктующей как писать и о чем писать. Что касается поэзии, в ней господствовало неимоверное перенапряжение голосовых связок, серенькая рифмократия и любовь без любви.

Задача литературы, а шире – всей культуры, если хотите, та же, что и религиозного учения: служить добру, спасению души путем милосердия, благотворительности, просветительства. Именно художественное произведение, несущее в себе эти нравственные и духовные качества, никогда не забывается, передается из поколения в поколение. Думаю и по себе знаю, что художественный образ, проповедующий любовь к отцу и матери, друг к другу и окружающему нас обществу, а если выразиться высоким слогом – к человеку-Богу, был и остаётся смыслом истинной жизни. Но при всем этом самым важным будет свобода выбора темы для реализации художественного замысла. Это возможно лишь при подлинно духовной свободе».

Великих людей всегда волновали на первый взгляд какие-то «мелочи в жизни», по-другому говоря, маленькие пороки, изъяны человеческого сердца. И эти «мелочные вопросы» не могли не затрагивать академика М.Р. Федотова, он знал, что все эти «мелочи» приводят к большой беде, к равнодушию и духовной пустоте. Он

обличает эти пороки, несмотря на «милосердие» властных структур и указывает правильный путь, что делать в таких ситуациях.

«На бесконечно задаваемый вопрос «что делать?» нам надобно обратить взор на проверенный тернистым путем истории вывод, что «без сокрушения каждого в отдельности человека не может быть подъема в народе».

Не может быть и речи о спасении самобытности чувашского или другого соседнего с нами народа, сохранении их культур, языков, если не будем признавать этого тезиса. Не Бог весть, какая оригинальная мысль, но, на мой взгляд, лишь просвещение может качественно менять облик народов, обуславливает направление движения их общего духовного состояния и только оно может гарантировать народам чувство национального самопознания, самосознания, самоопределения и, следовательно, самосохранения. Но, чтобы в эти чувства и духовный настрой не влилось национальное наваждение, необходимо очень серьезное и длительное воспитание, формирование облика молодого поколения, чтобы направить наши педагогические действия против духовного зла…».

Исследуя духовное наследие академика М.Р. Федотова мы учимся жить в дружбе и согласии со всеми народами в многонациональном государстве, сохраняя свой родной язык, национальную культуру, народные традиции и самобытность чувашского этноса, как завещал нам наш Патриарх И.Я. Яковлев.

Каждый интеллигент, т.е. думающий человек, кому не безразлична судьба чувашского народа, должен начать с самого себя, ибо «без сокрушения каждого в отдельности человека не может быть подъема в народе».

Социально-философский анализ духовного наследия академика М.Р. Федотова и исследование его трудов способствует совершенствованию нравственных основ жизни и здоровья социума, а также сохранению его целостности.

В заключение считаем необходимым и полезным довести, до сведения участников конференции следующее:

10 ноября 2008 года собрались родственники, коллеги и друзья академика М.Р. Федотова и заявили о намерении создать Благотворительный фонд им. академика М.Р. Федотова Чувашской Республики. Пригласили знаменитых ученых, докторов филологических наук и государственных служащих: Егорова Н.И., Скворцова М.И., Хузангая А.П. и Солина Г.П.

На первом собрании учредителей был принят проект Устава фонда. Его учредителями являются самые близкие родственники академика, его племянники: Федотов Михаил Иванович, Федотов Виктор Михайлович и Терентьев Владимир Михайлович. Собрание учредителей избрало Президента Фонда, его Директора и Попечительский совет.

Фонд создан в целях сохранения и популяризации научно-творческого наследия академика М.Р. Федотова; содействия развитию чувашского языкознания и духовной культуры чувашского народа.

В соответствии с целями, предметом деятельности Фонда являются:

– благотворительная деятельность;

– организация и проведение республиканских, межрегиональных и международных научных конференций по тематике, связанной с научной деятельностью М.Р. Федотова;

– оказание поддержки молодым научным работникам, аспирантам, студентам;

– содействие в сохранении этнической самобытности, языка, национальной культуры чувашского народа;

– забота о развитии системы национального образования;

– подготовка и издание научного наследия академика М.Р. Федотова.

Пакет документов передали в Управление Министерства юстиции РФ по Чувашской Республике для регистрации фонда. С 5-го февраля получили Свидетельство о государственной регистрации Благотворительного фонда им. академика М.Р. Федотова Чувашской Республики.

Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии
ЧГУ им. И.Н Ульянова **В.М. Терентьев.**
27-го февраля 2009 года.

Доклад опубликован в сборнике материалов Международной научной конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посвященной 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И. Егорова (г. Чебоксары, ЧГИГН, 27-28 февраля 2009 г.). – Ч. II. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – С. 141-143.

Научные труды академика Михаила Романовича Федотова

1956

1. Чăваш йăлисемпе халăх поэзийĕ // Тăван Атăл. 1956. № 4. 116-118 с. Рец. на кн.: Paasonen H. Ciebrauche und Volksdichtim der Tschuwassen. Helsinki, 1949.

1957

2. Изучение немецкого глагола в чувашской школе. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. 60 с.

1958

3. Изучение немецкого синтаксиса в чувашской школе. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1958.72с.

1959

4. К вопросам изучения некоторых частей речи немецкого языка в чувашской школе. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. 80 с.

5. Изучение темы "Дополнение в винительном падеже с инфинитивом" // Иностранные языки в чувашской школе. 1959. С.71-73.

6. Чăваш чĕлхи историйĕнчен (Из истории чувашского языка): // Ялав. 1959. 6 №. 30-32 с.

1960

7. Об изучении и преподавании родного языка // Коммунизм ялавĕ. 1960. 4 апр.

8. О сопоставительной грамматике русского и чувашского языков // Сов. Чувашия. 1960. 26 марта.

9. Средства выражения модальности в чувашском языке // Научная сессия, посвященная итогам исследовательских работ ЧНИИ за 1960 г. Тез. докл. Чебоксары, 1960. С.13-16.

1962

10. О названии дней у чувашей // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1962. Вып. 21. С. 245-259.

1963

11. Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке: (Лексико-семантический обзор и словарь) // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 26: Вопр. чувашского языкознания и литературоведения. С. 89-124.

12. Рецензия на кн.: Юсупов Г.В. Введение в булгаро- татарскую эпиграфику М; Л., 1960. 322 с: ил.; 1 л. карт. // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1963. Т. 22, вып. 5. С. 435-439.

13. Рецензия на кн.: Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960. 322 с: ил., 1 л. карт. // Учен. зап. / ЧНИИ. Че-

боксары, 1963. Вып. 23: Вопр. экономики и истории Чувашской АССР. С. 248-263. (В соавторстве с В.Д. Димитриевым.).

14. Средства выражения модальности в чувашском языке.Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. 122 с.

1965

15. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. 1: Чувашско-марийские связи. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 160 с.

16. Марийские заимствования в чувашском языке // Сов. финно-угроведение. 1965. № 4. С. 255-266.

1966

17. О генетической соотносимости пермского эн и чувашского ан в отрицательной форме повелительного наклонения // Сов. финно-угроведение. 1966. № 4. С. 263-266.

1967

18. Булгарский язык и его отношение к некоторым финно-угорским языкам // Всесоюз. конф. по финно-угорскому языкознанию: Тез. докл. и некоторые доклады. Ижевск, 1967. С. 44-68.

19. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968.Ч.2.214 с.

1968

20. Булгарский язык и его отношение к некоторым финно-угорским языкам (Заметки в области согласных звуков) // Сов. финно-угроведение. 1968. № 1. С. 53-66.

21. К вопросу о генезисе марийского аффикса – ла // Сов. финно-угроведение. 1968. № 4. С. 263-266.

1969

22. Чăваш чĕлхи историйĕнчен (Из истории чувашского языка) // Ялав. 1969. №6.

23. Хрестоматия по немецкому языку / Чуваш. ун-т. Чебоксары, 1969. 78 с. (соавтор - И.С. Серов.)

24. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи в историческом освещении: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары. 1969. 61 с.

1970

25. Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии // Сов. финно-угроведение. 1970. №2. С. 127-135.

26. К столетию Н.И. Ашмарина // Сов. финно-угроведение. 1970. №4 (на нем. яз.).

27. Алтай е алтай чĕлхисен тапхăрĕ çичен (Об алтайском этапе или этапе алтайских языков) // Тăван Атăл. 1970. 3 №. 69-72 с.

28. Чăваш республикинчи хăш-пĕр ял ячĕсем çинчен (О некоторых названиях населенных пунктов Чувашской Республики) // Тăван Атăл. 1970. 1 №.

29. О чувашском каритивном аффиксе -сăр/-сĕр и его рефлексе в некоторых финно-угорских языках // Сов. тюркология. 1970. №3. С. 60-66.

30. Спецредактирование монографии: Зерняев Е.М. Обучение немецкому произношению в чувашской школе. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970.

31. Формы принадлежности 1-го и 3-го лица единственного числа в тюркских и финно-угорских языках в свете урало-алтайской общности // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1970. Вып. 49: Филология. С. 177-183.

1971

32. Чăваш чĕлхин историйĕ. Ч.1: Сасăсем: Лекцисем (История чувашского языка. Ч.1:Звуки: Лекции). Шупашкар, 1971. 107 с.

33. В.В. Радлов и Н.И. Ашмарин о происхождении чувашского языка // Сов. тюркология. 1971. № 5. С. 114-120.

34. Н.И. Ашмарин и В.В. Радлов о происхождении чувашского языка // Н.И. Ашмарин – основоположник чувашского языкознания: Сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. С. 152-162.

1972

35. К вопросу о древнечувашской письменности // Сов. тюркология. 1972. № 5. С. 108-114.

36. К этимологии некоторых марийских слов // Сов. финно-угроведение. 1972. № 1. С. 37-38.

37. Прошедшее неочевидное время в чувашском и марийском языках // Сов. финно-угроведение. 1972. № 4. С. 253-255.

1973

38. Авалхи тĕрĕк чĕлхи: Орхонпа Енисей палăкĕсен чĕлхине танлаштарса вĕренмелли хатĕр (Древнетюркский язык. Учебное пособие по сравнительному изучению языка орхоно-енисейских памятников). Шупашкар, 1973. 75 с.

39. О месте чувашского языка в алтайской семье языков // Вопр. рус. и чув. филологии. Чебоксары, 1973. Вып. 3. С. 45-57.

1974

40. О марийском этнониме сувас/суас // Сов. финно-угроведение. 1974. № 2. С. 79-82.

41. Отношение чувашского и общетюркского языка к языкам хазар, дунайских и волжских булгар, а также финно-угров // Сов. тюркология. 1974. № 3. С. 25-37.

42. Рецензия на монографию: Rona-Tas A., Fodor S. Epigraphica Bulgarica. A Volgai Bolgai-torok feliratok. Szeget, 1973 // Сов. тюркология. 1974. №5. С. 105-108.

1975

43. Изафет в чувашском и марийском языках // Проблемы словосочетаний в тюркских языках. Научная сессия: Тез. докл. /ЧНИИ. Чебоксары, 1975. С. 12-14.

44. Тӗрӗк чӗлхисен танлаштару грамматики: Морфологи лекцийӗсем (Сравнительная грамматика тюркских языков). Шупашкар, 1975. 220 с.

45. Николай Александрович Баскаков (К 70-летию со дня рождения) // Тр. / ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып.53: Чув. яз. и лит. С. 203-204.

1976

46. Тюркологи пуçламăшĕ (Введение в тюркологию). Шупашкар. 1976. 151с.

1977

47. О некоторых огузских чертах чувашского языка // Сов. тюркология. 1977. № 1. С. 25-32.

48. Хăшĕ тӗрӗс? (Как правильно?) // Ялав. 1977. 12 №. 29-30 с.

49. Чӗлхе аталанăвӗн ыйтăвӗсем (Вопросы исторического развития языка) // Тăван Атăл. 1977. 1 №. 79-80 с; 4 №. 78-80 с.

50. Чăваш чӗлхи историографийĕ // Тăван Атăл. 1977. 6 №. 78-80 с: 12 №>.76-78 с.

1978

51. Этацизм и итацизм в свете тюркских названий реки Волги // Сов. тюркология. 1978. № 4. С. 44-47.

1979

52. Чăваш чӗлхин историйĕ: Вĕренту́ пособийĕ. 2-мĕш кăларăм. 1-мĕш пайĕ: Сасăсем (История чувашского языка. 2-е изд. 4.1: Звуки). Шупашкар, 1979. 97 с.

53. Отношение чувашского и общетюркского языков к языкам хазар, дунайских и волжских булгар и финно-угров // Тр. /ЧНИИ. Чебоксары. 1979. Вып. 87: Вопр. лексикологии и фразеологии чув. яз. С. 3-40.

54. Отношение чувашского и обшетюркского языков к языкам хазар, дунайских и волжских булгар, а также финно-угров // Сов. тюркология. 1979. № 3. С. 25-37.

1980

55. Заметки о переводе с одного тюркского на другой (на материале временных форм глагола) // Сов. тюркология. 1980. № 1. С. 78-83.

56. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. 4.1.172 с.

1981

57. Инфинитивы в тюркских языках // Сов. тюркология. 1981. № 3. С.3-9.

1982

58. Рецензия на кн.: Иванов Н.И. Время и стих: Лит.-теорет. ст.

(Чебоксары, 1981. 190 с.) // Сов. тюркология. 1982. № 5. С. 96-97.

59. Хаçат тăван чĕлхепе те лайăх вулантăр (Газета должна легко читаться и на родном языке) // Ялав. 1982. 28-29 с.

60. Записка Н.И. Ашмарина об издании чувашских текстов // Сов. тюркология. 1982. № 6. С. 80-82.

61. Паллă тĕпчевçĕ çырăвĕ, Н.И.Ашмарин чăваш халăх сăмахлăхне Российăри наукăсен академийĕнче пичетлесе кăларасси пирки тăратнă хут (Письмо известного ученого: Письмо Н.Ашмарина об издании Российской Академией наук трудов по чувашской народной словесности // Ялав. 1982. 8 №. 30-31 с.

1983

62. Работы 3. Гомбоца о булгарско-тюркских заимствованиях в венгерском языке // Сов. тюркология. 1983. № 4. С.29-38.

63. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. 4.2. 136 с.

64. Из истории изучения чувашской фонетики // Вопр. фонетики, грамматики и фразеологии чув. яз. Чебоксары, 1983. С. 16-34.

65. Работы 3. Гомбоца о булгаро-тюркских заимствованиях в венгерском языке // Исслед. по ист. лексикологии чув. яз.: Сб. ст./ ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 53-70.

1984

66. Чувашско-монгольский ламбдаизм и ротацизм в свете двух тохарских заимствований в пратюркском языке // Сов. тюркология. 1984. № 1.С. 65-71.

67. Тимофей Матвеевич Матвеев (К 100-летию со дня рождения) // Сов. тюркология. 1984.№ 1. С. 105-106.

68. О болгарском и чувашских языках // Болгары и чуваши: Сб. ст. / ЧНИИ. 1984. С. 76-89.

69. Рецензия на кн.: Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984 // Сов. тюркология. 1984. № 6. С. 75-77.

70. Наум Андреевич Андреев (некролог) // Сов. тюркология. 1984. №5. С. 105-106.

1985

71. Б. Мункачи о тюркских элементах в венгерском языке // Сов. тюркология. 1985. № 1. С. 30-37.

72. Чĕлхемĕрĕн малашлăхĕ унăн паянхи пуянлăхĕнчен килет // Чĕлхене нормăлас ыйтусем. Шупашкар, 1985. 6-21 с.

73. О некоторых тюркских заимствованиях в марийском языке (по страницам "Этимологического словаря марийского языка" Гордеева Ф.И. Т.2. В-Д. Йошкар-Ола, 1983) // Сов. тюркология. 1985. №4. С. 12-22.

1986

74. О происхождении двух типов пратюркского языка // Сов. тюркология. 1986. №3. С. 51-55.

75. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1986. Ч.3. 128 с.

76. Народность и язык волжских булгар // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа. 1986 (на обл. 1987). С. 43-48.

1987

77. Исследователи чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1987. 84 с.

78. Рецензия на кн.: Галкин И.С. Марий исторический лексикологий: Тунемме книга. Йошкар-Ола, 1986 // Сов. финно- угроведение. 1987. XXIII. С. 31-33.

1988

79. Роль чувашских слов в образовании ойконимов Марийской АССР // Сов. тюркология. 1988. № 1. С. 59-66.

1990

80. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саранск. фил., 1990. 331 с.

1992

81. Материалы к историко-этимологическому словарю чувашского языка. Чебоксары, 1992. 179 с.

82. Яковлев И.Я. Чăваш халăхне панă халал (Духовное завещание чувашскому народу). Шупашкар, 1992. 30 с. – На чув., рус., англ., нем., фр. яз.

1993

83. Указательные местоимения в чувашском языке // Вестн. Чуваш. нац. академии /1993. № 1. С. 66-68.

1994

84. Наша духовность. Мысли в разброс // Лик Чувашии. 1994. № 1.С. 129-132.

85. И снова о духовности. Мысли в разброс // Лик Чувашии. 1994. №3. С. 142-146.

86. И.Я.Яковлев – переводчик Библии // Лик Чувашии. 1994. №6. С. 120-121.

87. Союзы // Вестн. Чуваш. нац. академии. 1994. № 2. С. 79-82.

1995

88. Н.И. Ашмарин. Краткий очерк жизни и деятельности. Чебоксары, 1995. 52 с.

89. Йоханнес Венцинг о прошлом чувашской литературы // Вестн. Чуваш. ун-та. 1995. № 2. С. 145-156.

1996

90. Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Ист. грамматика. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. 460 с.

91. К этимологии чув. ум/ом, ама и др.-тюрк. умай // Чтения по во-

просам этимологии и ономастики, посвященные 60-летию со дня рождения Г.Е. Корнилова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та. 1996. С. 15-17.

92. К вопросу о хунно-чувашских этнолингвистических связях // Изв. НАНИ ЧР. 1996. № 2. С. 37-44.

93. Этимологический словарь чувашского языка: В 2 т. Чебоксары, 1996. Т.1. 470 с; Т.2. 509 с.

1997

94. О языческих именах чувашей // Изв. Нац. академии наук и искусств ЧР. 1997. № 1. С. 105-115.

1998

95. Народность и язык волжских болгар. К 1100-летию чувашской государственности // Исследователи чувашской культуры и истории. Уфа, 1998. С. 272-276.

96. Словарь чувашских нехристианских личных имен. Чебоксары: Изд-во ЧГИГН, 1998. 148 с.

1999

97. Из истории христианства. К 2000-летию Христианства. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1999. 68 с.

2000

98. В поисках родных корней. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. 140 с.

99. Этимологический словарь чувашского языка. 2-е изд., испр. и доп. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 470 с.

100. Возвращённые из забвения // Народная школа №4, 2002. С. 110-112.

Газетно-журнальные публикации М.Р. Федотова

1977

1. Чĕлхе аталанăвĕн ыйтăвĕсем // Тăван Атăл. 1977. 1 №. 79-80 с; 4 №, 78-80 с.

2. Чăваш чĕлхи историографийĕ // Тăван Атăл. 1977. 6 №,78-80 с; 12 №.76-78 с.

3. Хăшĕ тĕрĕс? // Ялав. 1977. 12 №. 29 с.

1982

4. О теории чувашского стиха // Сов. Чувашия. 1982. 2 февр.

5. Памятники чувашского языкознания: К 140- и 70-летию выхода в свет главных трудов В. Шотта и З. Гомбоца. посвященных чувашскому языку // Сов. Чувашия. 1982. 18 июня.

6. О некоторых досадных искажениях // Сов. Чувашия. 1982. 15 окт.

7. Çăкăр. Леди. Лорд. // Хатĕр пул. 1982. 2 №. С.30.

8. Царицын – «царица» сăмахран мар // Хатĕр пул. 1982. 2 №. С. 30.

9. Паллă тăпчевçĕ çырăвĕ (Письмо известного ученого) // Ялав. 1982. 8 №.30-31 с.

1984

10. Туйăм хыççăн кайсан (Если пойти во след эмоциям) // Ялав. 1984. 2 №.30 с.

1985

11. «Вĕр-çĕнĕ» суффикс // Хатĕр пул. 1985. 8 №. С. 28.

12. Сармантейсем çинчен // Хатĕр пул. 1985. 8 №. С. 28.

13. Географи терминĕсене ăнланма чĕлхе пулăшать // Хатĕр пул. 1985. 10 окт.

14. Ганнибал юманĕ айĕнче (нимĕçлерен кĕскетсе куçарнă) // Хатĕр пул. 1985. 11 №. С. 29.

15. Исследователь чувашского языка (С торжественного заседания, посвященного 120-летию со дня рождения финского языковеда Х. Паасонена) // Сов. Чувашия. 1985. 23 янв. (В соавторстве с И. Серовым.)

1986

16. Пĕтекен чĕлхе е çĕнĕ чĕлхе? (Язык исчезающий или язык новый?) // Ялав. 1986. 3 №. С. 32.

17. Хушма ятсемпе хушаматсем пирки // Пионер сасси. 1986. 14 июнь.

18. Валли тата ытти хыççăмахсем пирки // Пионер сасси. 1986. 27 сент.

1987

19. Богатое наследие // Сов. Чувашия. 1987. 14 февр.

20. Чувашская антология на итальянском языке // Молодой коммунист. 1987. 23 июля.

21. Родной язык. К вопросу о чувашской письменности и литературном языке // Молодой коммунист. 1987. 30 июля. С. 12-15.

22. Лучше позже, чем никогда // Молодой коммунист. 1987. 15 окт.

23. Тăван чĕлхене хŭтĕлесе // Пионер сасси. 1987. 14 нояб.

1988

24. Аллă тăватă çул каялла // Пионер сасси. 1988. 5 янв.

25. В защиту родного языка // Молодой коммунист. 1988. 7 янв.

26. Венгр сăмах мĕне пĕлтерет? // Пионер сасси. 1988. 27 февр.

27. Снова о родном языке и еще кое о чем // Молодой коммунист, 1998. 7 июля.

28. В защиту родной культуры // Лит. Россия. 1988. 29 июля.

29. Митта Ваҫлейӗн халалӗ // Пионер сасси. 1988. 5 март.

30. Знать историю // Молодой коммунист. 1988. 24 нояб,

31. Последняя борьба И.Я. Яковлева за свою школу // Молодой коммунист. 1988. 22 дек. С.6.

1989

32. Чуваши и Ашмарин // Молодой коммунист. 1989. 19 янв.

33. Быть обществу И.Я. Яковлева // Молодой коммунист. 1989. 2 март.

34. Чувашская литература глазами иностранца // Молодой коммунист. 1989. 20 апр.

35. За весну родного языка // Молодой коммунист. 1989. 15 июня.

36. Планы в жизнь // Молодой коммунист. 1989. 14 сент.

37. О нашем нейтрализме и конформизме // Молодой коммунист. 1989. 5 окт.

38. Чăваша чăваш чӗлхи кирлӗ // Коммунизм ялавӗ. 1989. 7 дек.

39. Кто они нам? История народа – загадка // Молодой коммунист. 1989. 21 дек.

1990

40. С обостренным чувством личности // Сов. Чувашия. 1990. 15 февр.

41. Интернационализмсемпе йышăнусем // Коммунизм ялавӗ. 1990. 15 июля.

42. Альтернативы нет // Сов. Чувашия. 1990. 29 авг.

43. Тарăнрах сухаличчен тарăнрах шухăшласчӗ // Коммунизм ялавӗ. 1990. 2 сент.

44. "Термен" чаршавӗ уҫăличчен // Коммунизм ялавӗ. 1990. 9 сент.

45. О названии города Алатыря // Сов. Чувашия. 1990. 16 сент.

46. Вырăсла завет чăвашла сăвăп мар // Коммунизм ялавӗ. 1990. 16 сент.

47. Мӗншӗн "Ăраскал" вырăнне "Араскал"? // Коммунизм ялавӗ. 1990. 23 сент.

48. Чăнлав // Коммунизм ялавӗ. 1990. 30 сент.

49. Познавший душу языка. К 120-летию со дня рождения Н.И. Ашмарина // Сов. Чувашия. 1990. 4 окт.

50. Ял сехечӗ. // Коммунизм ялавӗ. 1990. 7 окт.

51. Что мы знаем о языке? // Сов. Чувашия. 1990. 12 окт.

52. Ăҫта пӗтрӗ "пӗт" сăмах? // Коммунизм ялавӗ. 1990. 14 окт.

53. Ăшалан-па ăшталан // Коммунизм ялавӗ. 1990. 21 окт.

54. Государство – патшалăх // Коммунизм ялавӗ. 1990. 28 окт.

55. Тӗп тата центр // Коммунизм ялавӗ. 1990. 28 окт.
56. Канаш – Совет // Коммунизм ялавӗ. 1990. 4 нояб.
57. Чăвашьен тата Марий Эл // Коммунизм ялавӗ. 1990. 4 нояб.
58. Килӗштеретӗп-юрататăп // Коммунизм ялавӗ. 1990. 11 нояб.
59. Болгары (булгары) в нашей истории // Сов. Чувашия. 1990. 20 нояб.
60. Суя патриотизм кирлӗ мар // Коммунизм ялавӗ. 1990. 5 дек.
61. Нумай та пӗтет, сахал та çитет // Коммунизм ялавӗ. 1990. 16 дек.
62. "Мана авланасшăн мар..." // Коммунизм ялавӗ. 1990. 23 раштав.

1991

63. Çăкăр çитӗнтерекенсем валли //Коммунизм ялавӗ. 1991. 5 янв.
64. Об этнониме чăваш (чуваш) // Сов. Чувашия. 1991. 5 янв.
65. Еще одно письмо о чувашском языке // Молодой коммунист. 1991. 17 янв.
66. Прежде всего – запросы науки // Советская Чувашия. 1991. 25 янв. № 18.
67. Их реальная жизнь позади // Сов. Чувашия. 1991. 29 янв.
68. Необходимое пояснение // Сов. Чувашия. 1991. 21 февр.
69. Соратники Ашмарина // Сов. Чувашия. 1991. 27 февр.
70. Пике, или воплощение кротости, невинности и красоты // Сов. Чувашия. 1991. 21 март.
71. О языке // Чăвашьен. 1991. 26-31 март.; 1-7 апр.
72. Чем слово наше отзовется // Сов. Чувашия. 1991. 10 апр.
73. Чье это слово? // Сов. Чувашия. 1991. 27 апр.
74. В тисках идеологии // КЛИП. 1991. № 18.
75. Отголосок чингисхановской старины // КЛИП. 1991. №24.
76. Хрен не слаще редьки // КЛИП. 1991. № 21.
77. Где искать корни? Об исследованиях и исследователях истории языка и народа (Вел беседу А. Паланов) // КЛИП. 1991. №25.
78. Писатель в клетке // КЛИП. 1991. № 26.
79. Типографские страсти // КЛИП. 199). № 27.
80. Человеческое и божественное едино // КЛИП. 1991. № 29.
81. Мы – не рабы, рабы не мы // КЛИП. 1991. № 32.
82. Прекратить быть одноклеточным // КЛИП. 1991. № 33.
83. Начать жить по-человечески //КЛИП. 1991. №38.
84. Вопрос без ответа // КЛИП. 1991. № 42.
85. Чӗлхемӗрӗн аваллăхӗ // Хыпар. 1991. 21 нояб.

1992

86. В поисках родных корней: Чувашский язык – язык волжско-камских булгар? Если так, то какие тому доказательства? // Экспресс-информ. прил. к газете "Чăвашьен". 1992. 14 янв.

87. У каждого языка свои законы // Чăвашьен. 1992. 24 янв.

88. Скрижали на чувашском языке // Чăвашьен. 1992. 29 февр.

89. У истоков гуманизма: К 400-летию со дня рождения Я.А.Коменского // КЛИП. 1992. № 7.

90. Чăлхене упрама пĕлмелле // Хыпар. 1992. 14 пуш.

91. Пĕрреллĕ – нумайлă хисеп // Хыпар. 1992. 21 март.

92. Иванов М. Такой словарь нужен // Сов. Чувашия. 1992. 21 март.

93. Джинс шăлавар тăхăнтарăттам // Хыпар. 1992. 28 пуш.

94. Барбара, эс Варвара-и? (заголовоксем çинчен) // Хыпар. 1992. 4 ака.

95. Вырăсларан чăвашла куçарма та ăс кирлĕ // Хыпар. 1992. 74 ака.; 18 ака.; 9 çу.

96. Этимологи – ача вăйăи мар // Хыпар. 1992. 23 çу.

97. Чăваш чиркĕвĕн ашшĕсене // Хыпар. 1992. 16 раштав.

98. Шанчăк – çамрăксенче // Хыпар. 1992. 24 сент.

99. Впервые отдельным изданием, впервые на пяти языках // Сов. Чувашия. 1992. 2 окт.

100. Зачем пастырям политика? // Сов. Чувашия. 1992. 16 дек. Чувашия. 1993.

1993

101. Референдум приносит свободу // Сов. Чувашия. 1993. 23 янв.

102. Суета сует – все суета // Сов. Чувашия. 1993. 27 февр.

103. Небылицы о чувашском языке // Сов. Чувашия. 1993. 14 апр.

104. Изоркинăн савăш тĕнĕ // Хыпар. 1993. 7 авг. (çурла).

105. "Лидертафель" чăваш гимне юрлать // Хыпар. 1993. 11 çурла.

106. Из булгарской старины // Сов. Чувашия. 1993. 17 авг.; 18 авг. (Иванов М.).

107. Киремет // Хыпар. 1993. 20 авг.

108. Хурав // Хыпар. 1993. 4 сент.

109. Йăнăш этимологи // Хыпар. 1993. 25 çĕртме.

110. Кăсăк // Хыпар. 1993. 11 сент.

111. Мĕн вăл харпăр лицей (шкул)? // Хыпар. 1993. 18 сент.

112. Тарават // Хыпар. 1993. 25 сент.

113. Хыпар: Чăваш этимологи словарĕнчен // Хыпар. 1993. 2 юпа.

114. В преддверии грядущих выборов // Сов. Чувашия. 1993. 5 окт.

115. Валли – хыç сăмах // Хыпар. 1993. 205 №.

116. Ялав: Чăваш этимологи словарĕнчен // Хыпар. 1993. 16 юпа.

117. Чăваш ăшĕнчи çутă ан сӳнтĕр // Хыпар. 1993. 21 окт.

118. Атăл: Чăваш этимологи словарĕнчен // Хыпар. 1993. 23 окт.

119. Хурал: Чăваш этимологи словарĕнчен //Хыпар. 1993. 3 нояб.

120. Иванов М. Язык и его древний облик (Известный ученый-тюрколог профессор М.Р. Федотов готовит к изданию новый этимологический словарь чувашского языка) // Сов. Чувашия. 1993. 17 нояб.

121. Три дутых кита академика // Сов. Чувашия. 1993. 8 дек.

122. Имя Иисуса Христа – чувашское имя?.. // Сов. Чувашия. 1993. 15 дек.

123. Немец, овладевший чувашской речью // Сов. Чувашия. 1993. 29 дек.

1994

124. Чĕлхе хавачĕ пирки Библире мĕн калана? // Хыпар. 1994. 11 кăрлач.

125. Слово не воробей, у него есть корни. Гость субботнего номера – профессор Михаил Федотов // Сов. Чувашия. 1994. 14 янв.

126. Юптарса е хăйласа калана сăмахсем // Хыпар. 1994. 22 кăрлач.

127. Упăшкипе арăмĕ. Аскăн хĕрарăм // Хыпар. 1994. 5 нарăс.

128. Чуваши произошли от гагаузов? // Сов. Чувашия. 1994. 19 февр.

129. Хастар // Хыпар. 1994. 19 нарăс.

130. Что мы знаем о суваре? // Сов. Чувашия. 1994. 22 февр.

131. Çылăх // Хыпар. 1994. 26 нарăс.

132. Чăрсăр // Хыпар. 1994. 6 пуш.

133. Пĕр-пĕрне юратса пурăнар // Хыпар. 1994. 16 пуш.

134. Çăпата // Хыпар. 1994. 19 пуш.

135. Возвращение изгнанника // Сов. Чувашия. 1994. 31 мая.

136. Рецензия: Кураков Л.П. Стратегия возрождения // Чебоксарские новости. 1994. 24 июня.

137. Наша история на холсте // Сов. Чувашия. 1994. 15 июля.

138. Взгляд в настоящее и будущее // Ульяновец. 1994, 25 июля.

139. Легко ли сдвинуть замшелый камень безразличия // Сов. Чувашия. 1994. 20 окт.

140. Твори, художник // Сов. Чувашия. 1994. 24 нояб.

1995

141. Мать, творящая Вселенную // Ульяновец. 1995. 18 аир.

142. Народность и язык волжских булгар // Сов. Чувашия. 1995. 19 апр.

143. Чуна салхуллă муза ачашлать // Хыпар. 1995. 19 çу.

144. Тернистый путь Ашмарина к многотомному Словарю чувашского языка // Сов. Чувашия. 1995. 24-26 мая.

145. И никуда от этого не деться // Ульяновец. 1995. 6 июня.

146. Пирĕн несĕлсем тата вĕсен чĕлхи //Хыпар. 1995. 15 çĕртме.

147. Валли хыççăмах пирки // Хыпар. 1995. 29 çĕртме.

148. Единство языка и этноса // Ульяновец. 1995. 4 июля.

149. Чĕлхе мурĕсем // Хыпар. 1995. 19 утă.

150. Язык эпитафий волжских болгар // Сов. Чувашия. 1995. 3 авг.: Рец. на одноименную монографию Марселя Эрдала.

151. Немецкий исследователь Йоханнес Бенцинг о прошлом чувашской литературы // Сов. Чувашия. 1995. 3 авг.

152. Исследователь болгаро-чувашского языка // Сов. Чувашия. 1995. 9 авг.

153. Сумел сберечь себя ради науки // Сов. Чувашия. 1995. 14 сент. (о В.Г. Егорове).

154. Великий тюрколог. О происхождении чувашей и их языка // Сов. Чувашия. 1995. 7 окт. (К 125-летию со дня рождения Н.И. Ашмарина).

155. О словах, которым не нашлось места в словарях // Сов. Чувашия. 1995. 31 окт.

156. За словами таится история // Сов. Чувашия. 1995. 31 окт.

157. Высшая школа в стихии рынка//Сов. Чувашия. 1995. 5 нояб.

158. Пăхсан, мишер тупетейĕ те ўкмелле // Хыпар. 1995. 28 авăн.

159. Словарик первокурсника // Ульяновец №№36-47. 1995. 5-7 дек.

1996

160. Труд чувашского ученого на интеллектуальном рынке // Ульяновец. 1996. 9 янв.

161. "Стратегия возрождения" по-научному // Чебоксарские новости. 1996. 6 янв.

162. Новое – это не всегда хорошо забытое старое // Сов. Чувашия. 1996. 17 янв.

163. Чăваш ученăйĕн ĕçĕ – интеллект рынокĕнче // Хыпар. 1996. 18 кăрлач.

164. Отголоски мусульманства // Сов. Чувашия. 1996. 22 февр.

165. Роль Люды из Москвы и Кристи из Чикаго в изучении экономической географии // Чăвашьен. 1996. 23-30 март.

166. За словами таится история // Сов. Чувашия. 1996. 23 март.

167. Хунны – чуваши? // Чăваш ен. 1996. 6-13 апр.

168. История христианской церкви глазами теолога-реформатора // Чăваш ен. 1996. 20-27 апр.

169. История христианской церкви глазами теолога-реформатора // Чăваш ен. 1996. 18-25 мая.

170. Пытки инквизиции. Закон о сжигании еретиков в Англии // Чăваш ен. 1996. 20-27 июля.

171. Пурнăç çулĕ малалла // Хыпар. 1996. 13 çурла.

172. Борьба Рима против Библии // Чăваш ен. 1996. 14-21 сент.

173. Тридцатилетняя война // Чăваш ен. 1996. 21-28 сет.

174. О дохристианских чувашских женских именах // Чăваш ен. 1996. 28 сент. 5 окт.

175. Дохристианские чувашские женские имена // Сов. Чувашия. 1996. 27 сент.

176. Чувашскому селу Муркаш – 624 года? // Сов. Чувашия 1996. 4 окт.

177. Неуместные споры о переименовании // Сов. Чувашия 1996. 14 нояб.

178. Так говорит Библия о жене (женщине) // Сов. Чувашия 1996. 15 нояб.

1997

179. У спикера фамилия редкая // Сов. Чувашия. 1997. 10 янв.

180. Язычники... с мусульманскими именами // Сов. Чувашия. 1997. 20 март.

181. Взрыв в древней истории России // Чăваш ен. 1997.

182. Заокеанский дебют чувашского мастера // Сов. Чувашия. 1997. 22 мая.

183. Воспоминания патриарха без купюр // Сов. Чувашия. 1997. 28 мая; Ульяновец. 1997. 5 июня.

184. Чувашское наследие Иосифа Папая // Сов. Чувашия. 1997. 1 окт.

185. И.Я. Яковлев у государя Николая II // Сов. Чувашия. 1997. 3 окт.

1998

186. Çĕнĕлĕх шыракан сăвăç // Хыпар. 1998. 11 февр.

187. Торай, чапрас – слова заимствованные // Сов. Чувашия. 1998. 20 февр.

188. "Если говорю на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу?" // Сов. Чувашия. 1998. 26 февр.

189. "Не замыкайтесь в собственной скорлупе" // Сов. Чувашия. 1998. 6 март.

190. "Обстоятельства сделали меня русским, и я горжусь этим именем, не гнушаюсь, однако, именем чувашским" // Чăваш ен. 1998. № 10.

191. "Оставался верен тому государственному порядку, в котором протекла вся моя жизнь" // Сов. Чувашия. 1998. 16 апр.

192. "Обстоятельства сделали меня русским, и я горжусь этим име-

нем, не гнушаюсь, однако, именем чувашским" // Вести альма-матер. 1998. 24 апр.

193. В юношеском труде сказался весь Ашмарин // Сов. Чувашия. 1998. 20 мая.

194. Христианский просветитель – непобежденный язычник? // Сов. Чувашия. 1998. 2 дек.

1999

195. Истоки Булы – в глубине веков? // Сов. Чувашия №142. 1999. 27 июля.

196. В названии сел сохранились «осколки» прошлого // Сов. Чувашия № 180. 1999. 16 сент.

197. Выполняя заветы И.Я. Яковлева // Вести альма матер. 1999. 17 сент.

198. Несколько вопросов из истории чувашского языка // Чăваш ен № 30. 1999.

199. Как поссорился И.Я. Яковлев с Н.В. Никольским // Сов. Чувашия № 194. 1999. 8 окт.

200. Çеçпёл тата Библии // Хыпар. 1999. 16 нояб.

201. О родстве чувашского слова йĕрĕх // Чăваш ен № 47. 1999. 27 нояб.- 4 дек.

2000

202. Всякий иудей – ходячая тайна // Сов. Чувашия. 2000. 19 февр.

203. Чтобы не терять след, нужны опыт и знания // Республика. 2000. 30 июнь.

204. Притчи из Четвероевангелия по-русски и по-чувашски // Республика. 2000. 25 февр.

205. Мункун – это не праздник весны // Сов. Чувашия. 2000. 5 мая.

206. О Суварах и Болгарах // Республика. 2000. 16 июня.

2001

207. Памятники старой чувашской веры // Республика. 2001. 6 янв.

208. Крест универсальный // Республика. 2001. 14 февр.

209. Не стоит увлекаться архаизмами // Республика № 10. 2001. 14 февр.

210. Новый труд Юдит // Республика № 53-54. 2001. 18 февр.

211. Этногенез чувашского народа // Республика. 2001. 24 февр.

212. Весна народов // Республика. 2001. 14 марта.

213. Первая книга Моисеева – Бытие // Республика. 2001. 31 марта.

214. Пасха // Республика. 2001. 4 апр.

215. Споры вокруг этнонима чăваш // Республика. 2001. 18 апр.

216. Чувашские слова на латинице // Республика. 2001. 16 мая.

217. Когда же мечи будут перекованы на орала? // Республика. 2001. 15 авг.

218. Обрезание как знак Аврамова завета // Республика. 2001. 5 сент.

219. Что значит «хĕртсурт»? // Ульяновец № 46-47. 2001. 9 ноябрь.

220. Извлечение из книги притчей Соломоновых о женщине (жене) // Ульяновец. 2001. 31 дек.

2002

221. Еще одно божество Антона Салмина // Ульяновец. 2002. 18 янв.

222. Развитие личности // Ульяновец № 28. 2002. 30 авг.

2003

223. Все раритетные статьи в одном томе // Республика. 2003. 22 янв.

2009

224. Литературно-публистические труды: статьи и рецензии. Художественные переводы / сост. Э.И. Родионова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. – 460 с. (Памятники словесности).

Рецензии на основные труды М.Р.Федотова

1. Казанцев Д.Е. Рец. на кн.: Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. 1: Чувашско-марийские связи. Чебоксары, 1965. 160 с. // Сов. финно-угроведение. 1966. № 2. С. 133-141.

2. Скворцов М.И. Рец. на кн.: Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. 4.1: Чувашско-марийские связи. Чебоксары, 1965. 160 с. // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1966. Вып. 32: Вопр. чув. лит. и яз. С.204-208.

3. Лукоянов Г.В. Чăваш чĕлхин историллĕ çыхăнăвĕсем (Исторические связи чувашского языка). Рецензия на кн.: Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Чебоксары, 1965. 4.1: Чувашско-марийские связи. 160 с. // Коммунизм ялав.. 1969, 1 февр.

4. Полкачев С.К. Тĕрĕк йăхĕсен çырулăхне тĕпчесе (Исследуя древнетюркскую письменность) // Коммунизм ялавĕ. 1973. 16 окт. Рец. на кн.: Федотов М.Р. Чăваш чĕлхин историйĕ. Ч.1: Сасăсем: Лекцисем. Шупашкар, 1971. 107 с.

5. Егоров Н.И. Тăван чĕлхене тĕпчесе (Исследуя родной язык) // Коммунизм ялавĕ. 1975. 20 июнь. Рец. на кн.: Федотов М.Р. Тĕрĕк чĕлхисен танлаштару грамматики: Морфологи лекцийĕсем. Шупашкар, 1975. 220 с.

6. Егоров Н.И. Чĕлхе тымарĕпе аталанăвĕ (Происхождение и развитие языка) // Коммунизм ялавĕ. 1976. 11 дек. Рец. на кн.: Федотов М.Р. Тюркологи пуçламăшĕ (Введение в тюркологию). Шупашкар, 1976. 151 с.

7. Егоров. Н.И. Реф. на кн.: Федотов М.Р. Тюркологи пуçламăшĕ (Введение в тюркологию). Шупашкар, 1976. 152 с. // Реферативный журнал. Сер.6. Языкознание. М.. 1977. № 5. С.52-55.

8. Кононов А.Н. Рец. на монографию: Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары. 1980, 1983, 1986 // Сов. тюркология. 1986. № 2. С. 97-101.

"Труд М.Р. Федотова, насыщенный большим и тщательно систематизированным фактическим материалом тюркских языков в сопоставлении с другими алтайскими языками, являет собой крупное достижение в области чувашского и общетюркского языкознания ".

9. Юлия Кирилова (България). Рец. на монографию: Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1980, 1983. 1986 // Съпоставително езикознание. 1987. Кн. 2. С.95-100.

"Повод за написването на тези рядове е тритомният труд на М.Р. Федотов Чувашкият език в семейството на алтайските езци. В съветската тюркология М.Р. Федотов е познат като един от най-добрите съвременни познавачи на чувашкия език, а също като тюрколог с широка филологическа подготовка и ерудиция. Дългогодишен професор в Чувашкия държавен университет и изследовател на чувашкия език в неговото историческо развитие и взаимовръзки с други родствени и неродствени езици, М.Р. Федотов ни поднася най-новия си труд като обобщение на на продължителните си проучвания върху чувашкия език Трилогията представлява и синтез на всички посъществени досегашни изследования върху чувашкия език и поради това е своеобразно върхово постижение в съвременната чувашка филология".

10. Райко Сефтерски (България). Рец. на кн.: Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1980, 1983, 1986 // Paleobulgarica. Старобългаристика. 1987. Кн. 2. С.131-134.

"...трите монографии на М.Федотов "Чувашский язык в семье алтайских языков" в края не остава никаково съмнение , чи, става въпрос за език, колкото близък, толкова и специфичен като езикова система втюркоалтайското езикознание. Независимо от някокои дребни забележки, които могат да се направят, спор около някои примеры и нерешени въпроси, както и известна повторяемостна отделни пассажи и примери, изследването на М.Федотов прави своя голям принес в съветското езикознание. За българското езикознание и частно при изследването на прабългарските писмени памятници, прабългаризмите в старобългарските и ставянските ръкописи и запазения прабългарски влог народните говори в България и съседните балкански езици, това тритомно изследоване "Чувашский язык в семье алтайских языков " ще бъде изключително ценно справочно пособие".

11. Егоров Н.И., Чернов М.Ф., Петров Н.П., Сергеев В.И. Рец. на

монографию: Федотов М.Р. Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика // Сов. Чувашия. 1997. 12 апр. (К истине сравнительным путем.)

12. Егоров Н.И. Чувашский язык прямой наследник тюркского языка булгарского типа. Рец. на монографию: Федотов М.Р. Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика // Чăваш ен. 1997. 25 янв. - 1 февр.

13. Илле Иванов. Рец. на монографию: Федотов М.Р. Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика // Хыпар. 1996. 28 авăн. (Пăхсан – мишер тупетейĕ те ўкмелле.)

14. Иванов Н. Рец. на монографию: Федотов М.Р. Чувашский язык. Чебоксары, 1996 // Сов. Чувашия. 1996. 23 окт.: Чăваш ен. 1996. 26 окт. - 2 нояб. (Труд выверенный, безупречный.)

15. Чернов М.Ф. Рец. на монографию: Федотов М.Р. Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика // Педвузовец. 1997. № 2. (Станет настольной книгой чувашеведа.)

16. Павлов И.П. Из глубин веков. Рец. на монографию: Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи // Сов.Чувашия. 1987. 18 март.

17. Сымкин П. Рец. на кн.: Федотов М.Р. Исследователи чувашского языка. Чебоксары. 1987. 81 с. // Молодой коммунист. 1987. 20 авг. (Книга в газете. Вып.2.)

18. Зайниев Г. Йылмыште – келшымаш ойып. Рец. на монографию: Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи // Марий коммуна. 1991. 7 февр.

19. Иванов М. Что мы знаем о языке // Сов. Чувашия. 1990. 12 окт. Рец. на кн.: Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990. 331 с.

20. Егоров Н.И.. Рец. на кн.: Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка // Изв. Нац. академии наук и искусств ЧР. 1997. № 1.С.148-167.

21. Леонид Сергеев. Питĕ кирлĕ словарь. Рец. на кн.: Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка // Хыпар. 1997. 11 пуш.

22. Юдит Дмитриева. Об именах чувашских, нехристианских. Рец. на кн.: Федотов М.Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен // Сов. Чувашия. 1998. 23 окт.

23. Смирнова Н. Чăвашла ятсен словарĕ. К выходу в свет новой книги М.Р. Федотова "'Словарь чувашских нехристианских личных имен"// Хыпар. 1998. 18 чук.

24. Ухтияров А. Аваллăха тĕпчесе // Шăмăршă хыпарĕ. 1998. 9 дек.

25. Ухтияров А. Чăвашсен Христос тĕнĕпе çыхăнман ячĕсем // Хресчен сасси. 1998. 9 дек.

Статьи и публикации о жизни и творчестве академика М.Р. Федотова

1. Чĕлхе тымарĕпе аталанăвĕ (Истоки и развитие языка) // Коммунизм ялавĕ. 1973. 16 окт.

2. Павлов И.П. Паллă тăпчевçĕ: М.Р. Федотов профессор çуралнăранпа 60 çул çитнĕ май. (Известный исследователь. В связи с 60-летием со дня рождения профессора М.Р.Федотова) // Коммунизм ялавĕ. 1978. 23 янв.

3. Егоров Н.И. Тăван чĕлхе кун-çулĕн тĕпчевçи: М.Р.Федотов профессор 60 çул тултарнă май. (Исследователь судеб родного языка: В связи с 60-летием профессора М.Р.Федотова) // Коммунизм çулĕ. 1979. 23 янв.

4. Галкин И.С. Михаил Романович Федотов (К 70-летию со дня рождения) // Сов. тюркология. 1988. № 6. С. 110-111.

5. Егоров Н.И. Вăта юпа: Пирĕн ентеш М.Р.Федотов профессор 70 çул тултарнине хисеплесе // Коммунизм çулĕ. 1989. 19 янв.

6. Иванов М. Такой словарь нужен // Сов. Чувашия. 1992. 21 март.

7. Иванов М. Слово не воробей, у него есть корни // Сов. Чувашия. 1994. 22 янв.

8. Егоров Н.И. Ĕçĕсем аслă, ячĕсем чыслă, М.Р.Федотов академик 75 çул тултарнă хисеппе (По трудам и слава: к 75-летию академика М.Р.Федотова) // Хыпар. 1994. 20 янв.

9. Васильев В. Чувашская книга резко потолстела // Сов. Чувашия. 1996.

10. Иванов В. Слово разбросанное и собранное Сов. Чувашия. 1996. 23 сент.

11. Тĕрĕк ăслайĕсен кафедри (Кафедра тюркологии) // Ялав. 1997. 9 №.60-62 с.

12. Егоров Н.И. Шав малалла, шав тăвалла: М.Р.Федотов академикăн пурнăçĕпе ĕçĕ-хĕлĕсем (Вперед и выше: Жизнь и научная деятельность академика М.Р.Федотова) // Ялав. 1997. 9 №. 46-52 с.

13. Факультет чувашской филологии и культуры // Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. 1967-1997. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та. 1997. С. 112-132.

14. Можаев В. И мĕн юлĕ, тăван, мĕн юлĕ. Чул çине çырни çав юлĕ (Что же останется, родимый, после нас? Только надпись на камне и останется) // Хыпар. 1998. 16 янв.

15. Егоров Н.И. Медиатор между прошлым и будущим (К 80-летию академика М.Р.Федотова) //'Исследователи чувашской культуры и истории. Уфа. 1998. С. 73-102.

16. Корифей чувашской тюркологии М.Р. Федотов (на чуваш. и русск. яз.). / Под ред. ак. Л.П. Куракова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1999. –112.

17. Г. Ирхи. «Одна, но пламенная страсть…» // Республика №5, 2001. 20 янв.

18. Л.Филиппова. Откуда ты, перво-чуваш? // Ульяновец №48. 2001. 16 ноябрь.

19. Валерий Алексеев. Прощание с профессором // Республика №3, 2003. 22 янв.

20. В.Иванов. Ăслай Улăпĕ // Ялав. 2003, 4 №.

21. В.М. Терентьев. Пурне те вĕçме пӳрмен. // Шăмăршă хыпарĕ. 2007, раштав 5, 8, 11-мĕшĕ. 149-152№№.

22. В.М. Терентьев. Духовное наследие академика М.Р.Федотова. (О жизнедеятельности известного ученого-языковеда, алтаиста, корифея чувашской тюркологии). Кн.1. – Чебоксары: «Новое время», 2008. – 536 с.

23. В.М.Терентьев. Чăвашсен паттăр юманĕ. // Хыпар. 2005, çурла, 25, 26-мĕшĕ. 166, 167 №№.

24. Егоров Н.И. Феномен Федотова. Сб. мат. Международной научной конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посвященной 90-летию со дня рождения М.Р.Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И.Егорова (Чебоксары, 27-28 февраля 2009 г.). В 2-х ч. – Ч.I . – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. –268с.

25. Атнер П. Хузангай.. Федотов – kül, bilgä Kagan. Сб. мат. Международной научной конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посвященной 90-летию со дня рождения М.Р.Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И.Егорова (Чебоксары, 27-28 февраля 2009 г.). В 2-х ч. – Ч.II . – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. –242 с.

26. В.М. Терентьев. Значение наследия академика М.Р.Федотова в изучении духовной культуры народов Поволжья и Урала. Сб. мат. Международной научной конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посвященной 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И. Егорова (Чебоксары, 27-28 февраля 2009г.). В 2-х ч. – Ч.II . – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. –242 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Генеалогическое древо Федотовых из деревни Малое Буяново Шемуршинского района Чувашской Республики

Федот Федотович – отец Романа. Мать звали Укахви. Роман женился на дочери Алтюка – Матюсь. У них родились шестеро детей: Матрена, Николай, Илька, Якур, Ваня, Михаил.

1. Матрена вышла замуж за Волкова Элюка в соседнюю деревню Какерли Шигали. У них было семеро детей: Алексей, Андрей, Николай, Ольга, Марье, Петя, Тятя.

2. Николай женился на Елене. Родили четверых детей: Александр, Павел, Федя, Ольга.

3. Илька женился на Маюке. У них родилась дочь Анюта.

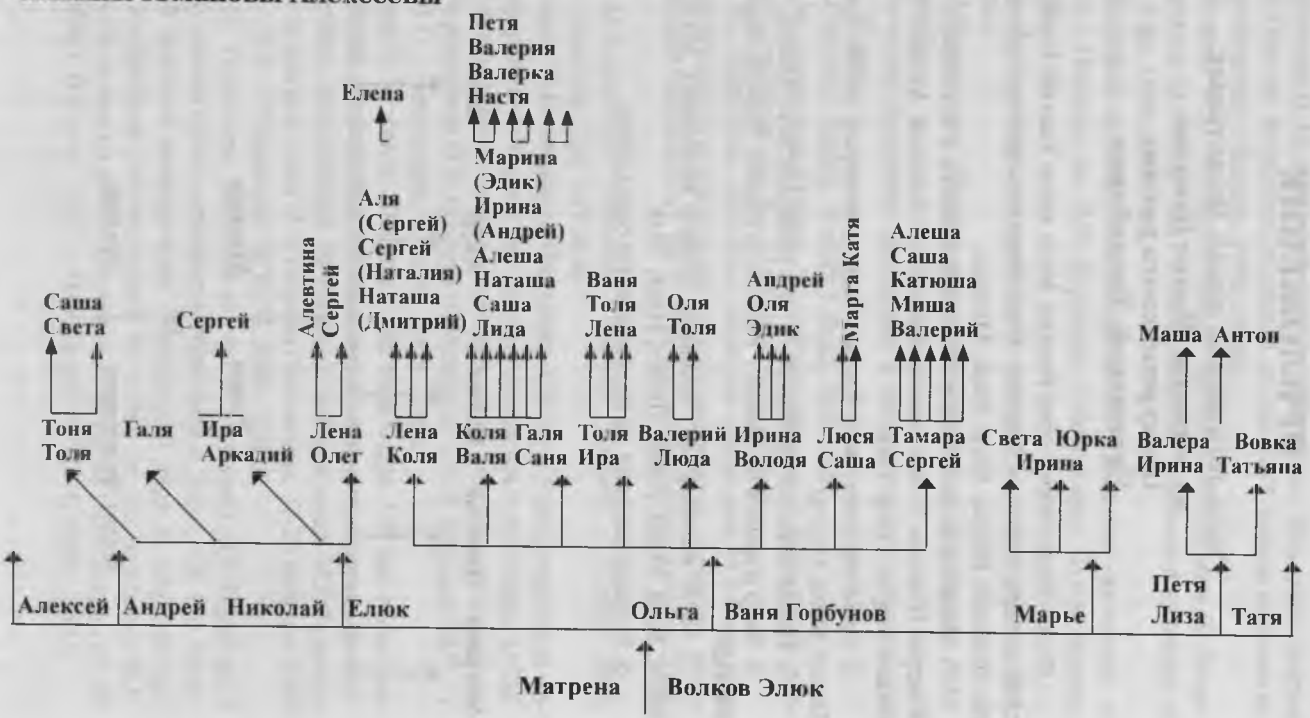
4. Якур женился на Маюке. Родили дочерией: Анюта, Лидия, Зина, Райкка.

5. Ваня женился на Серафиме. Родили восьмерых детей: Миша, Митя, Тоня, Маня, Райка, Лидия, Надя, Толя.

6. Михаил женился на Валентине. Не было детей.

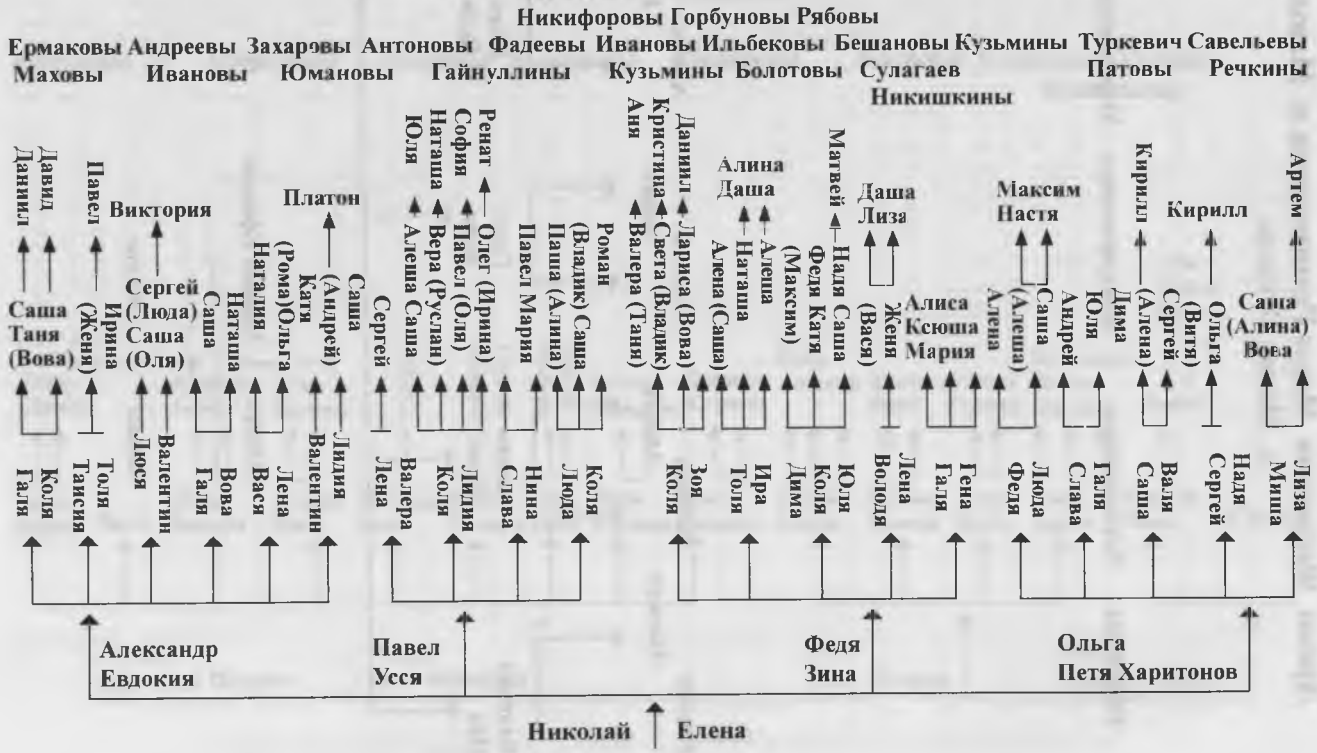
Древо Волкова Элюка и Матрены

д. Какерлы Шигали

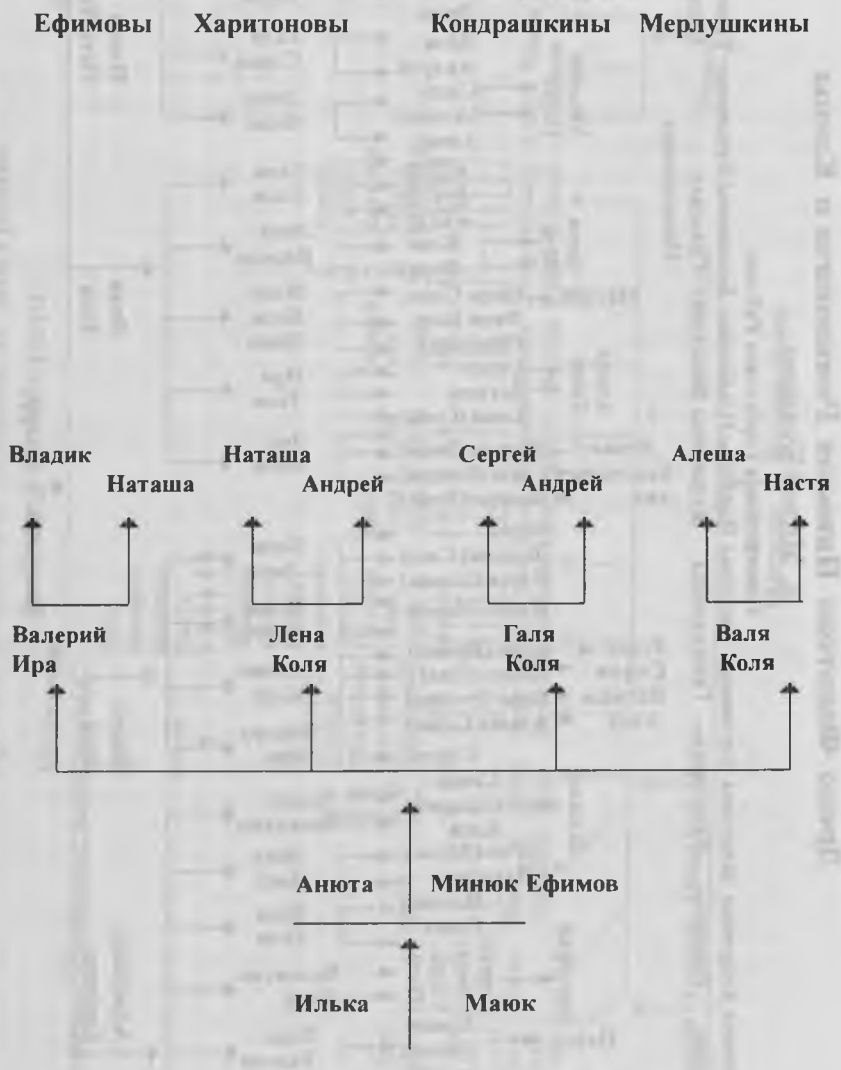


Древо Федотова Николая Романовича и Елены

д. Малое Буяново

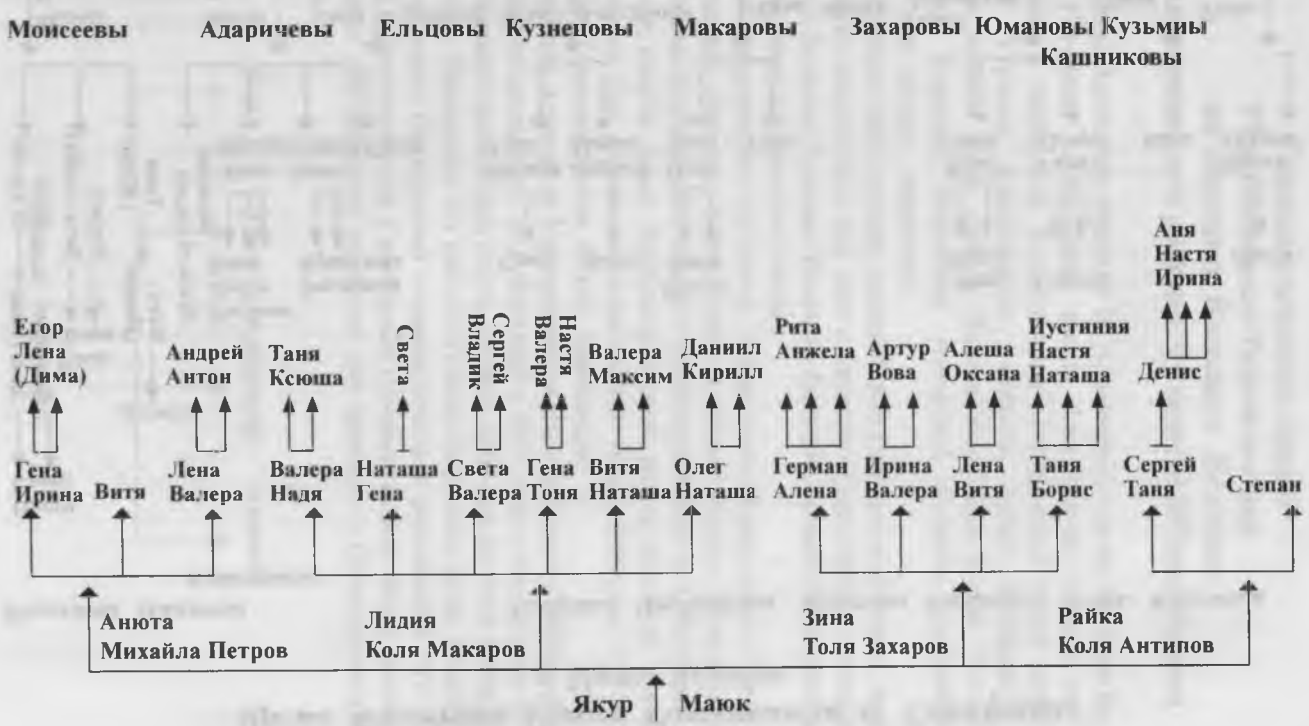


Древо Федотова Ильи Романовича и Маюка
д. Малое Буяново



Древо Федотова Егора Романовича и Маюка

д. Малое Буяново



Древо Федотова Ивана Романовича и Серафимы

д. Малое Буяново

Генеалогическое древо Утривановых-Терентьевых из деревни Большое Буяново Шемуршинского района ЧувашскойРеспублики

Утриван Александр переехал из Алманчево со своею матерью Кетерин. [Утриван Александăрĕ амапа Алманчăран (тăватă ачапа) Васанта пурăнакан Терентьевсем (Терентисем) патне куçса килеççĕ. Утриван Александрĕн малтанхи арăмĕ Лĕпĕшсен – Ярăслав ялĕнчи пуян çынсен Елисса ятлă хĕрĕ пулнă. Унтан виçĕ ача: Варвари, Микихвер, Анюркка]. Васанта пурăнакан Валик тете каласа панинчен.

У Утривана было четверо сыновей: поп (его имени не знаем, жил в Алгашах), второй тоже поп, жил в Баишево (Пашьелте), Александр – жил в д. Большое Буяново (Васанта), Алексей – младший брат жил в Саратове, тоже выучился на учителя.

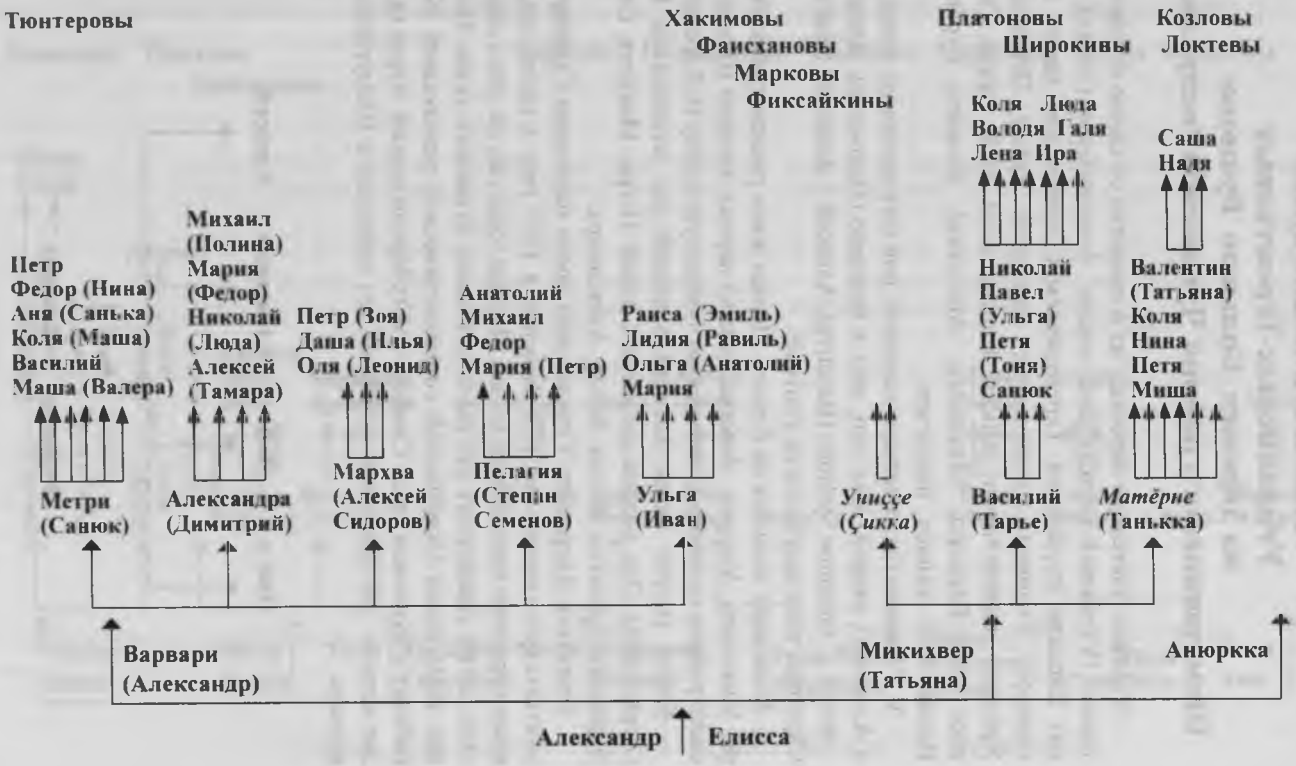
Александр женился на Елиссе. Первая жена родила троих: Варвари, Микихвер, Анюрка. Анюрка одна из первых женщин Шемуршинского района окончила Симбирскую чувашскую школу И.Я.Яковлева.

После смерти жены Александр второй раз женился на Груне (Агриппине). Она родила восьмерых детей: Петра, Микулая, Сергея, Ванюшку, Терентия, Фотия, Феклу, Александра.

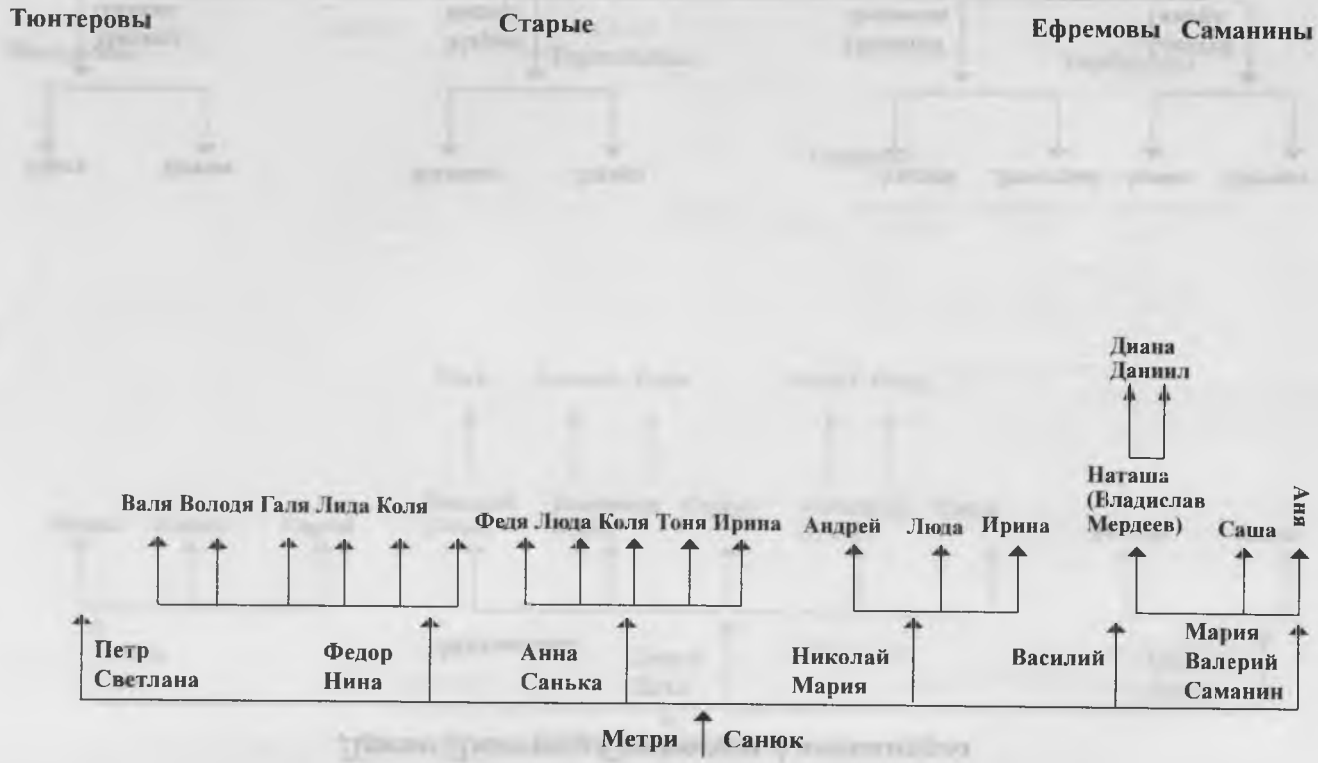
Терентьев Александр Утриванович после окончания Симбирскую учительскую семинарию И.Я.Яковлева в 1897 году в своем доме открыл церковно-приходскую школу. Первые годы сам же учил деревенских детей. Двенадцать лет работал Главою Буинского уезда. Последние годы перед Октябрьской социалистической революцией 1917 г. работал в Буинском уезде Симбирской губернии судьей. Через каждые две недели для проверки судебных дел приезжал в Шемуршинскую волость.

Древо Терентьева Александра Утривановича и Елиссы

д. Большое Буяново

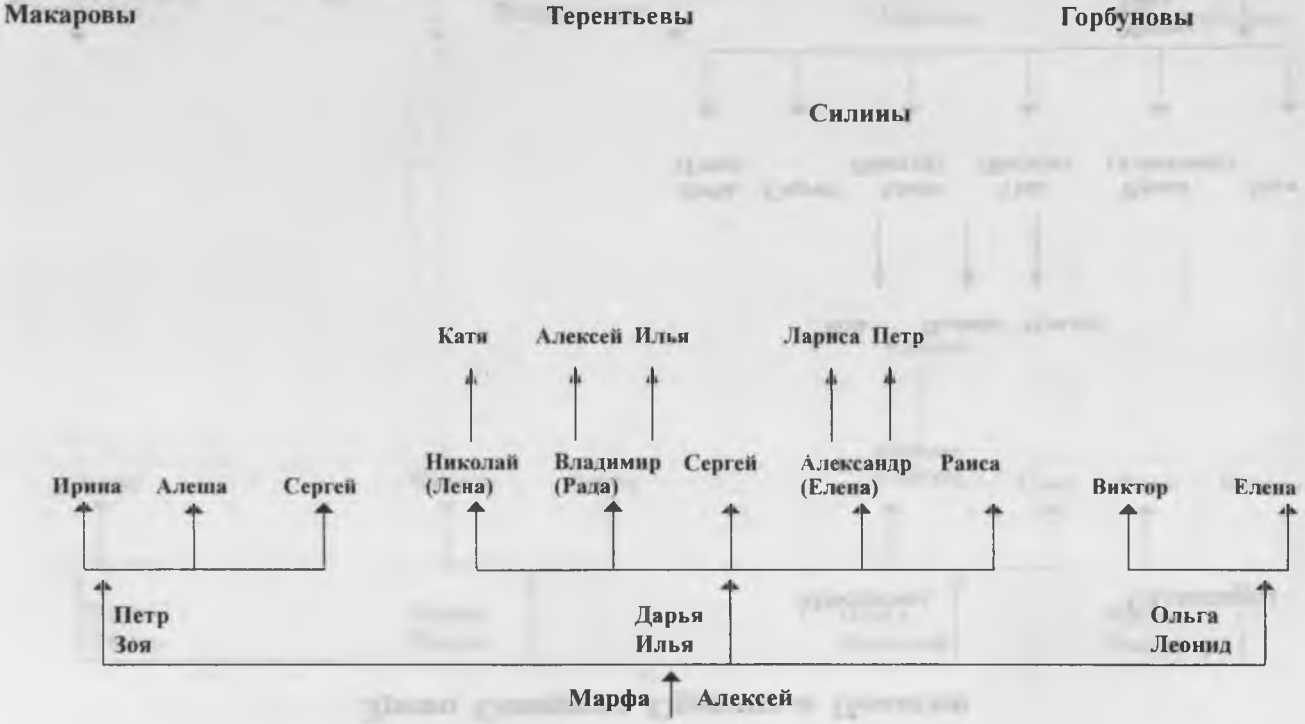


Древо Димитрия Александровича Тюнтерова и Санюка

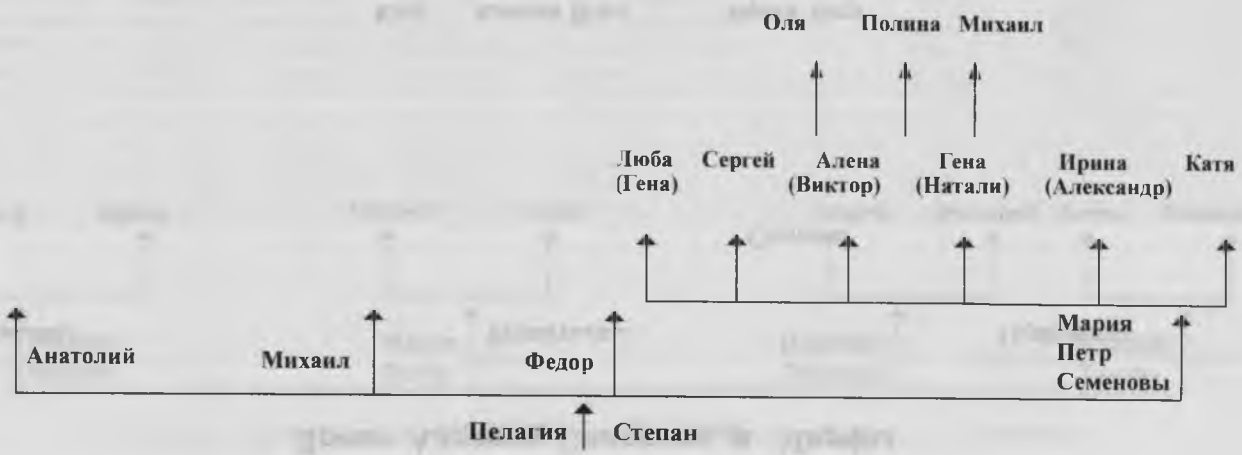


Древо Дмитрия Старого и Александры

Древо Алексея Сидорова и Марфы



Древо Семенова Степана и Пелагии

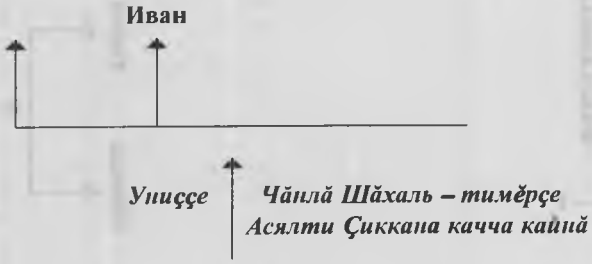


Древо Тимошкина Ивана и Ульги

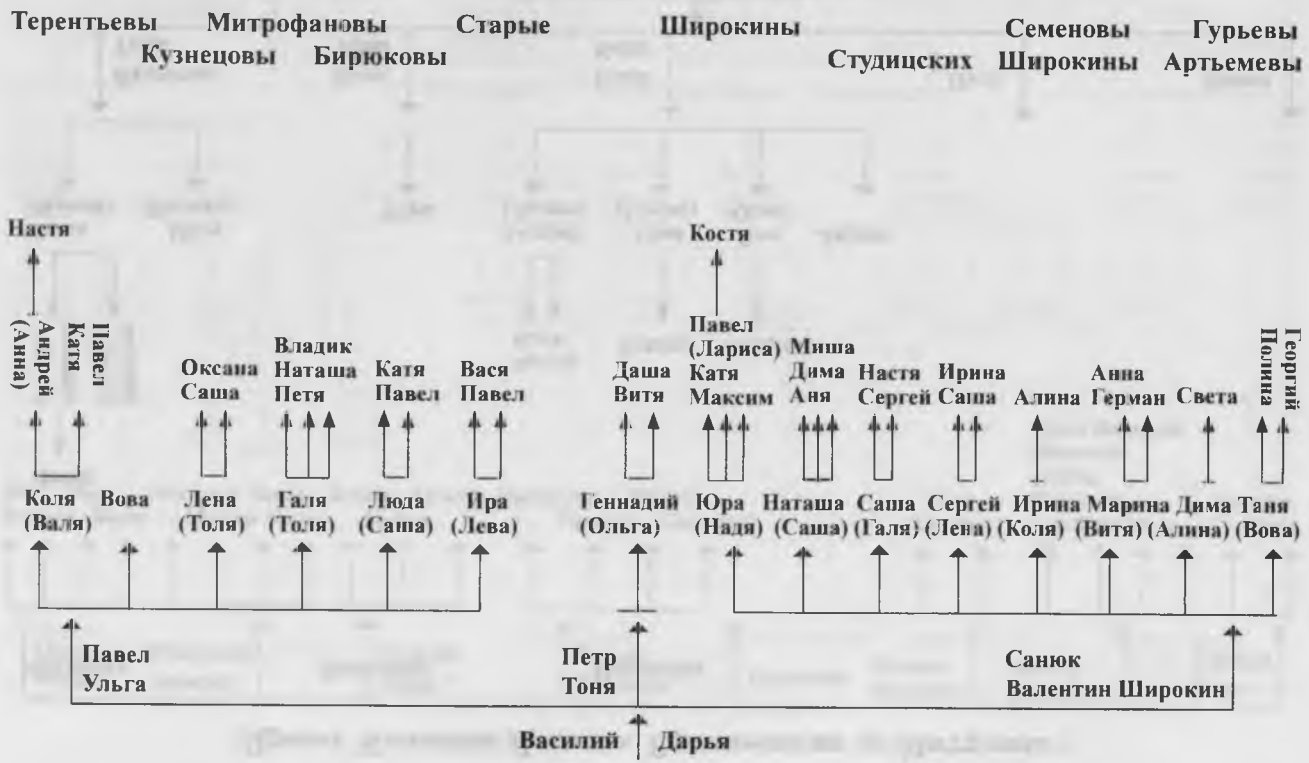
Древо Платонова Семена и Унисси

Платоновы

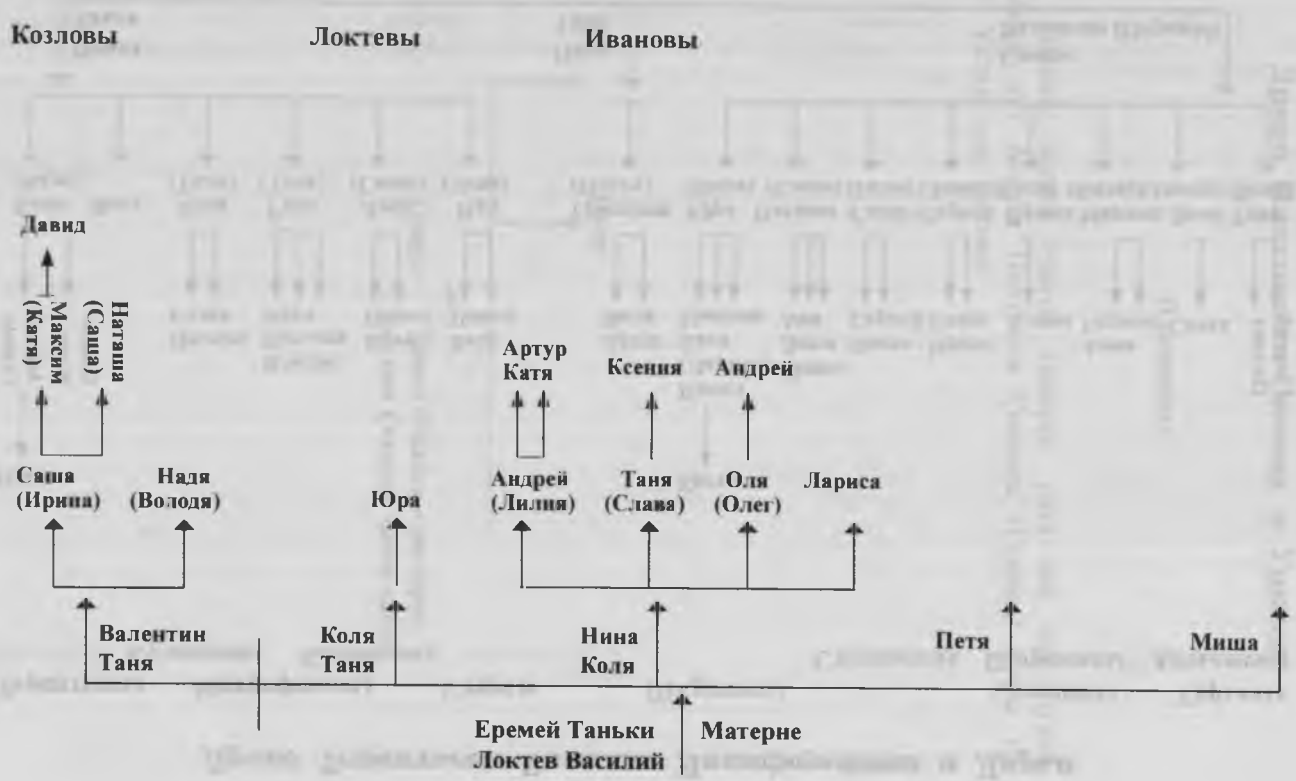
Шăхале качча тухать Тимĕрçе, унта икĕ ача пулнă. Иккĕмĕш хут Асьяла Платонов Çиккана (Семена) качча тухать. Унтан ача пулман.



Древо Терентьева Василия Никифоровича и Дарьи



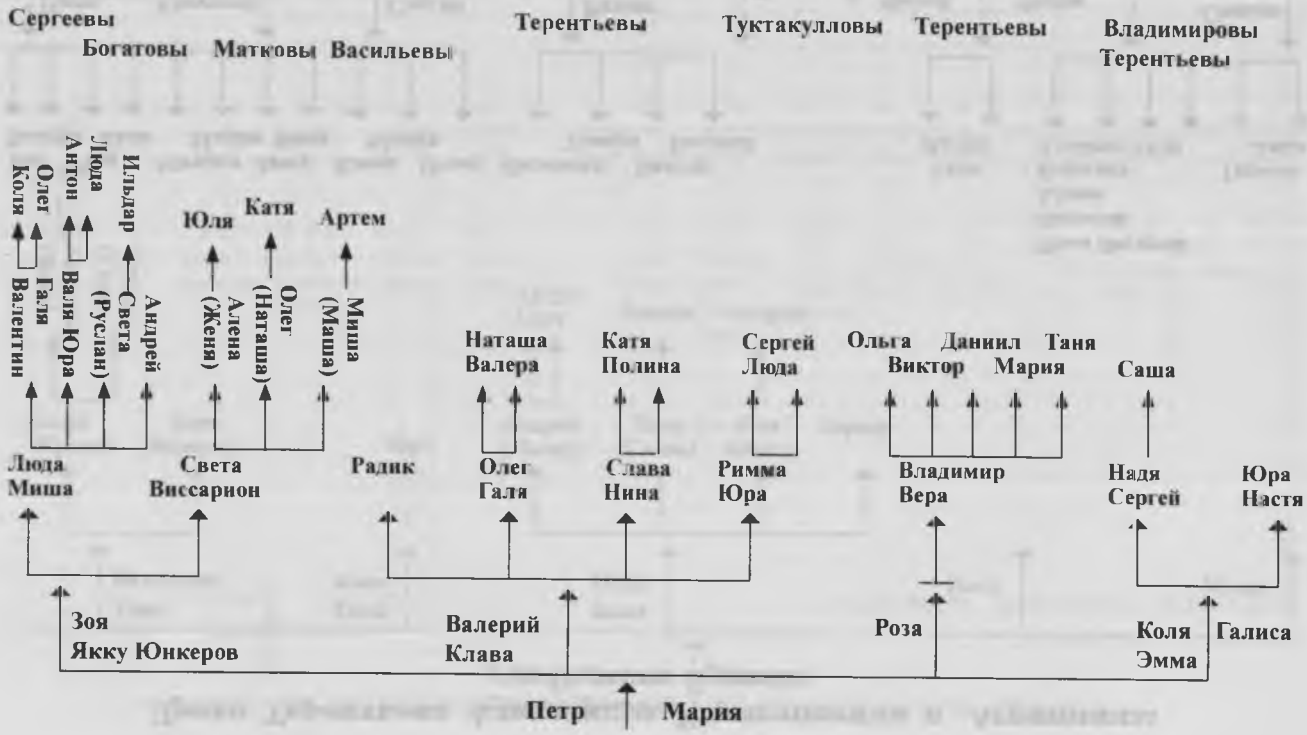
Древо Козлова Данила Еремеевича и Матрены



Древо Терентьева Александра Утривановича и Агриппины
д. Большое Буяново

Древо Терентьева Петра Александровича и Марии

пос. Красный Вазан

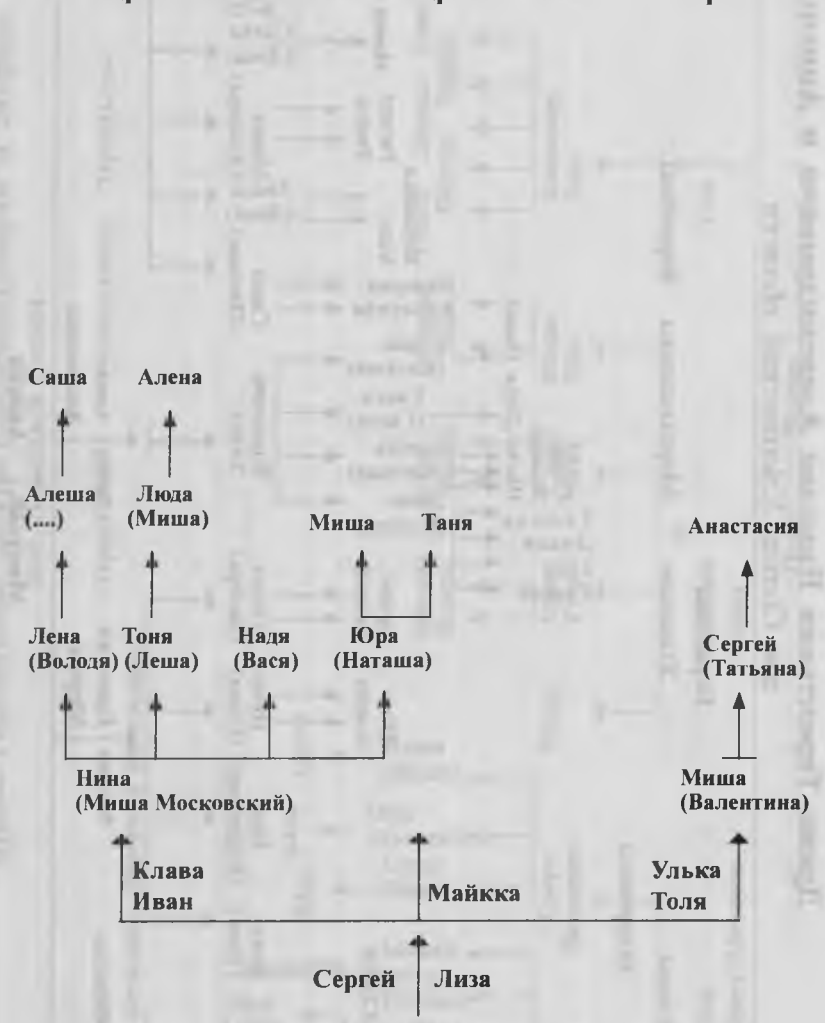


Древо Терентьева Николая Александровича и Анисии

пос. Солнце Ульяновской области

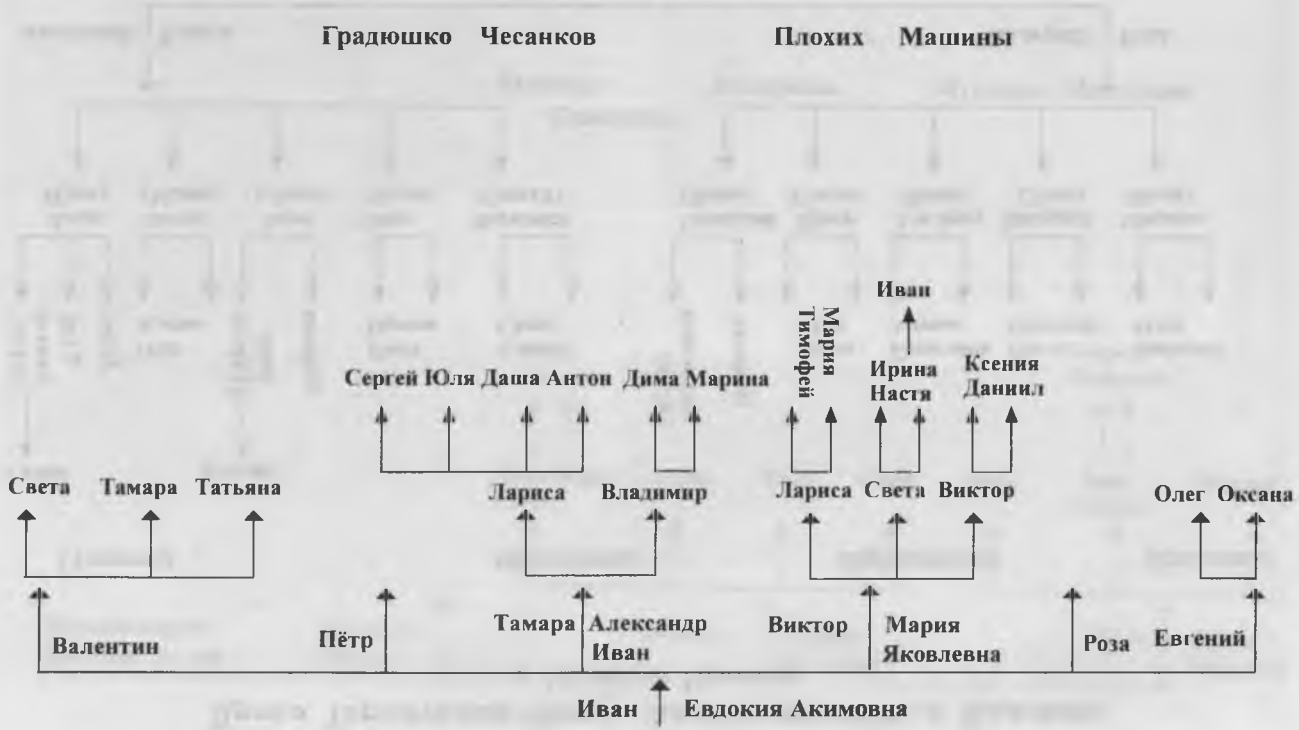
Древо Терентьева Сергея Александровича и Елизаветы

пос. Красный Вазан



Древо Утриванова Ивана Александровича и Евдокии Акимовны

пос. Лески, Брянской области

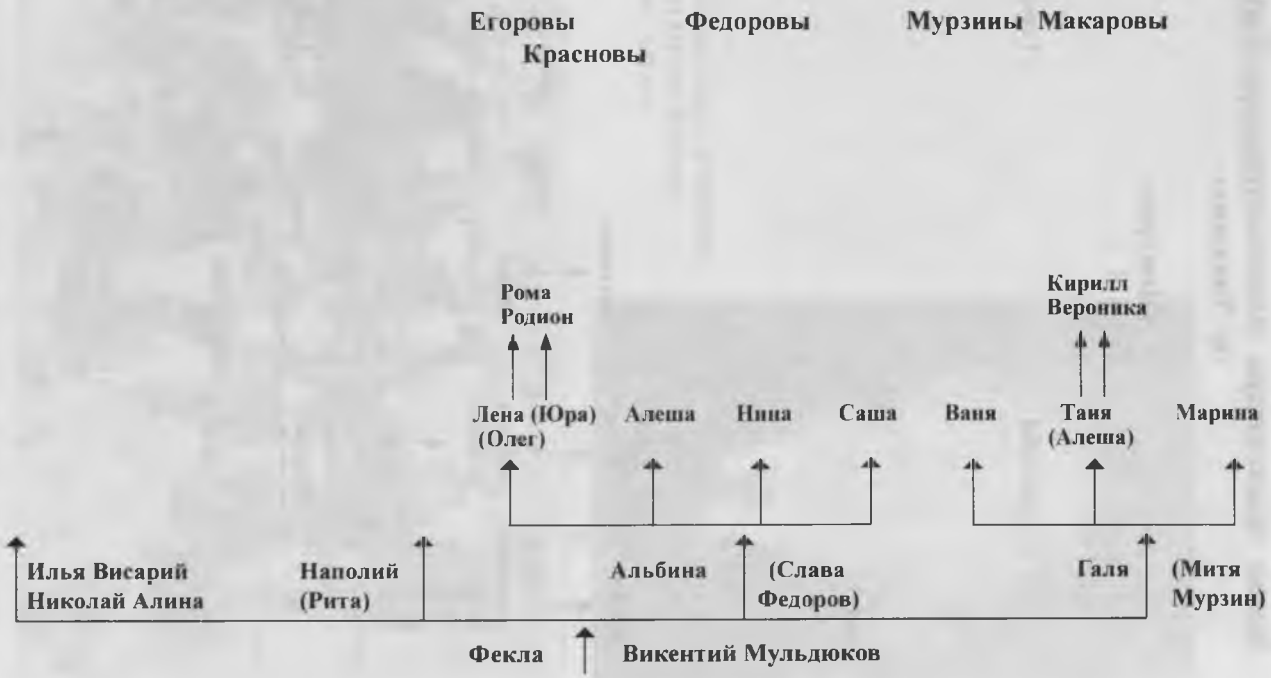


Древо Терентьева Фотия Александровича и Евдокии

д. Большое Буяново

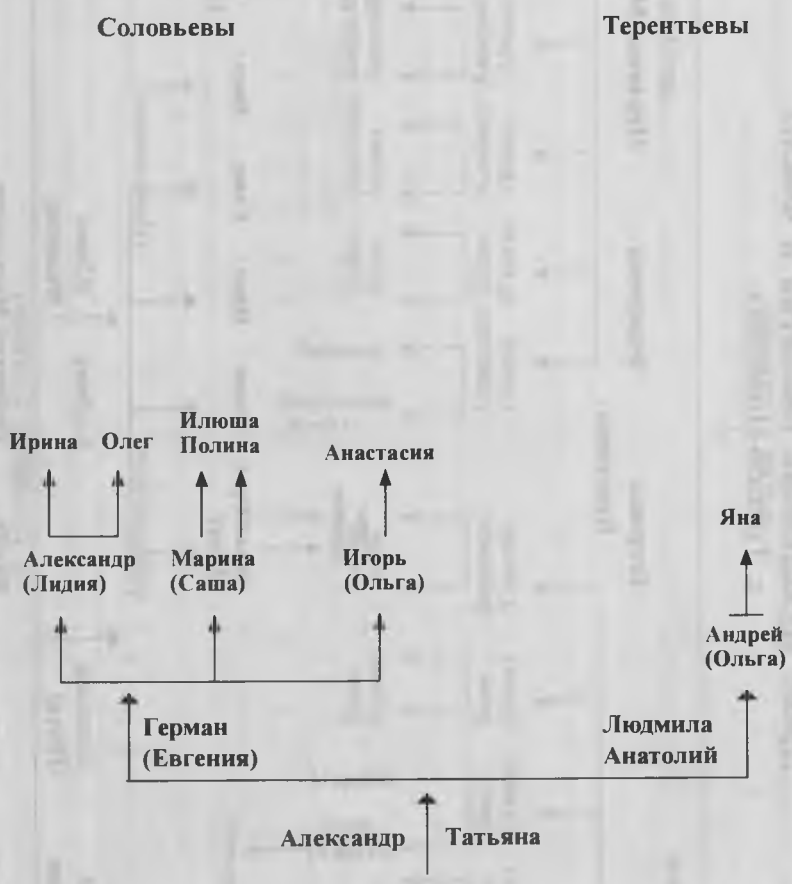
Древо Мульдюкова Викентия и Феклы

с. Трехизб-Шемурша



Древо Александра Александровича Терентьева и Татьяны

с. Шемурша



Из фотоархива

Ученик Батыревского педагогического училища Михаил Федотов. 27 ноября 1936 год.

Выпускники Батыревского педучилища 1937 года. * См. на стр. 558.

Германская Демократическая Республика (ГДР). Михаил Романович Федотов со своим другом из военной администрации г. Ратенова, 1945 год.

Переводчик Центральной военной администрации в Германии М.Р. Федотов. 1945-47 гг.

Семинар учителей иностранных языков школ Марийской АССР, состоявшийся с 25 по 27 февраля 1950 года в г. Йошкар-Оле.

Михаил Романович Федотов с учителями Кокшамарской средней школы Марийской АССР. Ямбарцев Петр Васильевич играет на пианино.
20 мая 1952 год.

Педагогический коллектив Б-Чурашевской средней школы Ядринского района Чувашской АССР. На заднем ряду стоят Валентина Сергеевна Вагина и Михаил Романович Федотов. 12 мая 1954 год.

Заведующий отделом иностарнных языков М.Р. Федотов в институте усовершенствования учителей с учителями немецкого языка из ЧАССР.

На Первомайской демонстрации трудящихся. Фото Леонида Васильева, студента 2-го курса математического отделения.

В первом ряду сидят преподаватели ЧГУ им. И.Н.Ульянова: Юшков Сергей Павлович. Федотов Михаил Романович и Тенюшев Иван Яковлевич. Студенты ИФФ-4-1-69.

М.Р. Федотов, Н.А. Баскаков и Н.А. Андреев (Урхи) на научно-практической конференции по финно-угороведению в г. Чебоксары. 1970 г.

Преподаватели кафедры чувашского языка и литературы ЧГУ. В первом ряду сидят (слева направо): Юшков С.П., Канюков В.Я., Канюкова А.С., Горский С.П., Василеьва Е.Ф., Павлов И.П. Во втором ряду стоят: Тимуков В.П., Васильев (Васан) А.В., Федотов М.Р., Одюков И.И., Хлебников Г.Я. В третьем ряду стоят: Виноградов Ю.М., Никитин (Станьял) В.П., Лукоянов Г.В., Айдаш Ю.Г.

Члены кружка «История чувашского языка» с руководителем – доцентом кафедры чувашского языка и литературы ЧГУ, кандидатом филологических наук М.Р. Федотовым. 2 октября 1972 год.

Канашский район, дер. Сеспель. Студенты ИФФ перед памятником Мишши Сеспеля. На заднем ряду преподаватель ЧГУ – доцент кафедры чувашского языка и литературы М.Р. Федотов. 27 апреля 1973 год.

Основоположники новых направлений в отечественной гуманитарной науки профессора М.Р. Федотов, И.А. Андреев, Л.П. Сергеев и Г.Н. Волков.
2 апреля 1974 год, г. Чебоксары.

Преподаватели ЧГУ им. И.Н.Ульянова(слева направо): Одюков И.И., Павлов И.П., Петров Н.П., Федотов М.Р. и Канюкова Александра Семеновна со своими студентами. Апрель 1976 год, г. Чебоксары.

За длинным столом собрался Цвет и Мудрость ЧГУ – ученые профессора М.М. Михайлов, М.Р. Федотов, В.Д. Димитриев, П.В. Денисов, И.А. Андреев, И.Д. Кириллов. г. Чебоксары, 1977 год.

На научной конференции, посвященной 70-летию Н.С. Дедушкина. На первом ряду справа академик Михаил Романович Федотов.

г. Чебоксары, март 1985 год.

«Одна, но пламенная страсть... была тогда у этого профессора, – говорит о М.Р Федотове его собеседник, поэт и литератор Георгий Ирхи. – Как некоторые не предавался лени и унынию – область для работы, для новых исследований была огромна». г. Чебоксары, 1978 год.

** Выпускники Батыревского педучилища в 1937 года. На заднем ряду стоят, слева направо: Андронов Кирилл Афанасьевич (М. Буяново), Шлаев Андрей (Норваш-Шигали), Иванов Керкусь (Шигали), Тимофеева Елизавета Михайловна (М. Буяново), В. Яковлев (Норваш-Шигали). Слева с сумкой стоит Нина Лаврентьевна Федорова – преподаватель педагогики школьников. Третий ряд спереди, сидят: Чернов Иванька (Куршанка), без головного убора – Поляков Николай Гаврилович (Б. Буяново). Во втором ряду сидят: Юхвитов Петр (Хорновар-Шигали), Андреев Роман (М. Буяново), Алексеев Никандр Александрович (М. Буяново), Федотов Михаил Романович (М. Буяново), Константинов (Комсомольский район).*

Родные и самые близкие академика М.Р. Федотова

Семья Федотова Ивана Романовича. В первом ряду (слева направо): Иван Романович с супругой Серафимой. Володя Федотов, Галина Федотова, Лаврентий Иванов с сыном Володей. Во втором ряду (стоят): Мария Ивановна, Анатолий Иванович и Рая Ивановна. г. Чебоксары, 15 август 1971 год.

Михаил Романович Федотов с племянником Михаилом Ивановичем. Нина Федоровна с Дашей сидят рядом. а заднем ряду Рома Федотов.

Стоят слево направо: Элюков Михаил Михайлович (муж Ларисы), Владимир Федотов и Лариса. Сидят: Мария Ивановна с годовалой Катей. г. Чебоксары, 1992 г.

Семья Федотова Димитрия Ивановича. Слева направо): Валерий Димитриевич, Лидия Николаевна с сыном Сашей, Димитрий Иванович и Николай Димитриевич.

Тюменская обл., Ярковский район, с. Дубровное. Октябрь 1993 г.

Михаил Иванович Федотов в кругу своей семьи.

Слева направо: Мария Ивановна, Валентина Сергеевна, Михаил Романович и Ираида Васильевна Мукина сидят на диване. Володя Федотов расположился впереди. г. Чебоксары, 1997 год.

Виктора Терентьева провожают в Москву на учебу. Мать – Вера Иосифовна, тёти – Людмила Иосифовна, Светлана Иосифовна и Юра. г. Чебоксары, 2002 г.

Семья Терентьева В.М. на Заливе: Даниил, Ольга, Светлана, Вера Иосифовна, Таня, Мария и Виктор Владимирович. г. Чебоксары. 2006 г.

На юбилее Федотова М.И. Собралась вся родня – потомки академика М.Р. Федотова. г. Чебоксары. 2 июля 2011 г.

Международная научная конференция

«Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посвященная 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И. Егорова, состоялась 27-28 февраля 2009 г. в г. Чебоксары.

В президиуме сидят знаменитые ученые-языковеды из г. Чебоксары, г. Казань, г. Москва, г. Варшава и др.

Выступление профессора Н.И. Егорова.

Доцент кафедры политологии ЧГУ В.М. Терентьев.

Конференц-зал ЧГИГН.

Выступает профессор В.А. Иванов.

Задушевная беседа участников во время перерыва.

Слева направо: доктор филологических наук, профессор Варшавского университета Парзымиес Анна (Польша), к.ф.н. Васильева Е.Ф., к.филос.н. Терентьев В.М. и уч. секретарь ЧГИГН Петров Л.П.

Участники конференции у памятника Н.Я. Бичурина. 28 февраля 2009 г. г. Чебоксары.

Руководители групп секции по наследию академика М.Р. Федотова В.М. Терентьев и Ю.М. Виноградов.

Выступление А.В.Дыбо из Института языкознания РАН (г. Москва), в защиту традиционной теории по алтаистике.

В кабинете у А.П. Хузангая во время перерыва.

Установление памятной мемориальной доски и проведение "Дня чувашского языка и литературы" на родине академика.

Предварительная поездка в Шемуршинский район. Слева направо: Андронов Михаил, Федотов Михаил, Колесов Сергей, Фомин Петр, Терентьев Владимир, Андронов Геннадий. Март 2009 г. с. Шемурша.

В деревне Малое Буяново на стене Дома Культуры установили памятную мемориальную доску на русском и чувашском языках.

Встреча гостей с хлебом и солью.

Торжественную часть «Дня чувашского языка и литературы» открывает глава сельского поселения д. Малое Буяново Алексеев В.Н. и предоставляет слово Федотову М.И., племяннику академика Федотова М.Р.

Мукина И.В. дарит школьной библиотеке книгу о жизнедеятельности академика Федотова М.Р.

Профессор В.И. Сергеев приглашает старшеклассников на учебу в ЧГУ.

Терентьев В.М. дарит книги «Духовное наследие академика М.Р. Федотова» в школьную и сельскую библиотеки д. Малое Буяново

Андронов Г.К. дарит фотографию о выпускниках Батыревского педагогического училища 1936 г.

Родственники академика М.Р. Федотова.

Родственники академика М.Р. Федотова, проживающие в г. Чебоксары.

Участники «Дня чувашского языка и чувашской литературы» в с. Шемурша.

Оглавление

От составителя 4
От редактора 7

Часть первая

Глава 1. О родном языке

1.1. Памятники чувашского языкознания 16
1.2. О некоторых досадных искажениях 21
1.3. Богатое наследие 24
1.4. Родной язык 26
1.5. Планы в жизнь 32
1.6. Альтернативы нет 36
1.7. Ещё одно письмо о чувашском языке 37
1.8. Пике, или воплощение кроткости, невинности и красоты 38
1.9. Такой словарь нужен 41
1.10. Из булгарской старины 44
1.11. Чуваши произошли от гагаузов? 58
1.12. И никуда от этого не деться 59
1.13. Исследователь булгарско-чувашского языка 64
1.14. Отголоски основ мусульманства в чувашах 65
1.15. Слово разбросанное и собранное 70
1.16. Заокеанский дебют чувашского мастера 74
1.17. О родстве чувашского слова йĕрĕх 75
1.18. Не стоит увлекаться архаизмами 78
1.19. Новый труд Юдит 79
1.20. Что значит «хĕртсурт»? 80

Глава 2. Ойконимы и топонимы

2.1. О названии города Алатыря 82
2.2. Чьё это слово? 85
2.3. Небылицы о чувашском языке 88
2.4. За словом таится история 89
2.5. Чувашскому селу Муркаш – 624 года? 94
2.6. Неуместные споры о переименовании 96
2.7. У спикера фамилия редкая 98
2.8. «Торай», «чапрас» – слова заимствованные 99
2.9. Истоки Булы – в глубине веков? 100
2.10. В названиях сёл сохранились «осколки» прошлого 101

Глава 3. Чувашский язык в кругу тюркских и финно-угорских языков

3.1. Рецензии 103
3.2. О генетической соотносимости пермского *эн* и чувашского *ан* в отрицательной форме повелительного наклонения 113
3.3. Булгарский язык и его отношение к некоторым финно-угорским языкам 118
3.4. К вопросу о генезисе марийского аффикса *-la* 138

3.5. Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии 143
3.6. Zum 100. Geburtstag von N.I. Ašmarin 155
3.7. О чувашском каритивном аффиксе -căp (-săr), -cĕp (-sĕr) и его рефлексе в некоторых финно-угорских языках 159
3.8. В.В. Радлов и Н.И. Ашмарин о происхождении чувашского языка 168
3.9. Прошедшее неочевидное время в чувашском и марийском языках 177
3.10. К вопросу о древнечувашской письменности 181
3.11. О марийском этнониме сувас~суас 189
3.12. О некоторых огузских чертах чувашского языка 194
3.13. Этацизм и итацизм в свете тюркских названий реки Волги 207
3.14. Заметки о переводе с одного тюркского языка на другой 212
3.15. «Инфинитивы» в тюркских языках 220
3.16. Записка Н.И. Ашмарина об издании чувашских текстов 231
3.17. Работы З.Гомбоца о булгарско-тюркских заимствованиях в венгерском языке 235
3.18. Тимофей Матвеевич Матвеев 249
3.19. Наум Андреевич Андреев 251
3.20. Г.Е.Корнилов. Имитативы в чувашском языке 253
3.21. Б.Мункачи о тюркских элементах в венгерском языке 259
3.22. О некоторых тюркских заимствованиях в марийском языке 270
3.23. О происхождении двух типов пратюркского языка 287
3.24. И.С.Галкин. Марий исторический лексикологий. Тунемме книга 294
3.25. Михаилу Романовичу Федотову – 70 лет 298

Часть вторая

Глава 4. Просветитель И.Я.Яковлев и проблемы современного образования

4.1. Словарик первокурсника 302
4.2. Вопрос без ответа 304
4.3. Роль Люды из Москвы и Кристи из Чикаго 309
4.4. Взрыв древней истории России 313
4.5. Как поссорился И.Я.Яковлев с Н.В.Никольским 318
4.6. Откуда ты, перво-чуваш? 320
4.7. «Развитие личности» 321
4.8. Проблемы современной российской системы образования 322
4.9. Из дневниковых записей 351
4.10. Фонд имени академика М.Р.Федотова ЧР 361
4.11. Получение диплома доктора наук 364
4.12. Как сняли первого секретаря Чувашского обкома КПСС Прокопьева И.П. 365
4.13. Из программы ТВ «Союз» 368

4.14. Из дневника М.Р.Федотова 372
4.15. Митта Ваçлейĕн халалĕ 374
4.16. Çеçпĕл тата Библи 385
4.17. Народный поэт Чувашии Геннадий Айги 406
4.18. Рецензия на Н.Исмукова «Тăватйĕркен» 419
4.19. Встреча с профессором В.Г. Родионовым 425
4.20. На юбилее академика 426

Глава 5. Воспоминания современников об академике М.Р.Федотове

5.1. Вăл мана хăйĕн пек çырса ĕçлеме вĕрентрĕ 429
5.2. Ачасене питĕ юрататчĕ 438
5.3. В самое трудное время дядя нас обул и одел 441
5.4. Добрые воспоминания о прошлом 453
5.5. Детские книги и тетради приносил 469
5.6. Чăваш чĕлхипе литературине юратма вĕрентрĕ 472
5.7. Впервые познакомились в Большебуяновской средней школе 473
5.8. Васан шкулĕнче те, Патăрьелĕнче те пĕрле вĕреннĕ 475
5.9. Как я рисовал на квартире у академика 483
5.10. Чи шутлă, чи сумлă, чи ятлă академик 484

Глава 6. Генеалогическое древо – древо жизни родословий

6.1. Древо жизни родословий 487

Роль духовного и научного наследия академика М.Р. Федотова в совершенствовании нравственных основ современной жизни (*Вместо послесловия*) 498
Научные труды академика М.Р. Федотова 505
Приложение 525
Из фотоархива 549

Терентьев Владимир Михайлович

Духовное и научное наследие академика М.Р. Федотова

Книга 2

Редактор **А.П. Хузангай**

Компьютерный набор автора
Верстка *Н.П.Шутеевой*
Дизайн обложки *Н.Л.Лукиной*

Фотографии на обложке А.С. Абрамова

Подписано в печать 12.09.2011. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Гарнитура TimesET. Физ.печ.л. 36.
Тираж 60 экз. Заказ № К-211.

Отпечатано в типографии ИП Сорокина А.В.
«Новое Время».
428034, Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, 50/1.
Тел.: (8352) 41-27-98, 46-43-46.
E-mail: newtime1@mail.ru.

120.∞

ТЕРЕНТЬЕВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ кандидат философских наук, с 2004 года трудится для популяризации духовного и научного наследия академика М.Р.Федотова.

В 2008 году вышла первая книга из серии "Духовное наследие академика М.Р.Федотова". В течение нескольких месяцев был безвозмездно роздан весь тираж ученым языковедам и по библиотекам Чувашии.

По просьбе ученых в 2010 году эта книга переиздавалась небольшим тиражом.

Во вторую книгу "Духовное и научное наследие академика М.Р.Федотова" в третью главу включены научные статьи и рецензии академика, опубликованные в академических журналах "Известия АН СССР", "Советская тюркология" и "Советское финно-угроведение". И эта глава - "Чувашский язык в кругу тюркских и финно-угорских языков" составляет значительную часть книги.

Читатель найдет ответы на вопросы о происхождении чувашского народа, о взаимоотношении народов Поволжья и языкознания... Не остается равнодушным прочитав о происхождении местностей, сел, деревень, рек и озер.

В настоящее время В.М.Терентьев работает директором Благотворительного фонда имени академика М.Р.Федотова Чувашской Республики.